Ингеборг
ФЛЯЙШХАУЭР

ПАКТ

ГИТЛЕР, СТАЛИН И ИНИЦИАТИВА ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1938-1939

3 KX

Ингеборг
ФЛЯЙШХАУЭР

ПАКТ

ГИТЛЕР, СТАЛИН И ИНИЦИАТИВА ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

1938-1939

INGEBORG FLEISCHHAUER

DER PAKT

Hitler, Stalin und die
Initiative der deutschen
Diplomatie 1938–1939

ULLSTEIN

Ингеборг
ФЛЯЙШХАУЭР

ПАКТ

ГИТЛЕР, СТАЛИН И ИНИЦИАТИВА ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1938-1939

Перевод с немецкого

Вступительное слово
В.М. Фалина

Общая редакция и предисловие
Л.А. Безыменского

Москва
Прогресс
1991

ББК 63.3 (2) 722
Ф 74

Вступительное слово: В.М. Фалин

Общая редакция и предисловие: Л.А. Безыменский

Переводчики: Г.П. Бляблин, Н.А. Захарченко, В.Н. Прибытков, Е.И. Селиванова, В.М. Чернов

Редакторы: Г.П. Бляблин, Е.И. Селиванова

Художник: Ю.Н. Егоров

Фляйшхауэр И.

Ф 74 Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939: Пер. с нем./Вступ. сл. Фалина В.М.. Предисл. Безыменского Л.А. — М.: Прогресс, 1990. — 480с.

ISBN 5-01-003212-0

Советско-германский договор о ненападении 1939 года — в значительной мере итог целенаправленной деятельности напуганных авантюризмом и агрессивностью Гитлера ведущих сотрудников германского посольства в Москве и прежде всего посла Шуленбурга, в 1944 году ставшего активным участником заговора против фюрера. Опасаясь, что курс Гитлера приведет страну к гибели, они полагали, что с заключением пакта германская внешняя политика возвратится в лоно здравого смысла.

Ф $\frac{4703010400 - 088}{006(01) - 91}$ без объявлений ББК63.3(2)722

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Канун второй мировой войны остается темой бесчисленных публикаций. Это неудивительно. По причине как большого значения бушевавших тогда страстей, так и отсутствия четких ответов на обширный круг отнюдь не второстепенных вопросов. Реальность же такова: сведения, проливающие свет на пружины, двигавшие процессами той поры, на истинные мотивы поступков главных действующих лиц, по капле выцеживаются из архивов. И западных и восточных. Самым сокровенным и потому особо оберегаемым от стороннего взгляда документам, похоже, не суждено увидеть свет в текущем столетии. Исследователи обрекаются и дальше с превеликим тщанием собирать фрагменты исторической правды и, сравнивая, соразмеряя, сопоставляя их, отделять зерна от плевел.

Занятие чрезвычайно трудоемкое, часто неблагодарное и даже рискованное. Оно предполагает научную и интеллектуальную добросовестность, ибо в понятном стремлении изречь новое слово нелегко бывает устоять перед «озарением», подминающим факты и возвышающим мнение. Подтверждение этому — ряд произведений последних лет. В большинстве своем они не блещут серьезными научными достоинствами. Нередко из-под пера выходило не летописание того, что в действительности совершалось, а поделки, имеющие назначением обслуживание сиюминутных политических и идеологических интересов.

Тем большее удовольствие доставляет возможность представить читателю д-ра Ингеборг Фляйшхауэр и ее новую книгу. Это плод долгих и скрупулезных изысканий, которые вывели автора, в частности, на личный архив немецкого посла в Москве тех лет графа фон Шуленбурга, дотоле лишь частично известный науке. Это одновременно критический разбор на фоне строго выверенного исторического материала обильного каталога версий, осевших в исторических библиотеках и используемых в спорах. Это, наконец, дифференцированные и солидно фундированные суждения, касающиеся сути и взаимозависимости событий полувековой давности.

С чем-то можно спорить или соглашаться, где-то сама исследовательница избегает проставлять точки над «i». Но как бы то ни было, этому труду, видимо, суждено стать, используя специфическую терминологию, «эталонным произведением», обобщающим достигнутый на данный момент уровень знаний.

Несколько слов об Ингеборг Фляйшхауэр. Старт ее научной деятельности нес на себе печать личных впечатлений и переживаний, вы-

текавших из конфликта семьи с режимом в ГДР и отъездом на Запад. Без дополнительных комментариев ясно, что понадобились время и жизненный опыт, прежде чем в подходах к Советскому Союзу и его политике д-р Фляйшхауэр отточила искусство объемного видения.

Не могу умолчать еще вот о чем. Констатация, что И.Фляйшхауэр по праву входит в число лучших экспертов по проблематике рокового 1939 года, справедлива, но слишком лапидарна. Сильное впечатление в диалогах с нею производят эрудиция, способность ученого добираться до мельчайших деталей и не меньшее редкостная дисциплина памяти, склонность к системному анализу, открытость для деловой дискуссии, заведомо допускающей чужую правоту и лишь приглашающей доказать ее.

Достойный труд не нуждается в пространных рекомендациях. Предлагаемая книга сама за себя все скажет каждому непредвзятому читателю, готовому настроиться на внимательное, вдумчивое знакомство со сложной материей. У повествования своя интрига. Авторские симпатии и акценты тоже различимы; они, однако, на мой взгляд, не умаляют главного: д-р Ингеборг Фляйшхауэр не подлаживается ни к каким «историческим школам». Она делится знаниями, фактами, мыслями, которые находит важными для проникновения в былое и для адекватных выводов из прошлого. Делится щедро и честно, заведомо ожидая, что не только встретит понимание, но и навлечет на себя хулу. Особенно со стороны тех, кому и Платон не друг, и истина — обуза, коль не потрафляет спросу.

В.М.Фалин,
доктор исторических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не только книги, но и их замыслы имеют свою судьбу. Когда молодой историк из Бонна д-р Ингеборг Фляйшхауэр в середине 80-х годов задумала исследовать генезис советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, ничто не открывало ей особых перспектив. В историографии ФРГ эта тема уже давно отзвучала; не раз свое слово сказали английские и американские ученые. Западные документальные источники, казалось, были давно освоены. Да и сама Фляйшхауэр до этого занималась совсем иной сферой отношений между Германией и Россией, интересуясь историей «русских немцев» — от эпохи Екатерины Второй до наших дней. Правда, у нее было известное преимущество: она владела русским языком и имела за плечами учебу не только в Берлине, Гамбурге, Париже и Риме, но и в Ленинграде и Москве. Конечно, д-р Фляйшхауэр могла использовать в своем трудном предприятии советские источники, но и это едва ли спасало дело: источники были довольно скудны. Со времени выхода в свет в 1971 году сборника «СССР в борьбе за мир в канун второй мировой войны» и в 1981-м — двухтомника «Документы и материалы кануна второй мировой войны» скудный ручеек советских публикаций иссяк; издание «Документов внешней политики СССР» пресеклось на 1938 годе.

Однако если вспомнить слова Фридриха Второго, не только у солдата, но и у историка может быть Фортуна. Д-ру Фляйшхауэр повезло: она смогла получить у наследников бывшего немецкого посла в СССР графа Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга доступ к личному архиву посла. Более того: автор рискнул обратиться к владельцам куда более серьезного и обширного архива, а именно Архива внешней политики СССР с просьбой предоставить хотя бы некоторые «ключевые документы». В былые времена стучаться в ворота московского дипломатического Сезама было делом неблагодарным (впрочем, не только для иностранных, но и для отечественных историков). На этот раз врата не скажу открылись, но приоткрылись...

Я далек от мысли, что результаты того или иного исследования предопределяются внешними обстоятельствами, то есть наличием нового документального материала или уже освоенного историографического «потенциала». Если речь идет о концептуальном осмыслении и обобщении материала, вполне можно обойтись и тем, что уже найдено и опубликовано. Но в данном случае пора Ключевских или Трейчке не пришла.

Хотя с 1939 года миновало каких-нибудь полвека, этот роковой для Европы и всего человечества год нуждается в углубленном фактогра-

фическом изучении. В известном смысле мы стали свидетелями ситуации почти трагикомической: в фактах пока дефицит, а концепций было хоть отбавляй со всех сторон. Со стороны советской — концепция предопределенной в силу социалистической природы СССР целесообразности поведения Сталина, со стороны западной — концепция предопределенной своей демократической природой правоты действий Лондона, Парижа и Вашингтона перед лицом коварного Сталина (вкупе со злым Гитлером). Я намеренно «огрубляю» подходы, в которых предостаточно внутренних вариаций. В конечном счете возникло некое конфронтационное противостояние, в котором автоматически оказывался исследователь.

Ингеборг Фляйшхауэр счастливо убереглась в своем плавании между Сциллой и Харибдой. Она продемонстрировала способность соотносить свои суждения не с установившимися стандартами, давно принятыми в крупнейших странах Запада, а с выверенными фактами. Более того: не будет преувеличением сказать, что в координатах университетской западной науки труд Ингеборг Фляйшхауэр можно назвать диссидентским. Еще бы! Она решила поставить выводы своих авторитетных коллег на «испытательный стенд» исторических фактов, для чего избрала метод, который, пожалуй, ближе криминалисту, чем историку. Читатель найдет эту методологическую парафразу уже во введении, где автор ставит вопрос о генезисе пакта и предлагает четыре возможных ответа:

«1. Инициатива исходила от Сталина.
2. Инициатива исходила от Гитлера.
3. Сталин и Гитлер шли навстречу друг другу.
4. Инициатива исходила от германской дипломатии».

Все последующее содержание книги, построенное хронологически по периодам (завязывание расширенных торговых отношений — с 1.10.1938 по 31.1.1939; начало политических переговоров — 1.2 — 10.5.1939; замысел пакта о ненападении — 11.5 — 20.8.1939; заключение пакта — 21 — 23.8.1939), дает ответы — разумеется, не окончательные, но достаточно ясные — на сформулированные Фляйшхауэр вопросы. В этом главная ценность исследования.

Могут возразить: не схоластика ли это? Не все ли равно, «кто был первым»? Ведь результаты известны; как принято говорить, «печально известны»? Нет, это не схоластика: есть конкретное обстоятельство, которое заставляет видеть в подобной постановке вопроса не только «тяжбу о приоритетах».

Советско-германский договор от 23 августа 1939 года не оставался бы до сегодняшних дней столь спорным и не вызвал бы столь острых дискуссий во всем мире, если бы над ним не довлела глубочайшая неспособность государственного руководства сталинского типа — в силу присущей ему идеологии — говорить правду о своих действиях. Пакт родился в глубокой тайне — и не только от дипломатических партнеров СССР, но и от советского народа. Допустим, в 1939 году это предопределялось специфическими обстоятельствами предвоенного времени. Но в последующем, когда эти обстоятельства отпали? Увы, и

тогда советское руководство пошло по пути намеренного сокрытия как мотивов, так и самих фактов своей политики. Одно зло повлекло за собой другое. Возникла роковая традиция отрицания самого факта существования секретных соглашений, достигнутых в 1939-1940 годах, и, разумеется, в первую очередь, — отрицание существования секретных дополнительных протоколов к договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года.

В трудные годы второй мировой войны едва ли приходило кому-нибудь в голову начинать дискуссию о договоре и тем более о протоколах. Но даже в период своей абсолютной власти Сталин понимал взрывчатый характер этой темы и принимал специальные меры, чтобы она не получила развития. Как теперь документально установлено (материалы по этому вопросу находятся в ЦГАОР и были обнаружены Н.С.Лебедевой и Ю.Н.Зоря), в момент конституирования Международного военного трибунала в Нюрнберге был составлен специальный список вопросов, обсуждение которых считалось недопустимым. Справедливость требует отметить, что инициатива составления списка принадлежала не советской стороне, но она была немедленно подхвачена Молотовым и Вышинским (разумеется, с одобрения Сталина). Одним из пунктов был советско-германский пакт о ненападении.

Авторы списка как в воду глядели. В марте 1946 года по инициативе защитника Гесса д-ра Альфреда Зайдля (с американской подачи) тема договора и протоколов впервые появилась на свет в Нюрнберге. Правда, договоренность союзников сработала, и вопрос был свернут. Что касается советского обвинителя, он расценил акцию Зайдля как провокацию, а протокол — как фальшивку. Тем не менее раздался тревожный сигнал, и его эхом стало в апреле 1946 года изъятие оригиналов протоколов из архива МИД СССР. Они были переданы в личный архив В.М.Молотова и с тех пор бесследно исчезли.

Чисто гипотетически позволительно рассуждать: почему бы в 1945 году не сказать правду о протоколах или по меньшей мере не объяснить причины их составления? Ведь это была кульминация советского престижа в мире, и, казалось, можно было бы «рискнуть» закрыть брешь. Но это не укладывалось в стиль Сталина. Тем более уже начиналась «холодная война», и ее неумолимая логика требовала взаимных разоблачений, в том числе разоблачений «злобных происков Запада».

Заветы Сталина и Молотова перенял А.А.Громыко. Он не допускал никаких отклонений от категорического отрицания наличия протоколов. Как мне рассказывали, со стороны некоторых ученых и дипломатов (например, начальника Историко-дипломатического управления МИД СССР И.Земскова) предпринимались попытки убедить министра в ошибочности этой линии и дать возможность хотя бы «теоретически» допустить факт каких-то негласных советско-германских договоренностей. Вотще!

Вопрос о пересмотре советской позиции ставился и позже. Так, в 1987 году новое руководство МИД СССР вместе с рядом отделов ЦК КПСС предприняло попытку признать очевидные факты. Но это предложение не прошло по мотивам отсутствия оригиналов. Даже перед

самой кончиной А.А.Громыко, принимая весной 1989 года корреспондента гамбургского журнала «Шпигель» Фритьофа Майера, отрицал наличие протоколов и назвал их «фальшивкой».

Можно понять наших западных коллег, которые вовсе не из-за своего «антисоветизма», а на основании аутентичных, с их точки зрения, копий документов и многочисленных косвенных свидетельств говорили о существовании протоколов. Ход их мысли был примерно таков: если Советский Союз так упорно отрицает наличие протоколов, то не следует ли предполагать, что подобное отрицание отражает глубокую безнравственность и аморальность всего внешнеполитического курса СССР тех (и последующих) лет? Достаточно логичным им казалось предположить, что отрицание наличия протоколов имеет подоплекой инициативную роль Сталина в заключении сделок 1939 года.

Иными словами: своим неадекватным поведением мы сами навлекали на себя любые подозрения и сомнения. Абсурдная позиция по протоколам лишала советскую сторону возможности более точно интерпретировать предвоенную ситуацию и мотивы действий СССР.

...Книга Ингеборг Фляйшхауэр появилась на свет, когда спор о протоколах был окончен. Решения второго Съезда народных депутатов СССР освободили советскую внешнюю политику и науку от этой роковой «ипотеки» и дали возможность дискутировать по существу вопросов. Доклад, сделанный на съезде А.Н.Яковлевым, определил основные компоненты этой дискуссии, и можно надеяться, что читатель книги знаком как с глубоким анализом, так и с высоким нравственным вердиктом, вынесенным в докладе.

Теперь о самой книге. О, как хорошо, что миновали времена, когда при оценке работы западного («буржуазного») историка советский рецензент был обязан «давать отпор», «разоблачать» и так далее. В лучшем случае надо было, оценив достоинства книги, присоединить сакраментальное «в то же время» и пожурить исследователя, что он не указал на то-то и то-то, не воспринял основополагающие принципы марксистской методологии. Не буду использовать ничего из подобного «малого джентльменского набора» и охотно уступлю сию возможность иному читателю, ежели он этого пожелает.

Но вот проблема, которую хочется затронуть вовсе не из-за стремления «возразить». Книга именуется «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938 — 1939». Проблема отражена как в подзаголовке книги, так и в тех «вариантах», которые рассматриваются для определения инициативы в деле заключения пакта (Сталин, Гитлер, оба вместе, германская дипломатия). Я же спрашиваю себя: что такое «германская дипломатия»? Оправданно ли функциональное выделение дипломатии из общего баланса государственной политики тоталитарного нацистского государства?

Оговорюсь сразу: несостоятелен противоположный метод, давно укоренившийся в советской науке и догматически рисовавший нацистское государство единым монолитом, в котором все по отдельности и вместе взятые его элементы автоматически выполняли волю германского монополистического капитала и, следовательно, Гитлера. Конеч-

но, необходима дифференциация. Но где ее границы? Существовала ли «дипломатия» в годы Гитлера сама по себе? Существовали ли вообще автономные политические — в первую очередь элитарные — структуры в тоталитарном государстве?

Проблема преемственности и приспособляемости элит далеко не последняя в исследовании немецкого национал-социалистского государства и для понимания того, каким образом в столь краткий срок пришедшей в 1933 году к власти политической силе удалось консолидировать ту самую верхушку веймарской Германии, которая либо снисходительно, либо презрительно относилась к «богемскому ефрейтору» (так именовал Гитлера Гинденбург).

Нестор западногерманской исторической науки Фриц Фишер, снискавший себе высшую репутацию анализом германского империализма эпохи первой мировой войны, в своей вышедшей в 1979 году небольшой работе «Союз элит. К проблемам преемственности структур власти в Германии. 1871 — 1945» вскрыл секрет подобного превращения, проанализировав конечные цели, с одной стороны, НСДАП, а с другой — немецких промышленных, военных и дипломатических элит и установив у них поразительные совпадения. Да, «богемский ефрейтор» Гитлер смог показать и доказать своим скептически настроенным партнерам по власти, что именно он гарантирует им достижение политических целей, ревизующих итоги проигранной войны и ведущих Германию к европейскому, а затем и мировому господству. Генерал-полковник Вернер фон Фрич, презиравший фюрера (тот платил генералу тем же), в одном частном письме как-то вынужден был признать, что фактически Гитлер сделал то, чего хотел и сам Фрич, а именно: «выиграл битву» против рабочих и евреев. Еще важнее для генерала было то, что Гитлер вернул Германии военный суверенитет.

Две германские элиты весьма наглядно проделали путь преемственности и приспособления. Военная элита сделала это очень быстро. Если до 1933 года нацистам приходилось опираться лишь на некоторых генералов (Бломберга, Рейхенау), то к 1936 году высший генералитет уже не сомневался в своей ставке на Гитлера. Убрав с пути соперников (июнь 1934 года), генералитет в своей массе принял все, что предложил ему фюрер. Сомневающиеся же и умудренные опытом генералы типа Людвига Бека были вынуждены уйти в сторону.

А дипломаты? Пожалуй, ни в одном другом государственном ведомстве приход Гитлера не был встречен с таким скепсисом, как в старинном особняке на Вильгельмштрассе. Парвеню, крикун, экстремист да еще австриец, Гитлер не внушал доверия. Это было взаимное чувство. На первых порах Гитлер предпочитал использовать свои, «партийные инструменты» внешней политики — внешнеполитическое ведомство НСДАП Альфреда Розенберга, зарубежную организацию НСДАП Вильгельма Боле и, наконец, так называемое «бюро Риббентропа». Но медленно и верно дух нового рейха проникал в дипломатические кабинеты, а их обитатели все больше проникались нацистским духом.

К концу 30-х годов процесс слияния зашел так далеко, что Гитлер уже не боялся дипломатической «фронды». Все остатки добрых совет-

ско-германских отношений эпохи Рапалло были устранены; в германо-французских делах заправлял Отто Абетц, а Англию «взял на себя» сам Риббентроп. Он же в 1937 году сменил последнего представителя дворянской элиты Константина фон Нейрата на посту министра.

Конечно, в здании имперского министерства иностранных дел оставалось немало дальнозорких политиков, высококультурных и образованных людей. Призраки Бисмарка, Бюлова, Ратенау, Штреземана безусловно могли навещать чиновников, облачившихся в новую блестящую форму, введенную при Иоахиме фон Риббентропе. В конечном счете не случайно, что в рядах профессиональных дипломатов впоследствии оказалось немало участников заговора 20 июля. В МИДе многие видели роковую динамику гитлеровского курса на войну. Видели, но... одобряли многие действия фюрера, в особенности в отношении Чехословакии и Франции, а затем Польши и СССР. Фигура статс-секретаря Эрнста фон Вайцзеккера здесь оказалась наиболее трагичной: он до последнего момента надеялся «обуздать» фюрера, предлагая ему более умелые тактические ходы, а на практике становился соучастником в развязывании агрессии. Огромный интерес в этом плане представляют его дневники, изданные канадским историком Леонидасом Хиллом, и надо надеяться, что советский читатель когда-либо с ними познакомится.

Книга Фляйшхауэр тоже дает обширный материал для раздумий о «дуализме» души и действий как самого Вайцзеккера, так и его единомышленников. В груди многих дипломатов нацистского периода жили по «две души». Это раздвоение оказалось особенно характерным для тех, кто занимался германо-советскими отношениями. Судите сами: начиная с Рапалло и в течение начала 30-х годов германская дипломатия показала высокий класс профессионального и политического здравомыслия, поддерживая нормальные связи с Москвой. И вот приходит к власти партия, которая свою высшую цель видит в уничтожении Советского Союза! Руководство имперского министерства иностранных дел (Нейрат) довольно быстро усвоило новую максиму (в частности, убрало с поста статс-секретаря фон Бюлова, «хранителя» рапалльских традиций), но одновременно продолжало пользоваться услугами специалистов из того же круга лиц (Шуленбург, Надольный, Шнурре, Хильгер). В этом же круге и появилась в конце 1938 года идея оживления былых добрых отношений с СССР. Другое дело, что эта идея была обращена в свою противоположность, то есть не для стабилизации мира, а для подготовки войны. Здесь видим обратную метаморфозу «приспособления элиты», а именно: политическое руководство рейха приспособило для своих целей концепции, казалось бы, неприемлемые для него!

Это не означает, что мы должны отрицать честность и внутреннюю порядочность таких людей, как Шуленбург и другие его единомышленники. Фигура последнего довоенного посла в Москве заслуживает всяческого уважения и даже удивления. Ведь многое должно было свершиться в душе графа фон дер Шуленбурга, чтобы он 5 мая 1941 года предупредил заместителя наркома по иностранным делам Дека-

нозова о предстоящем нападении Германии на СССР! Насколько мне известно, д-р Фляйшхауэр продолжает работу над архивом Шуленбурга и готовит новую книгу, посвященную периоду от 23 августа 1939 года до 22 июня 1941 года. Будем с нетерпением ждать публикации.

Сейчас пришло время, когда с созданием единого германского государства складываются предпосылки для углубленного изучения богатой и противоречивой истории советско-германских отношений. Этому должно помочь распространение принципа гласности на советские архивы. Объединенные усилия историков, архивных работников, политологов, философов обеих стран должны дать нам не искаженную политическими предрассудками, фактически полную и концептуально целостную картину. Книга д-ра Фляйшхауэр — добрый предвестник в этом большом деле.

Лев Безыменский

Сегодня яснее, чем в 1939 году, видно, что недостаточность предпринимавшихся перед войной дипломатических усилий (которым в известной мере были присущи и добрая воля и настойчивость) объяснялась прежде всего отсутствием глубокой моральной защитной реакции против абсурдного и жестокого гитлеризма.

Европе, своевременно не оказавшей ему должного сопротивления, пришлось претерпеть все более решительные и дерзкие индивидуальные действия германского диктатора. Никогда прежде история человечества не определялась в такой степени исключительно произволом одного человека... С этого момента дипломатия была уже не в состоянии обуздать волю Гитлера.

Григоре Гафенку
«Последние дни Европы» (1946)

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА: ОТ КОГО ИСХОДИЛА ИНИЦИАТИВА?

Заключенный ранним утром 24 августа 1939 г. пакт Гитлера — Сталина, называемый также по имени подписавших его лиц пактом Молотова — Риббентропа, окончательный текст которого был согласован 23 августа 1939 г. и датирован этим днем, стал вехой на пути германского вторжения в Польшу, а следовательно, и развязывания второй мировой войны.

Этот пакт не давал покоя ни ученым, ни публицистам с того самого момента, когда стали известны шаги, предшествовавшие его заключению[1]. Учитывая огромное политическое влияние документа, поражает тот факт, что при рассмотрении истории его возникновения мировой науке до сих пор не удалось преодолеть противоречивые взгляды и подняться до более рационального единого мнения. Историки Востока и Запада, как еще в середине 60-х годов с пессимизмом исследователя и иронией просвещенного наблюдателя заметил Вальтер Лагер[2], по-прежнему спорят о том, кто «являлся инициатором заключения пакта о ненападении: Гитлер или Сталин». Подобный спор ведется с давних пор не только между «Востоком и Западом», но и среди историков затронутых этим пактом государств. В последнее время в процесс прояснения его подоплеки и значения включились публицисты и широкая общественность стран Восточной Европы, до сих пор испытывающих на себе последствия сделки; массовые манифестации требуют публикации текстов пакта и протоколов. Для историков это и неожиданная и приятная новость. Когда это было, чтобы четверть миллиона заинтересованных граждан вышли на улицу и потребовали опубликования текста дополнительного протокола к договору пятидесятилетней давности, заключенному между двумя другими государствами, как это впервые произошло в литовской столице 23 августа 1988 г.![3]

Академической историографии бывших стран-участниц (СССР и Федеративной Республики Германии — правопреемника «третьего рейха») с трудом дается осмысление этого специфического отрезка их общей истории. В то время как в страстных дискуссиях советских историков последних лет между резко противоположными позициями приверженцев традиционной точки зрения и *перестройщиков* постепенно выкристаллизовывается сглаживание противоречий, немецкие историки все еще уверены в полной безопасности своих исследований 50-х и 60-х годов, касающихся этих проблем, и упускают из виду большое количество опубликованных между тем в СССР материалов, отражаю-

щих различные мнения. Они рискуют отстать от нового массированного прорыва в познании.

Главный вопрос международных дискуссий вокруг пакта Гитлера — Сталина сводится к выявлению инициатора этого беспрецедентного нарушения норм международного права. Стараются определить — как это тщетно пытался сделать ведущий первых германо-советских телевизионных дебатов[4], — от кого исходила инициатива заключения пакта. И вовсе не случайно взгляды по данному вопросу по-прежнему далеко расходятся.

I тезис: инициатива исходила от Сталина

Большинство немецких авторов как прежде, так и теперь при описании обстоятельств возникновения пакта высказывают мнение, что Сталин, с относительным постоянством искавший договоренности с национал-социалистами, с осени 1938 г., оправившись от потрясения, вызванного Мюнхенским соглашением, настолько интенсифицировал свои попытки к сближению с Германией, что Гитлеру, готовившему летом 1939 г. вторжение в Польшу, оставалось лишь откликнуться на неоднократные предложения, чтобы заключить столь желанный для советской стороны договор. Эта точка зрения является продолжением прежних утверждений национал-социалистов. Манера ее изложения нередко создает впечатление, будто кому-то хотелось бы приуменьшить тяжесть вины Германии за развязывание войны и переложить эту вину на жертву германского военного планирования.

При более детальном рассмотрении становится ясно, что данный тезис покоится на недопустимом смешении различных историко-политических временных уровней, с одной стороны, а также на недостаточном различии между договором о ненападении как таковым и этим особым, целенаправленным, разбойничьим союзом — с другой . Кроме того, подтверждающие тезис доказательства будут до тех пор считаться недостаточными, пока все еще закрытые для исследования источники не представят новых сведений относительно замыслов и решений Сталина, подкрепляющих подобное заявление. Однако по целому ряду причин сомнительно даже само существование этих источников.

Прямые письменные свидетельства такого рода вряд ли имеются, поскольку Сталин, как известно, не позволял делать записи или составлять протоколы, да и другие его поручения выполнялись в устной форме. Неподчинение установленному порядку было практически невозможным, если учесть применявшиеся им в ходе «больших чисток» методы идеологизации служебного аппарата. Косвенные же доказательства, если они когда-либо и были, едва ли могли пережить психологический катаклизм Сталина и внутренние пертурбации Кремля, которые имели место после нарушения Германией договора и ее вторжения в СССР. Мало надежды и на дополнительные косвенные доказательства, например на рассказы очевидцев. Подобно отдельным воспоминаниям В.М.Молотова, А.И.Микояна, изложен-

ным в письменном виде, или устным высказываниям переводчика Павлова, они в силу ряда причин (сохранившаяся лояльность, особенности языка и запреты) едва ли обогатят нас принципиально новыми сведениями.

Таким образом, серьезный исследователь вынужден оставить в стороне, как не имеющий ответа, главный вопрос, касающийся доказательств соответствующих решений Кремля. Но это не дает ему права, пользуясь отсутствием нужной документации, пускаться в безудержные спекуляции относительно целей и намерений Сталина, как это охотно делали исследователи в послевоенные годы. Сегодня ученый обязан учитывать и другие, весьма существенные точки зрения, которые ставят под серьезное сомнение упоминаемый выше тезис.

Согласно одной из них, нет абсолютно никаких доказательств постоянных «предложений» Сталина правительству Гитлера, нацеленных на установление особых политических отношений. Документально подтверждаемые предложения, касающиеся договорного закрепления двусторонних отношений, Сталин сделал гитлеровскому правительству только в тот период, когда консолидация последнего еще казалась незавершенной, а внешняя политика — окончательно не определившейся.

Смысл и цели этих первоначальных предложений Сталина исследователям в достаточной мере ясны[5]. Двусторонние отношения между СССР и Веймарской Германией, урегулированные Рапалльским (1922) и Берлинским (1926) договорами, еще при правительстве Брюнинга и Папена подверглись тяжелым испытаниям, что привело к растущему отчуждению в отношениях связанных договорами сторон. Приход Гитлера к власти вовсе не способствовал повороту этого процесса вспять. Советское правительство вполне осознавало всю серьезность происходящего и именно поэтому заняло сугубо осторожную и выжидательную позицию. В сфере политики безопасности правительство СССР уже летом 1933 г. сделало первые кардинальные выводы. Оно (а не германское правительство, как считают многие) отказалось от сотрудничества между Красной Армией и рейхсвером[6]. Все более пессимистически оценивая планируемую Гитлером восточную политику, Советское правительство в первый же год всеми силами стремилось уяснить для себя ее перспективные цели. Как показывает речь Сталина на XVII съезде партии, произнесенная 26 января 1934 г., правительство СССР, с одной стороны, считало возможным на идеологической основе более тесное слияние целей Гитлера и других заинтересованных групп (например, рейхсвера) — предположение, которое самое позднее после путча Рема лишилось всякого основания. С другой стороны, советское руководство, приободренное позицией германской дипломатии[7] и министерства иностранных дел, возможно, надеялось, что под влиянием жестких условий реальной политической власти Гитлер умерит свой пыл и перейдет от политики провокационных высказываний к политике сдержанных поступков. Но с выходом Германии 14 октября 1933 г. из Лиги Наций эта надежда ста-

ла сомнительной, а после отклонения советских предложений исчезла окончательно.

В ходе переговоров Советское правительство пыталось заставить Гитлера раскрыть его подлинные намерения в Восточной Европе. При этом СССР интересовали прежде всего два вопроса: планы Германии в отношении Прибалтики и Украины (как видно, тогда Советское правительство еще не поняло, что Гитлер метил на все Советское государство). Что касается Украины, то дверь перед любыми дальнейшими попытками наладить диалог по данному вопросу захлопнул подписанный 26 января 1934 г.[8] германо-польский пакт о ненападении, содержавший, как подозревало правительство СССР, и договоренности по Украине. В связи же с проблемой Прибалтики Советское правительство 28 марта 1934 г., или через два месяца после заключения германо-польского пакта, вновь со всей ясностью поставило этот принципиальный вопрос[9], предложив германскому правительству, несмотря на предупреждения Надольного о бесполезности демарша, выступить с совместным германо-советским заявлением о незыблемости суверенитета Прибалтийских государств.

Из безальтернативного категорического отклонения германским правительством предложения о предоставлении гарантий Прибалтийским странам — последней попытки СССР достичь двусторонней стабилизации внешнеполитических отношений — Советское правительство сделало, по словам Литвинова, «необходимые выводы». Предпринятые в июне 1934 г. Литвиновым совместно с французским министром иностранных дел Барту шаги, имевшие целью вовлечь Германию в многостороннюю систему Восточного пакта (в соответствии с идеей «Восточного Локарно»[10]), что, по мнению СССР, сделало бы войну невозможной и таким обходным путем решило бы проблему безопасности России в Прибалтике, означали окончательный отказ советской стороны от всяких усилий по налаживанию двусторонних отношений. Как и следовало ожидать, эта попытка также не имела успеха.

В конце лета 1934 г. Советское правительство, действуя в условиях царивших в Москве гнетущих предвоенных настроений, приняло первые ощутимые меры по обеспечению внутренней безопасности и предупреждению *casus belli*: оно ввело регистрацию и «паспортизацию» всех проживающих в СССР немцев и постановило с 1 января 1935 г. выселить советских немцев из западных приграничных областей, заблаговременно «нейтрализуя» тем самым потенциальную «пятую колонну»[11].

Эти и другие внутриполитические мероприятия, явившиеся началом «большой чистки», сопровождались коренной внешнеполитической переориентацией. Теперь Сталин использовал сами по себе хотя и слабые, однако при известных условиях перспективные для создания системы «коллективной безопасности» возможности Лиги Наций, вступив в нее 18 сентября 1934 г., и вошел — не в последнюю очередь под впечатлением введенной в Германии 16 марта 1935 г. всеобщей воинской повинности — в более трудный и менее

удовлетворяющий в политическом плане союз с Францией (2 мая 1935 г.) и Чехословакией (16 мая 1935 г.)[12]. По мнению министерства иностранных дел Германии[13] и особенно ее дипломатии в России, именно тогда «закончилась политика свободы выбора, политика неприсоединения, которая до тех пор представлялась Советскому Союзу желаемой целью»[14].

Тот факт, что Советское правительство, несмотря на злобные выпады нового германского правительства против большевизма и на открытую пропаганду ревизионистских восточных планов Гугенберга и Розенберга, так долго занимало выжидательную позицию, объясняется отчасти подспудной активностью министерства иностранных дел и германской дипломатии в России. И хотя пока нет достоверных доказательств того влияния, которое они через Нейрата оказывали на нового канцлера Германии в первые три года его правления с целью по меньшей мере формального сохранения добрососедских отношений[15], создается впечатление, что поначалу Гитлер позволял склонять себя к сдержанности. Вместе с тем бросается в глаза некоторая переоценка собственных возможностей сотрудниками министерства иностранных дел — бывшим статс-секретарем Бернхардом Вильгельмом фон Бюловом и последовательно сменявшими друг друга руководителями восточного отдела министерства Рихардом Майером[16], Андором Хенке (1935 — 1936) и Рёдигером, а также послом в Москве (1933-1934) Рудольфом Надольным[17]. Постепенно им пришлось признать, «что сдержанность в русской политике Гитлер проявлял с большой неохотой и что она не являлась результатом политического благоразумия... Началась невидимая внешнему миру борьба, которую министерство иностранных дел вело против национал-социалистской концепции восточной политики вплоть до безвременной кончины статс-секретаря фон Бюлова в начале лета 1936 г. ...Противоречие между Гитлером и министерством иностранных дел являлось, по сути, противоречием между понимающим свою ответственность аппаратом и политическим демагогом, который,пренебрегая политическим и историческим опытом, считал возможным формирование внешней, и прежде всего восточной, политики в соответствии с собственными мировоззренческими концепциями. К сожалению, со смертью Бюлова и приходом на Вильгельмштрассе Риббентропа эта борьба преждевременно закончилась. Вместе с Бюловом в Троицын день 1936 г. умерло старое министерство иностранных дел».

Упомянутым выше влиянием, по свидетельству Майера, объясняется умеренное программное заявление о России, сделанное Гитлером в его первом выступлении в рейхстаге 23 марта 1933 г. «После долгих споров Гитлер согласился сделать сформулированное министерством иностранных дел заявление», в котором правительство Германии выражало свою «готовность поддерживать с Советским Союзом дружественные, полезные для обеих сторон отношения». Это лицемерное, для самого Гитлера ничего не значившее заявление временно вселило в Советское правительство надежду и дало министерству иностранных дел «формальное право... под свою ответственность строить отношения с

Советским Союзом, отвергать притязания партии, приуменьшая значение неистовых речей ее руководителей».

Вторым успехом министерства иностранных дел явилась ратификация протокола о продлении Берлинского договора, последовавшая 6 мая 1933 г. «после некоторых споров... без особых трудностей... Для Гитлера то был всего лишь формальный акт, который помог избежать ожидавшихся резких осложнений»[18].

Как бы ни оценивалась степень воздействия на внутреннюю и внешнюю политику попыток министерства иностранных дел повлиять на Гитлера, после полного крушения взятой на себя послом Надольным и одобренной министром иностранных дел Нейратом миссии возможности такого воздействия практически были исчерпаны. Советское правительство немедленно сделало соответствующие выводы. С отставкой Надольного закончился период выжидания и надежды на восстановление особых отношений на двусторонней основе.

На следующем этапе германо-советских отношений, который продолжался до подписания 25 ноября 1936 г. антикоминтерновского пакта, никаких советских «предложений», касавшихся специально урегулирования отношений с Германией, больше не было. Напротив, советская внешняя политика уже полностью причислила Германию к государствам с противоположным социальным строем, принципы «мирного сосуществования»[19] с которыми Сталин сформулировал еще в 1925 г. И если теперь официальные и неофициальные представители Советского правительства в стереотипных выражениях заявляли о желании СССР поддерживать «хорошие отношения со всеми государствами, в том числе (!) и с Германией»[20], то при этом они исходили из общих принципов своей политики безопасности, проводимой в отношении капиталистических государств, которая во главу угла ставила «безопасность для обеспечения внутренних преобразований»[21], то есть форсированного процесса индустриализации, а затем и вынужденного вооружения.

Вполне возможно, что Сталин в глубине души надеялся на перемены в государственном устройстве, на изменения в расстановке сил в Германии, а также на то, что Гитлер «одумается» и что поэтому до реализации радикальных восточных планов национал-социалистов дело не дойдет[22]. Но в своей практической внутренней и внешней политике Сталин совершенно недвусмысленно приспосабливался к новым реальностям.

И только исключительно заинтересованные в улучшении германо-советских отношений (в смысле восстановления особого статуса) германские представители могли в отдельных общих положениях советской «политики мира» уловить конкретные «предложения» германской стороне. Приверженцы ориентированной на Россию политики в министерстве иностранных дел и в некоторых других ведомствах, как, например, министр финансов Шахт, напуганные растущим авантюризмом Гитлера, обладали такой способностью. Так называемые предложения Сталина о восстановлении «сотрудничества между Германией и Россией в полном объеме»[23], переданные, согласно немецким источ-

никам, за период с 1935 до начала 1937 г. Рёдигеру и Андору Хенке через поверенного в делах Советского Союза Бессонова, а также имперскому министру финансов Шахту[24] через руководителя советского торгпредства в Берлине Канделаки, при более внимательном рассмотрении и сопоставлении с советскими записями соответствующих бесед представляются не чем иным, как преднамеренной, слишком вольной интерпретацией фактов теми представителями политических кругов Германии, которых все больше тревожил реваншизм Гитлера и которые полагали, что активная германская политика в отношении СССР стала бы главным стабилизирующим фактором. Не случайно представители Германии на переговорах по экономическим вопросам, занимавших важное место в советской «политике мира», осторожно вели зондаж в данном направлении.

Тот; кто, несмотря на чрезвычайно противоречивый характер имеющихся документов и других источников, все же склонен полагать, что инициатива первоначальных дипломатических демаршей и последующего неофициального зондажа исходила от советской стороны, должен по крайней мере признать, что антикоминтерновский пакт представлял собой на этом пути серьезное препятствие[25]. Правда, очевидцы из числа аккредитованных тогда в Москве германских и других дипломатов, основываясь на собственных наблюдениях, высказывали предположение, что и после обнародования содержания антикоминтерновского пакта Советское правительство было готово к укреплению своего международного положения и улучшению германо-советских отношений путем заключения двусторонних соглашений с Германией. В дальнейшем к такой точке зрения склонялся в своих воспоминаниях, изданных в период «холодной войны», Густав Хильгер[26]. Подобное предположение высказывали и другие западные дипломаты, например бывший американский посол Джозеф Дэвис[27], ссылавшийся на «мнение некоторых из находившихся здесь долгое время дипломатов», и французский посол Робер Кулондр[28], опиравшийся на личные наблюдения. Вслед за ними вопрос о наличии готовности Советского правительства к оживлению торговых связей с целью возобновления политических переговоров с Германией даже в период между заключением антикоминтерновского пакта и Мюнхенским соглашением, не имея доказательств, но по меньшей мере в качестве гипотезы, обсуждали и ученые историки[29].

Еще сложнее обстоят дела с доказательствами, относящимися к периоду после подписания 1 октября 1938 г. Мюнхенского соглашения. И хотя поборники указанного выше тезиса № 1 — а это прежде всего журналист Анджело Росси, которого не следует путать с итальянским послом в Москве Аугусто Росси[30], и особо ревностный шведский историк Свен Аллард[31] — утверждали, что Сталин «сразу же после Мюнхенского соглашения и еще интенсивнее с декабря 1938 г. (Росси), а также «в конце1938 и начале 1939 г.» (Аллард) вновь предпринял «серьезные попытки» добиться соглашения с Германией, но никаких фактов в подтверждение своих слов они не привели.

Не в лучшем положении с точки зрения доказательств находятся также историки, воспринимающие отчетный доклад Сталина XVIII съезду ВКП(б), сделанный им 10 марта 1939 г., как прелюдию к новой советской инициативе, направленной на сближение с Германией. Их число велико[32]. Однако на размышление наводит то обстоятельство, что дипломатические и политические наблюдатели, с огромным вниманием следившие в Москве за этим выступлением, не усмотрели в нем каких-либо изменений сталинского курса в направлении возможных предложений германскому правительству. При более внимательном изучении создается впечатление, что эта речь, названная западными кремленологами «каштановой», в которой Сталин — в западном толковании и переводе — отказался «таскать из огня каштаны» для западной демократии (в русском тексте речи это выражение отсутствует), лишь ретроспективно и только в свете последующих событий приобрела то особое значение, которое ей первоначально едва ли было присуще.

Однако с начала 50-х годов главными аргументами сторонникам рассматриваемого тезиса, согласно которому инициатива к заключению пакта о ненападении исходила от Сталина, служат события первой половины 1939 г., и прежде всего переговоры чиновников министерства иностранных дел, аппарата Риббентропа и лично министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа с советскими официальными лицами в Берлине, а также сотрудников германского посольства в Москве с представителями Советского правительства, завершившиеся в конце концов на третьей неделе августа 1939 г. представлением советского проекта пакта о ненападении, а затем, после урегулирования территориальных вопросов для дополнительного протокола, и подписанием договора. Утверждение о том, что Советский Союз являлся на переговорах активной стороной, родилось позже, во времена «холодной войны». Его выдвигали главным образом лица, не имевшие непосредственного отношения к германо-советским переговорам. Уильям Стрэнг[33], главный английский представитель на прошедших перед тем без всяких результатов англо-франко-советских политических переговорах, один из первых, не имея никаких доказательств, заявил, что «зондаж возможности улучшения советско-германских отношений начала советская сторона весной 1939 г. после выступления (sic) Сталина 10 марта 1939 г.». Несерьезными и тенденциозными следует считать и утверждения д-ра Петера Клейста[34], столь же неудачливого в своих действиях сотрудника аппарата Риббентропа, который в Германии присвоил себе функцию главного свидетеля. Ради сотворения собственного мифа Клейст оказал науке медвежью услугу, последствия которой многие исследователи ощущают и по сей день. По словам Клейста, после выступления 10 марта 1939 г. Сталин уже в апреле начал «зондировать» в Германии, а с мая стал еще более «откровенным».

Значительная часть немецкой и немецкоязычной историографии использовала те же самые доводы, нередко с удивительным упорством. Помимо упоминавшейся работы Свена Алларда[35], сюда можно отне-

сти исследования прежде всего Филиппа Фабри[36], Вальтера Хофера[37], Ф.А.Круммахера и Гельмута Ланге[38], И.В.Брюгеля[39]. Неоднократно и страстно об этом говорил Андреас Хильгрубер[40], который в последний раз вместе с Клаусом Хильдебрандом «совершенно определенно» отстаивал мысль о том, что главным для Сталина было «стремление не предотвратить войну, а косвенным путем подтолкнуть к ней, используя Гитлера в качестве исполнителя, обеспечивающего ее развязывание»[41]. Подобная интерпретация базируется, как правило[42], не только на использовании без достаточной критической оценки немецких документов и свидетельств, касавшихся тех событий, но и на произнесенной в 1925 г. речи Сталина. В ней он якобы говорил о будущем военном превосходстве Советского государства, которое в роли смеющегося третьего будет наблюдать за уничтожающими друг друга в смертельной схватке капиталистическими державами. В связи с данной речью необходимо по меньшей мере указать на то, что она была произнесена в совершенно иных внутриполитических и международных условиях[43].

Если оставить без внимания зачастую слишком явную идеологическую подоплеку и психологическую потребность переложить ответственность на другую сторону, то тезис о возникновении пакта Гитлера — Сталина, согласно которому инициатива исходила от Сталина, имеет прежде всего три недостатка:

1) смешивание общих принципов советской политики «мирного сосуществования» с целенаправленными «предложениями» в адрес Германии;

2) некритическое использование немецких документов в качестве основы;

3) недостаточное различие между законной заинтересованностью советской стороны в достижении (оборонительного) соглашения о ненападении, с одной стороны, и фактическим вступлением в (наступательный по своим последствиям) союз с целью раздела (военными средствами) сфер политического влияния — с другой.

II тезис: инициатива исходила от Гитлера

Поборники этого прямо противоположного тезиса могут привести более веские доказательства. Подобная точка зрения основывается на большом количестве не вызывающих сомнения сообщений очевидцев, и ее сторонники предпочитают держаться подальше от мнимой очевидности недостаточно исследованных источников и документов. Здесь реже, чем в первой группе, проявляется идеологическое начало. По крайней мере идеология не выступает в качестве *deus ex machina*, восполняющей существующие пробелы в знаниях.

Свидетельские показания, в которых ответственность за заключение пакта возлагается на Гитлера, частично родились в непосредственном временном контексте германских контактов, а частично вскоре после них. Так, 18 июня 1939 г. статс-секретарь министерства ино-

странных дел Эрнст фон Вайцзеккер отметил в своем дневнике, что, помимо Японии, германская «игра» прежде всего касалась России. Он писал: «Мы делаем авансы... Русские, однако, все еще очень недоверчивы»[44]. Руководитель бюро Риббентропа д-р Эрих Кордт позднее сообщил: «Как известно, Гитлер ... распорядился провести предварительный зондаж», который, однако, долгое время не давал «никаких конкретных результатов»[45]. В конце мая 1939 г. посол Фридрих Гаус узнал от Риббентропа, что «с некоторых пор Адольф Гитлер размышляет над тем, чтобы попытаться» наладить новые отношения с СССР. Он приказал «выяснить, пойдет ли СССР на это»[46]. Доктор Карл Юлиус Шнурре, заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел, имея в виду порученный ему зондаж советской стороны, уверенно заявляет, что именно Гитлер в конце июля 1939 г. решил «проявить инициативу в отношении Советского Союза»[47].

После подписания пакта об «удачном ходе», о победе Гитлера, домогавшегося расположения Сталина с начала лета 1939 г., помимо самого посла[48], с позиций германского посольства в Москве говорил и военный атташе генерал Кёстринг[49]. Уполномоченный по экономическим вопросам, а впоследствии советник посольства Густав Хильгер, будучи в курсе проходивших в Берлине и Москве переговоров, мог сообщить, что где-то в конце июля 1939 г. Гитлер совершенно определенно решил «взять на себя инициативу в налаживании взаимопонимания с русскими»[50].

Еще в военные годы подобной точки зрения придерживались многие западные исследователи. Так, в 1941 г. Фредерик Л.Шуман писал об «обхаживании нацистов», которое, как он предполагает, началось в марте 1939 г. и стало прямо-таки «пылким» после отставки Литвинова 3 мая 1939 г.[51] Джон Уилер-Беннетт утверждал в 1946 г., что с апреля 1939 г. Гитлер предпринял усилия, чтобы ценою значительных уступок Сталину купить советский нейтралитет, но что Сталин еще некоторое время продолжал проявлять недоверие[52]. Двумя годами позднее Л.Б.Намир согласился с подобным мнением и подчеркнул, что Советский Союз, если смотреть объективно, в силу своей позиции, идеологии и тактики не был заинтересован в поспешном принятии германских предложений[53]. И наконец, свидетельства в пользу гипотезы о «заигрывании немцев» со Сталиным проанализировал Уатт. Он засвидетельствовал высокую степень правдоподобия этой гипотезы, однако указал на нехватку необходимых для окончательного подтверждения материалов[54].

Из числа немецких историков такую же точку зрения высказал в 1959 г. в своей речи в Бонне по случаю вступления в должность Макс Браубах[55]. К ней приблизился, исследуя обстоятельства возникновения пакта, и Георг фон Раух, который констатировал: «Побуждающей стороной на германо-советских переговорах был, бесспорно, Гитлер. Нетерпение... относительно дальнейших насильственных приобретений здесь очевидно»[56].

Вплоть до недавнего времени такого же взгляда полностью придерживалась и советская историография. В период сталинизма ее объективность страдала от превалирующей заинтересованности в национальном самоутверждении. Во время первой либерализации официальных установок для исторических сочинений при Н.С.Хрущеве о «германских авансах», «германской дипломатической оффензиве» и о «речах нацистской сирены»[57] заговорил главный свидетель того времени, бывший посол СССР в Лондоне И.М.Майский. Ему вторили другие советские историки. В изданной в 1962 г. и ныне во многом устаревшей «Истории Великой Отечественной войны» говорится о решении «германского правительства» «отсрочить войну против СССР». Поэтому оно «проявило инициативу в достижении договоренности с Советским Союзом» ,то клянясь в «дружественных чувствах», то прибегая к «прямым угрозам»[58].

О «германском зондаже», о «неоднократных предложениях» германского правительства вступить в переговоры писали в том же году в журнале «История СССР» И.К.Кобляков[59], а в 1968 г. — в книге «Особая папка ''Барбаросса''» Лев Безыменский[60]. Авторы переведенной в 1969 г. на немецкий язык «Истории внешней политики СССР»[61] особо отметили, что после предшествовавшего зондажа, осуществленного через Вайцзеккера, Шуленбурга и Шнурре, Советскому правительству «в тяжелых условиях» лета 1939 г. было предложено «заключить договор о ненападении». У СССР будто бы не было иного выбора, кроме как согласиться с этим предложением. Так выглядела в сжатой форме классическая советская аргументация. Она лежала в основе соответствующих разделов изданной в 1970 г. «Истории КПСС»[62]. В 1972 г. в журнале «Вопросы истории» эту точку зрения развил И.Ю.Андросов[63], назвавший прямолинейную, по его мнению, манеру немецкого подхода «фронтальным зондажем»; ее же в 1979 г. подробно, с привлечением советского документального материала изложил и обосновал латвийский коллега В.Я.Сиполс[64]. И завершая этот далеко не полный список, следует упомянуть И.Ф.Максимычева, который в 1981 г. отверг «утверждение, будто СССР проявил инициативу к... переговорам с Германией», и подчеркнул, что то был германский зондаж советской позиции, и ничто иное»[65]. В подтверждение он, как это сделали до него Майский, Сиполс, Андросов и др., подробно проанализировал главные обстоятельства установления германо-советских контактов и содержание предварительных переговоров и довольно убедительно обосновал свою точку зрения. В своей последней новаторской работе «За несколько месяцев до 23 августа 1939 г.»[66], опубликованной в мае 1989 г., В.Я.Сиполс впервые обнародовал большое количество архивных материалов Министерства иностранных дел СССР, цитируя главное из этих документов, что явилось обнадеживающим предвестником 22-го тома «Документов внешней политики СССР», охватывающих 1939 г., который с большим интересом ожидает ученый мир с момента выхода в свет в 1977 г. 21-го тома, содержащего материалы, относящиеся к 1938 г.

С постепенным признанием существования дополнительных секретных протоколов к договору о ненападении в СССР устранено препятствие, сильно стеснявшее советскую историческую науку и мешавшее публикации документов[67], хотя некоторые советские историки, не замеченные западной общественностью и критикой, уже давно обошли это табу и косвенным образом указали на существование тайных территориальных сделок. Так, в первой послевоенной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945гг.» говорилось, что в условиях лета 1939 г. Советское правительство видело в договоре единственную возможность спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Поэтому правительство СССР добилось от Германии «обязательства не переступать линии рек Писа, Нарев, Буг, Висла, Сан»[68]. Но вопрос о характере обязательств оставался открытым и после сделанного В.Я.Сиполсом в конце 70-х годов следующего уточнения: «Поскольку Германия была весьма заинтересована в заключении договора о ненападении, Риббентроп в ходе переговоров принял определенные дополнительные (односторонние) обязательства. Сознавая, что для Советского Союза было особенно важно защитить от агрессии примыкающие к его западным границам области (Прибалтику, Западную Украину, Бессарабию и т.д.), Риббентроп гарантировал, что Германия будет уважать неприкосновенность этих территорий»[69].

Таким образом, Сиполс уже пробил брешь в стене отрицания, которую советские историки с наступлением периода гласности быстро заполнили дополнительным содержанием. В начавшихся поисках, касавшихся формы и существа достигнутых в тот период договоренностей, камнем преткновения сразу же стал вопрос о подлинности пока единственного известного текста секретного дополнительного протокола, заснятого Карлом фон Лёшем на пленку в 1944 г. вместе с другими важными документами, подлежавшими уничтожению. Снимки немецкого альтерната этого протокола (на русском и немецком языках) хранятся в политическом архиве министерства иностранных дел в Бонне[70]. Сложности с признанием подлинности сфотографированного документа усугублялись и тем, что подписавший его Молотов — на фоне отказа советской стороны обсуждать этот протокол на Нюрнбергском процессе — наложил на советскую дипломатию того времени обет молчания[71]. По этой причине советским дипломатам труднее, чем историкам, давалось постепенное признание подлинности протокола. Статья Валентина Фалина[72], а также его выступления в организованной Агентством печати «Новости» в августе 1988 г. в Москве дискуссии на тему «Европа перед второй мировой войной»[73] отражали агностическую позицию.

Первым из советских историков за безусловное признание подлинности этих документов высказался в конце сентября 1988 г. в газете «Советская Эстония» Юрий Афанасьев[74]. К этой точке зрения присоединились М.Семиряга[75], В.Кулиш, Х.Арумяе. В первые месяцы 1989 г., знаменующего 50-ю годовщину трагической даты 23 августа 1939 г., ряд советских дипломатов и ученых-историков, занимаю-

щихся этими вопросами, сошлись во мнении, что в отсутствие подлинников документов можно по крайней мере констатировать, что предыстория, дальнейшие события и более поздние советские публикации свидетельствуют об обоюдном точном соблюдении той линии раздела, которая указана в единственной известной копии (предполагаемого) протокола. Эта точка зрения была обоснована начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР Ф.Н.Ковалевым[76] в откровенной дискуссии на заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики 28 марта 1989 г. Советско-польская комиссия историков в своих предварительных выводах в мае 1989 г. также указала на то, что «последующее развитие событий и дипломатическая переписка (дают) основание заключить, что договоренность, касающаяся сфер интересов двух стран (примерно вдоль линии рек Писа, Нарев, Висла, Сан), в определенной форме была достигнута в августе 1939 года»[77].

После многочисленных публикаций в журналах Прибалтики[78] впервые русский текст немецкого альтерната попал в центральную печать (в связи с положительным ответом на вопрос о подлинности) благодаря стараниям московского историка и публициста Льва Безыменского[79]. Лед, таким образом, был окончательно сломлен. Срочно созданная по предложению депутата из Эстонии Э.Липмаа, выдвинутому 1 июня 1989 г.[80], Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г.[81] принялась за сложную работу по установлению общего характера этого пакта. Страстные речи некоторых преимущественно прибалтийских депутатов, требовавших критического анализа документов и заявлявших о недействительности секретного дополнительного протокола[82], определял содержание и темп работы комиссии. Председатель комиссии Александр Яковлев в своем интервью газете «Правда» от 18 августа 1989 г.[83] сделал подробный предварительный отчет о результатах работы.

В декабре 1989 г. комиссия Яковлева представила второму Съезду народных депутатов СССР свой заключительный отчет. К отчету прилагался документ из личного архива Молотова, датированный апрелем 1946 г., который подтверждает, что советский оригинал секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. в момент его подписания имелся. Текст приложенной к документу копии русского оригинала идентичен тексту, хранящемуся в политическом архиве министерства иностранных дел в Бонне. На этом основании 24 декабря 1989 г. Съезд народных депутатов принял постановление, которое на основе графологической, фототехнической и лексической экспертизы подтверждает факт существования протокола. Утвержденное Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.Горбачевым, оно констатирует, что этот и последующие секретные протоколы явились отходом от ленинских принципов советской внешней политики, и признает их юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания. Таким образом Советское правительство освободилось от рокового наследия.

Во всех этих публикациях, за исключением последних работ Вячеслава Дашичева, разделяющего традиционные взгляды немецких историков, инициатива Гитлера под сомнение не берется. Вместе с тем предметом все более критической оценки становится вопрос о соучастии Сталина, выразившемся в принятии германских предложений. Так, В.Дашичев вновь подчеркивает, что, хотя Гитлер и «обвел Сталина вокруг пальца», в то же время пакт несет на себе «особую печать личности Сталина», по-своему способствовавшего в определенные моменты процессу сближения[84]. Рассуждая подобным образом, представители реформистского направления в дебатах советских историков близко подходят к третьей концепции обстоятельств возникновения договора.

III тезис: Сталин и Гитлер шли навстречу друг другу

За неимением исчерпывающих первоисточников осторожные исследователи интересующих нас процессов прежде при освещении германо-советского сближения предпочитали ограничиваться главным образом феноменологическим описанием внешних событий и разбором содержания известных документов. Оставив в стороне неизвестные решения Гитлера или Сталина относительно установления того или иного контакта, они сформулировали свой тезис следующим образом: Сталин и Гитлер постепенно и осторожно продвигались навстречу друг другу.

Такого прагматического подхода придерживалась во многом серьезная историческая литература Запада начала 50-х годов, возникшая в пылу первых исследований и переработки военных архивов, и особенно германских внешнеполитических документов. Так, Макс Белофф[85] исходил из того, что оба тирана имели одинаковые намерения и потому похожими средствами стремились достичь одинаковых целей. По мнению Уильяма Л.Лангера и С.Эверетта Глисона[86], инициатива к переговорам по экономическим проблемам исходила в большей степени от германской, а по проблемам политическим — от советской стороны. В не превзойденном до сих пор исследовании «Германия и Советский Союз. 1939 — 1941»[87] Герхард Л.Вайнберг тонко обрисовал тот путь, по которому обе стороны последовательными осторожными и тщательно скрывавшимися от мировой общественности шагами двигались навстречу друг другу.

Отчасти этот же самый тезис отстаивал — правда, с меньшей методологической осмотрительностью и часто с эмоционально-некритическим восприятием текста — в своей франкфуртской диссертации (1980) Рейнхольд Вебер[88], указавший, что за «советскими авансами Германии» в мае 1939 г. последовала решающая «германская инициатива» в июле того же года.

Данный тезис ограничивается в основном изложением содержания подтвержденных германскими дипломатическими документами встреч и контактов германской и советской сторон, что сближает его с

четвертой концепцией. Сторонники следующего тезиса в своих исследованиях опираются только на фактические свидетельства. Они стремятся не столько к обширным, сколько к точным выводам. Поэтому их аргументацию трудно опровергнуть. Решения Гитлера и Сталина интересуют этих ученых лишь постольку, поскольку они находят отражения в определенных демаршах. Данная группа исследователей рассматривает каждый случай установления контакта с учетом точек зрения и интересов тех главным образом дипломатических работников, которые являлись непосредственными участниками событий и сообщали о них. В обстановке взаимного соперничества дипломатическим службам двух враждебных тоталитарных систем приходилось действовать в основном тайно, и поэтому потомкам, изучающим их деятельность, досталась довольно трудная задача. Густав Хильгер, непосредственно наблюдавший данный процесс еще с момента его зарождения, считал эту задачу неразрешимой. В «возобновлении сближения Германии и Советского Союза...» он видел «результат взаимных уступок, при которых нельзя совершенно точно определить ни размеры дипломатических усилий каждой из сторон, ни конкретный момент, когда та или иная сторона окончательно решила прийти к соглашению»[89].

С подобным скепсисом историки, конечно же, не могли примириться. Так, Георг фон Раух в своей «Истории большевистской России»[90] нарисовал — правда, лишь для периода, начинавшегося последними днями мая 1939 г., — схематическую «картину постепенного встречного движения германской и советской дипломатии... осторожных поисков и зондажа поначалу чиновниками низкого ранга, доверительных бесед и намеков, которые в конце концов вылились в официальные переговоры ответственных политиков, закончившиеся принятием в августе того же года окончательного решения».

Дипломатии в этих рассуждениях приписывается более активная роль, чем та, которая ей обычно присуща в области внешней политики в период расцвета диктаторского тоталитаризма[91]. Подобная точка зрения занимает видное место в многочисленных, уже упоминавшихся здесь исследованиях предыстории и процесса возникновения пакта Гитлера — Сталина. Но лишь немногие историки пока по достоинству оценили мнение участников тех событий, которые отстаивают четвертый тезис, согласно которому инициатива исходила от германской дипломатии.

IV тезис: инициатива исходила от германской дипломатии

Д.К.Уатт в своих систематических анализах счел необходимым провести различие между «теми, кто проявлял инициативу, и теми, кто принимал решения»[92]. Непосредственные свидетели, а также исследователи тех событий неоднократно указывали на большую работу, выполненную германской дипломатией в России при подготовке пакта о ненападении. Из сотрудников германского посольства в Москве прежде всего Густав Хильгер[93] подчеркнул активную роль ори-

ентировавшихся на Россию сил отдела экономической политики министерства иностранных дел (Виль, Шнурре), а также посла графа фон Шуленбурга. Кроме того, Хильгер и Ганс Херварт фон Биттенфельд[94] описали первые шаги посла и его сотрудников к германо-советскому сближению.

Давний знакомый Шуленбурга министр иностранных дел Румынии Григоре Гафенку, занимавший этот пост с ноября 1938 г., а в июне 1940 г. назначенный послом в Москву, в 1944 г. в швейцарской эмиграции, характеризуя германского дипломата, заявил, «что он обладал качествами, отличными от тех, которые Вильгельмштрассе требовала от своих послов». В первые четыре года его деятельности, во время которых Шуленбургу пришлось представлять в Москве враждебное агрессивное государство, он постоянно проявлял «неисчерпаемое терпение. Он ждал своего часа...». Договор о ненападении — при подобных обстоятельствах «чудо... которому он способствовал более, чем кто-либо»[95] — ознаменовал собою кульминационный пункт его активной дипломатии мира.

В работе «Внешняя политика Советской России в 1939-1942 годах»[96], вышедшей в том же 1944 г., американский историк Дэвид Даллин также подчеркнул, что долгое время «в Германии Гитлер являлся главным препятствием на пути русско-германского сближения», тогда как Сталин скорее был готов к сближению при условии, что предложения германской стороны не представляют собой замаскированную ловушку. Даллин отмечает важную роль Шуленбурга как незаменимого посредника и пишет: «Германскому послу Вернеру фон Шуленбургу было предопределено самой судьбою играть видную роль... Этого красивого и умного дипломата старой школы Москва не подозревала в приверженности антисоветской политике новых правителей Германии. Он не делал секрета из того, что нацистский режим и его политические методы вызывали у него отвращение».

После получения известия об обстоятельствах насильственной смерти Шуленбурга в ходе подавления движения 20 июля 1944 г. к оценке Даллина присоединился английский эксперт по Германии и России Джон Уилер-Беннетт. В опубликованной в 1946 г. статье «Двадцать лет русско-германских отношений (1919 — 1939)»[97] он указал на ту роль, которую сыграли некоторые советники Гитлера, выступавшие за германо-русское сближение и боровшиеся против «политики откровенного двурушничества и неискренности на предстоящих переговорах». Крупнейшим из «советников Гитлера... которые, вероятно, искренне стремились проводить прорусскую политику», автор назвал «германского посла в Москве графа фон Шуленбурга, ученика Мальцана и Брокдорф-Ранцау, едва ли не последнего представителя провосточной ориентации в министерстве иностранных дел Германии. Для Шуленбурга идея подписания с Россией договора о ненападении олицетворяла собой возврат германской внешней политики в лоно здравого смысла гениального Бисмарка, и свою роль в этой драме он несомненно сыграл с подлинным усердием, прямотой и энтузиазмом, не замышляя вероломства».

В годы войны Даллин и Уилер-Беннетт работали в разведывательных органах своих государств, где занимались германо-русскими вопросами и потому были в курсе тайных усилий германской дипломатии в отношении России. *A fortiori* то же самое относится и к Уильяму Лангеру, руководителю секции исследований и анализа отдела СССР в Управлении стратегических служб США. Он не только в течение многих лет тщательно следил за развитием германо-русских отношений, но и во время войны играл одну из главных ролей в обеспечении предусмотренного соглашением сотрудничества американской и советской разведок. В подготовленном вместе с С.Эвереттом Глисоном в начале 50-х годов исследовании об американской внешней политике в условиях международного кризиса («Вызов изоляции. 1937 — 1940»[98]) Лангер первым сообщил о том, что летом 1939 г. посольство Соединенных Штатов получало от сотрудников германского посольства в Москве «исчерпывающие и точные сведения о всех германо-советских переговорах. По сути, о каждом ведущем к германо-советскому пакту шаге Вашингтон узнавал почти одновременно с Берлином, и президент Рузвельт был информирован по этим вопросам значительно лучше, чем Париж и Лондон».

Как подчеркивал Лангер, «недоверие Гитлера к профессиональным германским дипломатам было в полной мере оправданно. В стенах германского министерства иностранных дел и в его представительствах за рубежом работали люди старой выучки, не одобрявшие нацистского режима и опасавшиеся, что политика Гитлера быстро приведет их страну к гибели. У некоторых из них настрой был столь сильно выраженным, что они считали себя обязанными противодействовать официальной политике и даже предупреждать противников Гитлера, чтобы они готовились к худшему. Среди дипломатов, как и среди военачальников, встречались и такие, которые надеялись на создание иностранными державами условий для поражения нацистов». В качестве выдающейся фигуры Лангер также выделил Шуленбурга. Он, в частности, писал: «В высшей степени интеллигентный и пользовавшийся всеобщим уважением германский посол в Москве граф Фридрих Вернер фон Шуленбург... твердый сторонник тесной традиционной германо-русской дружбы, в душе противник нацистов, в конце концов поплатился жизнью за участие в заговоре против Гитлера в июле 1944 года».

Одновременно предпринимавшиеся немцами попытки к сближению, неоднократно прерывавшиеся неожиданным и несвоевременным вмешательством Гитлера и Риббентропа, проанализировал в Англии Л.Б.Намир. Он указал на то, что в трудные моменты сближение продолжалось лишь благодаря настойчивым и смелым действиям Шуленбурга. «Если бы все зависело только от Гитлера, Риббентропа и их подручного Вайцзеккера, — писал Намир, — то переговоры, вероятно, потерпели бы неудачу. Но в лице графа фон Шуленбурга они имели превосходного посла старой школы, юнкера с бисмарковской верой в германо-российскую дружбу, который к тому же имел мужество прекословить Риббентропу и даже самому Гитлеру»[99].

В начале 50-х годов данные оценки побудили американского историка немецкого происхождения Карла Е.Шорске рассмотреть инициативы посла графа Шуленбурга параллельно с аналогичными усилиями его коллеги в Лондоне Герберта фон Дирксена[100]. Шорске провел серьезное исследование деятельности обоих дипломатов по предотвращению войны. В работе особо подчеркивается «скептический реализм» Шуленбурга, до Мюнхенского соглашения «слишком хорошо осознавшего реальности Кремля и имперской канцелярии, чтобы заниматься пустыми разговорами о русско-германской разрядке». В своем сжатом научном трактате Шорске обрисовал первые шаги широко задуманной дипломатической инициативы, нацеленной на сближение двух враждовавших государств, с которой сразу же после Мюнхенского соглашения на свой страх и риск выступил Шуленбург, описав с позиций германского посольства в Москве проделанный им тернистый путь. Его анализ германских документов за август 1939 г., то есть в наиболее успешный период этого сближения, подвел его к следующему выводу: «Какова бы ни была доля ответственности Шуленбурга за закладку фундамента русско-германского альянса, он не только не принадлежал к лицам, рекомендовавшим этот внезапный визит Риббентропа к Сталину, но и не предвидел поразительного успеха этой миссии». К сожалению, несмотря на постоянно расширяющуюся документальную базу и некоторые инициативы в данном направлении[101], у Карла Шорске пока не нашлось последователей.

Недавно обнаруженные личные бумаги посла графа фон Шуленбурга[102], а также последние публикации целого ряда архивных документов позволяют сегодня увидеть в более ясном свете решающие шаги на пути к пакту Гитлера — Сталина. Они подтверждают также, что инициатива заключения договора о ненападении во многом исходила от германской дипломатии в России.

В частных письмах тех дней посол Шуленбург сам высказался относительно своей роли. При этом следует иметь в виду, что частная корреспонденция посла, как ему было известно, подвергалась проверке германской службой безопасности, чрезмерная откровенность и прямолинейность исключались, поскольку посол не хотел подвергать опасности себя и тех, с кем переписывался[103]. Так, 21 августа 1939 г. в 18.00 он сообщил в Берлин Алле фон Дуберг, остававшейся на протяжении всей его жизни верным другом: «Я сейчас прямо из Кремля. Когда ты получишь это письмо, тебе уже будет известно из газет, что главный удар удался. Это дипломатическое чудо. Его последствия невозможно предвидеть... нам предстоят еще несколько дней высочайшего напряжения! Но теперь это не имеет значения, после того как пришло решение, которого мы добивались и желали. Надеюсь, что обстоятельства не испортят того, что сейчас в полном порядке. Во всяком случае, свою задачу мы выполнили... Лишь бы из всего этого вышло что-нибудь хорошее!»[104].

Через несколько дней после подписания пакта, 27 августа 1939 г., он писал в Берлин, будучи уже в другом настроении: «Итак, нанесен главный удар, который полностью все переменил, в том числе и наши

личные дела. Тебе, конечно, известно, что... я пока ни при каких обстоятельствах не могу приехать в Берлин и что угроза войны, пожалуй, еще сильнее, чем в прошлом году. Дай-то Бог, чтобы все закончилось благополучно!.. Я не могу и не имею права тебе обо всем написать ... но об одном все же хочу рассказать: когда я 21.8 телеграфировал фюреру, что теперь *все* в порядке и что господин фон Риббентроп может прибыть сюда 23.8, ему передали эту телеграмму в тот момент, когда фюрер с многочисленной свитой сидел за столом. Прочитав телеграмму, он вскочил, простер кулаки к небу и воскликнул: «Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь выпью бутылку шампанского!» И он пил алкоголь!! Будто бы второй раз в жизни. Я пишу тебе об этом затем, чтобы по крайней мере ты знала, *кто* одержал эту стопроцентную победу. Невероятно быстрое подписание договора господином фон Риббентропом оказалось возможным только потому, что все было подготовлено заранее; и успех был *обеспечен. Но пожалуйста, все это только между нами!..* Дай-то Бог, чтобы это было во благо!!!»[105]

В связи с подобными высказываниями германского посла в Москве, главного свидетеля событий, которые привели к подписанию пакта, встают два вопроса.

1) Шуленбург был известен не только трезвостью мысли и деловитостью, но также сдержанностью и скромностью. И если устранение недоверия советской стороны и получение согласия Сталина на приезд Риббентропа в Москву для подписания пакта о ненападении он назвал «дипломатическим чудом», которому больше всех способствовал он сам, то сделал он это в полном осознании пройденного им к тому времени тяжелого, насыщенного препятствиями пути. Посол никак не предполагал, что в момент выработки пакта и секретного дополнительного протокола многообещающее «дипломатическое чудо» неожиданно обернется настоящим «ударом», «который полностью изменит все» и сделает войну даже более вероятной, чем в разгар судетского кризиса осенью 1938 г. Чего же добивался он в предшествовавшие недели и месяцы?

2) Если посол национал-социалистской Германии сам приписывал себе дипломатический успех, то возникает вопрос относительно характера и содержания тех германских архивных документов и воспоминаний, которые должны были создать впечатление, что инициатива к заключению пакта исходила от советской стороны: не составлены ли они с намерением убедить того или тех, кто их читал, в наличии советской инициативы?

Желающему разобраться в этих вопросах приходится коснуться сложных вопросов устного и письменного общения в условиях тоталитарной системы — совершенно неизученной области, хотя в нашем столетии миллионы людей оказались в лагерях и были уничтожены из-за недозволенных высказываний. В этом исследовании будут рассмотрены по крайней мере три различных уровня приведения языка в соответствие с политическими реальностями нацистского государства: языковое приспособление, маскировка либо неупоминание подлинных обстоятельств:

— функционеры национал-социалистской Германии независимо от собственных, возможно несовпадающих, но в процессе работы отодвинутых на задний план, взглядов хотели и в языке подражать своим высшим руководителям и непосредственным начальникам;

— чиновники, сознавая собственную несовпадающую позицию в оценке вещей, использовали на службе, главным образом по причине самосохранения, определенные расхожие формулировки и шаблонные фразы, рекомендованные, например, для министерства иностранных дел в качестве *facon de parler* («языковой нормы»), чтобы скрыть свои истинные настроения и одновременно оказывать влияние в нужном направлении;

— чиновники, прибегая зачастую к туманным намекам, обходили истинные побуждения с помощью нарочито лаконичной, сугубо деловой или обыденной речи.

Эти три языковые особенности, и главным образом две последние, возникшие в условиях давления тоталитарной власти и представляющие собою характерные формы камуфляжа, прежде в полной мере в расчет не принимались. Их, однако, необходимо учитывать, чтобы не упустить из виду основные планы и особенности их претворения в жизнь. Это относится *a fortiori* к тем отдельным сферам, в которых политическая деятельность перерастала в сопротивление. Учет соответствующей языковой маскировки является здесь непременным требованием. Все же многие исследователи, особенно те из них, которые никогда сами не мыслили, не действовали и не высказывались в условиях господства однопартийной системы, не всегда достаточно полно осознавали этот факт.

На особую *целенаправленность* внутренней структуры использовавшихся текстов и их ориентации на реакцию, которую они должны были вызвать у читающего, обращали внимание многие современники. Германский военный атташе в Москве Эрнст Кёстринг подчеркивал, что в своих отчетах о встречах представители обеих стран умели каждый раз вложить в уста главы государства и министра иностранных дел другой стороны слова, дававшие повод для дальнейшего зондажа и делавшие возможным политическое сближение[106].

На подобную целенаправленность формулировок германских документов указал в своих воспоминаниях бывший советский полпред в Англии Иван Майский, испытавший такое же давление на советскую дипломатию в период расцвета сталинизма. Он также обратил внимание на аналогичные искажения в английских отчетах, к примеру лорда Галифакса о проведенных с ним беседах, и приписал всей «буржуазной дипломатии» стремление к пристрастному информированию. На этом фоне Майский первым задал вопрос: «Почему мы должны проявлять большее доверие к документам германских дипломатов?»[107].

Анализируя сделанные для Риббентропа (и Гитлера) германским экономическим экспертом Карлом Юлиусом Шнурре записи бесед, проведенных им с советским поверенным в делах в Берлине Георгием Астаховым, Майский высказал подозрение, что Шнурре

изложил позицию и слова Астахова не в том свете, в каком они в действительности были представлены, а приписал советской стороне большую готовность к сближению с Германией, чем существовала на самом деле.

Он подтвердил высказанное еще Намиром при обнародовании германских дипломатических документов предположение, что они специально подобраны и по содержанию «односторонни. Ведь мало кто станет распространяться о собственных ошибках и поражениях, которые пришлось пережить. В своих воспоминаниях авторы принимают определенные позы, приукрашивая общую картину»[108].

В последнее время на присутствие активного, даже форсирующего момента в установлении контактов, в беседах, а также в записях, сделанных германскими дипломатами, обратила внимание и советская литература. Кобляков, к примеру, отметил «чрезвычайную активность», которую в начале августа 1939 г. проявляла «германская дипломатия»[109], а Андросов подчеркнул индивидуальный характер «авансов Шнурре» и неоднократных «запросов Шуленбурга»[110]. Эти выводы основывались, вероятно, на сведениях, почерпнутых из отчетов и записок советских дипломатов.

Один из главных свидетелей тех событий и соавтор германо-советского сближения, д-р Шнурре, неоднократно подтверждал высказывавшиеся предположения о том, что имевшие важное значение записки и донесения германских дипломатов составлялись с намерением добиться желаемого изменения в германо-советских отношениях. На прямой вопрос, не основываются ли эти записки на «свободной интерпретации», Шнурре с улыбкой осведомленного человека ответил: «Вполне возможно. Подобные свободные интерпретации в те времена не были чем-то необычным»[111]. В самом деле, в глаза бросается тот факт, что авторами *всех* записок и отчетов, согласно которым советская сторона проявляла заинтересованность в сближении с Германией, а также различных документов, нацеленных на стимулирование этого сближения, являются лица прорусской ориентации, близкие к этой группе или какое-то время находившиеся под ее влиянием. Речь идет о донесениях Шуленбурга, Хильгера, Типпельскирха и Кёстринга из посольства в Москве, а также о записях фон Виля, Петера Клейста, Вайцзеккера, Вёрмана и прежде всего Шнурре, сделанных в Берлине.

Вместе с тем встает вопрос, не использовала ли германская дипломатия оставшуюся ей в 1938 — 1939 гг. ограниченную свободу действий для того, чтобы с помощью заблаговременно подготовленной, целенаправленной инициативы вовлечь Гитлера и Сталина в договорные отношения, которые определили бы внешнюю политику Германии на длительный период? В пользу этой гипотезы говорят веские доводы. Поэтому внешнеполитические и дипломатические события, связавшие Германию и Россию в решающий период между Мюнхенским соглашением и пактом Гитлера — Сталина, следует рассматривать — даже при опасности определенной перспективной однобокости — главным образом с по-

зиций германского посольства в Москве. Центральное место принадлежит замыслам и политическим оценкам сотрудников посольства, на глазах которых возник этот пакт, и в первую очередь самого посла, со своего привилегированного поста выполнявшего посреднические функции. Как справедливо заметил А.Тейлор, «никто не мог судить о советской политике лучше Шуленбурга»[112].

Кроме того, не остаются без внимания и известные исторической науке ссылки на важные решения Гитлера и Сталина, изучаются новые данные об их вмешательстве в проявленную дипломатией инициативу. Таким образом, складывается сложная картина постепенного сближения, в центре которой — труднейшая дипломатическая работа, когда-либо выполнявшаяся в условиях взаимного недоверия двух тоталитарных государств.

ГЕРМАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИИ ПОСЛЕ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Иностранные специалисты по вопросам германской внешней политики полагали, что «вторая мировая война должна была бы начаться 1 октября 1938 г.»[1]. Непредвзятым наблюдателям в Германии, следившим за поведением своего правительства во время обострения так называемого судетского кризиса и имевшим точную информацию о внешнеполитической подоплеке, было «ясно, что Г(итлер) с крайним легкомыслием стремился к войне». В критические дни (27 — 28 сентября 1938 г.) «положение представлялось почти безнадежным»[2]. Рейхсканцлер Гитлер и имперский министр иностранных дел фон Риббентроп продемонстрировали немецкому народу и всему миру свою решимость превратить кризис, во многом искусственно вызванный германской стороной вокруг немецкого населения Судетской области, в вооруженный конфликт. После присоединения 13 января 1935 г. Саарской области на западе и аншлюса Австрии 13 марта 1938 г. на юге «третьего рейха» в повестке дня охваченного манией экспансионизма германского канцлера значился захват Чехословакии на востоке «третьего рейха».

Пропагандистская шумиха относительно вооруженной до зубов Чехословакии, игравшей роль советского «авианосца» в Центральной Европе, показала внимательным наблюдателям, что мнимая угроза проживающему в Судетах немецкому меньшинству и выдвигаемое требование права на самоопределение представляют собой лишь предлог для военно-политической экспансии и что целью активного раздувания кризиса является овладение всей Чехословакией. Тайный приказ к уничтожению Чехословакии, изданный Гитлером 30 мая 1938 г., со всей наглядностью продемонстрировал это военным и другим осведомленным лицам. Но воинственные намерения в отношении Чехословакии были сопряжены с опасностью нарушения сложившегося в Центральной Европе равновесия и могли вызвать автоматическое срабатывание механизма союзнических обязательств. Любое нападение на Чехословацкую Республику, как бы оно ни маскировалось в пропагандистском и военном плане, по всей вероятности, привело бы в действие существовавшее соглашение о взаимной помощи. Франция оказала бы помощь Чехословакии, Англия последовала бы за Францией и вступила бы в войну с Германией , а после выступления Франции помочь восточноевропейскому славянскому государству был обязан Советский Союз. Вырисовывалась чрезвычайно опасная ситуация войны на два фронта.

В то время как в свете знаний военных реальностей было весьма неопределенно, смогут ли вообще германские войска, а если смогут, то когда и какой ценой, овладеть Чехословакией, располагавшей мощными пограничными укреплениями[3], не вызывало сомнений, что в войне на два или более фронтов вооруженные силы Германии рано или поздно будут разбиты, причем даже и в том случае, если СССР вступится за маленький братский славянский народ не более чем символическими силами.

Начальник генерального штаба германских сухопутных войск Людвиг Бек, сознавая подобные перспективы и соблюдая моральный и военный кодекс прусской традиции, 18 августа 1938 г. подал в отставку в знак протеста против запланированной захватнической войны с ее неизбежными последствиями[4]. Ни один немецкий генерал не последовал его примеру. Но пожалуй, впервые после стабилизации гитлеровского режима заинтересованность в собственной защите, вызванная непосредственной угрозой, нависшей над Германией из-за безответственной игры ва-банк, свела вместе горстку людей, занимавших военные и гражданские ключевые посты и убежденных в том, что только заговор может спасти страну[5]. Их планы остались теорией. «Если бы нас 28-го действительно ввергли в войну, — сообщал генерал фон Клейст бывшему послу Ульриху фон Хасселю через несколько дней после неожиданного мирного окончания кризиса, — то для спасения Германии от катастрофы у военных, по сути, оставалось лишь одно средство: арестовать главных политиков»[6].

Между тем до «сентябрьского заговора»[7] дело не дошло. Помимо того что внешнеполитическое развитие ограничило способность к единодушному действию, решающее значение имели колебания военных по коренным вопросам. Поэтому единственная серьезная попытка не допустить втягивания Германии в новую войну с непредсказуемыми последствиями для всего мира, по признанию оппозиционных сил в министерстве иностранных дел, «к несчастью для Германии и всего мира»[8], не реализовалась.

Вместо этого с подписанием 1 октября 1938 г. Мюнхенского соглашения, по наблюдениям Ульриха фон Хасселя, «чувство огромного облегчения... в связи с предотвращенной войной охватило весь народ», в том числе и значительную часть (в глубине души) оппозиционной элиты. Благоприятный для выступления момент остался неиспользованным, и ему никогда не будет суждено повториться.

Это граничившее с эйфорией чувство облегчения, вызванное позицией великих держав, их уступчивостью, сопровождаемой серьезными предупреждениями Советского правительства, сохранялось недолго. Уже через несколько дней «события 27 и 28 сентября... стали все яснее вырисовываться как момент величайшей опасности. Нами (то есть правительством Гитлера и Риббентропа. — *И.Ф.*) была затеяна прямо-таки преступная по своему легкомыслию игра». На смену эйфории скоро пришли отрезвление и новые, более глубокие опасения, «что Г(итлер)... скоро опять проявит агрессивность» на международной арене. Как известно, Гитлер не скрывал, «что он не примирился с вмешатель-

ством государств и что было бы лучше, если бы он начал войну». Канцлер неоднократно высказывал свое неудовольствие исходом кризиса и выражал «неизменную убежденность в том, что Англия и Франция, сознавая собственную слабость, никогда бы не выступили. Но если бы они это сделали, то все равно победа была бы за нами, главным образом потому, что наша воздушная мощь в два раза превосходит объединенную франко-английскую и даже русскую!». Его министр иностранных дел предстал перед подчиненными весьма «раздосадованным... поскольку дело не дошло до применения силы». Эти и другие наблюдения неизбежно вызывали в информированных кругах Берлина, озабоченных будущим развитием, «ощущение, что Гитлер даст лишь короткую передышку. Он не мог иначе, как подготовить новый удар»[9].

В действительности и через десять месяцев Гитлер все еще испытывал негодование по поводу того, что политика умиротворения западных держав и особенно уступчивость Чемберлена в Мюнхене разрушили все его наступательные планы. В августе 1939 г. он спровоцировал еще один опасный международный кризис вокруг Польши, окончательно нацеленный на войну. Правда, его противники поменялись ролями: теперь «миротворцем» выступало Советское правительство, а угроза исходила от западных государств. В речи перед германским главным командованием, произнесенной утром 22 августа 1939 г. после, по его словам, установления «личного контакта со Сталиным»[10], Гитлер в Оберзальцберге[11] заявил, что боится только одного: что «в последний момент какая-нибудь сволочь (реверанс в сторону Невилла Чемберлена. — *И.Ф.*) предложит план посредничества».

В связи со столь поразительным развитием, когда Германия за десять месяцев прошла путь от неудавшейся попытки начать войну до фактического развязывания мировой войны, возникают важные вопросы относительно деятельности ответственных за внешнюю политику сил и инстанций. Как германская дипломатия могла мириться с вторжением в ее сокровеннейшую сферу какого-то канцлера, который зарекомендовал себя азартным игроком в глазах не только начальников генеральных штабов, но и широких кругов международной общественности, что нашло отражение в сообщениях германских представителей за рубежом? Как могла внешнеполитическая служба последовать за министром иностранных дел, который в разгар кризиса оставил дипломатические средства, чтобы бить в барабан войны? Чем занимались десять месяцев, когда Германия двигалась по пути к войне, те силы в министерстве иностранных дел, которые в непосредственной близости со своих постов наблюдали за так называемым судетским кризисом, понимали собственную ответственность и осознавали возможные катастрофические последствия конфликта?

Исторические исследования в прошлом и настоящем не дали на эти трудные вопросы обстоятельного, исчерпывающего ответа[12]. Дело осложняется тем, что существующая литература касается упомянутых вопросов на трех различных уровнях, которые из-за отсутствия связующего исследования с трудом объединяются в целостную картину. Речь идет о нередко резко контрастирующих друг с другом свидетельст-

вах самих участников, рассказах посторонних лиц, а также о документах того периода. Поиск ответа затрудняется еще и тем, что служащие министерства иностранных дел к тому времени уже не представляли собой однородную чиновничью массу, сложившуюся в результате отбора, системы образования и служебной карьеры. Старослужащим и профессиональным дипломатам, так называемому «старому» министерству иностранных дел, дерзко и грубо поперек дороги встали вторгшиеся в эту твердыню национальной консервативной мысли высокомерные выходцы из рядов партии, СА и СС. Это произошло прежде всего во время крупной, но в подробностях малоизученной перестановки кадров в феврале 1938 г., которая, собственно, и предопределила приобщение министерства иностранных дел и его служб к существовавшей тогда в Германии фашистской идеологии.

Настроение в министерстве иностранных дел

Среди руководства «старого» министерства иностранных дел, которое американский военный следователь Де Витт Пул в 1946 г. после продолжительных опросов назвал «рациональной элитой»[13], уже ко времени так называемого судетского кризиса царило подавленное настроение, вызванное главным образом тревогой за дальнейшее развитие. Отношение этих кругов к предшествовавшим внешнеполитическим акциям Гитлера, возвестившим о его разрыве с европейским мирным устройством, еще подробно не освещалось. Здесь имеются в виду: выход Германии из Лиги Наций и отказ от участия в работе Конференции по сокращению и ограничению вооружений (14.10.1933); нарушение Версальского мирного договора с опубликованием декрета о всеобщей воинской повинности (16.3.1935); аннулирование Локарнского соглашения и оккупация демилитаризованной Рейнской зоны (7.3.1936); подписание секретного германо-итальянского протокола (25.10.1936); заключение антикоминтерновского пакта с Японией (25.11.1936) и, наконец, аншлюс Австрии (13.3.1938). Существует предположение, что настроение в министерстве иностранных дел и его представительствах за рубежом наряду с соответствующими социальными и интеллектуальными предпосылками носило также отпечаток специфических переживаний отдельных поколений. Так, более старшие из представителей этих кругов явно или скрытно проводили или одобряли «политику мирной ревизии»[14] «версальского диктата» и поэтому до известной степени закрывали глаза на вызывающие тревогу перемены. В то же время более молодые силы, получившие профессиональную подготовку и влившиеся в министерство иностранных дел в период Веймарской республики, уже при первых признаках отхода Гитлера от установившегося в Европе мирного устройства стали выражать свое недовольство. Должно быть, в эти годы в обеих группировках, хотя и с различной мерой интенсивности, усилились сомнения относительно допустимости политики Гитлера. Трудно сказать, обнаружится ли в результате тщательного изучения, что политическая по-

зиция во многом неоднородного высшего служебного персонала МИДа была все же более единодушной. Есть некоторые основания полагать, что, исходя из политических взглядов и симпатий ведущих профессиональных дипломатов министерства иностранных дел, их весьма условно можно отнести к «национал-консервативной элите»[15] (пребывающей в общем потоке германской оппозиции по отношению к Гитлеру) и к «знати»[16] (относящейся к кругам активного сопротивления национал-социализму). Помимо возросшего после реформы Шюлера различия в социальном происхождении и социальной ориентации, определявшими их позиции в отношении внутригерманского развития, на их внешнеполитические взгляды не в последнюю очередь влияла работа за границей. Именно здесь в зависимости от условий и духовного уровня конкретного лица происходила более или менее устойчивая национальная и культурная ассимиляция с образом мышления в других странах, возникали личные привязанности, сохранявшиеся до известной степени и после перехода на работу в министерство. В целом можно с полным основанием предположить, что данный контингент, как правило, благодаря длительному пребыванию за границей, знакомству с культурой этих стран и знанию иностранных языков обладал более широким политическим кругозором и был менее восприимчив к выросшей из специфических национальных тревог гомогенизации массового сознания, подчиненного направляющей воле одного человека.

В эти недели кризиса настроение глубокой озабоченности царило не только среди руководящих работников центра в Берлине, но и в крупных представительствах за границей. Причем специального исследования требует вопрос, почему тревога этой «рациональной элиты» не трансформировалась непосредственно в политическую практику. Типичной для их стремления традиционными средствами достичь изменения в сознании германского руководства явилась зафиксированная Фрицем Видеманом попытка глав трех дипломатических миссий разъяснить Гитлеру всю серьезность ситуации. Присутствовавшие в приказном порядке на партийном съезде в Нюрнберге (4 — 6 сентября 1938 г.) германские послы: в Париже — граф Иоханнес фон Вельчек, Лондоне — Герберт фон Дирксен и Вашингтоне — Ганс Дикхоф, — прослушав провокационную речь Гитлера, стали добиваться аудиенции, чтобы объяснить ему положение в каждой из этих стран. Гитлер же не захотел с ними встречаться. По словам его давнего адъютанта, Гитлер считал профессиональных дипломатов профессиональными «пораженцами, которых не стоит к себе и близко подпускать. Послы оказались в недостойной ситуации». Наконец в последний день съезда Гитлер, осыпая их проклятиями, велел пригласить к себе послов, несколько дней унизительно ожидавших в приемной. Он «принял всех трех вместе, уделив им примерно 10 минут»[17].

Пренебрежительное отношение Гитлера к дипломатии «старого» ведомства было общеизвестно. Как писал впоследствии Риббентроп, «к министерству иностранных дел и его личному составу Адольф Гитлер относился с недоверием»[18]. Он «видел в этом министерстве закоснелый чиновничий аппарат, которого национал-социализм по-настоящему

так и не коснулся... и часто издевался над ним. Министерство иностранных дел он считал оплотом реакции и пораженчества»[19]. Гитлер, находясь под воздействием сознания собственной неполноценности, обусловленного образованием и социальным происхождением, с одной стороны, и псевдореволюционной тяги к разрушению — с другой, считал большинство немецких кадровых дипломатов в социальном плане аристократическими реакционерами, в политическом — «далекими от реальной действительности» пораженцами «с кругозором почтальонов»[20]. Это основанное на пренебрежении предубеждение переросло во время войны в глубочайшее презрение, принявшее прямо-таки гротескные формы. «Старое» министерство иностранных дел стало представляться ему «подлинной свалкой интеллигентов». По словам Гитлера, из зарубежных представительств поступали «даже по своему стилю ... никудышние доклады» этих «опереточных дипломатов», не рекомендовавшие ничего, кроме пассивности.

Из всех сообщений германских представителей за рубежом самыми недостоверными Гитлер считал опять же доклады из Москвы. Как впоследствии показал Риббентроп на Нюрнбергском процессе, отчеты германского посольства в Москве он Гитлеру «представлял... неоднократно, то есть непрерывно, однако фюрер каждый раз заявлял, что дипломаты и военные атташе в Москве информированы хуже всех на свете. Таков был его ответ»[21].

Германское посольство в Москве

С момента образования национал-социалистской Германии ее посольство в Москве[22] занимало особое место среди крупных германских представительств за границей. Оно находилось вне непосредственных политических интересов Гитлера и благодаря этому пользовалось поначалу известной свободой. В подобных условиях в посольстве сошлись личности и позиции, во многом не согласные с притязаниями национал-социалистского руководства.

Посол граф Фридрих Вернер фон Шуленбург (1875 — 1944), занявший этот пост в Москве 1 октября 1934 г., служил на Вильгельмштрассе при трех формах государственного правления[23]. Положение посла национал-социалистской Германии в сталинской России было во многих отношениях значительно труднее положения его коллег в западных столицах. Не говоря уже о серьезных внешнеполитических трениях и осложнениях, сглаживать и улаживать которые приходилось послу, он столкнулся с советским государством, выходившим из голода гигантских масштабов и переживающим экономическую разруху, с впавшим в летаргию населением, перенесшим тяжелые испытания и огромные человеческие потери. И вот в ходе насильственного стимулирования развития экономики в начальный период форсированной сталинской индустриализации от населения потребовались новые великие жертвы. С середины 30-х годов этот процесс сопровождался террором чисток, от которого страдали и ведущие германские дипломаты. Посольство наци-

онал-социалистской Германии, в этом отношении ничем принципиально не отличавшееся от посольств других западных государств, опоясал непроницаемый кордон службы безопасности, сильно сковавший свободу передвижения его сотрудников. Служащие посольства неоднократно оказывались втянутыми в показательные судебные процессы, их обвиняли в шпионской деятельности, как, например, журналиста и пресс-атташе Вильгельма Баумана (прибалтийского немца) и военного атташе Эрнста Кёстринга. Послу приходилось вызволять своих сотрудников из сетей сталинского правосудия и одновременно по возможности защищать от выдворения в Германию, где некоторых из них ожидали аналогичные преследования. Все это тяжело отражалось на настроении в посольстве и в отдельные периоды парализовало работоспособность посла.

Вместе с тем следует отметить, что царившая в германском посольстве в Москве атмосфера приятно отличала его от других правительственных служб нацистского государства. Дело в том, что советская служба безопасности, надежно изолировав посольство от внешнего мира, крайне затруднила проникновение в него (с целью осуществления слежки) агентов германской службы безопасности. Несмотря на неоднократные попытки Эрнста Вильгельма Боле (с 1937 г. руководитель заграничной организации НСДАП и статс-секретарь в министерстве иностранных дел), ему так и не удалось создать в Москве местную группу НСДАП — наподобие тех потенциальных «пятых колонн», которые строились в других странах вокруг германских посольств[24]. Попытки же имперской службы безопасности «внедрить» в посольство своих сотрудников пресекались послом со ссылкой на особую обстановку в Советском Союзе. И в силу подобного островного положения посольства «национал-социализм» долгое время оставался «за его порогом»[25].

Ведущие сотрудники германского посольства в Москве довольно быстро уяснили себе суть национал-социализма. Осознанию способствовала не только территориальная и идеологическая удаленность, но не в последнюю очередь и их социальное происхождение. Скрытый цинизм, с которым Гитлер относился к «высшим слоям»[26] общества, затрагивал факторы, обеспечивавшие социальную надежность национал-консервативной, чиновничьей аристократии, воспитанной на кайзеровских традициях, придерживаться которых посол считал своим долгом. Неприкрытая антипатия Гитлера к «духу Цоссена» задевала интересы той руководящей военной элиты, к которой принадлежал советник посольства Вернер фон Типпельскирх (его кузен Курт фон Типпельскирх являлся обер-квартирмейстером генерального штаба сухопутных войск). Яростные выпады против немецких евреев, получившие правовую основу в Нюрнбергских законах и разрушившие веру в слияние немецкой и еврейской культур, побудили сотрудников посольства встать на защиту своих безоружных коллег. Крестовый поход национал-социалистской пропаганды против россиян и всего русского поставил работавших в посольстве немцев, выходцев из России Густава Хильгера и Эрнста Кёстринга, бывшего в период сотрудничества рейхсвера и Красной Армии старшим адъютантом генерала Ганса фон Секта,

в сложное положение и втянул их в длительный, изматывающий нервы процесс самоутверждения.

Кроме того, несмотря на бесчисленные практические трудности, пост в Москве давал возможность получить более широкую, если сравнивать с Берлином, информацию о происходящих в мире процессах. С одной стороны, ежедневное непосредственное соприкосновение с идеологическими и политическими особенностями все более национал-патриотического, советского социалистического строя давало возможность тоньше ощущать структурное сходство обеих систем. С другой же стороны, информация, получаемая посольством в этой столице Коминтерна, усиливала негативное отношение к факту идеологической и политической обработки населения Германии. Вместе с тем свободное обращение с иностранной печатью, беспрепятственное общение с дипломатами, в том числе нейтральных и противоборствующих стран, способствовали обострению критического взгляда на опасное развитие национал-социалистской Германии, компенсировавшему до некоторой степени отсутствие официальной информации о намерениях германского правительства.

Оценивая отрицательно происходившие в национал-социалистской Германии процессы, посольство в то же время, как показывает служебная и частная переписка посла, в какой-то степени проявляло понимание проводимых Сталиным мероприятий по внутренней консолидации страны. Строгий централизм и жесткий этатизм сталинской системы находили в посольстве сдержанное одобрение[27]. Поэтому в течение ряда лет его сотрудники, с большим мужеством и соблюдая требуемую дистанцию, лавировали между Сциллой сталинской системы и Харибдой гитлеровской диктатуры. По воспоминаниям Ганса фон Херварта, дипломаты постоянно «балансировали на канате». Начатая Германией бешеная идеологическая травля, постепенно заменившая двусторонние переговоры, и грубое, жестокое насилие, использовавшееся обеими сторонами в борьбе с противниками, со всей наглядностью демонстрировали те опасности, которые могли возникнуть в случае дальнейшей эскалации конфликта. Основываясь на глубоком и доскональном знании русского и советского общества и его руководства, ответственные сотрудники посольства были твердо уверены в том, что эскалация существовавшего между Германией и Советским государством конфликта до размеров острого кризиса могла произойти только по вине германской стороны. По единодушному мнению группировавшихся вокруг посла графа Шуленбурга лиц, внешняя политика гитлеровского режима была значительно опаснее. В то время как Сталин, используя все экономические возможности, из последних сил старался внутренне укрепить свою огромную империю, быстрое развитие индустрии и военной машины Германии имело целью военную экспансию. По словам Херварта, «Советы занимали оборонительную позицию и делали все возможное, чтобы предотвратить войну». Гитлер же, напротив, был агрессивен и искал конфронтации. Его политика «вела к войне»[28].

Для Шуленбурга, воспитанного на традициях внешней политики старой школы, получившего опыт дипломатической работы на консульской службе в Российской империи и хорошо сознававшего огромное экономическое и военное значение обоих государств, колоссальную бризантность их идеологических систем, вывод мог быть только один: любой ценой предотвратить военное столкновение сторон, всячески способствовать разрядке напряженности и постепенному сближению этих не столь уж и несхожих во внутриполитическом плане режимов.

Министр иностранных дел, а впоследствии посол Румынии в Москве Григоре Гафенку охарактеризовал сложную и в основном парадоксально анахроническую позицию Шуленбурга следующими словами: «Как это ни странно, но прежде всего дипломаты, которым в одинаковой степени духовно были чужды и большевистское учение и национал-социалистская доктрина, понимали (возможно, благодаря именно этому отчуждению), в какой мере имевшиеся в обеих системах аналогии можно было бы использовать в целях достижения примирения и доброго согласия. Ссылаясь на авторитет Бисмарка, (Шуленбург) часто говорил о естественном совпадении интересов Германии и России и... теперешние трудности в отношениях двух империй приписывал насильственному и бескомпромиссному антитезису, который национал-социализм противопоставлял большевизму». Гафенку видел в Шуленбурге дипломата, «наилучшим образом подготовленного для проведения реалистической политики, прекрасно отдававшего себе отчет в истинной ценности и подлинной искренности (обеих) доктрин»[29].

Нелепость ситуации , в которой находился посол в Москве, усугублялась тем фактом, что важную политическую информацию он получал не из Берлина, а из советских правительственных кругов. В то время как государственные руководители в Берлине считали посла политически неблагонадежным и недостаточно авторитетным или же в пылу бюрократического усердия просто о нем забывали, послу приходилось выслушивать упреки представителей Советского правительства относительно действий Берлина, на которые ему нечего было возразить. Так, например, об агрессивном характере германо-японского антикоминтерновского пакта Шуленбург узнал не от своего правительства, а от советского наркома иностранных дел[30]. Находясь в столь двойственном положении, посол избрал определенную линию поведения, сочетавшую личную полнейшую искренность с выражением сожаления по поводу происходящего в Германии, на которое он, дескать, старается влиять, но которое пока оказывается сильнее. Эта линия проявлялась в «характерном для посла жесте, когда он с выражением озабоченной беспомощности воздевал руки к небу». Этот жест, отражавший глубокий внутренний конфликт, до сих пор помнят сослуживцы[31]. Его зафиксировала и советская сторона, хотя долгое время неверно истолковывала[32].

Осенью 1937 г. растущая убежденность в агрессивных намерениях Гитлера в отношении европейского Востока побудила посла, осведом-

ленного о временном ослаблении Красной Армии в результате ликвидации начиная с июня 1937 г. офицерской элиты в связи с так называемым делом Тухачевского, а также знавшего о существовании агрессивного германо-японо-итальянского военного союза, возникшего в результате присоединения Италии в ноябре 1937 г. к антикоминтерновскому пакту, отказаться от позы озабоченной беспомощности и перейти к активному предостережению. Вместе с ним посольство перешло с позиции неприятия (в понимании М.Брощата) к осторожной, но в ограниченных пределах активной оппозиции в отношении внешнеполитических планов Гитлера в Восточной Европе. Показателем такого поворота служит доклад о «проблеме — Советский Союз», составленный ведущими работниками посольства, с которым посол выступил в военной академии в Берлине 25 ноября 1937 г., или ровно через год после подписания тайного дополнительного протокола к антикоминтерновскому пакту[33].

Свое широко задуманное историко-политическое выступление перед молодым поколением немецких офицеров Шуленбург начал с указания на важное место России в «прусско-германской истории последних двух столетий», на «значение позиции России для политики Бисмарка в период создания государства...». Шуленбург отверг как абсурдное утверждение о том, что якобы сложившееся стараниями Советского Союза соотношение сил представляет угрозу для Германии. Напротив, заявил он, «усиливающийся страх перед Германией привел к тому, что отношения Советского Союза ко всем остальным государствам еще больше стали зависеть от его отношения к Германии. Любое усиление Германии воспринимается в Советском Союзе как собственный неуспех». По словам Шуленбурга, внешнюю политику советского руководства определяет в первую очередь «потребность в международном спокойствии». И только агрессивная германская политика на международной арене, нацеленная на сколачивание блоков, вынуждает СССР стремиться к созданию *«единого франко-англо-советского фронта* против фашистских государств».

Военный министр и главнокомандующий вермахтом Вернер фон Бломберг сообщил в частном порядке германскому послу в Москве[34], что доклад был встречен «слушателями с полным одобрением». Он действительно привлек большое внимание. Многие из занимавших руководящие посты, в том числе и сам Бломберг, просили прислать им копию. Содержание доклада настолько противоречило представлениям Гитлера и указаниям Геббельса в сфере пропаганды, что последствия выступления вряд ли ускользнули от их внимания.

Аншлюс Австрии и всеобщая мобилизация в Германии, которые Шуленбург, как видно, пережил совершенно неожиданно для себя, будучи в Германии, продемонстрировали со всей очевидностью, насколько справедливыми оказались известные ему опасения Советского правительства относительно дальнейших внешнеполитических целей Германии. Подписание Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. вызвало в Берлине и в столицах других западных государств чувство «огромного облегчения... по поводу предотвращенной войны». Те, кто

не поддался этому чувству, «с тревогой задались вопросом, как скоро наглая заносчивость вновь заявит о себе»[35]. В германском посольстве в Москве ощущалось лишь умеренное облегчение в связи с разрешением кризиса. Здесь обращали внимание в первую очередь на тяжелые последствия этой конференции. Исключение Советского Союза из числа великих держав — участниц переговоров расценивалось как оскорбление, а непривлечение к ним Чехословакии рассматривалось как диктат ведущих государств; за все это, как предполагалось, придется дорого заплатить.

В своих изложенных позднее размышлениях Эрнст Кёстринг писал: «Мчавшиеся в Мюнхен с развевающимися фалдами англичане и французы... внезапно и грубо исключили Сталина из числа участников переговоров в Мюнхене»[36]. Кёстринг не сомневался, что Советское правительство должно было сделать из случившегося соответствующие выводы.

А посол Шуленбург выразил полученный в беседе 29 сентября 1938 г. протест Потемкина, в полной мере дав почувствовать собственное согласие с ним, следующими словами: «Это, собственно говоря, какая-то нелепость, когда созывается конференция для решения судьбы страны без представителя этой страны. То, что происходит сейчас, является возрождением «знаменитого» четырехстороннего договора с целью навязывания Европе своей воли... Участвующие в уничтожении Чехословакии государства еще очень пожалеют, что уступили ее воинствующему национализму. На очереди Польша, ибо в ней проживает «очень много» немцев...»[37].

В то время как советник посольства в своем очередном докладе от 3 октября 1938 г.[38] передавал начальнику V референтуры МИДа, занимавшейся вопросами СССР, традиционное поздравление и сообщал о царившем в посольстве «бурном ликовании по случаю достигнутого фюрером для Германии огромного, не поддающегося воображению успеха», настроение у сотрудников посольства было в самом деле подавленное. Так, в тот же самый день Шуленбург в частном порядке писал в Берлин: «Итак, важное решение принято, оно принято в пользу мира!! Все-таки я испытываю большое облегчение. Не отрицаю! Я совершенно не имею в виду политические беспокойства общего характера, которые присущи всякому мыслящему человеку и немцу (существует очень мало мыслящих людей!). Ведь подвергались опасности и мои самые насущные интересы. Вспыхнула бы война, и я лишился бы своего поста... Но... не подумай, пожалуйста, что все было только блефом, что никакой опасности не грозило. Только чудо спасло нас от войны!.. В новой ситуации все наши заботы выглядят по-другому. Мне придется энергично... за это взяться. Но об этом позже!»[39] Через две недели, оглядываясь назад, он писал, что острый кризис против ожидания «все-таки закончился миром! Должен признаться, на сей раз я в это уже не верил». Затем он двусмысленно добавил: «Мы все многим обязаны английскому премьер-министру. И все-таки это счастье, что все произошло именно так, а не иначе!»[40]

Ведущие сотрудники посольства — посол Шуленбург, военный атташе Кёстринг и Густав Хильгер — оказались теперь в длительной фазе осмысления происходящих событий и переориентаций. «Первое же "спокойное" воскресенье», 2 октября 1938 г., они использовали для «загородной прогулки» и отправились «на Бородинское поле»[41]. Посещение Бородина — места сражения, где великая армия Наполеона в 1812 г. впервые потерпела тяжелое поражение, — приобретало в те дни символическое значение. Нападение Германии на Россию (по аналогии с армиями Наполеона) с первым германским вторжением в «славянское пространство» стало теперь более реальным. Понимая, какими катастрофическими последствиями обернется война для Германии и России, эти люди считали своим долгом всеми доступными средствами противодействовать такому развитию событий.

Решающую роль при этом сыграл конкретный опыт «Мюнхена».

1. Германское посольство в Москве исходило из того, что Гитлер был готов развязать войну и что Европа стояла на пороге большой войны, которая по своим последствиям не уступит первой мировой войне.

2. Оно считало, что дипломатическое урегулирование, предпринятое западными державами, лишь временно приглушило опасность новой мировой войны. Тревога политически сознательных и чувствующих свою ответственность людей не исчезла, она даже усилилась, поскольку предполагалось, что Гитлер и дальше будет подталкивать к войне, а «чудо» больше не повторится.

3. В связи с отсутствием сопротивления агрессивной политике Гитлера внутри страны задача дипломатии состояла в том, чтобы создать внешнеполитическую ситуацию, ведущую к заключению пактов и с неотразимой логикой исключающую возможность возобновления чреватого войной конфликта.

4. По мнению германской дипломатии в России, ключ к достижению подобной ситуации находился в руках Советского правительства. Поэтому нужно было в кратчайший срок с помощью энергичных шагов побудить это правительство использовать свое международное влияние для стабилизации обстановки в Центральной и Восточной Европе.

5. Необходимо было также с помощью новых приемов привнести в процесс принятия внешнеполитических решений обоими государствами идею оживления действенной договорной системы, которая крепко связывала Германию и Россию и которая с 1934 г. оставалась неиспользованной. Отправной точкой здесь могло служить особое положение Советского правительства после подписания Мюнхенского соглашения.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА В ОТНОШЕНИИ ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ

Советский Союз после Мюнхенского соглашения оказался исключенным из сообщества великих держав и поставлен в условия изоляции. Если он не хотел быть полностью отстранен от общеевропейской политики — с ожидаемыми дальнейшими перекраиваниями границ — и оттеснен в сторону[1], то при неизменном курсе западных государств на умиротворение СССР должен был рано или поздно настроиться на переговоры с Германией. Ведь из чехословацкого кризиса она вышла как наиболее мощная военная держава.

С точки зрения опытных дипломатов в Москве, в этих условиях можно было надеяться заинтересовать Советское правительство в сближении с Германией. Если судить по более поздним свидетельствам дипломатов, некоторым из них подобная перспектива прямо-таки бросалась в глаза. Французский посол в Москве Робер Кулондр позднее заявил, что с помощью Мюнхенского соглашения западные державы толкнули Сталина в объятия Гитлера[2]. Свою точку зрения он базировал на якобы непреднамеренном разглашении тайны первым заместителем наркома иностранных дел В.П.Потемкиным. По словам Кулондра, в конце беседы, во время которой французский посол пытался объяснить причины, приведшие Даладье в Мюнхен, Потемкин, «под наплывом охвативших его чувств и будучи в одинаковой мере и славянином и дипломатом», потерял на какой-то момент самообладание и заявил: «Мой бедный друг, что вы наделали. Для нас я не вижу другого выхода, кроме как четвертый раздел Польши!»[3]

Коллега Кулондра в Москве, итальянский посол Аугусто Россо, позднее подтвердил предположение, что уже к тому времени по крайней мере один представитель Советского правительства думал о необходимости раздела Польши в союзе с Германией. В 1946 г. Россо сослался на свои дневниковые записи начала 1938 г., где зафиксировано высказывание одного «авторитетного лица», «занимавшего ответственный пост». Этот политик, которым мог быть Потемкин, будто бы в разговоре с Россо «намекнул на возможность четвертого раздела Польши». Россо добавил: «Если я не ошибаюсь, это лицо сказало, что для того, чтобы раздел произошел, нужно согласие между осуществляющими раздел (государствами)»[4]. По этим словам, а также по другим не названным признакам, Россо определил «симптомы начавшегося сближения с Берлином»[5]. Он также сослался на своего румынского коллегу в Москве, Григоре Гафенку, который заявил, что «недоверие Запада к Советскому Союзу привело к мюнхенскому компромиссу, а недоверие Советского Союза к Западу явилось причиной

московского компромисса»[6]. Обращает на себя внимание тот факт, что Гафенку только летом 1939 г. до конца осознал и описал последствия этого маятникового эффекта[7]. Сам Потемкин никак не высказался по поводу приписываемых ему позднее Кулондром слов. Вместе с тем в опубликованном в 1953 г. в Москве труде[8] о борьбе советской дипломатии против последствий политики умиротворения, а, по его мнению, то была «политика попустительства и пособничества агрессору», Потемкин обосновал ту точку зрения, согласно которой Чемберлен и Даладье пожертвовали интересами малых стран, чтобы направить нацистскую экспансию на восток[9].

Газета «Правда» от 1 октября 1938 г. указывала на то, что Советское правительство действительно интенсивно занималось германскими планами, связанными с Польшей. Она настойчиво предостерегала польское правительство, учитывая его поведение в период судетского кризиса, от того, чтобы последнее своими собственными руками не вырыло могилы для польской безопасности, и высказала мрачное предположение, что недалеко то время, когда «фашистская Германия, развращенная своей безнаказанностью, поставит на повестку дня вопрос о разделе Польши». Выдвинутое Потемкиным в беседе с польским послом в Москве В.Гжибовским предложение о переговорах показывает, что Советское правительство столь мрачными прогнозами никоим образом не призывало к бездеятельности. Напротив, оно добивалось, и не без успеха, углубления и улучшения двусторонних политических и экономических отношений на основе растущей обоюдной озабоченности: представители обеих стран не были приглашены в Мюнхен и имели основания скептически отнестись к результатам конференции — усилению позиций Гитлера[10]. Изменений в союзнической политике СССР в тот момент заметно не было .

И хотя в послевоенное время западная историография снова и снова возвращалась к предполагаемой реплике Потемкина[11], о которой поведал Кулондр, она не утверждала в категорической форме, что Советское правительство уже в тот момент планировало или по крайней мере серьезно взвешивало перестройку своей системы союзов. Английский историк Макс Белофф утверждает, что «советская политика за период между мюнхенскими переговорами и немецкой оккупацией... Чехословакии... не претерпела никаких существенных изменений» и что «советская дипломатия, по всей видимости, не испытывала желания выступать с какой-либо инициативой, а, напротив, скорее готовилась смириться с положением сравнительной изоляции, в котором оказалась страна». Заслуживающим обсуждения Белофф считал вопрос, не сложилось ли у Советского правительства в этот промежуток времени мнения, «что его интересам лучше всего отвечает официальная договоренность с Германией при условии, что ее удастся уговорить отказаться от идеи нападения на Россию...»[12].

Другой английский историк, Э.Карр, знакомый с соответствующей германской дипломатической перепиской, еще в 1949 г. не видел оснований для дальнейшего исследования данного вопроса. Он, в частности, писал: «Период с октября 1938 г. по март 1939 г. содержит

мало достоверных сведений, освещающих развитие советской внешней политики. То, что западные главы государств являлись весьма ненадежными союзниками в вопросе противодействия германской агрессии, было советскому руководству очевидно. Не менее очевидным являлось и то, что результатом, если не намерением, Мюнхенского соглашения должен был быть поворот германской агрессии на восток. Однако предложить какую-либо альтернативную политику не смог никто»[13].

1. РАСШИРЕНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ 1 ОКТЯБРЯ 1938 ГОДА — 31 ЯНВАРЯ 1939 ГОДА

Вероятность изменения советской внешней политики как следствие глубокого потрясения, которое пережило правительство Сталина в связи с подписанием четырехстороннего соглашения, казалась поначалу чрезвычайно ничтожной. Сообщенные Кулондром высказывания Потемкина свидетельствовали скорее о политической прозорливости последнего относительно все большего сужения внешнеполитических возможностей Советского правительства, нежели о принятых им предварительных решениях.

Ведь ничто не говорит о том, что Советское правительство уже в первые дни октября на своих многодневных конфиденциальных совещаниях рассматривало подобные варианты со столь дальним прицелом. Вместе с тем оно считало необходимым из сохранившихся компонентов разрушенного здания коллективной безопасности сконструировать новую внешнюю политику. Однако, насколько это можно понять из сообщений последующих месяцев, эта политика пока что сводилась к максимальному укреплению обороноспособности с целью отражения опасности с востока и запада собственными силами и не имела в виду какой-либо сделки с агрессивным противником. Вопрос о том, обсуждались ли и насколько глубоко на этих совещаниях проблемы будущей политики Германии, остается открытым. Но по всей вероятности, уже тогда сформировался прочный консенсус относительно тайных замыслов западных держав[1], их намерения, насколько возможно, не создавать препятствий немецкой агрессии, а предоставить Германии свободу действий на востоке. Понимание скрытого смысла четырехстороннего соглашения как одобрения германской экспансии в восточном направлении прибавило к растерянности Советского правительства глубокое недоверие к западным державам. Это недоверие, достигшее зимой 1938/39 г. в украинском вопросе своего апогея, росло в последующие недели и месяцы в связи с целым рядом внешнеполитических событий, которые, казалось, его оправдывали. К ним относились решения Венского арбитража от 2 ноября и подписание 6 декабря 1938 г. германо-французской декларации о ненападении[2]. Все это на несколько месяцев осложнило отношения Советского правительства с Францией и Англией вплоть до прекращения сообщения.

Официальные заявления представителей Наркомата иностранных дел непосредственно после этих совещаний свидетельствуют не только о растерянности Советского правительства, но в первую очередь об отсутствии твердой ориентации. Народный комиссар иностранных дел Максим Литвинов, возвращаясь с Женевской ассамблеи Лиги Наций в

Москву, сделал остановку в Париже, где он осыпал упреками министра иностранных дел Франции Жоржа Боннэ, повторив при этом основные моменты заявлений Советского правительства периода судетского кризиса. Он, в частности, утверждал, что Чемберлен поддался обману Гитлера, встав на путь Годесберга и Мюнхена, что Гитлер никогда бы не осмелился пойти на риск войны, если бы Англия и Франция, опираясь на помощь России, дали решительный отпор[3]. Разумеется, германская дипломатия в этом отношении придерживалась иного мнения.

16 октября 1938 г. после консультаций с Советским правительством Литвинов высказал уходящему с этого поста послу Франции в Москве Кулондру неодобрение относительно того, что Франция систематически уклонялась от попыток советской стороны достичь необходимых военных соглашений к договору о взаимопомощи от 1935 г., даже тогда, когда Чехословакия действительно нуждалась в их помощи. На вопрос Кулондра, что же можно предпринять теперь, Литвинов ответил, «что утерянных драгоценных позиций сейчас не вернуть и не компенсировать. Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира. Остается одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями и он на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останутся лишь три великие державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное»[4].

Внутриполитическое развитие первых недель после Мюнхена — короткое, интенсивное усиление террора против мнимых врагов в собственных рядах, против представителей иностранных держав и разного рода иностранцев — также не свидетельствовало о начинающемся повороте советской внешней политики в сторону Германии. Не ощущалось и ослабления страха, подозрительности и враждебности по отношению к представителям национал-социалистской Германии. Ни официальная, ни личная переписка германского посла в Москве того периода не содержит никаких признаков, позволяющих сделать вывод о подобных переменах советской точки зрения. Напротив, сотрудники германского посольства в Москве отмечают в те дни, недели и даже месяцы после Мюнхена исключительно холодную, ограниченную самым необходимым корректность представителей Советского правительства. В отношении граждан и представителей посольства рейха органами безопасности Наркомата внутренних дел практиковались насильственные меры. Значительно усилились придирки к живущим и аккредитованным в Советском Союзе иностранцам[5]. Вместе с тем в своих отчетах в Берлин германское посольство старалось убедить соответствующие службы в том, что немцы занимают «нормальное» место в общей системе преследования иностранцев, которую сочли

необходимым ввести Сталин, считавший ситуацию предвоенной, и его органы безопасности, исходившие из существующего кризиса недоверия. Жесткая бесцеремонность новой кампании против иностранцев, продиктованная желанием предотвратить опасность, а также неуверенностью, непониманием и подозрительностью, не различала национальностей[6].

Тем не менее в своих донесениях посол особо выделял тот факт, что Советское правительство больше раздражено отступлением правительств Англии и Франции, чем политикой Гитлера, которой и следовало ожидать. Эмоционально окрашенные личные письма посла первых дней после Мюнхенского соглашения выдают (впервые за время его пребывания в СССР) не только насыщенную разочарованием горькую иронию, но и указывают на все необходимые для дипломатической инициативы возможности. «Правительство здесь, — писал он 3 октября, — конечно, крайне недовольно исходом кризиса. Все пошло вкривь и вкось! В Европе нет войны... Лига Наций вновь оказалась мыльным пузырем... популярная, взлелеянная Литвиновым «коллективная безопасность» оказалась неэффективной... о Советском Союзе никто не позаботился, не говоря уже о том, чтобы пригласить его участвовать в переговорах... и, наконец, система пактов Советского Союза в значительной степени ослаблена, если не разрушена вовсе. Это неприятные факты, вызывающие здесь раздражение. Но гнев направлен не только против нас (ибо здесь понимают, что «мы» взяли только то, что само шло в руки), сколько против англичан и французов, которых осыпают резкими упреками»[7].

Здесь был затронут вопрос, над которым посольство станет работать в последующие месяцы. Поначалу казалось, что сопротивление Москвы преодолеть невозможно, но германскому послу помогла случайность: в середине октября одновременно с послом союзной Японии был отозван из Москвы и переведен в Берлин французский посол Кулондр, а в ноябре заменили британского посла Чилстона. В результате в этот чрезвычайно сложный период советских отношений со странами Запада и абсолютно низкого уровня германо-советских отношений граф Шуленбург по заведенному обычаю как старший по рангу становится дуайеном дипломатического корпуса в Москве[8] и получает более удобный доступ к людям, принимающим решения в Кремле.

Подготовка инициативы

Всю первую половину октября посол Шуленбург оставался как бы за кулисами служебных дел. Он следил за событиями, но не делал поспешных выводов, а 10 октября стал добиваться разрешения выехать в Берлин, где хотел выяснить намерения руководства рейха и обсудить свои дальнейшие действия с ответственными работниками министерства иностранных дел[9]. Представлять официальные отчеты он поручил второму человеку посольства, советнику Вернеру фон Типпельскирху.

Доклады, направляемые Типпельскирхом в октябре руководителю восточноевропейской референтуры политического отдела МИД доктору Шлипу и просматривавшиеся Шуленбургом, соответствовали инструкциям и интересам посла. Особое значение для подготовки дипломатической инициативы посольства имели донесения от 3 и 10 октября 1938 г.[10]

В них Типпельскирх отмечал, что «политика Литвинова потерпела полное фиаско» и что это не может «остаться без последствий для советской внешней политики». Советское правительство, с одной стороны, постарается вновь оживить пролетарский Интернационал и через народные массы повлиять на западные правительства, а с другой стороны, «еще сильнее, чем прежде, будет стремиться к повышению своей военной мощи». Возможно, заметил Типпельскирх, для этого потребуется увеличить импорт средств производства. Далее он писал: «Похоже, что из неудач советской политики Сталин сделал также и кадровые выводы. При этом я, естественно, в первую очередь думаю о Литвинове, прилагавшем во время кризиса напрасные усилия в Женеве. Мы имеем некоторые сведения о том, что советские руководители в период кризиса постоянно проводили длительные совещания, на которых якобы царили тревога и неуверенность... Сталин снова использует испытанный метод — будет искать козлов отпущения».

Этот прогноз, подтвердившийся семь месяцев спустя, вовсе не удивляет. По мнению германского посольства в Москве, уже тогда несостоятельность политики Литвинова, его отсутствие на долгих напряженных заседаниях во время кризиса, его бесполезные речи в Женеве давали достаточно оснований для предположения о его скорой отставке[11]. Еще более важной в свете дальнейшего развития представляется заключительная часть первого донесения Типпельскирха: «Если встать на путь политических спекуляций, то неизбежен вывод о том, что Советское правительство будет вынуждено пересмотреть свою внешнюю политику. И в первую очередь речь пошла бы об отношениях с Германией, Францией и Японией. Что касается нас, то в данном случае был бы возможен более позитивный взгляд Советского Союза на Германию по той причине, что Франция обесценилась как союзник, а от Японии следует ожидать агрессивной политики... Все же я бы не хотел считать ошибочным предположение, что современная ситуация представляет благоприятные возможности для нового, более обширного экономического договора Германии с Советским Союзом».

Во втором донесении Типпельскирх сообщил о том, что нет никаких признаков, позволяющих судить об изменении в положении Литвинова и о направленности советской внешней политики. Посольство считает, что «пока советская политика будет придерживаться прежнего курса. Литвинов, конечно, предпримет попытку убедить Советское правительство в том, что проводившаяся им политика единственно верная, что ее необходимо продолжать и в будущем. При этом он, по-видимому, станет уверять в том, что Франция и Англия извлекут уроки из развития чехословацких событий и примут меры к тому, чтобы не оказаться еще раз вынужденными отступить перед притязаниями Гитлера. Лит-

винов, естественно, будет доказывать, что нельзя доверять заявлениям фюрера относительно отсутствия дальнейших территориальных требований в Европе. Примечателен тот факт, что, как считают Советы, заверения Гитлера не относятся к Украине... Литвинов станет... и дальше защищать свою политику коллективизма, убежденный в том, что рост влияния Германии, и прежде всего крах Чехословакии, повлечет за собой такое изменение в расстановке сил в Европе, при котором Советскому Союзу рано или поздно обязательно достанется определенная роль... Другими словами, Литвинов будет по-прежнему рекомендовать меры против агрессоров в надежде иметь больше успеха в следующий раз». По мнению Советского правительства, «война только отложена» и «Советскому Союзу в будущем уготована важная роль». Затем следовал «вывод о том, что Сталин и в дальнейшем будет стремиться укреплять свой военный потенциал».

Такая оценка якобы подтверждала точку зрения посольства, что «наступил благоприятный момент для заключения с Советским правительством нового экономического соглашения, которое уже давно готовит господин Шнурре». В заключение советник писал: «А потому хотел бы вновь предложить немедленно проработать соответствующим образом данный вопрос». И далее: «Должен добавить, что господин посол разделяет мою точку зрения и уполномочил меня выступить с данной инициативой».

А инициатива явилась следствием размышлений Шуленбурга о том, «что необходимо воспользоваться изоляцией Советского Союза, чтобы заключить с ним всеобъемлющее соглашение, первой ступенью которого была бы договоренность о товарообмене и предоставлении новых значительных кредитов»[12].

Тяжелое положение, в которое Гитлер вверг немецкую экономику, представляло собой благодатную почву для предложений подобного рода. Ибо правительство рейха лихорадочно искало выход. 13 декабря министр пропаганды Йозеф Геббельс в частном порядке записал, что «финансовое положение рейха... катастрофическое. Мы должны искать новые пути. Дальше так не пойдет. Иначе мы окажемся на грани инфляции»[13].

В то время как Типпельскирх передавал эти предложения Шлипу, посол обдумывал общие контуры бесед, которые он намеревался провести в Берлине. Ведь предстояли сложные и долгие разговоры. 24 октября Шуленбург писал фрау фон Дуберг в Берлин: «Я ужасно рад предстоящей возможности вновь увидеть тебя.... но на этот раз у меня будет очень мало времени»[14]. Пробыть в Берлине он планировал с 31 октября по 11 ноября. Однако вначале нужно было на «2 дня остановиться в Варшаве и кое-что обсудить с Мольтке»; затем в его «распоряжении оставалась целая неделя в Берлине», во время которой «предстояло многое сделать». Посла беспокоило, что на запрос относительно командировки «все еще не поступил ответ из Берлина», но он надеялся, что там не будут «чинить препятствий». Запись посла от 27 октября свидетельствует о том, что он не получил официального разрешения на остановку в Варшаве, а потому не мог в тот период обме-

няться мнениями со своим коллегой, германским послом в Варшаве, Г. А. фон Мольтке, который, как и он сам, являлся представителем «старого» ведомства. Командировка в Берлин Шуленбургу была разрешена с 31 октября по 12 ноября. Дни со 2 по 10 ноября посол провел в столице.

Во время подготовки к беседам в Берлине Шуленбург составил и скрепил подписью «Докладную записку»[15], датированную 26 октября 1938 г. Записка начинается словами: «Я намерен в ближайшее время обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров Молотову с тем, чтобы попытаться достичь урегулирования вопросов, осложняющих советско-германские отношения». Как справедливо заметил Шорске, «полное игнорирование Шуленбургом Литвинова с целью прямого выхода на Молотова было совершенно неожиданным». Между тем план переговоров, изложенный Шуленбургом в присущей ему строгой манере, не создает впечатления «дипломатической революции»[16]. Пунктом «А» предусматривались безотлагательные переговоры с целью достижения соглашения о торговле и платежах на новых, благоприятных для СССР условиях, в пункте «Б» говорилось об урегулировании некоторых осложняющих экономические отношения спорных проблем, а в пункте «В» речь шла о решении вопросов, связанных с арестом и имуществом немецких подданных (сюда относилось 400 случаев «исчезновения» граждан рейха).

Эти вопросы Шуленбург ставил перед компетентными советскими органами и в предшествующие годы. Новым было соединение предложений в обширную программу переговоров и прежде всего манера ее представления. Совершенно необычным было обращение посла непосредственно к главе правительства, минуя руководителей соответствующих ведомств — в данном случае наркомов внутренних и иностранных дел, а также наркома внешней торговли, — тем более в условиях советской министерской бюрократии.

И все же этот необычный шаг являлся «революционным». Посол, очевидно, видел в Молотове более важную персону, которой в дальнейшем вместе со Сталиным предстояло определять германскую политику СССР; Молотов, по его мнению, не был односторонне ориентирован на западные державы, а на основе своего выходящего за пределы одного ведомства положения, а также не в последнюю очередь и благодаря авторитету, которым он, как известно, пользовался у Сталина, мог осуществить переориентацию советской политики в отношении Германии.

Кроме того, посол надеялся, что докладная записка попадет в руки Гитлера и будет им одобрена. Поэтому не рекомендовалось предлагать министра-еврея в качестве партнера по переговорам. В любом случае Шуленбург хотел достичь большего, чем просто решения упомянутых здесь отдельных вопросов. Вторая фраза преамбулы записки, похоже, указывает именно на это. «Самой удобной предпосылкой для подобного шага, — писал он, — стало бы начало переговоров относительно германо-советских договоренностей о торговле и системе расчетов на 1939 год и о предоставлении Советскому Союзу обширного товарного креди-

та». Переговоры, таким образом, должны были прежде всего подготовить почву для более крупных и важных шагов.

В Берлине Шуленбурга ожидали три новости. 21 октября, вслед за оккупацией Судетской области, фюрер издал директиву «об окончательном урегулировании чехословацкого вопроса», в соответствии с которой вермахту было приказано приготовиться к дальнейшему продвижению на восток. 24 октября Риббентроп по поручению Гитлера предложил Польше «совместную политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»[17], что серьезно угрожало советским интересам. Было ясно, что Гитлер свое внимание в первую очередь направлял на «решение» так называемого польского вопроса. А 2 ноября /Первый/ Венский арбитраж предложил создать на востоке покоренной Чехословакии марионеточное государство «Закарпатская Украина», которое могло бы стать плацдармом для наступления на Советскую Украину, а возможно, и на Советский Союз[18].

Все три сообщения в равной степени продемонстрировали послу крайнюю необходимость осуществления планов, ради которых он приехал в Берлин.

Его коллега в отставке Ульрих фон Хассель, также находившийся в эти дни в Берлине, 4 ноября так прокомментировал последнее событие: «Новая Чехословакия представляет собой, пожалуй, еще более неустойчивую структуру, особенно в ее восточной части. Там возникнет ситуация, которая может стать источником более серьезных конфликтов. Не делает ли Гитлер ставку на Украину?»

Настроение, которое застал посол в министерстве иностранных дел, должно быть, не очень отличалось от того, которое наблюдал Хассель в середине декабря[19]. Нейрат (еще в начале года его начальник), переведенный на «незавидный пост», производил «впечатление покорного судьбе человека». Статс-секретарь фон Вайцзеккер «довольно озабоченно охарактеризовал риббентроповскую или гитлеровскую внешнюю политику, явно нацеленную на войну. Правда, пока еще не решили: выступить ли сначала против Англии, обеспечивая нейтралитет Польши, или сперва на востоке ликвидировать германо-польский и украинский вопросы, а также мемельскую проблему». Сам Риббентроп неохотно принимал прибывающих в Берлин послов и «так же, как и фюрер, не любил выслушивать иные мнения». В целом деловая обстановка в министерстве казалась «почти невыносимой: дикая суета, от которой вот-вот лопнут нервы. Высшее начальство, за исключением, быть может, в какой-то степени Вайцзеккера, также ничего не знает о политических целях и средствах». Руководитель восточной референтуры политического отдела МИД, д-р Вернер Отто фон Хентиг, с которым Шуленбург был лично знаком по прежней работе, «справедливо заметил, что сетовать на обстоятельства не имеет смысла. Положение настолько серьезно, что пора начинать действовать».

Во время совещаний в министерстве иностранных дел Шуленбург, по-видимому, действовал не менее настойчиво, чем его коллега Хентиг. Несомненно, он рекомендовал, используя затруднительное положение Советского правительства, срочно приступить к переговорам,

открывая путь процессу нормализации отношений между двумя враждующими европейскими державами. Можно предположить также, что при этом он охарактеризовал позицию Сталина и его правительства таким образом, чтобы вызвать интерес немецкой стороны. Подтверждением этому служит следующее высказывание Отто Майснера, бывшего тогда статс-секретарем: «Из личных впечатлений германского посла в Москве графа Шуленбурга явствует, что Сталин, убежденный в военной мощи Германии и решимости ее руководства, сразу после чехословацкого кризиса высказался в пользу Германии как более сильной державы»[20]. То, что это соответствовало не фактам, а лишь надеждам и планам германской дипломатии в России, покажет дальнейшая судьба этой крайне трудной инициативы к сближению. Тем не менее, как свидетельствуют воспоминания Майснера, Шуленбургу удалось пробудить в Берлине, по меньшей мере у «разумной элиты», интерес к своему плану. Это относилось и к тем прагматикам министерства иностранных дел, которые сконцентрировались в отделе экономической политики. Аргументы Шуленбурга попали здесь на благодатную почву. Советский Союз, говорил он, окончательно загнанный в тупик, стремится максимально усилить свой военный потенциал. Для этого ему нужна иностранная помощь, и прежде всего немецкая технология. В то же время набравшая высокие темпы военная промышленность Германии испытывала большую потребность в сырье, а немецкое население — в обеспечении продовольствием, прежде всего пшеницей. Наконец, существовала, пусть и отдаленная, надежда на то, что желание Гитлера заполучить житницу Украину могло поутихнуть, а возможно, и вовсе исчезнуть, если ему на благоприятных условиях и на долгий срок будут гарантированы в достаточном количестве поставки зерна из районов Причерноморья.

Эта аргументация таила в себе и определенную опасность. Советскому Союзу предоставлялась возможность некоторое время проводить политику экономического умиротворения; вместе с тем это, разумеется, позволило бы ему значительно укрепить свою военную мощь, чтобы путем устрашения сделать менее вероятным безрассудное немецкое нападение. Но поскольку Шуленбург и значительная часть немецких дипломатов в России считали внешнюю политику Советского правительства исключительно оборонительной, они не видели опасности усиления советского военного потенциала. Применительно к Германии поставка русских продуктов сельского хозяйства могла представляться им желаемой, массовый же экспорт из СССР важного в военном отношении сырья — опасным. Но в то же время оживленные торговые и экономические сношения обещали временное ослабление напряженности, средне- или даже долгосрочное смягчение жесткого курса германо-советской конфронтации. Наконец, к тому моменту все еще существовала определенная надежда, что оба врага постепенно убедятся в пользе мирных двухсторонних отношений и Германия откажется от своих агрессивных целей.

Первой документально подтвержденной инициативой, направленной на оживление германо-советских торговых отношений стала

составленная в этот период в министерстве иностранных дел и предназначенная для восточноевропейской референтуры записка руководителя отдела экономической политики министериальдиректора Виля. Эмиль Виль[21], католик, прокурор из Бадена, — дипломатическая карьера которого (назначен в министерство иностранных дел в соответствии с указом от 5 февраля 1920 г.) позволила ему побывать в период Веймарской республики в западных странах (Лондон, Вашингтон и Сан-Франциско) — был далек от национал-социализма и являлся для Шуленбурга надежным собеседником.

Записка Виля датирована 4 ноября 1938 г., то есть вторым днем совещаний Шуленбурга с коллегами из министерства иностранных дел[22]. В документе Виль выдвинул на передний план вопрос об увеличении Германией закупок сырья в России и пытался пробудить интерес к оживлению торговых отношений, указывая на возможность склонить Россию «к немедленному расширению поставок сырья Германии независимо от предоставления кредитов». «Положение Германии с сырьем ... таково, — писал он, — что со стороны служб генерал-фельдмаршала фон Геринга и других заинтересованных ведомств настоятельно выдвигается требование по крайней мере еще раз попытаться оживить сделки с Россией, в особенности связанные с импортом русского сырья». Далее Виль добавил: «Германское посольство в Москве неоднократно высказывалось в пользу возобновления контактов с СССР и считает настоящий момент благоприятным для этого». Он рекомендовал использовать предстоящий в конце года контакт с советским торговым представительством в Берлине, чтобы «в непринужденной атмосфере выяснить заинтересованность русских... в продолжении переговоров о кредитах».

Указывая на напряженную ситуацию с сырьем в Германии, Виль старался оказать давление на лиц, ответственных за принятие решений. Герман Геринг[23], к которому он обратился, возглавлял с 1936 г. ведомство по осуществлению «четырехлетнего плана» и отвечал также за обеспечение сырьем военной промышленности. Он представлял в правительстве Гитлера силы, серьезно обеспокоенные в период судетского кризиса военной безопасностью Германии, и вместе с Нейратом пытался склонить Гитлера к примирению[24]. В те критические дни усилилось его соперничество с Риббентропом, которого он упрекал в бездумном подстрекательстве к войне. Геринг, с момента судетского кризиса прослывший в окружении Гитлера «трусом», был восприимчивым к попыткам разрядить экономическую и политическую ситуацию и избежать будущих внешнеполитических конфликтов. Его отношение к России как потенциальному партнеру Германии отягощалось антибольшевизмом в меньшей степени, чем у его коллег.

К упомянутым Вилем «прочим заинтересованным ведомствам» наряду с имперским министерством экономики, которым руководил преемник Шахта Вальтер Функ, относились также имперское министерство финансов, «Дойче гольддисконтбанк» и Имперский банк. Президент Имперского банка — а в то время (до отставки 20 января 1939 г.)

им был еще Ялмар Шахт — уже в 1935 — 1937 гг. считался сторонником оживления торговли с СССР и в условиях обострения внешнеполитического конфликта с большей активностью выступал за интенсификацию германо-советских экономических связей.

Руководитель восточноевропейской референтуры отдела экономической политики МИД д-р Карл Шнурре, участник первой мировой войны[25], как и его начальник, сделал карьеру в период Веймарской республики. После пребывания в Лондоне, Париже, Женеве, с 1928 г. в Тегеране (где он тесно сотрудничал с тогдашним посланником графом фон Шуленбургом), в Будапеште и Белграде его, известного юриста, в 1936 г. направили в упомянутый отдел, где Шнурре служил сперва под началом посла Риттера, а затем — министериальдиректора Виля.

Шнурре подхватил содержавшуюся в записке Виля инициативу и энергично принялся за ее осуществление. Менее чем через месяц, 1 декабря 1938 г.[26], он писал: «Позиция Германии в отношении предстоящих переговоров с русскими выработана на многочисленных ведомственных совещаниях, последнее из которых состоялось сегодня... В итоге предусмотрены следующие меры:

1. Как только торговый представитель русских Давыдов вернется из Москвы, начнутся переговоры с представительством о продлении срока действия германо-советского экономического договора на 1939 г. ...

2. Достигнута договоренность о том, чтобы в ходе переговоров прозондировать русских относительно нового товарного кредита...

3. Предоставление такого кредита оправдывалось бы тем, что в настоящий момент сделка с Россией имела бы для нас особую ценность...»

Своим указанием на «особую ценность в настоящий момент» — эвфемизм для возрастающей потребности Германии в сырье — Шнурре произвел благоприятное впечатление на сторонников форсированной подготовки к войне. Договор о предоставлении кредита на сумму свыше 200 миллионов рейхсмарок сроком на шесть лет связывался с условием, что три четверти кредитной суммы советская сторона покроет за счет поставок стратегического сырья. Предвидя трудности, с которыми столкнется при принятии решения советская сторона, Шнурре советовал «не слишком высоко оценивать перспективы успеха...». Особенно он указал на «трудности политического характера» — скрытое подталкивание к улучшению политических отношений.

Потребность Германии в сырье одержала верх над политическими сомнениями. 19 декабря 1938 г. неожиданно быстро прошло подписание протокола о продлении германо-советского экономического договора, что еще весной 1938 г. считалось невозможным. Быстрое и гладкое урегулирование этого внешне «обычного дела» справедливо вызвало «повышенный интерес» за границей[27].

Следующий шаг состоял в том, чтобы заручиться расположением советской стороны к дальнейшим планам немцев. С этой целью Шнурре через три дня после подписания протокола о продлении торгового соглашения пригласил в министерство иностранных дел для беседы в присутствии находящегося в Берлине Хильгера сотрудников советского торгового представительства[28]. Состав немецкой делегации (а в нее,

помимо Шнурре, входили: обер-регирунгсрат Тер-Недден, регирунгсрат Эрдман из министерства экономики, атташе д-р Вальтер Шмидт и Хильгер) свидетельствовал о серьезных намерениях. От советской стороны на переговоры в сопровождении секретарши явился лишь заместитель советского торгпреда Скосырев.

Предлогом к началу переговоров послужили вопросы, вытекавшие из установления германского экономического суверенитета в Судетской области. Затем немецкая сторона сделала два важных сообщения: во-первых, Германия соглашалась предоставить СССР кредит в 200 миллионов рейхсмарок при условии, что Советский Союз в последующие два года доведет стоимость поставляемого в Германию сырья до 150 миллионов рейхсмарок (при этом Скосыреву был вручен список товаров, в поставке которых было заинтересовано германское правительство), и, во-вторых, «немецкая сторона (была) готова в связи с соглашением о предоставлении кредита урегулировать ряд вопросов, осложнявших до сих пор двусторонние отношения». Затем последовало оглашение спорных вопросов, содержавшихся в записке Шуленбурга от 26 октября 1938 г.

К первой инициативе, если судить по записям Хильгера об этой встрече, Скосырев отнесся с одобрением, хотя остается неясным, осознал ли он сразу подлинную суть предложения. По свидетельству Хильгера, Скосырев сказал, что «советская сторона также желает возобновления и расширения экономических связей с Германией». Эта формулировка ничем не отличалась от стереотипных оборотов советской «миролюбивой политики». Не новостью был даже сам факт ее использования не в условиях неформального дипломатического приема, а в министерстве иностранных дел. Уже во время своего официального представления Риббентропу 6 июля 1938 г. вновь назначенный советский полпред в Берлине А.Ф.Мерекалов на вопрос Вайцзеккера о возможных планах относительно расширения экономического сближения СССР и Германии (согласно записям Мерекалова) «ответил, что у нас нет каких-либо особых мотивов, препятствующих расширению наших хозяйственных связей с Германией». Мерекалов добавил, что «если германские промышленные круги и министерство хозяйства пойдут на условия, которые нами были даны в ответ на предложение немцев о кредите, то мы готовы содействовать расширению этих связей». Однако инициатива, по его словам, должна была исходить от немецкой стороны[29]. Ко второму предложению относительно, так сказать, «расчистки завалов» Скосырев, согласно записям Хильгера, также проявил интерес и выразил «готовность сотрудничать в этом направлении», пообещав запросить из Москвы директивы.

Тщательный анализ записей этой беседы показывает, что Скосырев вел себя в основном пассивно. Он поддерживал инициативу, не высказывая собственных взглядов, держался нейтрально. Несмотря на позитивный тон записей Хильгера, было бы ошибкой из хода беседы делать вывод о ярко выраженной готовности Советского правительства. Впрочем, ни один советский представитель за рубежом в эти годы сталинского террора не осмелился бы до получения соответствующих инс-

трукций даже на самую малую инициативу в развитии контактов с противоположной стороной.

После возвращения в Москву (12 ноября 1939 г.)[30] посол граф Шуленбург прилагал усилия к тому, чтобы пробудить интерес у Советского правительства. Полученные в Берлине впечатления и факт полной изоляции Советского Союза (пассажирские перевозки сократились настолько, что он во всем поезде был «единственным, кто пересек в Бигоссове советскую границу»[31]) укрепили его в этом решении. Вскоре, 15 ноября, он пригласил находящегося как раз в Москве советского полпреда в Берлине Мерекалова[32] на завтрак в свою резиденцию. Мерекалов приглашение принял.

Главная политическая причина, лежавшая в основе приглашения, была, вне всякого сомнения, связана с вопросом о том, «как (будут) в ближайшее время обстоять дела с Польшей. Следует выждать! ...Ужасное время...»[33]. Кроме того, посол, конечно, рассчитывал, что экономист Мерекалов, до недавнего времени руководивший отделом импорта Наркомторга, проявил понимание выдвинутой в Берлине инициативы и поддержит ее в Наркоминделе.

Импульсы, полученные Мерекаловым от Шуленбурга, через несколько недель достигли своей цели. Как рассказал Шнурре[34], усилия Берлина были вскоре «поддержаны демаршем тогдашнего полпреда Мерекалова, который вместе со Скосыревым пришел в МИД и объявил о готовности своего правительства вести переговоры на этой основе».

Джентльменское соглашение

Еще одним результатом усилий Шуленбурга явилась договоренность между ним и Литвиновым об «уменьшении до сносных пределов обоюдных нападок в печати». По мнению министерства иностранных дел, то был «первый определенный признак сближения между Германией и Россией»[35]. Эта договоренность, документального подтверждения которой также не существует, непосредственно увязывалась с поездкой посла в Берлин. Шуленбургу, «которому наскучило по указанию Берлина выражать Наркоминделу в Москве официальные протесты, удалось договориться с Литвиновым о прекращении всяческих оскорбительных нападок в печати обеих стран на руководящих деятелей Советского Союза и Германии. Гитлер дал на это свое согласие»[36].

И Густав Хильгер относит это соглашение к октябрю 1938 г., причем в своих записях, представленных в 1953 и 1959 гг., он указывает различные даты. По его словам, инициатива совершенно однозначно исходила от Шуленбурга. В 1953 г. Хильгер писал: «Германский посол сперва предложил как знак доброй воли принять меры для прекращения очернительной кампании против глав обоих государств. Идея принадлежала Шуленбургу, но прежде, чем предложить Литвинову, он обсудил ее с посланником и со мной».

Опять же по данным Хильгера, еще до отъезда Шуленбурга в Берлин «инициатива... попала (у Литвинова) на благодатную почву; впо-

следствии она обсуждалась на различных встречах: вначале в Москве, затем в Берлине. И наконец было достигнуто согласие. Следующий шаг был предпринят в октябре 1938 г., когда Литвинов и Шуленбург устно договорились о том, что печать и радио обеих стран с этого момента будут проявлять сдержанность и прекратят подвергать нападкам противоположную сторону. Последствия этой договоренности стали первыми видимыми признаками того, что в отношениях между Советским Союзом и Германией близились перемены. Готовность Сталина идти на соглашения подобного рода — это прямое следствие Мюнхенской конференции»[37].

В исторической литературе эти высказывания воспроизводятся с определенными оговорками, принимая по меньшей мере как факт «соглашение о моратории» между Литвиновым и графом Шуленбургом, достигнутое в октябре 1938 г. и исключавшее взаимные нападки в прессе на высших представителей обоих государств»[38]. При этом остаются открытыми важные вопросы, относящиеся как к самой договоренности, так и к ее последствиям для политики в сфере пропаганды и печати правительств Германии и СССР. Прежде всего неясно, действительно ли речь шла о «соглашении» (в какой-то форме), которое либо было прямо одобрено главами правительств, либо просто молчаливо допускалось ими[39], а не всего лишь о прагматической договоренности между двумя хорошо сработавшимися и заинтересованными в разрядке партнерами по переговорам — Шуленбургом и Литвиновым.

Херварт (1982) внес некоторые уточнения, утверждая, что «джентльменское соглашение... с целью прекращения нападок лично на Гитлера и Сталина в германской и советской печати» было заключено по настоянию Шуленбурга. Он считает, что это произошло «поздней осенью 1938 г., а точнее, между так называемой «хрустальной ночью» и отъездом Херварта в Мемель. Как свидетельствует личная переписка Шуленбурга, Херварт был откомандирован в Мемель приблизительно 8 декабря 1938 г.[40] Херварт также считает, что «предложение Шуленбурга... (нашло) одобрение Гитлера и Сталина». Правда, как он сам утверждал, ему «тогда... договор (показался) не особенно важным, лишь позже мы увидели в этом первую веху намечающегося взаимопонимания между двумя странами»[41].

Из бесед с сотрудниками министерства иностранных дел (Риббентропом, Нейратом, Вайцзеккером и др.) Де Витт Пул заключил, что «этот первый определенный признак примирения между Германией и Россией» появился осенью 1938 г. в форме договоренности между правительствами. «Оба правительства, — писал он, — формально договорились о том, чтобы обычные нападки друг на друга в печати каждой из сторон свести до терпимых пределов».

По сути, эти данные выявляют следующую картину: Шуленбург в рамках дискуссий по подготовке дипломатической инициативы в узком кругу посольства в октябре 1938 г. среди прочих поднял также вопрос о прекращении взаимных оскорблений. Возможно, что к этому моменту он уже прозондировал почву в Наркоминделе (либо у самого наркома), где этот зондаж, по существу, не был неожиданным, так как Шулен-

бург и в предыдущие годы стремился к обоюдному устранению нападок в прессе. И уже тогда Литвинов проявил понимание и настаивал на том, чтобы первый шаг в данном направлении сделали средства массовой информации Германии. Не исключено, что во время консультаций в Берлине Шуленбург излагал это мнение своим коллегам и, по всей вероятности, руководству, настаивая на его реализации. Он ведь и раньше неоднократно рекомендовал корректно, менее напряженно относиться к советской стороне и воздействовать на германскую печать с целью смягчения нападок на СССР. Некоторые из коллег соглашались с его точкой зрения и прислушались к рекомендациям. Так, отчеты советских дипломатов последующих недель говорят о чрезвычайно предупредительном и обусловленном пониманием советской точки зрения поведении коллег Шуленбурга (например, руководителя восточноевропейской референтуры Шлипа и помощника статс-секретаря Вёрмана)[42].

Нет никаких документов, подтверждающих тот факт, что инициатива Шуленбурга нашла отклик в верхах. Первое документально подтвержденное указание немецкой прессе о смягчении тона по отношению к СССР датировано 9 мая и представляет собой реакцию на смещение Литвинова[43]. Правда, есть два косвенных свидетельства того, что его настойчивость по поводу смягчения тона в Берлине имела определенные последствия. Так, в записях министра пропаганды Геббельса, относящихся к первой половине декабря 1938 г., указывается, что он из тактических соображений отложил до полного созревания «восточного вопроса» освещение некоторых конкретных проблем (касавшихся, например, Мемеля и Литвы). «Кое-что, — писал Геббельс, — мы перестанем затрагивать в печати. Теперь конфликт нам не нужен. Восточный вопрос следует решать целиком»[44]. Выступая 22 августа 1939 г., накануне подписания пакта о ненападении, перед генералитетом, Гитлер заявил, что он «осенью 1938 г. ...решил договориться со Сталиным». Якобы после знакомства в Мюнхене с трусливыми западными государственными деятелями он пришел к выводу, что, помимо его самого, другим великим политиком является Сталин, который также все внимание уделяет будущему. Поэтому Гитлер решил «вместе с ним перекроить мир». Он намеревался после смерти Сталина (который, по его мнению, был смертельно болен) Советский Союз «разгромить... затем начнется германское мировое господство»[45].

Возвратившись в Москву, посол, по-видимому, 15 ноября 1938 г. в беседе с Мерекаловым проинформировал советскую сторону о немецкой готовности ограничить кампанию взаимной брани. Неясно только, как советская сторона оценила эту готовность. Насколько позволяют судить советские дипломатические отчеты, до начала лета 1939 г. тактический характер этой готовности не вызывал сомнений. Именно до этого момента отмечаются (правда, все реже) советские протесты против клеветы на государственных деятелей. Между тем критика в средствах массовой информации «фашистских агрессоров» по-прежнему увязывалась не с личностями, а с идеей классовой борьбы, прагматиче-

скими и идеологическими установками, вытекающими из реалистической оценки немецких целей и угроз.

Нет никаких оснований считать достигнутую между Шуленбургом и Литвиновым договоренность (в какой бы форме это ни произошло) межправительственным соглашением. Важным является прежде всего ее изначальный импульс, побудивший Гитлера и немецкие органы пропаганды изменить тактику. Вместе с тем эта договоренность не привела к заметному снижению глубоко укоренившейся подозрительности советской стороны к долгосрочным немецким планам. Официальные высказывания последующих недель свидетельствовали о том, что договоренность никак не повлияла на идеологическую и военную бдительность правительства Сталина.

Экономическое умиротворение и военное устрашение

Как показывают речи и выступления в связи с празднованием 21-й годовщины Октябрьской революции, антифашистская позиция СССР даже усилилась. Во внутренней жизни она сопровождалась новой волной террора под лозунгом борьбы с врагами народа, агентами иностранных держав и шпионами зарубежных стран, что означало устранение потенциально ненадежных сил в армии и органах государственной безопасности. Навсегда «исчез» командующий дальневосточными войсками Красной Армии маршал Блюхер[46]. Его расстреляли в ноябре 1938 г.[47] Наркома внутренних дел и, следовательно, шефа ГПУ Ежова заменил через несколько недель земляк Сталина, грузин Лаврентий Берия[48]. Из Наркоминдела удалили назначенных Литвиновым руководителей отделов Вайнштейна (Германия) и Вайнберга (Англия)[49]. К концу 1938 г. половина из назначенных в начале того же года народных комиссаров была освобождена от занимаемых должностей[50].

К столь суровому превентивному идеологическому очищению военного и государственного аппарата Сталина в известной мере побудило его особое восприятие обострения внешнеполитической ситуации. Накануне празднования[51] Молотов в разделе своей речи, касающемся международного положения, заявил о том, что «вторая империалистическая война», война между двумя группировками капиталистических держав, уже началась: фашистские агрессивные державы (Германия, Япония и Италия) привели в движение свой военный потенциал, чтобы померяться силами с «демократическими» государствами (Англией, Францией и США). Что касается Советского Союза, то здесь, по словам Молотова, удар фашистских агрессоров наносится одновременно с восточного и западного направлений, причем вопрос о нападении в районе озера Хасан «решался, собственно, не в Токио... а, скорее, в Берлине»; то были, по его мнению, прямые последствия направленного против СССР «антикоммунистического пакта».

Речь Молотова показала, что изменений или переориентации во внешней политике СССР не произошло. Молотов определенно делал ставку на политику коллективной безопасности как единственный дей-

ственный инструмент, способный воспрепятствовать распространению мирового пожара, и, имея в виду «малые страны», ставшие жертвами соглашательства западных демократий с агрессорами, утверждал: «Что же, мы знаем свои обязанности. Мы ответим на любые провокационные выходки поджигателей войны, со стороны агрессоров против Советского Союза — будь то на западе или на востоке — мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом». Ссылаясь на более ранние высказывания Сталина, Молотов подчеркнул, что Советский Союз все еще окружен капиталистическими странами, которые с ненавистью смотрят на родину социализма. Он призвал советский народ к бдительности и объявил решительную борьбу против внешних и внутренних врагов.

От имени Коммунистического Интернационала — второй опоры советской внешней политики — его секретарь Георгий Димитров, проживавший после Лейпцигского процесса в Москве, опубликовал в газете «Правда» вызвавшую большой интерес статью, в которой объявил о создании интернационального единого фронта народов всех стран против фашизма[52]. Германия, как утверждал Димитров, хочет превратить Прибалтийские государства в плацдарм для борьбы против Советского Союза и отторгнуть от него Украину, и западные буржуазные правительства помогают Германии. Только антифашистское движение народных масс способно помешать этому.

Одновременно в журнале «Большевик»[53] Димитров опубликовал поразительно точную в хронологическом отношении программу германской агрессии, которая ожидала Европу в последующие годы. Нападение Германии на Советский Союз стояло в этой программе на восьмом месте и предполагалось осенью 1941 г.

Опасность, исходившая от Германии и Японии, вне всякого сомнения, определяла внешнеполитическое мышление и действия Советского правительства. Подобные наблюдения дали повод германскому послу в первом после Мюнхенского соглашения политическом отчете[54] от 18 ноября 1938 г., направленном в министерство иностранных дел, высказать мнение, что «во взглядах Кремля изменений не произошло», «коллективизм, Лига Наций и мысль о народном фронте, таким образом, по-прежнему остаются основами внешней политики Советов... Высшим принципом этой политики является борьба с фашизмом и укрепление обороноспособности Советского государства»... В условиях «капиталистического окружения Советского Союза» в Кремле признают, что «рассчитывать придется на собственные силы». Вывод Кремля состоит в необходимости «создания сильной Красной Армии».

Отчет посла явно имел целью насторожить и припугнуть. Берлину он должен был напомнить о том, что Советское правительство неизменно придерживалось стратегии коллективной безопасности против возможной агрессии и в полную силу наращивало свою военную мощь. Именно на фоне этого соперничества двух вооружающихся систем представлялась (правда, относительная) возможность — то была основная мысль Шуленбурга — «снижения напряженности на экономической основе»[55]. Подобное скрытое предложение — вместе с признанием им частичной однородности и функциональной аналогии

обеих тоталитарных систем — основывалось на наблюдении нового, ускоренного процесса недоверия, которое проявлялось в болезненных формах «осознания капиталистического окружения» вождями обоих государств. В своих отчетах посол старался продемонстрировать германской стороне единообразие и параллельность этого развития как базу для определенных форм взаимопонимания.

Из частной переписки посла видно, что он стремился не к союзу отверженных тоталитарных режимов против демократического мира, а, скорее, питал надежду, что западные державы постепенно преодолеют свою сдержанность и в качестве стабилизирующего фактора включатся в скрытый германо-русский конфликт. В этом же смысле он стремился воздействовать и на своих западных коллег, находящихся в Москве. В те дни он имел длительную беседу с Чарльзом Уиллером Тейером, молодым эрудированным американским вице-консулом, интеллектуальные способности которого Шуленбург высоко ценил; подобные контакты он рекомендовал также своим сотрудникам[56]. После разговора с Тейером Шуленбург 20 ноября 1938 г. в частном порядке писал в Берлин: «Ты, возможно, читала, что посол Вильсон был вызван между тем в Вашингтон «для отчета» и что наш посол в Вашингтоне Дикхоф получил приказ «с той же целью» приехать в Берлин. Мы здесь пока не знаем, что за этим кроется, но это походит на скандал, который, конечно, не пойдет на пользу. Следует ждать дальнейшего развития событий. Тем не менее я полагаю, что другие державы должны наконец в данной ситуации начать делать что-то действительно полезное. Возможно, в таком случае и возникнет неожиданно быстрое решение, которое иначе может заставить ждать себя еще очень долго»[57].

Польша на распутье

Озабоченность Шуленбурга относительно дальнейших внешнеполитических шагов Германии касалась прежде всего процессов развития в Польше и вокруг нее. В то время как германский посол в Москве продолжал оставаться в неведении, Советскому правительству из соседних государств — Польши и Японии — поступала конкретная информация[58]. Она свидетельствовала о стремлении Германии склонить Польшу к совместной борьбе против СССР, прежде всего за Украину[59]. По мнению Советского правительства, оно располагало доказательствами того, что подобные действия Германии одобрены западными державами[60]. Возрастающее равнодушие в отношении Польши, проявленное западными державами после Мюнхена[61], казалось, подтверждало это. Из-за особой актуальности польского вопроса пришлось отложить реализацию главной цели Советского правительства — создание действенного коллективного фронта борьбы против «фашистской агрессии».Сохранилась возможность обеспечения безопасности Польши на двусторонней основе.

Польское правительство пошло навстречу Советскому Союзу: оно посчитало себя, как не без умысла сообщил посол Шуленбург в мини-

стерство иностранных дел, «действительно вынужденным... искать поддержку в другом месте»[62]. По словам Шуленбурга, польский посол в Москве В. Гжибовский с октября 1938 г. прилагал усилия к тому, чтобы начать подобные переговоры. Литвинов просил, как сообщил Гжибовский Шуленбургу[63], дать время на обдумывание.

Советскому правительству между тем поступали тревожные сообщения. 18 октября советник германского посольства в Варшаве Рудольф фон Шелия[64] в беседе с вице-директором политического департамента министерства иностранных дел Польши Т. Кобылянским выяснил, что Польша при определенных условиях готова «выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»[65]. Это сообщение вскоре попало в Москву. 24 ноября Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ во время парижских совещаний обсуждали с неприятным для советской стороны равнодушием очевидное намерение немцев нападением на Украину «начать расчленение России»[66]. Нет ничего удивительного в том, что при таких обстоятельствах 24 ноября Литвинов ухватился за польское предложение о переговорах.

Между тем польский посол в Берлине Ю. Липский в своей второй беседе с Риббентропом (17 ноября) по поручению министра иностранных дел Бека ответил недвусмысленным отказом[67] на предложение немцев об «общем урегулировании» спорных, с точки зрения Германии, проблем. Таким образом, испытывая давление своих мощных соседей, Польша старалась балансировать между Германией и Россией и искала более тесного сближения с западными державами[68].

26 ноября Польша и СССР в совместном коммюнике[69] подтвердили действенность польско-советского Договора о ненападении и подчеркнули, что он ставит польско-советские отношения на миролюбивую основу[70]. На другой день газета «Известия» положительно оценила развитие этих отношений. Тем самым, по мнению Эрнста Кёстринга, России удалась «первая попытка выйти из внешнеполитической изоляции»[71].

В этой «сенсации дня»[72] германский посол усмотрел попытку Польши «обезопасить себя с тыла». Все острее ощущая нехватку информации, он, тем не менее, понимал, что угроза исходила лишь с запада, из Германии. В послании от 28 ноября 1938 г. руководителю восточноевропейской референтуры политического отдела министерства иностранных дел д-ру Шлипу, в ведении которого находились и польские вопросы, Шуленбург настоятельно просил «сообщить ему хотя бы в частном письме», действительно ли «надвигается опасность». Посол был обеспокоен тем, что ему не были известны планы Гитлера. 28 ноября в частном письме в Берлин Шуленбург сообщал: «Я писал тебе, что в настоящее время необходимо внимательно следить за тем, «что происходит вокруг Польши». Вчера Советское правительство опубликовало коммюнике, свидетельствующее о том, что на последних переговорах с польским послом в Москве было констатировано, «что польско-советский договор о ненападении сохраняется в полной мере». Это означает, что Советский Союз не намерен создавать трудности для Польши, если она «откуда-либо» подвергнется давлению или окажется в опасности.

Это официальное советское заявление совершенно очевидно направлено против нас, но, к сожалению, мы не знаем, чем оно вызвано. Возможно, Польша, опасаясь нас, хочет прикрыть себе тыл. Но почему?? Привлечение Советского Союза Польшей большого восторга в Германии не вызовет. Неужели на нашей восточной границе быть грозе?»[73]

В конце ноября 1938 г. в германском посольстве в Москве усилилось подозрение, что следующую внешнеполитическую пробу сил Гитлер планирует провести в Польше. С подтверждением действия польско-советского Договора о ненападении можно было ожидать, что этот конфликт приведет к войне. Ее угроза вновь заняла главное место в политических размышлениях и практических делах[74]. Теперь было важно в возможно короткий срок создать дипломатическую ситуацию, которая сдержала бы безответственные экспансионистские устремления Гитлера.

Отчет о польско-советском сближении, направленный 3 декабря 1938 г. после серьезных раздумий послом Шуленбургом в Берлин[75], стал следующей вехой на этом пути. Мюнхенская встреча, писал посол, вновь сблизила Польшу и Россию. Инициатива, по всем признакам, исходила от Польши. «Страх Советского Союза перед постоянно усиливающейся Германией» и желание Польши «прикрыть тыл в случае угрозы со стороны Германии» побудили эти страны преодолеть существующие противоречия. Советский Союз, говорилось далее, чувствует себя после Мюнхена изолированным; Францию он считает бессильной, неспособной на решительные действия, Чехословакию — «вассальным государством, которое должно служить трамплином для дальнейшего продвижения Германии в сторону Советского Союза... Закарпатская Украина под влиянием Германии представляется Советскому Союзу... большой опасностью... Нормализуя свои отношения с Польшей, Советский Союз надеется вырвать Польшу из фронта государств-агрессоров». Шуленбург утверждал, что «здесь несомненно налицо... страх перед... совместной германо-польской акцией против Советского Союза». Дескать, подтверждением советско-польского договора о ненападении как меры, препятствующей вступлению Польши в антикоминтерновский пакт, Советский Союз старается передвинуть «будущее наступление немцев на востоке с польско-советской на германо-польскую границу». «Советский Союз заинтересован в сохранении статус-кво на Востоке, то есть в сохранении Польши и Прибалтийских государств в их нынешнем состоянии».

Этой аргументацией Шуленбург намекал на ситуацию, при которой его предшественник в Москве, Рудольф Надольный, с января 1934 г., то есть после заключения германо-польского договора о ненападении, для успокоения Советского Союза настаивал в Берлине на предоставлении гарантии безопасности Прибалтийским странам. Тогда к его аргументам Гитлер не прислушался. Но затем условия круто изменились. Советский Союз из ослабленной голодом, не способной к обороне страны превратился в строго организованное, сильное государство, на силу которого волей-неволей возлагали свои надежды противники дальнейшей германской экспансии. В новой ситуации концепция

военного устрашения приобретала все большее значение. «Во всяком случае... внутренние политические трудности, — предупреждал военный атташе Эрнст Кёстринг, — не помешают сегодня мобилизации СССР»[76].

В своем отчете посол также не оставил сомнений относительно военной решимости СССР. «Советский Союз стремится противостоять Германии, которую он считает своим наиболее сильным противником везде, где только возможно». В письме руководителю восточноевропейской референтуры политического отдела министерства иностранных дел[77] выражена основанная на опыте судетского кризиса озабоченность посла. Советское правительство, писал он, явно хочет — на этот раз совместно с Польшей — осуществить свои планы по созданию Восточного пакта и, если возможно, обеспечить гарантии Прибалтийским государствам. И далее: «Вместе с тем я пока не могу поверить в то, что в настоящее время Советский Союз возьмет на себя обязательства, которые могли бы вынудить его в интересах третьих стран взяться за оружие. Опыт чешского конфликта оставил слишком неприятный осадок».

Ясно, но из-за цензуры сдержанно выразил он в одном из частных писем свое удовлетворение по поводу польско-советского сближения[78]: «Сближение Польши и Советского Союза является важным фактом, последствия которого еще невозможно предвидеть. Я уже писал тебе, что «события вокруг Польши» в скором времени станут достойными внимания. И происходит кое-что в Румынии. Расстрел руководителей «Железной гвардии» — свидетельство тому»[79].

Внутриполитическое развитие в СССР также обнадеживало германского посла. Ослабление террора, наметившееся с начала декабря 1938 г. и вызвавшее надежду на внутреннюю стабилизацию и улучшение условий жизни, а также «назначение энергичного и имеющего влияние Микояна на пост наркома внешней торговли»[80] — все это позволяло рассчитывать на оживление внешней торговли[81].

Новый импульс к оживлению торговых отношений

Вопрос о расширении германо-советских торговых отношений опять выдвинулся на передний план интересов посольства. Сразу же после объявления о назначении Анастаса Микояна народным комиссаром внешней торговли германский посол вновь пригласил советского полпреда в Берлине Мерекалова в свою резиденцию, чтобы продолжить начатые 15 ноября 1938 г. переговоры. «В прошлую пятницу, — сообщал он Шлипу 5 декабря[82], — господин Мерекалов завтракал у меня во второй раз. По его мнению (формулировка, свидетельствовавшая о заинтересованности посла), назначение Микояна комиссаром внешней торговли непременно будет на пользу германо-советским торговым отношениям. Мерекалов, однако, не рискнул с определенностью сказать, когда находящийся здесь руководитель советского торгпредства в Берлине Давыдов вернется на свой пост. Он «полагает», что это произойдет до середины месяца».

Вторично приглашая Мерекалова, Шуленбург, вне всякого сомнения, намеревался продолжить усилия, направленные на постепенное улучшение политических отношений. Этим объясняется тот факт, что об этом обмене мнениями проинформировали Гитлера. Последний в обстановке меняющихся внешнеполитических условий на новогоднем приеме дипломатического корпуса 12 января 1939 г. упомянул ранее состоявшуюся встречу Мерекалова с Шуленбургом, явно желая создать впечатление о ведущихся переговорах.

Между тем принятие решений Советским правительством по германским инициативам затянулось. Давыдов в середине декабря 1938 г. в Берлин не вернулся . Его заместитель Скосырев 19 декабря в установленном порядке подписал продление на 1939 г. торгового соглашения. Этот же заместитель Давыдова явился 22 декабря в министерство иностранных дел на очень важную, с точки зрения Шнурре и Хильгера, беседу, во время которой предполагалось прозондировать готовность советской стороны к переговорам. Но сперва ответа не последовало. И ничто не указывало на то, что Советское правительство намерено отреагировать на предложение восточноевропейской референтуры отдела экономической политики министерства иностранных дел.

4 января 1939 г. Шуленбург предпринял еще один важный шаг в данном направлении. Он обратился к наркому Литвинову[83]. Вначале посол, как обычно, предъявил обширный перечень случаев ареста иностранцев, когда, по его словам, «советскими внутренними органами... были допущены нарушения договора», и просил передать его наркому внутренних дел Лаврентию Берия. Затем он перешел к непосредственному поводу встречи, переведя разговор «на повторное предложение о кредитах Советскому Союзу», и выяснил, «что Литвинов ничего об этом не знал», — доказательство того, насколько несерьезно Советское правительство восприняло германские инициативы, за которыми оно не в последнюю очередь, должно быть, видело заинтересованность немецкой стороны в поставках важного в военном отношении сырья. Однако после настойчивых намеков посла на важность этого вопроса Литвинов «проявил заметную заинтересованность и сделал себе пометки».

Чтобы придать демаршу посла на встрече с Литвиновым дополнительный вес, Мерекалова в Берлине попросили о встрече советник посольства Хильгер и бывший посол Надольный. Мерекалов принял их 5 января 1939 г. и имел с ними продолжительную беседу[84]. Посещение советского полпреда уволенным в 1934 г. в отставку и проживавшим с тех пор в своем поместье близ Берлина опальным бывшим послом в Москве и ответственным за вопросы торговли советником не соответствовало сложившимся дипломатическим традициям. Тем сильнее подчеркивался неофициальный характер этих предварительных разговоров. Советская сторона уважала Надольного. Хильгер нанес ему визит во время приезда в Берлин и пожаловался на то, что Шуленбург и он в Берлине «лишь медленно продвигаются к цели... что... Гитлер все еще никак не придет к разумной позиции»[85]. В этих условиях Надольный, к словам которого уже давно никто не прислушивался, решил положить

на советскую чашу весов и собственные доводы. Они сводились к следующему: немецкая заинтересованность в более широком соглашении о торговле и кредитах чрезвычайно возросла и «немцы готовы пойти на дальнейшие уступки». По словам Хильгера, немецкая сторона лишь ждет от Советского Союза списка необходимого оборудования, чтобы в вопросах цен и сроков поставок пойти, где только можно, навстречу. «Хильгер заявил, что немцы готовы приступить к переговорам, ждут ответа и что... он мог бы отложить свою поездку в Москву, с тем чтобы принять в них участие».

Спустя неделю совместные немецкие усилия дали первые результаты: 10 января 1939 г. Мерекалов лично обратился к руководителю отдела экономической политики МИД Эмилю Вилю с просьбой принять его, чтобы передать заявление своего правительства «относительно предложения Германии о кредитах»[86]. Перед этим Советское правительство получило еще одно тревожное сообщение из Варшавы, свидетельствовавшее о совместных германо-польских планах, направленных против СССР[87]. Как бы в подтверждение этого сообщения вскоре последовал визит польского министра иностранных дел Ю. Бека в Германию. 5 января в Берхтесгадене он провел совещание с Гитлером, а 6 января в Мюнхене с Риббентропом[88]. Советское правительство к этому моменту уже осознало важность этих совещаний, но не знало о польской сдержанности[89] и было заинтересовано в том, чтобы помешать германо-польским договоренностям. Согласие на германские предложения могло бы стать шагом в данном направлении.

В этих обстоятельствах Мерекалов пошел намеченным Шуленбургом в Москве и Шнурре в Берлине курсом и в конце концов 11 ноября появился в сопровождении Скосырева в отделе экономической политики министерства иностранных дел[90]. О беседе Мерекалова — Виля имеется три информации: короткое, более позднее изложение Густава Хильгера[91], также присутствовавшего на этой беседе, и две докладные записки Виля, датированные этим и следующим днями[92]. Как вспоминал Хильгер, Мерекалов явился через три недели после немецкой инициативы (22.12.1938) «в сопровождении Скосырева в министерство иностранных дел и заявил, что его правительство готово обсудить эти условия, но переговоры должны будут проходить в Москве». Хильгер добавил, что заинтересованность Германии в советском сырье в то время была столь велика, что было «благосклонно принято» даже желание советской стороны проводить переговоры в Москве. В английском издании воспоминаний Хильгера следует характерное примечание: «... рейх проявил большой интерес к сырьевым ресурсам Советов, поэтому Виль, возглавляющий экономический отдел министерства иностранных дел, охотно поддержал предложение Мерекалова».

Докладные записки Виля свидетельствуют о его большой заинтересованности в переговорах, причем предложение о проведении переговоров в Москве не вызвало у него противодействия. Подробный анализ текста записок (отраженная в них суть советского заявления не выходила за рамки «деловых отношений», отвечающих «миролюбивой

политике» в отношении капиталистических стран) создает впечатление, что Вилю слишком хотелось подчеркнуть именно официальный характер этого правительственного заявления. Между тем оно сводилось к простому сообщению о готовности советской стороны обсудить предложения Германии от 22 декабря прошлого года при условии, что переговоры будут проходить в Москве и что с германской стороны будут сделаны дальнейшие уступки (в отношении начисления процентов на кредиты, гарантий на случай убытков, цен и сроков поставок). По словам Виля, Советское правительство настаивало на переговорах в Москве потому, что возможные там деловые контакты «только благоприятствовали бы переговорам». В своих записках Виль пытался создать впечатление, что он долго и упорно сопротивлялся советскому требованию, но в конце концов вынужден был уступить. «Поскольку, — писал он, — инициатива к быстрейшему возобновлению переговоров о кредитах исходила от немецкой стороны, Советское правительство полагало, что сможет эффективнее соответствовать немецкому желанию, если предложит проводить переговоры там, где их успех был бы скорее обеспечен».

Во второй, предназначенной исключительно для Риббентропа (а это значит и для Гитлера) докладной записке Виль более обстоятельно обосновывает, почему Советскому правительству нельзя было отказать. Указывая на то, что «вызванная сырьевыми потребностями заинтересованность (Германии) в заключении выгодного договора настолько велика, что представляется нецелесообразным, отказав русским в их желании, сорвать, затянуть либо существенно осложнить переговоры», Виль пытался оказать давление на тех, кто должен был читать записку. Из записок Виля вытекает, что советская сторона, не проявлявшая активности во время троекратного зондажа через германского посла в Москве и двоекратного прощупывания в Берлине[93], и при первом изъявлении своей готовности сохранила выжидательную позицию. Лишь в вопросе о месте переговоров она проявила заинтересованность. «Вначале говорили исключительно о месте переговоров», — сообщал позднее Шуленбург своему итальянскому коллеге Аугусто Россо[94]. Немецкая сторона предлагала Берлин, советская же — Москву[95]. Как сообщил Россо министру иностранных дел графу Чиано 5 февраля 1939 г., «по рекомендации посла Шуленбурга», который в период с 13 января по 1 февраля 1939 г. вновь находился в командировке в Берлине и Варшаве и имел, таким образом, возможность лично поддержать демарш, «решили наконец послать в Москву господина Шнурре».

Эти сведения подтверждают, что солидарные с графом Шуленбургом силы в министерстве иностранных дел, следуя его советам, предпочли Москву в качестве места для проведения переговоров. С точки зрения отдела экономической политики МИД и германского посольства в Москве, равным образом заинтересованных в переговорах, их проведение в Москве исключало многочисленные потенциальные источники раздражения и ошибок, вероятное вмешательство некомпетентных министров, прежде всего Риббентропа. В Москве германская делегация, поддерживаемая Хильгером при осмотрительном руковод-

стве посла, могла бы в спокойной обстановке вести переговоры и вернуться в Берлин с готовыми к подписанию документами. Указание же, полученное Вилем перед беседой, без сомнения, состояло в том, чтобы местом переговоров был Берлин. Гитлер хотел воспользоваться русским сырьем, не создавая в глазах мировой общественности даже малейшей видимости политических обязательств.

Что касается советской стороны, то здесь при выборе места наряду с желанием Сталина осуществлять эффективный контроль за ходом переговоров могли играть роль также и другие соображения. Вопрос о том, намеревался ли Сталин, помимо всего, придать переговорам в Москве официальный характер, который мог бы стать действенным средством давления на Польшу в случае ее желания сблизиться с Германией, из-за отсутствия соответствующих документов следует оставить открытым.

Преимущественно пассивному поведению Мерекалова, которое просматривается также и в отчетах Виля, не противоречит и заключительное указание на то, что, по словам Мерекалова, он хотел бы, чтобы его личное участие в этом деле рассматривалось как выражение желания Советского правительства «начать новую эру в германо-советских экономических отношениях». Эта формулировка также соответствовала уровню хороших деловых и экономических отношений. Заинтересованность Виля в быстром оживлении торговых связей не вызывает сомнений, хотя заключительной фразой записки («с удовлетворением принял к сведению желание Советского правительства оживить германо-советский товарообмен») он преднамеренно отводил себе пассивную роль.

Докладные записки Виля, при всей субъективности изложения, самым решающим образом способствовали повороту в германо-советских отношениях.

Новогодний прием Гитлера

Через день после встречи Виля и Мерекалова, вечером 12 января 1939 г., во время новогоднего приема дипломатического корпуса в здании имперской канцелярии, Гитлер вопреки своим прежним обычаям (раньше он регулярно игнорировал присутствие советских представителей) сделал жест, ставший тогда «сенсацией». Фритц Видеман, адъютант Гитлера и свидетель тех событий, в 1964 г. так описал эту сцену: «Гитлер приветствовал русского полпреда особенно дружелюбно и необычно долго беседовал с ним. Взгляды всех присутствующих были направлены на них, и каждый мысленно задавал вопрос: что здесь происходит? Чем дольше продолжалась беседа и чем дружелюбнее она протекала, тем сильнее становилось затаенное волнение ... В этот день русский стал центральной фигурой дипломатического приема... Все теснились возле русского, как пчелы вокруг меда. Каждый хотел знать, что, собственно, фюрер ему сказал... Я не знаю, о чем говорил фюрер с русским полпредом... Но манера и откровенно дружелюбное настроение, с которым он это делал, являлись недвусмысленным признаком то-

го, что в его позиции что-то изменилось. Во всяком случае, Гитлер намеренно выделил русского»[96].

О содержании разговора Гитлера с Мерекаловым гадали не только присутствовавшие дипломаты, но и их правительства. В атмосфере напряженного внимания нередко проявляется склонность к преувеличениям. Так, поверенный в делах США в Москве Кэрк в отчете государственному секретарю К. Хэллу от 20 января[97], ссылаясь на сообщения из Лондона некоторых американских корреспондентов (согласно которым готовилась тайная встреча германских и советских экспертов с целью разработки программы экономического и военного сотрудничества обеих стран), указал: «В отчетах упоминается также сердечность, проявленная Гитлером к советскому полпреду на приеме по случаю торжественного открытия новой рейхсканцелярии в Берлине, на котором Гитлер, должно быть, поручил советскому полпреду передать Сталину, что Германия в настоящий момент не имеет притязаний на Украину, и предложил обменяться мнениями, к чему Сталин уже выражал готовность. Кэрк добавил, что московское бюро этих корреспондентов не располагает какой-либо информацией, подтверждающей сказанное («Здесь нет ни подтверждения, ни опровержения этих сообщений»), и предположил, что эти сведения могли быть связаны со слухами о предстоящем германо-советском торговом соглашении.

В самом деле, содержание разговора, о продолжительности которого нет точных сведений, было менее важным, чем его внешний эффект. В тот вечер Мерекалов телеграфировал в Наркоминдел, что Гитлер действительно из всех присутствовавших дипломатов оказал только ему особое внимание. В телеграмме говорилось, что, закончив вступительную речь «хвалебным гимном Мюнхенскому соглашению», Гитлер стал обходить ряды дипломатов и остановился около Мерекалова. «Гитлер поздоровался со мной, — писал полпред, — спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и распрощался. За ним подошли Риббентроп, Ламерс, генерал Кейтель и Майснер. Разговор с каждым из них был ограничен общими любезностями. Внешне Гитлер держался очень любезно и, несмотря на мое плохое владение немецким языком, поддержал свой разговор без переводчика. Гитлер обошел корпус, раскланялся и удалился»[98]. Для продолжения усилий германского посольства в Москве большое значение имел тот факт, что Гитлер, упомянув разговор между Шуленбургом и Мерекаловым и пожелав успеха, узаконил в глазах Советского Союза дипломатическую инициативу посольства. Несмотря на то что содержание беседы не было столь важным, не только международная общественность, но и советская сторона восприняли жест Гитлера как сигнал его готовности изменить существующее напряженное положение, как первое проявление заинтересованности в германо-советском сближении[99]. В этой связи заслуживают определенного внимания содержащиеся в псевдомемуарах Литвинова утверждения о том, что в январе 1939 г. его лишили прямого доступа к советскому представительству в Берлине, а от тамошних дипломатов потребовали с этого момента докладывать непосредственно Стали-

ну[100]. Для исторических исследований подобное развитие не сулило бы ничего хорошего. Если Сталин в январе 1939 г. действительно распорядился таким образом, то сообщения должны были бы поступать к нему иначе, чем обычные дипломатические отчеты, то есть при необходимости не обязательно в письменном виде[101].

Однако насколько подобная реакция на упомянутый жест Гитлера была бы оправданной? Ранее уже высказывалось предположение, что на рубеже 1938 и 1939 гг. Гитлер отказался от своих планов в отношении Украины и России и вынашивал идею временного сближения[102]. Конечно, в период описываемой подготовки к переговорам по торговле и кредитам Гитлер должен был задаться вопросом, можно ли вообще и каким образом включить наметившееся развитие в политические расчеты и использовать в своих планах. Данный вопрос приобретал большую актуальность, поскольку польский министр иностранных дел Бек в начале января 1939 г. стал оказывать сопротивление попыткам Гитлера и Риббентропа склонить Польшу к военному союзу против Советской Украины, а возможно, и против Советского Союза в целом. Некоторые высказывания Бека в беседе с Гитлером (например, о серьезном положении, в котором оказалась Польша во время сентябрьского кризиса перед лицом многих русских «армейских корпусов на русско-польской границе, частично прямо на пограничной линии») обнажили легкоуязвимые места в политическом сознании польского правительства. Здесь Гитлер мог подходящими средствами оказать давление.

Заслуживает внимания и второй аспект. Он касается марионеточного государства Закарпатской Украины, которому Советский Союз, по всей видимости, придавал огромное значение. Этот восточный уголок чехословацкого государства, который в соответствии с Мюнхенским соглашением решением Первого Венского арбитража (2 ноября 1938 г.) был отделен от Чехословакии[103], согласно немецким планам, предстояло превратить в плацдарм против Советской Украины. Вынашивая честолюбивую программу реванша, Гитлер рассматривал украинскую житницу в качестве «жизненного пространства», с приобретением которого он надеялся предотвратить повторение того, что было после первой мировой войны, когда Германию охватил голод. Применяя принцип права народов на самоопределение, он намеревался использовать Закарпатскую Украину, с украинским меньшинством в 700 тыс. человек, сперва как пропагандистский, а позднее как силовой рычаг, для того чтобы идеологически ослабить, дезорганизовать и, наконец, захватить Советскую Украину с ее 30-миллионным населением.

В первые же недели после появления этого едва жизнеспособного государственного образования Гитлер начал планировать создание «Великой Украины». В сильном замешательстве Советское правительство вдруг заметило, по словам Шуленбурга, «большую опасность»[104], которая исходила от этого вассального государства Германии — «пункта кристаллизации украинского движения за независимость», «плац-

дарма для дальнейшего продвижения Германии в направлении Советского Союза».

Вскоре о своей заинтересованности в прилегающих районах Закарпатской Украины заявили под сдержанное бряцание оружием приграничные государства — Польша на севере и Венгрия на юге. В конце ноября 1938 г. Гитлеру пришлось признать, что ему следует надлежащим образом учитывать интересы этих стран или по меньшей мере одной из них, чтобы не создавать себе лишних врагов на предполагаемом пути экспансии на восток. Передача этих областей Польше означала бы усиление и расширение ее территории в юго-восточном направлении, что воспрепятствовало бы осуществлению дальнейших планов в отношении Польши. Венгерская политика пересмотра границ больше отвечала его намерениям. С начала декабря 1938 г. правительство Венгрии стало проявлять понимание в отношении планов Гитлера на востоке и в качестве доказательства своей готовности к сотрудничеству и платы за Закарпатскую Украину заявило о своем желании выйти из Лиги Наций и присоединиться к антикоминтерновскому пакту.

Оказавшись перед необходимостью выбора между усиливающейся, но не расположенной к сотрудничеству (для осуществления планов в отношении России) Польшей и еще колеблющейся Венгрией, за территориальные уступки, однако, готовой к образованию совместного военного наступательного фронта против СССР, Гитлер решил в пользу второго варианта. Таким образом, в конце 1938 г. маятник восточной политики Германии качнулся далеко в сторону венгерских предложений. Как показал отчет германского посла в Лондоне Герберта фон Дирксена[105] в связи с новогодним посланием британского правительства, западные державы отнеслись с пониманием к альянсу подобного рода. Польша, однако, не собиралась отказываться от военно-политического вмешательства в Закарпатскую Украину и с возрастающим недоверием пыталась разгадать истинные намерения Германии в Карпатах.

В беседе с польским министром иностранных дел Беком (5 января 1939 г.) Гитлер, намекая на притязания Венгрии, подчеркнул, что он не намерен допустить Польшу к дележу территории Закарпатской Украины. Венский арбитраж, подчеркнул он, породил в Польше «определенные иллюзии». Гитлер отрицал наличие каких бы то ни было планов в отношении Украины и дал понять, что хотел бы иметь маленькую, но сильную Польшу союзницей в борьбе против России. Несколько дней спустя Риббентроп[106] в беседе с Беком подтвердил, что «рейх» не потерпит расширения границ Польши в южном направлении. 11 января 1939 г. Венгрия с одобрения Германии навязала Чехословакии первое соглашение. 12 января, когда Гитлер в имперской канцелярии принимал дипломатический корпус, венгерский министр иностранных дел официально заявил о том, что Венгрия готова присоединиться к антикоминтерновскому пакту. В тот же день в Закарпатской Украине под сильным военным нажимом Венгрии и после роспуска всех политических партий объявили о первых выборах в сейм. В то время как участие

Польши в расширении карпато-украинского плацдарма на восток Советское правительство считало доказательством опасного для него германо-польского и антисоветского военного альянса, участие Венгрии, по-видиму, тревожило меньше.

Весьма вероятно, что Гитлер, зная о советском беспокойстве, вызванном его планами создания «Великой Украины», хотел любезным обращением с Мерекаловым произвести впечатление, будто у него нет никаких намерений относительно Украины. Кроме того, этим маневром Гитлер хотел припугнуть Польшу. Он, видимо, решил, проявляя мнимую сердечность к Мерекалову, продемонстрировать заболевшей «манией величия» Польше возможность совместных немецко-русских действий (против Польши). Прием дипломатического корпуса подошел для этого как нельзя лучше. До конца января 1939 г., когда Риббентроп должен был отправиться в Варшаву для продолжения переговоров, поляки имели время сделать для себя соответствующие выводы из этого страшного видения! Таким образом, Гитлер, как видно, надеялся одним ловким ходом сделать поляков уступчивее, а русских — доверчивее. С этой же целью Риббентроп дал указание германскому послу в Москве прибыть в Берлин для консультаций. 9 января 1939 г. Шуленбург неожиданно узнал по телефону о том, что ему «санкционирована» поездка в Берлин, которой он давно добивался[107].

Одновременно Риббентроп, испытывая давление со стороны своих экспертов по вопросам экономики, попросил согласия Гитлера начать новые, решающие переговоры о поставках советского сырья. Должно быть, 11 или 12 января Гитлеру передали записки Виля или устно с соответствующими комментариями изложили их содержание. Военно-промышленный сектор во главе с Герингом высказывался по этому вопросу совершенно однозначно: без советского сырья — будь то прямой вывоз с оккупированной Украины или урегулированный договором советский экспорт, — дальнейшее наращивание производства вооружений невозможно и, следовательно, о конфронтации с западными державами вообще нечего и думать.

Помимо сказанного, маневр Гитлера с Мерекаловым мог быть адресован и присутствовавшим немецким военным. Рискованная и по меньшей мере преждевременная ситуация двух фронтов, созданная Гитлером в период судетского кризиса, встревожила часть работников генерального штаба и побудила их предостеречь от недооценки советской обороноспособности[108]. Непрерывно и с неизменным упорством передаваемые сообщения военного атташе Кёстринга и оценки действовавшего заодно с ним и послом Шуленбургом начальника управления разведки и контрразведки (абвера) адмирала Канариса[109] придавали этим предостережениям требуемые реальные очертания. В результате смены настроений в военных кругах «доклад Риббентропа в январе 1939 г. перед генералитетом, в котором он подчеркнул неизменность антибольшевистского курса... был принят довольно холодно»[110]. Даже начальник штаба верховного главнокомандования вермахта, ге-

нерал-полковник Вильгельм Кейтель, в начале февраля 1939 г., похоже, воспользовался неофициальной встречей с советским военным атташе, чтобы продемонстрировать Гитлеру преимущества если не сотрудничества, то советского нейтралитета в случае немецкой кампании против Польши[111]. Вообще идея бисмарковской политики перестраховки в отношении России стала в тот период среди генералов популярной[112]. Она захватила также и Гитлера[113].

При подобном стечении обстоятельств Гитлер и в самом деле мог на рубеже 1938 — 1939 гг. (а точнее, пожалуй, после переговоров с Беком, состоявшихся 5 — 6 января, и новогоднего приема 12 января) решить, что наступает время для такого альянса с СССР, который ему уже давно представлялся в виде временного «союза для войны»[114].

Таким образом, в демонстративном жесте Гитлера нужно видеть первую практическую проверку возможности сближения с СССР, диктовавшуюся желанием выяснить советскую реакцию. Биографы Гитлера справедливо указывают на то, что именно в эти недели «изворотливость и хладнокровие, с которыми он... перед глазами изумленного мира переключался с одной (альтернативы достижения своей цели в польском вопросе) на другую, вознесли его в последний раз на высоты тактического искусства»[115].

Своим поступком Гитлер, как видно, произвел впечатление на Советское правительство, которое постоянными немецкими просьбами относительно возобновления экономических переговоров было в известной мере подготовлено к такому повороту событий. Отступала тревога по поводу украинских планов Гитлера. Как стало известно 13 января итальянскому послу в Москве Аугусто Россо, Литвинов с удовлетворением сообщил польскому послу Гжибовскому, что, хотя Париж и Лондон прилагают большие усилия, желая доказать Берлину, что его путь лежит на восток, «Гитлер убежден в этом меньше, чем утверждают о нем французы и англичане»[116]. К такому выводу, по мнению Марио Тоскано, можно прийти, зная, о чем говорили Гитлер и Мерекалов, с одной стороны, и Чемберлен и Муссолини — с другой[117].

Итак, если Советское правительство из дружелюбного разговора Гитлера с Мерекаловым (без сомнения, начала грандиозного маневра обмана и надувательства Сталина) вынесло впечатление, что он не заинтересован в Украине и не имеет агрессивных намерений против СССР, а, напротив, хочет видеть улучшение отношений[118], то, судя по советским публикациям, в середине января 1939 г. оно получило и наглядное тому подтверждение. В соответствии с секретной информацией советских разведывательных служб Гитлер пока отложил осуществление своего плана наступления на восток, с тем чтобы направиться на запад[119]. А для этого ему были необходимы сырьевые источники, которые мог предоставить Советский Союз. Но более тесное экономическое сотрудничество с Советским государством (и на это рассчитывала германская дипломатия в России) могло стать первым шагом по пути стабилизации внешнеполитического развития в Восточной Европе. Нет сомнения в том, что свое влияние в Берлине Шуленбург использо-

вал именно в этом направлении. Здесь имело место весьма примечательное совпадение.

Аккредитованный в Лондоне коллега Шуленбурга, Герберт фон Дирксен, исходя из аналогичных соображений, в первые месяцы после подписания Мюнхенского соглашения прилагал усилия к интенсификации германо-английских экономических связей. По словам Эриха Кордта, как и Шуленбург в Москве, Дирксен в Лондоне приступил к этому «по собственной инициативе, не имея указаний из Берлина». В январе 1939 г. Дирксену в сложнейших условиях удалось добиться первых результатов в очень важной сделке с углем. Он надеялся, что это станет исходным пунктом для германо-британского сотрудничества на более широкой экономической основе. Но если предложения Шуленбурга были неожиданно поддержаны в Берлине, то «идея германобританского экономического сближения не нашла благосклонного приема». Прибегнув к сомнительным отговоркам, ее отклонили[120]. Заинтересованность в экономических связях с Россией постепенно одержала верх.

Поэтому вполне естественно, что 20 января, то есть во время пребывания Шуленбурга в Берлине, Гитлер (через Риббентропа) уполномочил Эмиля Виля пригласить советского полпреда и выразить ему принципиальное согласие германского правительства с предложенной советской стороной процедурой переговоров[121]. Немецкое условие сводилось лишь к тому, что переговоры в Москве проведет небольшая делегация, чтобы не привлекать внимания международной общественности. 30 января Карл Шнурре должен был встретиться в Варшаве с послом графом Шуленбургом, отправиться с ним в Москву, чтобы там вместе с Густавом Хильгером начать переговоры. Трехмесячные интенсивные усилия германской дипломатии в России, казалось, приносили первые плоды.

Шнурре отзывают

В течение десяти дней между приемом Мерекалова Вилем (20 января) и запланированным приездом Шнурре в Москву (30 января), там наметились существенные перемены. Если торжественное заседание 21 января по случаю дня памяти Ленина еще пронизывала мысль о военном окружении (как известно, речи писались заранее[122]), то советская пресса, по наблюдениям германского посла, «никак не реагировала» на тревожные сообщения западных органов печати о предстоящем нападении Германии на Украину, а, «напротив, пыталась внушить французам, что мы вместе с итальянцами проявляем интерес к их стране — следующему объекту «агрессии»[123].

Вскоре во время вручения верительных грамот новым британским послом в Москве сэром Уильямом Сидсом Литвинов, касаясь вопроса возможного германского нападения на Украину, с «оптимизмом» заметил, что Гитлер всегда шел путем наименьшего сопротивления, а потому и следующий удар вряд ли направит на восток. Это же повторил 27

февраля в беседе с лордом Галифаксом советский посол в Лондоне И.М.Майский[124].

Заместитель наркома иностранных дел Потемкин 23 января в общих чертах известил посла союзной с Германией Италии Аугусто Россо о возможности германо-советских переговоров относительно расширения товарообмена между обеими странами[125]; в этой связи он коснулся также итало-советских отношений и напомнил, как бы между прочим, о высказывании итальянского министра иностранных дел Чиано во время последней встречи с советским полпредом в Риме Б.Е.Штейном. Наметилась бросающаяся в глаза смена настроения[126].

Перед возвращением в Москву Шуленбург по приглашению Мерекалова 27 января посетил с ответным визитом советское представительство. В непринужденной беседе советник Астахов спросил, не считает ли Шуленбург, что начавшийся обмен мнениями относительно возобновления переговоров о торговле и кредитах связан с улучшением политических отношений. Шуленбург, сдерживая пока еще преждевременный оптимизм, дал понять, что улучшение политических отношений прежде всего зависит от результатов предстоящих переговоров[127].

В тот же день корреспондент Вернон Бартлетт, известный своими близкими связями с советским полпредством в Лондоне, сообщил в «News Chronicle» о раздражении Советского Союза по поводу неуместной пассивности англичан. Он дал понять, что германо-советские торговые переговоры могли положить начало их сближению[128]. Газета «Правда» 31 января, то есть через день после примечательной речи Гитлера в рейхстаге[129], но уже в изменившихся условиях, на стр. 5 поместила длинное сообщение ТАСС из Лондона[130], в котором воспроизвела содержание статьи Бартлетта. В сообщении английское правительство обвинялось в серьезных дипломатических проступках по отношению к СССР и в желании дать империи скорее погибнуть, чем при поддержке Советского Союза одержать победу.

По мнению Бартлетта (и ему вторила «Правда»), внимания заслуживал тот факт, что инициатива к новым советско-германским и советско-польским торговым переговорам исходила от Берлина и Варшавы. Другими словами, несмотря на риторические выпады против большевизма, Гитлер не хотел упустить столь подходящий случай, позволявший устранить возможность одновременного давления и с запада и с востока. Советские круги (так писала «Правда», повторяя слова Бартлетта) всегда ведь придерживались мнения, что политика дружбы возможна с любым правительством, которое отвечает тем же. В нынешних условиях, говорилось далее, когда в Англии ведется кампания в пользу расторжения англо-советского торгового договора, германо-советские торговые переговоры, имеющие также и «политическое значение», могут привести к тому, что в случае войны СССР предоставит Германии «неисчерпаемые ресурсы». Было бы, писала «Правда» со слов Бартлетта, «чрезвычайно неразумно предполагать, что существующие в настоящее время между Москвой и Берлином разногласия непременно сохранятся как неизменный фактор международной политики».

Статья «Правды» имела целью предупредить Англию, о чем свидетельствовало выраженное в ней сильное недовольство английской позицией. Кроме того, статья отразила изменившуюся после любезного разговора Гитлера с Мерекаловым атмосферу, не преминув раскрыть истинные причины такого поведения Гитлера. Она была рассчитана на то, чтобы привлечь всеобщее внимание. Аккредитованный в Москве американский поверенный в делах послал подробнейшее сообщение в Вашингтон[131].

Тем временем Советскому правительству пришлось пережить резкую отповедь. Риббентроп, находившийся в конце января в Варшаве и в очередной раз пытавшийся заручиться согласием Польши, приказал Шнурре, который 30 января должен был встретится с Микояном и уже прибыл в Варшаву, немедленно вернуться в Берлин. Дело в том, что министра иностранных дел шокировали сообщения западной прессы об отъезде немецкой торговой делегации в Москву, хотя были приняты все меры для «маскировки»[132] поездки Шнурре (встретившись с Шуленбургом в Варшаве, он последовал бы дальше в качестве личного гостя посла). Шуленбург был вынужден ни с чем вернуться в Москву. Об отзыве Шнурре в Берлин Эмиль Виль 28 января без вразумительного объяснения информировал советского полпреда в Берлине Мерекалова и германское посольство в Москве[133].

Об этом поступке Германии (по мнению Хильгера и Шнурре, это была «пощечина» Советскому правительству) тогда много говорилось, а позднее кое-что писалось[134]. В этой связи следует отметить две причины: экономическую и политическую. С одной стороны, как теперь вспоминает д-р Шнурре, Германия хотя и была «сильно заинтересована в поставках важного в военном отношении сырья, но все-таки в тот момент не решалась начинать с Советским Союзом крупномасштабные торговые переговоры»[135]. С другой стороны, Гитлер и Риббентроп уже дали свое согласие на переговоры, исходя из далеко идущих *политических* расчетов. Поэтому, разумеется, после того как тайные политические планы, связанные с замаскированной поездкой, оказались раскрытыми в западной прессе, оба почувствовали себя «пойманными с поличным»[136] и отреагировали в истерической форме[137].

Советское правительство, которое, как позднее Астахов заявил Вайцзеккеру, поездке Шнурре в Москву сперва не придало политического значения, усмотрело в несовместимом с протоколом «отказе германского правительства... несомненный *политический акт*»[138]. Его экономические интересы и престиж пострадали оттого, что Германия все еще оглядывалась на Англию и Францию. О том, что Гитлер, оправившись от внезапного раздражения, быстро вспомнил о своих долговременных тактических расчетах, свидетельствует его речь в рейхстаге, произнесенная 30 января 1939 г., в которой он вопреки своей привычке обошел молчанием Советское государство.

Важным в этой связи является тот факт, что с отзывом Шнурре инициатива германской дипломатии в России потерпела первую серьезную неудачу. Об этом Шуленбург со всей откровенностью писал Вайцзеккеру после того, как улеглось негодование[139]; тот в свою очередь выразил

общую надежду, что, «несмотря на подобные осложнения, цель будет достигнута»[140].

Когда в первые дни февраля 1939 г. в министерстве иностранных дел прошел слух о том, что разгневанное руководство подумывает даже о разрыве германо-советских отношений, Эмиль Виль вновь проявил инициативу, чтобы, указав на потребности экономической политики, предостеречь от катастрофических последствий такого шага. Посоветовавшись со Шнурре и другими заинтересованными лицами, Виль 6 февраля составил для Риббентропа «Записку об экономических последствиях разрыва отношений с Советским Союзом»[141], в которой он, приводя важные в данной ситуации агрументы и ссылаясь на все заинтересованные ведомства, подчеркнул, что при разрыве отношений лопнут не только повисшие в воздухе переговоры об увеличении поставок советского сырья, но и будут полностью приостановлены уже согласованные поставки, а «прекращение завоза сырья из России даже в нынешних размерах нанесет серьезный экономический ущерб». В качестве довода Виль выставил также «озабоченность заинтересованных ведомств» по поводу разрыва отношений и однозначно высказался не только за сохранение, но и за расширение «всеми средствами» товарообмена с Советским Союзом.

В тот же день он пригласил полпреда Мерекалова[142], чтобы, несомненно, как-то оправдать неподобающее поведение немецкой стороны и, несмотря на это испытание, не дать замереть германо-советскому диалогу[143]. В своем отчете о встрече Виль приписал Мерекалову слова о том, что тот якобы по-прежнему рассчитывает «на благоприятный исход переговоров в Москве» и надеется, что они «приведут к расширению торговых отношений между Советской Россией и Германией», — слова, которые, учитывая сильное раздражение Советского правительства, Мерекалов вряд ли мог произнести, но которые очень точно отражали надежды германской дипломатии.

Представители германского посольства в Москве в беседах с коллегами, в частности с сотрудниками посольства США, также выражали надежду, что отзыв Шнурре является лишь отсрочкой, но не изменением принципиальной позиции Германии относительно достижения с СССР соглашения о расширении торговых связей[144]. В беседах они дали понять американским коллегам, «что внезапное отозвание господина Шнурре... было связано с различными интерпретациями деталей торгового соглашения между Германией и Советским Союзом». Эти интерпретации, как предполагалось, вызвали негодование Гитлера и других высших нацистских чинов и привели к решению отложить переговоры с Советским правительством[145].

Продолжению инициативы, возможно, способствовало и то, что попытки Риббентропа во время визита в Варшаву в последние дни января 1939 г. втянуть Польшу (как выразился министр иностранных дел Бек) «в антирусскую комбинацию не увенчались успехом. Он получил ответ, что мы (поляки) очень серьезно относимся к нашему договору о ненападении с Россией и рассматриваем его как долгосрочное решение»[146].

По воспоминаниям присутствовавшей тогда в Варшаве жены Риббентропа, потрясение, вызванное отказом Польши (а Бек на второй день вообще не пришел на условленную беседу с Риббентропом), побудило его (как, вероятно, и Гитлера за три недели до того) на обратном пути из Варшавы в Берлин впервые заявить: «Теперь, если мы не хотим оказаться в полном окружении, остается единственный выход: объединиться с Россией»[147].

В то время как подобные соображения приобретали сторонников в других ведомствах[148], Гитлер опять заколебался, размышляя о том, не стоит ли все-таки в качестве следующей цели избрать Украину. Уступчивая реакция за рубежом на речь в рейхстаге вновь оживила воинственные настроения. За границей все еще носились с идеей длительного мира. Однако он был возможен лишь в том случае, «если они (так выразился 1 февраля после встречи с Гитлером Геббельс) дадут нам то, что принадлежит нам по праву». Гитлер, по словам Геббельса, усиленно размышлял над своими «дальнейшими внешнеполитическими шагами. Возможно, опять наступит черед Чехословакии... Ведь эта проблема разрешена только наполовину. Но Гитлер окончательно еще не решил. Может быть, Украина»[149].

В условиях подобной нерешительности сторонникам более прочных отношений с СССР из министерства иностранных дел позволили через посла Шуленбурга возобновить прерванные переговоры в Москве, если советская сторона, несмотря на перенесенную обиду, на это согласится.

II. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1 ФЕВРАЛЯ - 10 МАЯ 1939 ГОДА

Недели между отозванием Шнурре и открытием XVIII съезда ВКП(б) 10 марта 1939 г. прошли для германского посольства в Москве в упорной борьбе за продолжение едва начавшихся переговоров о поставках сырья и предоставлении кредитов.

Как утверждал германский посол в письме статс-секретарю Вайцзеккеру от 6 февраля, посольство (видимо, устно) «провело зондаж у советского наркома внешней торговли Микояна». Подчеркивая значение Микояна, Шуленбург заявил, что речь идет об «очень влиятельной советской личности», и сообщил, что зондаж имел целью определить, «в какой степени мы сможем содействовать интересам Германии».

Однако первая беседа с Микояном 10 февраля не принесла успеха. Посол лично передал новому наркому германский проект соглашения о кредитах, но не встретил взаимопонимания. Советское правительство лишь выразило готовность продолжать поставки сырья примерно в прежних объемах[1]. Крайне сдержанны в беседах с германским послом были и другие представители Советского правительства. Не дали результатов и неоднократные попытки Шуленбурга в отсутствие заболевшего наркома Литвинова продолжить переговоры об арестованных немцах с его первым заместителем Потемкиным. Несмотря на огромные усилия, писал Шуленбург в частном письме в Берлин, он все еще «не продвинулся вперед»[2]. 11 февраля Председатель Президиума Верховного Совета М. Калинин официально уведомил вновь назначенного французского посла Поля Эмиля Наджиара (после вручения им верительной грамоты) о том, что накануне германский посол представил на рассмотрение Советскому правительству «официальные предложения относительно переговоров по экономическим вопросам»[3].

Между тем в посольстве продолжало царить подавленное настроение. В письме от 20 февраля посол подчеркнул, что неудачи все накапливаются. «Мы живем в трудное время! Но именно поэтому нельзя сдаваться! Нужно бороться!..»[4] За упорными попытками посла смягчить оскорбление, нанесенное Советскому правительству отозванием Шнурре, с большим вниманием следили дипломатические представительства западных держав. Но вывод американского поверенного в делах в Москве Кэрка, который в отчете от 20 февраля 1938 г. сообщил, что переговоры Шуленбурга с Микояном находятся в стадии завершения[5], был преждевременным. Двумя днями позже Кэрк пошел еще дальше, утверждая, что благодаря проводимым с Германией переговорам Микоян приобрел «значительный политический авторитет в советской иерархии»[6], в то время как влияние Литвинова упало до такой

степени, что «в Наркомате иностранных дел по этой причине наметились перемены».

В действительности же и второй визит Шуленбурга к Микояну 23 февраля[7] не изменил советской позиции. 27 февраля, в частном письме, вспоминая об отозвании Шнурре, Шуленбург с иронией заметил, что «теперь он вместо Шнурре имеет удовольствие вести очень сложные переговоры или по меньшей мере способствовать им». Он отметил: «Я не питаю больших надежд, что из этого что-нибудь да выйдет!»[8]

Но когда новый посол Японии в Москве Того в разговоре 28 февраля упрекнул Шуленбурга в том, что германские экономические переговоры, по мнению дипломатического корпуса в Москве, имеют целью лишь «приободрить Москву», Шуленбург правдиво отметил, «что нет никакой уверенности... приведут ли они вообще к какому-нибудь результату». На предложение Того прервать переговоры хотя бы на некоторое время Шуленбург, по его собственным словам, «несколько раз подчеркнул, что вовсе нет необходимости тормозить переговоры с Советским Союзом, Москва сама об этом позаботится!»[9].

Причину «упорства», которое в это время демонстрировало Советское правительство по отношению к представителям держав «оси», особенно Японии, дипломатические наблюдатели в Москве в какой-то мере усматривали в новой оценке внешнеполитического положения: заявление Гитлера об отсутствии притязаний на Украину, сделанное польскому министру иностранных дел Беку, привело, по мнению некоторых дипломатов, к тому, что Советский Союз «почувствовал себя со стороны Европы в большей безопасности»[10].

На деле положение, с точки зрения Советского правительства, было довольно затруднительным.

На востоке или на западе первый удар?

Ситуация, в которой оказался Советский Союз в момент отозвания Шнурре, а также в последующие недели, действительно оказалась сложной и противоречивой. На востоке, в Японии, по донесению Рихарда Зорге от 23 января 1939 г.[11], группа военных, представлявших Квантунскую армию и поддерживаемых военным министром Японии С. Итагаки, настаивала на войне с Россией, и в последние дни января 1939 г. вдоль советско-маньчжурской границы[12] участились пограничные стычки.

На северном участке западной границы, в наиболее уязвимом в военном отношении финско-балтийском районе, Советское правительство начало заметно тревожить вопрос милитаризации Аландских островов[13]. Помимо прочего это нашло выражение в дипломатических попытках Советского Союза добиться согласия в этом вопросе с западными державами[14]. Тревоги росли по мере того, как все очевиднее становилась активность Германии в Прибалтике. Уже 9 декабря 1938 г. Астахов сообщил из Берлина, что Прибалтика занимает первое место

среди областей, присоединения которых, ссылаясь на давние исторические права, добивается Германия[15]. И потому Советское правительство с подозрением следило за политикой «буржуазных» правительств Прибалтийских государств. От него не укрылись прилагаемые этими правительствами усилия, направленные на сближение с Германией, мощь и влияние которой возрастало. В середине февраля финский посланник в Москве, барон А.С. Ирие-Коскинен, докладывал министерству иностранных дел, что Советское правительство обеспокоено сближением Польши и Литвы с Германией и задается вопросам, «какой путь изберет находящаяся сейчас на распутье Латвия»[16].

В начале марта подозрения Советского правительства относительно попыток Германии установить более тесные связи с Прибалтийскими государствами усилились и, должно быть, достигло наивысшей точки с получением 7 марта телеграммы советского полпреда в Эстонии К.Н. Никитина. Как сообщал Никитин Наркоминделу, Эстония заключила с Германией тайный договор о пропуске германских войск через свою территорию и уже приступила к расширению системы железных дорог в восточном направлении[17]. По мнению советской стороны эти сообщения позволяли сделать вывод — независимо от параллельно поступающей в Москву тайной информации, в соответствии с которой Германия в союзе с Италией свой следующий военный удар хотела направить на запад[18], — что германские планы наступления на восток также разрабатывались.

Поэтому прежде всего актуальным оставался вопрос, касающийся планов Германии в Польше. Действительно в это время продолжали поступать сообщения о том, что Гитлер окончательно не отказался от своих польских планов и что ему «польская позиция относительно борьбы с коммунизмом ясна»[19]. Согласно сообщению германского посла в Варшаве, Ганса Адольфа фон Мольтке[20], о котором стало известно и в Москве, германское правительство, несмотря на настойчивые предостережения посла Шуленбурга, не придавало советско-польскому коммюнике от 26 ноября 1938 г. серьезного значения; оно, видите ли, не сомневалось, «что в случае германо-русского конфликта Польша будет на нашей стороне». Министерство иностранных дел Франции, похоже, располагало аналогичной информацией[21].

В Наркоминделе, как видно, преобладало мнение, что Польшу попрежнему интересовала Советская Украина, — мнение, возникшее в результате поведения Польши в период судетского кризиса. Польское правительство будет, дескать, пытаться не допустить прохода германских войск через свои территории, но как заявил Литвинов 19 февраля[22], Польша «будет готова в случае надобности поступиться своими мечтаниями и не возражать против похода Гитлера через Румынию... Не возражала бы Польша также против похода Гитлера через Прибалтику и Финляндию, с тем, чтобы она сама выступила против Украины, синхронизируя все это с политикой Японии».

Распространявшиеся в Берлине слухи о том, что Германия через Польшу на востоке и Румынию на юго-востоке ищет пути наступления на СССР[23], подтверждали, по мнению советской стороны, эти предпо-

ложения. Присоединение 24 февраля 1939 г. Манчьжоу-Го на востоке и Венгрии[24] на западе Советского Союза к антикоминтерновскому пакту[25] (месяц спустя, 27 марта, к ним примкнула Испания) означало еще более тесный военный охват СССР «фашистскими агрессивными государствами». Ответные меры Советского правительства — подписание 19 февраля[26] польско-советского торгового соглашения и разрыв 2 марта[27] дипломатических сношений с Венгрией — продемонстрировали дипломатическим наблюдателям в Москве его чрезвычайно ограниченную возможность маневрирования во внешней политике.

Впечатление недостаточной внешнеполитической подвижности Советского Союза перед лицом столь сложной и не совсем понятной перегруппировки сил на его границах не сглаживали и громкие воинственные призывы советских средств массовой информации, постоянно твердивших о том, что «Красная Армия непобедима»[28]. С точки зрения очевидцев, подобная демонстрация военной мощи указывала, однако, на ускоренные темпы подготовки советских войск (после прекращения чистки военного аппарата) к неизбежной, по их мнению, конфронтации.

Германия отказывается от Закарпатской Украины

В конце февраля — начале марта 1939 г. Советское правительство по-новому подошло к оценке опасности в обозримом будущем со стороны Германии. Именно тогда оно пришло к выводу, что колебания Гитлера окончились и он решил нанести первый удар не на востоке, в направлении сырьевой базы Украины (то есть против СССР), а на западе[29]. Чрезвычайно важную роль в этой оценке очередности германских намерений сыграл «отказ Гитлера от украинской идеи»[30].

В феврале 1939 г. Гитлер, как видно, временно оставил намерение использовать так называемую Закарпатскую Украину в качестве пропагандистского и военного средства завоевания Советской Украины[31]. В марте он открыто уступил ее в награду за присоединение к антикоминтерновскому пакту венгерскому регенту Хорти. 13 марта немецкий посланник в Бухаресте фон Эрдмансдорф известил Хорти и премьер-министра Телеки о том, что Гитлер хочет, чтобы венгерские войска захватили Закарпатскую Украину одним ударом и по согласованию с немецкими войсками, расположенными в Богемии и Моравии. Со своей стороны Хорти с согласия Гитлера потребовал в ультимативной форме отторжения Закарпатской Украины от Чехословакии. 14 марта, за день до вступления германских войск в Прагу, венгерские войска оккупировали эту восточную, граничащую с СССР часть Чехословакии[32].

Очевидный отказ Гитлера от планов создания «Великой Украины» содержал в себе, с точки зрения англичан, все признаки опасного шага к сближению Германии с Советским Союзом[33]. По мнению советской стороны, он означал сокрушительный удар по английским надеждам побудить Гитлера напасть на Украину и таким образом столкнуть Германию с СССР[34].

Разведывательная информация, должно быть, подтвердила Советскому правительству правильность этой оценки. Учитывая проникновение советской агентуры через группу Шульце-Бойзен/Харнака в сферу военного планирования, вполне вероятно, что Москва уже тогда узнала о речи Гитлера, произнесенной 8 марта 1939 г.; в ней канцлер перед широкой аудиторией изложил свои планы на ближайшее время[35]. Он объявил о предстоящей оккупации остальной территории Чехословакии германскими войсками «не позднее 15 марта» и уточнил дальнейший ход действий: «на очереди» была Польша. Ее военный разгром не представлял-де для германской армии больших трудностей. К 1940 г. польские сырьевые запасы дополнятся ресурсами Венгрии и Румынии, и тогда, дескать, «Германия... непобедима». С обеспеченным тылом, обладая польским углем, румынской нефтью и сельскохозяйственными продуктами трех богатых государств Центральной Европы, германский вермахт в 1940 — 1941 гг. мог бы окончательно разделаться с Францией и Англией. СССР пока остался за рамками планирования.

Отчет Мерекалова из Берлина от 11 марта[36] подтвердил намеченный Гитлером в его речи 8 марта ход предстоящих военных событий. Едва ли можно предположить, писал Мерекалов, что Гитлер сделал Польше сколько-нибудь серьезные предложения на ближайшее будущее в отношении Советской Украины, «скорее всего, тут было желание французской стороны видеть экспансию Германии, направленной на восток». Между тем, по словам Мерекалова, форсированное строительство укреплений на «западной границе» свидетельствовали о «заострении германской политики в западном направлении».

Сведения Петера Клейста, переданные советской разведке 13 марта[37], подтвердили отчет Мерекалова. Согласно этим сообщениям, Гитлер 6 марта[38] принял решение полностью разделаться с Чехословакией. После ликвидации этого очага беспокойства он намеревался приступить к устранению подходящими средствами таких факторов неопределенности, какими являлись Польша, Венгрия и Румыния, чтобы обезопасить тыл для намеченной уже на май 1939 г. германо-итальянской акции на западе. Даже аннексия Мемельской области и усиленная германская активность в Прибалтике имели, по словам Клейста, целью создать «прикрытый тыл для столкновения на западе». Все запланированные на востоке и юго-востоке меры якобы служили «подготовке акции против Запада». А вот более поздние планы Гитлера включали войну с Советским Союзом как «последнюю и решающую задачу германской политики». Для этого, возможно, несколько позже можно было бы использовать и Польшу. В своем нынешнем состоянии она для борьбы против СССР якобы не подходила. Ее следовало сперва «территориально разделить»[39], а затем заново политически организовать.

В связи с подготовкой оккупации Чехословакии, сообщал Клейст далее, затрагивался и украинский вопрос. Однако все представленные Риббентропом Гитлеру на этот счет соображения были последним отвергнуты. Он заметил, что все это «пока еще мечты». Первая часть сообщений Клейста, касавшаяся прогноза предстоявшей оккупации

Чехословакии, нашла, с точки зрения Москвы, подтверждение в телеграмме Мерекалова от 14 марта[40] и в событиях 15 марта, что дало основание считать и остальные его сообщения достоверными.

Как видно, на рубеже февраля — марта 1939 г. тревога Москвы по поводу непосредственной угрозы со стороны Германии внезапно улетучилась. 1 марта Шуленбург сообщил Эмилю Вилю, что после последнего визита к наркому внешней торговли Микояну он и Хильгер были еще «довольно пессимистично» настроены. «Мы посчитали, — писал Шуленбург, — что дальнейшие усилия бесполезны. Но на следующий день картина изменилась. Микоян выразил готовность поставить сырья на 200 миллионов марок»[41]. 3 марта итальянский посол Аугусто Россо писал министру иностранных дел Италии графу Чиано, что сейчас в советских правительственных кругах отмечается «чувство возросшей самоуверенности и оптимизм относительно международного положения СССР». Далее Россо добавил: «У меня создалось впечатление, что Советское правительство сегодня действительно имеет достоверные данные о том, что ему, по крайней мере на определенный срок, не угрожают ни Польша, ни Германия»[42].

В тот момент, когда казалось, что Советское правительство преодолело свои сомнения, дипломатические попытки начать широкие экономические переговоры вновь потерпели фиаско. 8 марта 1939 г., когда Гитлер приказал оккупировать Польшу и «решить» польский вопрос военными средствами, министериальдиректору Вилю пришлось сообщить послу Шуленбургу, что на пути германских поставок в СССР возникли «существенные препятствия» и что в настоящее время изучается вопрос о целесообразности продолжения переговоров[43]. На решающем заседании торгово-политической комиссии, состоявшемся 11 марта 1939 г. в министерстве иностранных дел, чиновник центрального аппарата имперского министерства экономики Шлоттер огласил мнение своего ведомства, согласно которому при сложившемся военном положении «незаконченные переговоры с русскими о кредитах должны быть в подходящей форме прекращены»[44]. В связи с новыми указаниями нагрузка на военную экономику Германии в последующие два года не позволяла организовать поставки в таком объеме, что, учитывая положение в Германии с сырьем, было «чрезвычайно досадно». Переговоры, однако, следовало не «прерывать полностью, а оттягивать» до тех пор, пока не представится возможность их возобновить. Это решение германского правительства, как справедливо заметил Карл Шорске[45], определялось не политической, а военной и экономической необходимостью. Усилия германской дипломатии в России, направленные на создание прочного базиса для дальнейшего политического сближения, вторично оказались напрасными. Говоря словами Шорске, «конструктивная» дипломатическая деятельность... была прервана государством, которое в тот момент потеряло всякий интерес к дипломатии как инструменту международной политики».

XVIII съезд ВКП (б)

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), проходивший в Москве с 10 по 21 марта 1939 г., имел огромное внутриполитическое значение[46]. Он обозначил конец «большой чистки». За несколько недель до созыва съезда прекратилась чистка военного аппарата, армейское командование было полностью подчинено партийному руководству. Сталин, таким образом, обрел однородную в идеологическом отношении армию. Господство партии над государством и единовластие Сталина в партии достигло апогея, когда Сталин, провозглашенный, как и его германский противник, «вождем», обновил в ходе съезда почти на четыре пятых Центральный Комитет. Культ личности Сталина достиг зенита[47].

Партийный съезд собрался в период наивысшего с момента консолидации Советского государства обострения мирового кризиса. Вместе с тем вновь обретенная уверенность, подмеченная дипломатическими наблюдателями у советского руководства в начале марта того года, прозвучала также и в Отчетном докладе Центрального Комитета, с которым выступил Сталин 10 марта на первом заседании съезда.

Ввиду крайне напряженного международного положения внешнеполитический раздел речи Сталина ожидался со «смешанным чувством любопытства и трепета»[48] не только в Москве. Сталин понимал это, представляя съезду блестящий отчет о международном положении и вытекающих отсюда задачах большевистской партии[49]. Его характеристика расстановки сил в мире, анализируемая сквозь призму времени, оказалась важной вехой на пути к германо-русскому сближению, а потому заслуживает особого внимания[50].

Чтобы четко представить себе значимость внешнеполитических идей Сталина в середине марта 1939 г., целесообразно сопоставить их с предшествующими высказываниями подобного рода, а именно его отчетом перед делегатами XVII съезда партии 26 января 1934 г.[51]

Общим в этих отчетах было указание на обострение конфликтной ситуации в капиталистическом мире, обоснованное вульгарно-марксистской интерпретацией перерастания экономического кризиса капитализма в международный политический кризис, который опять же неизбежно ведет к войне. Речи отличались лишь оценкой глубины кризиса. В 1934 г. Сталин говорил об острой предвоенной ситуации, которая уже привела к отдельным региональным конфликтам. А вот в 1939 г. «новая империалистическая война», по его мнению, шла уже полным ходом, хотя еще не превратилась в мировую войну. В обоих случаях он понимал «войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств» (1934) и за счет «неагрессивных государств» (1939). К «агрессивным странам» и «военному блоку» он в 1934 г. причислил Японию и Германию, а в 1939 г. — соответственно, Японию, Германию и Италию.

Причину того, что пораженные тяжелым экономическим кризисом государства-захватчики смогли спровоцировать ряд региональных конфликтов с тенденцией к мировой войне, Сталин в 1939 г. видел «в

отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета». Сталин охарактеризовал политику ложного нейтралитета Англии и Франции, которую можно было наблюдать с момента подписания Мюнхенского соглашения, словами: «Пусть каждая страна защищается от агрессоров... наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». По единодушному мнению ведущих западных дипломатов в Москве, Сталин сам бы охотно проводил подобную политику[52].

Политика невмешательства стран Запада означала, как считал Сталин, «попустительство агрессии, развязывание войны», которая неизбежно превратится в мировую войну. Так, под прикрытием невмешательства западные страны охотно позволили бы Японии вести войну с Китаем, «а еще лучше с Советским Союзом», а Германии — «увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом». Политика попустительства, сказал Сталин, связана с намерением западных держав «дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны... дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».

На самом же деле, по словам Сталина, над западными странами нависла не меньшая угроза. Тезис о том, что входящие в антикоминтерновский пакт государства не имеют агрессивных намерений против западных держав, а лишь стремятся спасти мир от большевистской опасности, он назвал «неуклюжей игрой» нацистской пропаганды, ибо «смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко».

Более важные примеры «нового передела мира», приведенные Сталиным, касались территорий, прилегающих к Советскому Союзу. Он говорил о японской агрессии против Китая, о том, что Австрию и части Чехословакии отдали Германии в качестве приманки, чтобы иметь возможность «крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо[53].

Характерным в этом плане, говорилось в докладе, был шум вокруг Украины. Западная печать до хрипоты кричала, что немцы идут на Советскую Украину, что у них в руках уже Закарпатская Украина, что не позднее весны 1939 г. они присоединят Советскую Украину с ее более чем 30- миллионным населением к Закарпатской Украине с населением в 700 тыс. человек. Похоже на то, продолжал Сталин, что этот шум имел своей целью «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований». Вполне возможно, сказал он, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т.е. Совет-

скую Украину, к козявке, т.е. Закарпатской Украине. На этот-де случай в Советском Союзе найдется достаточно смирительных рубашек. Нормальные же люди сочтут подобные идеи смешными и глупыми.

Уверенность, с которой Сталин под нескончаемый смех и аплодисменты слушателей, нанизывая один каламбур на другой, разоблачая многочисленных поджигателей войны в Англии и Франции и не столь многочисленных (как он, видимо, считал) в Германии, свидетельствовала о преодолении им порога страха. Слова об отсутствии «видимых оснований» для конфликта между Германией и Россией не только указывали на предшествовавшее устранение конфликтных проблем, но и подчеркивали существовавшую с 1934 г. постоянную заинтересованность Сталина в сохранении в Центральной и Восточной Европе свободной от конфликтов зоны. Кажущееся равнодушие, проявленное Гитлером к Украине, и поворот германской военной машины на запад — таковы известные нам причины видимого облегчения.

В этой связи следует упомянуть также и тот факт, что выражение «капиталистическое окружение», еще в 1937 г., с учетом военного значения антикоминтерновского пакта, занимавшее центральное место в выступлениях Сталина[54], в речи на XVIII съезде вовсе не присутствовало. Германия, к такому выводу в тот период пришел, по-видимому, Сталин, повернувшись против поджигателей войны на Западе, тем самым оставила фронт капиталистического окружения.

С обоснованным, как он считал, сарказмом Сталин говорил о некоторых политиках и деятелях западной прессы, которые через несколько месяцев после мюнхенского сговора чувствовали себя обманутыми в своих ожиданиях германского наступления на Россию, тем более что Гитлер открыто повернул против Запада. Можно-де подумать, «что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются платить по векселю, посылая их куда-то подальше». Эта большая и опасная политическая игра западных стран, являвшаяся, по мнению Сталина, выражением извращенного макиавеллизма «старых, прожженных буржуазных дипломатов», может «закончиться для них серьезным провалом». По Сталину, выходило, что в «новой мировой войне» неагрессивные демократические государства являлись непредсказуемыми противниками, а агрессивные диктатуры, напротив, предсказуемыми врагами.

Были и другие перемены в его взглядах. В то время как в отчете 1934 г. подчеркивалось обострение противоречий между отдельными капиталистическими странами, с одной стороны, и внутри данного капиталистического общества («революционный кризис»), с другой стороны, второй аспект, а именно возникновение (пред)революционной ситуации в капиталистических государствах, в речи 1939 г. упоминается лишь вскользь. Возможность «активной» внешней политики с помощью раздувания национальных революций, на которую еще с известным энтузиазмом указывалось в речи 1934 г.[55], исчезла из поля его зрения[56]. Зато в советской внешней политике появилось новое понятие: «мирная политика».

Но что понимал Сталин в марте 1939 г. под «мирной политикой»? Ответ содержался в выдвинутой им программе советской внешней политики, состоявшей из следующих 4 пунктов:

1) «мир и укрепление деловых связей со всеми странами»;

2) со всеми соседними государствами, «имеющими с СССР общую границу», «мирные, близкие и добрососедские отношения» (также на базе взаимности);

3) поддержка народов, «ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины»;

4) готовность ответить двойным ударом на удар агрессоров и поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ[57].

Таким образом, советскую внешнюю политику, по крайней мере в ее официальном изложении, в тот момент определяли три задачи:

— укрепление «деловых связей» с капиталистическими странами с целью взаимовыгодного товарообмена;

— сохранение, при необходимости военной силой, статус-кво в прилегающих странах;

— военное устрашение потенциальных агрессоров и поджигателей войны.

Здесь косвенно выражалось желание по возможности не дать себя втянуть в предстоящую мировую войну. Все же тема «серьезной опасности» (эти «грозные события» не обойдут СССР стороной) многократно варьировалась Сталиным в Отчетном докладе[58].

Он вновь вернулся к ней во внешнеполитической части (где шла речь о четырех «задачах партии в области внешней политики»)[59], в важном втором пункте, высказав известное, но часто неверно толкуемое предупреждение: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну военным провокаторам, привыкшим загребать жар чужими руками»[60].

Этому основному принципу нейтралитета предпосылалась в качестве первоочередной задачи партии «политика мира и укрепление деловых связей со всеми странами», затем следовал пункт 3: «укрепление боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Красного Флота» — и пункт 4: укрепление «международных связей дружбы с трудящимися всех стран».

Итоги XVIII съезда партии ни в Москве, ни за рубежом поначалу не были восприняты как сенсация, возвещающая о радикальных переменах в советской внешней политике, особенно в отношении Германии. В своем заключительном отчете о XVIII съезде партии, который Шуленбург подписал 3 апреля, германское посольство в Москве не вышло за рамки обычных оценок. Так, после детального и в высшей степени профессионального анализа обсуждавшихся на съезде вопросов и обобщения принятых на нем решений констатировалось, что «XVIII съезд партии не преподнес никакой сенсации, не выработал ни одной новой директивы и не решил ничего принципиально нового. Основные темы, занимавшие съезд («успехи» советской экономики, уничтожение «врагов народа», повышение боевой готовности в отно-

шении внешних врагов, «политическое и моральное единство советского народа» и необходимость улучшения партийно-политического воспитания масс), обсуждаются советской печатью и отражаются в речах руководящих партийных и правительственных функционеров уже в течение ряда лет»[61].

И хотя, в общем-то, речь восприняли как весьма нелестную для западных держав, все же, согласно более позднему анализу Намира, нужен был «не трезвый рассудок, а чрезмерное рвение или же какая-то другая цель, чтобы заметить в ней намерение к сближению с Германией»[62]. Дипломатический корпус во многом разделял подобную точку зрения. Английский посол сэр Уильям Сидс также не усмотрел в речи Сталина признаков будущего советско-германского сближения[63]; не сделал из нее далеко идущих выводов и Форин оффис, хотя некоторые моменты могли бы навести на подобную мысль[64]. Бывший посол США в Москве Дж. Дэвис, аккредитованный с лета 1938 г. в Брюсселе, но продолжавший следить за происходящим в Москве, увидел в речи Сталина «несомненно... чрезвычайно знаменательный сигнал опасности»[65] для западных держав, однако не связал его с возможными скрытыми соображениями Сталина относительно Германии. Дэвис видел объективно существующую опасность в том, что Советы больше уже не доверяли Франции и Англии, «привыкшим загребать жар чужими руками», и опасались, что Россию оставят один на один сражаться с Германией. По этой причине в начале апреля 1939 г. он направил британскому премьер-министру Чемберлену через посла США в Лондоне предупреждение о том, что «если они не будут соблюдать осторожность, то толкнут Сталина в объятия Гитлера»[66].

На возможность такой интерпретации выступления Сталина обратил внимание двумя неделями раньше в отчете американскому государственному секретарю от 14 марта[67] поверенный в делах США в Москве Кэрк. Германские коллеги, сообщал он, выразили удовлетворение по поводу тона речи Сталина, касающейся международного положения, и особенно по поводу его осуждения попыток западных стран отравить советско-германские отношения и спровоцировать войну между СССР и Германией, для которой нет оснований. Они даже полагают, что если эти высказывания в подходящий момент и через подходящего человека довести до сведения Гитлера, то в политических отношениях между Советским Союзом и Германией может наступить улучшение. Отчет Кэрка показывает, что посол Шуленбург и его сотрудники уже через три дня после речи Сталина взвешивали возможность использования его высказываний в качестве исходного пункта новой инициативы к сближению.

Представители «агрессивных» держав «оси» читали и анализировали речь Сталина, отыскивая в ней нюансы, касавшиеся их стран и составлявшие основу дипломатических отчетов. Шуленбург и его итальянский коллега Россо использовали даже незначительные отправные точки возможной готовности к переговорам, чтобы сделать их исходным пунктом дипломатической инициативы между Берлином, Римом и Москвой с целью предотвращения войны. При определенном

знании затруднительного внешнеполитического положения СССР и интерпретационной ловкости подобные точки соприкосновения в этой речи действительно можно было обнаружить. В отчете министру иностранных дел Чиано от 12 марта[68] Россо подчеркнул «достойное внимания смягчение как по тону, так и по сути» позиции по отношению к тоталитарным державам, причем более терпимое, чем к демократическим странам.

Германский посол в своем отчете от 13 марта[69], представляющем собой отличный пример ясности, четкости и объективности политических оценок, подчеркнул «неизменную приверженность СССР проводимой до сих пор политике»; одновременно он, однако, отметил, что «ирония и критика Сталина обращены значительно острее против Англии, то есть против находящейся у власти английской реакции, чем против так называемых государств-агрессоров, и в особенности Германии». Шуленбург дословно передал содержание язвительных замечаний Сталина о якобы неудавшихся западных маневрах, направленных на подталкивание Германии к войне против СССР, и процитировал предупреждения в адрес государств-агрессоров, запугивающих СССР угрозами и провоцирующих пограничные конфликты. Советский Союз, дескать, на каждый удар «ответит двойным ударом».

Отчет Шуленбурга явился результатом серьезной тревоги по поводу дальнейших шагов Германии в Чехословакии. Оккупация Праги и «остальной» Чехословакии произошла как раз в дни работы съезда в Москве. Предвидеть из Москвы все последствия дальнейшего военного продвижения вермахта было нельзя, однако материала для серьезных размышлений было достаточно. Так, письмо советнику миссии в Бухаресте д-ру Штельцеру от 12 марта[70] Шуленбург начал сообщением об огромном «напряжении», с которым он следил «за развитием событий на юго-востоке, в настоящий момент особенно в Чехии и Словакии». Лишь затем он порекомендовал Штельцеру, если тот все еще интересуется Советским Союзом, «прочитать произнесенную Сталиным три дня назад речь, которая содержит много удивительного». В частном письме в Берлин не было ни слова о московских событиях, интерес посла был полностью прикован к «развитию дел в Чехии и Словакии». Там «в последующие дни многое произойдет, хотя это и не приведет к мировому конфликту»[71].

13 марта 1939 г. военный атташе Эрнст Кёстринг в отчете Типпельскирху (ОКВ)[72] подчеркнул, что в сравнительно деловом докладе Сталина «ось» характеризовалась «скорее в пренебрежительном, чем оскорбительном тоне». Кёстринг пошел дальше своего посла, когда затронул вопрос о том, почему же Сталин отнесся к Германии «исключительно мягко, если не сказать доброжелательно», а западные страны заклеймил «как поджигателей войны между Россией и Германией», указав тем самым Германии ее врага в лице западных демократий. «Конечно, — писал Кёстринг, — Сталин делает это не из любви к нам. В нем говорит, возможно, здравый смысл. Если Германия увидит своих главных врагов на Западе, то ему будет не нужно нас опасаться».

Через неделю планы посольства приняли более конкретные черты. 20 марта советник фон Типпельскирх в своем докладе Шлипу[73] вновь проявил инициативу. Указывая на сдержанность Сталина в отношении Германии и так называемые высказывания Литвинова о том, что Германия и Италия «намереваются уладить свои отношения с Советским Союзом», он рекомендовал дать «новый импульс... экономическим переговорам с Советским Союзом»; после прекращения экономических переговоров с Англией и Францией «экономическое значение Советского Союза для Германии вновь приобретает огромное значение».

Посол в это время уже планировал первый шаг к началу политического сближения. События последних дней — оккупация Праги (15 марта) и предложение Советского правительства к созыву конференции «шести» (19 марта) — побуждали его к политическим действиям. Сразу же после завершения XVIII съезда ВКП(б) граф Шуленбург 23 марта отправился в Берлин, чтобы прежде всего получить представление о новом положении дел, а затем (как сообщили представители германского посольства поверенному в делах США в Москве Кэрку 13 марта, ссылаясь на речь Сталина) убедить нужных из окружения Риббентропа и Гитлера людей в необходимости сближения.

До 21 апреля посол находился в Берлине[74]. О характере проведенных им встреч и бесед известно очень мало. Атмосфера, которую он застал в министерстве иностранных дел, мало способствовала тому, чтобы заставить прислушаться к его предостережениям. Все находились под впечатлением успешного внезапного удара Гитлера по Чехословакии. Это был, по мнению Ульриха фон Хасселя, «первый случай откровенной наглости, перешедшей всякие границы и всякое приличие»[75]. Очевидный внешнеполитический успех акции довел царившее в руководстве самомнение до откровенной заносчивости. При таких настроениях представлялось бесполезным поднимать вопрос о военной мощи Советского Союза. Задал же Гитлер несколько дней назад, будучи на вершине триумфа, в пражском дворце шефу имперской печати Дитриху риторический вопрос: «У вас есть сообщения о передвижении воинских частей во Франции, Советском Союзе или о приведении в боевую готовность английского флота?» На отрицательный ответ Дитриха он пренебрежительно заметил: «Я это знал! Через две недели вообще ни один человек не вспомнит об этом»[76].

Складывалось впечатление, что в пылу подготовки к оккупации Чехословакии мало кто в Берлине вообще заметил московский съезд. Пытаясь привлечь внимание к возможностям, которые открывала Германии речь Сталина, посол как бы оказался в неведомых землях. Из лиц, принадлежавших к окружению Риббентропа, лишь Петер Клейст зафиксировал доводы посла, хотя по-прежнему неясно, почерпнул ли он эти сведения, присутствуя на беседе Шуленбурга с руководством министерства иностранных дел, или, как он сам утверждает, из личного разговора с послом[77].

Как вспоминал Клейст, Шуленбург считал, что Сталин руководствовался тогда не идеологическими соображениями, а исключительно потребностями реальной политики. Он старался избежать конфликтов,

ибо, «будучи трезвым политиком, искал мира, чтобы реализовать гигантские экономические программы». Здесь германскому правительству открывалась «благоприятная возможность для смягчения отношений с Советским Союзом — шанс, за который Германии, в ее нынешней ситуации, следовало ухватиться обеими руками».

Как видно, Шуленбургу удалось пробудить известный интерес к своей точке зрения[78]. С некоторыми изменениями в акцентах это можно сказать и о министре иностранных дел Риббентропе. И когда последний в дальнейшем утверждал, что «искать примирения с Россией»[79] было его «давней мечтой», он просто подтасовывал факты, так как еще в конце января 1939 г. открыто объявил мировой коммунизм заклятым врагом Германии[80]. И заявление о том, что «в марте 1939 г.» он уловил «в речи Сталина желание улучшить советско-германские отношения», вряд ли достоверно уже потому, что, по свидетельству Густава Хильгера и Карла Шнурре[81], еще 10 мая 1939 г. ни Риббентроп, ни Гитлер с этой речью, по всей видимости, знакомы не были.

После войны Риббентроп просто выдал за свою ту точку зрения, о которой ему поведал ранее Шуленбург. Не называя даты, он впоследствии также утверждал, что представил Гитлеру речь Сталина (в документах политического архива министерства иностранных дел упомянутый Шуленбургом немецкий текст речи отсутствует, но его могли изъять из документов значительно позднее) и «настоятельно просил предоставить полномочия, чтобы предпринять необходимые шаги и выяснить, действительно ли за этой речью скрываются серьезные намерения Сталина». Проступающий в этих словах прагматизм опять создает впечатление, что инициатором этой рекомендации в действительности был посол Шуленбург.

По словам Риббентропа, Гитлер «поначалу медлил и колебался».

Нет никаких свидетельств и о том, кто и когда побудил Риббентропа к подобным действиям. Предположение, что это произошло непосредственно после речи Сталина, то есть в чрезвычайно трудные дни оккупации Праги, кажется сомнительным из практических соображений. Скорее, подходит период после окончания XVIII съезда. Тогда Шуленбург сразу же приехал в Берлин для личного доклада. Неизвестно, выслушал ли его Риббентроп. Все же предположение о том, что свои знания Риббентроп получил от Шуленбурга прямо или косвенно (например, через Клейста), можно считать вполне обоснованным.

Действительно серьезно Риббентроп отнесся к содержанию речи Сталина, вероятно, значительно позже, в те августовские дни, когда усилия немцев к сближению с СССР неожиданно дали результаты. Готовясь к поездке в Москву для подписания германо-советского договора о ненападении, Риббентроп взял текст речи с собой и на переговорах несколько раз ссылался на нее, делая вид, что он и Гитлер восприняли ее как приглашение к переговорам[82].

По словам советника посольства Андора Хенке, утром 24 августа, на небольшом приеме, последовавшем за подписанием договора, Молотов «поднял бокал за господина Сталина, заметив при этом, что именно Сталин своею речью в марте с.г., правильно понятой в Германии, под-

готовил поворот в политических отношениях»[83]. Но как продемонстрировал Э.Х. Карр[84], в этот момент мнимого внешнеполитического триумфа «желание польстить Сталину, назвав его отцом только что успешно заключенного договора, было настолько очевидным, что сказанное не стоит воспринимать слишком серьезно».

Неизвестно, обратил ли кто-нибудь еще внимание министра иностранных дел Германии на возможное значение речи Сталина. По мнению некоторых, не названных представителей МИД, опрошенных Де Виттом Пулом в 1946 г., Москва «неофициально» уведомила Берлин о том, что выступление Сталина было адресовано германскому правительству[85]. Однако речь, вероятно, шла, если оставить в стороне сомнительные разведывательные источники[86], о слухах, рожденных из отрывочных сведений относительно усилий германского посольства в Москве, направленных на подготовку политического сближения.

По-видимому, и «секретный доклад», составленный сотрудником партийного аппарата и бюро Риббентропа Рудольфом Ликусом 1 апреля 1939 г.[88], то есть во время пребывания Шуленбурга в Берлине, был результатом неправильно понятого (подслушанного) сообщения или же целенаправленной дезинформации. Согласно Ликусу, нарком обороны маршал Клемент Ефремович Ворошилов «недавно... в беседе с супругой германского посла отрицательно (высказывался) о политике западных держав (и заметил)... что отношения между Германией и Советской Россией могли бы быть поставлены на иную основу». Но ведь Шуленбург не был женат, подобное заявление наркома обороны было просто немыслимо.

Правда, характер слухов и более поздние утверждения Риббентропа указывают на то, что рекомендации германского посольства и особенно усилия посла в Берлине все-таки в конце концов не прошли бесследно. Под воздействием пассажей речи Сталина, относящихся к Германии, в Берлине постепенно укрепилось мнение, что Сталин «не терял из виду пути к германо-советскому взаимопониманию»[89].

Взгляд Москвы на оккупацию Чехословакии

По свидетельству московских очевидцев, оккупация Чехословакии (15 марта 1939 г.) и создание Протектората Чехии и Моравии (16 марта) «шокировали, но, вероятно, не застали совсем врасплох»[90] Советское правительство. Оно не испытало того потрясения, которое ощутили западные государственные деятели в связи с тем, что, захватив Богемию и Моравию, рейх «сбросил маску» и перешел от «политики национальной экспансии к политике агрессий, от требований национального единства к воинствующему империализму»[91]. Уже во время судетского кризиса Литвинов заявил германскому послу, что Москве хорошо известно, что речь идет вовсе не об осуществлении прав немецких меньшинств, — Германия просто хочет «уничтожить всю Чехословакию... завоевать страну»[92].

Не произвело на Советское правительство никакого впечатления и наступившее в Париже и Лондоне осознание того, что после оккупации Праги[93] Мюнхенское соглашение больше не существует[94], что Гитлер растоптал надежды западных демократий[95]. В оккупации Праги германским вермахтом оно видело «полное нежелание Гитлера считаться с Англией или Францией и уважать взятые на себя обязательства»[96].

Кроме того, советская сторона с удовлетворением наблюдала за тем, как подобный разрыв Мюнхенского соглашения наконец-то вывел широкие слои Англии вместе с ее премьер-министром из летаргии умиротворения[97].

И все же оккупация Праги причинила Советскому правительству известное беспокойство; она привела к быстрому изменению баланса политических и экономических сил на востоке Центральной Европы, которое не могло не затронуть советские интересы. Тревогу, пожалуй, смягчил тот факт, что Гитлер, создав венгерскую буферную зону в Закарпатской Украине, счел возможным не перемещать свои войска к советской границе. Германия и СССР по-прежнему не имели общей границы, которая, как это показывала германо-польская граница, могла стать неспокойной.

Когда нарком иностранных дел Литвинов с некоторым, как сообщало германское посольство, удовлетворением[98] принимал германские «объяснительные ноты» от 16 и 17 марта, по-видимому, в этом чувстве прежде всего отразилось облегчение Советского правительства в связи с подобным решением опасного вопроса Закарпатской Украины. Ответная нота СССР, врученная германскому послу наркомом иностранных дел поздно вечером 18 марта в Москве[99] и советским полпредом министерству иностранных дел 19 марта в Берлине и в тот же день распространенная ТАСС и переданная по советскому радио, представляла собой недвусмысленное и решительное, но одновременно сдержанное по тону осуждение немецкой акции. Действия германского правительства, говорилось в подписанной Литвиновым ноте, были «произвольными, насильственными, агрессивными»; они грубейшим образом попрали «принципы самоопределения народов», «создали... опасность всеобщему миру... нарушили политическую устойчивость в Средней Европе... и нанесли новый удар чувству безопасности народов». От имени Советского правительства нарком заявил, что Советское правительство не может признать действия германского правительства правомерными.

Нота Советского правительства, которую в Москве посчитали «резкой»[100], а за рубежом даже «чрезмерно резкой»[101], была адресована германскому послу. В ней со ссылкой на нормы международного права осуждались действия Германии, но вместе с тем содержались заверения в глубоком уважении к послу графу фон Шуленбургу. Как и во время судетского кризиса, посол и теперь, в связи с вручением ноты, в беседе с Литвиновым попытался выяснить дальнейшие намерения Советского Союза. Однако и на этот раз он получил лишь уклончивые ответы, недостаточные для надежного сдерживания Гитлера. Резюмируя в отчете Типпельскирху (ОКВ) содержание разговора между Шуленбургом и Литвиновым, генерал Кёстринг писал, что Советский Союз будет «и да-

лее на бумаге действовать заодно с нашими противниками... Охотно вместе кричать, но не воевать»[102].

Посол же подчеркнул принципиальный характер ноты, в которой говорилось о том, «что Советское правительство не может признать законным государственно-правовые изменения в Чехословакии, ибо они осуществлены без всенародного референдума»[103]. В своем отчете министерству иностранных дел он пытался смягчить тон ноты Литвинова, которая-де «выражала мнение Советского правительства и не содержала протеста»[104]. Желая предупредить неправильный вывод об односторонней уступчивости Советского правительства в связи с германской акцией, Шуленбург одновременно подчеркнул «практическое значение» ноты, которое якобы состояло в том, «что и впредь Советское правительство не станет действовать автономно, а будет учитывать поведение Англии, Франции и Америки».

Всем содержанием своих отчетов посол пытался не допустить прекращения переговоров между Берлином и Москвой в этой новой, более сложной обстановке. Начальство в Берлине без особого понимания отнеслось к его усилиям. 20 марта Вайцзеккер по поручению Риббентропа передал Шуленбургу по телеграфу указание[105] в дальнейшем избегать обсуждений с представителями Советского правительства любых вопросов, касающихся оккупированной Чехословакии. По этому поводу, говорилось в телеграмме, послам Англии и Франции в Берлине уже «заявлено, что мы не можем принять протесты». Правительство рейха больше не интересовали дипломатические соглашения. Тем неотложнее представлялась германской дипломатии в России ее задача.

Взгляды «старого» ведомства после Праги

Как отмечает Де Витт Пул, после аннексии Чехословакии ведущие работники МИД стали задаваться вопросом, были ли «западные державы готовы и в состоянии создать противовес резкому возрастанию немецкого влияния» на востоке Центральной Европы и «не было ли Советам выгоднее достичь, пусть даже временного, взаимопонимания с Германией». Они начали вновь возвращаться к взглядам Бисмарка относительно «совпадения интересов Германии и России в польском вопросе»[106].

Здесь налицо более позднее смешение различных позиций. Их объединяла тревога за исход польских планов Гитлера. Чем пристальнее внимание Гитлера после аннексии Чехословакии направлялось через Мемель на Данциг, а возможно, и на всю Польшу, тем интенсивнее в министерстве иностранных дел размышляли о том, каким образом «локализовать» конфликт с Польшей, если его не удастся избежать. В этих, воспроизведенных Эрихом Кордтом[107], дискуссиях столкнулись традиционные представления о политике с позиции силы с новыми оценками советской империи Сталина, душеприказчика классического русского империализма. Тяга к приобретению территорий, к южным морям, которая охотно приписывалась и Сталину и Гитлеру, подвела

консервативные круги в министерстве иностранных дел и в вермахте к следующей мысли: «Каким бы страшным ни был советский строй внутри страны... разве нельзя с таким, в своих внешнеполитических целях переменившимся Советским государством поддерживать полезные политические отношения?» Выгоды политического сближения со сталинской Россией были подмечены на различных уровнях.

Эрих Кордт, назначенный в это время шефом бюро Риббентропа и поэтому хорошо знакомый с положением дел, различал три направления. Консервативные сторонники насильственных методов решения проблем из числа военных и чиновничества склонялись к вульгаризации политики Бисмарка в отношении России и Польши; эти «псевдобисмаркианцы... (хотели) использовать контакты с Москвой... чтобы пробить «санитарный кордон»[108]. Они считали, что противиться стремлению Гитлера в Польшу (Данциг) и Литву (Мемель) не следует, а нужно, напротив, с согласия и при поддержке Сталина путем совместного военного уничтожения малых государств, созданных на основе договоров Парижской конференции, завершить реваншистскую политику Гитлера на востоке Центральной Европы.

Затем Эрих Кордт выделял лиц, группировавшихся вокруг статс-секретаря фон Вайцзеккера. Члены этой второй группы, по его мнению, по-видимому, переоценивали опасность, которую мог представлять для Германии союз западных держав с СССР; они считали, что «противодействовать заключению такого союза» и устанавливать «связь с Москвой» нужно было путем постепенной ликвидации идеологического противостояния и «нормализации отношений». Вайцзеккер отстаивал ту точку зрения, что «отношения Германии с Советским Союзом (должны) быть не хуже отношений с ним других стран».

Кордт, однако, обходит вопрос о характере нормализации, к которой стремилась эта группа. Имелось ли в виду расчленение Польши или отказ от условий Рапалльского договора? В польском вопросе Вайцзеккер, год назад предлагавший «химическое решение» чехословацкого вопроса, также выступал за мирное «присоединение», которое при тогдашней расстановке сил не могло быть осуществимо. Статс-секретарь в декабре 1938 г. рекомендовал Риббентропу «сократить Польшу до приемлемых для нас размеров как буфер против России» путем «приобретения... Данцига и создания широкого и прочного моста в Восточную Пруссию»; «Польша вряд ли может рассчитывать на сочувствие или какую-либо помощь третьих стран». Перед оккупацией Чехословакии Вайцзеккер советовал Риббентропу лучше «разобраться с Польшей»; при этом вермахту следовало «занять Мемель и затем выйти на Данциг и коридор». После оккупации Праги он полагал, что «новая акция» при всех ее негативных последствиях по меньшей мере «благотворно повлияет на чересчур самонадеянную Варшаву». Однако уже 27 марта (посол Шуленбург вот уже несколько дней находился в Берлине и присутствовал на совещаниях в министерстве иностранных дел) статс-секретарю представлялось «невозможным... решить вопрос о Данциге», поскольку «германо-польское столкновение привело бы в движение ла-

вину». Тем не менее его все больше раздражали «наглость поляков и их недостаточно серьезный подход к сделанному им предположению». Он считал, что Германия могла бы «уже сейчас заставить поляков быть более податливыми. Речь не идет ни о компромиссном решении, ни о войне с Польшей»[109].

В этом частичном переходе на примирительные позиции можно видеть влияние аргументов, изложенных Шуленбургом во время его пребывания в Берлине с 24 марта по 1 апреля. Вероятно, и разговоры о «нормализации отношений» (правда, на базе Берлинского договора от 1926 г.) сложились под воздействием доводов посла. «Сотрудники германского посольства в Москве» составляли, по мнению Эриха Кордта, отдельную группу. Как «выдающиеся специалисты по России» они считались «благодаря длительному знакомству с советскими делами и традициями со времен Брокдорф-Ранцау, информированными лучше, чем сотрудники других представительств»[110]. Германскому послу в Москве были хорошо знакомы позиции консервативных «псевдобисмаркианцев» и группы Вайцзеккера; он с расстояния видел их опасную национальную ограниченность и чувствовал отвращение и к их идее национального отмщения, и к их неуважению прав малых народов. Его отношение к Польше после четырехлетнего пребывания в Варшаве было дружеским; сохранившиеся с того времени близкие личные контакты с элитой польского общества обеспечивали постоянство его уважения к польской нации[111]. В министерстве иностранных дел он пытался представить войну против Польши ненужной и в высшей степени опасной, указывая, во-первых, на возможное сопротивление Советского правительства, а во-вторых, на неожидаемое вмешательство западных держав. Использовать эти аргументы применительно к вопросу о Данциге Шуленбург не мог, ибо на основании более ранних замечаний Литвинова у него сложилось впечатление, что Советское правительство не станет противиться включению Данцига в «рейх»[112].

Поэтому германское посольство в Москве было вынуждено при дипломатическом маневрировании между Гитлером и Сталиным, а также при попытках повлиять на основы германской внешней политики, на начальство и коллег в министерстве иностранных дел действовать с великой осторожностью, чтобы не быть либо неправильно понятым, либо вовлеченным в реализацию концепции, противоречащей собственным убеждениям. Создается впечатление, что, хотя руководители МИД прислушивались к мнению германского посольства и даже частично использовали его в качестве средства для достижения цели, они не замечали или высмеивали глубокий моральный пафос, историческую и политическую правомерность подобной позиции.

Во второй половине марта число сторонников германо-русского взаимопонимания в информированных кругах Берлина увеличилось. Разговоры о «польской мозаике», то есть о разделе Польши на угодные Гитлеру мелкие образования, стали злободневной политической темой[113]. Поскольку Гитлер любое направленное против России военное «решение» так называемой польской проблемы считал «сложным и опасным»[114], взоры многих с надеждой устремились к Москве. По сооб-

щениям, поступавшим в итальянское посольство в Берлине, ситуация, сложившаяся после завоевания Чехословакии, открывала по меньшей мере одну возможность: с присоединением огромного военного потенциала к рейху должен был исчезнуть страх германского правительства перед часто упоминавшимся «русским дредноутом Чехословакией» — этой якобы советской военной базой на восточном фланге Германии. Данное «обстоятельство могло побудить Гитлера изменить свои планы в отношении России»[115].

Уже по пути из Праги 18 марта мысли Гитлера, «окрыленного», по словам его адъютанта Белова, «договором с Гахой и относительно спокойным захватом Чехословакии»[116], вращались вокруг России. Хотя военная мощь Великой Германии благодаря чехословацкому трофею возросла, тем не менее, как сказал Гитлер Белову, «трудно изолировать Польшу... Заклятым врагом поляков является не Германия, а Россия. Нам однажды также будет грозить со стороны России большая опасность. Но почему послезавтрашний враг не может быть завтрашним другом? Этот вопрос следует очень основательно обдумать. Главная задача состоит в том, чтобы сейчас найти путь к новым переговорам с Польшей».

Путь, по которому пошли «переговоры» с Польшей, привел Гитлера назад, к его размышлениям о России.

Польша отказывается

С оккупацией Чехословакии Гитлер блокировал Польшу с трех сторон. Как заявил впоследствии генерал Йодль[117], «территориальная структура Великой Германии позволяла рассматривать польский вопрос, исходя из более или менее благоприятных стратегических предпосылок». С захватом Мемельской области 23 марта Польша оказалась окруженной и с северо-востока.

После оккупации Чехословакии внимание великих держав было приковано к Польше и Румынии; оба государства между Балтийским и Черным морями теперь лежали на пути германской экспансии на восток. Дурные предчувствия приобрели такой размах, что одно-единственное неудачное выражение румынского посланника в Лондоне Тиля о подготовке германского вторжения в Румынию привело в движение западную дипломатию[118]. Утром 18 марта британский посол в Москве Сидс посетил наркома Литвинова, чтобы от имени своего правительства задать ему вопрос относительно позиции Советского Союза в случае германской агрессии против Румынии. 19 марта Советское правительство предложило срочно созвать конференцию шести держав, по возможности в Бухаресте, на которой заинтересованные страны (Англия, Франция, СССР, Польша, Румыния и Турция) образовали бы совместный оборонительный фронт против германской агрессии. Это предложение — повторение прошлогодней советской инициативы в условиях непосредственной военной угрозы — потерпело фиаско из-за глубокого недоверия Чемберлена к большевистской России. Официально британ-

ское правительство отклонило советскую инициативу как «преждевременную». ТАСС опубликовало это заявление 22 марта и одновременно опровергло слухи, согласно которым Советское правительство будто бы недавно предложило Польше и Румынии на тот случай, если они станут жертвами агрессии, помощь в одностороннем порядке[119].

Со своей стороны английское правительство 21 марта предложило правительствам Франции, СССР и Польши принять декларацию, в соответствии с которой эти государства совместно выступят против угрозы независимости любой из европейских стран. Это предложение было принято правительствами Франции и СССР, но натолкнулось на сопротивление польского правительства, опасавшегося, что, вступив в антигерманский оборонительный союз, оно навлечет тем самым гнев Гитлера на Польшу.

То была запоздалая осторожность. После того как Гитлер уже в речи от 8 марта высказался за военное «решение» польского вопроса, дело сводилось лишь к тому, чтобы, используя давление уже существующего военного охвата вдоль всей границы, для виду выдвинуть «окончательное», неприемлемое предложение. 21 марта, в тот самый день, когда были оглашены британское предложение польскому правительству и германский ультиматум Литве с требованием уступить Мемельскую область, Риббентроп пригласил к себе польского посла в Берлине Липского, чтобы объявить категорическое требование Гитлера в отношении Данцига и так называемого польского коридора[120]. Как вспоминал министр иностранных дел Польши Бек, Риббентроп, теперь уже в ультимативной форме, повторил предложение о германо-польском «выравнивании», об антирусском сотрудничестве, о компенсации Польше на юге в обмен на отказ от Балтийского моря и угрожал «возвратом Германии к рапалльской политике»[121].

Призрак Рапалло возымел действие. 23 марта, в день оккупации Мемельской области, Бек обратился к британскому правительству с просьбой заменить отклоненную польской стороной Декларацию четырех держав двусторонним (англо-польским) заявлением. Английское правительство согласилось, к заявлению примкнуло и французское правительство. 31 марта 1939 г. премьер-министр Чемберлен объявил в палате общин, что британское и французское правительства будут всеми средствами отстаивать независимость Польши. 13 апреля (после оккупации 7 апреля итальянскими войсками Албании) такие же гарантии были распространены на Румынию и Грецию, а немного позднее и на Турцию.

Дни, последовавшие за отклонением Польшей германского ультиматума (26 марта), Гитлер провел в своей берхтесгаденской резиденции Бергхоф в состоянии крайнего возбуждения. В министерстве иностранных дел знали о его разочаровании в связи с провалом польской политики[122]. В таком состоянии он, должно быть вспоминая события новогоднего приема, опять стал искать пути и средства наказания Польши с помощью России. Впервые о своем намерении он будто бы сказал генерал-полковнику фон Браухичу. По воспоминаниям его адъ-

ютанта, «Гитлер... (говорил) с Браухичем и о политическом положении. С Польшей следовало обождать». Он якобы не желал насильственными действиями в вопросах Данцига и «коридора» толкать Польшу в объятия Англии[123]. Свои истинные намерения Гитлер высказал как бы шутя: «А знаете ли вы, каким будет мой следующий шаг? Вам лучше сесть, прежде чем я скажу, что им будет... официальный визит в Москву»[124].

30 марта Гитлер в сильнейшем беспокойстве вернулся в Берлин. Здесь 31 марта он вновь пережил «черный день»[125]. Заявление Чемберлена в палате общин привело его в ярость. В присутствии адмирала Вильгельма Канариса Гитлер в бешенстве стучал кулаками «по мраморной поверхности своего письменного стола и извергал одно проклятие за другим в адрес Англии. Наконец он закричал: «Я сварю им чертово зелье!» Как справедливо заключил Домарус, говоря о «чертовом зелье», Гитлер имел в виду не только расплату с Англией и Польшей, но и «на худой конец германо-русский союз! Перед призраком национал-социалистско-большевистского альянса эти старые склеротики англичане... капитулируют»[126].

3 апреля 1939 г. — в тот день польский министр иностранных дел Бек прибыл не в Берлин, как ожидала германская сторона, а в Лондон — Гитлер приказал готовиться к осуществлению плана «Вайс», т.е. плана германской кампании против Польши. 11 апреля германскому вермахту было дано распоряжение об «Обеспечении границ на востоке». Столь внезапная перемена вполне соответствовала упрощенной системе категорий Гитлера: не удалось «большое решение (с Польшей против России)», следовало попробовать «малое решение (с Советским Союзом против Польши)»[127].

После издания инструкции о единой подготовке вермахта к военным действиям на период 1939/40 гг.[128], раздел II которого предписывал военный разгром Польши в рамках плана «Вайс», война против Польши стала неизбежной. Поэтому росла и заинтересованность в скорейшем достижении договоренности с Россией. Как подчеркивалось в плане, «политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, т.е. ограничить войну боевыми действиями с Польшей». В том случае, если изолировать не удалось бы, Гитлер был готов «напасть на Запад и одновременно разделаться с Польшей»[129].

В качестве инструмента «политического руководства» («изоляция» Польши была в первую очередь делом внешней политики и дипломатии) министерство иностранных дел столкнулось теперь с двойной задачей: с одной стороны, необходимо было расчищать пути для подобной «изоляции», которые вели через Россию, однако, с другой стороны, было известно, что Гитлер в своем военном планировании все еще слабо учитывал русский фактор, уделяя главное внимание Англии. «Вмешательство *России,* — говорилось в плане «Вайс», — если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как означало бы уничтожение ее большевизмом».

В ходе оперативного осуществления плана «Вайс» под косвенной угрозой оказались бы и Прибалтийские государства. В утвержденном 11 апреля плане указывалось: «Позиция лимитрофов будет определяться исключительно военным превосходством (последние два слова были от руки исправлены на «военными требованиями». — *И.Ф.*) Германии». Затем (в первом варианте) следовало предложение: «В ходе дальнейшего развития событий может возникнуть необходимость оккупации лимитрофов вплоть до границ прежней Курляндии и включения их в состав рейха». Но представление о грозящих неприятных осложнениях с Прибалтийскими государствами и — в соответствии с советскими «защитными нотами», переданными Латвии и Эстонии 28 марта 1939 г., — весьма вероятно, с СССР побудило верховное командование вермахта постановлением 37/39 II от 13 апреля 1939 г. из «плана фюрера» вторую фразу вычеркнуть[130]. Первая же фраза осталась, а значит, оставалась и возможность распространения зоны военных действий на Прибалтику.

Попытка Риббентропа и зондаж Клейста

Англо-французские декларации о гарантиях Польше, Румынии, Греции и Турции создали на востоке Центральной Европы новую политическую ситуацию[131]. Поскольку эти страны образовали сплошную полосу от Балтийского до Черного моря, Германия не могла напасть на СССР, не нарушая территориальной целостности по крайней мере одной из них. Но в этом случае в связи с западными гарантиями возникала опасность войны с Англией и Францией.

Таким образом, без всякого участия Советского Союза его западная граница оказалась прикрытой цепью государств, находящихся под защитой западных стран. В результате западных гарантий Сталин, по мнению бывшего французского посла в Москве и тогдашнего посла в Берлине Кулондра, приобрел «заслон на западе, которого он добивался на протяжении десяти лет. С этого момента он как бы с балкона, будучи в безопасности, может следить за происходящими событиями»[132]. Гитлер же, согласно данной интерпретации, напротив, теперь больше, чем когда-либо, нуждался в нейтралитете Советского Союза, если, нападая на Польшу или на любую другую из названных выше стран, он хотел избежать борьбы на два фронта, которая означала бы мировую войну. Кулондр сделал из этого следующий вывод: «Подтолкнув в Мюнхене Сталина к Гитлеру, теперь подталкивают Гитлера к Сталину».

В этой упрощенной схеме альтернатив Кулондр не в полной мере учел важный фактор неопределенности, который сводился к вопросу, насколько оба «вождя» верили в то, что в случае реальной опасности западные демократии окажут Польше действенную помощь. На этот счет у обеих сторон были сильные сомнения. Гитлер, преисполненный презрения к «жалким существам Мюнхена», был готов к азартной игре. Для Сталина же соглашательство Запада в Мюнхене явилось по меньшей мере предостережением. Трезвый анализ возможностей Англии и

Франции усиливал его недоверие. Характерной в этом отношении была следующая оценка, направленная в Наркоминдел полпредом Майским из Лондона: «Что реально может сделать Великобритания (или даже Великобритания и Франция вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения Германии на эти страны? Очень мало. Пока британская блокада перерастет для Германии в серьезную опасность, Польша и Румыния перестанут существовать»[133].

К тому же советская сторона справедливо опасалась, что трудновыполнимые с военной точки зрения западные гарантии могут даже способствовать возникновению войны в непосредственной близости от Советского Союза[134]. К такому пониманию склонялась также часть английской оппозиции, например бывший премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, назвавший британские гарантии Польше и Румынии без соответствующего советского прикрытия с тыла «безответственной азартной игрой»[135]. Он считал больше невозможным игнорировать Советский Союз; пути, удобные для оказания эффективной военной помощи Польше, пролегали как раз через советскую территорию. «Англия нуждалась по меньшей мере в благосклонном нейтралитете Советского Союза, а еще лучше в его поддержке Польше в случае нападения»[136]. Ключ к эффективному гарантийному союзу, как подчеркнул Черчилль, лежал во взаимопонимании Запада и России[137].

Однако такого взаимопонимания в процессе подготовки поспешного английского заявления о гарантиях Польше никто не искал. Хотя в англо-польском коммюнике от 6 апреля шла речь о том, что Англия и Польша окажут друг другу помощь в случае прямой или косвенной угрозы независимости одной из них со стороны третьей страны, остался, однако, открытым вопрос о практических путях осуществления помощи.

Советское правительство в этой ситуации сделало для себя выводы. При отсутствии возможности создать коллективный фронт сдерживания дальнейшей германской экспансии оно стремилось своими силами обеспечить защиту ближайших подступов[138]. При этом Советское правительство различало сопредельные государства первого и второго стратегического ранга — приоритетная очередность, зависящая, очевидно, во-первых, от интересов военной безопасности и, во-вторых, от исторических и политических факторов.

К сопредельным государствам первого ранга относились страны Прибалтики, за которыми Советский Союз при любых обстоятельствах намеревался сохранить роль буферной зоны. Они должны были в отсутствие эффективной системы пактов на основе двусторонних соглашений защитить СССР от германского продвижения. Советское правительство пыталось достичь этого дипломатическими средствами, договариваясь о законном приобретении некоторых территорий (вспомним, например, предложение Литвинова Финляндии относительно передачи или аренды стратегически важных финских островов; при этом Советское правительство было даже готово обменять их на часть Карелии)[139], или угрозами (например, с помощью резких нот Литвинова Латвии и Эстонии от 28 марта, в которых говорилось о том,

что СССР не потерпит дальнейшего усиления влияния Германии в этих странах)[140]. Эти ноты, по мнению соответствующих правительств, носили характер непрошеных односторонних заявлений о гарантиях[141].

К сопредельным государствам второго ранга относились страны, на нейтралитете которых Советское правительство было готово не настаивать, если заявления о помощи этим странам угрожали бы втянуть СССР в международный конфликт. Это касалось Польши и Румынии. В те дни Советское правительство не уставало открыто повторять, что этим странам оно никакой военной помощи не обещало[142]. Однако это не препятствовало тому, что в процессе дальнейшего обострения кризиса Советский Союз старался дипломатическим путем приблизить к себе эти страны[143]. В основе неоднократного провозглашения ни к чему не обязывающего нейтралитета, без сомнения и в первую очередь, лежали тактические соображения: не дать Англии и Франции путем интриг вовлечь СССР в какой-нибудь конфликт из-за этих стран. Ответить на вопрос о том, не проявилось ли здесь временное отсутствие стратегического интереса к этим странам, не ознакомившись с соответствующими советскими документами, нельзя[144].

Формальная причина, которой Советское правительство объясняло собственную сдержанность (Польша и Румыния якобы не желали советской помощи), была, во всяком случае, не главной, ведь Прибалтийские государства отказывались от такой помощи не менее упорно, чем Румыния и Польша, и тем не менее были облагодетельствованы гарантиями.

Такой неравный подход к сопредельным государствам определялся, помимо прочего, реалистической оценкой собственных военных возможностей[145]. В этом отношении Сталин, несомненно, превосходил своего английского коллегу. Между обусловленными моралью и порядочностью трагическими политическими ошибками Чемберлена (этого «миссионера, попавшего к людоедам»[146]) и жестокими, но в политическом отношении более реальными и верными решениями Сталина лежит целая пропасть, которой мы здесь не будем касаться.

В созданной западными декларациями о гарантиях новой ситуации Гитлер увидел возможность, даже необходимость искать советского расположения, чтобы изолировать Польшу с тыла, а затем (перед взорами нейтрального Сталина или даже при советской поддержке) разгромить ее.

В министерстве иностранных дел и в германском посольстве в Москве хорошо понимали сложившуюся ситуацию. И если силы, стремящиеся сблизить Германию с СССР, несмотря на очевидные опасности, и далее развивали свои дипломатические инициативы, то в последующие месяцы все отчетливее становились принципиальные различия их мотивов: «псевдобисмаркианцы» в министерстве иностранных дел надеялись, что, расчищая Гитлеру этот путь «наименьшего зла», они таким образом уберегут Германию от катастрофы; с другой стороны, Шуленбург и его ближайшие коллеги, по словам Кёстринга, «добиваясь германо-русского сближения, не выбирали между «меньшим» и «большим» злом, а старались вообще не допустить «зла», то есть войны»[147].

Первые серьезные размышления и дискуссии на данную тему возникли после окончательного отказа Польши (26 марта); после заявления Чемберлена в палате общин (31 марта 1939 г.) они распространились на непосредственное окружение Гитлера и в первые дни подготовки к осуществлению плана «Вайс» привели к решению начать контакты с Советами. Все это время с небольшими перерывами посол Шуленбург провел в Берлине. Насколько ему тогда удалось привлечь внимание к своим доводам, сказать невозможно из-за отсутствия письменных свидетельств. К тому же весной 1939 г. в министерстве иностранных дел даже среди единомышленников соблюдалась строжайшая тайна. «Слежка» в служебных помещениях была обычным делом. Социальные контакты сотрудников прекратились под воздействием «удушливой атмосферы лицемерия и недоверия». Проникновение гестапо «под спокойную поверхность» личной жизни не ускользнуло от их внимания[148].

В конце марта 1939 г. германское посольство в Москве получило первое письменное подтверждение изменения настроений в некоторых военных ведомствах. 29 марта генерал Типпельскирх, представитель верховного командования вермахта, запросил военного атташе в Москве Кёстринга, не считает ли он, что Сталин «мог бы (действовать) иначе», то есть заодно с Германией[149]. Кёстринг понял смысл запроса генерального штаба сухопутных войск. Он ответил отрицательно: «В настоящий момент в это не поверит сам Сталин». В лучшем случае он мог бы «*заставить* поверить ...*других*». Правда, Кёстринг признал, что многие государства «усиленно интересуются Россией», но что именно «перед самым опасным противником, Германией», страх здесь особенно велик. И воевать-де Советский Союз не станет, во всяком случае, в начале крупного столкновения. «С какой стати? — писал он. — Разве на месте Сталина вы поступили бы иначе?» Информация военных специалистов была однозначной: в военный и тем более в наступательный союз с Гитлером Сталин в силу очевидных собственных интересов втянуть себя не позволит.

У политических авантюристов, видимо, были другие расчеты. 1 апреля 1939 г. в Вильгельмсхафене, где Гитлер, вероятно, разрабатывал директиву о подготовке нападения на Польшу (план «Вайс»), он, выступая с речью по случаю спуска на воду линкора «Тирпиц», высказался против «английской политики окружения»[150], явно стараясь вбить клин между западными державами и СССР. Гитлер, не оставляя сомнения в том, что намерен покончить с «диктатом Версаля», подчеркнул сильные немецкие культурные корни в Восточной Европе («Английские государственные деятели этого не знают. Об этом понятия не имеют...»). Связь западных держав с восточноевропейскими государствами он назвал «кратковременным соединением неоднородных тел» и заключил: «Если мне сегодня кто-нибудь скажет, что между Англией и Советской Россией не существует никаких мировоззренческих или идеологических разногласий, то я лишь отвечу: поздравляю...» Очень скоро выяснится, продолжал он, как велика разница «между демократической Великобританией и большевистской Россией

Сталина». И, имея в виду окончание гражданской войны в Испании, он добавил: «Нам приятно констатировать, насколько быстро, даже очень быстро, здесь произошли изменения в мировоззрении поставщиков боевой техники красным, насколько хорошо там вдруг понимают национальную Испанию и готовы обделывать с ней дела, если уж не в идеологической, то по крайней мере в экономической сфере. Это также указывает направление развития. Я полагаю, что все государства столкнутся с такими же проблемами, с которыми однажды столкнулись мы. Одно государство за другим либо погибнет от еврейско-большевистской чумы, либо станет с ней бороться. Мы это сделали и создали немецкое народное государство. Это народное государство хочет жить в мире и дружбе с любым другим государством».

То был недвусмысленный намек на доктрину «мирного сосуществования» и первый признак идеологически примирительного отношения Гитлера к Советскому Союзу[151]. Кроме того, Гитлер использовал образное выражение, которое двадцатью днями ранее Сталин употребил в своей речи на XVIII съезде партии. Гитлер, в частности, сказал, что тот, кто готов для западных держав «таскать из огня каштаны», обожжет себе пальцы[152].

Эта угроза в первую очередь адресовалась польскому правительству, но могла относиться и к Сталину, если он станет поддерживать планы Великобритании. С 23 марта английский министр внешней торговли сэр Роберт Гудзон вел в Москве экономические переговоры с Молотовым и Микояном. Перед Гитлером вновь замаячила угроза британской торговой блокады Германии в момент обострения кризиса!

Метафора с каштанами часто употреблялась поклонниками традиций Бисмарка, а в эти весенние месяцы 1939 г. его идеи были в Германии очень актуальны. Во время спуска на воду «Тирпица» об основных принципах политики Бисмарка напомнил и Ульрих фон Хассель — зять адмирала фон Тирпица, — у которого для этого были особые причины. Хассель прибыл «в Вильгельмсхафен без всякого удовольствия»[153]. По дороге он 25 марта — четыре дня спустя после выдвижения Гитлером требования относительно Данцига и через два дня после аннексии Мемельской области и заключения германо-румынского экономического договора (23 марта)[154] — в беседе со знакомыми (в том числе с адмиралом Канарисом) и бывшими коллегами (среди которых, наверное, был и Шуленбург) получил информацию о влиянии последних акций Гитлера на положение в Восточной Европе. При этом ему стало «ясно, что именно эти два события (Румыния и Мемель) встревожили Восток еще больше, чем чехословацкое дело. Советы и Польша еще ближе придвинулись к Западу; и это после того, как Сталин совсем недавно выставлял себя врагом западных капиталистов и утверждал, что не даст себя стравить с Германией с помощью такого жупела, как мнимые германские планы в отношении Украины»[155]. И Хассель сделал следующие выводы: «Ситуация такова, что Гитлер своей последней акцией поставил Германию в положение «врага всего человечества». Каждый последующий шаг (а Гитлер психологически не в состоянии долгое время сохранять спокойствие) может привести к катастрофе».

Поэтому мысли Хасселя все больше обращались к Советскому Союзу. В статье «Тирпиц в мировой политике», опубликованной в газете «Дойче альгемайне цайтунг» 2 апреля, то есть во время пребывания вместе с Гитлером в Вильгельмсхафене, Хассель напомнил об основных принципах политики Бисмарка в отношении России. Он подчеркнул, что, и по мнению Тирпица, между Германией и Россией не должно быть непреодолимых противоречий и что война против России была бы для Германии «величайшей ошибкой».

В министерстве иностранных дел в первые дни апреля, когда там находился Шуленбург, интенсивно обсуждался вопрос о возможностях сближения с Россией[156]. В связи с директивой Гитлера, касающейся плана «Вайс», в обсуждении принял участие и министр иностранных дел[157]. В страстную пятницу, 7 апреля 1939 г., он дал задание прозондировать в советском представительстве в Берлине готовность советской стороны к переговорам. Это произошло через день после подписания англо-польского коммюнике, то есть в тот день, когда Италия оккупировала Албанию, стратегический плацдарм держав «оси» на Балканах, которые Россия традиционно рассматривала в качестве сферы своего влияния. Риббентроп приказал своему референту по польскому и русскому вопросам и, вероятно, невольному агенту советской разведки Петеру Клейсту (как не совсем убедительно сформулировал он сам) «улучшить личные отношения с сотрудниками советского посольства»[158].

В своих воспоминаниях Клейст умолчал о многом, имеющем важное значение для реконструкции тех событий, и поведал о некоторых вещах, которые в самом деле происходили иначе. Согласно версии Клейста, Астахов без обиняков заявил ему о советском предложении начать переговоры с Германией, но это было прямо противоположное изображение действительного хода беседы.

Фактически в качестве реального субстрата из его рассказа можно извлечь следующее: Риббентроп поручил, возможно, с ведома Гитлера среднему служащему своего ведомства, располагавшему определенными, но не очень близкими связями на советской стороне, прозондировать позицию Советского Союза. Если бы зондаж не принес успеха, то, учитывая незначительный политический вес посредника, контакты можно было бы прекратить без особых последствий. Клейст начал нащупывать подходящие пути, чтобы, опираясь на известные полномочия, обратиться в советское представительство в Берлине. Поэтому он попросил Фритца Чунке, «ведущего специалиста по вопросам германской экономики на Востоке»[159], пойти вместе с ним. В своих мемуарах Клейст имени Чунке не называет. О бывшем майоре рейхсвера Чунке со времени его работы в Красной Армии у советской стороны сохранились добрые воспоминания. Теперь он был ведущим специалистом русской комиссии Совета германской экономики[160], а во время войны стал руководителем Восточного отдела концерна «Отто Вольф АГ».

В качестве сопровождающего такого важного, по мнению советской стороны, сотрудника, как Чунке, Клейст не только получил доступ в

советское представительство, но его даже принял второй человек полпредства, ведавший вопросами торговли и экономики, советник полпредства Георгий Астахов. (Он не был, как указывает Клейст, поверенным в делах и руководителем представительства; просто полпред Мерекалов в тот момент отсутствовал, а через десять дней уехал в Москву навсегда.)

Под каким предлогом Чунке и Клейст начали разговор, — неизвестно. Наверное, было достаточно одного лишь намека на экономические интересы Германии в России. Позднее Клейст, вспоминая об этой беседе, сообщил, что обсуждать политические вопросы его не уполномочили. Вместо этого он якобы завел светскую беседу о запрещении в СССР «авангардистского» искусства. Отрицательно покачав головой, Астахов заметил, что догматические заблуждения подобного рода скорее следовало бы обсуждать в Германии.

Затем, по утверждению Клейста, «Астахов в блестящем, исторически обоснованном докладе и с четкостью, которая не оставляла желать лучшего, указал на бессмысленность того, что Германия и Советский Союз из-за «идеологической казуистики» ведут борьбу друг с другом, вместо того, чтобы, как часто бывало в истории, вместе делать большую политику».

Однако есть основания предположить, что на самом деле этот «исторический доклад» сделал хорошо подготовленный национал-социалистский пропагандист, в то время как советник советского полпредства и эксперт по экономике, в лучшем случае в рамках своих полномочий, вставлял отдельные замечания в том смысле, что, по мнению советской стороны, нет никаких веских оснований для дальнейшего обострения противоречий, что Советское правительство (и здесь Астахов, конечно же, взглянул на представителя немецкой экономической комиссии по России) всегда выступало за установление полезных «деловых связей».

И хотя Клейст охарактеризовал беседу как «феноменальный успех»[161], он тут же получил строгий нагоняй от Риббентропа, заметившего, что он «не думает, чтобы фюреру было желательно продолжение этих разговоров». Столь резкое прекращение зондажа создает впечатление, что он прошел безрезультатно.

О чем это говорит? Вспоминая, Клейст умолчал о главных пунктах своего поручения. Поскольку визит к Астахову состоялся «вскоре» после того, как в страстную пятницу, 7 апреля, Клейст получил задание от Риббентропа, нужно полагать, что он (или Фритц Чунке) самое раннее в понедельник пасхальной недели мог установить контакт с советским представительством и встреча, вероятно, была назначена на вторник, являвшийся первым рабочим днем. Но ведь в пасхальный вторник, 11 апреля, Гитлер подписал распоряжение вермахту относительно военного разгрома Польши (план «Вайс»).

Очень возможно, что в тот день Клейст должен был обратить внимание Астахова на то, что поход Германии против Польши не приведет к осложнениям с Россией, если только своевременно будет достигнута договоренность. В таком случае Германия и Россия могли бы даже «вме-

сте делать большую политику». Если все происходило именно так, то можно считать, что правительству Сталина было сделано первое предложение о разделе Польши. Подобное толкование находит косвенное подтверждение в записи Геббельса, сделанной в понедельник, 10 апреля, в которой он, комментируя заключение пакта о взаимной помощи между Лондоном и Варшавой, заметил, что Польша когда-нибудь дорого за это заплатит. «Так, — писал он, — начиналось и в Чехословакии. Закончилось все разделом страны»[162]. С советской стороны положительной реакции на это предложение, по всей видимости, не последовало.

Но вернемся к предложению об установлении контакта. В изложении Клейста этот визит в советское полпредство представлен как результат инициативы Астахова, как якобы недвусмысленное советское предложение Германии. Более поздние исследования подхватили это утверждение. Однако нет никаких сомнений в том, что на самом деле речь шла о германской инициативе, исходившей от Риббентропа, возможно, с ведома Гитлера. По мнению Сиполса, знакомого с советскими документами, эта инициатива имела своей целью «ослабление напряженности в отношениях» между Германией и СССР[163].

Отчет Клейста за 1944 г. подтверждает, что инициатива исходила от германской стороны. Клейст в сентябре — октябре 1944 г. по поручению Гиммлера предпринял — и снова безуспешно — новые попытки побудить Советы к сближению с гитлеровским рейхом. В своем заключительном отчете Гиммлеру, отпечатанном «шрифтом фюрера» и предназначенном для доклада Гитлеру, Клейст, оглядываясь назад, ссылался на свой первый контакт подобного рода. Он писал: «Мне хотелось бы заметить, что в 1939 г., в ходе подготовки советского пакта, установить контакт с Астаховым, бывшим поверенным в делах в Берлине, мне помог майор Фритц Чунке»[164].

Явный провал этой неудачной первой попытки достичь взаимопонимания с советским представительством убедил заинтересованных лиц в МИД в том, что нужно как можно скорее предпринять соответствующий зондаж на более высоком уровне.

Первые дипломатические контакты: Вайцзеккер — Мерекалов

В обстановке растущей «драматической напряженности»[165] представители немецкой дипломатии, занимавшиеся Россией, стали возлагать свои надежды на Москву и Лондон. С начала апреля 1939 г. и особенно после захвата Албании союзницей Германии Италией Москва развернула в печати новую кампанию за создание «прочной системы коллективной безопасности против фашистской агрессии» и возрождение идеи о коллективном фронте обороны[166]. В западных столицах главы правительств Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье испытывали давление со стороны оппозиции, общественного мнения и дипломатических служб своих стран. Особенно настойчиво дипломаты предостерегали от подталкивания Сталина в объятия Гитлера[167]. С точки

зрения малых стран Центральной и Восточной Европы, которые после потрясения Мюнхена чувствовали себя покинутыми великими державами, наступили наконец радикальные перемены. «Европа, казалось, проснулась, чтобы перед лицом опасности вновь продемонстрировать свое единство и солидарность»[168].

На стороне западных держав выступили также Соединенные Штаты Америки, направив 14 апреля Гитлеру и Муссолини послание президента Рузвельта[169]. Советское правительство приветствовало такое развитие, от его имени Калинин телеграммой выразил благодарность Рузвельту. Московская печать опубликовала телеграмму 16 апреля[170], а 22 апреля — полный текст ноты Рузвельта. Казалось, великие державы сплачивались против Гитлера.

В результате заявлений о гарантиях (11 апреля Англия подтвердила гарантии Греции[171], а 13 апреля Франция и Англия публично заявили о гарантиях Румынии и Греции[172]) для германской дипломатии сложилась новая ситуация, при которой заметно сузились дипломатические возможности приобретения союзников, оказания давления или политического запугивания. Германия оказалась в международной изоляции. Правда, с точки зрения Гитлера, западные гарантии странам Центральной и Юго-Восточной Европы «не стоили ломаного гроша» и существовали лишь «на бумаге»[173]. Такого же мнения придерживалась и советская сторона. Они могли стать действенными лишь в том случае, если бы Советское правительство присоединилось к ним. Психологический эффект устрашения, которого прежде всего хотел достичь Чемберлен заявлениями о гарантиях, повлиял прежде всего на германскую дипломатию. Военно-политическое устрашение Гитлера было возможно только при последовательном участии СССР. Этот факт совершенно четко отразил Черчилль в речи в палате представителей 13 апреля, когда подчеркнул, что «время полумер» прошло и речь идет о том, чтобы «включить Советский Союз без всяких оговорок в наш блок защиты мира»[174].

Первым шагом, отражавшим вновь пробудившийся британский интерес к системе всеобщей безопасности, явилось возобновление 14 апреля переговоров с СССР[175]. В тот же день последовало французское предложение[176], а 15 апреля — первая английская нота[177]. В ней со ссылкой на обещание поддержать страны, независимость которых окажется под угрозой, высказанное Сталиным в речи на XVIII съезде партии, содержался призыв присоединиться к англо-французскому заявлению о гарантиях. Такое заявление, указывалось в ноте, нормализовало бы международное положение и доказало бы надежность обещаний Сталина.

Желание Англии Советское правительство сочло неприемлемым. Сомневаясь относительно эффективной военной помощи Запада Польше и Румынии, оно также опасалось, что подобного рода заявление может отразиться и на Прибалтийских государствах, чью независимость западные державы не гарантировали. В случае германской агрессии против Польши и Румынии на долю СССР выпали бы основные тяготы, а в случае агрессии против Прибалтийских государств — все тяготы,

связанные с обороной. В обоих случаях Советскому Союзу пришлось бы, вероятно, одному воевать с Германией, то есть цель западных «поджигателей войны» была бы достигнута, и возникла бы крайне «опасная ситуация», которой СССР стремился избежать во что бы то ни стало[178].

Вместо ответа 17 апреля Литвинов передал послу Сидсу (а 18 апреля Майский — Галифаксу) советское детально проработанное контрпредложение относительно заключения пакта между Англией, Францией и СССР[179]. Речь шла о заключении договора о взаимной военной помощи трех великих держав сроком на пять-десять лет. Они обязывались оказать немедленную военную помощь любому из подвергшихся нападению государств Восточной Европы, «расположенных между Балтийским и Черным морями и граничащих с СССР», а «после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга». Одновременно с подписанием договора предполагалось подписать и военную конвенцию. Это предложение, с советской точки зрения, представляло «последнюю попытку СССР предотвратить войну»[180]. В соответствии с классическими принципами внешней политики Литвинова оно было направлено на создание совместно с западными державами эффективного коллективного оборонительного фронта при (пассивном) участии в нем стран Восточной и Юго-Восточной Европы, включая Турцию. Подобное предложение поставило западные державы перед трудным выбором.

Фрагментарные сведения о советском предложении Англии (а оно не было опубликовано), которое сводилось к тесному союзу трех великих держав Европы против дальнейшей немецкой экспансии, вызвало панику в некоторых берлинских ведомствах. Круги, еще раньше по различным причинам заинтересованные в сближении национал-социалистской Германии с СССР, усилили поиски (с ведома или без ведома Гитлера) путей на Восток. К ним относились гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох[181], принадлежавший к левому крылу НСДАП, и Герман Геринг, представлявший промышленные круги. Обеспокоенный предстоящим конфликтом, Геринг вознамерился побудить Гитлера к контактам со Сталиным. Сперва он попытался заручиться поддержкой Италии, чтобы его предложение Гитлеру выглядело внушительнее. С этой целью он выехал в Рим, где 16 апреля в присутствии министра иностранных дел Чиано обсудил этот вопрос лично с Муссолини[182]. Пытаясь успокоить итальянского партнера, встревоженного тем, что Гитлер после аннексии Австрии и Чехословакии нацелился на Польшу[183], Геринг уверил его в мирном характере германской политики в отношении Польши. Затем, указав на якобы имевший место «поворот в польской внешней политике» не в пользу Германии, Геринг прямо перешел к делу. Напомнив Муссолини о речи Сталина 10 марта 1939 г., в которой тот заявил, «что русские не позволят капиталистическим странам использовать себя в качестве пушечного мяса», Геринг дал понять, что «он (генерал-фельдмаршал) хотел бы спросить фюрера, не следует ли через каких-нибудь посредников осторожно прозондировать в России относительно возможного сближения, чтобы потом при-

пугнуть Польшу Россией». Муссолини одобрил такой ход и заявил, «что в Италии с некоторых пор высказывались аналогичные соображения и что уже... итальянское посольство в Москве в связи с экономическими переговорами стало разговаривать с русскими более дружелюбным тоном... Если державы «оси» решат сближаться с Россией, то Италия, по мнению дуче, могла бы отталкиваться от своего торгового договора с Россией». «Цель такого сближения» держав «оси» с СССР, по мнению Муссолини, состояла бы в том, чтобы «побудить Россию проявить (в духе вышеупомянутой речи Сталина) сдержанность и отрицательное отношение к английской блокаде и занять нейтральную позицию... Державы «оси» могли бы объяснить, что они не имеют намерения нападать на Россию. У этих стран в идейной борьбе против плутократии и капитализма отчасти те же цели, что и у русского режима... Дуче посчитал вопрос важным, ибо Англия также начала заигрывать с русскими». Геринг указал на то впечатление, которое произвело бы «на Польшу и западные державы заявление России о нейтралитете». «Если Россия заявит о своем нейтралитете, — сказал он, — Польша не шевельнет пальцем во всеобщем конфликте».

«Сближение между державами «оси» и Россией» Муссолини поставил в зависимость от многих условий: согласия Японии, отказа Германии от Украины и отсрочки мировой войны не менее чем на два-три года. Геринг, проявив готовность заручиться согласием Японии, заверил, что Гитлер не имеет «никаких притязаний на Украину», и утверждал, что Германия также по причине ее медленного вооружения (ограниченные запасы сырья и пр.) хотела бы воевать лишь через два-три года. Фюрер, мол, уполномочил его (генерал-фельдмаршала) передать, что он ничего не планирует против Польши. Относительно возможности склонить Россию к сближению с державами «оси» Геринг проявил преувеличенный оптимизм. В заключение по вопросу о «России» сошлись на том, что «Германия и Италия... (должны) попытаться разыграть с этой страной так называемый petit jeu»*.

В то время как Геринг 16 апреля во дворце «Венеция» получил согласие Италии на тактическое сближение с Россией, статс-секретарь Вайцзеккер готовился на Вильгельмштрассе к первому дипломатическому контакту с советским полпредом в Берлине. Предлогом служили интересы торговой политики СССР. Перед этим советский полпред Мерекалов посетил руководителя отдела экономической политики Виля, чтобы в соответствии с указанием Литвинова от 5 апреля[184] передать вербальную ноту и соответствующий меморандум своего правительства с протестом против прекращения договорных поставок в СССР военной продукции чешского завода «Шкода». Хотя советское ходатайство (последовавшее сразу за оккупацией Чехословакии) о сохранении в силе существующих договоров и было удовлетворено, однако после подписания директивы к плану «Вайс» поставки вновь прекратились. Гитлер не желал экспортировать в СССР продукцию, необходимую для

* Маленькая игра *(франц.)*

собственной оборонной промышленности. Виль, принявший вербальную ноту, порекомендовал полпреду по данному вопросу сделать представление непосредственно статс-секретарю. Только Вайцзеккер мог придать беседе соответствующее направление. Эта инициатива Виля застала статс-секретаря в момент глубокой душевной депрессии. Вайцзеккер ухватился за благоприятную, по его мнению, возможность противодействовать неизбежному, как ему казалось, втягиванию Германии в мировой конфликт. И как писал Вайцзеккер несколько месяцев спустя в частном письме[185], он попытался сделать «то немногое», что от него зависело, чтобы предотвратить войну. С момента похода на Прагу, этой, с его точки зрения, «бомбы замедленного действия», за которой последовали «дипломатические выступления весны 1939 г.»[186], он видел Германию «перед новой, еще более опасной фазой своей внешней политики. Любому, так или иначе участвующему в ней, следовало после марта 1939 г. сделать для себя выводы... Мои предостережения Риббентропу оказались безрезультатными, а косвенные связи со ставкой Гитлера — бесполезными. Что же будет дальше, ведь западные державы уже больше не станут сносить выходки Гитлера?».

Накануне своей встречи с Мерекаловым, 16 апреля 1939 г., в частном письме Вайцзеккер писал: «Что движет мною, ты поймешь скорее всего , если я тебе скажу, что господин фон Риббентроп объявил нынешнюю английскую блокаду пустой пропагандой. Он убежден, что, напади мы сейчас на Польшу, ни один английский солдат не был бы поставлен под ружье»[187]. Легкомыслие его шефа находилось в резком противоречии с другой информацией, полученной в те дни Вайцзеккером через Англию[188]. Свое письмо он заканчивает следующей фразой: «Пусть каждый делает то, что считает своим долгом».

Осознавая это, Вайцзеккер поддержал предложение Виля принять советского полпреда. Беседа обещала дать нужные результаты, ибо Мерекалов сам указал на предстоящую поездку в Москву и отметил, что хотел бы получить разъяснение германской позиции на данный момент по вопросу поставок в СССР заводом «Шкода»[189]. О сути разговора с Мерекаловым говорят две докладные Вайцзеккера и (по одной) Мерекалова и Астахова, который также присутствовал. Обе записки Вайцзеккера различаются по содержанию. В первой — для Риббентропа (и Гитлера) — сообщается в нарочито самоуверенных выражениях о «прямолинейном» предложении русских по улучшению германо-советских отношений; во второй же, предназначенной для Виля и изложенной деловым тоном, — о жалобе на экономическую дискриминацию со стороны административных и военных служб в Праге. Только первая записка вошла в опубликованный сборник документов, посвященный обстоятельствам возникновения пакта Гитлера — Сталина. Она считалась и считается в специальной литературе доказательством советской инициативы в вопросе германо-советского сближения. Даже критически настроенные англосаксонские историки (такие, как Карр и Намир), далекие от того, чтобы приписывать Сталину активную роль и желание добиться благосклон-

ности Гитлера, восприняли это «свидетельство» немецкого статс-секретаря в качестве неопровержимого аргумента. Между тем его содержание не выдерживает критического текстуального анализа, особенно в сравнении с советскими записями[190].

Прежде всего Вайцзеккер не говорил всей правды, утверждая в начале первой записки от 17 апреля, что «русский полпред... сегодня — впервые за время пребывания в должности — явился к нему для делового разговора». Подчеркивая исключительность события, он хотел выделить его особую актуальность. В действительности Вайцзеккер еще 6 июля 1938 г. имел долгую беседу с вновь назначенным полпредом, которую также использовал для зондажа, но о которой по вполне понятным причинам умолчал[191]. Как и во время первой запротоколированной встречи, активная роль в беседе 17 апреля 1939 г. принадлежала статс-секретарю[192]. В направленной Риббентропу записке протест Мерекалова по поводу прекращения поставок военной техники Вайцзеккер представил всего лишь как предлог («как якобы особо интересовавшее дело») к тому, чтобы выяснить, намерена ли германская сторона после изменения военной ситуации соблюдать достигнутые договоренности. Вайцзеккер, по его словам, воспользовался этим для того, чтобы «к концу обсуждения» перейти к политическим вопросам. Он «заметил... послу, что даже при всем желании нашей стороны поставки военного материала Советской России в настоящий момент вряд ли возможны, учитывая атмосферу, возникшую под влиянием сообщения о русско-англо-французском воздушном пакте». То было первое заметное, услышанное из уст видного представителя германской внешней политики выражение заинтересованности (правда, в завуалированной форме, в основе которой, возможно, лежали неизвестные нам «условности») в безрезультатном исходе переговоров по выработке советско-англо-французского соглашения как предпосылки улучшения отношений между Германией и СССР. Согласно записи Вайцзеккера, «Мерекалов... воспользовался этим, чтобы перейти к политическим вопросам». В действительности же он просто поинтересовался немецкой «точкой зрения на современное положение в Центральной Европе», т.е. просто выполнил обязанность всякого иностранного посла в кризисной ситуации.

Вайцзеккер ответил, что Германия единственная страна, которая «еще не бряцает оружием», после чего Мерекалов поинтересовался отношением Германии к Польше. Как писал Вайцзеккер, выслушав объяснение, «русский прямо спросил, что я думаю о германо-русских отношениях». Статс-секретарь якобы воспользовался этим обстоятельством, чтобы выдвинуть предложение о мире, и заявил: «Мы, как известно, всегда хотели жить с Россией, осуществляя удовлетворяющий обе стороны экономический обмен». Не совсем корректное словосочетание («жить... осуществляя... обмен») позволяет сделать заключение о его желании и (обойденном молчанием) поручении через улучшение экономического обмена проложить путь к совместной «мирной» жизни.

Согласно изложению Вайцзеккера, Мерекалов завершил беседу заявлением о том, что советская политика «всегда была откровенной», что идеологические разногласия не должны, как показывают итало-советские отношения, препятствовать нормальным деловым связям, которым не должны мешать и отношения СССР с западными демократиями. Это заявление в полной мере соответствовало классической формуле мирного сосуществования. Результат беседы не стал весомее и после того, как Вайцзеккер особо подчеркнул, что именно «русский подвел беседу (к этой теме)». Из записок видно, что разговор ловко направлял статс-секретарь и что психологическое состояние Вайцзеккера побудило придать этой беседе масштабы политического прорыва. Он преследовал двоякую цель: во-первых, демонстрируя добрую волю, просигнализировать советской стороне готовность Германии к переговорам и, во-вторых, показывая мнимые перемены в советской позиции, убедить Гитлера в целесообразности согласовать с Советским правительством собственные планы в отношении Польши.

В одном из написанных после начала войны воспоминаний о периоде с «апреля до лета 39-го»[193] Вайцзеккер следующим образом выразился относительно усилий по вовлечению СССР: «Вместо того чтобы подождать... в апреле 39-го мы открыто бросили перчатку Польше... и одновременно начали ухаживать за русскими. Я выступал за этот путь как за последующую цель, в некотором роде внешнеполитический проект. ...Только ведь новые усилия к сближению с Россией были какими-то лихорадочными... После ошибки, допущенной 15 марта, и по мере возрастания аппетита ход дальнейших событий оказался предопределенным. Претензии к Польше переросли в стремление заполучить все. Мечты о восточном пространстве возобладали. Но они были, как выразился фюрер, не связаны сроками, ибо он верил, что плод сам дозреет». При рассмотрении воспоминаний Вайцзеккера встает вопрос о том, нет ли в его записях существенных пробелов; иначе их содержание свидетельствует о довольно неумелом «ухаживании».

Некоторые объяснения можно обнаружить в советских записях этих бесед[194]. В короткой деловой телеграмме Мерекалова, который в отличие от Астахова не являлся кадровым дипломатом и поэтому не владел необходимыми языковыми и профессиональными тонкостями, на первом месте стоял его протест по поводу немецких акций в Праге — дискриминации советских служб, грубо нарушившей декрет Гитлера от 22 марта, подтвердивший действенность старых чехословацких договорных обязательств. В конце последующего долгого обмена мнениями Вайцзеккер в шутливой форме заметил, можно ли русским поставлять пушки, если они приготовились заключить воздушный пакт. Подобному намерению Вайцзеккер противопоставил мирные планы германского правительства. По его словам, Германия в течение трех месяцев на переговорах с Польшей добивается Данцига и экстерриториальной автострады в обмен на гарантии польской западной границы и не помышляет о нападении. Англия же, с другой стороны, усиливает международную напряженность и навязывает малым странам непрошеные гарантии. Все страны, включая Бельгию, Голландию

и Швейцарию, проводят военную мобилизацию, и только Германия от этого воздерживается. В последнее время советская пресса ведет себя гораздо корректнее английской. «Германия, — продолжает Вайцзеккер, — имеет принципиальные политические разногласия с СССР. Все же она хочет развить с ним экономические отношения».

Через десять дней после беседы Вайцзеккера с Мерекаловым (в тот момент последний находился уже в Москве, где в присутствии Сталина в Кремле проходило многодневное совещание) в Москву по указанию Литвинова выслал свою запись разговора советник Астахов, выполнявший во время встречи функции переводчика. Изложение Мерекалова оставляло неясным ряд существенных для Советского правительства вопросов. В заметках Астахова статс-секретарь выглядел чрезвычайно учтивым и предупредительным. Он с сожалением принял советский протест, отрицал односторонний и направленный против Советского Союза характер предпринятых мер и охотно обещал уладить возникшие трудности. Довольно искусно он вставил замечание о том, что, поскольку Советское государство ведет переговоры об участии в антигерманском воздушном пакте, военные ведомства станут возражать против поставок Советскому Союзу авиационного вооружения. Далее Астахов писал: «После обмена репликами разговор переходит на общеполитические темы. Вайцзеккер говорит, что он охотно обменяется мнениями и ответит на все интересующие полпреда вопросы». Потом, как видно, Вайцзеккер взял инициативу на себя и предоставил не очень владеющему дипломатическим языком Мерекалову роль спрашивающего. И последний действительно поинтересовался состоянием германо-французских отношений. Вайцзеккер уверял в полном непонимании немецкой стороной причин французской враждебности. Затем Мерекалов спросил о германских требованиях в Польше. «Требований», ответил Вайцзеккер, Германия никогда не выдвигала, просто Польша сделала приемлемое «предложение», которое увязывает с гарантиями немецко-польской границы. Переговоры ведутся. Вайцзеккер категорически отверг возможность польско-германского пограничного конфликта. После этого советский полпред поднял вопрос о причинах общего напряженного положения в Европе. Статс-секретарь заметил, что немцам все это непонятно. Они не хотят ни на кого нападать, они не проводят мобилизации старших возрастов, как это делают их соседи. Здесь его перебил Мерекалов: «Вы уже давно отмобилизовались». Вайцзеккер оспорил справедливость сказанного и подчеркнул, что напряженность разжигают искусственно Англия и Франция против Германии. На самом деле у Германии нет никаких наступательных планов, и уж не кажется ли Советскому Союзу, что ему угрожает Германия? Мерекалов уклонился от прямого ответа. Дескать, СССР заитересован в устранении опасности войны и разрядке напряженности. Какой-то особенной угрозы со стороны Германии он не ощущает. Вайцзеккер использовал эти слова в качестве предлога, чтобы похвалить разумное поведение Советского правительства и средств массовой информации. И ему-де хотелось бы знать, довольна ли советская сторона точно так же немецкой прессой. Здесь Астахов вставил,

что если немецкая пропаганда в количественном отношении теперь допускает и меньше выпадов против Советского Союза и его ведущих политических деятелей, то в «*качественном* отношении подобные выпады не стали мягче и не производят впечатления, что здесь что-то изменилось». Не в последнюю очередь об этом, дескать, свидетельствует редакционная статья в «Фёлкишер беобахтер» с грубыми оскорблениями в адрес Сталина. «Вайцзеккер со вздохом пожал плечами...» (Астахов). Тогда Мерекалов спросил, как статс-секретарь видит «перспективы отношений между СССР и Германией». Тут Вайцзеккер многозначительным тоном и с кажущимся удовольствием обратил внимание собеседника на чрезвычайно благоприятно сложившуюся ситуацию: «Лучше, чем теперь, быть она не может». Затем, уже серьезно, с выражением заметил: «Вам известно, что между нами существуют противоречия идеологического характера. Вместе с тем, однако, мы искренне (!) хотим развивать с вами экономические связи». После этого Мерекалов, прощаясь, сказал, что должен скоро выехать в Москву, где у него много дел.

Распространившиеся в скором времени в правительственных кругах слухи об этой беседе доказывают, что откровения Вайцзеккера в самом деле представляли собой первый официальный шаг к сближению с СССР. Как сообщил личный адъютант Германа Геринга в министерстве авиации генерал Боденшац помощнику французского военного атташе в Берлине капитану Полю Штелину 6 мая 1939 г.[195], параллельно, когда Мерекалов беседовал с Вайцзеккером (по словам Боденшаца, Мерекалова информировал об этом сам Риббентроп), советский военный атташе вел разговор в верховном командовании вермахта. Обоих «подробнейшим образом познакомили с намерениями германского правительства». Свой отчет Боденшац закончил[196] словами о том, что ему действительно больше нечего сказать Штелину, но что тому позже станет ясно: «на Востоке что-то готовится». На вопрос о причине подобного поворота во взглядах Гитлера Боденшац ответил, что Гитлер как солдат при реализации своих планов не принимает во внимание юридические и идеологические соображения. «Как вам... известно, — продолжал Боденшац, — один очень благочестивый король-католик однажды, не колеблясь, заключил союз с турками. Впрочем, действительно ли так различны оба режима? Не являются ли их экономики почти одинаковыми? Короче говоря, ситуации можно охарактеризовать следующим образом: поляки полагают, что могут рассчитывать на реальную помощь России. Их расчеты не оправдываются. Гитлер никогда не полагал, что может решить вопросы Австрии и Чехословакии без одобрения Италии, и сегодня Гитлер вовсе не думает о том, чтобы урегулировать германо-польские разногласия без России... Было три раздела Польши; поверьте мне, Вы увидите и четвертый!»

При этом не следует забывать, что подобные конфиденциальные сообщения были сделаны почти три недели спустя после беседы Вайцзеккера с Мерекаловым. За это время записка Вайцзеккера, возможно, уже пробудила нужный интерес, а Молотов уже сменил Литвинова. По-

зиция, на которой находился Гитлер накануне принятия решения, нашла отражение и в более поздних воспоминаниях Штелина о высказываниях Боденшаца, который сказал: «Германия хочет вернуть Данциг и коридор... Но Гитлер ради этого пойдет на риск войны лишь тогда, когда у него в руках будут все козыри. Главная опасность — это война на два фронта. А потому соглашение между третьим рейхом и Советским Союзом необходимо». Этим целям служили прошедшие «переговоры» с Мерекаловым и с советским военным атташе[197].

Отчет Поля Штелина поставил множество вопросов, которые до сих пор остались без ответа. Они касаются в первую очередь мотивов откровенности Боденшаца. Предположение Дэвида Даллина, что речь шла о «чисто дипломатических маневрах»[198] Гитлера с целью разъединения СССР и западных держав, вряд ли приемлемо: нет никаких данных о том, что Гитлер санкционировал почти двухчасовую беседу Боденшаца в министерстве авиации. Кулондр предполагал, что Геринг послал своего адъютанта к французскому военому атташе с согласия Риббентропа. Но Кулондр, с одной стороны, придерживался мнения, что в то время прежде всего «Риббентроп работал над тем, чтобы склонить Гитлера к соглашению с Советами»[199] (гипотеза, правомерная лишь в узких рамках), с другой же стороны, Кулондр недооценивал существовавшие между Герингом и Риббентропом соперничество, их разногласия по проблеме войны и ожесточенную борьбу за верховенство в вопросах внешней политики и союзов.

Вернее предположить, что Боденшац действовал на собственный страх и риск и в одиночку. Его излишняя общительность была известна и являлась для Геббельса источником постоянного раздражения[200]. Возможно, Боденшац не сомневался в одобрении Геринга, у которого в первые дни мая произошел спор с Гитлером по поводу решения последнего относительно военного разгрома Польши. Геринг, по его собственным словам, просил «еще подождать»[201]. Он считал войну опасной и преждевременной и, беспокоясь, поручил провести оперативные исследования на случай войны в Европе. Считая Германию для подобного предприятия недостаточно вооруженной, он, прежде чем 3 мая в связи с празднованием победы Франко в Испании отправиться в путешествие по Средиземному морю, приказал ускорить выпуск авиационной техники.

Непосредственно перед отъездом Геринга Боденшац предупредил польского военного атташе в Берлине о предстоящей германской акции против Польши. Он «сказал, что в этом году война неизбежна и старался убедить польского военного атташе в Берлине в том, что Англия и Франция не в состоянии помешать Германии молниеносно захватить Польшу»[202]. Через три дня после отъезда Геринга Боденшац проинформировал помощника французского военного атташе по авиации о планах Германии.

Даже в свете этих сообщений остается неясным, по чьему указанию Вайцзеккер проводил зондаж Мерекалова (и военного атташе во время беседы в ОКВ), исходило ли оно сверху или было согласовано лишь заинтересованными лицами из министерства иностранных дел (Шулен-

бургом, Вилем, Вайцзеккером с ведома Геринга) и верховного главнокомандования вермахта (Канарис[203], Остер). Не исключено, что в этой (совместной) акции принимали участие и те военные, которые с тревогой смотрели на неизбежные последствия предстоящей польской кампании и потому все больше стремились к взаимопониманию с Россией[204]. Итак, ситуацию середины апреля 1939 г., несмотря на упомянутые неясные вопросы, можно охарактеризовать следующим образом: планы Гитлера в отношении Польши были окончательно сформированы; с молчаливого согласия Геринга (и ОКВ) «лихорадочно» (выражение Вайцзеккера) искали возможность заручиться нейтралитетом России. Зондаж должен был выявить вероятную советскую готовность к этому.

И Гитлер уже не сомневался в необходимости достижения взаимопонимания с Россией, однако считал, что плод («военное соглашение»)[205] должен зреть постепенно[206]. При этом он сильно колебался, то одолеваемый соблазном осуществить планы приобретения «восточного пространства» (Вайцзеккер), то страшась призрака могущественной России. Характерными для этих колебаний были мысли, которыми Гитлер, для устрашения Румынии и Англии, 19 апреля поделился с румынским министром иностранных дел Г.Гафенку, совершавшим ознакомительную поездку по различным европейским столицам и находившимся по пути в Лондон. После «пугающих прогнозов» в адрес Англии и ее союзников Гитлер внезапно остановился и, задав риторический вопрос: «К чему эта бесконечная бойня?» — сам на него и ответил: «В итоге мы все, победители и побежденные, будем лежать под теми же самыми руинами, а пользу извлечет лишь Москва»[207]. Как не без основания предполагал Дэвид Даллин, к тому моменту в Германии «Гитлер... (был) главным препятствием на пути германо-русского сближения»[208].

Правительственное совещание в Кремле

Мерекалов сообщил Вайцзеккеру, что в ближайшие дни он едет в Москву. Согласно информации Боденшаца, переданной Штелину, полпред отправился в сопровождении своего военного атташе на следующий день после его приема в МИД, то есть 18 апреля. В Берлин он уже не вернулся[209].

19 апреля в Москву для консультаций выехал и советский полпред в Лондоне Иван Майский[210]. Объяснение Майского причин поездки звучит убедительно. «Одновременно с присылкой наших контрпредложений, — писал он, — М.М. Литвинов вызвал меня в Москву для участия в правительственном обсуждении вопроса о тройственном пакте взаимопомощи и перспективах его заключения. 19 апреля я покинул Лондон». 28 апреля Майский на обратном пути в Лондон остановился в Париже, где проинформировал о результатах правительственного совещания в Москве Якова Сурица, который, несмотря на его непосредственное участие в переговорах относительно заключения пакта, в московских консультациях не участвовал.

Совещание имело большое значение. Майский в своих воспоминаниях пишет о «том памятном совещании в Кремле» и подчеркивает присутствие Сталина. Атмосфера, в которой Советское правительство собралось на совещание, нашла отражение в статье журнала министерства иностранных дел «Journal de Moscou» от 18 апреля. Касаясь ноты, направленной Рузвельтом Гитлеру и Муссолини (14 апреля), автор статьи комментировал ее словами: «Теперь как никогда ясно, что мир приближается к ужасной катастрофе, которая окажется неизбежной, если своевременно не будут приняты необходимые меры... Естественно, что столь серьезные события в равной степени привлекают к себе внимание и СССР и США, которые благодаря своей мощи и географическому положению могут не бояться прямого нападения».

Оставленное Иваном Майским описание этого совещания — как единственное свидетельство — представляет особую ценность. Майский писал: «На правительственном совещании в Москве я должен был давать самые подробные сведения и объяснения о настроениях в Англии, о соотношении сил между сторонниками и противниками пакта, о позиции правительства в целом и отдельных его членов в отношении пакта, о перспективах ближайшего политического развития на Британских островах и о многих других вещах, так или иначе связанных с вероятной судьбой советских контрпредложений. Информируя правительство, я старался быть предельно честным и объективным... и не создавать у правительства никаких иллюзий... Я рассказывал правду... и в итоге картина получалась малоутешительная. Тем не менее правительство все-таки решило переговоры продолжить и приложить все возможные для того усилия, чтобы убедить англичан и французов изменить свою позицию. Ибо как на этом совещании, так и в частных разговорах со знакомыми мне членами правительства я все время чувствовал одно: надо во что бы то ни стало избежать новой мировой войны! Надо возможно скорее договориться с Англией и Францией!»

Таков отчет Майского. Для исторического исследования интересно не только то, что в нем содержится, но также и то, что опущено.

Первый вопрос касается поручения, которое было дано Майскому в конце совещания. Ему следовало на обратном пути остановиться в Париже и передать инструкции советскому полпреду во Франции, а затем сразу же по приезде в Лондон воздействовать на английское правительство в соответствии с принятыми в Москве решениями. Принимая во внимание растущую напряженность, чреватую войной ситуацию и пока неизменную позицию западных правительств, можно предположить, что Майскому для его дипломатических усилий, имеющих целью получить согласие Англии на советское предложение от 17 апреля относительно заключения договора, было отведено какое-то определенное время. Если к этому сроку получить согласие английского правительства не удавалось, тогда переходили к планированию в другом направлении. Времени, вероятно, отводилось очень мало, ибо сразу же на следующий день после возвращения в Лондон (29 апреля) Майский посетил министра иностранных дел лорда Галифакса, где, «находясь под московскими впечатлениями... долго и страстно доказывал (ему) важ-

ность скорейшего заключения тройственного пакта взаимопомощи и настойчиво заверял его в самом искреннем желании Советского правительства сотрудничать с Англией и Францией в деле борьбы с агрессией».

Второй же вопрос касается предельного срока, указанного Майскому в связи с выполнением его дипломатической миссии, а значит, и данного английскому правительству на то, чтобы ответить на советское предложение. Можно допустить, что для Сталина 1 мая, день борьбы международного рабочего класса, был крайним сроком. В этот день с трибуны на Красной площади Сталин мог бы внимательно разглядывать послов всех затронутых событиями стран, из их поведения делать для себя выводы, а при необходимости и задавать им вопросы.

Третий вопрос касается присутствия на этом совещании советского полпреда в Берлине и его доклада правительству. Существовали предположения[211], что в своем докладе Мерекалов дал более положительную, чем Майский, оценку позиции германского правительства. Высказывания статс-секретаря накануне отъезда Мерекалова в Москву привлекли, следовательно, внимание. Дополнительно затребованные записи Астахова поступили к Литвинову к концу совещания. Тогда, 27 апреля, как заметил Майский, в отношениях между Сталиным и Молотовым, с одной стороны, и Литвиновым с другой, уже существовала напряженность[212]. В крайне возбужденной атмосфере, в которой Сталин с трудом сохранял видимое спокойствие, а Молотов открыто обвинил Литвинова в политическом головотяпстве, сообщение Астахова о предложении Вайцзеккера должно было произвести большое впечатление. Отсутствие антисоветских выпадов в речи Гитлера в рейхстаге на следующий день придало дополнительную убедительность посланию Вайцзеккера Советскому правительству. Кроме того, Мерекалов, видимо, привез в Москву информацию о плане «Вайс». Таким образом, срок германо-польского столкновения приближался, и Советское правительство оказалось перед настоятельной необходимостью принять решение. Не случайно в дни совещания в Кремле по Москве распространились слухи, что германское правительство обратилось к Советскому правительству с предложением заключить пакт о ненападении при условии, что СССР будет сохранять нейтралитет и не станет помогать стране — объекту германского нападения[213].

Самое позднее с этого момента Сталин осознал, что правительство Гитлера серьезно отнеслось к позиции Советского правительства и готово учитывать его интересы. Теперь наряду с главными советскими усилиями по созданию коллективного фронта сдерживания появилась реальная «германская альтернатива». Неизвестно только, какое место в ряду приоритетов Сталина она заняла к тому моменту. По всем признакам Сталин оценил ее довольно низко. Он не разрешил вернуться в Берлин аккредитованному там полпреду, чем парализовал дальнейшее развитие контактов Вайцзеккера с Мерекаловым, а полпредам в Лондоне и Париже дал указание добиваться согласия соответствующих правительств. Наличие «германской альтернативы» — пусть даже в самом конце перечня приоритетов — стало к тому моменту уже определенным фактором в размышлениях этого государственного деятеля.

Литвинов позднее писал, что его (последовавшее через несколько дней после окончания совещания) отстранение и замещение Молотовым явилось результатом обсуждений международного положения в рамках многочисленных конференций[214]. Самой важной из них, как видно, и было «памятное правительственное совещание в Кремле», определившее дальнейшее внешнеполитическое планирование. Тогда же, вероятно, установили сроки Майскому (и Сурицу), в течение которых им предстояло добиться одобрения концепции Литвинова западными правительствами. В случае неудачи отставка Литвинова должна была послужить западным правительствам недвусмысленным сигналом. По всем признакам, Литвинов подобную возможность давно предвидел и при неблагополучном исходе готовился подать в отставку[215]. За отсутствием доказательств остается открытым вопрос о том, усилила ли существовавшая «германская альтернатива» необходимую для столь демонстративного акта решимость Сталина.

Наряду с этой главной темой на правительственном совещании обсуждалось, конечно же, и общее тревожное положение в мире. Внешнеполитические возможности СССР еще больше сузились. С беспокойством следило Советское правительство за возросшими стараниями Риббентропа привлечь Японию к военному сотрудничеству в рамках треугольника «Берлин — Рим — Токио». В военном тройственном союзе не только антисоветской, но и антианглийской направленности Риббентроп увидел возможность противодействовать находящейся в стадии становления антигерманской системе пактов. Прочным военным союзом Японии с державами «оси» он хотел вновь стабилизировать глобальное соотношение сил в пользу Германии. Применяя уговоры и угрозы, Риббентроп усиливал давление на японское правительство. С этой целью он 20 апреля 1939 г.[216] во время празднования дня рождения Гитлера в беседах с японскими послами в Риме и Берлине Т. Сиратори и Х. Осимой, а также 28 апреля 1939 г.[217] в разговоре с Осимой намекнул на германо-советское сближение. Смена тактики, использованной в отношении Японии, выдавала внутреннюю неуверенность министра иностранных дел и колебания Гитлера, которые попеременно думали то о присоединении Японии к антирусскому военному пакту, то о получении согласия Японии на заключение германо-русского пакта о ненападении. Насколько позволяют судить опубликованные советские документы[218], советская сторона, как видно, своевременно подметила сильное немецкое давление на Японию и меньше обратила внимания на сдержанность японского правительства, вызванную, конечно, скорее антибританской, чем антисоветской направленностью предлагаемого Германией военного союза. Как видно, эмоционально окрашенные, полные предубеждений сообщения советского агента в Японии Рихарда Зорге в тот период усиливали опасения СССР, что японская сторона может проявить подобную готовность. Этому способствовала и определенная активность японского посольства в Москве[219].

Должно быть, тревожили и признаки продолжающегося сближения Германии с Прибалтийскими государствами. Они проявились (как раз в дни совещания в Москве), например, в оказанном военным и полити-

ческим представителям Прибалтийских государств внимании. Во время помпезного военного парада по случаю 50-летия Адольфа Гитлера им демонстративно предоставили привилегированные места на трибунах. Немецкая газета «Фёлькишер беобахтер» отметила их присутствие с нескрываемым интересом[220]. С точки зрения Москвы, этот эпизод, происшедший всего через несколько дней после зондажа Вайнцзеккера и отъезда Мерекалова для консультаций со своим правительством, мог быть расценен как предупреждение в адрес СССР о том, что Германия оставила себе открытыми все пути.

Для необходимой нейтрализации России, предпринимавшейся с учетом предстоящей кампании против Польши, оба варианта, казалось, имели свои преимущества. Гитлер мог надеяться, напугав Сталина расширением агрессивного военного пакта держав «оси» за счет Японии, сделать его более сговорчивым, а если Япония не даст себя втянуть в этот активный антисоветский военный фронт, то попытаться увлечь Сталина идеей германо-советского пакта, посулив обеспечить мир на западе и повлиять на Японию. В размышлениях Советского правительства стал проявляться повышенный интерес к позиции США — стабилизирующему фактору в тихоокеанском регионе. Подобная заинтересованность, по-видимому, занимала видное место на открывшемся 21 апреля 1939 г. правительственном совещании[221].

Однако в центре дискуссий стояли те перспективы, которые открывались с выдвижением советского предложения о заключении договора, направленного западным державам 17 апреля. События, происходившие в Лондоне одновременно с совещаниями в Кремле, рисовали в этом отношении, с точки зрения Москвы, малоутешительную картину (Майский). Тот факт, что советское предложение ни во Франции, ни в Англии не было представлено членам кабинета, не говоря уже о более широкой общественности, ограничивал надежды на более сильный нажим со стороны оппозиции на правительство Чемберлена. Такой, в глазах Советского Союза, «символический жест»[222], как возвращение в Берлин 24 апреля — то есть именно тогда, когда правительственное совещание в Москве шло полным ходом, — английского посла Гендерсона, отозванного ранее со своего поста в знак протеста против оккупации Праги, ясно показывал, что английское правительство стояло перед дилеммой и поэтому тянуло с ответом на советскую ноту от 17 апреля до 9 мая[223]. Его отношение к союзу с большевистской Россией и в этот период продолжало оставаться отрицательным.

Ход заседаний правительственного кабинета в те дни представил Москве окончательные доказательства того, что английское правительство не намеревалось пойти на советские предложения о заключении договора. Его не встревожили и раздававшиеся с разных сторон все более настойчивые предостережения о том, что отклонение советских предложений может толкнуть правительство СССР в объятия Германии. Так, сэр Александр Кадоган, замещавший на заседании внешнеполитического комитета 19 апреля лорда Галифакса, назвал советские предложения «чрезвычайно неудобными», указав одновременно на «отдаленную» вероятность того, что Россия, если не станут считаться с

ее интересами, может оказаться вынужденной заключить с Германией соглашение о невмешательстве[224]. В аналитической разработке генерального штаба («Военное значение России»), подписанной 24 апреля 1939 г. и представленной комиссии по вопросам внешней политики 25 апреля, отмечались некоторые весьма опасные в военном отношении моменты, которые могут возникнуть при недостаточном учете советских интересов. В ней обращалось внимание Форин оффиса «на исключительно большую военную опасность возможного соглашения между Германией и Россией»[225]. Однако лорд Галифакс в конце заседания кабинета министров 26 апреля всего лишь заметил, что задача английской политики заключалась в том, чтобы в случае войны Россия сохранила бы нейтралитет или была бы «на нашей стороне». Не следовало вместе с тем забывать о том воздействии, которое оказал бы союз с Россией на Польшу, Румынию и «другие страны, включая Германию (!)». Вывод Галифакса: «Мы должны действовать так, чтобы в случае войны не остаться без русской помощи, мы не должны ставить под угрозу наш союз с Польшей и подвергать опасности мир»[226]. Подобной программой Форин оффис предопределил свое бездействие. Руководитель департамента северных стран (включавших и СССР) сэр Л. Коллир 28 апреля, то есть в тот самый день, когда Майский вернулся в Лондон, заметил, «что кабинет занял такую позицию, желая обеспечить себе русскую помощь и одновременно сохранить за собой свободу действий, чтобы, когда мы сочтем нужным, помочь Германии за счет русских продвинуться на восток»[227].

Поступавшие Советскому правительству после завершения совещаний в Кремле сообщения подкрепляли это суждение. Реакция английского министра иностранных дел лорда Галифакса на горячие призывы Майского (29 апреля) к скорейшему заключению договора подействовали на последнего, «как холодный душ»[228]. Предварительный ответ Галифакса Советскому правительству, который был дан в тот же день, также не мог удовлетворить Москву[229]. Последующие отчеты Майского из Лондона также не улучшили настроения. Он писал их, «раздраженный упрямой слепотой»[230] английского правительства, особенно министра иностранных дел лорда Галифакса. Сообщения советского полпреда в Париже Якова Сурица, которого Майский проинформировал по пути в Лондон, доставляли Москве не меньше разочарований[231]. Поэтому в конце апреля 1939 г. Советское правительство было уже совершенно уверенно в негативном ответе Англии и Франции на предложение от 17 апреля[232]. «Перспективы создания «коллективной безопасности» были, таким образом, чрезвычайно мрачными»[233].

Отставка Литвинова

1 мая 1939 г. наркома иностранных дел Литвинова — поборника и символа идеи «коллективной безопасности» — можно было видеть во время парада на Красной площади в качестве почетного гостя на трибу-

не недалеко от Сталина — факт, который 2 мая 1939 г. не был обойден советской печатью. Весь этот день Литвинов, по сообщению английского посла Сидса лорду Галифаксу[234], якобы в связи с майскими празднествами все еще был недосягаем для английского посла. Утром 3 мая он принял Сидса и имел с ним беседу. Строго ограниченные инструкции послу сводились к повторению прежних уклончивых заявлений. Пытаясь уточнить английские намерения, Литвинов прямо спросил Сидса, объявит ли британское правительство войну Германии в случае ее нападения на Польшу. Ответ вполне соответствовал стремлению Англии ничем себя не связывать. Дескать, при нападении Германии на Польшу Англия уже на основании взаимных обязательств оказалась бы в состоянии войны с Германией, и поэтому в специальном заявлении, мол, нет нужды. Позиция Англии не изменилась, и ожидать перемен не приходилось.

Это ясно дал понять премьер-министр Великобритании, выступая 3 мая в палате общин. Отвечая сторонникам союза с Россией, он заявил, что «дружественные переговоры» с Советским правительством будут продолжены, но что советское предложение принято быть не может, ибо тройственный союз подобного рода сделал бы войну неизбежной[235]. В те дни заседание кабинета министров проходило все еще под впечатлением речи Гитлера, произнесенной в рейхстаге 28 апреля и представлявшей «последний призыв к Англии»[236] и одновременно «реабилитацию» России[237]. Многие члены кабинета, среди них лорд Галифакс, затронули вопрос об опасности германо-советского сближения. И хотя, учитывая тщательно взвешенные интересы безопасности СССР, подобное соглашение считалось пока маловероятным, было все же решено для предупреждения такого развития продолжить с СССР, по меньшей мере на некоторое время, переговоры, которые выглядели бы правдоподобно. Как подчеркнул статс-секретарь министерства обороны, отклонение советского предложения о союзе прямо подтолкнуло бы Россию «к естественной ориентации» на Германию. Галифакс отмахнулся от этой «всего лишь возможности»[238].

Таким образом, 3 мая нарком иностранных дел получил последние доказательства неизменной английской позиции. Вероятно, сразу же после беседы с Сидсом Литвинов доложил результаты Сталину. Установленный на правительственном совещании рубеж был перейден. Наступил момент для первых практических выводов из английской тактики проволочек. А они привели к немедленной отставке Литвинова и его замене Председателем Совета Народных Комиссаров Молотовым.

В тот же день Президиум Верховного Совета издал Указ о назначении Молотова на пост наркома иностранных дел с сохранением за ним поста Председателя Совнаркома[239]. Одновременно[240] в здании Наркомата произошла передача дел. Вечером заседала правительственная комиссия, в которую вошли: Молотов, руководитель иностранного отдела и заместитель народного комиссара иностранных дел грузин Владимир Деканозов, Литвинов, грузин Берия и русский Маленков[241].

Руководителей отделов НКИД вызвали для доклада. Началась большая перестановка кадров, в ходе которой от занимаемых должностей освободили тесно связанных с курсом Литвинова сотрудников (преимущественно еврейского происхождения), других подвергли «чистке». Среди них оказался и Евгений Гнедин (сын Парвуса-Гельфанда), долгие годы руководивший отделом печати НКИД, которого Типпельскирх еще 10 октября 1938 г. ошибочно упоминал среди жертв чистки[242]. Утром 4 мая 1939 г. советские газеты на первой полосе с обычным для подобных сообщений размахом опубликовали Указ Президиума Верховного Совета от 3 мая 1939 г. На последней странице под рубрикой «Хроника» было напечатано маленькое сообщение об уходе Литвинова по собственному желанию с поста наркома иностранных дел[243]. Тогда же Московское радио подчеркнуло, что эти кадровые изменения не означают перемены в советской внешней политике. Отдел печати Наркоминдел дал западным корреспондентам аналогичное объяснение.

Германское посольство в Москве предсказало такой поворот событий уже в момент подписания Мюнхенского соглашения. Теперь же, когда это произошло, поверенный в делах Типпельскирх в своем отчете от 4 мая[244] в МИД подчеркнул, что в «последнее время не было конкретных признаков неустойчивости его (Литвинова. — *И.Ф.*) служебного положения». Внешне кажущаяся внезапность замены «вызвала огромное удивление, поскольку Литвинов активно вел переговоры с английской делегацией»[245]. Кадровые изменения Типпельскирх связал с «разногласиями» в Кремле относительно характера ведения переговоров; причиной могло быть «глубокое недоверие, которое питал Сталин к капиталистическому миру в целом».

А вот английский посол увидел в кадровых переменах всего лишь «так часто предсказывавшееся, а теперь ставшее реальностью исчезновение М.Литвинова». Он подчеркнул факт «укрепления Наркомата иностранных дел с назначением столь крупного политического деятеля, каким является В. Молотов». Сидс поставил также вопрос, «не означает ли внезапная замена, да еще в тот момент, когда наши переговоры подозрительно, с советской точки зрения, оттягивались в течение более двух недель, решения отказаться от политики коллективной безопасности Литвинова (в уверенности, что западные державы вновь вознамерились ее отвергнуть) и перейти к изоляционистской политике, которая, скорее, согласовывалась с высказываниями Сталина». Сидс сожалел, что еще не может ответить на этот вопрос, однако счел примечательным то обстоятельство, что советская печать обошла молчанием слова английского премьер-министра о «дружественной атмосфере», в которой накануне прошла англо-советская беседа.

Германский посол, находившийся в те дни в Тегеране в качестве главы немецкой делегации на торжествах по поводу бракосочетания персидского кронпринца, также сообщил своему итальянскому коллеге в Персии Петруччи[246], что отставка Литвинова произошла совершенно неожиданно, хотя Сталин в речи, произнесенной 10 марта, оставил открытой возможность перемен в советской внешней политике. Шу-

ленбург, подчеркнув, что не рискует делать какие-либо прогнозы, высказал, однако, предположение, которое впоследствии оказалось поистине пророческим. Он сказал, что «Советский Союз уже в течение длительного времени искал сближения с Германией», которое не осуществилось из-за воинственной, негативной официальной позиции немцев.

Отвечая на вопрос о причинах смещения Литвинова, Шуленбург назвал «три возможные гипотезы».

1. Сталин захотел избавиться от Литвинова, сильно скомпрометированного неудачами с системой коллективной безопасности, из которой абсолютно ничего не вышло.

2. Проявленные Литвиновым слабость и боязнь связать себя с Китаем против Японии, с Чехословакией против Германии, а в последнее время с Польшей вызвали раздражение (рассердили) Сталина, который теперь намеревался однозначно определиться.

3. Неразумные английские действия и откровенно антигерманская линия Польши, которые усиливали опасность возникновения войны на востоке, побудили Сталина отказаться от проводимой Литвиновым политики и искать взаимопонимания с державами «оси Берлин — Рим».

Как Петруччи сообщил Чиано, Шуленбург считал «последнюю, третью гипотезу наиболее вероятной».

При такой интерпретации объяснений Шуленбурга нельзя упускать из виду тот факт, что это сообщение предназначалось итальянскому министерству иностранных дел. Поскольку Италия несла особую ответственность за Польшу и отрицательно относилась к польской кампании, считая преждевременной тотальную войну, которая неизбежно возникла бы, то здесь, по мнению немецких противников этой войны, существовала общность интересов. Шуленбург обратил внимание итальянской дипломатии на возможность, над реализацией которой сам он — после своего возвращения в Москву — начал всемерно работать вместе с итальянским послом в СССР Аугусто Россо. Понимая трудности, с которыми сталкивалось Советское правительство при принятии решений, они стали искать совместный выход из обоюдного затруднительного положения.

В этом отношении Шуленбург рассматривал названный им третий вариант, скорее всего, как скрытую возможность, вытекающую из стоявшей перед Сталиным дилеммы, а не как уже принятое решение. Герхард Вайнберг приблизился к подобной точке зрения, заявив: «Замена (Молотовым) Литвинова возвестила о движении прочь от Запада, правда, скорее к нейтральной... позиции, чем в сторону Германии. Последнее произошло вследствие немецкой реакции на отстранение Литвинова, а вовсе не по инициативе Молотова»[247]. С этим перекликаются воспоминания Херварта, который тогда вместе с Шуленбургом находился в Тегеране. Он писал: «Мы не сразу поняли, что это означало решающий поворот, конец коллективной безопасности и всеобщего мира, которые отстаивал Литвинов»[248].

Реакция за границей на отставку Литвинова была весьма неоднозначной, причем лишь «Германия сразу же отреагировала»[249]. Вслед за дипломатическими представительствами и министерствами иностранных дел[250] разобраться в причинах старались и историки[251] соответствующих стран. Толкования содержат многочисленные рациональные гипотезы и точки зрения. Однако окончательное объяснение возможно только после изучения советских документов. Существующие на Западе версии при всех расхождениях сводятся к следующим тезисам, порядок расположения которых одновременно указывает на степень их достоверности и вероятности.

— Отставка (или увольнение) Литвинова являлась сигналом, призванным обратить внимание западных стран на тот факт, что политика коллективной безопасности под угрозой.

— В момент военной опасности Сталин освободил от занимаемой должности человека, чья концепция оказалась несостоятельной и который не принадлежал к ближайшему окружению Сталина (в отличие от Молотова, Литвинов никогда не был членом Политбюро).

— Назначив Молотова, Сталин заполучил народного комиссара иностранных дел, не имеющего собственных идей, но способного исполнителя его воли.

— Перемены в руководстве НКИД в момент обострения внешнеполитической ситуации помогли Советскому правительству вновь обрести полную свободу маневра.

— С Литвиновым и его людьми от дел отстранили (временно) прозападную фракцию Наркоминдел (Литвинов не подвергся чистке, а мог спокойно ожидать нового назначения).

— Удаление (еврея) Литвинова устраняло еще одно препятствие на пути (дальнейшего) сближения Германии и СССР.

Но это всего лишь предположения. Как верно подметил в начале 50-х годов Уильям Лангер, без знания решений Сталина «даже сейчас невозможно сделать окончательный вывод»[252].

В трех странах, которых данное событие касалось самым непосредственным образом, т.е. в СССР, Англии и Германии, смысл этой меры интерпретировался весьма различно. Наименьшее значение кадровым перестановкам придавалось в Англии[253]. Как позже с сожалением констатировал Намир, данный факт должен был послужить предостережением прежде всего именно этой стране, однако «слишком мало извлекли из замены в тот момент и слишком много обнаружили позже, в свете последующих событий»[254]. Советская сторона отрицала преднамеренно предупредительный характер этого решения Советского правительства и указывала на недостаточную популярность Литвинова в народе, ограниченность его влияния на советскую внешнюю политику, а также на то, что положение Литвинова в правительстве никогда не считалось неприкосновенным. Далее подчеркивалось, что решения по кадровым вопросам принимаются не одним человеком (Сталиным), а правительством, что основы внешней политики определяются не наркомом, а Верховным Советом. Отрицалось, что смена руководства

Наркоминдел предвещает перемены советского внешнеполитического курса. Просто Сталин в патовой ситуации, обусловленной негативной реакцией Англии, наделил всей полнотой власти близкого сподвижника, который пользовался доверием трудящихся масс и правительства[255].

Лишь в Берлине известие о смещении Литвинова стало «сенсацией, породило фантастические слухи»[256]. Интенсивность, с какой оно обсуждалось, превращаясь в исходный пункт новых планов, свидетельствовала о возросшей надежде, с какой желавшие взаимопонимания с Россией устремили свой взор к Москве. После зондажа, предпринятого Клейстом и Вайцзеккером (а возможно, и верховным командованием вермахта), они с огромным нетерпением ждали сигнала, свидетельствующего о согласии Советского Союза. И наконец-то им показалось, что они его получили. Принадлежавшие в своем большинстве к национал-социалистскому лагерю, эти наблюдатели были в значительной мере пленниками расистской идеологии и германоцентристского взгляда на мир. Поэтому в отличие от германского посольства в Москве[257] они в «смещении еврея Литвинова-Валлаха» усмотрели прямой намек Сталина в адрес Германии[258].

Второй германский зондаж: Шнурре — Астахов

Отставка Литвинова вывела хорошо информированные политические и военные службы из состояния оцепенения, в котором они пребывали после того, как стали известны планы Гитлера в отношении Польши (план «Вайс»). Они теперь надеялись на то, что, увольняя Литвинова, Сталин тем самым давал понять, что согласен договориться с Гитлером. А с этим уменьшалась опасность войны на два фронта с участием всей Европы при нападении Германии на Польшу. Такое понимание действий Сталина сразу же побудило к активному политическому и военному планированию. Ускорилась работа над текущими планами, дополнительный стимул появился у сторонников политических договоренностей с Россией. 7 марта изменения в обстановке констатировал и генеральный консул Италии в Берлине Ренцетти, в течение нескольких месяцев внимательно наблюдавший за происходившими событиями[259]. Теперь военные, политические и промышленные круги начали интенсивно изучать возможности, искать пути к взаимопониманию с Россией. Даже те, кто всего несколько недель назад отвергал саму мысль о нормализации отношений с Москвой, теперь все больше свыкались с такой возможностью. Как стало известно Ранцетти, в течение нескольких предшествовавших месяцев над проблемой германо-советских отношений с соблюдением строжайшей тайны работала небольшая группа высших офицеров с привлечением отдельных экономических экспертов. В условиях обострения кризиса последних недель работа группы активизировалась. И вот теперь ее предложения оказались услышанными.

По сведениям, полученным английским военным атташе в Берлине Мэсон-Макфарлейном, некоторые службы вермахта предпринимали

энергичные усилия для того, чтобы расчистить путь к военному союзу с Россией. И хотя перспектива крупномасштабной войны на два фронта казалась им малопривлекательной, они были готовы отправиться в поход, «если Россия, даже оставаясь нейтральной, приняла бы их правила игры»[260]. По слухам из Берлина, Гитлер уделял данной проблеме все больше внимания. Лица из ближайшего окружения (например, гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох), уже в течение нескольких недель (по-видимому, с момента подписания директивы к плану «Вайс») знали о его намерении добиться соглашения с Россией[261].

Мемуарная литература, какой бы сомнительной она ни казалась, содержит свидетельства о том, что случай с Литвиновым в отличие от доклада Сталина на XVIII съезде ВКП (б) вызвал мгновенную реакцию в непосредственном окружении Гитлера. «Внезапное отстранение Литвинова произвело на Гитлера должное впечатление»[262]. Адъютант фюрера вспоминает, что Гитлер в замене еврея на посту наркома иностранных дел Молотовым усмотрел «сигнал из Москвы о том, что и Сталин заинтересован в изменении советской политики в отношении Германии»[263]. Причины такой заинтересованности Гитлер якобы видел в экономической слабости СССР и в потребности Сталина избавиться от «польского фактора неопределенности». С точки зрения Гитлера, однако, — и это явственно проступало в описании размышлений фюрера его адъютантом — интересы Германии в значительной степени преобладали над двигавшимися в том же направлении соображениями Сталина. В *наших* интересах, говорил Гитлер своему адъютанту, «договориться с Россией, поскольку тем самым мы сможем изолировать Польшу и устрашить Англию. Главная задача — избежать войны с Англией. Германия тоже не готова к борьбе не на жизнь, а насмерть». Поэтому сразу же после получения известия об отставке Литвинова последовали новые установки для пропаганды и печати; в них предписывалось незамедлительно прекратить всяческую критику Советского Союза и большевизма, уважительно отнестись к новому наркому, чье «еврейское родство» (жена Молотова, Жемчужина, была еврейкой) в отличие от предшественника упоминать не разрешалось[264].

В информации, переданной 6 мая Боденшацем Штелину, также говорилось о том, что Гитлер намерен добиваться соглашения с Россией и что «на Востоке что-то готовится». Начальник Штелина Кулондр, проанализировав эти и другие циркулировавшие в эти дни в правительственных кругах сообщения, пришел 7 мая к следующим выводам[265]:

«1. ... Фюрер твердо решил обеспечить возвращение Германии Данцига и польского коридора.

2. Проявляя терпение и осторожность, фюрер подойдет к этому вопросу не прямо, поскольку ему известно, что Франция и Англия не отступят и что коалиция, с которой придется столкнуться, окажется слишком сильной. Он станет маневрировать, ожидая своего часа.

3. Поэтому фюрер постарается договориться с Россией. Придет день, когда он достигнет своих целей, причем таким образом, что у союзников «не будет никакой причины или даже намерения вмешаться». Может быть, тогда мир увидит четвертый раздел Польши...

4. Третий рейх не станет воевать до тех пор, пока не обеспечит себе полную экономическую автаркию...

5. ...Позиция Японии помогла повернуть Гитлера к России...»

В планируемой Гитлером «ориентации Германии на Россию» Кулондр увидел целый спектр возможных тактических замыслов. Допускались, в частности, следующие варианты:

«1. Достичь с СССР более или менее негласного взаимопонимания, которое в случае конфликта гарантировало бы доброжелательный нейтралитет или даже соучастие в разделе Польши.

2. Используя угрозу сближения с СССР, оказывать одновременно давление на Японию и Польшу, чтобы заставить Японию подписать договор о военном союзе, а Польшу — согласиться на требуемые уступки.

3. Угрожая совместными германо-советскими действиями, заставить западные державы вопреки сопротивлению Польши и Румынии принять определенные советские требования и тем самым смешать союзникам все карты».

Кулондр полагал, что Гитлер еще не сделал окончательный выбор между подлинным соглашением с СССР и всего лишь дипломатическим маневром в целях изменения ситуации в свою пользу, и считал вторую возможность более вероятной. При этом Кулондра успокаивала мысль о позиции СССР, ибо «для соглашения нужны двое»! Он «сильно сомневался в том, что СССР, избавившийся в результате восстановления равновесия в Европе от германской угрозы, согласился бы на раздел Польши, который нарушит это равновесие и приведет к соприкосновению (пограничному) СССР с Германией, оставляя СССР на милость третьего рейха». В таком случае, по словам Кулондра, от сотрудничества с нацистской Германией удерживать Советский Союз станут не идеологические соображения, а понимание того, что СССР слишком слаб, чтобы иметь такого соседа, который возьмет его в германо-японские клещи. Если дело примет серьезный оборот, писал Кулондр Боннэ, нужно открыть Сталину глаза на истинные намерения Гитлера! Однако опасность казалась Кулондру незначительной. «Единственная сила, — говорилось в письме, — которая в Европе может угрожать России, — это Германия. И эта угроза может усилиться, если Польша перестанет существовать или если западные державы будут разбиты. Принести Варшаву в жертву рейху — значит — в случае, если Лондон и Париж выйдут из игры, — ухудшить положение Москвы. В настоящий момент, когда этого не произошло, подлинные интересы СССР в конфликтной ситуации связаны с союзниками».

Поэтому Кулондр рекомендовал активизировать вместе с Лондоном работу в Москве, «чтобы сорвать попытки немцев расшириться в восточном направлении и включить Россию в оборонительную организацию».

Между тем Гитлер впервые за шесть лет своего правления проявил желание выслушать своих экспертов по России. Риббентроп немедленно отреагировал и перед выездом 4 мая на несколько дней в Милан для переговоров с итальянским министром иностранных дел графом Чиано дал указания: заслушать германского посла в Москве, а эксперту МИД

по торговле с Востоком Шнурре отправиться вместе с ним и советником Хильгером в Бергхоф для подробного разговора о положении Советского Союза[266]. Находившийся в Тегеране Шуленбург понял смысл этой поспешной акции. Он объяснил Петруччи, что его срочно вызывают в Мюнхен, «чтобы обсудить с Риббентропом новую ситуацию в Москве, возникшую после смещения Литвинова»[267].

В то время как Риббентроп, указав в процессе беседы с Чиано относительно германо-итальянского договора о дружбе и сотрудничестве на якобы имевшие место изменения в советской внешней политике, заручился условным согласием итальянцев «освободить отношения стран «оси» с Советским Союзом от лишнего груза»[268], министерство иностранных дел предприняло вторичный зондаж в советском полпредстве в Берлине. Советник Шнурре использовал оставшиеся до поездки в Берхтесгаден несколько дней, чтобы получить от советской стороны информацию, которую он намеревался надлежащим образом использовать. Во второй половине дня 5 мая он пригласил к себе временного поверенного в делах Астахова[269].

Как бы продолжая беседу Вайцзеккера с Мерекаловым, Шнурре встречу с Астаховым начал со следующего сообщения: «Отвечая на запрос посла от 17 апреля, мы заявляем о своем согласии с выполнением поставок в Советский Союз в соответствии с договорами, заключенными с фирмой «Шкода». С советской точки зрения, то был определенный симптом, тем более что речь шла о заказах на военную технику[270].

Не случайно, как утверждал Шнурре в своем отчете, Астахов воспринял эту информацию «с явным удовлетворением и подчеркнул, что для Советского правительства важна не столько материальная, сколько принципиальная сторона дела». Затем, как видно, состоялся обмен мнениями о возможностях продолжения прерванных переговоров по экономическим вопросам, к чему, по словам Шнурре, Астахов проявил интерес. Отчет заканчивался следующими словами: «Затем Астахов заговорил о смещении Литвинова и, не задавая прямых вопросов, попытался выяснить, не побудит ли нас это событие изменить отношение к Советскому Союзу».

Все западные исследователи безоговорочно восприняли утверждение Шнурре и интерпретировали приписываемые Астахову слова как проявление желания советской стороны изменить отношения, как советский зондаж возможной немецкой готовности[271]. Напротив, бывший советский полпред в Англии Майский, а вслед за ним и советская наука считают «весьма вероятным, что на самом деле вопрос о влиянии отставки Литвинова на германо-советские отношения поставил сам Шнурре и только в своей записи разговора изобразил дело так, будто данный вопрос исходил от Астахова (подобные трюки встречаются в практике буржуазной дипломатии)»[272].

Заинтересованность Майского в таком видении вещей понятна. Он старался доказать, что, хотя Советское правительство позже и приняло немецкие предложения, в тот момент оно не вело «двойной игры» и не пыталось противопоставить предложения западных держав и гитле-

ровского правительства. Вместе с тем Майский обратил внимание на весьма важные обстоятельства.

— Шнурре был чрезвычайно заинтересован в возобновлении прерванных переговоров по экономическим вопросам, а также в том, чтобы его самого для ведения переговоров направили в Москву. Поэтому он, дескать, и приписал Астахову вопрос о возобновлении переговоров.

— Шнурре очень хотелось, чтобы Гитлер наконец взял на себя инициативу и не допустил втягивания Германии в мировую войну, в которой она потерпела бы поражение; поэтому он устами Астахова задал вопрос о том, не изменит ли Германия своего отношения к Советскому Союзу.

— Шнурре в своих записях, также ссылаясь на предполагаемые высказывания Астахова, подчеркнул большое значение личности Молотова, который, не будучи специалистом в области внешней политики в узком смысле, «мог приобрести тем больший вес в советской внешней политике». Шнурре представил дело так, будто Астахов говорил об изменении советского внешнеполитического курса в пользу Германии и намекал, что «будущая советская внешняя политика» по отношению к Германии еще окончательно не определена. Своим окончательно целенаправленным отчетом Шнурре привнес в предстоявшую беседу с Гитлером вопрос о якобы имевшем место советском предложении.

На самом же деле в тот момент советская сторона чрезвычайно сдержанно отнеслась к немецкому зондажу.

Полпреда Мерекалова — как в периоды серьезнейших кризисов — держали в Москве. Поверенный в делах не имел инструкций, которые бы уполномочивали его вести политические переговоры. В беседах со Шнурре «Астахов неоднократно сожалел, что не получает никаких указаний, а потому не может ответить на поставленные нами вопросы»[273]. Весьма характерно, что слухи о германском сближении, циркулировавшие в те дни в дипломатических кругах Берлина[274], встревожили не только немецкую оппозицию[275], но и, застав врасплох, поставили советского временного поверенного в сложное положение. Как посол Кулондр сообщал 9 мая французскому министру иностранных дел[276], в последние 24 часа Берлин наводнили слухи о том, что Германия якобы передала Советскому правительству предложения относительно раздела Польши. При встрече вечером 9 мая крайне удивленный Астахов попросил Кулондра объяснить происходящее, ибо сам он, мол, не располагает никакой информацией о возможных, вызванных отставкой Литвинова переменах в советской внешней политике.

Более того, распространяемые в Берлине слухи, казалось, даже усиливали советскую подозрительность. Так, заместитель заведующего отделом печати МИД Германии советник Браун фон Штумм 9 мая узнал от того же Астахова, что «проявляемая в настоящее время сдержанность германской прессы» воспринимается в Москве «еще весьма недоверчиво». Во внезапной немецкой «сдержанности» она усматривает «кратковременный тактический маневр». Было бы хорошо, если бы «подобные опасения оказались напрасными». В конце отчета о беседе

Браун сказал, что спросил Астахова «о значении перемен во внешнеполитическом руководстве в Москве». По словам Брауна, Астахов подчеркнул, что внешнюю политику Москвы определяет не одно лицо, а осуществляется она в соответствии с принципиальными установками, и что о переориентации советской политики не может быть и речи. Во всяком случае, ей должно предшествовать изменение политики других государств[277]. Письменный отчет Астахова об этом разговоре подтверждает, что он вел себя сдержанно[278]. На его позицию не повлияли и приведенные Брауном многочисленные свидетельства нового подхода средств массовой информации к Советскому Союзу, и стремления имперского правительства к улучшению взаимоотношений. В их числе были названы пакты о ненападении с Латвией и Эстонией, которые, по словам Брауна, доказывали, что Германия не имеет «активных аспираций в данном направлении», и отказ от Закарпатской Украины. Затем, писал Астахов, Браун не удержался от того, чтобы не заметить, «что, мол, уход Литвинова, пользующегося репутацией главного вдохновителя международных комбинаций, направленных против Германии, также может благоприятно отразиться на советско-германских отношениях». Браун далее подробно коснулся истории заключения договора в Брест-Литовске и напомнил о связанных с ним для Советского государства выгодах: никаких контрибуций и разоружения, никаких дискриминационных мер против Советского правительства. Поэтому, дескать, нет ничего удивительного в том, что Англия лицемерно неистовствует против Брестского мира и взяла курс на развязывание войны, при котором даже «самое маленькое «изменение» в статусе Данцига уже может привести к войне... В заключение беседы Браун фон Штумм еще раз указал на желательность улучшения наших отношений хотя бы по линии прессы. Он согласен, что надо воздерживаться от личных выпадов и оскорблений». В конце отчета Астахов утверждал, что на все доводы Брауна дал соответствующие ответы и при этом особо указал на то, что поскольку ухудшение германо-советских отношений произошло, безусловно, по инициативе немецкой стороны, то только от нее зависит их улучшение. Советская сторона, мол, никогда не отказывалась улучшить отношения, если к этому были основания. Названные Брауном симптомы улучшения связей Астахов или отверг, или же поставил под сомнение и заявил, что «мы не имеем пока никаких оснований придавать им серьезное значение, выходящее за пределы кратковременного тактического маневра».

Так выглядели высказывания Астахова, переданные в записях Шнурре, Брауна и его самого. Обобщенный доклад временного поверенного в делах, направленный Потемкину 12 мая а 1939 г., подтверждает скептическую позицию Астахова, который, в частности, писал: «Немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже наступившем улучшении германо-советских отношений. Отбросив все нелепые слухи, фабрикуемые здесь немцами или досужими иностранными корреспондентами, можно пока констатировать как несомненный факт, лишь одно: это — заметное изменение тона германской прессы в отношении нас. Исчезла грубая ругань, советские деятели на-

зываются настоящими именами и по их официальным должностям без оскорбительных эпитетов». Астахов подчеркнул: «Но, отмечая эти моменты, мы, конечно, не можем закрывать глаза на их исключительно поверхностный, ни к чему не обязывающий немцев характер. Печать может изменить тон в обратную сторону в любой момент, так как никакого принципиального отхода от прежней линии она не выявила, став лишь сдержанней в отношении нас и корректней... Слишком уже ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон, чтобы к этому можно было в данной стадии относиться достаточно серьезно... хотя мы всегда готовы идти навстречу улучшению отношений»[279]. В беседе 15 мая, писал Астахов[280], Шнурре вновь затронул «тему об улучшении германо-советских отношений» и заверял Астахова «об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР». Запись беседы Шнурре не сделал. Добиться успеха ему не удалось. Вероятно, Астахов продолжал «строго придерживаться указаний» и сожалел, что не имеет (для разговора) никаких инструкций[281].

В следующей беседе, 17 мая, Астахов, согласно записи Шнурре[282], отметил недоверие советской стороны и подчеркнул, что изменившийся тон германских средств массовой информации может означать всего-навсего тактическую паузу. Он говорил о «четко выраженном ощущении угрозы со стороны Германии». Вместе с тем — как записал Шнурре — он дал понять, что «нет никаких внешнеполитических противоречий между Германией и Советским Союзом», что не исключена «возможность изменения германо-советских отношений», и при этом «вновь упомянул Рапалльский договор» (нет никаких сведений о том, что этот договор прежде уже упоминался). Во всяком случае, Шнурре в разговоре осмелился спросить Астахова о состоянии англо-советских переговоров, тем самым раскрывая цели встречи. Астахов якобы ответил, что вряд ли они дадут желательный англичанам результат — при подобных обстоятельствах довольно необычная откровенность, которая уже сама по себе заставляет усомниться в том, что Астахов не имел сведений о положении дел на переговорах в Москве. Запись беседы 17 мая Шнурре завершает замечанием о том, что, сохраняя сдержанность в своих высказываниях, он лишь репликами побуждал Астахова разъяснять свою точку зрения — формулировка, которая указывает на недовольство того, кто читал первую запись, чрезмерной открытостью Шнурре в разговоре, а также на стремление Шнурре передать заявления Астахова с максимальной объективностью.

Сдержанность Астахова подтверждается «секретным докладом» ведомства Риббентропа о приеме в советском представительстве, устроенном для аккредитованных в Берлине иностранных корреспондентов 22 мая[283]. Как ни велик был интерес секретного информатора из сети Ликуса к любому жесту временного поверенного, который был бы приятен германской стороне, он был вынужден констатировать в своем отчете, что Астахов «тщательно (избегал) давать какие-либо ответы по существу», которые бы отвечали желаниям Риббентропа. «С непроницаемой улыбкой» он уходил от такого рода вопросов «и об отношениях между Германией и Россией также... высказывался сдержанно». Един-

ственное существенное замечание Астахова сводилось к тому, что «в Москве готовы заключать только такие соглашения, которые основаны на взаимности. Россия, по его словам, готова подписать договор на принципах взаимности с любой державой, в том числе и с... Англией, Францией и... Германией», причем он тут же «поправился, заметив, что, разумеется, сказанное никоим образом не касается германо-русских отношений...».

Совершенно неправомерно в высказываниях Астахова усматривали «четко выраженное желание к взаимопониманию», которому «на германской стороне не было ничего равноценного»[284]. Знакомство с отчетами и личностью Астахова опровергает предположение о том, что это был легко поддающийся манипулированию и охотно приспосабливающийся к обстоятельствам советский дипломат, варьирующий собственные мнения в зависимости от потребностей и собеседника. В действительности Астахов был молодым, талантливым и прямолинейным донским казаком, основное поле деятельности которого относилось главным образом к Дальнему Востоку, где он делал свои первые шаги в качестве зарубежного представителя Советского государства. Его назначили в Берлин потому, что он отлично говорил по-немецки, был умен, способен к усвоению нового, имел хорошие манеры и давал аккуратные сообщения. Вряд ли он пользовался особым доверием Сталина. Имеются достоверные свидетельства, что вскоре после возвращение советского представительства в Москву он был арестован, приговорен к длительному тюремному заключению и осенью 1941 г. умер на Крайнем Севере[285]. Однако такая судьба постигла, за редкими исключениями, почти всех советских дипломатов, вернувшихся из Берлина с началом войны.

Доклад у Гитлера (10 мая 1939 г.)

С 3 по 13 мая 1939 г. Гитлер находился в Бергхофе близ Берхтесгадена. Отсюда он наблюдал за тем, какие последствия имело его выступление в рейхстаге 28 апреля 1939 г.[286] Однако речь, в которой Гитлер заявил о расторжении англо-германского соглашения об ограничении военно-морского флота и германо-польского пакта о ненападении, заключенного в январе 1934 г., и в которой также провозгласил: «Данциг — немецкий город и стремится к Германии», — не дала ожидаемого результата. В высказываниях польского министра иностранных дел Бека, сделанных 5 мая в сейме, не было ни малейших намеков на уступки в вопросах Данцига и коридора[287]. Визит министра иностранных дел Румынии Григоре Гафенку в Лондон показал, что и Румыния тяготеет к более тесному союзу с западными государствами. Сообщения в печати, поступавшие из Лондона, свидетельствовали о том, что английское правительство изучало последнее предложение Литвинова[288] и, признавая усилия Советского правительства по созданию системы коллективной безопасности на самой широкой основе, искало компромиссную формулу[289], которая надле-

жащим образом учитывала бы интересы меньших стран, прежде всего Польши и Румынии. Тревожные сведения дополнил отказ Японии заключить соглашение о расширении военного аспекта антикоминтерновского пакта, который трактовался как наступательный союз, направленный против СССР, а может быть, и Англии. 5 мая Гитлер узнал, что переговоры в Токио зашли в тупик[290]. Это побудило его окончательно изменить свои планы, чему способствовало и то, что Италия, оказавшаяся после оккупации Албании под давлением великих держав, охотнее шла навстречу желаниям Гитлера. Поездки в Италию главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника Браухича (с 30 апреля), Геринга (с 4 мая) и Риббентропа (с 5 мая) достигли своей цели. 7 мая Риббентроп телеграфировал из Милана о согласии итальянского правительства заключить широкомасштабный военно-политический пакт. В рамках предварительных переговоров граф Чиано также дал свое согласие на зондаж советской готовности к политическому сближению с державами «оси», то есть сделал то, в чем отказали японцы. В актив Гитлер мог записать и последние сообщения, касавшиеся России. Наряду с приукрашенным отчетом Петера Клейста о его беседе с Астаховым и запиской Вайцзеккера о мнимом интересе Мерекалова к улучшению политических отношений между обеими странами Гитлер получил и информацию о беседе Шнурре с Астаховым, которая как будто содержала еще одно доказательство заинтересованности русских в улучшении отношений с Германией. На фоне этого кажущегося волеизъявления советской стороны отставка Литвинова и в самом деле выглядела сигналом, который Сталин подавал Гитлеру[291]. То был, видимо, единственный позитивный симптом, последовавший за речью в рейхстаге 28 апреля, в которой Гитлер демонстративно обошел молчанием Советский Союз[292].

Поэтому Гитлер 10 мая 1939 г. вместе с начальником штаба верховного главнокомандования вермахта Кейтелем с интересом ожидал появления специалистов министерства иностранных дел по России[293]. Присутствие Кейтеля и Шнурре свидетельствовало о том, что в докладах экспертов Гитлера интересовали как военные[294] аспекты, так и проблемы (военной) промышленности.

Если даже сделать скидку на вызванную спешкой путаницу при обмене распоряжениями и телеграммами, то и тогда остается много неясного в вопросе определения различных сроков, связанных с этим важным докладом специалистов по России. 4 мая Шнурре телеграфировал в германское посольство в Москве о том, что Хильгеру следует немедленно выехать в Берлин и в понедельник, 8 мая, быть готовым к совещанию; в тот же день в Мюнхен после переговоров в Милане должен был прибыть Риббентроп, откуда после предварительной беседы с Шуленбургом, Хильгером и Шнурре вместе с ними выехать в Берхтесгаден для доклада Гитлеру[295]. Однако Шуленбург все еще находился в Тегеране. Там он 7 или 8 мая и получил телеграмму от 6 мая, которую ему переслал Типпельскирх; телеграмма была подписана Францем фон Зонняйтнером, сотрудником бюро министра, и обязывала Шу-

ленбурга вместе с находившимся в поездке по Азии адъютантом военного атташе, капитаном фон Шубутом, инкогнито быть 9 мая в Мюнхене и приготовиться к докладу. Наряду с этим Типпельскирх в телеграмме от 7 мая обратил внимание МИД на отсутствие Шуленбурга и предложил, чтобы его представлял Хильгер, который выехал в тот же день и 8 мая уже находился в Берлине. Выяснив, что Риббентроп в Мюнхене, он незамедлительно отправился туда. После целого дня ожидания Хильгер узнал от Риббентропа, что Гитлер хочет лично выслушать его днем, в среду, 10 мая. Между тем Шуленбург выехал из Тегерана раньше, чем ожидалось. В четверг, 11 мая, он телеграммой из Афин информировал о своем приезде в Берлин в пятницу, 12 мая[296]. Следует иметь в виду, что Шуленбург еще раньше мог оказаться в Вене или Мюнхене и через несколько часов быть у Гитлера, который все еще находился в Бергхофе и лишь утром 14 мая отправился в район так называемого «западного вала». Никаких особых встреч Гитлер на эти дни не планировал, поэтому возникает вопрос, почему он вместо Хильгера и Шнурре (10 мая) или по крайней мере в дополнение к их докладу не принял самого посла 12 или 13 мая. Складывается впечатление, что чиновники МИД или из-за своей расхлябанности составили для посла ошибочный график полета, или же лишили его возможности изложить Гитлеру свои взгляды из других соображений. Все это тем более удивительно, что произошло тогда, когда Гитлер в сложившейся ситуации впервые проявил желание ознакомиться с точкой зрения экспертов по России[297].

Гитлер с большим напряжением ожидал информации от прибывших из Москвы. Раздраженный опозданием, происшедшим по вине Риббентропа, он встретил гостей «каким-то особенно нетерпеливым взглядом»[298]. Уже первый вопрос выдал смысл его нетерпения: фюрер жаждал знать причины смещения Литвинова.

Положение, в котором оказался Густав Хильгер, представлявший посла, было в высшей степени двойственным: с одной стороны, он надеялся убедить Гитлера в том, что Сталин является серьезным партнером, а с другой - ему не хотелось делать Сталина заложником германской игры или слишком тесно связывать судьбу Германии с тоталитарной Россией. Чтобы избежать этих опасностей, он ограничился сжатым, ясным и понятным Гитлеру изложением материала, которое не нарушило правдивости аргументации. Центральное место заняла близкая германским интересам интерпретация доклада Сталина на XVIII съезде партии.

Отвечая на первый вопрос, Хильгер утверждал, что Литвинов искал взаимопонимания исключительно с западными державами, в то время как Сталин испытывал к ним недоверие и считал, «что в случае войны западные державы намерены предоставить России таскать каштаны из огня». Гитлера это заявление убедило.

Затем Гитлер спросил, «будет ли Сталин готов при определенных условиях договориться с Германией». Хильгер не стал долго распространяться о советских усилиях по восстановлению добрых отношений в первые годы национал-социалистского режима в Германии, а ограни-

чился кратким сообщением о том, что «Сталин заявил 10 марта: для конфликта между Германией и Советским Союзом нет никаких видимых оснований».

Хильгер и Шнурре, к своему изумлению, обнаружили, что ни Гитлер, ни Риббентроп, по-видимому, не были знакомы с текстом выступления Сталина, хотя посольство и МИД, сообщая о нем ранее, старались пробудить к этому докладу интерес. Хильгеру «по просьбе Риббентропа... пришлось дважды процитировать соответствующее место».

Третий вопрос Гитлера касался «дел в России вообще», особенно положения в Красной Армии, ее морального состояния. Отвечая, Хильгер подробно рассказал о новом патриотизме советского общества, о вновь пробудившейся силе, боевом духе и оборонительной мощи Красной Армии, о чем германское посольство в Москве писало уже в течение ряда лет. Он подчеркнул, что революционное Советское государство Ленина перешло на позиции прагматической и реальной политики Сталина и неоднократно намекнул на структурное сходство обеих тоталитарных систем. Как видно, для Гитлера все это было новостью, и он «внимательно слушал». Затем он внезапно попрощался с гостями, не сказав ни слова о том, как представляет себе будущие отношения между Германией и СССР.

Доклад Хильгера произвел на Гитлера сильное впечатление. С точки зрения длительной перспективы он дал обратные результаты. Эту опасность хорошо осознавали в германском посольстве в Москве. После ухода Хильгера фюрер выразил неудовольствие его описанием мощи Красной Армии и заметил, что если Хильгер стал жертвой русской пропаганды, то его сообщение о положении в России ценности не представляет. А если он прав, то нельзя «терять ни минуты и следует предупредить дальнейшее укрепление Советской державы»[299].

Пока же Гитлер ухватился за высказанную Хильгером мысль о том, что Сталин может пойти на урегулирование отношений. Ведь в изображении Хильгера Сталин предстал готовым к переговорам, в чем-то понятным по манере поведения человеком. Гитлер был уверен, что Сталин согласится. В тот же день, 10 мая, он продиктовал инструкции для экономической войны и защиты собственной промышленности. Они стали экономическим и «внутриполитическим дополнением к директиве от 11 апреля по плану ''Вайс''»[300].

После того как преисполненный новым оптимизмом Гитлер 14 мая 1939 г. отправился в шестидневную инспекционную поездку по «западному валу» — по непреодолимому, как он считал, для Франции и Англии «валу из стали и железа», — министр иностранных дел принял (предположительно в понедельник, 15 мая, или во вторник, 16 мая) на Вильгельмштрассе[301] посла Шуленбурга. Первое с момента возникновения «третьего рейха» важное указание германскому послу в Москве было дано по поручению Гитлера имперским министром иностранных дел *устно* и при условии сохранения строжайшей тайны[302]. Риббентроп начал с неслыханного до тех пор заявления о том, что, «по мнению германского правительства, коммунизм в Советском Союзе больше не

существует, что Коммунистический Интернационал теперь не является важным фактором советской внешней политики. Поэтому-де возникло ощущение, что между Германией и Россией больше нет никаких реальных идеологических барьеров». В этих условиях германскому правительству, мол, представляется желательным, чтобы посол как можно быстрее возвратился в Москву и в тактичной форме дал понять Советскому правительству, что Германия не питает к нему враждебных чувств. Послу следовало выяснить «нынешнюю точку зрения советского руководства на советско-германские отношения». Риббентроп строго наказал действовать при этом с «величайшей осторожностью». Любое известие о подходах Германии к Советскому Союзу встревожило бы Японию и повредило бы особым германо-японским отношениям.

В свою очередь Шуленбург спросил, какое воздействие должен оказать на проходящие англо-советские переговоры такого рода зондаж[303]. Риббентроп ответил, «что германское правительство не волнует перспектива заключения договора между Великобританией и Советским Союзом, так как оно уверено, что Англия и Франция не склонны оказывать какому-либо государству Восточной Европы щедрую и серьезную военную помощь». Этот ответ не убедил посла. Как стало известно послу США в Москве от ближайшего окружения Шуленбурга после его возвращения, «несмотря на то что Риббентроп это и отрицал, тем не менее существует мнение, что цель сближения в известной мере связана с советско-английскими переговорами».

Это было первое прямое предостережение посольства западным державам относительно стремления Гитлера с помощью предложения Сталину воспрепятствовать заключению англо-советского соглашения. В отношении Польши указания содержали в скрытой форме первое известное нам предложение СССР к участию в разделе польских земель. Оно гласило: «В случае конфликта с Польшей Германия не намерена оккупировать *всю* (выделено мною — *И.Ф.*) страну».

И вновь личный референт посла Херварт сообщил в посольство США: «Данные послу указания носят общий характер и не могут рассматриваться как определенные германские предложения Союзу Советских Социалистических Республик, а лишь как возможный первый шаг в этом направлении. Дальнейшее развитие будет в данном направлении зависеть от той реакции, с которой столкнется посол в ходе бесед».

По возвращении в Москву Шуленбург сообщил своему итальянскому коллеге, что Риббентроп давал эти указания в большой спешке, при острой нехватке времени. «На Вильгельмштрассе Риббентроп приказал ему незамедлительно возвратиться в Москву, тотчас установить контакт с Молотовым и... предложить возобновить переговоры»[304].

Шуленбург был еще в Берлине, а в посольство в Москву 16 мая уже ушло распоряжение договориться о встрече посла с Молотовым или Потемкиным в самое ближайшее время[305].

Когда Шуленбург 17 мая выехал из Берлина, чтобы уже 18 мая приступить к исполнению своих обязанностей в Москве, Риббентроп в беседе с папским нунцием в Берлине, Орсениго, уже говорил о новых

надеждах[306]. Министр иностранных дел конкретизировал сказанное статс-секретарем Вайцзеккером нунцию 12 мая, через два дня после доклада у Гитлера. Оба отклонили предложение папы о посредничестве в мирном урегулировании, сославшись на то, что германское правительство уверено в успешном осуществлении планов в отношении Польши. Силы Англии и Франции разобьются о «западный вал»; Италия, Испания и Япония «единодушно» поддержат интересы Германии; Польша будет молниеносно разгромлена и расчленена на отдельные составные части. Важнейшая роль в этой войне принадлежит России. По словам Риббентропа, она «не намерена таскать для Англии каштаны из огня. Сталину не по нраву поведение Англии, которая, выступая с угрозами в адрес Германии, сражаться предоставляет другим, всегда оставляя себе какую-нибудь дверь открытой. По этой причине пришлось уйти и Литвинову. Теперь же положение вещей таково, что практически можно рассчитывать на другую тенденцию в России. Нас не устраивает в России лишь большевизм... против которого у нас имеется антикоминтерновский пакт. Но если Россия прекратит такого рода пропаганду, ничто не сможет помешать нашему сближению».

Как и посольство Германии в Москве, некоторые круги германской оппозиции в Берлине и в странах Запада старались довести эту тревожную информацию до сведения западных держав. В Брюсселе капитан фон Ринтелен попросил посла США в этой стране (и бывшего посла в Москве) Джозефа Э. Дэвиса о встрече. Ринтелен, показавшийся Дэвису человеком «резко антинацистских, проанглийских взглядов», сообщил, что «Германия предпринимает отчаянные усилия, чтобы Советский Союз оставался нейтральным... Гитлер использует все средства, чтобы воспрепятствовать англо-русскому союзу». Ринтелен считал «вполне возможным, что Германия и Россия окажутся в одной упряжке, поскольку они имеют общие экономические интересы, а национал-социализм и русский коммунизм идейные братья. Гитлер, Муссолини и Сталин близки по духу. Для западных демократий... чрезвычайно важно, чтобы Великобритания немедленно присоединилась к России»[307]. Ринтелен также сообщил Дэвису, что чехословацкий генерал Ян Сыровы (по ошибке он назван Сыровичем) «недавно дважды (в качестве эмиссара Гитлера) побывал в Москве».

Аналогичная информация доходила и до английского посла в Берлине Гендерсона. Он и его военный атташе из различных источников получили идентичные сообщения о поездке генерала Сыровы в Москву с немецкими поручениями. Эти и другие сведения побудили Гендерсона 18 мая направить постоянному заместителю статс-секретаря английского министерства иностранных дел сэру Александру Кадогану срочное сообщение. «Не сомневаюсь, — писал он, — что немцы сделают все, чтобы обеспечить себе прочный нейтралитет Советского Союза»[308].

III. ПОДГОТОВКА ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ 11 МАЯ — 20 АВГУСТА 1939 ГОДА

11 мая 1939 г. «Известия» опубликовали передовую статью «К международному положению»[1], в которой рассматривалась ситуация, сложившаяся после выступления Гитлера 28 апреля в рейхстаге, где он объявил о расторжении германо-польского договора о ненападении и англо-германского морского соглашения, а также в результате заключения 7 мая 1939 г. военно-политического союза между Италией и Германией, — так называемого «стального пакта»[2].

«Известия» предостерегали от упрощенной оценки этих событий. Так якобы поступали политические деятели западных держав, будто бы желавшие обмануть общественное мнение своих стран. Газета придерживалась взгляда, что «эти два события создали поворот к худшему во всей политической обстановке». Выводы, которые она делала из этого, могли удивить. Советские люди, мол, не раз «утверждали, что антикоминтерновский пакт, объединяющий Германию, Италию, Японию, есть маска, скрывающая блок агрессивных государств против Англии, Франции». Но им не верили и высмеивали их. Теперь, однако, «ясно для всех, что превращение антикоминтерновского пакта Германии и Италии в военно-политический союз этих государств против Англии и Франции есть несомненный факт». Газета делала вывод, что необходимо ждать ухудшения положения в Европе, которое затронет в первую очередь западные страны.

Затем передовая статья занялась поведением западных стран. Зарубежные политики и деятели прессы, отмечалось в ней, пускают всякого рода клеветнические слухи о позиции СССР на этих переговорах[3], приписывая ему требование заключения прямого военного союза с Англией и Францией и чуть ли не немедленного приступа к военным действиям против агрессоров. Однако, мол, СССР не находит в западных предложениях принципа взаимности и равных обязанностей. Действенный барьер против агрессии мог бы быть создан лишь в том случае, если бы три партнера по переговорам, желательно с привлечением Польши, договорились о всеобъемлющем пакте взаимопомощи на началах взаимности. В соответствии с последним английским контрпредложением, продолжала газета, Советский Союз должен будет нести одинаковые с западными странами обязательства, не получая от них аналогичной помощи. Вопрос о фактическом отпоре агрессии и о сроке начала такого отпора предоставляется на разрешение лишь Англии или Франции, хотя тяжесть отпора должна лечь главным образом на плечи СССР в силу его географического положения.

Нам возражают, продолжали «Известия», что, защищая Польшу и Румынию, Англия и Франция фактически защищают западную границу СССР. «Это неверно. Во-первых, западная граница СССР не ограничивается Польшей и Румынией (намек на угрозу Прибалтийским странам. — *И.Ф.*). Во-вторых — и это главное, — защищая Польшу и Румынию, Англия и Франция защищают самих себя... ибо у них имеется пакт о взаимопомощи с Польшей, обязанной в свою очередь защищать Англию и Францию от агрессии». Здесь содержалось указание на то, что Советский Союз не желает быть замешанным из-за Польши в войну с Германией. Дескать, положение СССР отличается коренным образом от положения его партнеров по переговорам. Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей, СССР должен был бы оказывать поддержку всем трем государствам, не получая от них никакого содействия; причем в случае агрессии, направленной прямо против СССР, последнему пришлось бы обходиться «лишь своими собственными силами».

Передовая статья«Известий» явилась, во-первых, реакцией на контрпредложение, которым западные державы после трехнедельных колебаний 8 мая ответили на советское предложение от 16 апреля о заключении пакта. То был старый британский план от 14 апреля 1939 г. в новой упаковке[4], который Советское правительство по целому ряду причин уже отклонило как неприемлемый. По мнению советской стороны, он не только заводил переговоры в «тупик» (Майский), но мог автоматически вовлечь Советский Союз в войну (Суриц) и представлял собой прямое приглашение Германии вторгнуться через Прибалтику в Россию. «Положение казалось почти безвыходным»[5]. Во-вторых, передовая статья отражала новую советскую оценку планов государств «оси». Донесения разведки[6] уточняли, что Гитлер планировал вести войну в три этапа: за блицкригом против Польши следовал поход на запад, а позднее — решающая схватка с СССР. Война с Польшей намечалась на вторую половину лета 1939 г., военные планы ее разгрома за одну-две недели были уже готовы во всех деталях. В донесениях говорилось, что на этой стадии Германия ожидала бы от Прибалтийских государств «нейтралитета». По мнению Гитлера, конфликт с Польшей можно было бы локализовать, так как Англия и Франция, дескать, не стали бы драться из-за Польши. Если бы вопреки ожиданиям они это сделали, то Гитлер был бы готов одновременно разгромить Польшу и западные страны. Единственный фактор, который якобы беспокоил его при разработке планов, — «возможная реакция Советского Союза». Этот фактор, говорилось в донесениях, препятствовал окончательному планированию войны против Польши и, «по мнению влиятельных берлинских кругов, в настоящее время вопрос о позиции Советского Союза вообще является самым важным вопросом»[7]. Польская кампания — это, мол, прежде всего лишь подготовительный этап для похода на Запад: после подавления Польши Германия хотела бы, имея защищенный тыл и достаточную продовольственную базу на Востоке, напасть на западные державы. Гитлер-де уверен, что легко разгромит Англию и Францию и что США вступят в войну слишком поздно. В сообщениях

указывалось, что за разгромом западных демократий последует решающая битва с Россией, которая должна обеспечить Германии необходимое жизненное пространство на востоке.

Из-за недостаточных знаний советских архивных документов не представляется возможным верно определить ценность этих документов в общем объеме информационной базы Советского правительства; справедливо, тем не менее, предположить, что к тому времени оно пришло к выводу: первоочередные германские планы затрагивали советские интересы лишь косвенно, и Гитлер включал позицию Советского Союза в свое военное планирование на ближайшую перспективу как важный, вероятно даже, как решающий фактор. Подтверждение германским планам нападения на западе Советское правительство видело в германо-итальянском военном союзе. В передовой статье «Известий» предостерегающе и с некоторым облегчением указывалось на это западным державам. В таком же духе ТАСС опубликовало 15 мая сообщение об инспекционной поездке Гитлера по «западному валу»[8]. Кроме того, к тому времени журнал ЦК КПСС «Партийное строительство» (№ 9) прямо связал планы германского похода на запад со стремлением немцев к сближению с Советским Союзом[9]. Он сообщал, что Берлин с некоторого времени проявляет интерес к сближению с СССР. «Теперь в германской печати... начинают делать намеки на то, что если в дальнейшем англичане не будут по-прежнему уступчивы, то Германия может договориться с Советским Союзом». Как сообщал журнал, подобные намеки приподнимают завесу и над «мечтами германского фашизма о нанесении удара именно в западном направлении». Журнал предупреждал западные страны о подобном развитии и напоминал о сталинских словах, что большая и опасная политическая игра может окончиться для них серьезным провалом. Советский Союз, подчеркивал журнал, в случае необходимости защитит себя от атак любой коалиции, опираясь только на свои внутренние силы, и рассчитывает на благоразумие тех стран, которые, как и он, не заинтересованы в нарушении мира.

Это было указание на понимание, которое Советское правительство ожидало в тот момент от приграничных государств. В какой-то мере успокаивающие вести как раз получил заместитель министра иностранных дел Потемкин в ходе двухнедельной информационной поездки по странам так называемой «Малой Антанты», включая и Турцию[10]. Попытки Советского правительства своими силами сплотить эти государства и создать на западной границе пояс безопасности, защищающий от агрессии стран «оси», как будто увенчались успехом. Потемкин нашел понимание у соответствующих правительств. Как и Астахов в Берлине, он в беседах с Гафенку в Бухаресте выразил уверенность в том, что «немецкое сближение с Москвой — это лишь обманный маневр Гитлера»[11]. По возвращении в разговоре с итальянским послом Россо Потемкин с удовлетворением отозвался о результатах своей поездки[12]. Однако проведенные на обратном пути в Варшаве по приглашению Бека 9 и 10 мая беседы преподнесли ему «горькую пилюлю», правда, упакованную в дружелюбные уверения польской лояльности к Советскому

Союзу. Польское правительство отказалось заключить с СССР обязывающее соглашение на случай германского нападения. Оно не хотело иметь с Советским Союзом ни политического, ни военного договора, ни общего одностороннего советского заявления о гарантиях. Надежды Советского правительства на заключение с Польшей пакта о взаимной помощи, таким образом, рухнули[13]. Чтобы устранить всякие сомнения у Советского правительства, польский посол в Москве Гжибовский еще раз 11 мая посетил Молотова и недвусмысленно подтвердил, что Польша не примет советское заявление о гарантиях и считает вопрос о возможной советской военной помощи в случае германского нападения преждевременным, ибо еще не закончились переговоры СССР с западными державами[14]. Советское правительство понимало, что за этой выжидательной позицией скрывалось глубокое отвращение к любому советско-польскому сближению, выходящему за рамки строго официальных отношений[15]. Поэтому для обеспечения безопасности всего польского предполья Советский Союз был вынужден искать взаимопонимания с западными державами.

Уверенность, прозвучавшую в передовой статье «Известий» от 11 мая, в тот же день сильно поколебало одно событие, которое резко ухудшило положение СССР на востоке. Там развернулось массированное японское наступление и началась русско-японская пограничная война[16]. В исключительно сложной обстановке, которую усугубил польский отказ, перед Советским правительством открылась неприятная перспектива войны на два фронта. Как следствие обозначилась повышенная потребность в укреплении безопасности. Это проявилось уже в памятной записке английскому правительству, которую Молотов передал британскому послу в Москве 14 мая. В нем решительно отклонялись английские предложения и формулировались новые условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая также Латвию, Эстонию, Финляндию. Советское правительство при этом уже ссылалось и на «опыт с Чехословакией» и требовало «заключения конкретного соглашения» между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемой государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рисковали «повиснуть в воздухе». СССР также требовал обязательного (военного) соглашения[17].

На следующий день после передачи памятной записки Советское правительство собралось на многодневное совещание относительно вновь возникшего положения, на котором заместитель министра иностранных дел Потемкин доложил о результатах своей поездки. Большая часть доклада и последующих дебатов была посвящена отрицательной позиции Польши и боям на востоке[18]. Другие вопросы касались безопасности в Прибалтике[19], поведения Англии и Германии. Совещание оказалось трудным и длительным. Предусмотренную поездку Потемкина в Женеву в Лигу Наций, заседаниями которой он дол-

жен был руководить, после долгих переносов (15 — 22 мая) вообще отменили[20].

Главная проблема по-прежнему сводилась к тому, каким образом СССР мог бы своевременно побудить Англию заключить нужный союз. Если судить на основании более поздней интерпретации (материалами совещания автор не располагает), то, по мнению советской стороны, Англия занимала по отношению к Советскому государству и его интересам «оскорбительно пренебрежительную» позицию и демонстрировала свое нежелание «признать равноправие партнеров, взаимность обязательств в качестве основы союзных отношений». Поведение Англии советская сторона объясняла стремлением «подменить действительно эффективное сопротивление надвигающейся агрессии созданием ситуации, прямо провоцировавшей вооруженное столкновение между Германией и СССР, в котором Советский Союз оставался бы практически один на один с нацизмом». Положение складывалось прямо-таки «парадоксальное. Готовясь к нападению на Польшу, фашистская Германия совершенно недвусмысленно имела в виду обеспечение тыла для войны на западе, откладывая «поход на Россию» на последующий этап своей агрессии. Непосредственная, прямая опасность грозила Западу; опасность для СССР носила пока косвенный, потенциальный характер. Разгромив и оккупировав Польшу (в быстротечности такой операции советские военные специалисты не сомневались), а также, по всей вероятности, Прибалтику, германская армия выходила на ближайшие подступы к Минску, Витебску, Ленинграду»[21]. По тактическим соображениям Германия желала (для этого у советской стороны было достаточно доказательств), чтобы СССР вел себя спокойно, и поэтому искала взаимопонимания с Советским правительством.

Третий немецкий контакт: первая беседа Шуленбурга с Молотовым

В этот трудный период внешнеполитической переориентации германский посол, все еще находившийся на совещании в Берлине, передал 17 мая Советскому правительству просьбу о встрече в возможно короткий срок с наркомом иностранных дел и его заместителем. Обе беседы состоялись в субботу, 20 мая. Предшествовавшие обстоятельства позволяли предполагать, что эти беседы станут формальным началом германо-советских переговоров[22].

Посол отправился на беседы со смешанными чувствами. Ведь он в Берлине «предсказал»[23], что усадить Советское правительство за стол переговоров будет очень трудно, хотя его и уверяли, что советское представительство в Берлине в лице поверенного в делах заявило работникам министерства иностранных дел, что советская внешняя политика строится теперь на другой основе[24]. Кроме того, Риббентроп «рекомендовал проявлять максимальную осторожность»[25]. С одной стороны, позицию Москвы на переговорах ни в коем случае нельзя бы-

ло усилить за счет слишком откровенного предложения, с другой же стороны, Токио не следовало знать о немецких контактах. Поэтому в конце концов задача посла свелась всего лишь к осторожному зондированию. Кроме того, Шуленбург знал из разговоров в Берлине, что одна из целей демарша в Москве состояла в том, чтобы торпедировать англо-франко-советские переговоры. Таков был тактический замысел, который внешне устраивал в связи с этим зондированием и министра иностранных дел и статс-секретаря и который одобрил все еще колеблющийся Гитлер. Давая свое согласие, Муссолини намеревался в первую очередь воспрепятствовать созданию союза трех держав[26]. Риббентроп не счел необходимым посвятить в эти планы своего посла в Москве. Однако посол, задавая вопросы, хорошо уяснил положение вещей. Отрицательные ответы министра[27] лишь подтвердили предположение о том, что здесь главным образом преследуются тактические цели.

Роль, отводившаяся в этой игре послу, в такой же мере противоречила его политическим планам создания прочной договорной системы, которая связала бы Гитлеру руки на Востоке, в какой она не соответствовала принципиальному пониманию Шуленбургом задач дипломатии. Возникшее между служебным поручением и собственным убеждением противоречие вынуждало посла быть чрезвычайно бдительным, что, в частности, нашло свое выражение в особой сдержанности и в тщательном выборе слов при разговоре. Как справедливо заметил Шорске, Шуленбург редко бывал таким «скованным»[28], как во время первой беседы с наркомом иностранных дел Молотовым. Проявив сугубую осторожность в разговоре и в отчетах, посол в то же самое время позаботился о том, чтобы в руки иностранцев попало как можно больше информации. Данное обстоятельство показывает, каким проблематичным представлялось ему это поручение, насколько всесторонне он оценивал последствия и в какой мере был готов разделить ответственность, связанную с возложенной на него миссией.

В его сообщениях отчетливо проступает резкий контраст между доброжелательным характером встречи (Молотов отнесся к послу «дружелюбно», а в конце даже «любезно») и резкой отповедью Молотова на немецкое предложение. Согласно инструкции, Шуленбург начал беседу[29] с заявления о готовности Германии возобновить экономические переговоры, поскольку-де прошлые трудности с поставками устранены и, кроме того, наступило улучшение общей атмосферы. Он предложил, чтобы Шнурре «в самое ближайшее время» приехал в Москву и намекнул, что, «по мнению Берлина... если я правильно понял, успешное завершение экономических переговоров улучшило бы политический климат». Этим Шуленбург дал понять, что имперское правительство хочет использовать экономические переговоры в качестве прелюдии к переговорам политическим.

Молотов ответил резко и с иронией. Он, согласно записи Шуленбурга, назвал весь ход предшествовавших экономических переговоров свидетельством того, «что германская сторона не относилась серьезно к делу, а по политическими соображениям лишь играла в переговоры».

Дескать, «новые переговоры» — это также лишь «политическая игра, а не серьезные намерения». Здесь не было никакого утрирования взглядов Молотова, который, как это следует из его собственной записи, заявил, что о приезде Шнурре в Москву слышат не в первый раз. И далее: «Я сказал затем, что у нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; что для такой игры следовало бы подыскать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР. СССР в игре такого рода участвовать не собирается».

«Подозрение» и «старое советское недоверие» к немецкой тактике и целям — так охарактеризовал посол реакцию Молотова на германское предложение. Согласно записи Молотова, Шуленбург долго пытался убедить его в том, что у германского правительства есть «определенные желания урегулировать экономические отношения с СССР... На это я ответил, что мы пришли к выводу о необходимости создания соответствующей политической базы для успеха экономических переговоров. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов»[30].

Шуленбург воспринял данное заявление главным образом как жалобу на непредсказуемый характер немецкой политики и, по словам Молотова, «снова и снова отвечал повторением того, что Германия серьезно относится к этим переговорам, что политическая атмосфера между Германией и СССР значительно улучшилась за последний год, что у Германии нет желания нападать на СССР, что советско-германский договор действует и в Германии нет желающих его денонсировать». Лишь после этого Шуленбург спросил, что следует понимать под «политической базой». Молотов уклончиво ответил, что над этим следует и немецкой и советской сторонам подумать. Это побудило посла несколько раз настойчиво просить о конкретизации заявления. Молотов, однако, от прямого ответа ушел.

Указание на отсутствовавшую политическую базу было для Шуленбурга «большой неожиданностью» (Молотов), и он поторопился передать его в Берлин. Здесь он увидел зацепку, позволяющую начать политическую дискуссию, которая отвечала бы и советским интересам.

Между тем немецкие специалисты были склонны истолковывать действия Шуленбурга как «первую конкретную немецкую реакцию на советские предложения»[31], а упоминание Молотовым «политической базы» — как первое официальное заявление о советском желании к сближению с национал-социалистской Германией[32], как приглашение Гитлеру к тому союзу, который позднее и стал пактом Гитлера —Сталина.

Важные моменты свидетельствуют, однако, что, во-первых, стремление к «политической базе» являлось выражением принципиальной советской потребности в прочных связях. В новой ситуации Советское правительство не хотело больше мириться с капризами немецкого зигзагообразного курса, с бесцеремонным отношением к себе и с насмешками в иностранной прессе. Обмен товарами и технологиями, в которых СССР теперь, как никогда раньше, действительно нуждался

для развития своей оборонной промышленности, не должен был, как прежде, «висеть в воздухе», его следовало поставить на упорядоченную и надежную основу[33]. Во-вторых, за стремлением к «политической базе» могло скрываться намерение, поддерживая переговоры, в какой-то мере способствовать стабилизации отношений и тем самым предупредить новые неожиданные потрясения. И наконец, в нем отразилась — более выпукло, чем в прежних заявлениях Астахова, — определенная готовность к установлению новых политических отношений, которая помимо желания ограничить свободу действий Гитлера, содержала некий налет политического умиротворения.

В Берлине эту формулу не без основания истолковали как выражение минимального сомнения относительно «существования политической базы для возобновления переговоров»[34].

Между тем посол с этой поры стал употреблять выражение «политическая база», для того чтобы побудить обе стороны к конкретизации намерений. Как сообщил он своему министру, «у него сложилось впечатление, что Молотов хотел бы выиграть время, не иметь с нами в настоящий момент никаких дел и при возможных политических предложениях предоставить нам право действовать первыми». То было приглашение выдвинуть конкретное предложение. Еще в Берлине Шуленбург пытался убедить Риббентропа в том, что только ясное и прямое обращение к Советскому правительству может продвинуть дело[35]. А статс-секретарю Шуленбург писал: «Если мы хотим здесь чего-нибудь достигнуть, то... неизбежно рано или поздно придется что-то предпринять». Одновременно он предостерегал от необдуманных, поспешных немецких предложений политического характера, которых следовало ожидать, учитывая лихорадочную берлинскую атмосферу. Москва могла бы их использовать, чтобы шантажировать Англию и Францию. Но от своей свободы действий — и посол это подчеркнул, ссылаясь на мнение своего итальянского коллеги, — Советское правительство откажется лишь в том случае, если Англия и Франция предложат ему «подлинный союзнический договор».

Насколько энергично посол старался выяснить интересы Советского правительства, видно из сообщений американского поверенного в делах и итальянского посла. По словам Россо, Шуленбург «настаивал на том, чтобы нарком более подробно изложил желания и намерения Советского правительства. С этой целью Шуленбург дал ему (комиссару) понять, что он как посол и исполнительная инстанция не в состоянии по собственной инициативе делать предложения или рекомендации, не одобренные уже правительством, в то время как Молотов в своем двойном качестве наркома иностранных дел и главы правительства мог бы прямо высказать соображения правительства СССР. Он (Молотов) мог бы ему в любой форме и даже неофициально сообщить такие моменты, которые бы помогли правильно истолковать советские желания»[36].

Согласно обоим донесениям, у Шуленбурга сложилось впечатление, что к возможности улучшения германо-советских отношений Молотов относится весьма сдержанно и стал бы рассматривать серьезно только конкретные немецкие предложения. Шуленбург полностью не

отвергал мнения своего итальянского коллеги, что Советское правительство пока «маневрирует», чтобы узнать, какие политические гарантии ей хочет предоставить Германия, однако его, по-видимому, больше занимал вопрос, что же Гитлер, взявший агрессивный курс, вообще еще в состоянии предложить Москве. Перед лицом демонстративной активности Гитлера, направленной на создание военного союза и Японией и Италией, для регулирования отношений с СССР, казалось, не оставалось уже ни политической воли, ни достаточного пространства. И это тем более, что «в лучшем случае от СССР можно было бы добиться лишь официального договора о ненападении»[37], который предохранил бы от войны с Германией.

Состоявшиеся беседы послужили толчком для развития по трем направлениям. Германский посол, искавший способа пойти навстречу желаниям Советского правительства, смог воспользоваться для этой цели формулировкой Молотова относительно необходимости «политической базы». «Сердечные отношения» Шуленбурга с Россо[38] оказались на таком уровне, что оба посла признали необходимость заключения пакта о ненападении между СССР и странами «оси» и, согласуя свои действия, приступили к решению этой задачи. И наконец, западные державы, извещенные о попытках улучшения отношений, имели возможность своевременно принять соответствующие контрмеры[39].

Главная трудность состояла в том, чтобы создать «политическую базу», которая в действительности не давала бы Советскому правительству никакого повода для недоверия. Следовало достичь прочного и надежного, а не просто тактического урегулирования взаимных отношений. В тот момент у посла на этот счет не было никаких надежд. Так, в воскресенье, 21 мая, в частном письме он жаловался на «массу бессмысленной работы», которую ему предстояло проделать в Москве. И ее результаты он оценивал скорее пессимистически. «В субботу, — писал Шуленбург, — я разговаривал с Молотовым и Потемкиным. Как я и предполагал, наши дела чрезвычайно трудны. Мне еще предстоит много сделать, и весьма сомнительно, чтобы чего-то вообще удалось достигнуть»[40].

Пожелания посла — прежде чем подступаться к Советскому Союзу с дальнейшими конкретными предложениями следует «подумать» о «политической базе» этих отношений — не встретили понимания в Берлине. В лихорадочной, крайне нервозной атмосфере Вильгельмштрассе, полной нравственных и рабочих перегрузок при постоянной нехватке времени, не было места для трезвой оценки данной формулировки.

Все равно в тот момент Риббентроп не считал, что уже настало время «бороться за благосклонность Сталина»[41], ибо поступившие из-за границы вместе с докладом Шуленбурга сообщения казались ему благоприятными. В Англии премьер-министр Чемберлен как раз 20 мая пришел к выводу, что он скорее «подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»[42], а полпред Майский заявил в газете «Таймс», что «в свете последних английских высказываний у его правительства нет никаких

надежд на подписание соглашения»[43]. Встреча между Галифаксом и Боннэ/Даладье, состоявшаяся в тот же день в Париже, не обещала единства в ближайшее время, хотя французская сторона, ссылаясь на опасность *полного советского поворота,* настаивала на заключении соглашения между тремя государствами[44]. Из Японии посол Отт докладывал, что военный министр Итагаки теперь, девять дней спустя после начала Японией военных действий на монгольской границе, неожиданно сообщил о решении Японии вступить в запланированный военный пакт[45]. Восемь дней спустя эта информация не нашла подтверждения. Вместе с тем беседы, проведенные Риббентропом и Гитлером с литовским министром иностранных дел и посланником в связи с подписанием экономического соглашения[46], в известной мере гарантировали, что Прибалтийские государства будут послушно держаться германских интересов. Изоляция Польши от Литвы казалась обеспеченной. Наконец, предстоявшее торжественное подписание «стального пакта» вызывало у Риббентропа обманчивое представление о своей возросшей мощи, которое еще больше усилилось после помпезного японского поздравления «с событием всемирно-исторического значения»[47].

Под впечатлением этих представлений о собственной силе Риббентроп просто не воспринял серьезно упомянутую в докладе Шуленбурга сдержанную позицию Советского правительства, а решил при первой возможности отстранить «закоснелого», излишне принципиального и цепляющегося за слова старого посла в Москве, а в качестве посредников для контактов с советской стороной использовать частных промышленников[48]. К тому времени он уже не сомневался, что рано или поздно ему понадобится подходящая линия связи с Советским правительством. Как сообщил Кулондр 22 мая французскому министру иностранных дел[49], Риббентроп считал сближение между Германией и Россией с точки зрения длительной перспективы «насущным и неизбежным. Это отвечало самой природе вещей и сохранившимся в Германии традициям. Только такое сближение позволило бы окончательно разрешить германо-польский конфликт путем ликвидации Польши на манер Чехословакии». Риббентроп придерживался мнения, что польское государство самостоятельно долго не в состоянии существовать, что «ему все равно суждено исчезнуть, будучи вновь поделенным между Германией и Россией». Поэтому для Риббентропа «идея такого раздела была самым тесным образом увязана с германо-русским сближением». Важнейшая цель такого сближения состояла в том, чтобы «ослабить британское могущество». Как полагал Кулондр, то была «главная задача», «навязчивая идея, над воплощением которой Риббентроп начал неутомимо, с упрямством фанатика работать». При этом он надеялся, «что германо-советские согласованные действия позволят рейху однажды нанести смертельный удар могуществу Британской империи».

По сведениям французского посла, поначалу идея сближения с Россией Риббентропа натолкнулась на сопротивление Гитлера, который считал, что по идеологическим соображениям переключить германскую политику на Москву будет трудно. Однако, по словам посла, мысль Риббентропа поддержали многие руководители вермахта и

крупные промышленники. И даже сам Гитлер отдал дань этой тенденции, смягчив свою антибольшевистскую позицию.

«Как видно, — писал французский посол, — одна из ближайших целей, которой желают достигнуть, заключается в том, чтобы в случае раздела Польши Россия взяла на себя такую же роль, какую Польша сыграла в Чехословакии. Более отдаленная цель состоит в том, чтобы использовать огромные материальные и людские ресурсы СССР для разгрома Британской империи».

В тот момент, однако, к идеологическим колебаниям Гитлера добавился и страх, что русские могут ответить отказом. Гитлер, который, как видно, воспринял доклад Шуленбурга более серьезно, чем его министр иностранных дел, «боялся неудачи, опасался, что из Москвы под громкий смех последует отказ»[50]. Поскольку Риббентроп планировал дальнейшие контакты в обход Шуленбурга[51], а Гитлер вновь заколебался, не в последнюю очередь из-за страха перед *отказом*[52], статс-секретарь фон Вайцзеккер получил указание всяческие связи немедленно приостановить. Поэтому он 21 мая сообщил Шуленбургу по телеграфу, что из «результатов Ваших контактов с Молотовым вытекает необходимость проявить сдержанность и подождать, не заговорят ли русские более откровенно». Послу было сказано «впредь до особого распоряжения... вести себя соответственно»[53].

Несколько дней спустя Вайцзеккер в личном письме Шуленбургу разъяснил причины внезапного прекращения контактов. По его словам, германское руководство «считает, что англо-русскую комбинацию не так-то просто предотвратить. Но все-таки и нынче имеется достаточно пространства для переговоров, в рамках которого мы могли бы, высказываясь конкретнее, тормозить и создавать помехи. Правда, вероятность успеха оценивается здесь (Гитлером. — *И.Ф.*) довольно низко, поэтому следует еще раз взвесить, не принесет ли слишком откровенный разговор в Москве больше вреда, чем пользы, и не вызовет ли лишь гомерический хохот. При оценке всех этих соображений учитывалось и то обстоятельство, что постепенное примирение между Москвой и Токио (одно из звеньев этой цепи) японцы назвали в высшей степени проблематичным. Рим также проявил сдержанность, так что в конце концов решающими оказались недостатки хорошо задуманного шага»[54].

Вайцзеккер сожалел, что резкая перемена во взглядах его шефов прервала едва начавшиеся контакты. Разочарование все еще ощущалось, когда через два дня, 23 мая, посол в отставке фон Хассель пришел к нему в министерство[55]. Вайцзеккер выглядел «постаревшим и усталым. Главное для него — избежать войны». Правда, настроен он был «в этом отношении... теперь оптимистичнее... (Вайцзеккер), как видно, не очень верил в англо-французский союз с Советской Россией».

Сильнее задела посольство в Москве директива от 21 мая, ибо содержала явную недооценку возможностей, открывающихся перед германской стороной с выяснением смысла выражения «политическая база». В своей практической деятельности посол игнорировал это указание. Как позднее Шуленбург сообщил Вайцзеккеру[56], в срочном по-

рядке он стал искать повода, чтобы «еще раз переговорить с господином Потемкиным о германо-советских отношениях. Я ему сказал, что ломал голову над тем, что нужно сделать положительного, чтобы претворить в жизнь выраженные господином Молотовым мысли. Между Германией и Советским Союзом нет никаких... спорных моментов... никаких разногласий... Я просил господина Потемкина, с которым с глазу на глаз могу говорить значительно свободнее, не может ли он теперь что-нибудь сказать о соображениях господина Молотова. Господин Потемкин ответил отрицательно...».

Посла такой ответ не обескуражил. Ввиду запутанной ситуации в Берлине он подумывал о том, чтобы отправиться в столицу и там добиться разъяснений. Ясно представляя себе собственное положение, он 29 мая писал в Берлин в частном порядке: «Наши важные дела сталкиваются здесь с большими трудностями, но не по нашей вине. Основные препятствия — в Берлине или, если угодно, в общем состоянии мировой политики. Нужно подождать, как все будет развиваться дальше. Пока я еще не могу сказать, когда снова приеду в Берлин. Это может случиться очень быстро и неожиданно»[57].

Четвертый немецкий контакт: Вайцзеккер — Астахов

Уже через два дня после указания о необходимости «проявлять сдержанность и подождать, не заговорят ли русские более откровенно», на Вильгельмштрассе были вынуждены срочно снова взять курс на достижение взаимопонимания. В который раз скоропалительное военное планирование Гитлера породило ощущение глубокого кризиса.

Неприятные чувства, овладевшие немецкими военными руководителями, побудили Гитлера после завершения не совсем удавшихся празднований по поводу заключения «стального пакта» внезапно созвать 23 мая в рейхсканцелярии многочасовое совещание командующих видами вооруженных сил и начальников штабов[58]. Ввиду общей тревоги, которую Гитлер в те дни мог без труда заметить, - «стальной пакт» явился для многих свидетельством крушения его стараний по созданию военного тройственного союза[59] - он стремился придать военным «решимости» к действию. На этот раз он взывал к их патриотизму. «Ни один немец, — говорил Гитлер, — не может обойти вопрос о создании необходимых предпосылок» для решения экономических проблем «80-миллионной массы». А это невозможно «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества». В приобретении необходимого жизненного пространства «достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя... Определение границ — дело военной важности». Первой, по словам Гитлера, должна исчезнуть Польша — извечный враг Германии. Затем последует «решение балтийской проблемы». «Дело не в Данциге, — заявил он. — Проблему Польши невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом. Внутренняя устойчивость Польши по отношению к большевизму сомнительна. Поэтому Польша является маловероятным барьером против России...

Польский режим не выдержит давления России. В победе Германии над Западом Польша усматривает угрозу для самой себя и пытается лишить нас этой победы. Поэтому польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу. О повторении чешского варианта нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача в том, чтобы изолировать Польшу. Ее изоляция имеет решающее значение. Поэтому фюрер должен резервировать за собой право на окончательный приказ о начале действия. Изоляция Польши — это вопрос умелой политики». После этого вывода Гитлер сразу же перешел к России и, используя известные ему места из заявления Молотова Шуленбургу, сказал: «Экономические отношения с Россией возможны лишь тогда, если улучшатся политические отношения. В публикациях прессы наблюдается осторожная позиция. Не исключено, что Россия воспримет с безразличием разгром Польши. Если Россия будет и дальше выступать против нас, то отношения с Японией могут стать теснее, Союз Франция — Англия — Россия против Германии-Италии — Японии заставит меня нанести Англии и Франции ряд уничтожающих ударов». Отвечая на вопрос, будет ли война короткой или длительной, Гитлер рекомендовал руководящим органам государства «ориентироваться на войну длительностью в 10 — 15 лет».

В заключение он предостерегал от «предательства» и требовал строжайшего «обеспечения секретности... также по отношению к Италии и Японии...».

Впервые Гитлер не включил в круг врагов Россию. Возможно, что он учитывал настроения военных. Он ведь знал, что люди с традициями рейхсвера были склонны рассматривать Россию в качестве главного препятствия на пути Германии к победе, и хотел предупредить и заранее опровергнуть их доводы. Таким же образом Гитлер в своем многочасовом монологе стремился создать впечатление, будто он понимает опасность войны на два фронта.

За эти дни Гитлер, как видно, изменил свое прежде невысокое мнение о советской военной мощи. Примерно через неделю после выступления он потребовал от Браухича и Кейтеля еще раз изучить вопрос «о возможности в нынешних условиях благоприятного исхода для Германии тотального конфликта»[60]. Оба заявили, что ответ зависит от неучастия или участия России в таком конфликте. Для первого случая Кейтель ответил безоговорочным «да», а Браухич употребил слово «вероятно». Вместе с тем оба в один голос заявили, что войну, в которой придется сражаться против России, Германия, по всей вероятности, проиграет.

Схожие выводы поступали Гитлеру и от других военачальников. Так, якобы по сообщениям, полученным в это время английским военным атташе в Берлине Мэсон-Макфарлейном[61], бывший командующий сухопутными войсками генерал-полковник в отставке барон Вернер фон Фрич примерно за две недели до этого (то есть где-то 10 мая) направил полное беспокойства письмо одному из «крупнейших фигур в нацистской иерархии». В нем он указал, что ввиду трудного положения, в которое Гитлер завел Германию, решение может быть толь-

ко одно: сближение с Россией. Руководитель немецкой военной разведки в первую мировую войну полковник Николаи, который, по слухам, в военных вопросах все еще имел некоторое влияние на Гитлера, также «изо всех сил советовал сближаться с Россией».

По наблюдениям французского посла[62], на Вильгельмштрассе в тот момент преобладало мнение, что Гитлер начнет войну против Польши, если это не будет связано с риском войны и против России, в противном же случае опасность такой войны его могла бы отпугнуть. Кулондр не сомневался, что Риббентроп подталкивал Гитлера к сделке со Сталиным. Кулондр не понял, чтоРиббентроп сам находился под солидным давлением дипломатов «старого» министерства иностранных дел.

Сообщения, поступившие в Форин оффис из Берлина и из Москвы (через Вашингтон), заставляли и здесь насторожиться. Утром 24 мая 1939 г., на другой день после воинственного монолога Гитлера перед высшими военными чинами, лорд Галифакс предостерег английский кабинет от опасности германо-советского *сближения.* Он попытался убедить его членов, что тройственный пакт скорее напугает Гитлера, чем побудит его к войне. Впервые после начала переговоров в кабинете обозначился консенсус в пользу трехстороннего союза с участием СССР. Чемберлен не мог больше упираться. В тот же день он сделал в английской нижней палате всеми ожидавшееся заявление о том, что есть все основания надеяться «на достижение в ближайшее время полного согласия»[63].

До того момента Гитлер колебался, стоит ли попытаться сблизиться с Россией. Когда же «Чемберлен 24 мая заявил, что по важным пунктам с Советским Союзом... в общих чертах достигнута договоренность, (Гитлер) решился... все-таки сделать... шаг к сближению»[64]. В тот же день Вайцзеккер получил указание узнать через посольство в Москве, когда полпред Мерекалов возвратится в Берлин. Смысл поручения был ясен: в Берлине на высоком уровне, в обход германского посольства в Москве, задумали предпринять еще одну попытку помешать (слова Вайцзеккера) или воспрепятствовать (Риббентроп) переговорам трех держав путем (тактического) сближения с Советским правительством. 25 мая Шуленбург ответил, что Мерекалов, будучи депутатом, участвует в заседаниях Верховного Совета, которые только что начались и предположительно продлятся десять дней[65]. Это было (сознательное?) преувеличение: третья сессия Верховного Совета намечалась на период с 25 по 31 мая. Окончательный срок пребывания Мерекалова в Москве не указывался.

Получив телеграмму от Шуленбурга, Вайцзеккер в тот же день (25 мая) в предназначенной для Риббентропа докладной записке (которая могла попасть и к Гитлеру) изложил свои соображения по вопросу сближения с Россией[66]. Начиналась она с выражения опасения, что «англо-русские переговоры приближаются к завершению». По мнению Вайцзеккера, нужно было «не допустить, чтобы русско-англо-французские отношения приняли еще более обязывающий характер». Он указал на все еще существующее в германо-русских отношениях «пространство для действий». Учитывая, что немецкая акция в Москве

только тогда будет иметь значение, если «русские воспримут ее как серьезную», Вайцзеккер, во-первых, предложил направить в «русское министерство иностранных дел» не посла, а Густава Хильгера, где он, упомянув свои предварительные экономические планы, мог бы «лично от себя в произвольной форме» заявить, что «он не хочет касаться политики, но считает, что между Германией и Россией остаются открытыми все возможности». Это была бы абсолютно неофициальная форма контактов. Во-вторых, итальянского посла в Москве, Россо, следовало попросить «подходящим образом сообщить о немецкой готовности к германо-русскому контакту». В-третьих, Риббентропу было бы нужно по возвращении полпреда Мерекалова из Москвы побеседовать с ним. (Ответная телеграмма Шуленбурга сняла третье предложение.)

Риббентроп остался этими предложениями недоволен, они требовали слишком много времени. 25 мая он вызвал к себе статс-секретаря вместе с начальником юридического отдела министерства иностранных дел и специалистом по международному праву д-ром Фридрихом Гаусом в свою летнюю резиденцию (имение Зонненбург близ Фрайенвальде-на-Одере), где он, к неудовольствию статс-секретаря, как нарочно именно в это лихорадочное предвоенное лето часто «неделями» уединялся. Привлечение Гауса, который пользовался доверием Риббентропа и нередко беседовал с ним один на один, хотя Риббентроп уже давно избегал «полезных разговоров»[67] с другими высокопоставленными чиновниками, свидетельствовало о том, что министр иностранных дел намеревался сформулировать окончательный текст документа, имеющего важное международное значение. Все сложные и значимые с точки зрения международного права документы для Риббентропа готовил Гаус[68].

Риббентроп сообщил обоим высокопоставленным чиновникам, что «Адольф Гитлер с некоторых пор подумывает о том, чтобы попытаться наладить между Германией и Советским Союзом договорные отношения. По этой причине... в последнее время в германской прессе прекратилась острая критика Советского Союза. Сперва нужно попытаться поднять перед Советским правительством в обычной дипломатической манере какой-нибудь безобидный, но неотложный вопрос, чтобы убедиться в том, что оно готово вести с имперским правительством деловой разговор. При известных условиях за разговором последовали бы далеко идущие политические беседы, позволяющие выяснить возможность заключения между двумя странами хотя бы временного соглашения... Господин фон Риббентроп поручил мне подготовить проект инструкции германскому послу в Москве и дал в этой связи целый ряд подробных указаний. Статс-секретарь и я тут же в Зонненбурге составили соответствующий проект, который господин фон Риббентроп в некоторых пунктах подправил, намереваясь представить на утверждение Гитлеру»[69].

Вечером 25 мая или утром 26 мая 1939 г. Вайцзеккер отправил этот документ из министерства иностранных дел телеграммой Шуленбургу как предписание Риббентропа[70]. Она начиналась словами: «Поскольку последние сообщения указывают на то, что англо-русские переговоры о

пакте... в ближайшее время могут привести к положительному результату, представляется целесообразным, продолжая беседы с русскими, проявить больше активности, чем прежде намечалось». Послу поручалось «при первой же возможности посетить Молотова и переговорить с ним по следующим вопросам». Далее следовало чрезвычайно пространное, состоящее из одиннадцати пунктов заявление о немецкой готовности к улучшению отношений с СССР. Оно в значительной мере предвосхитило германское послание, которое было передано в августе 1939 г. и привело к заключению пакта. В заявлении проводилось разграничение между определяемой противоположными предпосылками внутренней политикой обеих стран и «формированием внешнеполитических отношений» и таким образом как бы разделялись позиции Советского правительства. Документ отрицал наличие действительно противоречивых интересов во внешней политике и полагал целесообразным «нормализовать» германо-советские отношения. В том случае, если Москва посчитала бы эти стремления Германии «лишь временным тактическим ходом» (здесь учитывались неоднократные советские возражения), следовало напомнить об отказе от Закарпатской Украины в пользу Венгрии, что, дескать, свидетельствовало об отсутствии у Германии экспансионистских устремлений. В инструкции утверждалось, что германская политика союзов направлена не против СССР, а исключительно против Англии, но вместе с тем в ней со скрытой угрозой подчеркивалась необходимость «укрепления германо-японских отношений». Однако, — и в этом заключалось предложение, которое должно было заинтересовать СССР ввиду расширявшейся пограничной войны с Японией, — Германия полагала, что всегда будет в состоянии способствовать преодолению японо-русских противоречий. Центральным пунктом инструкции являлся вопрос о Польше. В ней указывалось, что существующие «разногласия... известны», что проблемы Данцига и коридора должны быть «когда-нибудь решены», но что «добиваться этого решения военными средствами» не планируется. «Если же, — говорилось далее, — вопреки нашему желанию дело дойдет до военных осложнений с Польшей, то, по нашему твердому убеждению, это ни в коем случае не должно привести к столкновению с интересами Советской России. Мы можем уже сегодня сказать, что при урегулировании тем или иным способом немецко-польского вопроса русские интересы по возможности будут учитываться. С чисто военной точки зрения Польша вообще не представляет для нас никаких проблем. Исходя из существующего положения вещей, военного решения можно добиться в столь короткий срок, что всякая англо-французская помощь представляла бы собой чистую иллюзию».

Вторая половина инструкции имела целью доказать Советскому правительству, как мало принес пользы союз с западными странами и насколько выгодным было бы сближение с воинственной Германией. Документ внушал, что Англия, верная своей «традиционной политике... загребать жар чужими руками», хочет использовать Советский Союз в собственных империалистических целях. То была грубая игра на советских страхах и чувствах неполноценности. Впрочем, и вся инс-

трукция являлась ярким примером лицемерия и политического ханжества. В ней притворная покровительственная забота сочеталась с неприкрытыми угрозами, а традиционный немецкий патернализм по отношению к отсталой России — с бестактным панибратством.

В конце инструкции послу предписывалось: в случае, если не удастся «быстро добиться» беседы с Молотовым, провести ее с Потемкиным или «еще лучше... организовать через Хильгера и Микояна». Возможно, главной причиной столь необычного предложения послужил тот факт, что в разговоре с Потемкиным (по-французски) и с Микояном (по-русски) отсутствовал бы языковый барьер, и это позволило бы сделать речь более проникновенной и убедительной. Инструкция заканчивалась указанием беседы «вести только устно» и не передавать «ничего в письменном виде». В указании отразилось сознание неискреннего характера заявления и желание ничем себя не связывать в процессе «ухаживания» (слова Вайцзеккера).

Сегодня можно лишь приблизительно ответить на вопрос о том, что побудило Вайцзеккера и Гауса согласиться на этот грандиозный, явно обманный маневр. Что касается Гауса, то здесь, конечно же, решающую роль сыграл тот факт, что его жена была еврейкой, и ему стоило больших усилий благополучно провести ее через смутное время расовых преследований. Не в последнюю очередь это удавалось потому, что он внешне демонстрировал абсолютную сговорчивость.

В случае с Вайцзеккером ответить сложнее. Ведь его живой ум зондировал различные возможности. В этот момент у него, очевидно, на первом месте стояли следующие соображения тактического плана, ориентированные на конфигурации традиционной германской имперской политики: «Советский Союз серьезно обхаживают. С апреля или мая 1939 г. на горизонте обозначились контуры нового тройственного союза, похожего на тот, который складывался перед первой мировой войной и которому Бисмарк так искусно воспрепятствовал... Если бы Гитлер так же успешно включился и помешал бы, то это отрезвило бы горячие польские головы. Без прикрытия с тыла помощь Англии и Франции представляла бы для Варшавы незначительную ценность». Можно согласиться с Вайцзеккером, который подчеркнул, что «в судорожных планах Гитлера просматривается намерение прекратить ссору со Сталиным»[71]. Он не искал параллели с русско-германским «Перестраховочным договором» 1887 г., и у него не было намерения сравнивать Гитлера с Бисмарком. Предпосылки были иные, да и цели обоих договоров совпадали лишь на ближайшее время, а с точки зрения длительной перспективы они были прямо противоположными. Однако в обстановке страха перед большой войной и стремления к ревизии границ для Вайцзеккера — именно с учетом Польши — главными являлись принципы имперского мышления Бисмарка.

Объемистую инструкцию доложили Гитлеру 26 мая. Ее чересчур откровенный характер сразу же воскресил прежние колебания. Его охватило сомнение, «созрело» ли время для столь определенного предложения Советскому правительству.

Видя колебания Гитлера, Риббентроп стал искать поддержки у союзников. В тот же день он пригласил в Зонненбург японского посла и во время беседы с ним несколько раз взволнованно говорил по телефону с итальянским послом в Берлине. Центральной темой обоих разговоров была «озабоченность Риббентропа по поводу прогресса в переговорах относительно англо-франко-русского союза»[72]. Министр иностранных дел стремился склонить союзников к тому, чтобы «не смотреть, сложа руки, на действия врагов «оси», а на всякую акцию отвечать акцией, на давление — давлением. «Почему, — убеждал Риббентроп, — Советская Россия прислушивается к Англии и Франции? Да потому что боится Германии и Японии. В таком случае нужно дать России понять, что у нее не будет причины опасаться той или другой стороны... (если она) не станет связывать себя с Англией и Францией». Сначала Риббентроп предложил совместную японо-германскую акцию в Москве. Однако ввиду японо-советской войны на востоке это предложение показалось столь необычным, что было сразу же отклонено. Осима заявил, что любые авансы подобного рода из-за глубокого недоверия русских дали бы в Москве обратный эффект, а в Токио исчезли бы симпатии к «оси», в том числе и среди военных, а следовательно, предпосылки для заключения тройственного пакта.

Итальянский посол поддержал японские доводы и подчеркнул, что «любые *авансы*, всякая навязчивость с нашей стороны» лишь побудят Кремль к тому, чтобы подороже предложить свой товар в Лондоне или Париже. Аттолико рекомендовал Риббентропу вместо этого, используя ситуацию, оказать давление не на Россию, а на Японию и растолковать Токио, что взаимопонимание с «осью» должно быть достигнуто «теперь или никогда». Оба разговора ни к чему конкретному не привели. Риббентроп обещал Аттолико в вопросе сближения с Россией — «при сохранении за собой права на изменение решения» — подчиниться желаниям союзников и пока оставить этот вопрос; он обещал далее срочно повлиять на Японию. У Аттолико сложилось впечатление, «что Риббентроп, по крайней мере какое-то время, решил не настаивать на прямом сближении с Россией»[73]. Однако сделанная Риббентропом «оговорка» заставила его задуматься.

Отрицательное отношение обоих союзников, видимо, усилило колебания Гитлера. Вопреки ожиданиям[74] он тогда же не одобрил инструкцию. Насколько известно Гаусу, «инструкцию не отправили... так как Гитлер нашел ее чересчур прямолинейной»[75]. Вайцзеккер в тот же вечер 26 мая телеграфировал послу, что, несмотря на имевшиеся другие соображения, остается в силе прежнее «распоряжение об абсолютной сдержанности»[76]. При этом он сослался на обмен мнениями с японским и итальянским послами, но не указал на безусловно решающее мнение Гитлера. На следующее утро он приобщил первую инструкцию послу с пометкой «отложить» к делу[77].

Но уже 27 мая новые известия о прогрессе на англо-франко-русских переговорах заставили Риббентропа «изменить решение». В этот день британский посол в Москве сэр Вильям Сидс и французский поверенный в делах Жан Пайяр вручили наркому иностранных дел Молотову

новые предложения по пакту, впервые в форме совместного проекта, который при всей обусловленности (например, увязывание со ст. 16 устава Лиги Наций) по крайней мере демонстрировал определенную готовность согласиться на обсуждение трехстороннего пакта о взаимной помощи в случае прямой агрессии[78].

В воскресенье, 28 мая, Риббентроп попытался сориентироваться в новой обстановке. Утром в понедельник, 29 мая, он вновь связался по телефону с Аттолико[79]. Теперь он искал согласия Италии на «прямое посредничество» в Москве в интересах Германии. Ему представлялось, что министр иностранных дел Чиано мог бы уполномочить итальянского посла в Москве встретиться с Потемкиным под предлогом общей просьбы относительно информации о ходе переговоров с Англией и как бы между прочим дать понять, что было бы жаль, если бы Россия окончательно связала себя с Англией в тот момент, когда в Берлине стали заметны несомненные признаки благоприятного развития ситуации. Поскольку Аттолико не проявил готовности согласиться на подобное предложение, «Риббентроп, — по словам Аттолико, — настоял на том, чтобы я отправился к нему для окончательного обсуждения вопроса, однако без консультации с Римом».

Риббентроп не забыл пригласить приехать в Зонненбург также и своих помощников в вопросе сближения с Россией — Вайцзеккера, Гауса и Шнурре. Он надеялся, что их доводы помогут добиться итальянского участия в осуществлении конкретных контактов с Москвой. В отказе Японии он не сомневался. По этой причине Риббентроп с данного момента перестал ставить в известность японскую сторону о процессе сближения. «От наших друзей, — писал Вайцзеккер уже после начала войны, вспоминая допущенные в то бурное лето ошибки, — мы уже не принимали никаких советов. Теплые отношения Риббентропа с Осимой становились все холоднее по мере того, как мы заигрывали с русскими... Мы пересели на русскую лошадку и сумели... быстро отдалить себя от японцев»[80].

Встреча в понедельник на Троицу в Зонненбурге стала исходным пунктом нового немецкого контакта[81]. Обсуждение 29 мая плана действий проходило под знаком «дальнейшего продвижения» (Вайцзеккер, Шнурре) в сторону Советского Союза. Возможность положительной реакции СССР на немецкую попытку достичь политического взаимопонимания оценивалась пессимистически (Шнурре). Итальянский посол не был склонен взять на себя отведенную ему роль и, если судить по его отчетам, демонстративно принимал позу нейтрального советчика. На его вопрос о результатах контактов Шуленбурга с Молотовым Риббентроп, Вайцзеккер и Гаус в один голос ответили, что «после внимательного изучения» они сочли ответ Молотова «довольно загадочным» и полагают, что Молотов «просто отговорился, когда заявил, что для возобновления переговоров «отсутствует необходимая политическая база», — впечатление, пожалуй, верное, хотя перспектива и искажена. Здесь Аттолико обратил внимание на то, что ответ можно было интерпретировать и в обратном смысле, то есть как «приглашение Германии представить предложе-

ния политического характера». Такую возможность Риббентроп и Вайцзеккер «категорически отрицали». Аттолико заметил, что он не видит, каким образом происходящие под давлением существующих политических условий и поставленных целей, а потому неизбежно ограниченные, прямые или косвенные немецкие контакты за короткое время могли бы дать лучшие результаты. Подобное рассуждение (несмотря на непонимание того, что время торопит) означало, по сути, поощрение немецкой стороны продолжать в том же направлении. Поэтому к концу условились, что Вайцзеккер на следующий день попытается переговорить с советским поверенным в делах в Берлине. Предлогом должен был послужить нерешенный вопрос о дальнейшем пребывании советского торгового представительства в Праге. Заверив в готовности германского правительства охотно пойти навстречу, Вайцзеккер заявил бы далее, что оно, однако, не понимает, как подобное урегулирование согласовывалось бы с фактическим отказом Молотова возобновить экономические переговоры, переданным послу Шуленбургу... После этого Вайцзеккеру следовало намекнуть на предшествовавшие беседы с представителями Советского правительства относительно «нормализации» отношений и подчеркнуть, что с немецкой стороны, особенно после ухода Литвинова, нет никаких непреодолимых препятствий, но что Германия, прежде чем принять решение, должна знать действительные намерения России... Таковыми были, по словам Аттолико, «инструкции Риббентропа».

Они, писал позднее Вайцзеккер[82], предусматривали что-то большее, чем простой «зондаж у советского поверенного в делах в Берлине». С одной стороны, советскому представителю на встрече в первый раз ясно дали понять, что она санкционирована самим Гитлером[83]. С другой стороны, по форме и содержанию она была спланирована таким образом, чтобы с помощью обольщения, угрозы и предостережения заставить Советское правительство высказаться. Это, в частности, явствует из двух записок, составленных, вероятно, в тот же день в Зонненбурге, в которых определялся образ действий Вайцзеккера на встрече, запланированной на следующий день. Одна из этих записок[84] принадлежит, по-видимому, перу Гауса, другую же, должно быть, составил сам Вайцзеккер[85] как памятку. Пометки на полях, сделанные рукой Вайцзеккера, содержат инструкции относительно поведения на отдельных этапах беседы. Так, например, указав на то, что, по мнению немцев, «агрессивное продвижение идеи мировой революции не является больше составной частью нынешней советской внешней политики», ему затем следовало предложить, чтобы обе стороны «не вмешивались во внутреннюю политику друг друга»; рассуждая о возможностях «постепенной нормализации германо-советских отношений», он должен был упомянуть «Украину», то есть напомнить об отказе Гитлера от Закарпатской Украины в качестве доказательства его миролюбия. Потом Вайцзеккеру нужно было «ледяным» тоном, угрожая, вставить, что, дескать , «Советскому правительству самому судить, сохранилось ли при нынешнем состоянии англо-советских переговоров еще и пространство для разговоров с Германией».

Эти маргиналии появились в соответствии с пожеланиями или под прямым влиянием Гитлера. Ибо 18 июля 1939 г. Вайцзеккер записал в дневнике: «Игра последних дней — отношение к России и Японии. Россия сегодня еще очень слаба, но высоко котируется на международной бирже. Мы делаем авансы. Сам я 14 дней назад, согласно личному указанию фюрера, сказал поверенному в делах, что они, если пожелают, могут стать нашими друзьями или врагами. Однако русские все еще питают сильное недоверие»[86].

После войны Вайцзеккер подчеркивал, что переговоры он «вел охотно», ибо «на протяжении всего национал-социалистского периода не мог понять, почему мы сами давали повод нашим многочисленным противникам строить свою политику, исходя из непоколебимой уверенности в германской вражде по отношению к России. Поэтому надежда в нашем теперешнем столь затруднительном положении исправить эту ошибку казалась заманчивой». При этом он полностью осознавал двусмысленность подобной формы сближения. С одной стороны, он, разделяя аргументы германского посольства в Москве, видел в попытке «уменьшения напряженности с Россией... действенную внешнюю политику», которая полностью отказывалась от внутриполитических доктрин и могла способствовать сохранению мира. Быстрого сближения, выходящего за рамки «нормальных немецко-русских отношений», он не ожидал и не считал желательным. В основе его интереса к России лежало, как он считал позднее, чисто (оборонительное) намерение — предотвратить направленный против Германии тройственный союз. С другой же стороны, он знал, что замыслы Гитлера были совершенно иными. «Когда после всей брани Гитлер старался протянуть Сталину руку», в виду имелся «наступательный план». «С прочным германо-советским договором в кармане он мог... вполне показать, что теперь путь на Варшаву свободен, что Польша стала его собственностью. Таким образом, при складе ума Гитлера... опасность для мира возникала в тот момент, когда он отказывался от вражды с Россией». С точки зрения Вайцзеккера, проблему создавала не нормализация отношений, а фактическое далеко идущее сближение. «С началом сближения, — писал он. — Гитлер уже не смог бы обращать жадные взоры к советской территории. С другой стороны, Гитлер не мог удовлетворить свои аппетиты за счет польской территории до тех пор, пока у него не было полной уверенности относительно позиции Москвы». По мнению статс-секретаря, «для мира... было бы лучше неопределенное положение, при котором Москва не пришла бы к окончательному соглашению ни с западными странами, ни с Гитлером. Такое неопределенное положение помогло бы пережить лето и выиграть время. Зимой же даже Гитлер не смог бы начать войну. А там было бы видно»[87].

Утром во вторник (30 мая) по просьбе Вайцзеккера на Вильгельмштрассе пришел Астахов. Он был готов к какому-то конкретному шагу в направлении сближения. Тремя днями ранее Астахов в подробном отчете проинформировал Молотова относительно наиболее часто обсуждавшихся в то время проблем[88]. Последнее место после вопросов, касавшихся секретных соглашений к «стальному пакту», перспектив

германо-польского конфликта, сроков начала войны или же международно-политического кризиса, занимал вопрос о возможности улучшения советско-германских отношений. Правдоподобность высказанных суждений Астахов оценивал довольно низко. Точных сведений было мало, да и те нередко оказывались чистыми выдумками или «прямой дезориентацией, на которую немцы такие мастера». В то время как, по общему мнению, нападение на Польшу планировалось осуществить в начале сентября, а саму Польшу больше, чем война, пугала возможность каких-либо английских компромиссных маневров, «мюнхенское разрешение вопроса», множились слухи о германо-советском сближении. «Немцы не скупятся на фабрикацию слухов самого сенсационного характера», в том числе и о поездке чехословацкого генерала Яна Сыровы в Москву, которые повергают в «трепет ряд легковерных дипломатов». «Я не знаю, — писал Астахов, — делал ли какие-нибудь авансы Шуленбург в Москве, но здесь единственным заслуживающим внимания фактором остается изменение тона германской прессы». Она, дескать, возлагая главную вину за «окружение» Германии на Англию, в последнее время демонстрирует «респект» в отношении советской территории и подает акцию советской дипломатии по аландскому вопросу как защиту района Балтийского моря от английских интриг. Подводя итог, Астахов подчеркнул, что «эта тактика заигрывания прессы сама по себе ни к чему немцев не обязывает, переменить же ее они могут в любой момент, и она не может служить доказательством серьезного изменения их политики в отношении нас, если они не подкрепят ее какими-либо более конкретными демаршами. Сделают ли они это?» В заключение Астахов высказал предположение, что «ухудшающаяся международная обстановка и толкает (немцев) в эту сторону».

Неожиданное приглашение на троицын день к статс-секретарю подтвердило это предположение. Если оставить в стороне уже стандартный для немецких переговоров о сближении предлог советских экономических интересов в Праге, то, судя по записям Вайцзеккера, беседа по содержанию мало чем отличалась от первоначально запланированной пространной инструкции для посла. Другой была форма. То, что намечалось подать как твердое решение имперского правительства, теперь излагалось «неофициально» и «в непринужденной манере». Причем, если верить записи Вайцзеккера для Риббентропа[89], не было недостатка и в многозначительных речевых тональностях. Важным прежде всего явилось то обстоятельство, что при зондировании во многих местах искусного монолога опытный дипломат впервые ссылался на «фюрера», которому, мол, вопрос о допущении советского торгового представительства в Праге (этом мнимом предлоге для встречи) был специально доложен Риббентропом. Запись Астахова подтверждает ссылку на Гитлера[90]. Из нее видно, что на вопросы Астахова относительно торгового представительства в Праге Вайцзеккер ответил, что данная проблема интересует немецкую сторону «не сама по себе, а как повод к дальнейшим разговорам». Вайцзеккер якобы настойчиво, но безрезультатно расспрашивал о подоплеке высказываний Молотова в разговоре с Шуленбургом. После

этого, по словам Астахова, Вайцзеккер отложил карандаш и блокнот и «подчеркнул, что теперь беседа переходит на неофициальные рельсы». Затем он, используя множество витиеватых оборотов и постоянно ссылаясь на «свое личное мнение», в форме, которая привела Астахова в замешательство, изложил определенные представления о будущих германо-советских отношениях. Центральным пунктом высказываний Вайцзеккера были слова о том, что в немецкой политической «лавке» (в записях Астахов употребил русское слово «лавка» и подчеркнул, что это выражение раньше уже применил Гитлер) большой выбор товаров для советских потребителей, — от непримиримой вражды до нормализации взаимных связей и их подлинного улучшения. Выбирать придется Советскому Союзу. Таким путем один из высокопоставленных представителей германского правительства впервые совершенно ясно указал на то, что Германия согласна с Россией на любую сделку. Советская сторона оценила высказывания Вайцзеккера как официальные германские «авансы»[91], и вновь реагировала сдержанно. Поверенный в делах не позволил завлечь себя на путь более подробных пояснений. На наводящую реплику Вайцзеккера о том, что Молотов, дескать, дал послу Шуленбургу «не очень обнадеживающий ответ», Астахов, по словам Вайцзеккера, заметил, что, по его мнению, Молотов говорил с понятным в свете всего предшествовавшего «недоверием, однако не имел намерения... воспрепятствовать продолжению немецко-русского диалога». (Согласно записи Астахова, он всего лишь заметил, что у него нет оснований полагать, что Молотов безоговорочно высказался против приезда Шнурре и возобновления торговых переговоров.) На другие, также ставшие уже привычными указания статс-секретаря на изменившиеся отношения в Германии — и в прессе и в официальных речах — к Советскому Союзу Астахов, как и прежде, ответил, что их можно «толковать по-разному». (Мнимые германские притязания на Украину Вайцзеккер назвал, согласно записи Астахова, польской выдумкой и заметил, что «у Бека прискорбно слабая память».) На замечание о том, что германское правительство не является «ни бездушным... ни навязчивым» и не хотело бы в связи с иными внешнеполитическими альтернативами Советского правительства заслужить упрек в желании воздвигнуть «непроницаемую стену молчания», Астахов ответил, «что идеологическую стену между Москвой и Берлином» соорудило гитлеровское правительство. Национал-социалисты, якобы сказал Астахов, перед заключением в 1934 г. «договора с Польшей... отклонили русское предложение о союзе и до последнего времени не относились с пониманием к русской концепции, согласно которой внешняя и внутренняя политика не должны служить друг другу помехой. Он считает, что его правительство неукоснительно придерживалось и по-прежнему придерживается этой позиции»[92].

В конце беседы Вайцзеккеру удалось заручиться обещанием Астахова проинформировать во всех подробностях об этом разговоре правительство и сообщить о том, «правильно ли он истолковал заявление Молотова как не содержавшее отказа». На последний вопрос советская

сторона так и не ответила[93]. «Как показывают документы, данная попытка с предложением не имела заметного эффекта»[94].

Позднее статс-секретарь оценил беседу как «удовлетворительную»[95]. Советскую реакцию он назвал «еще чрезвычайно настороженной»[96] и полагал, что этим разговором способствовал сохранению «неопределенного положения». Вайцзеккер был убежден, что можно положиться «на их (русских. — *И.Ф.*) полуазиатские темпы переговоров»[97] (на данный момент ему, по всей вероятности, указал посол Шуленбург), и поэтому рассчитывал, что летом 1939 г. еще не дойдет до заключения официального соглашения между Гитлером и сталинской Россией.

Посол Шуленбург проявил «огромный интерес»[98] к беседе Вайцзеккера с Астаховым, которая соответствовала его ожиданиям. Он проинформировал итальянского коллегу о новой попытке «нормализации» отношений и открыто выразил «свое сомнение в успехе такой политики». Шуленбург не мог себе представить, чтобы советская сторона отказалась от требования надежной, гарантированной «политической базы» для дальнейших переговоров[99]. В письме Вайцзеккеру он указал на все еще существующее советское недоверие: «Русские полны недоверия к нам, но и к демократическим государствам они не питают доверия». Затем Шуленбург косвенно осудил безответственную берлинскую «игру с Россией». «Вызвать здесь недоверие, — писал он, — легко, а устранить его трудно».

Посла буквально ошеломили негативные выводы, сделанные в Берлине из его беседы с Молотовым. И при повторном просмотре своего сообщения, подчеркнул Шуленбург, он «не обнаружил ничего, что могло бы побудить к подобному восприятию». Читая документ, Риббентроп сначала это место пометил двумя вопросительными знаками, но потом приписал: «Исполнено». Подтверждая свою первоначальную интерпретацию, посол писал, что, напротив, Молотов прямо-таки призвал Берлин «к политическим переговорам». У него (то есть Шуленбурга) сложилось впечатление, «что ни одна дверь не закрыта и путь к дальнейшим переговорам свободен».

31 мая, в день контактов Вайцзеккера в Берлине, нарком иностранных дел Молотов произнес в Москве перед депутатами Верховного Совета СССР свою первую внешнеполитическую речь, которой с вниманием ожидали во всем мире[100]. Он повторил существующую в Советском правительстве пессимистическую оценку международного положения и заявил: «За последнее время в международной обстановке произошли серьезные изменения. Эти изменения, с точки зрения миролюбивых держав, значительно ухудшили международное положение».

Три пятых речи было посвящено позиции западных держав на переговорах, пятая часть — контактам с «агрессивными государствами», и прежде всего пограничному конфликту с Японией, а остаток — отношениям с другими странами.

Политике самолюбования и хвастовства агрессивных государств Молотов противопоставлял «политику непротивления агрессии», которую проводили западные страны. Позиция Советского Союза, по

словам Молотова, отличалась от позиции той и другой сторон. Она, как каждому понятно, «ни в коем случае не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам. Она чужда также всякому замазыванию действительно ухудшившегося международного положения».

Нарком иностранных дел далее обрисовал изменения в международной обстановке после Мюнхенского соглашения. Говоря об англо-французских уступках, военной экспансии агрессивных государств, он указал на «наступательный характер» союза Германии и Италии. Подчеркнув «стремление неагрессивных европейских держав привлечь СССР к сотрудничеству в деле противодействия агрессии», Молотов заявил, что определенные силы все еще заинтересованы в том, чтобы направить агрессию по «приемлемому» направлению, то есть против СССР. Он напомнил о предостережении Сталина относительно происков поджигателей войны и заявил о необходимости соблюдать бдительность и осторожность.

После этого Молотов дал подробные сведения о состоянии англо-франко-советских переговоров. Поскольку, заметил он, в англо-французских предложениях содержится принцип взаимопомощи, то это, конечно, «шаг вперед», хотя и обставленный такими оговорками — вплоть до оговорок, касающихся некоторых пунктов устава Лиги Наций, — что он может оказаться фиктивным шагом вперед. Что же касается вопроса о гарантии стран Центральной и Восточной Европы, продолжал Молотов, то здесь упомянутые предложения «не делают никакого прогресса», ибо «они ничего не говорят о своей помощи тем трем странам на северо-западной границе СССР, которые могут оказаться не в силах отстоять свой нейтралитет в случае нападения агрессоров». Далее он заявил, что Советский Союз не может брать на себя обязательства в отношении указанных стран (гарантами которых являются западные страны), не получив гарантии в отношении трех стран. «Так обстоит дело относительно переговоров с Англией и Францией», — подытожил он.

«Ведя переговоры с Англией и Францией, — сказал затем Молотов, — мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года по инициативе германского правительства начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. Поскольку об условиях этого нового экономического соглашения мы тогда не договорились, то вопрос снят. В конце 1938 г. германское правительство вновь поставило вопрос об экономических переговорах... При этом с германской стороны была выражена готовность пойти на ряд уступок. В начале 1939 г. Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный представитель г. Шнурре. Но затем вместо г. Шнурре эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г. Шуленбургу, которые были прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться». С

Италией, заявил Молотов, недавно было подписано выгодное для обеих стран торговое соглашение на 1939 год.

Это было верное описание процесса с немецкими предложениями по экономическим переговорам. Заинтересованные партнеры и с той и с другой сторон задавались вопросом, почему Молотов так откровенно говорил о каждой из них. Бывший посол США в Москве Дэвис усмотрел в речи Молотова своего рода «ультиматум» западным державам, а в упоминании немецких экономических предложений — «довольно зловещий намек»; Шуленбург же в письме к Вайцзеккеру высказал мысль, что Молотов «немедленно использовал в тактическом плане наше предложение о возобновлении экономических переговоров»[101] и этим оказал давление на западные страны.

В действительности же, как свидетельствовали американские, английские и итальянские сообщения, Советское правительство, должно быть, отдавало себе отчет в том, что заинтересованные страны осведомлены о ходе экономических переговоров с Германией и склонны их переоценивать. Возможно также, что Советское правительство, стремясь всеми силами обрести международное доверие и признание в качестве великой державы и желая предупредить всякие кривотолки, посчитало целесообразным открыто выложить карты на стол. Таким путем оно правдиво признавало, что немецкая сторона неоднократно, хотя и нерешительно, обращалась к нему с предложениями. Предостережение содержалось скорее в состоянии самих дел, чем в позиции Советского правительства. Ведь оно по-прежнему выступало за заключение соглашения с западными странами, разумеется, осознавая свое растущее значение. В конце речи Молотов заявил, что «СССР уже не тот, каким он был всего 5 —10 лет тому назад, что силы СССР окрепли. Внешняя политика Советского Союза должна отражать наличие изменений в международной обстановке и возросшую роль СССР, как мощного фактора мира... Между тем в едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в первых рядах».

Слушавшие речь послы обеих стран «оси», Шуленбург и Россо, которые присутствовали на сессии (послов западных держав в зале не было), сделали из сказанного вывод, «что Советский Союз, невзирая на сильное недоверие, и впредь готов заключить договор с Англией и Францией, но при условии, что все его требования будут приняты»[102].

В Берлине речь Молотова вызвала смущенное молчание. Пометки Риббентропа на полях донесений германского посольства в Москве показывают, что он уже не считал советское движение навстречу на предложенной немецкой стороной основе возможным[103]. Папский посол в Берлине узнал из достоверного источника, что, хотя от надежды на соглашение с Россией вовсе не отказались, расчеты на него в политическом и военном планировании во многом отошли на второй план. Распространилось мнение, что Германии следует сперва защитить себя на востоке с помощью фортификаций. В самом деле, как сообщал Орсениго в Рим, на польской границе завершены гигантские военные подготовительные работы. Это позволяло заключить, что германское

правительство готовилось к любым случайностям. Как доверительно сообщил нунцию влиятельный источник, 1 июня 1939 г. министр пропаганды внезапно отменил существовавший запрет на упоминание русского большевизма, «из чего журналисты сделали вывод, что с этого момента сближение между Германией и Россией следует считать маловероятным»[104].

Пятый немецкий контакт: Хильгер — Микоян

После встреч Вайцзеккера с Астаховым в бюро статс-секретаря часами обсуждались возможные результаты. Все были согласны, что они не привели к решающему прорыву. Начались поиски новых путей к сближению. Выбор пал на родившихся в России немцев, близких сотрудников Шуленбурга — Кёстринга и Хильгера, — которые в совершенстве владели русским языком, хорошо знали образ мышления русских, были знакомы с советскими политическими деятелями и пользовались значительным доверием Советского правительства. Кёстринга «вызвали в Берлин для консультаций, желая выяснить, нельзя ли через него в тактичной форме попытаться приблизиться к маршалу Ворошилову»[105]. Наряду с этим статс-секретарь еще вечером 30 мая (в 23 часа 10 мин.) дал германскому посольству в Москве телеграфное распоряжение, в котором говорилось, что после нынешней встречи «здесь нет возражений, если Хильгер, по собственной инициативе и не ссылаясь на поручение, встретится с Микояном»[106]. Задача зондирования Хильгера должна была состоять в том, чтобы ввиду слабой надежды на возможность скорого начала политических переговоров по крайней мере содействовать экономическим переговорам. С этой целью он должен был «сам организовать подобную беседу» без всякой ссылки на какое-то указание. При этом ему нужно было в первую очередь «рассеять... сомнения в серьезности наших тогдашних и нынешних намерений». В случае, если оказались бы затронуты политические вопросы, Хильгеру следовало отсылать к статс-секретарю, а о возможной советской «готовности... немедленно» уведомить Берлин. В подключении Густава Хильгера к этой игре содержался и определенный момент цинизма. Этот кристально честный, в высшей степени образованный сын московского фабриканта, женатый на не менее просвещенной московской француженке, который вел аскетически скромную, связанную в основном с духовными интересами жизнь, в течение длительного времени использовался в московском посольстве в качестве рядового сотрудника. Часто меняющийся состав профессиональных дипломатов не мог обойтись без его исключительных знаний и связей. Хильгер не только являлся связующим звеном между посольством и русско-советской духовной и политической элитой. Не в последнюю очередь благодаря тонкому пониманию языка его в советском обществе во многом принимали как своего. Даже его подчиненный последующего периода (1939 — 1941 гг.) Герхард Кегель, работавший в хозяйственном отделе московского посольства (член «Красной капеллы» и информатор совет-

ских органов), характеризуя Хильгера, утверждал, что он подкупал во всех отношениях своей умеренностью и знаниями. Враждебность к Советскому государству, по словам Кегеля, у него проявлялась слабо. А советский дипломат в Берлине Валентин Бережков, который позднее (в ноябре 1940 г.) совместно с Хильгером принимал участие в качестве переводчика в переговорах Риббентропа и Гитлера с Молотовым, охарактеризовал Хильгера как «культурного русского». «Он, — говорил Бережков, — прожил много лет в Советском Союзе, владел русским не хуже, чем родным языком, и даже внешне выглядел как русский. Когда он по воскресеньям в русской рубашке и соломенной шляпе, на носу пенсне, где-нибудь на Клязьме близ Москвы удил рыбу, то его принимали за типичного русского интеллигента, так пластично описанного Антоном Чеховым»[107]. Кроме того, Хильгер, с самого зарождения Советского государства лично знавший его высших руководителей, имел именно с Микояном особенно хорошие отношения. Познакомились они в 1926 г., когда Микоян — в тридцать один год самый молодой нарком и кандидат в члены Политбюро — часто бывал в резиденции посла графа Брокдорф-Ранцау. После стольких лет знакомства Хильгер встретился теперь с ним как с наркомом и членом Политбюро. Для Хильгера Микоян был «интеллигентным, в экономических вопросах очень опытным» и «одним из приятнейших партнеров... с которыми мне приходилось иметь дело в Советском Союзе». Однако события предшествующего периода чисток ограничили даже инициативу и готовность армянина Микояна взять на себя ответственность. Без согласия Сталина и Политбюро он не мог принять никаких решений. И Хильгер счел «примечательным, что он меня никогда не принимал без свидетелей»[108]. Горький опыт чисток сделал осторожным не только Микояна. Знакомство с национал-социалистской Германией заставило и Хильгера быть бдительным. После доклада Гитлеру он провел две недели (11 — 26 мая 1939 г.) на Вильгельмштрассе, где вместе со Шнурре разрабатывал германские экономические предложения для СССР. Там он, с одной стороны, вероятно, составил себе представление о характере германских контактов, а с другой стороны, наблюдая в Берхтесгадене и Берлине торжествующий шовинизм национал-социалистского руководства, понял настоятельную необходимость крепко связать Германию на востоке.

Беседа Хильгера с Микояном состоялась в четверг, 2 июня. В этот день Советское правительство после тщательных консультаций и в ответ на предложение западных держав от 27 мая представило готовый проект соглашения[109], который по содержанию соответствовал речи Молотова, произнесенной 31 мая, и вручило его послу Сидсу и поверенному в делах Пайяру[110]. Проект выглядел, «с советской точки зрения, логичным»[111]: он предусматривал, что Франция, Англия и СССР обязуются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия в результате агрессии и против любого из трех государств или против таких стран, как Бельгия, Греция, Турция, Румыния и Польша, а также Латвия, Эстония и Финляндия.

Проект соглашения Советского правительства, содержавший гарантии на случай германской агрессии против Прибалтийских государств или же против СССР через Прибалтику, ставил правительства Англии и Франции перед трудной проблемой. Прибалтийские страны отвергали непрошеные гарантии подобного рода и доказывали в Лондоне, что косвенное вовлечение в направленную против Германии систему пактов не соответствует их интересам. 7 июня представитель Эстонии (К.Сельтер) и Латвии (В.Мунтерс) подписали в Берлине пакты о ненападении с выгодными для Германии обязательствами, касавшимися нейтралитета и взаимных консультаций[112]. Так, по словам Черчилля, Гитлер «с легкостью вторгся в последние оборонительные линии направленной против него запоздалой нерешительной коалиции»[113].

Под впечатлением очевидного немецкого влияния в районе Прибалтики английское правительство посчитало необходимым не допустить, чтобы советский проект договора потерпел фиаско из-за вопроса о Прибалтийских странах. Оно решило направить молодого сотрудника Форин оффиса Уильяма Стрэнга с особым поручением в Москву, чтобы здесь постепенно прояснить спорные вопросы. Стрэнг прибыл в Москву 9 июня. Его полномочия были так же ограничены, как и способность вести переговоры, так что с этого момента вязкая, с проволочками, в решающих вопросах скованная манера ведения переговоров английской стороной еще более усугубила существовавшее советское недоверие.

На таком фоне произошло зондирование Хильгера в Наркомате внешней торговли СССР. Он вовсе не случайно в своих мемуарах обошел молчанием эту важную официальную встречу с Микояном. Ему было неприятно вспоминать данное поручение. При этом, если судить по записям об этой беседе[114], Хильгер вел себя, несмотря на совсем иные инструкции, с исключительной прямолинейностью на той грани правдивости, которая подобала ему самому и его партнеру. Согласно немецким отчетам, Хильгер заявил Микояну, что у германской стороны сложилось впечатление, «что Советское правительство сомневается в серьезности» германских намерений. Поэтому, дескать, он и прибыл, «чтобы рассеять возможные недоразумения». Поработав в Берлине он, якобы со всей определенностью может сказать, что германские экспортные возможности теперь улучшились.

Как указывается в записи Микояна, Хильгер говорил долго, сбивчиво и будто бы «очень откровенно» об «истинном положении» в Берлине. Там-де наконец советские пожелания изучаются в положительном смысле, хотя советские условия не так-то легко выполнить. Ожидают лишь сигнала из Москвы.

Микоян сказал Хильгеру, что нерешительный и резко меняющийся стиль ведения переговоров германской стороной «поставил его в очень неловкое положение» перед правительством, вследствие чего он «потерял охоту и желание разговаривать по этому вопросу» (Хильгер). В соответствии с собственными записями Микоян подчеркнул, что разговоры, которые ведутся уже два года, не принесли успеха и приняли «форму политической игры». Он спросил Хильгера, уверен ли он в

положительном исходе переговоров о кредитах. Тот «сперва не дает ответа на поставленный вопрос, а говорит, что он и г-н Шуленбург совершенно не хотели ставить г-на Микояна в такое положение... Что касается заданного вопроса, то получается так, что вопросы г-на Микояна оказываются всегда очень трудными. Он (г-н Хильгер) не может быть уверенным в положительном исходе переговоров о кредитах, так как это зависит не только от него, но и от других, но он надеется и имеет все основания надеяться на положительный исход. Далее г-н Хильгер еще раз подчеркивает, что они теперь ожидают ответа от нас».

Давая, согласно советским записям, понять, что теперь место предпочтительного торгового партнера, принадлежавшее Германии, могли бы занять Англия и Америка, Микоян, по немецким сообщениям, как бы между прочим спросил, какой германская сторона представляет себе процедуру переговоров. Он пообещал Хильгеру подумать о его инициативе и воздержался от какого-либо окончательного ответа.

Германское посольство оценило результаты этой беседы — на основании сообщения, которое Россо направил Чиано 4 июня — «скорее благоприятными, поскольку Микоян не отклонил предложения о возобновлении переговоров по экономическому соглашению и поскольку дверь для дальнейшего обмена мнениями остается открытой». Россо нашел вопрос Микояна о том, может ли Хильгер гарантировать положительный исход возможных новых переговоров, «знаменательным». Дескать, по всей видимости, задавая этот вопрос, он «просто старался удостовериться, что немецкая инициатива к возобновлению переговоров не является обычным политическим маневром, что Берлин действительно хотел бы и намерен заключить торговый договор»[115].

Изучение предложения о возобновлении экономических переговоров, даже если оставить в стороне политическую бризантность подобных переговоров и лежащий в их основе политический расчет гитлеровского правительства, должно быть, поставило Советское правительство перед трудными вопросами. С одной стороны, хотелось воспользоваться предложенными выгодными кредитами, и была нужда в технологии для создания и развития военной промышленности, а с другой — Советское правительство не было заинтересовано в том, чтобы снабжать германскую военную промышленность важным в военном отношении сырьем. А поскольку оно составляло основу германских интересов, то это обстоятельство ограничивало советскую готовность к переговорам. Немецкие военные планы на западе и востоке заставляли быть максимально сдержанными.

Германскому руководству было известно, что «для собственного военного и промышленного развития Россия сама нуждалась в большинстве видов сырья, включая нефтепродукты и марганец, которые Германия хотела бы импортировать, и что, кроме того, Россия в последние два года не выражала желания поставлять крупные партии материалов, которые прямо или косвенно способствовали бы увеличению военной мощи Германии... Немецкая сторона в свою очередь не была расположена поставлять России военные материалы, станки и другие изделия, предназначенные для создания промышленности по выпуску

боеприпасов»[116]. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что, когда советского поверенного в делах в Берлине 6 июня 1939 г. спросили о значении заявления Молотова относительно возможного возобновления экономических переговоров, он отказался комментировать[117], давая лишь понять, что Советское правительство уже потому не против обсуждения путей улучшения двусторонней торговли с Германией, что намерено в большем количестве закупать машины. Он не исключил возможности поездки Шнурре в Москву, но подчеркнул, что о торговой делегации Берлин — Москва не может быть и речи.

6 июня французский совет министров рассмотрел советский проект договора от 2 июня и единогласно решил, что крайне важно как можно быстрее прийти к цели[118]. 7 июня 1939 г. Чемберлен нарисовал перед британской нижней палатой оптимистическую картину переговоров. Он объявил о решении правительства его величества с целью «ускорения переговоров» направить в Москву специального представителя и выразил надежду, что наконец-то станет возможным «быстрее завершить дискуссию»[119]. В тот же день Черчилль подтвердил в «Нью-Йорк геральд трибюн», что русское требование включить Финляндию и Прибалтийские государства в гарантии трех держав вполне обоснованно. Он опроверг доводы тех, кто не хотел навязывать гарантии этим странам против их воли, и утверждал, что в результате вторжения национал-социалистской Германии в Литву, Латвию и Эстонию или организации там переворота вся Европа окажется втянутой в войну. «Почему в таком случае, — продолжал далее Черчилль, — не следует своевременно, открыто и смело принять совместные меры, которые сделали бы такую борьбу ненужной?»[120]

Под впечатлением подобных заявлений 7 июня в затяжной процесс зондирования советской позиции включился в Берлине Карл Шнурре. Будучи руководителем восточноевропейской референтуры отдела экономической политики МИД, в компетенцию которой входили Польша, Данциг, Советский Союз и Прибалтийские государства, он представил на рассмотрение заместителю начальника отдела д-ру Клодиусу докладную записку с просьбой передать Вайцзеккеру и Риббентропу[121]. В ней он выразил недовольство тем, как Хильгер вел переговоры. Микоян-де спросил о процедуре, а Хильгер лишь ответил, что «не вправе делать предложения». После такого поворота беседы едва ли стоит рассчитывать на скорый ответ Микояна. И еще: «Ввиду того что советник посольства Хильгер занял во время беседы недостаточно конкретную позицию, представляется весьма сомнительным, каким будет ответ Микояна». Однако для немецкой стороны очень важно именно «на данной стадии советско-английских переговоров использовать возможность вмешательства в Москве. Уже сам факт прямых германо-советских бесед в Москве помог бы вбить еще один клин в советско-английские переговоры». Шнурре констатировал, что из-за беседы Микояна и Хильгера экономические переговоры зашли «в тупик», из которого он надеялся их «вывести» с помощью следующего предложения. Шнурре хотел бы сам обсудить с советским поверенным в делах Астаховым проблематичные формулировки из речи Молотова и

высказываний Микояна и указать на то, что Микояну было бы полезно побеседовать лично с ним. Шнурре выражал готовность немедленно выехать в Москву, предварительно узнав у Астахова, сможет ли Микоян принять его (Шнурре) на следующей неделе. «При положительном исходе этой скорее информационной беседы с Микояном, — писал Шнурре, - я уже располагал бы полномочиями вести переговоры относительно экономического соглашения». Шнурре просил Риббентропа о директивах.

Однако уже на следующий день, 8 июня, Хильгер вновь посетил Микояна[122] и добился согласия как на возобновление переговоров в принципе, так и на поездку Шнурре в Москву, при условии, что немецкая сторона примет прежние советские предложения, предусматривавшие сильное сокращение вывоза важного в военном отношении сырья. Несмотря на известные сомнения Хильгера относительно того, согласится ли Германия с подобным условием, Микоян на нем настаивал. Хильгер решил поехать в Берлин, чтобы попытаться повлиять в нужном смысле на руководящие инстанции, надеясь при этом сделать так, чтобы такое важное в военном отношении сырье, как, например, марганец и нефть, которое Германия требовала от СССР, можно было бы заменить другими поставками. Никакого другого прогресса во время этой беседы достичь не удалось[123].

Но и во время второй беседы Микоян опять заговорил о «политической базе» для возобновления экономических переговоров. Это обстоятельство явилось и для посла последним толчком, побудившим выехать в Берлин. Планировалось предпринять ее вместе с Хильгером.

Непосредственно перед этой поездкой свой первый визит новому наркому иностранных дел 10 июня нанес итальянский посол. Он указал при этом на изменившееся, с итальянской точки зрения, отношение Германии к Советскому Союзу и на возможность сближения[124]. Молотов оставил эту инициативу без внимания. Первая итальянская попытка посредничества оказалась безрезультатной[125].

Между тем в Берлине возникли новые, на этот раз внутриведомственные препятствия. Утром 9 июня Хильгер намекнул Шнурре по телефону на касавшуюся лично его часть своей беседы с Микояном и предложил самому выехать для доклада в Берлин. Шнурре счел поведение Хильгера неподобающим и был раздражен его откровенностью. Обо всем он доложил статс-секретарю. Тот телеграфировал послу уже после полудня 9 июня, что «телефонные разговоры, подобные тому, который вел утром Хильгер, нежелательны. Хильгер не должен ехать с Вами в командировку в Берлин»[126]. Вечером 9 июня Шуленбург телеграфировал в министерство иностранных дел, что согласие Советского правительства к возобновлению переговоров на прежних условиях требует «тщательной проверки. Я считаю необходимым, чтобы Хильгер с целью устного доклада выехал со мной завтра в Берлин»[127]. Отрицательная позиция статс-секретаря вынудила посла поехать сперва одному. Он оставил Москву 10 июня и, прибыв в Берлин, срочно связался со своим бывшим советником в Тегеране д-ром Эдуардом Брюкльмайером, который теперь работал в бюро Риббентропа. Уже в первой поло-

вине дня 11 июня Брюкльмайер телеграфировал в Москву о том, что Хильгеру необходимо «для устного доклада срочно выехать в Берлин»[128], и 12 июня Хильгер покинул Москву.

Шестой немецкий контакт (Шуленбург — Астахов) в Берлине

Одновременное пребывание в Берлине Шуленбурга, Хильгера и Кёстринга позволило скоординировать действия по различным направлениям. Посол тщательно подготовился к этой поездке. У него была при себе записка, в которой с учетом советского сомнения относительно серьезности германских намерений и желания твердой «политической базы» подробно излагались основы для переговоров. При этом Шуленбург стремился удовлетворить Советское правительство «на политическом уровне. У него были некоторые идеи, которые он собирался изложить Риббентропу... Сюда относились: официальная гарантия, что у Германии нет агрессивных намерений против СССР, публичное заявление, подтверждающее сохранение в силе дружественного характера Берлинского договора..., германо-советское соглашение относительно военно-морских флотов в Балтийском море и, наконец, определенная договоренность о гарантиях обоих государств Польше и Румынии»[129]. Сердцевину концепции составляло оживление Берлинского договора[130]; завершенность предавали ей твердые гарантии находящимся под угрозой приграничным государствам и соглашение по безопасности района Балтийского моря. Посол не закрывал глаза на возможность неблагополучного исхода своей попытки. Он не без основания сомневался в том, что ему удастся склонить Берлин к подлинному урегулированию германо-советских отношений, но считал, что настало самое время, чтобы, по словам Россо, «заставить внести полную ясность в данный вопрос».

Этому соответствовал характер мер, которые предложил посол для «создания политической базы»[131] отношений Германии и СССР. Условие для этого было четко сформулировано во введении: «При наличии желания к нормализации отношений между Германией и Советским Союзом... с нашей стороны потребуются значительные усилия». В качестве «мер в области внутренней политики», в частности, предлагалось «строгое разграничение между национал-социализмом и коммунизмом в соответствии с принципом невмешательства в дела друг друга», прекращение «провокационных выступлений и... оскорблений в речах... в прессе... и по радио» и «совместное участие в международных конгрессах и других мероприятиях» при исключении дискриминации «участников и действий» обеих сторон, а также «обмен артистами и учеными». «Меры в области внешней политики» предусматривали в первую очередь оживить утративший свое значение в связи с заключенными Германией новыми союзами Договор о ненападении и нейтралитете, подписанный в Берлине 24 апреля 1926 г. между Германией и Советским Союзом. В главном положении (статье 2) договора говорилось о том, что в случае, если одна из сторон, «несмотря на миролюбивый образ действий», подверглась бы нападению

третьей державы, другая сторона обязывалась соблюдать нейтралитет. Шуленбург напомнил, что в свое время договор был принят в рейхстаге всеми голосами и 5 мая 1933 г. продлен гитлеровским правительством на неограниченный срок. Далее он обратил внимание на то, что Советское правительство потеряло (самое позднее) во время так называемого судетского кризиса веру в германский «миролюбивый образ действий». В его глазах Германия превратилась в агрессора. Когда же Шуленбург, движимый желанием сделать свои предложения приемлемыми, призвал, «так сказать, восстановить доверие, которое помогло бы при определении агрессора признать за Германией »миролюбивый образ действий», то он оказался на скользкой дорожке. Прежде всего предстояло сразиться за принципиальное признание этого курса Германией. Выработкой точных положений все равно бы занялось Советское правительство, известное своей жесткой борьбой за благоприятные условия. Восстановлению «доверия» у советской стороны должны были послужить следующие шаги: декларация об отсутствии между Германией и Советским Союзом спорных пунктов по жизненно важным вопросам, «заявление о германских намерениях в отношении Польши» и «официальное подтверждение, что германо-советский Договор о нейтралитете от 24 апреля 1926 г. остается без изменений в силе». Затем немецкой стороне следовало бы доказать, что пакты о ненападении между Германией и Прибалтийскими странами представляют для СССР «дополнительные гарантии». Кроме того, нужно было бы — особенно в связи с возможностью германо-польского конфликта — подумать о заключении соглашения между германским и советским балтийскими флотами относительно охраны торговых путей в Балтийском море. В этой связи последовал тактический намек на то, что в таком случае Германия могла бы перевести свои боевые корабли из Балтийского в Северное море![132]

Предлагая сделать заявление о германских планах, касающихся Польши, посол, вне всякого сомнения, замышлял своего рода самоограничение Германии в виде, например, конкретного немецкого заявления о намерениях в отношении Данцига и коридора. Он был уверен, что на возможных переговорах Советское правительство обязательно потребует обоюдных гарантий Прибалтийским государствам. В случае фактической нормализации посол наконец рекомендовал немедленно поставить вопросы, связанные с облегчением положения людей, добиться помилования и освобождения арестованных германских граждан, их жен и детей и «ускоренного выезда».

Атмосфера, которую сотрудники московского посольства обнаружили в окружении Риббентропа, была разочаровывающе неконструктивной. Как вспоминал Кёстринг, Риббентроп принял их «на завтраке в своих аппартаментах в отеле «Кайзерхоф», на который явился в сопровождении видных представителей своего министерства. Взятый сразу же Риббентропом легкий тон соответствовал больше дружеской вечеринке, чем серьезному политическому разговору. Риббентроп начал беседу, обратившись ко мне с вопросом: «Ведь вы хорошо знаете Ворошилова? Тогда вы можете за рюмочкой шнапса сказать ему, что мы не

такие уж злодеи!» Я ответил, что хотя и знаю очень хорошо Ворошилова в течение многих лет и он был всегда со мной приветлив, однако уверен, что маршал России не пойдет запросто с атташе пить «рюмочку». Кроме того, то, что мне, согласно желанию Риббентропа, предстояло сказать Ворошилову, после всего предшествовавшего приобрело бы сильный политический акцент и поэтому входило бы в круг обязанностей посла. Тогда Риббентроп действительно обратился к... послу графу Шуленбургу. Однако его высказывания не соответствовали достигнутому на прежних переговорах уровню и не содержали никаких указаний для нас. После встречи с Риббентропом я сказал послу, что не понял, чего министр иностранных дел добивался своими речами. Шуленбург с улыбкой ответил: ''И я тоже. Он всегда такой рассеянный''»[133].

Наряду со странностями общего характера в поведении Риббентропа в эти дни появилась прямо-таки болезненная концентрация внимания на переговорах СССР с западными державами. 15 июня французский посол в Берлине писал в свое министерство иностранных дел: «За трудным ходом англо-советских переговоров продолжают следить с переменными чувствами, надежду сменяет отчаяние. Не пренебрегают ничем, чтобы только увеличить трудности, на которые все еще наталкиваются переговоры»[134].

Учитывая подобное настроение, стоит ли удивляться тому, что Шуленбург встретил у своих берлинских собеседников непонимание принципиального, обязывающего и долгосрочного характера своих предложений; почти всегда их принимали с большим скептицизмом[135]. После неоднократных попыток убедить Риббентропа в настоятельной необходимости решающих шагов в данном направлении посол, должно быть, пришел к выводу, что будет очень трудно получить указание, которое уполномочивало бы его на что-то большее , чем простой тактический обмен мнениями. Ему явно не удалось побудить министра к уточнению своего задания, которое сводилось к устному заявлению Молотову о том, что Германия не собирается нападать на Советский Союз. Одновременно следовало дать понять, что заключение пакта с Англией и Францией затруднит желательное улучшение отношений между СССР и рейхом[136]. Разрешили ли ему, как утверждают советские источники, после долгих настойчивых просьб и ожиданий более точных директив сослаться на поручение самого Гитлера, сказать трудно.

Этот факт не помешал Риббентропу хорошенько проучить японцев, все еще не решавшихся заключить столь желанный военный пакт, и 16 июня неожиданно заявить: «Поскольку Япония не согласилась на наши предложения, Германия теперь заключит с Россией пакт о ненападении»[137].

Правда, посол смог пробудить интерес к возобновлению экономических переговоров. С одной стороны, большая потребность в русском сырье создавала благоприятную почву для его аргументов, с другой же стороны, в те дни национально-консервативные силы «старой» Виль-

гельмштрассе лихорадочно искали выход из тупика, в который Гитлер вел Германию своей польской политикой[138]. Как писал Кулондр 15 июня, ссылаясь на высокопоставленного сотрудника с Вильгельмштрассе[139], «ради выхода из него никто всерьез не собирается пойти на риск всеобщей войны, в которой рейху пришлось бы противостоять, с одной стороны, Англии и Франции, а с другой, Польше, России и Турции. В глазах разумных людей это было бы национальным самоубийством... Люди в тревоге и не находят слов; спрашивают себя, в какой стороне откроется выход; держатся настороженно; лихорадочно действуют и зондируют во всех направлениях. Этим объясняется суматоха, царящая на Вильгельмштрассе. И хотя проблема Данцига беспокоит и вызывает озабоченность, многие — даже среди немецких патриотов — в принципе довольны восстановлением в Европе определенного равновесия сил, в котором они видят лучшую гарантию от политики авантюр и главный фактор мира».

Уже на второй день бесед с послом Шуленбургом, то есть 12 июня, статс-секретарь дал по телефону указание поверенному в делах в Москве лично заявить наркому Микояну, что германское правительство готово принять советские требования от февраля этого года в качестве основы для переговоров, что оно на следующей неделе намеревается послать в Москву Шнурре со всеми полномочиями для переговоров. «Из факта направления полномочного германского посредника, — говорилось в телеграмме, — мы просим Советское правительство сделать вывод, что германское правительство рассчитывает на положительное завершение переговоров на более широкой основе и желает этого». Впервые подобную директиву разрешили «оставить у Микояна в качестве записки». Здесь, несомненно, сказалось влияние Шуленбурга, по крайней мере, на процедуру действия.

В записке Шнурре от 15 июня 1939 г.[140] указывалось на настоятельную потребность экономики и военной промышленности в сырье, а первостепенной задачей возобновления переговоров называлось «увеличение ранее предложенных советской стороной объемов поставок сырья». Шнурре предостерегал от повторного провала переговоров, который означал бы конец германских попыток подвести под экономические отношения с Россией более широкую основу. «Срыв переговоров, — писал Шнурре, — означал бы также серьезную политическую неудачу. Поэтому в случае моего направления в Москву нам придется из экономических и политических соображений... договориться»[141].

Одновременно поручили посольству в Москве срочно обусловить время встречи Хильгера с Микояном. В тот же день Хильгер выехал обратно в Москву с поручением немедленно отправиться в наркомат, передать Микояну письменное заявление германского правительства о готовности к переговорам и подчеркнуть особую важность немецкого предложения. Но и третья беседа Хильгера с Микояном, состоявшаяся 17 июня, оказалась безрезультатной[142]. Четвертая беседа, имевшая место 25 июня, вообще положила конец этой германской инициативе[143].

Тем не менее заинтересованные круги в Берлине очень надеялись на заключение торгового соглашения. Его перспективы сильно увлекли прежде всего Геринга[144]. В германо-русском торговом соглашении ему виделись огромные возможности для распространения влияния Германии на территории России. В разговоре с итальянским генеральным консулом Ренцетти он назвал соглашение подобного рода жизненно важным для Германии. По мнению Геринга, и для Сталина оно было бы спасением. Сталин, мол, боится войны, а в случае поражения рухнет вся большевистская система. Таким образом, если умело провести переговоры, то нужное германо-советское взаимопонимание не заставит себя ждать. Несмотря на уменьшающееся влияние Геринга, Ренцетти считал подобные взгляды симптоматичными для дальнейшего развития событий и отметил, что находившийся в то время в Берлине граф Шуленбург стремился лично удостовериться, «в каком направлении фактически идут дела».

В рамках своей деятельности в Берлине посол 17 июня посетил советского поверенного в делах[145]. И хотя Шуленбург об этой беседе записал, что нанес Астахову лишь «обычный визит», проходил он на этот раз по меньшей мере не совсем в обычных условиях. С одной стороны, политическое руководство на Вильгельмштрассе (от Риббентропа и Вайцзеккера до Вёрмана) — главным образом под впечатлением предполагаемого сообщения Астахова болгарскому посланнику Драганову[146] — было весьма заинтересовано в повторном зондировании точки зрения Астахова. С этой целью Риббентроп снабдил Шуленбурга для беседы соответствующими инструкциями. С другой стороны, 15 июня послы Франции и Англии представили Молотову новый проект договора, который, с точки зрения Берлина, мог сблизить позиции[147]. Риббентроп считал вмешательство желательным. Да и самому послу хотелось узнать, насколько соответствовали действительности сообщения Вайцзеккера, Вёрмана и Шнурре о предшествовавших благоприятных высказываниях Астахова. И наконец, он, видимо, снова, как и в прошлом году, искал возможность изложить Астахову собственные соображения.

Ход беседы с Астаховым убедил посла в том, что «пока в этом направлении успеха не достигнуто». Подтвердились предположения Шуленбурга, что некоторые немецкие партнеры по переговорам с Астаховым приняли желаемое за действительное и нарисовали Риббентропу и Гитлеру совсем иную картину, а не ту, которую увидели сами. Астахов и Шуленбургу несколько раз говорил «о том глубоком недоверии, которое, конечно же, по-прежнему царит в Москве», но вместе с тем заявил, что в принципе стабильные отношения между обеими странами были бы желательны. Тогда Шуленбург обратил внимание Астахова на смысл и цель зондажа Вайцзеккера 30 мая, которые сводились к тому, что немецкая сторона «была бы готова к нормализации и улучшению отношений... (и что) от СССР зависит сделать выбор». По словам Шуленбурга, Астахов это заявление правильно понял, но нашел его туманным и ни к чему не обязывающим. На вопрос о том, когда можно ожидать советского ответа по затронутым Вайцзеккером проблемам,

Астахов сказал, что Советское правительство намеревается дать ответ Шуленбургу в Москве.

Инструкции Шуленбурга также предусматривали, что он «затронет широкий круг проблем (Япония, Польша, германо-советские переговоры)», перечисленные в не отосланной послу обширной инструкции! Шуленбург не захотел их обсуждать и, как он писал, до такого далеко идущего «разговора дело не дошло».

Согласно записям Астахова[148], после вступительных замечаний о дополнительных немецких пожеланиях, касающихся сырья, Шуленбург сразу же перешел к вопросу политических отношений. Астахов, в частности, отметил: «Шуленбург сказал, что все в министерстве иностранных дел, в том числе и Риббентроп, ждут ответа на вопрос, затронутый Вайцзеккером в разговоре со мною, и рассчитывают, что я им сообщу ответ. Шуленбург уверял, что беседу Вайцзеккера со мной надо понимать как первую попытку германского правительства к обмену мнениями об улучшении отношений. Германское правительство не решается пока идти в этом направлении дальше, опасаясь натолкнуться на отрицательное отношение с нашей стороны. Конфиденциально, ссылаясь на свою беседу с Риббентропом, Шуленбург уверял, что атмосфера для улучшения отношений назрела... Шуленбург настойчиво подчеркивал, что министерство иностранных дел ждет нашего ответа, прежде чем делать новые шаги. Сам Шуленбург задерживается на некоторое время в Германии, рассчитывая на прием у Гитлера». Его надежды не оправдались.

На самом деле Шуленбург, как обычно, сказал Астахову больше, чем указал в своей записке. По возвращении в Москву он рассказал своим сотрудникам и итальянскому коллеге, что разговор с Астаховым вел преимущественно «в личном плане» и «косвенным путем сообщил Советскому правительству больше, чем был официально уполномочен»[149]. Очень откровенно говорил он с Астаховым о германо-советских отношениях и кое-что сообщил о своей собственной инициативе. Шуленбург уведомил, что Берлин готов сотрудничать с СССР в пределах возможного, и дал понять, что «лично он приветствует требование наркома «политической базы», но что СССР следует отказаться от позиции недоверия и, наконец, объявить свои условия». В связи с этим посол подтвердил итальянскому коллеге, что в Берлине он прежде всего обсуждал возможность превращения действующего «соглашения о нейтралитете» (Берлинский договор) в «пакт о ненападении». Проводить Шуленбурга в Москву на вокзал прибыл Астахов. В многозначительных выражениях Шлип информировал об этом Риббентропа и Гитлера[150].

Вопрос о германо-советском договоре Шуленбург обсуждал в Берлине с компетентными специалистами. Поинтересовался он и мнением своего предшественника в Москве Рудольфа Надольного. В центре беседы Шуленбурга с Надольным на этот раз стоял вопрос о рамках действия и возможном расширении Берлинского договора. Надольный одобрил намерения Шуленбурга подвести под германо-советские отношения твердую договорную основу. После английского заявления о га-

рантиях ему виделась возникшая на горизонте угроза второй мировой войны. По его мнению, «в случае немецких посягательств Польша не покорится и коридор не уступит. Тогда Гитлер введет войска и, усмирив Польшу, пойдет дальше на Россию, чтобы затеряться средь русских просторов. Большевизм, вероятно, перестанет существовать, но в конечном итоге наступит мир». А «посредничать или диктовать» этот мир будет уже Англия[151].

Исходя из подобных предположений, Надольный по просьбе Шуленбурга проанализировал содержавшиеся в Берлинском договоре возможности и обсудил вопрос в министерстве иностранных дел[152]. Он пришел к выводу, что формально договор остается в силе, несмотря на политическое отчуждение обеих сторон. Его действенность зависела от воли партнеров. Но в связи с этим возникал вопрос, а не мог бы этот договор сделать недействительным англо-русское соглашение о взаимопомощи. Статья 2, в которой подтверждался нейтралитет обеих стран в конфликтных ситуациях, показалась Надольному для этого не подходящей, так как она ставила нейтралитет в зависимость от решения одной стороны относительно миролюбия или агрессивности другой. Поэтому он предложил изменить ее следующим образом: «При конфликтах одной из договаривающихся сторон с третьим государством вторая сторона будет соблюдать нейтралитет. Если, по ее мнению, конфликтом затрагиваются и ее интересы, то в соответствии со статьей 1 она вступает с другой стороной в контакт». Статья 1 Берлинского договора предусматривала поддержание дружеских контактов с целью согласования всех вопросов, касающихся совместно обеих стран. Здесь, по мнению Надольного, была заложена более благоприятная возможность «сорвать английские усилия».

Затем Надольный обсудил мнение Шуленбурга о том, «что с русскими следует заключить пакт о ненападении». Однако Надольный считал, что статьи 1 Берлинского договора было достаточно, «чтобы охватить все конфликтные ситуации», и что с точки зрения «тактики опираться на уже существующее соглашение, вероятно, даже лучше, чем стремиться к новому и тем самым признать отсутствие каких бы то ни было обязательств». Было бы вполне допустимо в преамбуле будущего экономического договора, сославшись на статью 1, указать на все затрагивающие обе стороны вопросы. При таких условиях Надольный не видел причин бояться англо-советского соглашения и препятствовать его заключению. «Пока Берлинский договор имеет юридическую силу, — говорил он, — Советское правительство может заключать какие угодно союзы, однако против нас идти права не имеет, а, напротив... должно с целью дружеского согласования поддерживать контакт... Именно этому, а не заключению соглашения с англичанами следует уделить внимание».

Что касается Польши, «то русские, — по мнению Надольного, — желали бы себе, по крайней мере в Европе, мира и безопасности. Больше всего они боятся нас. Их вступление в коалицию с англичанами, если дело дойдет до этого, обусловлено прежде всего этим страхом, а не желанием войны или заинтересованностью в

нарушении целостности Польши... Защищающий от всяких случайностей союз с Англией и одновременно какой-то инструмент, позволяющий избежать военных последствий этого союза, были бы СССР милее всего. Ну что ж, такой инструмент содержала статья 1 Берлинского договора. Главное — это захотеть ее применить... В остальном советские люди вполне могут согласиться на английские предложения о пакте». Надольный настоятельно рекомендовал Шуленбургу идти этим путем. «Мне кажется, — сказал он, — добиться такого результата, дорогой Шуленбург, — вот ваша задача. Она трудна, возможно, даже невыполнима. Но ради нее стоит потрудиться».

Подобное международно-правовое толкование Берлинского договора совпадало с представлениями Шуленбурга. Характер его отчетов позволяет заключить, что для него было важно не мешать англо-франко-советским переговорам, а дать им уверено завершиться, одновременно дополнив германо-советским пактом, который Гитлеру придется соблюдать именно ввиду обязанности западных стран оказывать содействие СССР. В таком случае была надежда, что СССР в силу своих двойных договорных обязательств окажется в состоянии обуздать Гитлера, если он решит выступить против Польши.

Во время совместного пребывания в Берлине военный атташе германского посольства в Москве информировал начальника штаба верховного главнокомандования вермахта Кейтеля о положении в Советском Союзе. Предметом обсуждений, по всей видимости, являлся и вопрос о взаимопонимании с Россией[153]. Кёстринг считал, что сделать Россию военным противником Германии было бы крайне опасным легкомыслием. Расчеты на то, что на безлюдных и непроходимых просторах русского восточного фронта японцы смогут оказать германским войскам действенную помощь, он отвергал как весьма сомнительные.

Кейтель посчитал его информацию настолько важной, что немедленно позаботился о встрече Кёстринга с Гитлером. Кёстрингу следовало в сопровождении главнокомандующего сухопутными войсками Браухича без промедления отправиться в Бергхоф и представиться Гитлеру. Таким образом, у него появилась возможность компенсировать свое отсутствие на докладе 10 мая. Кёстринг отметил, что «Гитлер принял очень любезно, пригласил на завтрак. Затем последовал почти двухчасовой доклад, во время которого Гитлер дал мне спокойно выговориться, но со своей стороны даже не намекнул на собственные планы относительно России. Мое очень обстоятельное описание происшедшего после чистки упрочения внутреннего положения в России, развития экономики он слушал некоторое время, не задавая вопросов, но затем внезапно попросил рассказать ему о Красной Армии»[154].

В ходе этой беседы Кёстринг упомянул кинофильм, в котором были запечатлены военные парады на Красной площади за несколько лет. Он содержал наглядный материал о внушительных советских военных достижениях за этот период. Кинофильм, позднее показанный Гитлеру, в немалой степени способствовал формированию у него знакомого нам восхищения Сталиным («Я совершенно не знал, — говорил он, — что

Сталин такая симпатичная и сильная личность!»). По мнению Кёстринга, с этого начался «дружелюбный» период сближения двух диктаторов[155].

В это время Гитлер и в самом деле очень интенсивно занялся «русской альтернативой»[156]. 19 июня 1939 г. Петер Клейст сообщил одному из агентов советской разведки, что «в течение последних недель Гитлер обстоятельно занимался Советским Союзом и заявил Риббентропу, что после решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап и что необходимо будет с Москвой проводить определенное время политику равновесия и экономического сотрудничества»[157]. Советское правительство также узнало, что Гитлер все еще колебался между мирным и военным решением польской проблемы, что для последнего случая военная акция Германии против Польши намечена на конец августа — начало сентября и что приготовления почти закончены. Советское правительство получило подробнейшие детали планирования, в том числе ему стало известно, что Гитлер намеревался нанести Польше несколько быстрых уничтожающих ударов, чтобы в кратчайший срок сломить ее сопротивление и ограничить войну местными рамками прежде, чем западные державы успеют прийти в себя. Клейст передал агенту и схему предполагаемой германо-польской границы. Согласно этой схеме, в состав германского рейха включались польский коридор, Данциг, район Сувалки, Верхняя Силезия вместе с индустриальным комплексом, районы Тешин и Билитц. Новая граница должна была проходить от города Торунь в направлении городов Познань и Лодзь, которые, однако, оставались за пределами новых границ рейха. Клейст прокомментировал это многозначительными словами: «Будем ли мы соблюдать эту границу после решения польского вопроса — это другой вопрос».

Предупреждения подобного рода Советское правительство получило в эти дни и из США. Из поступивших в Брюссель сообщений бывшему американскому послу в Москве Дэвису стало известно, «что война как результат агрессии Гитлера уже на пороге и начнется или перед днем рождения Гинденбурга в августе, или же перед нюрнбергским съездом партии в сентябре»[158]. 18 июня президент Рузвельт пригласил Дэвиса на завтрак и поинтересовался состоянием советских переговоров с Англией и Францией. Дэвис, который неоднократно предупреждал английское правительство, ответил «откровенно», что он очень обеспокоен. «В дипломатическом корпусе в Брюсселе, — сказал Дэвис, — все говорят о том, что Гитлер использует любые средства, чтобы разобщить Сталина с западными государствами. От весьма высокопоставленного лица в Европе мне известно, что Гитлер и Риббентроп совершенно уверены в том, что смогут сманить Сталина у Англии и Франции. Президент ответил мне на это, что он попросил посла Уманского[159], когда тот уезжал в Москву, сказать Сталину, что если его правительство будет сотрудничать с Гитлером, то Гитлер — и это ясно, как божий день, — разгромит Францию, повернется против России и наступит черед Советов». Президент попросил Дэвиса по возможности «довести эту весть до Сталина и Молотова».

В последние дни своего пребывания в Берлине Шуленбургу пришлось почувствовать, как изменилась атмосфера. Самонадеянность руководящих кругов вновь возросла, изменение тона было просто удивительным. Главную роль играли радикальные элементы. У французского посла в Берлине создалось впечатление, «что под их влиянием национал-социалистская дипломатия перешла в широкое и мощное контрнаступление на два фронта. В Берлине надеются, что оно деморализует Польшу, запугает англичан и положит конец всяким попыткам проводить так называемую политику окружения. Внимание руководящих кругов и (общественного) мнения по-прежнему приковано к переговорам (западных держав. — *И.Ф.*) в Москве. По мнению официальных германских кругов, эти переговоры являются пробным камнем. Полуофициальная пресса старается, в частности, внушить своим читателям, будто ей известна истинная подоплека русской политики. Разногласия в Политбюро, мол, значительны, и игра еще не окончена»[160].

Италия «прикрывает с фланга»

Для достижения в ходе «дипломатического контрнаступления» германских целей на Востоке решили активнее использовать помощь итальянской стороны. При этом хорошие отношения между Шуленбургом и Россо и поступающая через этот канал информация оказались очень полезными министерству иностранных дел Италии. Чиано получил подробные сведения и о предпринимавшихся Шуленбургом в Берлине шагах[161]. В то время как вернувшийся в Москву Шуленбург в понедельник, 26 июня, приступил к исполнению своих обязанностей, Чиано провел в Риме с советским поверенным в делах Львом Парвус-Гельфандом длительную беседу[162].

Чиано пребывал в миролюбивом настроении, принял к сведению жалобы Гельфанда на итальянские ложные сообщения относительно событий на монгольском фронте и пообещал немедленно принять меры. Чиано дал понять, что итальянская сторона давно выступает за прекращение боевых действий Японии против СССР, и сказал: «Более того, мы заявили в Берлине, что целиком поддерживаем план Шуленбурга». На вопрос Гельфанда, о каком «плане» идет речь, Чиано пояснил, что во время пребывания в Берлине Шуленбург предложил «стать на путь решительного улучшения германо-советских отношений», для чего:

1. Германия должна содействовать урегулированию японо-советских отношений и ликвидации пограничных конфликтов.

2. Обсудить возможность предложить нам (Советскому правительству. — *И.Ф.*) или заключить пакт о ненападении, или, быть может, вместе гарантировать независимость Прибалтийских стран.

3. Заключить широкое торговое соглашение».

Чиано добавил, что не имеет пока сообщения об отношении Гитлера к этому плану. При очередной беседе по телефону он собирался узнать об этом у Риббентропа и рассказать при встрече Гельфанду. Как заявил

Молотов Шуленбургу 15 августа[163], подобные сведения из уст итальянского министра иностранных дел сильно обнадежили Советское правительство. После долгих проволочек они благоприятно сказались на готовности к переговорам.

Передавая информацию советскому представителю в Риме, Чиано одновременно дал указание своему послу в Москве на месте так поддержать германские усилия, чтобы воспрепятствовать заключению пакта трех держав. Столь деструктивная цель проведения политических переговоров с Советским правительством не устраивала ни Россо, ни Шуленбурга. Поэтому его ответ Чиано был поразительно сдержан. Если в данный момент, писал Россо, и существует какая-либо возможность что-то сделать в данном направлении, то только на пути прямого «германского вмешательства» в виде: «1) заверений и гарантий, что политика (держав «оси») не угрожает политике Советского Союза; или 2) заявления, что заключение Москвой (договора) с Лондоном и Парижем будет рассматриваться как участие в политике окружения и, следовательно, как враждебный акт». Как добавил Россо, он интерпретирует указание Чиано в том смысле, что его «акция должна обеспечить немецким коллегам прикрытие с фланга». Дескать, поэтому он хотел бы сперва подождать приезда Шуленбурга, который, как и следует предполагать, вернется с точными инструкциями своего правительства. В неофициальной беседе с Типпельскирхом, состоявшейся 25 июня, Россо, говоря о своем поручении, не без удивления заметил, что, по мнению итальянского правительства, пришло время, «чтобы сорвать проходящие в Москве англо-франко-советские переговоры». Самому ему еще-де «неясно... каким образом он должен выполнить это поручение» и поэтому с большим нетерпением ждет приезда посла. В первой же беседе после возвращения Шуленбурга оба посла обстоятельно обсудили этот вопрос и пришли к иному выводу. Они были заинтересованы не в срыве переговоров трех держав, а прежде всего в налаживании прочных германо-советских отношений. Характерным был в этой связи ответ Россо министру иностранных дел Чиано, в котором говорилось о том, что Шуленбург отклонил подобное косвенное вмешательство и подчеркнул, что с итальянской стороны желательной могла быть, самое большее, позитивная акция в том смысле, что посол, например, подтвердил бы искренность немецких стремлений к улучшению отношений с СССР.

Седьмой немецкий контакт: второй зондаж Шуленбурга у Молотова

Возвращаясь в Советский Союз в конце недели 24 — 25 июня 1939 г. — то был его последний переезд границы в еще мирной Европе, — посол получил первое ощущение грядущих событий. Будучи «единственным пассажиром, который пересек в Бигоссово советскую границу», он отметил: «Китайская стена вокруг Советского Союза становится все эффективнее»[164]. Пограничное сообщение было сокращено до минимума; движение автотранспорта через границу и вовсе прекра-

щено. В глазах Шуленбурга это был еще один пример возросшей советской потребности в повышенной безопасности.[165] И отнесся он к этому с пониманием, ибо в свете увиденного в Берлине дальнейшее политическое развитие казалось ему более чем неопределенным. «Что произойдет в политической области, — писал Шуленбург, — пока предвидеть невозможно»[166]. Осознание грозящих опасностей усилилось и в Москве. Война, начавшаяся 11 мая с незначительного, как казалось, выступления маньчжурских войск против монгольских пограничных укреплений и последующих боев на суше, между тем охватила и другие рода войск подобно тому, как это ранее произошло в гражданской войне в Испании, где опробовались различные боевые варианты на тот случай, когда дело примет действительно серьезный оборот. Конфликт вылился в позиционные сражения и тяжелейшую за всю историю воздушную войну. Прежде всего военная авиация Японии испытала свои наступательные качества и тем самым как бы подтвердила, что в будущей войне Япония собирается завладеть значительными азиатскими территориями России[167]. Нарком обороны маршал Ворошилов, направив 1 июня на японо-монгольскую границу генерала Г.К.Жукова, показал, что хорошо понимает всю серьезность этой эскалации[168]. В то время как Красной Армии приходилось с запозданием и величайшим напряжением сил учиться решать на Дальнем Востоке огромные транспортные и снабженческие проблемы и при сравнительно высоких потерях в живой силе и технике усваивать новые методы ведения боевых действий, выходившие почти ежедневно сообщения ТАСС об этих событиях[169] также свидетельствовали об отсутствии эффективной подготовки и готовности к военным конфликтам подобного рода.

Ввиду все более серьезных военных осложнений на востоке еще больший вес приобретал тот факт, что переговоры с Англией и Францией в конце июня снова зашли в тупик. Надежды, возникшие было, после направления английского специального посланника Стрэнга[170] быстро исчезли из-за того, что, как считала советская сторона, Англия, проявляя нерешительность, затягивала переговоры, но особенно в связи с представленным 21 июня англо-французским проектом договора[171]. Уже на следующий день, 22 июня, Молотов отклонил его от имени Советского правительства как неприемлемое «повторение старых предложений Англии и Франции»[172]. В тот же день английский специальный посланник выехал в Лондон для консультаций. Повисло в воздухе и требование об обоюдных гарантиях Прибалтийским странам — Эстонии, Латвии и Финляндии, — которое нарком иностранных дел Молотов публично выдвинул в речи 31 мая и которое советская пресса между тем подтвердила[173], а Советское правительство еще раз во всех деталях изложило послам Сидсу и Наджиару в памятной записке[174] от 16 июня. Необходимость срочного решения данного вопроса, с советской точки зрения, доказывал визит начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Франца Гальдера в Эстонию и Финляндию (26 — 29 июня)[175].

Вероятно, имелось специальное указание, которое побудило Шуленбурга просить наркома иностранных дел о встрече лишь через три

дня после своего возвращения, то есть 28 июня. До тех пор Советскому правительству предоставлялась возможность сделать необходимые выводы из инспекционной поездки Гальдера. Дипломатическое предложение должно было последовать при зримо возросшем военном давлении в регионе Балтийского моря. Молотов принял посла через три часа после получения его просьбы. Согласно записи Молотова[176], Шуленбург, ссылаясь на предшествовавшую беседу Молотова и Астахова, напомнил о высказывании, касавшемся создания «политической базы», и затем, по просьбе Молотова развивая свою мысль, сказал, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил далее, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера». Однако в немецких документах сведений об одобрении Гитлера нет, и обе записи Шуленбурга этой беседы не содержат ничего подобного[177]. Никаких данных на этот счет не имеется и в отчетах итальянского посла и поверенного в делах США[178].

В доказательство изменившегося отношения Германии к Советскому Союзу Шуленбург привел пакты о ненападении с Эстонией и Литвой. Он дал понять, что признает «деликатный характер» вопроса Прибалтийских государств и заинтересованность в нем Советского Союза, но вместе с тем считает, что подписание упомянутых договоров не является шагом «неприятным для СССР». В этой связи Шуленбург заверил Молотова, «что ни у кого в Германии нет, так сказать, наполеоновских планов в отношении СССР». Молотов, по его словам, воздержался от какой бы то ни было полемики, но выразил сомнение в постоянстве германских намерений и напомнил о расторжении германо-польского пакта о ненападении. Касаясь немецких планов относительно СССР, Молотов заметил, «что нельзя никому запретить мечтать, что, должно быть, и в Германии есть люди, склонные к мечтаниям». Более прямо, чем в предыдущие беседы, Шуленбург, согласно его записи, спросил о том, что нарком имел в виду, когда говорил о «создании политической базы для возобновления экономических переговоров». На это Молотов, как видно из обеих записей, ответил классической советской формулировкой о стремлении к улучшению отношений со всеми государствами и, следовательно, — на условиях взаимности - к нормализации отношений с Германией. Если Шуленбург в самом деле говорил с санкции Гитлера, то ответ Молотова («Не вина Советского правительства, что эти отношения стали плохими») был похож на выпад. Как записано в справке Шуленбурга, в таком же принципиальном тоне Молотов затем спросил, «что за последнее время в отношениях между Германией и Советским Союзом» действительно «изменилось» и как себе посол представляет «дальнейшее развитие событий». В записях Молотова указано: «На мой вопрос, как посол представляет себе возможности улучшения отношений... Шуленбург ответил, что надо пользоваться каждой возможностью, чтобы устранить затруднения на пути улучшения отношений». Это был неудовлетворительный ответ, отражавший ограниченность его инструкций. Молотов заметил с сарказмом и разочарованием: «Если посол и теперь,

после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно... он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно и посол - большой оптимист». Официальная попытка сближения зашла в тупик. В этой ситуации посол проявил инициативу. «Искусно вставленное замечание о том, что русско-германский договор 1926 г. все «еще в силе», — записал Шуленбург, — пробудил интерес Молотова»[179]. По словам Молотова: «Здесь Шуленбург напомнил, что СССР и Германия связаны берлинским договором о нейтралитете, заключенным в 1926 г., который был продлен Гитлером в 1933 г. Я иронически заметил, что хорошо, что Шуленбург помнит о существовании этого договора, и спросил, не находит ли посол, что заключенные Германией в последние годы договора, например «антикоминтерновский пакт» и военно-политический союз с Италией, находятся в противоречии с германо-советским договором 1926 г. Шуленбург стал уверять, что не следует возвращаться к прошлому».

В этих словах наряду с фактом санкционирования контактов Гитлером заключался для Советского правительства важнейший результат беседы[180]. Заявление Шуленбурга от 28 июня, как подчеркивал позднее Майский[181], шло «по линии советских желаний и означало благоприятный для нас сдвиг в германской политике». Вместе с тем, по всей вероятности, разъяснения Шуленбурга оказались ниже советских ожиданий. По целому ряду причин Советское правительство должно было ожидать к этому времени предложения пакта о ненападении с гарантиями для Прибалтийских стран, о чем мечтал и Шуленбург[182].

В докладе американского поверенного в делах, который основывался на информации Херварта, имелась, кроме того, следующая характерная фраза: «Прежде чем уйти, посол спросил, прав ли он, полагая, что Советский Союз желает нормальных отношений со всеми странами, не ущемляющих советских интересов, и относится ли это также и к Германии. Молотов ответил положительно». То был образцовый пример умения пристрастного дипломата заполучить высказывания, нужные для отчета, нацеленного на продолжение процесса сближения!

Посол выразил «удовлетворение» в высшей степени «академическим характером» дискуссии, которая «не привела к какому-то положительному результату». В его записке упоминались «сердечный тон» и «почти дружеское отношение к нему Молотова». В разговоре с Россо он придерживался той точки зрения, что теперь нужно «осторожно и без всякого силового давления» продвигаться дальше[183].

А вот Гитлера исход беседы привел в замешательство. Его чрезвычайно бурная реакция косвенно подтверждает слова Молотова о том, что Шуленбург на этот раз впервые сослался на санкцию Гитлера. После ознакомления с первой справкой Шуленбурга Гитлер распорядился: «Русским надо сообщить, что... в настоящее время мы не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией»[184]. На следующий день Вайцзеккер по поручению не менее раздраженного министра иностранных дел сообщил послу, что Риббентроп «считает, что в политической области уже... сказано достаточно и что в данный момент возобновлять разговор по нашей инициативе не следу-

ет»[185]. После этого, как пишет Сиполс, «немцы целый месяц не решались по этой проблеме снова обращаться к Советскому правительству»[186].

Вопрос «косвенной агрессии»

Западные обозреватели и историки неоднократно высказывали предположение, что Сталин летом 1939 г. вел «двойную игру». Советское правительство, мол, использовало немецкие авансы в качестве средства нажима на западные державы и по мере усиления германского домогательства повышало свою «цену» за вхождение в тройственный союз, к которому стремились западные страны. Дескать, эта позиция Сталина стала очевидной самое позднее с выдвижением советских требований о включении Прибалтийских стран в число государств, защиту которых против агрессии, гарантию их нейтралитета или же территориальной целостности должны были взять на себя три державы. Советская же сторона постоянно подчеркивала свою неизменную заинтересованность в безопасности Прибалтийских государств.

Если первое предположение из-за недостатка документальных доказательств пока следует отнести к области политических спекуляций, то второе утверждение покоится на целом ряде серьезных доводов. Является сомнительной и, следовательно, предметом дальнейших исследований «экстенсивная» концепция безопасности тогдашнего советского руководства, которая, помимо прочего, нашла свое выражение в стратегии. Остается, таким образом, открытым вопрос, почему Советское правительство пыталось защитить свои государственные границы многосторонней гарантией нейтралитета (и, если возможно, созданием военных баз на территории) сопредельных Прибалтийских стран и почему сознание возраставшей военной мощи не позволило ограничиться «действенной» защитой собственных границ. В связи с этим по-прежнему не решенными остаются вопросы, касающиеся порядка принятия в Кремле подобных решений, в том числе и важные подвопросы о том, в какой степени принимал Сталин к сведению — если вообще принимал — информацию, анализы и выводы из них советской разведки, Наркомата иностранных дел и Генерального штаба и как при необходимости использовал их в политическом и военном планировании. Ставшие в последнее время известными такие важные подробности, как явно пренебрежительное отношение Сталина к разведывательной деятельности Рихарда Зорге и к другим первоклассным источникам информации[187], а также уничтожение Берией[188] советской военной контрразведки, множат сомнения в деловом подходе к рекомендациям этих учреждений. Поэтому приобретает дополнительный вес гипотеза о том, что Сталин, подобно Гитлеру, принимая главные решения, не обращал внимания на поступавшие к нему объективные анализы, а руководствовался собственной «интуицией». При подобных обстоятельствах могло случиться, что в вопросе Прибалтики над более действенной стратегией защиты территории в пределах существующих

собственных границ взяла верх геополитически более объемная стратегическая концепция «пространственной защиты», сформировавшаяся под влиянием традиционных представлений и окрашенная стремлением к успеху и экспансии. В этом Сталин также походил на немецкого диктатора[189].

Для изучения вопроса о дипломатической инициативе в подготовке германо-советского пакта о ненападении важно иметь в виду, что германское посольство в Москве рассматривало советские условия — «известную неуступчивость, касающуюся защиты трех Прибалтийских государств», и «обеспечение нейтралитета этих государств, жизненно важного для безопасности Советского Союза»[190] — в качестве заданной наперед величины, которую следовало учитывать в дальнейших, рассчитанных на успех дипломатических акциях. В этом отношении попытки послов обратить внимание Молотова на возможную германскую откровенность в прибалтийском вопросе представляли собой заслуживающую внимания инициативу. Они имели целью уменьшить советскую тревогу по поводу того, что для своего запланированного уничтожающего удара против Польши Германия может держать открытым путь в Прибалтику, чтобы сначала «утвердиться в Прибалтике, в непосредственной близости от Ленинграда»[191]. Эта вторая столица Советского государства находилась в заманчивой близости от Прибалтики. Ни одна армия в мире — тем более все еще ослабленная, для крупных операций на два фронта не подготовленная Красная Армия — не смогла бы успешно противостоять на этой узкой, не защищенной никакими естественными препятствиями полоске земли военному давлению германского вермахта, окрыленного верой в победу после совершенного марша через Польшу и Прибалтийские государства!

У аккредитованных тогда в Москве журналистов не было сомнений в том, что «Советам (на всякий случай)... пришлось подготовиться к нападению немцев на Польшу, а также к вовсе не исключавшейся возможности, что это наступление захватит Прибалтийские государства и, вероятно, Румынию, что означало бы возникновение второго фронта от Балтийского до Черного моря»[192].

В качестве первой явно защитной меры Наркомат обороны определил, что ежегодные большие осенние маневры Красной Армии, которые в предыдущем году (во время судетского кризиса) проводились в Белорусском и Киевском военных округах вдоль польско-советской границы, на этот раз состоятся в сентябре уже в Ленинградском военном округе[193]. Польская кампания — об этом совершенно определенно говорили различные (разведывательные) донесения и предупреждения Советскому правительству — должна была начаться в конце августа — первых числах сентября, и предполагалось, что вермахт победоносно завершит «блицкриг» за несколько недель. При этом оставался открытым вопрос, действительно ли вермахт остановится на предусмотренной линии или же, напротив, — как сообщал Петер Клейст и указывалось в первом варианте плана «Вайс» в качестве оперативной возможности — зона боевых действий распространится и на соседнюю

Прибалтику. Сконцентрированная в Ленинградском военном округе, готовая к бою Красная Армия могла бы остановить немецкие войска.

Опубликованное 29 июня сообщение об этих маневрах явилось для дипломатических кругов Москвы неожиданностью. Итальянский посол увидел в этом решении намерение «показать особую заинтересованность СССР в собственной безопасности вдоль границы с Прибалтийскими странами и, возможно, также запугать правительства этих стран». Шуленбург передал это известие в Берлин без всяких комментариев. Германская сторона могла истолковать сообщение и подругому: перенесением маневров с советско-польской границы к границе с Латвией и Эстонией Советское правительство демонстрировало свою пассивную позицию по отношению к Польше. Правительство Сталина, по всей видимости, считало немецкое нападение на Польшу и (частичную) оккупацию страны неизбежными. Оно сосредоточило внимание главным образом на том, чтобы конфликт не распространился на Прибалтийские государства и затем на советскую территорию.

Поэтому в первые дни лета 1939 г. зарубежные представители Советского Союза внимательно следили за возраставшим политическим и военным влиянием государств-агрессоров на эти страны. Появление в середине июня немецкого крейсера и немецких офицеров в гавани и городе Ревеле (Таллинне) могло быть связано с предшествовавшей поездкой начальника генерального штаба сухопутных войск Гальдера в Эстонию и Финляндию[194]. Инспекционные поездки японских военных по прибалтийским портовым укреплениям[195] в тот момент, когда Советское правительство определенно полагало, что эскалация «японской провокации»[196] в Монголии — это демонстрация военной мощи Японии «по настоянию Германии и Италии»[197], должны были засвидетельствовать Советскому государству наличие особо острой угрозы на двух фронтах. Казалось, будто Германия и Италия после более чем восьми совместно проведенных дипломатических попыток сближения старались оказать на СССР военное давление с обоих флангов, чтобы ввиду предстоявшей германской акции против Польши сделать Сталина более сговорчивым.

Советское правительство и в этой обстановке не отказалось от идеи союза с западными странами, безусловно, в соответствии со старыми военными и политическими концепциями безопасности. Конечно, оно видело возникшую во второй половине июня 1939 г. опасность «второго Мюнхена, на этот раз за счет Польши»[198]. Это усилило стремление Советского правительства добиться желаемой безопасности для Прибалтийских государств в рамках договорных соглашений с западными державами. Когда представители западных стран — Сидс, Стрэнг, а также вновь назначенный французский посол Наджиар — передавали Молотову 15 июня новое предложение о договоре, их встретили с большой надеждой. «Послов приятно удивили сердечные манеры Молотова»[199].

Немного позднее, 29 июня, когда английское правительство продолжало держаться скептически, Советское правительство опубликовало в «Правде» сенсационную статью секретаря ленинградской

партийной организации и депутата Верховного Совета Андрея Жданова и тем самым обратило внимание западных правительств на то, что и в его собственных рядах существовали совершенно различные точки зрения относительно готовности Запада заключить союз и что консенсус в пользу продолжения этих трудных переговоров вовсе не обеспечивался автоматически[200]. Не было случайностью, что Жданов высказал свою точку зрения на переговоры в условиях возникшей угрозы для Прибалтийских государств. Ведь непосредственно затрагивались интересы безопасности Ленинградской области. Да и жизненный путь ленинградского партийного секретаря был и оставался тесно связанным со странами Прибалтики[201]. Как показали дальнейшие события, тревога ленинградца по поводу ситуации, в которой оказался город, не была беспочвенной в период, когда Жданов в статье, опубликованной в «Правде», настаивал на решении вопроса о целесообразности продолжения переговоров. Он считал поведение западных держав неискренним и обвинял их в недопустимом затягивании переговоров. Жданов указал прежде всего на не решенные проблемы в Прибалтике и заметил, что вопрос о гарантиях Прибалтийским странам западная сторона превратила в искусственно надуманный «камень преткновения», грозивший сорвать переговоры, которые по этой причине уже якобы зашли в тупик. По словам Жданова, англичанам и французам нужен был такой договор, в котором «СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств». Однако ни одна уважающая себя сторона не может согласиться стать «игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками (это выражение употребил Сталин на XVIII съезде партии. — *И.Ф.*). Тем более... СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру». В конце статьи высказывалась догадка, что, затягивая переговоры, западные державы оставляли открытой заднюю дверь для «сделки» с агрессором. Статью Жданова, вне всякого сомнения, санкционировал Сталин. И все-таки есть основание предполагать, что в эти недели Сталин усиленно взвешивал все «за» и «против» переговоров трех держав и что в Советском правительстве действительно возникли разногласия. При этом трудно сказать, каким весом в этот период сузившихся политических и военных возможностей обладали представители военных. Посол Уманский 30 июня подробно развил американскому президенту советскую аргументацию в разрезе статьи Жданова и заверил Рузвельта в том, что советская сторона выступает за продолжение переговоров[202].

Мнения западных дипломатов разделились. Как заметил Шуленбург в присутствии Россо, еще «неясно, является ли известная статья Жданова всего лишь маневром или же предвещает прекращение переговоров с Лондоном и Парижем». Для обоих вариантов Шуленбург предвидел серьезные опасности, однако он утверждал, что и «в первом случае Советское правительство может бросить на чашу весов немецкую позицию, которая ему давно известна»[203].

Шуленбург, очевидно, опасался, что в результате непрерывных германских предложений самоуверенность Советского правительства

возрастет в такой степени, что усложнит переговоры с западными державами при необходимости вплоть до разрыва, вместе с тем в докладе министерству иностранных дел он лишь указал на то, «что советская позиция в вопросе гарантий Прибалтийским государствам ужесточилась» и что упор на личные взгляды автора обнаруживает намерение Советского правительства «оставить лазейку для продолжения переговоров даже в том случае, если Англия не уступит на все сто процентов». Этим Шуленбург подчеркнул важное значение гарантий Прибалтийским странам и стремление Советского правительства прийти к соглашению с западными державами даже ценою уступок.

Интересам безопасности в районе Прибалтики служила политическая концепция, которую Советское правительство в начале июля 1939 г. включило в свои проекты договора в виде понятия «косвенная агрессия»[204]. При этом оно исходило из опыта применения национал-социалистами различных методов экспансии, учитывало известные ему прогерманские настроения среди членов прибалтийских правительств и опиралось идейно и терминологически на более раннее «определение агрессии» (1933). «Вопрос о косвенной агрессии стал центральным пунктом договоренностей»[205]. Он свыше трех недель бросал свою тень на политические переговоры и 23 июля завел их в тупик.

При этом Советское правительство в ходе обмена мнениями — и по мере приближения военной опасности — все более сужало это понятие, усиливая подозрение западных держав, что правительство СССР преследует в Прибалтике собственные скрытые цели и хотело бы с помощью данной терминологии приобрести одобренный западными державами инструмент овладения Прибалтийскими государствами. В какой-то степени компромиссный проект договора, который под впечатлением статьи Жданова от 1 июля[206] послы Англия и Франции передавали Молотову, говорил вообще об «агрессии», которая могла бы поставить под угрозу «нейтралитет и независимость» упоминаемых в составленном по предложению посла Наджиара секретном дополнительном протоколе приграничных государств, в первую очередь Эстонии, Финляндии и Латвии. За все время переговоров с Советским правительством, а также в течение лета 1939 г. то было первое серьезное предложение относительно включения в договор секретного дополнительного протокола. Оно исходило от французской стороны. В беседах, сопровождавших передачу проекта, Молотов выразил опасения Советского правительства по поводу подобных секретных соглашений. Он подчеркнул, что Советское правительство не может согласиться с доводом Запада, «что не открытый, а секретный список всего лишь формальность», и совершенно недвусмысленно назвал «принятие секретного списка... уступкой со стороны Советского правительства»[207]. Такая позиция имела принципиальную основу: в первом внешнеполитическом акте после революции, в *Декрете о мире* (8 ноября 1917 г.), В.И.Ленин отверг для Советского правительства всякую тайную дипломатию и объявил безусловно и немедленно отмененным содержание всех заключенных царским правительством «тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев быва-

ло, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов»[208].

Этот вердикт по поводу секретной дипломатии и, следовательно, запрет на заключение международно-правовых соглашений относительно третьих стран сохранял до того времени более или менее обязательный характер для советской внешней политики (тайное военное сотрудничество Красной Армии с рейхсвером, если быть точным, к данной проблеме не относится). В этой связи в то время в самом деле мог возникнуть вопрос, который недавно с полным основанием поставил Л.Безыменский: «Имело ли Советское правительство моральное право перенимать методы своих капиталистических соседей?»[209] В сложившейся ситуации вопрос разрешался по-деловому: бравшиеся под защиту страны, дескать, не хотели, чтобы их называли публично, так как опасались, что они тогда тем более могут стать жертвами германской агрессии. Поэтому не оставалось ничего другого, как упомянуть их в секретном документе.

С другой стороны, Молотов сразу же обратил внимание на то, что представленный проект предусматривал лишь случаи прямой агрессии. В то же время именно для названных в дополнительном протоколе приграничных государств не исключалась косвенная агрессия. Как посол Сидс сообщил министру иностранных дел Галифаксу[210], при этом Молотов имел в виду «такие случаи, как уступка президента Гахи в марте... Молотов констатировал, что вопрос может быть решен, если в нашем проекте статьи 1 после упомянутого слова «агрессия» будет добавлено: ''прямая или косвенная''».

Советское правительство не стало дожидаться изменения статьи 1 западного проекта, а передало через Молотова 3 июля послам новый проект договора, в котором факт упоминаемой в статье 1 «агрессии» определялся в не подлежащем публикации приложении в том смысле, что она наличествует как в случае прямой, так и в случае косвенной агрессии. Под «косвенной агрессией» Советское правительство понимало «внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору»[211]. Согласно проекту от 8 июля, это понятие должно было охватывать и такие действия, «на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые связаны с отказом этого государства от своей независимости или своего нейтралитета»[212].

Прежде чем западные послы смогли проконсультироваться у своих правительств, Молотов представил им 9 июля новый проект, как он его назвал, «дополнительного письма» к тексту договора. В соответствии с ним выражение «косвенная агрессия» относилось к действию, «на которое какое-либо из указанных выше государств (приграничных — *И.Ф.*) соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил[213] данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, следовательно, влечет за собой утрату этим государством независимости или нарушение его нейтралитета»[214]. Камнем преткновения в этом проекте оказалась формулировка «или

без такой угрозы». Английское правительство соглашалось лишь принять во внимание в договоре случаи, в которых «правительство под угрозой применения силы агрессором против собственной воли» принуждается к отказу от своей независимости или нейтралитета. В беседе с послами 17 июля Молотов назвал данную формулировку «неприемлемой»[215]. Нельзя было так просто отмести ни аргумент Молотова, что и президент Гаха, вне всякого сомнения, стал бы отрицать, что отдал свою страну Гитлеру под угрозой применения силы, ни возражение западных стран, что подобная формулировка позволила бы трем державам, подписавшим договор, втянуть пограничные государства против их воли в военные действия. В основе этого выражения лежали постоянные английские опасения, что Советское правительство ищет договорный инструмент для нарушения независимости Прибалтийских государств — предположение, которое, к большому неудовольствию СССР, 31 июля высказал в палате общин заместитель министра иностранных дел Р.О.Батлер.

После проведенных бесед Советское правительство поняло, что в такой, вызванной германскими военными приготовлениями, спешке достигнуть соглашения по этому политическому вопросу не удастся. Тогда оно перенесло главное внимание на военную сферу. Уже советский проект от 8 — 9 июля обусловливал одновременное подписание политического и военного соглашений. В статье 6 говорилось, что действенность политического соглашения обеспечивается лишь незамедлительным подписанием военного соглашения о методах, формах и размерах взаимной помощи. При обсуждении этой статьи Молотов назвал политическое соглашение без военного соглашения «пустой декларацией». В основе такого мнения лежала оценка западной стратегии переговоров, к которой пришло Советское правительство в тот период. У него, в частности, сложилось впечатление (об этом Сталин сообщил Черчиллю в августе 1942 г. уже в других условиях), «что английское и французское правительства и не думали воевать в случае нападения на Польшу, а больше надеялись на то, что дипломатическое единство Англии, Франции и России отпугнут Гитлера. Мы были уверены, что оно его не напугает». Черчилль нашел эту советскую точку зрения «основательной, но не говорящей в пользу господина Стрэнга и Форин оффиса!»[216]. Практиковавшуюся Галифаксом политику, которая сводилась к тезису «Пускай Гитлер гадает»[217], ни Сталин, ни Черчилль не посчитали убедительной.

Как позднее сообщал Уильям Стрэнг, Форин оффис рассматривал тогда советскую взаимообусловленность политического и военного соглашений как выражение необоснованного недоверия по отношению к «нашей» искренности и полагал, что Советское правительство надеялось вопреки нашим убеждениям заставить принять военные условия». Стрэнг, который за многие недели переговоров с Молотовым и под влиянием московских дипломатов, в том числе и Шуленбурга, стал понимать и советское положение и ход советских мыслей, попытался смягчить взаимное недоверие; 20 июля он писал в Форин оффис: «Если мы хотим понять, как оно (Советское правительство. — *И.Ф.*) воспри-

нимает вопрос о Прибалтийских государствах, то мы должны представить себе, какую бы мы заняли позицию, если бы речь шла о германском влиянии в Голландии и Бельгии». Стрэнг считал последнее советское определение «косвенной агрессии», учитывая «новую технику» стран «оси», оправданным и указал на то, что западные страны и в случае неподписания желаемого советской стороной военного соглашения будут вынуждены оказать военную помощь СССР, «если он, защищая... Прибалтийские государства, будет втянут в военные действия». Стрэнг подчеркивал, что было бы лучше, если бы западные державы уже раньше согласились на благоприятные условия СССР, и настойчиво высказывался за заключение обоих соглашений, прежде чем «международная обстановка еще больше ухудшится». Он обратил внимание Форин оффиса на то, что британское правительство нуждалось в подобном соглашении, в то время как у России в конечном счете имелось две альтернативы: «политика изоляции и политика прекращения конфронтации с Германией!». Срыв переговоров после нескольких месяцев совещаний вызвал бы не только «дурные чувства», «он поощрил бы немцев к действию и подтолкнул бы Советский Союз к изоляции или же к сближению с Германией». Послы Сидс и Наджиар разделяли эту точку зрения. Благодаря влиянию на свои правительства они смогли 23 июля сообщить Молотову об их согласии, чтобы политическое и военное соглашения вступили в силу одновременно. Молотов принял это заявление «с глубоким удовлетворением» и подчеркнул, что «определение косвенной агрессии найдется. Важнее было определить форму и масштабы военного соглашения. Поэтому военные переговоры должны немедленно начаться»[218].

Причиной этой последней уступки западных держав послужило коммюнике Наркомата внешней торговли о намечаемом возобновлении германо-советских торговых переговоров, опубликованное ТАСС 22 июля. На Вильгельмштрассе, наблюдая за политическими переговорами западных держав с Советским правительством, не сидели сложа руки.

Сталину подбрасывают новую идею

В этот период германское посольство в Москве видело свою основную задачу в том, чтобы, несмотря на резкое ограничение своих возможностей к переговорам из-за указаний Гитлера от 29 и 30 июня, поддержать едва начавшийся германо-советский обмен мнениями. А это было непросто. Особенно трудным в эти июньские дни было положение посла. Недостаточные успехи, о чем он сообщал в своих осторожных записках, стиль и язык которых все более резко противоречили культивировавшимся в Берлине эйфорическим победным настроениям, по-видимому, сильно восстановили против него Гитлера и Риббентропа. Отдельные дипломатические документы создают впечатление, что в первые недели июля Шуленбург, должно быть, ожидал, что его скоро отзовут[219]. Он направил посланника фон Типпельскирха в дли-

тельную служебную командировку в Берлин, чтобы воспрепятствовать в этот важный момент изменениям в личном составе посольства.

В частном порядке посол писал в Берлин, что Типпельскирх оставил Москву 3 июля 1939 г., хотя у него «не было к этому никакого желания!!!»[220]. Как следует из его частного письма Шуленбургу, посланник заявил на Вильгельмштрассе сотруднику Риббентропа по экономическим вопросам, раздраженному господствовавшими в посольстве взглядами: «Посольство и прежде всего Вы сами сделали все возможное, но мы ведь не можем же затащить Молотова и Микояна через Бранденбургские ворота!» В отделе кадров Типпельскирх посетил всех ответственных чиновников, каких только можно было найти, и «высказался в смысле Ваших (то есть посла — *И.Ф.*) указаний против того, чтобы кто-нибудь из нас был бы отсюда переведен»[221]. Тем временем Шуленбург был вынужден пребывать в посольстве или, как он выразился, «на месте», не имея даже права предпринять длительную поездку по стране. В те дни в частных посланиях этого обычно сдержанного и невозмутимого человека зазвучали пессимистические нотки, перемежающиеся с сомнением и иронией. Он, в частности, писал: «...порой жизнь мне уже не кажется такой прекрасной! Однако нужно не поддаваться унынию и не вешать голову». И вновь: «Политические дела все еще без изменений. Англо-франко-советские переговоры пока не завершены. Напряженность в международной обстановке сохранится... Но я остаюсь оптимистом и не верю, что из-за Данцига[222] возникнет крупный конфликт. Мои собственные дела обстоят здесь и не хорошо и не плохо. Пожалуй, слишком «поздно»! Ты должна и дальше желать мне успеха». И далее: «''Политические'' известия, которые ты получила, рассмешили меня[223]. Мы еще не дожили до того, чтобы фюрер и Сталин вели переговоры о разделе Польши!! И здесь — и не только здесь!! — распространилось известие, будто в Москву с особой миссией приезжает господин фон Папен... Почти!! Только не господин фон Папен, а папа!»[224]

Усилия Типпельскирха в Берлине посол поддержал в личном письме статс-секретарю, сообщив ему, что «считает... правильным на пути нормализации наших отношений с Советским Союзом пока у господина Молотова ничего больше не предпринимать. Я полагаю, что любая поспешность только повредила бы... Тем не менее кое-что мы можем и должны делать»[225]. Так как «большие дела» из-за сопротивления с той и другой сторон в настоящее время, дескать, невозможны, следовало бы пока ограничиться «малыми». Опыт, мол, показывает, что в международных сношениях хорошую или плохую атмосферу создают не договоры и соглашения, а, скорее, манера улаживания повседневных дел. Здесь, писал Шуленбург, открывается «для наших замыслов широкое поле деятельности, однако не столько в Москве... сколько у вас в Берлине». Посол предложил за счет изменения тона, немного более приветливого обхождения дать наконец-то советским представителям в Берлине доказательства доброй воли. Любезности и различные льготы постепенно привели бы к реальному изменению об-

щего климата. Начальнику восточноевропейской референтуры Шлипу посол одновременно рекомендовал «доказать русским на мелочах повседневной жизни, что мы хотим улучшения наших отношений», и добавил: «Я был бы Вам благодарен, если бы Вы стали активно действовать в этой области»[226].

В Москве контакт с Наркоматом иностранных дел установил его итальянский коллега. Шуленбург рекомендовал ему ограничиться подтверждением немецкой готовности к улучшению отношений. В беседе с Потемкиным 4 июля Россо намекнул на последнюю беседу Шуленбурга с Молотовым и на немецкое желание нормализации отношений. Как сообщил Россо министру Чиано, Потемкин проявил крайнюю сдержанность. «Хорошие отношения между обеими странами, без сомнения, явились бы успокаивающей гарантией сохранения мира», — без всякого выражения, но многозначительно сказал он. Отвечая на вопрос Россо о состоянии советских переговоров с западными державами, Потемкин указал на еще имеющиеся нерешенные вопросы; он подчеркнул, сославшись на речь Молотова в Верховном Совете, что Советское правительство подпишет документ только тогда, когда *все* сформулированные им условия будут выполнены[227].

Шуленбург был удовлетворен результатом такого «прикрытия с фланга» и подчеркнул, что этого пока достаточно[228]. В сообщении министерству иностранных дел он прокомментировал эту беседу в преувеличенно позитивном смысле, который выдавал стремление бороться за продолжение начавшихся переговоров. В соответствии с его трактовкой у итальянского посла якобы сложилось «впечатление, что Потемкин рассматривал переговоры оптимистичнее», чем раньше, а в отношении Германии заявил, «что соглашение Советского Союза с Германией явилось бы самой действенной гарантией мира»[229]. С той же целью он назвал очень умеренный советский встречный жест, за который министерство иностранных дел сражалось несколько недель и который касался обмена заключенными, «первым за долгое время существенным признаком движения навстречу»[230].

Посланник фон Типпельскирх нашел в Берлине лишь ограниченное понимание позиции германского посольства в Москве. Риббентроп «не пожелал его видеть». Специалист по международному праву и руководитель юридического отдела д-р Гаус, с которым он, по-видимому, должен был проконсультироваться по вопросу пакта о ненападении, отсутствовал. Статс-секретарь фон Вайцзеккер стремился в первую очередь получить информацию о ходе переговоров по тройственному пакту. По поводу беседы Шуленбурга с Молотовым он заметил, что, «по его мнению... пока в политической сфере» с немецкой стороны «сделано достаточно... в области же экономической можно было бы, пожалуй, попытаться продвинуться дальше, однако не торопясь и поэтапно». В противоположность Шуленбургу дальнейшее «углубление темы «Берлинский договор» казалось Вайцзеккеру нежелательным»[231]. Помимо прочего, причиной этого, должно быть , явилась боязнь Вайцзеккера действенного германо-советского соглашения. Переоценивая негативные последствия для Германии пакта СССР с западными державами,

он в то же время полагал, что если «вместо западных держав партнером Сталина станет Гитлер», то это приведет к «катастрофическим последствиям»[232]. Помощник статс-секретаря Вёрман в разговоре с Типпельскирхом также сделал «интересное замечание о Берлинском договоре, в связи с чем представляется целесообразным эту тему без инструкций больше не затрагивать. Подробности устно!»[233]. В целом проблема «Советский Союз» по тем впечатлениям, которые сложились у Типпельскирха в Берлине, представлялась «по-прежнему в высшей степени интересной. Однако мнения неустойчивые, неокончательные. Формирование политической воли еще не закончено».

В это время решительнее всего на Вильгельмштрассе за переговоры с Россией выступал отдел экономической политики. Шнурре предстал перед Типпельскирхом «в не очень хорошем настроении. Он неоднократно подчеркивал, что без *положительной* реакции со стороны Молотова невозможно продвинуться дальше». Вместе с тем посольству еще с времен переговоров Шуленбурга с Астаховым было известно, что слишком позитивные отчеты Шнурре преследовали определенную цель. Так, Типпельскирх сообщил послу, что Вёрман в разговоре с ним «счел важным, что Советы в лице Астахова проявили инициативу к сближению», и добавил: «Я не возражал, однако указал на опубликованное сообщение о негативном заявлении здешнего полпредства, которого он не заметил»[234].

По настоянию своих экономических советников Риббентроп в начале июля предложил Гитлеру вновь вернуться к вопросу экономических переговоров. На 7 июля в рейхсканцелярии было назначено совещание. На нем Гитлер хотел решить, следует ли возобновить переговоры на выдвигаемых советской стороной условиях. Готовясь к этому совещанию, Шнурре направил в бюро министра соответствующие материалы и попросил начальника бюро Эриха Кордта позаботиться о том, чтобы указание Гитлера от 30 июня было отменено, а проект статс-секретаря от 28 июня относительно немецкой готовности возобновить экономические переговоры на советских условиях — принят и направлен в германское посольство в Москву[235]. Кордт добился, чтобы «директиву... министр иностранных дел доложил фюреру»[236], и Гитлер проект Вайцзеккера одобрил. Таким образом, «по указанию Гитлера» была принята «предложенная Микояном основа..., хотя она удовлетворяла лишь в малой степени. Все детали теперь подробно обсудили специалисты с Риббентропом, который со своей стороны обратился за инструкциями к Гитлеру. Ожидая, что Астахов и Бабарин немедленно передадут в Москву любое высказывание немецкой стороны, специалистам поручили вставить определенные похвальные отзывы Гитлера о Сталине»[237].

На следующий день, 6 июля, Риббентроп поручил Вайцзеккеру проинструктировать в этом смысле германское посольство в Москве. Вечером Риббентроп дал ужин в честь болгарского премьер-министра Георгия Киосейванова, на который он в качестве единственного иностранного гостя пригласил итальянского посла в Берлине. Сияющий и уверенный в успехе Риббентроп сообщил Аттолико, что на следующий

день он уходит в летний отпуск. Тем самым он хотел рассеять впечатление богатого кризисами лета. Аттолико воспользовался этой возможностью, чтобы задать министру несколько вопросов.

Вопрос о немецком «путче» в Данциге (17 — 18 июня Геббельс выступил в Данциге с подстрекательскими речами, которые очень сильно обеспокоили итальянское правительство) Риббентроп отверг как «чистую выдумку»[238]. Она, дескать, является частью «войны нервов», из которой Германия, как и из любой другой войны, выйдет «победителем». Если же Польша нападет на Данциг, добавил Риббентроп, то Германия заставит Польшу «за 48 часов сложить оружие, и вопрос таким путем о Данциге будет решен...». На помощь Франции и Англии, по его словам, Польше рассчитывать не следует: Франция была бы в кратчайший срок «уничтожена», Париж «превращен в пыль», а Англия, если бы она решилась что-то предпринять, «пошла бы навстречу гибели империи». На вопрос Аттолико о факторе «Россия» Риббентроп ответил с пренебрежением: «Что может предпринять Россия? Да ничего. Россия ничего и не хочет делать. Даже заключив пакт, она не выступит. Впрочем, - доверительно зашептал Риббентроп Аттолико, — я сегодня сам направил Шуленбургу новые инструкции, которых будет достаточно, чтобы подбросить Сталину новую идею»[239].

7 июля[240] Вайцзеккер дал германскому послу в Москве указание на «вопросы Микояна по еще не решенным пунктам» отвечать в благоприятном для советской стороны духе. При этом, согласно первоначальному тексту инструкции, следовало действовать так, чтобы не возникло впечатления поспешности, и выполнение поручений перенести «до следующей беседы с Молотовым, если эта задержка не превысит нескольких дней». Более длительную оттяжку в Берлине считали «нежелательной». (Перед отправкой телеграммы эти фразы были вычеркнуты.) Нужно было пока отстаивать немецкое желание относительно «приезда Шнурре в Москву с особыми полномочиями». Оставалось незыблемым и предписание о том, что беседу с Микояном «следовало вести таким образом, чтобы она не выглядела как немецкое давление. Напротив, нашу точку зрения необходимо изложить в деловой, спокойной манере, предоставив дальнейшее русским. Мы ни в коем случае не должны становиться в позу просителя». Перед своим отъездом Риббентроп лично одобрил телеграмму.

С этим «германо-советские экономические переговоры, хотя и медленно, пришли в движение»[241]. 10 июля 1939 г. Хильгер сообщил Микояну германское решение[242]. 16 июля 1939 г. Микоян известил Хильгера о том, что некоторые вопросы требовали дополнительного разъяснения и что он поручил заместителю руководителя советского торгового представительства в Берлине Бабарину разобраться с ними в Берлине в ходе беседы со Шнурре[243]. Когда Шнурре 18 июля 1939 г. наконец принял Бабарина, тот вручил ему письменное заявление, которое, согласно записи Шнурре, «не соответствует объективно состоянию переговоров и истолковывает сообщения Хильгера Микояну в пользу советской позиции»[244].

Хотя и неохотно, но Шнурре пришлось согласиться на продолжение переговоров в Берлине. В политическом плане, подчеркнул он с сожалением, пропадал запланированный германской стороной «политический эффект, который связывался с переговорами в Москве... так как переговоры в Берлине, по всей вероятности, не будут известны широкой общественности». И все же, по его мнению, это был единственный путь, чтобы сперва, «хотя бы в экономической области, начать более тесное сотрудничество между Германией и Советским Союзом — факт, который не преминет оказать свое воздействие и в Польше и в Англии».

Как видно, Гитлер скептически оценивал возможные итоги переговоров. 10 июля он, осуществляя высказанное в Вильгельмсхафене 1 апреля 1939 г. намерение, объявил о проведении со 2 по 11 сентября 1939 г. «партийного съезда мира»[245]. Таким путем Гитлер, с одной стороны, маскировал свои истинные планы нападения на Польшу, а с другой — оставлял открытой возможность отказаться от польского похода, если бы не удалось поладить со Сталиным и тот заключил бы действенный военный союз с западными державами. Одновременно он, как и в январе того же года, искал удобный случай, чтобы лично повлиять на высшего представителя Сталина в Германии. По приглашению статссекретаря поверенный в делах Астахов в этом году впервые поехал в Мюнхен на фестиваль германского искусства, который открылся 14 июля торжественным приемом Гитлера в его резиденции и отмечался как «подлинный праздник мира». Гитлер использовал этот повод, чтобы представителя Сталина в Германии, к которому и так «отнеслись с особым вниманием»[246], лично поприветствовать с подчеркнутой любезностью[247].

Астахов разгадал смысл этого жеста и в своем отчете Наркомату иностранных дел обрисовал Гитлера болезненно-усталым, неряшливо одетым, духовно и физически запущенным человеком. Подчеркнутую вежливость Гитлера Астахов увязал с отмеченным в последние недели советским представительством небывало корректным, демонстративно уважительным отношением, с отсутствием обычных выпадов в прессе и в речах, где даже перестал упоминаться «большевизм». Хотя немцы, писал Астахов, после известных бесед Вайцзеккера и Шуленбурга не предприняли никаких официальных демаршей, чтобы перетянуть советских представителей на свою сторону, они не упускают случая дать понять, «что они готовы изменить политику в отношении нас и остановка, мол, только за нами». По словам Астахова, ряд поступавших в полпредство писем содержит «советы» дружить с Германией, пойти на раздел Польши и т.п. Причины подобных перемен он видел в чрезмерной озабоченности германского руководства исходом трехсторонних переговоров. Одновременно якобы заметно усилился нажим немцев на Прибалтийские страны. Наступившее «затишье перед бурей» не сулит, дескать, ничего хорошего[248].

Встреча Гитлера с Астаховым произошла на глазах итальянского посла в тот момент, когда Муссолини советовал в польском вопросе пойти на компромисс и предложил для урегулирования польского кри-

зиса созвать международную конференцию без участия СССР. В своем сообщении министру иностранных дел Чиано Аттолико высказал предположение, что Гитлер в известном смысле еще не определился. «Он придает почти решающее значение окончательной позиции СССР, — писал Аттолико. — Кроме того, он и не помышляет о том, чтобы попытаться ударить по Данцигу и коридору, не будучи уверенным в том, что конфликт с Польшей удастся ''изолировать''»[249].

Впечатление, что Гитлер не хочет осуществлять свои польские планы без учета позиции великих держав, позволило и германской дипломатии сделать короткую передышку. 17 июля Шуленбург писал в частном письме в Берлин, что мир полон воинственных призывов. Повсюду «утверждают, что в августе разразится война всех против всех. Я являюсь и остаюсь оптимистом». Англичане и французы, писал он дальше, «все еще безрезультатно потеют на переговорах с Советами. У нас тоже достаточно всяких мелких неприятностей, которых здесь не избежать». Так, «сегодня все утро пришлось провести в Наркомате иностранных дел»[250].

21 июля Вайцзеккер жаловался на затянувшееся «грозовое» лето. В своем дневнике он записал, что в центре размышлений «все еще стоит вопрос, будет ли «из-за Данцига» в скором времени европейская война. Мы и англичане — в этом, собственно, заключается проблема. Так как теперь сам фюрер не желает связываться с западными державами и в то же время, как утверждают, не уверен, что сможет локализовать войну с Польшей, то я по-прежнему верю в нашу общую мирную линию. У англичан, хотя и по другим причинам, положение такое же. Возможный союз с русскими они оценивают с военной точки зрения невысоко, русских нужно очень упрашивать... Если мы преодолеем летнюю истерию... то... возникнет ситуация, при которой Берлин и Лондон будут склоняться к новому компромиссу. В общем, можно быть оптимистом»[251]. На горизонте замаячил «второй Мюнхен».

Восьмой немецкий контакт: Шнурре — Астахов и Бабарин

С точки зрения советской дипломатии, это был, наоборот, «злосчастный месяц июль, когда англичане и французы упорно саботировали единство пакта и военной конвенции»[252]. К концу месяца в Москве поняли, что в сложившихся условиях политические переговоры не придут к завершению. В этой ситуации возрастающее советское недоверие к мотивам английской стратегии переговоров серьезно усилилось в результате двух событий. В период с 17 по 20 июля в Англии состоялись англо-германские экономические переговоры между министром внешней торговли Р.Хадсоном и чиновником по особым поручениям ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Х.Вольтатом, которые были чреваты далеко идущими политическими последствиями и могли привести к неблагоприятному для СССР англо-германскому соглашению[253]. Решающая беседа между Хадсоном и Вольтатом состоялась 20 июля после обеда. С 22 июля о ней заговорила мировая пресса[254].

В Токио 22 июля японский министр иностранных дел Хатиро Арита и британский посол в Японии Р.Крейги подписали соглашение, которое улучшало позиции Японии в Китае и облегчало ей ведение войны против СССР; соглашение Ариты — Крейги означало отступление Британской империи перед японским военным давлением. С советской точки зрения, это был «дальневосточный Мюнхен»[255]. Так же как и Чехословакии, Китаю отводилась роль жертвы. Все это произошло на фоне советско-японских ожесточенных боев на Халкин-Голе[256]. Вспыхнул сигнал опасности «капиталистического окружения»[257].

Согласно «Истории КПСС» (1970)[258], Советский Союз оказался в таком положении, когда единый капиталистический фронт Германии, Англии и Японии должен был поставить его в условия полной международной изоляции. Советское правительство, как там говорится, вспомнило в этой опасной ситуации ленинское правило использовать с помощью торговых переговоров существующие между империалистическими державами разногласия, чтобы вбить между ними клин и затруднить их объединение в антисоветских целях[259]. Именно по этим соображениям Советское правительство решило пойти навстречу неоднократным немецким предложениям.

Уже 21 июля, через три дня после того, как Шнурре официально принял советские условия, Советское правительство решило возобновить экономические переговоры. В тот же вечер об этом сообщило Московское радио[260]. 22 июля крупнейшие советские газеты под заголовком «В Наркомате внешней торговли» опубликовали сообщение: «На днях возобновились переговоры о торговле и кредите между германской и советской сторонами. От Наркомата внешней торговли переговоры ведет заместитель торгпреда в Берлине т.Бабарин, от германской стороны — г.Шнурре»[261].

Сообщение ТАСС от 22 июля содержало лаконичное, но корректное изложение фактических событий. Причины появления этого сообщения неясны. Если прежде немецкие ученые усматривали в нем в первую очередь средство давления, с помощью которого Сталин намеревался заставить западные державы пойти на дальнейшие уступки, то теперь существуют и другие объяснения, учитывающие его неизменный внешнеполитический курс в то кризисное лето. Согласно этой версии, Сталин, публикуя сообщение, хотел отвести от себя упрек в том, что он ведет двойные переговоры, противодействовать завышенной оценке экономических переговоров и возникновению политических слухов. Стремился ли он в духе ленинской концепции (как указано в «Истории КПСС») одновременно вбить клин между Германией и Великобританией? Этот вопрос из-за недостатка соответствующей информации остается открытым. При довольно необычном способе оповещения о случившемся бросалось в глаза, что Советское правительство, которое раньше настаивало на том, чтобы переговоры велись в Москве, без всякого согласилось на возобновление переговоров в Берлине. Шуленбург объяснял такой поворот стремлением Советского правительства четко отделить политические переговоры (в Москве) от экономических переговоров (в Берлине) и не допустить, чтобы послед-

ние могли быть истолкованы как политические переговоры и средство давления на западные державы. В этой связи Шуленбург обратил внимание на то, что ни Молотов, ни Микоян в последних беседах не упомянули «политическую базу» — еще одно доказательство такого четкого разделения[262].

Но именно это противоречило желаниям Риббентропа. Поэтому сперва в его окружении воцарило уныние. Ведь оказался несостоятельным план использовать переговоры в Москве — со всеми вытекающими отсюда политическими выгодами — в качестве средства срыва трехсторонних переговоров. Шнурре дал Астахову это почувствовать, когда пригласил к себе 24 июля на открытие переговоров. Его недовольство односторонним советским заявлением было очевидным. Впредь, сказал он Астахову, подобные сообщения следует публиковать только по взаимному согласованию. Шнурре попросил «передать это в Москву». Астахов пообещал все сделать, но заметил, что хотя ему и неизвестны в точности мотивы выпуска сообщения ТАСС, однако о его целесообразности говорит тот факт, что оно «рассеяло массу нелепых слухов, распространившихся» в Берлине не по вине советской стороны и «нашедших отражение в мировой печати»[263].

Для Гитлера, однако, сообщение, опубликованное через пять дней после любезного обращения с Астаховым, прозвучало как сигнал к действию. В тот же день Вайцзеккеру поручили продолжить политические контакты. Он проинформировал поздно ночью 22 июля посольство в Москве о возобновлении переговоров и заметил, что Шнурре будет действовать «в духе исключительной предупредительности, поскольку по многим причинам желательно их скорейшее завершение»[264]. Одновременно он сообщил Шуленбургу, что инструкцией от 30 июня «предписанный период выжидания окончен» и что следует возобновить «с русскими беседы» чисто политического содержания. «Поэтому Вы уполномочиваетесь, - говорилось далее, - без всякого нажима вновь продолжить свою линию, используя для этого, помимо прочего, разговоры по текущим делам»[265].

В окружении Гитлера заметно поднялось настроение. Казалось, исчезли все сомнения, которые две недели назад побудили Гитлера созвать «партийный съезд мира». 22 июля итальянский посол в Берлине Аттолико в дополнение к своему предыдущему донесению сообщил Чиано: «Теперь подтвердилось, что вероятное крушение англо-франко-советских переговоров рассматривается высшим руководством как признак реальной возможности «изолировать» Польшу от ее союзников, а это могло бы послужить сигналом для нового германского удара»[266]. В том, что «русских» удалось усадить за стол переговоров, Гитлер, вне всякого сомнения, увидел реальную возможность изолировать Польшу от Востока. Непосредственным следствием, вероятно, явилось назначение срока нападения на 26 августа[267].

Когда в последующие дни из Москвы просочились сведения, что политические переговоры с западными державами формально нашли свое первое завершение 24 июля[268] в парафировании проекта договора (в действительности они были отложены до начала военных перегово-

ров) и что западные страны теперь готовы приступить в Москве к переговорам о военной конвенции, Гитлер окончательно решил «захватить инициативу по отношению к Советскому Союзу»[269]. По словам очевидца Клейста, именно с этого момента началась настоящая «скачка». Гитлер немедленно поручил министру иностранных дел окончательно перевести стрелки на сближение со Сталиным. Такой старт сразу же сильно «воодушевил» Риббентропа. Если до того, опять же с точки зрения Клейста, «почва зондировалась лихорадочно, но с оглядкой, то теперь безудержно ринулись вперед. Нетерпеливый Риббентроп пускает во весь опор до тех пор сильно сдерживаемых лошадей»[270]. «Драматический поворот» начался[271].

Растопить «лед» отчуждения Риббентроп вновь доверил обаятельному и бойкому на язык юристу Шнурре, энергично и настойчиво выступающему за сближение. Будучи представителем экономического рессорта министерства иностранных дел, он особенно подходил для ведения запланированного секретного политического зондажа. Ибо, как вспоминает тогдашний референт и посольский секретарь отдела экономической политики д-р Вальтер Шмидт, «все, что обсуждалось между нами и Советским Союзом, хранилось... в глубочайшей тайне. В Берлине, кроме министра, статс-секретаря Вайцзеккера и непосредственного исполнителя Шнурре, лишь немногие были в курсе дела. Секретность абсолютная. Для маскировки политические беседы Шнурре регистрировались в делах экономического отдела, а политический референт, тайный советник Шлип, узнавал лишь то немногое, что ему время от времени неофициально сообщал Шнурре. На тот случай, если что-нибудь вообще просочилось наружу, стремились создать впечатление, что переговоры Шнурре касаются исключительно экономических вопросов»[272].

О тесном переплетении экономических и политических вопросов свидетельствует докладная записка «Возможности межрегиональной военной промышленности под немецким руководством», представленная в августе 1939 г. имперской службой по проблемам развития экономики[273]. В ней излагались основные идеи нового экономического порядка в Европе в условиях войны, призванного обеспечить защиту «от блокады находящейся под германским правлением группы европейских государств». Авторы работы, которые учитывали использование немецкой оборонной промышленностью потенциала Финляндии, Прибалтийских государств, Польши и Украины, пришли к общему выводу, что «*без экономического союза с Россией*... полностью обезопасить оборонную промышленность от последствий блокады» невозможно. «Абсолютной *защиты от блокады межрегионального пространства можно достичь только через тесное экономическое сплочение с Россией*... Полная гарантия возможна *только с сырьевыми ресурсами* (дружественной нам) *России*».

Таким образом, на переговорах постоянно взаимно переплетались экономические и политические интересы Германии. В разговоре с Астаховым 24 июля Шнурре дал понять, что германское правительство рассчитывает получить от переговоров по торговле больше, чем простое

экономическое соглашение. Согласно записи Астахова, Шнурре подчеркнул, что считает себя вправе наряду с экономическими вопросами затронуть и политические, так как «стоит близко к Риббентропу и знает его точку зрения». Затем Шнурре, ссылаясь на мнение своего правительства, изложил план германо-советского сближения из трех этапов. Благополучным результатом торгово-кредитных переговоров завершился бы лишь первый этап нормализации отношений. Второй этап должен состоять в нормализации отношений по линии прессы и культурных связей, в поднятии взаимного уважения друг к другу и т.п. «После этого можно будет перейти к третьему этапу, поставив вопрос о политическом сближении». Шнурре выразил сожаление, что «неоднократные попытки германской стороны заговаривать на эту тему остались без ответа. Ничего определенного не сказал на эту тему и Молотов Шуленбургу. Между тем налицо все данные для такого сближения». Астахов добавил в своей записи: «Шнурре понимает, конечно, что подобная перемена политики требует времени, но надо что-то делать. Если советская сторона не доверяет серьезности германских намерений, то пусть она скажет, какие доказательства ей нужны. Противоречий между СССР и Германией нет. В Прибалтике и Румынии Германия не намерена делать ничего такого, что задевало бы интересы СССР».

В процессе беседы Шнурре неоднократно давал понять, что «фюрера» особенно интересовали именно те вопросы, ответов на которые Берлин все еще не получил. Однако и этот разговор закончился безрезультатно. «Ни на эти, ни на последующие намеки, сделанные в этом смысле германской стороной, Советское правительство не реагировало»[274].

Это заставило Шнурре пойти на необычный шаг. 25 июля 1939 г. он пригласил обоих самых высоких по рангу советских представителей в Берлине — поверенного в делах Астахова и заместителя торгпреда Бабарина — вечером 26 июля на ужин в отдельный кабинет элегантного берлинского ресторана «Эвест»[275]. Шнурре имел обширные директивы. Они включали все содержавшиеся в неотправленной большой инструкции от 29 мая вопросы, причем в форме совершенно откровенных предложений с заманчивыми комментариями относительно граничивших с СССР государств. Однако страх Гитлера перед новым отказом был, по всей вероятности, все еще очень велик. Шнурре поручалось передать предложения только как собственные соображения и лишь добавить, что «именно такой точки зрения держится Риббентроп, которому в точности известны мысли фюрера».

Шнурре взял с собою личного референта, чтобы, как вспоминал Шмидт, «во время ожидавшегося важного и щекотливого разговора на всякий случай иметь немецкого свидетеля». Он должен был в первую половину вечера, примерно в течение полуторачасового ужина, участвовать в разговоре на общие темы, а затем, во время политической беседы, не вмешиваясь, внимательно следить за разговором, чтобы потом запротоколировать его содержание. Шмидт записал, что оба советских гостя «с огромным и напряженным вниманием» следили за высказываниями Шнурре, в течение всего вечера показали себя если не «полно-

стью», то «в значительной мере восприимчивыми» и с «великим изумлением» приняли к сведению немецкое предложение. Во время разговора инициатива полностью принадлежала Шнурре, взвешенно излагавшему свои пропозиции[276]. Согласно записи Астахова, Шнурре в начале разговора заявил: «Руководители германской политики исполнены самого серьезного намерения нормализовать и улучшить эти отношения. Фразу Вайцзеккера о «лавке, в которой много товаров», надо понимать в том смысле, что Германия готова предложить СССР на выбор все, что угодно, от политического сближения и дружбы вплоть до открытой вражды... Но к сожалению, СССР на это не реагирует. Вайцзеккеру мы ничего не ответили. Шуленбург... также не получил от последнего (Молотова) определенного ответа. Между тем он конкретно ставил вопрос, предлагая, например, продление или освежение советско-германского политического договора, который... представляет большие возможности для сближения».

Астахов спросил Шнурре, является ли все вышесказанное его личной точкой зрения или же отражением мнения германского правительства. Шнурре сослался на известные ему взгляды Риббентропа и Гитлера и перешел к немецким намерениям в Восточной и Центральной Европе. Как писал Астахов, в ответ на его упоминание германской экспансии в Прибалтику и Румынию Шнурре сказал, что немецкая «деятельность в этих странах ни в чем не нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как и в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались... Еще легче было бы договориться относительно Польши». Астахов, «чувствуя, что беседа начинает заходить слишком далеко», пообещал содержание беседы сообщить в Москву, но, согласно его записи, предупредил, что все мысли, развивавшиеся Шнурре, настолько новы и необычны в устах германского официального лица, что нельзя с «уверенностью сказать, что в Москве отнесутся к ним вполне серьезно». В ходе беседы «Шнурре повторял в разных вариациях прежние доводы» и настойчиво тянул советскую сторону к столу переговоров, поскольку, дескать, момент для этого исключительно благоприятный и упущенная ситуация может не повториться.

На фоне подобных формулировок запись беседы, которую Шнурре составил утром 27 июля для Риббентропа (и Гитлера), являет собой блестящий пример целенаправленного доклада с целым рядом существенных неточностей и противоречий[277]. В нем Астахову приписывалась активная, очень заинтересованная роль, хотя в конце автор вынужден был приписать, что «пассивная позиция русских» обусловливалась, по-видимому, тем, «что в Москве еще не принято никакого решения, как в конце концов следует поступить»; по таким важным вопросам, как состояние московских переговоров по пакту, «русские отмалчивались».

Касаясь отдельных моментов, Шнурре, частично подменяя роли, подчеркнул, что в начале разговора он воспользовался «замечанием Астахова об... общности внешнеполитических интересов Германии и России». В действительности это была преднамеренная ссылка на прежние записи мнимых утверждений Астахова, которые Шнурре должен был и хотел подтвердить вышестоящему начальству. Вслед за этим замечанием Шнурре, соглашаясь в Астаховым, якобы заявил, что и ему такое сотрудничество представляется возможным. На самом же деле Шнурре стремительно двигался к своей цели[278]. Он детально описал советским представителям план сближения из трех этапов, который, по данным Астахова, в общих чертах уже изложил 24 июля. Этот план выглядел следующим образом:

1. Первый этап — восстановление экономического сотрудничества завершалось заключением кредитно-торгового соглашения.

2. Второй этап приводил к нормализации и улучшению отношений на протокольном, культурном и научном уровнях (при этом Шнурре многозначительно напомнил об оказанном Астахову повышенном внимании во время фестиваля германского искусства в Мюнхене).

3. Третий этап характеризовался «восстановлением дружественных политических отношений», а именно:

3.1. «или развитием того, что было раньше (Берлинский договор)» и что соответствовало бы предполагаемым желаниям Советского правительства; или же

3.2. «установлением нового порядка с учетом взаимных жизненно важных политических интересов», что отвечало бы планам Гитлера.

То, что пункт 3.1, касавшийся оживления Берлинского договора путем расширения его до эффективного пакта о ненападении (о чем мечтал Шуленбург и к чему проявляла большой интерес советская сторона), в Берлине серьезно больше уже не рассматривался, а все внимание концентрировалось на заманчивой территориальной схеме в рамках варианта 3.2, видно уже из того, о чем говорил Шнурре на протяжении всего вечера. По его словам, Берлин имел в виду такой «порядок между двумя странами», при котором «по всей линии между Балтийским и Черным морями и Дальним Востоком» было бы достигнуто взаимопонимание и «всемерное сбалансирование обоюдных интересов».

Это вступление являлось частью инструкции о ведении переговоров и сопровождалось размашистым плавным движением руки сверху слева вниз направо, которое означало, что от Финляндии до Черного моря могут быть решены в согласии все проблемы, о которых вел речь Шнурре, а несколько дней спустя и Риббентроп. Шнурре, в частности, заявил, что запланированное выступление Германии против Польши «не должно привести к столкновению интересов Германии и Советского Союза». Германия будет «уважать целостность Прибалтийских государств и Финляндии», а также учитывать «жизненно важные русские вопросы», причем дружественные германо-японские отношения не затронут Россию, а будут «обращены против Англии». Англия — этот противоестественный союзник России — могла предложить ей лишь

«участие в европейской войне и вражду Германии», которая, напротив, предлагает «нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте, а если Москва захочет, то и германо-русское урегулирование взаимных интересов... на благо обеих стран».

Астахов высказал ряд существенных возражений. Ловкость Шнурре состояла в том, что записанные косвенной речью возражения он воспроизвел в прошедшем времени, создавая тем самым впечатление, что подобные сомнения у советской стороны существовали *ранее*, а теперь якобы отпали или по крайней мере стали утрачивать свое значение. В самом же деле Астахов высказал серьезные возражения и выразил законное сомнение в искренности подобного предложения. Не случайно Шнурре в конце своей записи констатировал существующее «по отношению к нам... большое недоверие».

Высказанные Астаховым сомнения Советского правительства касались всего комплекса «национал-социалистской внешней политики», которая представляла «серьезную угрозу». С момента подписания антикоминтерновского пакта и Мюнхенского соглашения, по словам Астахова, на деле осуществляется капиталистическое «окружение» СССР. Германия добилась «свободы действий в Восточной Европе», ее «политические последствия неизбежно обернутся против Советского Союза». Германия, дескать, по всей видимости, считает «Прибалтийские страны, Финляндию, а также Румынию... зонами своих интересов, что лишь усиливает у Советского правительства ощущение угрозы. В перемену германской политики по отношению к Советскому Союзу» в Москве не верят. Там хотели бы знать подлинные немецкие намерения в Прибалтике, Румынии, Польше, а также не будет ли Гитлер после Польши претендовать на «принадлежащие когда-то Австрии области... особенно на Галицию и области Украины».

Шнурре попытался развеять эти сомнения, указывая на поворот в «германской восточной политике», вызванный тем, что большевизм-де за это время претерпел глубокие изменения и превратился в национал-государственный патриотизм, а «Сталин отложил мировую революцию ad calendas graecas*».

Убедить ему не удалось. Советские представители держались «чрезвычайно осторожно» и «в своих высказываниях не выходили за рамки вполне справедливого желания лучших отношений», исполнение которого, однако, в сложившейся обстановке должно было осуществляться лишь постепенно[279]. Поэтому Шнурре в своей записке был вынужден в заключение «оценить как значительный успех уже то, что Москва в настоящее время еще... не знает, что она в конце концов должна предпринять...».

Астахов, по-видимому, не только удивился глобальному характеру немецкого предложения; он еще не верил ни изложенной точке зрения, ни самому собеседнику, ни этой ни к чему не обязывающей форме дипломатии. Поэтому в конце он спросил Шнурре, мог бы высокопостав-

* До греческих календ *(лат.)*, то есть на неопределенно долгий срок.

ленный германский деятель сделать подобные заявления перед соответствующей советской инстанцией[280]. Этот вопрос в запись Шнурре не включил.

Самому Астахову беспрецедентное немецкое предложение представлялось настолько важным, что он вместе со своими записями о беседах со Шнурре 24 и 26 июля направил письмо заместителю наркома иностранных дел Потемкину[281]. В нем он писал, что Шнурре всячески пытался уговорить советскую сторону пойти на обмен мнениями относительно будущего сближения и ссылался при этом «на Риббентропа как инициатора подобной постановки вопроса, которую будто бы разделяет и Гитлер». Шнурре, дескать, откровенно высказывал примерно то же, о чем в более осторожной и сдержанной форме говорили Вайцзеккер и Шуленбург. «Мотивы подобной тактики, — продолжал Астахов, — ясны, и мне вряд ли стоит подробно останавливаться на этом. Не берусь я также и формулировать какое-либо свое мнение по этому вопросу, так как для этого надо быть в курсе деталей и перспектив наших переговоров с Англией и Францией (о каковых мне известно лишь из газет). Во всяком случае, я мог бы отметить, что стремление немцев улучшить отношения с нами носит достаточно упорный характер и подтверждается полным прекращением газетной и прочей кампании против нас. Я не сомневаюсь, что если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам. Какова была бы цена этим заверениям и на сколь долгий срок сохранили бы они свою силу — это, разумеется, вопрос другой. Во всяком случае, эту готовность немцев разговаривать об улучшении отношений надо учитывать, и, быть может, следовало бы несколько подогревать их, чтобы сохранят в своих руках козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться. С этой точки зрения было бы, быть может, нелишним сказать им что-либо, поставить им ряд каких-нибудь вопросов, чтобы не упускать нити, которую они дают нам в руки и которая при осторожном обращении с нею нам вряд ли может повредить».

Размышления, которые дипломат-выдвиженец Астахов изложил своему непосредственному начальнику и дипломату старой школы Потемкину, сперва не нашли положительного отклика у Молотова. Его ответная телеграмма от 28 июля не санкционировала предложенные шаги. Она гласила: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно»[282]. Это было «первое указание наркома поверенному в делах в Германии летом 1939 г. по политическим вопросам»[283].

На следующий день, 29 июля, после консультации у Сталина Молотов послал Астахову вторую телеграмму. В ней говорилось: «Между СССР и Германией — конечно, при улучшении экономических отношений могут — улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав. Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений. До недавнего времени немцы занимались тем, что только ругали СССР, не хотели никакого улучшения политических отношений с ним

и отказывались от участия в каких-либо конференциях, где представлен СССР. Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют себе конкретно это улучшение». Затем Молотов добавил: «У меня был недавно Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений. Но ничего конкретного или внятного не захотел предложить. Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»[284]. В этой телеграмме впервые обозначилась осторожная точка зрения на далеко идущие переговоры. Формально она оставалась в рамках традиционного советского курса, рассматривая в качестве предпосылки реальное изменение и надежное закрепление германской политики в отношении СССР.

Беседу Шнурре с Астаховым и Бабариным немецкая сторона посчитала в какой-то мере справедливо «историческим событием»[285]. Между тем подлинный «прорыв» к германо-советскому сближению обозначился лишь во внутригерманском процессе принятия решений. Советская же сторона продолжала держаться выжидающе сдержанно. Только последующая беседа с самим министром помогла разрядить длительное время сохранявшуюся советскую напряженность. Позднее знакомый с закулисной стороной событий Кёстринг, «оглядываясь назад», задался вопросом, «не потому ли немецкий замысел (пакт Гитлера — Сталина. — *И.Ф.*) только и удался, что Риббентроп... пригласил к себе советника посольства Астахова и в необычно долгой беседе не оставил и тени сомнения в том, что Гитлер вскоре нападет на Польшу»[286].

И в самом деле, через несколько дней министр иностранных дел, «теперь проявивший невероятную деловитость»[287], сам вмешался в происходящие события и в беседе с Астаховым подтвердил высказанные Шнурре предложения.

Девятый немецкий контакт: Риббентроп — Астахов

В окружении Риббентропа сперва преобладали сомнения относительно результатов контакта Шнурре с Астаховым и Бабариным. Через три дня после беседы, в полдень 29 июля, все продолжали ожидать советского ответа и послу Шуленбургу дали указание повременить до получения дальнейшей информации и «инструкции о порядке ведения бесед»[288]. Во второй половине дня 29 июля исчезла всякая надежда на то, что Астахов появится с ответом из Москвы. А с этим окрепло предположение, что Сталин намерен заключить соглашение с западными державами. Чтобы этому воспрепятствовать и выдержать запланированные сроки польской кампании, в ночь с 29 на 30 июля было решено, отбросив всякие церемонии, поговорить с Советами начистоту.

По словам Эриха Коха, «в конце июля... борьба... Гитлера за благосклонность Советского Союза вступила в драматическую фазу». На следующий день, 30 июля, Гитлер решил «направить в германское по-

сольство в Москве специального курьера с секретными инструкциями. Шуленбургу поручалось заявить Молотову, что Германия не видит препятствий для урегулирования на дружественной основе любых имеющихся разногласий»[289]. Специальный курьер вез, очевидно, официальную бумагу, которую после окончания совещания Риббентропа с Гитлером по их поручению вечером 29 июля составил статс-секретарь[290]. В ней Вайцзеккер информировал посла, приложив копию записи Шнурре, о деталях беседы и поручал ему выяснить, «нашли ли высказанные Астахову и Бабарину идеи какой-либо отклик в Москве». Шуленбург должен был в «новой беседе с Молотовым... прозондировать... в этом смысле и при необходимости» использовать «рассуждения из записи» Шнурре. На тот случай, если Молотов вышел бы за рамки «обычной сдержанности», послу разрешалось пойти дальше и «в какой-то мере конкретизировать то, что в записи выражено в общих чертах»; это касалось «прежде всего польского вопроса!». Так, Шуленбургу следовало заявить: «Мы были бы готовы при любом решении польского вопроса... соблюсти все советские интересы и договориться об этом с тамошним правительством. То же самое и в вопросе Прибалтики; при положительном ходе беседы можно было бы подчеркнуть мысль о том, что наши отношения с Прибалтийскими странами мы будем строить, уважая жизненно важные советские интересы в бассейне Балтийского моря».

Поскольку прошло несколько дней, а Шуленбург все еще не смог поговорить с Молотовым — факт, скорее предвещавший отрицательный результат демарша, — настроение и надежды Гитлера с часу на час менялись. Вместе с ним в «состоянии смятения, нерешительности, которое сочеталось со стремлением выиграть время и найти успокоение», пребывало и политическое руководство на Вильгельмштрассе[291].

Согласно курсировавшим в берлинских дипломатических кругах слухам, в польском вопросе Гитлер еще не принял окончательного решения: он колебался между мнением Риббентропа, что Германия может добиться от Польши выполнения своих требований без риска тотальной войны, и предупреждениями Геринга, что каждый последующий немецкий шаг в этом направлении неизбежно подводит Германию к конфликту с западными державами[292].

30 июля статс-секретарь Вайцзеккер записал в своем дневнике: «Этим летом решение о войне и мире хотят у нас поставить в зависимость от того, приведут ли неоконченные переговоры в Москве к вступлению России в коалицию западных держав. Если этого не случится, то депрессия у них будет настолько большой, что мы сможем позволить себе в отношении Польши все, что угодно. Я не верю, что разговоры в Москве закончатся ничем, но не верю и в то, что мы сможем чего-то добиться, как это теперь пытаются, в течение ближайших 14 дней».

Крайняя неопределенность относительно исхода московских переговоров побуждала Риббентропа продолжать увеличивать пакет территориальных предложений, с помощью которых немецкое руководство стремилось склонить Советское правительство к заключению соглашения с Германией и компенсировать его нейтралитет в польском вопро-

се. Так, согласно записи Вайцзеккера, в последние дни июля наряду с вопросом о разделе Польши детально обсуждался и раздел Прибалтийских стран. Касаясь существовавших 30 июля мнений, Вайцзеккер писал: «Относительно раздела Польши советую быть в Москве более откровенным, однако не рекомендую, как того хочет Риббентроп, разговаривать с Москвой о разделе лимитрофов, то есть о том, что к северу от Риги должно быть жизненное пространство России, а все остальное к югу (вместе с Ригой) — наше жизненное пространство!»[293] Это после общих формулировок Шнурре в беседе с Астаховым и Бабариным первое письменное упоминание территориального раздела между СССР и Германией, зафиксированное позднее в секретном дополнительном протоколе к пакту Гитлера — Сталина. Одиозное выражение «жизненное пространство» свидетельствует о том, что германская сторона с самого начала думала о переделе в смысле практического захвата названных территорий.

Вечером 31 июля 1939 г. Риббентроп в беседе с Аттолико дал понять, что в скором времени предстоит война. Как Аттолико сообщал министру иностранных дел Чиано, «Риббентроп с удивительным равнодушием говорил о войне протяженностью в десять лет». Германия в отношении Польши заранее исключила всякую возможность какого-либо компромисса и сожгла за собой все мосты. При этом, мол, Риббентроп преодолел колебания Гитлера, убедив его в том, что «конфликт с Польшей останется изолированным». Ибо, по словам Риббентропа, в сознании Гитлера «англо-русская ситуация... приобретала все большее значение. Если переговоры в Москве сорвутся, то, как считают, на Польшу можно будет напасть безнаказанно, никто не придет ей на помощь»[294].

По наблюдениям Вайцзеккера, в первые недели августа Гитлер все еще проявлял нерешительность. Как полагал французский министр иностранных дел Боннэ, он располагал доказательствами, что Гитлер до 11 августа 1939 г. вполне серьезно рассматривал вопрос о неизбежности войны с Россией в случае нападения на Польшу[295]. Со слов Вайцзеккера, Гитлер тогда неоднократно заявлял, что «не свяжется с поляками, если не будет уверен в русских». Комментарий Вайцзеккера: «Поэтому мы стали еще настойчивее обхаживать русских»[296].

В условиях такого усиленного сватовства позиция посла в Москве вновь оказалась в центре интересов Гитлера. Шуленбург же самое позднее при чтении записи Шнурре, должно быть, понял, что его «представления о советско-германском примирении в корне отличались от представлений Гитлера. Если Шуленбург стремился к восстановлению с Советским Союзом прежних добрых отношений, то Гитлер с помощью договора с СССР всего лишь намеревался купить согласие Сталина на немецкое вторжение в Польшу. Различия в постановке целей хорошо осознавал Шуленбург, и это его беспокоило»[297].

Посол отреагировал тем, что с этого момента стал интенсивнее тормозить предложенный Берлином форсированный темп и еще сильнее, чем прежде, подчеркивать в своих сообщениях советское недоверие, рассчитывая тем самым направить переговоры в более медленное, но

надежное русло. Поэтому посол не торопился договариваться с Молотовым о встрече. 31 июля, то есть через пять дней после беседы Шнурре с Астаховым и на другой день после отъезда специального курьера Гитлера к Шуленбургу, статс-секретарь был вынужден «в интересах ускорения»[298] вновь напомнить послу о необходимости зондирования у Молотова. Вайцзеккер подчеркнул: «Мы заинтересованы в скорейшем проведении встречи»[299]. 1 августа посол невозмутимо ответил, что пребывание Молотова на сельскохозяйственной выставке в Москве пока препятствует организации беседы[300].

Английское правительство объявило 1 августа о сформировании британской военной миссии, которая через несколько дней должна выехать в Москву для переговоров по военным вопросам[301]. С точки зрения Риббентропа, следовало максимально поторопиться. Он решил больше не ждать встречи Шуленбурга с Молотовым, а в полной мере использовать собственное влияние. Поэтому министр дал указание пригласить 2 августа 1939 г. на Вильгельмштрассе советского поверенного в делах. По пути к Вильгельмштрассе Астахов мог «простым глазом... заметить наличие в Берлине и окрестностях всевозможных частей, не входящих в состав местного гарнизона». От своих французских и английских коллег он знал о начавшихся «перебросках германских войск в направлении восточной границы, особенно в Силезии. Предстоят также большие отправки (до 15,5 тыс.) в Восточную Пруссию под предлогом участия в празднествах по поводу освобождения Танненберга»[302]. До германского нападения на Польшу оставалось совсем немного времени.

Вайцзеккер встретил Астахова словами, что с ним хочет говорить сам Риббентроп, и немедленно сопроводил его в кабинет министра. Значение состоявшегося разговора было Астахову понятно. «Тот факт, что «сам» министр иностранных дел принимает у себя «поверенного в делах», на дипломатическом языке означает крайнюю срочность и важность демарша»[303]. На продолжавшейся больше часа встрече[304] Риббентроп совершенно недвусмысленно подтвердил предложения, сделанные Шнурре, и выразил «германское желание» (согласно записи Риббентропа) кардинального преобразования отношений. Он подчеркнул, что считает это возможным при двух предпосылках: взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга и отказ от «политики, идущей вразрез с жизненными интересами Германии». Второе, не совсем ясное Астахову условие имело целью побудить Советский Союз отказаться от тройственного пакта. При соблюдении названных условий, заметил Риббентроп, между нашими странами не будет никаких противоречий от Балтийского до Черного моря, по которым нельзя было бы договориться[305].

Далее Риббентроп подчеркнул, «что в зоне Балтийского моря есть место для обоих и что русские интересы вовсе не обязательно должны здесь сталкиваться» с немецкими. Германское правительство, дескать, «хладнокровно» следит за событиями в Польше и готово в недельный срок разобраться с нею. Оно-де также готово «договориться с Россией о судьбе Польши». Германо-японские отношения Риббентроп охаракте-

ризовал как хорошие, дружественные и прочные и пообещал помочь в создании между Японией и СССР «на долгий срок» подходящего «модус вивенди».

Как записал Астахов, Риббентроп заявил, что конфликт, связанный с Данцигом, вскоре «будет разрешен. Военное сопротивление Польши - чистый блеф и для того, чтобы «выбрить» ее, германской армии достаточно 7-10 дней. Риббентроп бросил ряд пренебрежительных замечаний по адресу «западноевропейских демократий» и заметил, что хотя он СССР и не знает, но, по его впечатлениям, разговаривать с русскими немцам, несмотря на всю разницу идеологий, было бы легче, чем с англичанами и французами». Был ли это, как посчитали русские, намек на тайные переговоры Германии с Англией и, таким образом, попытка оказать давление или же проявление своего рода солидарности с постоянно ужесточавшейся советской позицией на трехсторонних переговорах, сказать с уверенностью нельзя. Важнее был сам тон доверительной близости и откровенности, которым Риббентроп описывал немецкие цели. Он информировал Астахова о том, что Гитлер намерен вскоре выступить против Польши[306]. И неоднократные просьбы Риббентропа — непременно передать его высказывание в Москву и как можно быстрее сообщить, готово ли Советское правительство на этих условиях приступить к конкретному обмену мнениями — имели совершенно определенный смысл. В связи с намечавшимися военными действиями против Польши Риббентроп предложил СССР в качестве компенсации за его невмешательство (в Польше или в вопросе союза) урегулировать три важнейшие для него в тот момент проблемы. Речь шла:

— о проблеме германской кампании в Польше, которая из-за советско-польского пакта о ненападении могла привести к столкновению Германии с СССР;

— о проблеме Прибалтики, которая в то время стояла на первом плане советских интересов безопасности;

— о проблеме поведения Японии в Восточной Азии.

При согласии СССР на переговоры на предложенной основе Риббентроп обязался соблюдать строжайшую тайну. Судя по изложению Риббентропа, беседа велась в фамильярном, самодовольно-высокомерном тоне. Астахов, согласно его записи, лишь «изредка прерывал беседу, которая носила характер монолога». На просьбу Астахова конкретизировать немецкие представления Риббентроп не откликался, а порекомендовал дипломату в точности передать все своему правительству. Он, дескать, сперва хотел бы знать, желает ли Советское правительство конкретизации темы в указанном смысле.

Поскольку Советское правительство в течение нескольких последующих дней продолжало молчать, возник план, хотя бы в связи с более успешными экономическими переговорами, выработать какое-то письменное обязательство, которое связало бы Советскому правительству руки на тот случай, если к моменту нападения на Польшу не удалось бы достичь политического соглашения.

В полдень 3 августа 1939 г. Шнурре по поручению Риббентропа пригласил к себе Астахова[307], чтобы «уточнить и дополнить» вчераш-

ние высказывания Риббентропа. Шнурре сказал, что германское правительство хотело бы знать точку зрения Москвы по следующим вопросам:

«1) считаем ли мы желательным обмен мнениями по вопросу улучшения отношений и если да, то

2) может ли Советское правительство конкретно наметить круг вопросов, которых желательно коснуться. В этом случае германское правительство готово изложить и свои соображения на этот счет;

3) разговоры желательно вести в Берлине, так как ими непосредственно интересуются Риббентроп и Гитлер...

4) поскольку Риббентроп собирается через два-три дня выехать в свою летнюю резиденцию близ Берхтесгадена, он хотел бы до отъезда иметь ответ хотя бы на первый пункт. Кроме того, Шнурре просил не допускать ни малейшей огласки». Астахов просил дать срочный ответ.

Кроме того, Шнурре, согласно его собственной записи[308], предложил Астахову в «ни к чему не обязывающей форме» включить в преамбулу или «в дополнительный секретный протокол» к запланированному экономическому соглашению пункт о «политических намерениях». В связи с подготавливавшимися Германией переговорами это — первое упоминание секретного протокола как неотъемлемой составной части совместного соглашения; и это предложение последовало с немецкой стороны![309] Астахов, если судить по записи Шнурре, в ответ заметил, что Молотову пока ничего не известно относительно «конкретизации германской позиции, ничего не сказал по этому поводу и посол граф Шуленбург». Поэтому данное предложение представляется преждевременным. Со своей стороны Шнурре упорно настаивал на необходимой конкретизации «советских интересов» в «ближайшие дни». Было бы предпочтительнее, заметил он, если бы это произошло в Берлине.

В телеграмме Молотова от 7 августа указывалось: «Неудобно говорить во введении к договору, имеющему чисто кредитно-торговый характер, что торгово-кредитный договор заключен в целях улучшения политических отношений. Это нелогично, и, кроме того, это означало бы неуместное и непонятное забегание вперед... Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе»[310].

Десятое немецкое зондирование: третья беседа Шуленбурга с Молотовым

Отсутствие положительной советской реакции вновь породило у Риббентропа и Гитлера колебания и сомнения. Теперь все свои надежды они связывали с послом Шуленбургом и с его за долгие годы с большим трудом завоеванным доверием у Советского правительства. Неизвестно, в какой мере Шуленбург к этому времени уже догадывался, что его — как это сформулировал будущий сотрудник посольства и доверенное лицо советской разведки Герхард Кегель — «использовали

для беззастенчиво подготовленной мошеннической уловки, с помощью которой Гитлер хотел заполучить возможность на какое-то время нейтрализовать Советский Союз»[311]. В то время Шуленбург едва ли мог изложить подобные соображения письменно. До сих пор также неизвестно, догадывалось ли Советское правительство о двойственном характере усилий посла и полагалось ли и в какой мере на его специфическую посредническую деятельность. Сведения на этот счет, возможно, содержатся в документах советской разведки, которые могли бы представлять особую ценность для уяснения деятельности германской дипломатии в борьбе против политики войны. Известно, что посол в последующие недели оказался под сильным давлением Вильгельмштрассе и самого Гитлера и вновь почувствовал угрозу своей дипломатической карьере.

2 августа 1939 г. Шнурре обратился непосредственно к послу. Он попытался рассеять имевшиеся у Шуленбурга сомнения, сообщив ему под «секретом!», что «политически... проблеме России здесь уделяется первостепенное внимание. За последние десять дней я ежедневно обсуждал обстановку — устно или по телефону — с господином рейхсминистром иностранных дел и знаю, что он постоянно по данному вопросу обменивается мнениями с фюрером. Господину рейхсминистру иностранных дел нужно как можно быстрее по проблеме России получить какие-то результаты, причем не только отрицающего (помехи английским переговорам), но и положительного плана (взаимопонимание с нами). Потому и спешка... Вы можете себе представить, с каким нетерпением здесь ждут Ваших переговоров с Молотовым»[312].

Между тем Советское правительство было очень занято переговорами по тройственному пакту, и возможно, что Шуленбург, возложив на них надежды, не очень старался добиться приема у Молотова. Многие годы он хорошо знал Стрэнга, неоднократно в последние недели встречался с ним, а также с послами Сидсом и Наджиаром и ясно представлял себе значение происходящих переговоров для предотвращения войны.

После объявления 1 августа о назначении западных военных делегаций Политбюро ЦК ВКП(б) 2 августа обсудило порядок переговоров и утвердило состав советской военной делегации[313]. Ее возглавил нарком обороны К.Е.Ворошилов, членами являлись начальник Военно-Воздушных Сил А.Д.Локтионов, начальник Генерального штаба Красной Армии Б.М.Шапошников, заместитель начальника Генштаба И.В.Смородинов, нарком Военно-Морского Флота Н.Г.Кузнецов. Делегация была самой что ни на есть представительной.

Наряду с этим Наркоминдел 1 и 2 августа в результате трудной и кропотливой юридической работы придал определению «косвенная агрессия» более приемлемую для британской стороны форму. Непосредственным поводом для этого послужило заявление английского премьер-министра и особенно заместителя министра иностранных дел Батлера во время дебатов в нижней палате парламента 31 июля 1939 г. Из-за очевидного провала политических переговоров с СССР английское правительство оказалось под сильным давлением общественности

и оппозиции. Причиной затяжки переговоров Чемберлен и Батлер назвали проблему, связанную с определением «косвенной агрессии» Германии против Прибалтийских стран. Они дали понять, что предложенная советской стороной формулировка не только могла бы привести к «нарушению» нейтралитета Прибалтийских стран, но якобы, как намекнул Батлер, прямо-таки толкала на такое нарушение, с чем, дескать, английское правительство не могло согласиться.

Подобные откровения задели за живое Советское правительство, которое считало, что его намерение искажали самым бесцеремонным образом. 2 августа газета «Известия» опубликовала сообщение ТАСС, в котором правительство СССР отмежевывалось от ложных заявлений английского заместителя министра иностранных дел[314]. Шуленбург немедленно направил перевод этого сообщения в Берлин[315] и интерпретировал его в том смысле, «что Советское правительство и после того, как Англия и Франция, направив военные миссии, сделали дальнейшие уступки, не склонно изменить свое мнение в вопросе о гарантиях Прибалтийским странам против косвенного нападения и пойти в этом вопросе на уступки». Позиция Советского правительства на переговорах усилилась.

После полудня 2 августа Молотов принял послов Франции и Великобритании, чтобы высказать им возмущение Советского правительства по поводу публичного представления в искаженном виде советской точки зрения. Его первый и самый важный вопрос на этой встрече касался наличия у приезжающей английской военной миссии «полномочий для ведения переговоров». В связи с ежедневно ухудшающейся ситуацией Советское правительство хотело бы как можно быстрее заключить военный союз. Можно с уверенностью предположить, что оно уже знало о недостаточных полномочиях английской делегации. Сидс заметил уклончиво, что он затрудняется сказать. Подобное заявление было равносильно отрицательному ответу. С советской точки зрения, это означало, что Великобритания, которая сперва затянула, а затем завела в тупик политические переговоры, теперь заранее сводила и военные переговоры до уровня ни к чему не обязывающих разговоров. Кроме того, к тому времени уже имелись все основания предполагать, что недостаточно авторитетный персональный состав английской делегации сделает невозможным плодотворный диалог. Через несколько дней после объявления состава английской делегации это предположение подтвердилось, отрицательно сказавшись на советской оценке поведения Англии. Наметился резкий поворот к худшему. По мнению Сидса, Молотов отпустил послов «иначе, чем при нашей предыдущей встрече, и я чувствовал, что наши переговоры потерпели серьезный ущерб»[316].

Советское недоверие к английскому ведению переговоров получило дополнительный импульс 3 августа 1939 г., когда германский посол в Лондоне Герберт фон Дирксен при поддержке того же самого заместителя министра иностранных дел Батлера, продолжая начатые Хадсоном и Вольтатом разговоры, приступил к широкомасштабным переговорам относительно германо-английского компромисса с глав-

ным экономическим советником английского правительства сэром Г.Вильсоном. На этих переговорах, о содержании которых «знал тогда каждый опытный политический наблюдатель»[317], по мнению советской стороны, речь шла о новом «переделе мира»[318] среди капиталистических государств, и протекали они весьма успешно[319].

3 августа Советское правительство решило выслушать германского посла, давно ожидавшего аудиенции. Молотов принял его поздно вечером. Беседа длилась один час и пятнадцать минут (Шуленбург) или полтора часа (Павлов)[320]. Во время нее нарком иностранных дел, по донесению Шуленбурга, впервые «оставил привычную пассивность и показал себя необычно заинтересованным».

Значение этой беседы теснейшим образом связано с особой инструкцией, переданной послу специальным курьером Гитлера. Согласно советской записи, посол заявил, что является тем лицом, которое «имеет поручение германского правительства подтвердить высказанное Шнурре» Астахову. Затем Шуленбург изложил значительно возросший каталог подлежащих обсуждению проблем, который должен был засвидетельствовать добрую волю Германии, и закончил, указав на три последовательных этапа. Цель, по словам Шуленбурга, состояла в улучшении «политических отношений... путем освежения существующих или создания новых политических соглашений». Он-де уполномочен своим правительством «заявить, что, по его мнению, между СССР и Германией не имеется политических противоречий» ни на востоке, где Германия не принимает никакого участия в японских захватнических планах против СССР, ни на западе, где «также нет пунктов, которые вызывали бы трения между Германией и СССР на всем протяжении между Балтийским и Черным морями».

«Что же касается Польши, — говорилось в советской записи, — то требования Германии также не противоречат СССР. Эти требования были изложены в речи Гитлера. С Румынией Германия стремится развивать хорошие отношения и не намерена при этом задевать интересы СССР. Посол заключает, что, принимая во внимание изложенное, имеются все возможности для примирения обоюдных интересов».

По записи Шуленбурга[321], он изложил «основные пункты» полученной инструкции: «заявление о Прибалтике», «к польскому вопросу» и о готовности Германии положить конец японской агрессии против СССР. В отношении Прибалтики, включая Литву, он подчеркнул «германскую готовность... сориентировать... нашу позицию таким образом, чтобы обеспечить жизненные советские интересы в Прибалтике». Что касается Польши, то речь шла о готовности «соблюдать все советские интересы и договориться об этом с Советским правительством».

Ответы Молотова, которые Шуленбург передал в Берлин, впервые закладывали основу для возможного продолжения переговоров. Советское правительство, по словам Молотова, твердо отстаивало свое морально-политическое право преследовать «чисто оборонительные цели» для «укрепления оборонительного союза против агрессии» и, «что бы ни случилось», возлагало вину за последующие конфликты, в первую очередь в отношении Польши, на агрессивную Германию. Его

демонстративная сдержанность свидетельствовала о том, что Советское правительство сознавало тактический характер немецких предложений.

Молотов, в частности, подчеркнул, что не германское, а Советское правительство постоянно выступало за заключение выгодного экономического договора. Он отверг жалобы Шуленбурга на ухудшение тона советской прессы в отношении Германии как «необоснованные» и заметил, что для разрядки обстановки необходимо постепенное улучшение культурных связей. Как пояснил Молотов, его правительство также желает «нормализации и улучшения отношений» с Германией, однако возложил «вину» в ухудшении отношений исключительно на германскую сторону. Он упомянул прежде всего три причины:

1 — антикоминтерновский пакт и «стальной пакт», которые представляли собой наступательные союзы;

2 — поддержку, которую оказывала Германия Японии;

3 — отстранение СССР Германией от международных конференций (особенно от конференции в Мюнхене). Последний пункт Молотова свидетельствовал о желании Советского правительства выйти из изоляции и на будущих международных форумах — например, на запланированной итальянской стороной конференции по урегулированию германо-польского конфликта — и иметь возможность отстаивать собственные интересы[322].

В соответствии с записью советской стороны Шуленбург ответил, что «не имеет намерения оправдывать прошлую политику Германии, он лишь желает найти пути для улучшения взаимоотношений в будущем». Молотов на это ответил, по словам Шуленбурга, что «для изменения точки зрения германского правительства... (отсутствуют) доказательства». От имени Советского правительства он лишь заявил о своей «готовности... участвовать в поисках подобных путей». Здесь, согласно советской записи, Шуленбург, действуя по инструкции, обратил внимание на то, что «вхождение СССР в новую комбинацию держав в Европе... может создать затруднения для улучшения отношений Германии и СССР». Ответ Молотова был принципиального плана. Если Германия, заявил он, заключила целый ряд наступательных союзов, то, «оставаясь верным своей последовательной миролюбивой политике, СССР пойдет только на чисто оборонительное соглашение против агрессии. Такое соглашение будет действовать только в случае нападения агрессора на СССР или на страны, к судьбе которых СССР не может относиться безразлично».

Как сообщил Шуленбург министерству иностранных дел, позиция Молотова хотя и продемонстрировала «большую готовность к улучшению германо-советских отношений», однако в ней проступало и «старое недоверие к Германии». Общее впечатление посла сводилось к тому, «что Советской правительство в настоящее время полно решимости договориться с Англией и Францией». Он полагал, что его сообщения «произвели впечатление» на Молотова, и вместе с тем считал, что «с нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы добиться перелома у Советского правительства».

Невзирая на сдержанный отчет, Шуленбургу после этой беседы было ясно, что он сумеет «договориться с Молотовым»[323]. Итальянскому коллеге он выразил свое удовлетворение беседой и подчеркнул при этом не только все еще заметную сдержанность, но также открытую и свободную речь Молотова и особенно его сердечный тон. В письме Шлипу посол также отметил любезность Молотова, но наряду с этим и «очень большое недоверие к нам». Он, в частности, писал: «Я считаю, что мы подбросили Советам несколько очень заманчивых идей». Одновременно Шуленбург предостерегал от поспешных выводов. «В каждом слове, в каждом поступке, — говорилось в письме, — проступает большое недоверие. Что это так, известно нам давно. Беда лишь в том, что недоверие подобных людей очень легко вспыхивает, но с трудом и очень медленно рассеивается»[324]. Как поняла и советская сторона, посол распознал дилемму, стоявшую перед Советским правительством[325].

В частном письме Шуленбург писал в Берлин, что Москва в эти жаркие дни является «центром мировой политики. Нас заваливают длинными телеграммами; шифровальщики буквально выбиваются из сил. В конце недели сюда прибывают военные миссии англичан и французов. Их переговоры будут очень трудными. Я им не завидую!.. Я надеюсь, что войну можно все-таки предотвратить. Однако сегодня все так перепуталось, что никто не может с уверенностью сказать, что принесет следующий день. Ничего не остается, как надеяться на лучшее!!! Стараюсь сохранять чувство юмора, хотя это не всегда удается. Так много всего, что может привести в отчаяние. Но ничто не поможет! Надо вещи принимать такими, каковы они есть, а не такими, какими мы хотели бы их иметь»[326].

Через своего посла Гитлер выдал Советскому правительству *карт-бланш*[327]. Посольство все сильнее осознавало надвигающуюся угрозу войны. Шуленбург пока еще не думал, что Гитлер решится на агрессию, «если Германия в результате взаимопонимания с Москвой сама станет неуязвимой»[328]. Своими тщательно взвешенными отчетами он старался не давать в руки Гитлеру никаких козырей и выиграть как можно больше времени, чтобы создать действительно прочную основу для переговоров. Поэтому читателям своих отчетов он часто загадывал загадки[329]. В окружении Риббентропа сложилось впечатление, что Молотов благосклонно выслушал предложения (Гитлера), но что Шуленбург не смог достаточно настойчиво использовать его настроение. Недовольство Риббентропа и Гитлера поведением Шуленбурга было настолько сильным, что именно в эти дни, последовавшие за первой обнадеживающей беседой с Молотовым, они решили вполне определенно переговоры продолжить в Берлине, а когда советская сторона возразила, то вознамерились поручить вести переговоры в Москве другому лицу. Выбор Риббентропа пал на рейхсминистра без портфеля, руководителя имперского правового ведомства НСДАП д-ра Ганса Франка, который должен был в сопровождении Шнурре выехать в Москву и заменить посла[330]. Невероятная спешка, в которой Риббентроп добивался советского согласия, помешала этой замене.

Между тем своими заявлениями от 3 августа Шуленбург в значительной степени помог Советскому правительству прийти к определенному решению. 4 августа Молотов поручил Астахову[331] следующим образом ответить на вопросы Шнурре:

«1. По первому пункту мы считаем желательным продолжение обмена мнениями об улучшении отношений, о чем мною было заявлено Шуленбургу 3 августа (эта вторая часть отсутствовала в записи беседы Шнурре[332]. — *И.Ф.*).

2. Что касается других пунктов, то многое будет зависеть от исхода ведущихся в Берлине торгово-кредитных переговоров». 5 августа* Астахов провел с Шнурре беседу «в духе» полученных указаний[333], добавив, что в любое время готов выслушать мнение германской стороны. Шнурре такой ответ показался недостаточным, и он обратил внимание на то, что переговоры о кредитах могут занять еще полторы-две недели и что «вряд ли стоит задерживать обмен мнениями из-за них». Как вспоминает нынче д-р Шнурре, это было первый раз, когда Астахов его пригласил, чтобы передать следующую общую инструкцию от Молотова: «Советская сторона готова к обмену мнениями! Однако Астахов заявил это без всяких уточнений. О Польше ни слова!!»[334] На вопрос разочарованного Шнурре, нет ли у Астахова для подобной беседы «еще и других полномочий», последний ответил отрицательно. Все же вопросы, подлежавшие обсуждению между Германией и СССР, Астахов назвал «срочными и серьезными». У Шнурре сложилось впечатление, что, делая первым условием дальнейшего политического сближения успешное заключение торгового договора, Сталин заполучил в свои руки «тормозной рычаг», с помощью которого он мог сдерживать стремление немцев ускорить обмен мнениями и выгадать нужное время, чтобы довести до конца переговоры с западными странами.

Уже 8 августа Астахов сообщил Молотову, что по всем признакам подписание торгово-кредитного соглашения не за горами («если, конечно, не произойдет каких-либо сюрпризов, на которые немцы такие мастера»)[335].

Однако соглашение было подписано только утром 20 августа. Целых 12 дней Сталин не решался отпустить «тормоз». Лишь к тому моменту он наконец начал принимать решения относительно дальнейших шагов, которые с такой ясностью обрисовал в письме от 8 августа Астахов. Все прямые и косвенные, официальные и неофициальные предложения, исходившие в последнее время от германской стороны и самозванных посредников (в том числе и Драганова), Астахов суммировал в зависимости от их целевой направленности. К группе «относительно безобидных объектов» переговоров он отнес вопрос «об освежении» Рапалльского и других политических договоров в форме ли замены их новым договором, или в форме напоминания о них «в том или ином протоколе»; к этой группе принадлежит своего рода договоренность о взаимном «ненападении» по линии прессы обоих государств (в

* Беседа состоялась 4 августа. — *Прим. ред.*

этой связи Астахов напомнил, что последние три-четыре месяца германская пресса проявляла известную сдержанность). По мнению Астахова, германская сторона намерена пойти на какую-то форму культурного соглашения и в подходящий момент обязательно поднять вопрос об освобождении всех арестованных в СССР немцев и о восстановлении германских консульств. Таков перечень вопросов (частично он соответствовал рекомендациям Шуленбурга), которые, как полагал Астахов, немецкая сторона охотно обсудила бы даже в случае заключения СССР соглашения с Англией и Францией.

В действительности, однако, германское правительство, по словам Астахова, интересовали совсем другие вопросы. Указанные выше оно, дескать, лишь использовало в качестве своего рода пробного камня, чтобы проверить уровень готовности вести и хранить в тайне переговоры. На самом же деле немцы якобы стремились вовлечь СССР в далеко идущие разговоры. Часто цитировавшаяся фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского» будто бы была нацелена на то, чтобы побудить к обсуждению «всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими... и может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами. Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывшей германской Польши (быть может, с прибавкой до линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Разговоры подобного рода в представлении немцев, очевидно, мыслимы лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения».

Подводя итог изложению двух различных германских позиций — традиционной немецкой дипломатии в России и расчетов Гитлера на временную нейтрализацию Советского Союза, — Астахов писал: «Излагая эти впечатления, получающиеся из разговоров с немцами и других данных, я, разумеется, ни в малой степени не берусь утверждать, что, бросая подобные намеки, немцы были бы готовы всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей. Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы в результате этих перемен и предугадывать которую я сейчас не берусь».

Несмотря на разграничение по содержанию возможных объектов переговоров, Астахов в какой-то мере стал жертвой тактических маневров дипломатии Риббентропа, когда он два по сути разных перечня вопросов не различал в более принципиальном плане. Ответная телеграмма, поступившая после нескольких дней размышлений 11 авгу-

ста, то есть в день приезда в Москву английской и французской военных миссий, показывает, что и Молотов не провел более четкой разграничительной линии. Однако выбор места переговоров свидетельствует о том, что Сталин с возросшей серьезностью воспринял далеко идущие немецкие предложения и был обеспокоен содержащимися в них опасными моментами. В телеграмме, в частности, говорилось: «Перечень объектов, указанных в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве»[336]. Сталин хотел постоянно следить за ходом переговоров с представителями западных держав и с германской стороной, чтобы иметь возможность в подходящий момент принять верное решение.

«Телеграмма из Москвы»

До второй недели августа Гитлер не только выражал недовольство тем, как посол вел переговоры в Москве, «его не удовлетворяла и не совсем недружественная позиция (Советов)»[337]. Отдав приказ о третьей, и последней, частичной мобилизации войск для войны с Польшей и определив ее начало 26 августа, Гитлер вернулся в Берхтесгаден. Вместе с ним в свое имение Фушль отправился Риббентроп, чтобы быть постоянно вблизи и в распоряжении Гитлера. Настроение походило на переменный душ: «На самом верху очень скверное настроение и сомнения... Отсюда противоречащие друг другу распоряжения... Риббентроп на работе невыносим, ведет себя как охваченный манией величия сумасшедший»[338].

Одной из основных причин продолжавшихся колебаний Гитлера являлся не поддающийся учету фактор России. Правда, известия о результатах беседы Шуленбурга с Молотовым, очевидно, придали ему больше уверенности[339]. Но появились сомнения иного рода. Так, при встрече в Байройте 3 августа[340] Гитлер внезапно спросил Нейрата, что он думает о договоренности с Россией[341]. Когда же Нейрат ответил, что давно такое советовал, Гитлер якобы, покачав головой, высказал сомнения по поводу того, как партия воспримет подобное решение. Между тем в те дни в министерстве иностранных дел и в кругах немецкой оппозиции было хорошо известно, что Гитлер «желает соглашения» и что с Советами не начато «ничего серьезного» лишь потому, что Молотов ведет себя очень сдержанно[342].

Официально, для информации, например, итальянского союзника, дело представлялось совсем в противоположном свете. Так, 5 августа Вайцзеккер сообщил итальянскому послу, что «торговые переговоры протекают довольно успешно, что русская сторона ведет непрерывный политический зондаж»; при этом якобы Советы очень интересовались немецкими желаниями[343].

В своем дневнике, однако, Вайцзеккер на следующий день записал, что все решения «снова отложены в расчете на успехи, которых мы мог-

ли бы достичь в Москве, и на неудачи, которые могла бы там потерпеть Англия. Мы становимся в Москве все настойчивее. Тамошняя славянская хитрость намерена заставить нас повысить предложения. Москва ведет переговоры с двумя сторонами и некоторое время, конечно же, сохранит за собой последнее слово, во всяком случае, дольше, чем позволяют сроки и наше терпение... Тайный примирительный зондаж Чемберлена (через Г.Вильсона) показывает, что при желании с Англией можно наладить разговоры»[344].

От посла Шуленбурга вновь потребовали дальнейших шагов. 7 августа он посетил наркома иностранных дел Потемкина. От него он лишь узнал, что Астахов имеет указания продолжать «разговоры» и скоро получит более подробные инструкции[345]. Советское правительство, по словам Потемкина, не стремилось создавать в Москве впечатления о переговорах по двум направлениям, каким бы выгодным оно ни казалось при сложившихся обстоятельствах!

Это сообщение побудило Риббентропа вызвать в Фушль Шнурре, чтобы немедленно обсудить дальнейшие действия в Берлине. Вместе со Шнурре для участия в этих переговорах откомандировали и генерала Кёстринга; при планировании последующих дипломатических шагов следовало учитывать и военный фактор. «Риббентроп уже пребывал в состоянии лихорадочного возбуждения, как охотничья собака, нетерпеливо ожидающая быть спущенной хозяином на дичь. Он разразился преувеличенными сверх всякой меры нападками на Англию, Францию и Польшу, договорился до гротескных заявлений о германской мощи и был совершенно неузнаваем»[346]. Пребывая в подобном настроении, он 8 и 9 августа, в ходе трудной четырехчасовой беседы, которая постоянно прерывалась лихорадочными перестраховочными телефонными переговорами с Гитлером, определил для Шнурре порядок ведения разговора на следующих встречах с Астаховым[347]. Высказываясь по ряду вопросов, Кёстринг ясно видел полную неосведомленность в них министра иностранных дел. «Как только, — писал он, — речь заходила о России, этом важнейшем соседе Германии, то оказывалось, что он не имеет ни малейшего представления об этой стране и ее народе»[348].

Нет никакого сомнения в том, что в ходе беседы Кёстринг как военный специалист предостерегал от войны с Польшей, указывая на сомнительный характер данного предприятия. Как и посол, он «никогда не молчал перед вышестоящими инстанциями». Что же касается предстоящей войны, то он вместе со «старыми кадрами германской армии», особенно с уважаемым им Беком, «никогда не призывал к войне, а, наоборот, постоянно предостерегал от нее». По-видимому, и эту возможность он использовал для того, чтобы — в духе усилий посла — указать на максимально сомкнутый оборонительный фронт западных держав и СССР. Главная трудность его аргументации была связана с непредсказуемостью характеров обоих «фюреров». С одной стороны, Сталин испытывал глубокое недоверие к западным державам и часто демонстрировал желание по возможности не участвовать в войне империалистических государств, а с другой стороны, он надеялся, что Гитлер откажется от военного разгрома Польши, если позволить ему

решить польский вопрос политическими средствами. Как уже говорилось выше, Кёстринг также считал, что Гитлер не пойдет на агрессивную войну, если он в результате договоренности со Сталиным станет неуязвимым. Кёстринг думал, что можно при этом положиться на жесткое ведение переговоров Сталиным.

Когда Риббентроп поставил Кёстринга перед совершившимся фактом назначенной на конец августа кампании против Польши, тому осталось только надеяться на скорейшую договоренность в этом вопросе. Он советовал перестать действовать намеками, а немедленно открытым текстом проинформировать Сталина о немецких планах в отношении Польши. Таким путем Сталину представлялась возможность самому сделать выводы из сложившейся ситуации и продиктовать Гитлеру условия безконфликтного урегулирования польскоой проблемы. При этом Кёстринг рассчитывал на существующий между СССР и Польшей пакт о ненападении[349].

Под влиянием аргументов Кёстринга Риббентроп поручил Шнурре проинформировать Астахова о немецких военных планах и предложить Советскому правительству без промедления обменяться мнениями и при необходимости назвать советские условия. Риббентроп добавил, что в случае согласия Советского правительства Шнурре мог обещать *любые* гарантии[350].

Еще из Фушля по телефону Шнурре пригласил Астахова на следующий день в свое бюро на Вильгельмштрассе. Беседа, состоявшаяся в Берлине вечером 10 августа, началась с не особенно воодушевляющего заявления. От имени своего правительства Астахов отклонил немецкое предложение о дополнительном секретном протоколе или же о политической преамбуле к запланированному экономическому соглашению как «забегание вперед» и подчеркнул в соответствии с полученным указанием, что Советское правительство хочет улучшения отношений с Германией. В дальнейшей беседе Шнурре выразил сожаление, что Молотов до сих пор не сообщил немецкой стороне «своего принципиального мнения относительно советских интересов». Это, подчеркнул он, особенно прискорбно ввиду актуальности польского вопроса. Шнурре дал понять, что Германия избрала военное решение — и предложил Советскому правительству участие в разделе Польши, если оно согласится соблюдать нейтралитет. «Если мы, — сказал он, — как неоднократно и раньше, заявляем о готовности к широкому компромиссу с Москвой, то нам важно знать позицию Советского правительства в польском вопросе», имея в виду, что в случае войны «германские интересы в Польше были бы очень ограниченными». При этом он не преминул — в рамках полученных от Риббентропа инструкций, — намекая на совместную антипатию к Польше («польская мания величия»), представить как бы уже существующим германо-советский консенсус и объявить основной предпосылкой взаимной договоренности «четкую» антибританскую позицию СССР. Он просил Советское правительство без промедления сообщить германскому правительству свои соображения и обещал «любые нужные гарантии».

Астахов не только не имел, как подчеркнул Шнурре в своей записи, «никаких инструкций из Москвы для обсуждения... польского вопроса», но, отвечая на настойчивые просьбы Шнурре, заявил, «что сомневается в том, что получит по столь обширной проблеме (Польша. — *И.Ф.*) конкретный ответ из Москвы». Астахов пытался узнать, «можно ли в ближайшие дни ожидать германских решений в польском вопросе и каковы германские цели в Польше». Накануне он информировал Наркоминдел о германской мобилизации, а на следующий день сообщил о слухах относительно предстоящей расправы над Польшей в течение нескольких дней[351]. Шнурре уклонился от ответа на эти вопросы. Однако на основании другой информации и личных наблюдений Астахов пришел к выводу — и об этом 12 августа сообщил Молотову, — что «конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе, и решающие события могут разразиться в самый короткий срок (если, конечно, не разыграются другие мировые события, могущие изменить обстановку)». Предсказать срок предстоящей развязки Астахов считал затруднительным, ибо, как он полагал, в точности знал его только сам Гитлер. Иностранные наблюдатели ожидали ее в конце августа, но считали возможным, что конкретные действия перенесут на период после «съезда мира». Астахов придерживался мнения, что потребуется «лишь последнее категорическое выступление фюрера и два-три дня на солидную концентрацию войск. Будет ли это в конце августа или в первой половине сентября, определить пока невозможно». Он придерживался мнения, что немцы нацелились не только на Данциг, но и на всю большую германскую Польшу. Речь, дескать, по существу, идет «о довоенной границе (если не больше)». Поэтому-де следует ожидать, что даже в случае уступки в вопросе Данцига и коридора немцы сразу же выдвинут требования относительно Познани, Силезии и Тешинской области. При всей решимости немцев начать войну они, мол, не рассчитывают на *мировую войну.* «Они по-прежнему, — писал Астахов, — уповают на то, что Польшу удастся или запугать, или взять настолько коротким ударом, что Англия не успеет вмешаться, а затем примирится с реальными фактами». Заслуживало внимания также то, что сохранялся «мостик для» мирного «урегулирования вопроса». Немецкая пресса, изображая позицию Москвы как нейтральную, продолжала вести себя «исключительно корректно», даже с оттенком симпатии. Среди населения якобы во всю гуляли слухи о новой эре советско-германских отношений. СССР-де не только не станет вмешиваться в германо-польский конфликт, но и на основе торгово-кредитного соглашения даст Германии столько сырья, что сырьевой и продовольственный кризисы будут совершенно изжиты. «Эту уверенность в воссоздании советско-германской дружбы, — говорилось далее в сообщении Астахова, — мы можем чувствовать на каждом шагу... Та антипатия, которой всегда пользовались в населении поляки, и скрытые симпатии, которые теплились в отношении нас даже в самый свирепый разгул антисоветской кампании, сейчас дают свои плоды и используются правительством в целях приобщения населения к проводимому курсу внешней политики»[352].

В тот же день (в субботу, 12 августа) Астахов получил отправленную накануне телеграмму Молотова; Советское правительство соглашалось на предварительные переговоры в Москве. После этого Астахов встретился со Шнурре, которому передал ответ Молотова на его запрос. Как сообщал Шнурре Шуленбургу, он понял, что советскую сторону интересовал «ряд конкретных объектов (культурные связи, пресса, «освежение» договора, Польша)», что ей «желательно беседовать о них в Москве, и притом «по ступеням», не начиная с самых сложных проблем». Советское правительство предложило Москву, «потому что для него вести там переговоры было бы значительно легче». Указание на то, что «такое обсуждение... должно быть проведено по ступеням», относилось, по мнению Шнурре, в первую очередь к польскому вопросу[353]. В письме Астахова в адрес Молотова содержалась следующая фраза: «Шнурре попытался тотчас же уточнить, является ли мое сообщение ответом на просьбу от 10.VIII высказаться относительно Польши. Я ответил, что определено сказать затрудняюсь, так как знаю лишь Ваше, так сказать, суммарное отношение к поставленному немецкой стороной разновременно комплексу вопросов, но не могу утверждать, что оно является таким же в отношении каждого из них в отдельности. Шнурре впал в состояние некоторой задумчивости и затем сказал, что все выслушанное он передаст выше».

Из разговора со Шнурре у Астахова сложилось впечатление, что немцев «явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы предотвратить эвентуальное военное соглашение. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода назад могли казаться совершенно исключенными. Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) — это в *данный момент* минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей».

Большие надежды, которые окружение Риббентропа возлагало на эту встречу, были столь велики, что давно ожидавшийся результат — известная советская готовность к переговорам — сразу же переоценили. Начальнику бюро министра сообщили без соответствующих оговорок, что «Советский Союз готов к всеобъемлющим политическим переговорам»[354].

«Донесение» Шнурре о результатах беседы с Астаховым ввиду срочности оформили как «сообщение» (Э.Кордт), которое или по телефону, или же, что вероятнее, «телеграммой министерства иностранных дел»[355] передали Риббентропу и Гитлеру в Оберзальцберг, куда оно поступило около 17 час. 30 мин.

К тому времени Гитлер и Риббентроп вместе с итальянским министром иностранных дел графом Чиано вот уже около трех часов заседали в большой совещательной комнате Бергхофа, в предгрозовой духоте и в атмосфере усиливающейся неловкости. «Донесение» Шнурре передали Гитлеру во время этой беседы вместе с телеграммой из Токио, доложив не совсем корректно общими словами, что поступила

«телеграмма из Москвы и телеграмма из Токио»[356]. Гитлер немедленно использовал эту ошибку в тактических целях, сообщив, согласно немецкой записи, после короткого раздумья Чиано предполагаемое «содержание московской телеграммы» (Шмидт) следующими словами: «Русские согласны с направлением в Москву германского представителя для политических переговоров»[357]. Запись Чиано содержала примечательные различия. В ней слова Гитлера воспроизводились следующим образом: «Русско-германские контакты протекают очень благоприятно, и именно в эти дни поступило русское предложение с приглашением направить германского полномочного представителя в Москву для переговоров о пакте дружбы»[358].

Своим сообщением Гитлер лишил *смысла* пребывание в Оберзальцберге итальянского министра иностранных дел и сразу прервал беседу[359], поставив союзника перед трудным решением. Ведь Чиано приехал 11 августа в Берхтесгаден по поручению Муссолини, чтобы со всей серьезностью предостеречь сперва Риббентропа, а 12 — 13 августа и Гитлера от нападения на Польшу, которое, по мнению итальянцев, неизбежно развязало бы войну в Европе. Вместо предложения о созыве международной конференции по мирному урегулированию польского вопроса, к которому Муссолини безуспешно пытался склонить Гитлера в конце июля[360], он теперь добивался его согласия на совместное коммюнике, которое подчеркивало бы миролюбие держав «оси», и вновь настаивал на том, чтобы отложить общий конфликт, приводя целый ряд веских оснований. Гитлер не согласился с данным предложением, а с помощью географических карт разъяснил свои военные планы. Не удостоив партнера объяснением по поводу отхода от совместной стратегии, Гитлер заявил Чиано о своем решении «в любой момент... но не позднее августа так или иначе» добиться «урегулирования» польского вопроса.

В первый день встречи Чиано «здорово навалился» (Шмидт) на Гитлера. Указания Муссолини требовали максимальной настойчивости, чтобы доказать Гитлеру все «безумие» (Чиано) этого военного предприятия. Речь Чиано, писал Шмидт, «не могла быть откровеннее». Перед лицом все новых аргументов, которые приводил Чиано против развязывания этой войны, Гитлер в конце концов перешел на «рефрен» (Шмидт) о слабости и пассивности демократий, о неодолимой военной мощи своей империи.

В самый острый момент этой исключительно напряженной полемики Гитлеру помог податель вышеназванных телеграмм. Беседу на короткое время прервали. Из текста токийской телеграммы[361] Гитлеру стало ясно, что едва ли можно рассчитывать на японское согласие с германским предложением о германо-итало-японском военном союзе. Японский военный министр угрожал — в качестве последнего средства давления на сопротивляющихся этому союзу представителей придворных кругов, военно-морского флота, финансов и министерства иностранных дел — своей отставкой, за которой неизбежно последовала бы и отставка японских послов в Риме и Берлине сторонников союза.

Гитлер не стал знакомить своего итальянского партнера с этой роковой вестью, а тут же тактическим ходом компенсировал этот тяжелый удар. Держа в руках мнимую «телеграмму из Москвы» и якобы цитируя ее, он рисовал министру иностранных дел неправдоподобную картину самого широкого германо-русского согласия, стремясь создать впечатление, что Советы только и ожидают германского уполномоченного, чтобы завершить ведущиеся переговоры подписанием договора[362]. Таким путем Гитлер нейтрализовал нежелание итальянского союзника поддержать немецкие планы. Ведь если Сталин не противодействовал германскому нападению на Польшу, то уменьшалась опасность вмешательства западных государств и, следовательно, мировой войны. Сопротивление Италии лишалось всякого смысла.

Такой поворот слишком уж бросался в глаза, чтобы не насторожить Чиано. Если поездка политического представителя совершалась по инициативе немцев, то в этом случае германское правительство выходило за пределы согласованной между Чиано и Риббентропом «маленькой игры» — тактического сближения с целью помешать московским переговорам по пакту. Беседуя накануне с Риббентропом, Чиано обратил его внимание на несовместимость далеко идущего германского демарша в Москве с германо-итальянской договоренностью[363]. Но если инициатива исходила от советской стороны, то возникал непредвиденный фактор, делавший недействительным совместные договоренности. Едва ли следует упрекать Гитлера за то, что он использовал этот фактор для своих целей. Правда, сообщение Гитлера резко противоречило тем представлениям о немецких попытках сближения с Советским правительством, которые сложились у Чиано на основании отчетов итальянского посла в Москве. На их фоне заявление Гитлера должно было выглядеть сомнительным. Тем более если, как записано у Чиано, целью мнимого приглашения германского уполномоченного в Москву Гитлер действительно назвал подписание «пакта дружбы». Однако возражения Чиано на заявление не зафиксированы.

Возможно, Чиано, как полагал Эрих Кордт, в самом деле посчитал сообщение Гитлера «блефом»[364]. В совершенно секретном разговоре со своим шурином — итальянским посланником в Берлине Магистрати, — и послом Аттолико, которые сопровождали Чиано в Берхтесгаден, он высказал подозрение, что заявление Гитлера «после всех предыдущих доказательств его неискренности», — это новый трюк, рассчитанный на то, чтобы побудить Италию согласиться с его польскими планами[365]. Однако Чиано не был полностью уверен в своих выводах и «телеграмму из Москвы» позднее не упоминал.

Фактически последующие сообщения, дополнявшие мнимую «телеграмму», делали вопрос об ее аутентичности несущественным. Так, Риббентроп, подтверждая заявление Гитлера, «добавил, что русские полностью осведомлены о намерениях Германии относительно Польши. Он сам по поручению фюрера информировал русского поверенного в делах. Фюрер добавил, что Россия, по его мнению, не согласится таскать для западных стран каштаны из огня. Для позиции Сталина одинаково опасны и победоносная армия, и потерпевшее поражение

русское войско[366]. Россия в основном заинтересована в том, чтобы несколько расширить выход к Балтийскому морю. Германия не имеет ничего против. Впрочем, Россия никогда не заступится за Польшу, которую она всем сердцем ненавидит. Направление англо-французской военной миссии в Москву имеет лишь одну цель — скрыть катастрофическое состояние политических переговоров».

Блеф или реальность, но подобная игра оказалась Чиано не по плечу, итальянские возражения были окончательно разбиты. Гитлер сразу же распрощался с Чиано, который удалился, крайне недовольный и униженный манерой обращения с ним. Гитлер же, наоборот, торжествовал. Он распорядился передать Шнурре указание согласиться с ведением переговоров в Москве и высказаться за их скорейшее начало. Вести переговоры должен был «кто-либо из ближайших доверенных лиц» Гитлера[367]. Достигнутый мнимый успех, а также собственное восприятие донесения Шнурре побудили Гитлера в тот же день отдать приказ о выступлении вермахта против Польши и определить окончательный срок нападения[368].

Во второй беседе с Чиано, состоявшейся 13 августа, Гитлер был предельно кратким: он заявил, что «твердо убежден в том, что ни Англия, ни Франция не начнут мировую войну». В этот день такой воинственный накануне Чиано, по словам переводчика Шмидта, «почему-то совершенно сник»[369]. Он смог лишь заметить, что в Италии придерживаются совершенно противоположного мнения, но что, возможно, Гитлер и на этот раз окажется прав. Через несколько часов, находясь в самолете по дороге в Рим, он записал в своем дневнике: «Я возвращаюсь в Рим, испытывая отвращение к Германии, к ее вождям и к их образу действий. Они оболгали и обманули нас. А теперь втягивают нас в авантюру, которой мы не хотим и которая может скомпрометировать режим и всю страну». В 1943 г., находясь в заключении в тюрьме Вероны и оглядываясь назад, Чиано назвал эту встречу с Гитлером водоразделом. Он, в частности, писал, что, начиная со встречи в Зальцбурге, «политика Берлина по отношению к нам представляла собой не что иное, как целую паутину лжи, интриг и обмана»[370].

После отъезда Чиано «преисполненный чувством предстоящего триумфа»[371] Гитлер вызвал главнокомандующих, чтобы в пространном выступлении заявить: «Россия и не думает таскать каштаны из огня... Англии и Франции придется одним брать все бремя на себя... Мюнхенские глупцы не станут рисковать... Фюрера беспокоит, что Англия в последний момент своими предложениями может затруднить окончательное решение. Рассматривается вопрос, следует ли направить в Москву видную личность или кого-либо другого»[372].

В какой-то момент Гитлер подумывал даже о том, чтобы самому поехать в Москву[373]. Теперь он делал ставку в основном на договоренность с Россией и с огромным высокомерием намного опережал реальность[374]. По сообщениям, поступавшим Ульриху фон Хасселю, Гитлер делал все, чтобы «пойти с еще более крупного козыря. Он хочет в последний момент заполучить преимущество. Началась опаснейшая игра, которую только можно придумать. По всей видимости, предстоит

война с Польшей, и я не могу себе представить (что Гитлер намеревается делать), чтобы западные страны оставались нейтральными... мне представляется все это безответственным риском, причем неважно, смотрим ли мы с национал-социалистской или иной точки зрения. Все трезво мыслящие люди должны сделать все, чтобы избежать войны. Спрашивается только, что можно сделать»[375]. Адъютант Гитлера Белов, находившийся в эти дни при нем, подчеркивал позднее, что ко времени визита Чиано, то есть на следующий день после продолжительного пребывания Шнурре и Кёстринга в Фушле, Риббентропу удалось убедить Гитлера в том, «что заключение пакта о ненападении с русскими является последним шансом, чтобы помешать английскому вмешательству в случае германо-польского конфликта»[376].

Военные переговоры в Москве

Это упоминание пакта о ненападении последовало, если верить адъютанту Гитлера, не случайно: уже свыше двух месяцев германская дипломатия в России пыталась, хотя и без видимого успеха, воздействовать на Риббентропа. И только новая фаза, в которую вступили московские переговоры о пакте, а также возрастающее давление, под которое благодаря им попадал Берлин, сделали сближение возможным. В тот день, когда Гитлер пытался преодолеть сомнения своих военных якобы уже достигнутой изоляцией Польши, посол Шуленбург в частном письме в Берлин писал, что в большой политике «все находится в подвешенном состоянии»: англо-французская военная миссия в настоящее время ведет переговоры в Кремле, и весь мир с напряжением следит, не достигнет ли она большего, чем дипломаты. «Кремль играет сейчас решающую роль и ни в коем случае не захочет расстаться со своим привилегированным положением... Я остаюсь оптимистом!»[377]

Оптимизм Шуленбурга не в последнюю очередь основывался на выжидательной позиции Советского правительства: с момента обращения посла к Молотову 3 августа Советское правительство не проявило ни малейшей готовности вступить в переговоры по вопросу о Польше. Посол прилагал усилия к тому, чтобы смягчить лихорадочный напор Берлина. 14 августа он вновь настойчиво информировал статс-секретаря о том, что, по его мнению, «в отношениях с Советским Союзом следовало бы избегать любых стремительных шагов; это почти всегда будет иметь вредные последствия»[378]. В надежде помешать тому, чтобы московские переговоры о пакте подхлестнули Гитлера в его стремлении к сближению, посольство предусмотрительно изображало эти переговоры как медленные, тягучие и малозначительные[379].

Посольство в основном понимало, что Советское правительство стоит перед сложным выбором. Шуленбург, в частности, знал от финского посланника в Москве Н.Р.Идмана, с которым был в хороших отношениях, что Молотов, чрезвычайно обеспокоенный позицией Финляндии, боялся, как бы Германия не использовала в стратегиче-

ских целях Аландские острова при внезапном нападении на Ленинград[380]. К тому же послу была известна возрастающая озабоченность Молотова по поводу нейтралитета Прибалтийских государств Эстонии и Латвии в случае конфликта: нарком иностранных дел неоднократно заявлял, что симпатии, проявляемые этими странами к Германии, а также их усиленное вовлечение в сферу германских политических интересов вызывают тревогу[381].

«Из надежного источника»[382] Шуленбург получил информацию о том, как упорно в ходе политических переговоров с западными державами Молотов боролся за возможность военной интервенции в Прибалтийские страны. Его донесения в Берлин давали повод для размышлений: сейчас англичане «согласились предоставить Советам право... в случае прямого нападения на одно из Прибалтийских государств ввести туда свои войска на основании гарантий, даже если просьба об оказании помощи не последует»[383]; вопрос о гарантиях Прибалтийским государствам в случае косвенной агрессии пока еще не решен. Посол понимал, что отъезд из Москвы Стрэнга 7 августа — официально для консультаций со своим правительством — означал конец политических переговоров[384]. Он знал также, что польское правительство категорически отказалось пропустить через свою территорию какие бы то ни было русские войска, включая авиацию, а также принять русскую помощь[385]. Шуленбург внимательно следил за усилиями СССР, направленными на взаимопонимание с правительством США[386], за которыми легко угадывалось возрастающее беспокойство Советского правительства по поводу эскалации японо-советской войны[387].

Посольство было в курсе того, что военные действия у озера Буир-Нур вблизи маньчжуро-монгольской границы достигли масштабов, вынудивших Советское правительство для усиления войск в Восточной Азии использовать соединения, дислоцированные в Западной и Восточной Сибири. В своем сообщении в Берлин оно поспешило указать, что это вовсе не должно означать, «что Советское правительство оставляет без внимания возможность вооруженного конфликта на западном фронте»[388]

Германский посол, по-видимому, даже в эти дни не располагал той относительно точной информацией о начале войны против Польши, которую имело Советское правительство[389]. Ему был известен лишь английский прогноз хода войны, который распространил британский военный атташе в Москве Файэрбрейс в связи с началом военных переговоров 11 августа. Он в тот же день сообщил об этом министерству иностранных дел для информации, а также в надежде на то, что из реакции министерства можно будет сделать вывод о фактических германских планах. В соответствии с этим английским прогнозом «Германия будет придерживаться обороны на западе, напав превосходящими силами на Польшу, и захватит ее в течение одного-двух месяцев. В таком случае вскоре после начала войны германские войска окажутся на советской границе. Несомненно, Германия затем предложит западным державам сепаратный мир с условием, что ей предоставят свободу для наступле-

ния на востоке. Если Советское правительство не заключит сейчас с Англией и Францией пакта для защиты от германского нападения, оно рискует оказаться в изоляции»[390].

В своем ответе от 14 августа статс-секретарь передал в посольство распоряжение Риббентропа с указанием послу и военному атташе в беседах с представителями Советского правительства энергично выступать против подобного изображения событий, а обрисованный ход военных действий использовать именно как доказательство «безусловной ценности и значения советской договоренности с Германией», аргументируя это вопросом: «Каким образом после захвата Польши Англия сможет эффективно выступать в пользу России?» На фоне угроз следовало предложение, которое, как указывалось в телеграмме Вайцзеккера, «неоднократно подробно обсуждалось в здешних беседах с Астаховым». «Если Россия выберет сторону Англии, то она действительно окажется, как это случилось в 1914 году, изолированной от Германии. Если Советский Союз выберет договоренность с нами, он достигнет желаемой безопасности, которую мы готовы всячески гарантировать»[391].

Несмотря на то что эта аргументация имела весьма прозаическую подоплеку, она попала в самую точку уже на третий день военных переговоров, ходом которых Советское правительство не было удовлетворено[392]. А ведь ему нужно было сделать решающий выбор. Англичане и французы отнюдь не спешили на переговоры, состав военных миссий был весьма непредставительным, что не отвечало советским ожиданиям, у английской делегации не оказалось полномочий, инструкции были половинчатыми[393], «не определенными в отношении основных моментов и ужасно противоречивыми в узловых пунктах»[334]; они предусматривали затягивание переговоров, сокрытие важных военных данных, отсутствовала четкая позиция в конкретных не терпящих отлагательства вопросах совместного военного планирования, и в то же время англичане всячески старались выведать советские военные планы[395] — эти достаточно известные, а также многие неизвестные данные разведки, по-видимому, еще до прибытия военных миссий в Москву убедили Сталина в том, что будет очень нелегко склонить английское правительство к определенному решению. Английское правительство, похоже, продолжая свою стратегию политических переговоров, и в военных переговорах преследовало цель психологического запугивания Гитлера, а не создание эффективного фронта защиты против распространения агрессии[396].

Неоднократно повторявшееся в инструкциях указание, что Советское правительство не следует посвящать в военные планы уже потому, что отсюда они попадут непосредственно в руки немцев, было особенно оскорбительным для русских военных и прямо-таки противоестественным образом обращало внимание Сталина на неизбежную логику русско-германского сближения[397].

Такое же действие оказывали и сообщения о проходящих одновременно с началом военных переговоров секретных переговорах между Лондоном и Берлином, которые даже в глазах западных наблюдателей

приобретали характер «английской двойной игры». Эти переговоры, будучи выражением отчаянной борьбы британского правительства за другие формы обязательств, весьма несвоевременно активизировались именно в те дни и в такой степени, что Советское правительство вследствие своей предрасположенности к недоверию и чувству собственной неполноценности не могло не прийти к выводу, что за медлительностью, с которой англичане вели военные переговоры в Москве, на самом деле должна скрываться подготовка «второго Мюнхена» для Польши[398].

Помимо этого, как доказывали настойчиво повторявшиеся вопросы руководителя советской делегации маршала Ворошилова, имелось появившееся уже во время политических переговоров подозрение, что западные правительства пытались направить германскую агрессию на восток, создавая ситуацию, при которой СССР, помогая Польше или Румынии, оказался бы вовлеченным в вооруженный конфликт с Германией. Однако желанная, с британской точки зрения, цель переговоров — ни к чему не обязывающее «официальное правительственное заявление» — сводилась в своей сущности к тем предложениям о совместной декларации, которые Советское правительство в начале политических переговоров отклонило как раз по этой причине. Насколько весомыми были опасения советской стороны на самом деле, может показать только взвешенный анализ опубликованных лишь в своей незначительной части официальных документов и до сих пор скрываемой информации, поступавшей от разведслужб, которой располагало Советское правительство в процессе принятия решения[399].

Несмотря на отсутствие ответа на этот вопрос, было бы ошибкой сводить действия советской стороны на переговорах к «чистой тактике затягивания»[400] с целью «приписать вину за провал переговоров западным державам», а себе создать «алиби за... заключение договора с Германией»[401]. Такое восприятие событий, с точки зрения германского посольства в Москве, означало бы искажение подлинных причинных связей. Это подтвердили более поздние сообщения свидетелей событий[402]. Например, картина, рисуемая генералом Бофром, дает возможность увидеть, в какой степени западные разглагольствования о военной готовности Англии и Франции носили характер «комедии», имевшей целью «одурачить» советскую военную делегацию. Если советская делегация, указывая на боевую готовность Красной Армии, безусловно, пыталась произвести впечатление, то следовало учитывать, что, с одной стороны, она знала, что британские планирующие комитеты по идеологическим и реально-политическим причинам были весьма склонны к хронической недооценке советской военной мощи, а с другой стороны — опасалась, что в ближайшем будущем совместные германо-английские планы будут направлены против нее под знаком «второго Мюнхена». Подобный образ действий, вытекавший из многолетней изоляции и недооценки советской стороны, выражал ее желание форсированно повысить себе цену и одновременно произвести эффект превентивного устрашения.

Ознакомление с протоколами обеих делегаций показывает, что советские военные в противоположность «легкомысленности» [403] в подходе западных партнеров к переговорам вели их с большой серьезностью, не оставляя никакого сомнения в том, что Советское правительство ожидало от них заключения полноценного военного соглашения, не скупясь на доказательства своей явной заинтересованности. Несмотря на небезосновательную пессимистическую оценку британской готовности, Советское правительство к началу переговоров недвусмысленно выражало свои надежды на позитивный исход переговоров: оно произвело впечатление на западные миссии не только высоким уровнем советской делегации, но и пышным приемом с воинскими почестями, удивив их атмосферой теплой сердечности, «удачной прелюдией к совещаниям» [404].

Советская делегация имела широкие полномочия [405]. По советским сообщениям, устные указания членам делегации предписывали им оказывать величайшее уважение и максимальное внимание к переговорам и беседам, как и к членам западных делегаций [406]. Ежедневно по окончании соответствующих заседаний советская делегация лично отчитывалась перед Сталиным в присутствии других руководящих членов правительства (на этих докладах, по-видимому, постоянно присутствовал «хозяин» особняка на Спиридоновке, ныне улице Алексея Толстого, занимаемого Наркоматом иностранных дел, в котором проходили переговоры, Молотов). В зависимости от важности сообщений эта задача возлагалась либо только на руководителя делегации Ворошилова, либо на Ворошилова, Шапошникова и Кузнецова одновременно [407].

Для германского посольства не существовало никаких сомнений в том, что Сталин с величайшим вниманием и подлинным интересом следил за переговорами, поскольку эффективный единый военный фронт с западными державами, который включал бы в себя буферные государства Центральной и Восточной Европы, обещал ему несравненно бльшую безопасность, чем базирующийся на ненадежном фундаменте двусторонний союз с Германией — нарушителем европейского статус-кво. Поэтому не случайно в беседе с американским послом Штейнгардтом 16 августа Молотов одобрил заинтересованность президента США Рузвельта в скорейшем заключении военной конвенции и подчеркнул, что его правительство оценивает положение в Европе как чрезвычайно серьезное и придает большое значение ведущимся переговорам. Правда, на вопрос американского посла, в какой стадии находятся переговоры, Молотов в этот пятый день военных переговоров ответил уклончивой стереотипной фразой, что его правительство высоко оценивает все предыдущие и настоящие переговоры с Англией и Францией, поскольку они могут привести к соглашению о военной взаимопомощи против прямой и косвенной агрессии. Будучи спрошенным о его личном мнении, он подчеркнул: «Мы потратили много времени на переговоры — одно это уже показывает, что мы ожидаем успеха от переговоров. Промедления вызваны не (только) нами... Исход переговоров зависит в равной степени как от нас, так и от других . Многое

уже сделано для достижения успеха, и, как Вы знаете, переговоры продолжаются»[408].

Германский военный атташе Эрнст Кёстринг не сомневался в серьезности советских усилий заключить пакт с западными державами. Когда он спустя несколько недель сидел с Ворошиловым и Шапошниковым за тем же столом переговоров, он спросил наркома обороны о ходе предшествовавших военных переговоров. Ворошилов ответил со вздохом: «Да, это было ужасно. Если бы французы и англичане прислали других партнеров по переговорам, вы бы теперь, наверное, не сидели на их месте!» Кёстрингу, близко знавшему Ворошилова в течение многих лет, этот ответ показался убедительным. «При свойственном тогда русским чувстве неполноценности, — писал он позже, — им требовалась самая лучшая лошадь из конюшни». В этом замечании Ворошилова, «к которому присоединились и другие характерные высказывания по поводу тех событий», Кёстринг обнаружил «...не только заложенный в это дело гандикап демократических стран в сравнении с авторитарными государствами, но и исключительно в данном случае абсолютное непонимание тогдашней русской позиции британскими и французскими партнерами Москвы по переговорам»[409].

Эти замечания Ворошилова, высказанные им в беседе с Кёстрингом в сентябре 1939 г., полностью соответствуют его действиям на военных переговорах. Уже на первом заседании западные военные миссии обнаружили, «что советские партнеры серьезно настроены на успешное завершение переговоров»[410]. Они вели переговоры прямолинейно, целеустремленно, с сосредоточенной серьезностью, не прибегая в отличие от своих западных партнеров «ни к каким уловкам или уклончивым дипломатическим маневрам»[411]; при этом их «резкая»[412], а по мнению англичан, даже «грубая»[413] манера ведения переговоров объяснялась не в последнюю очередь тяготевшей над ними необходимостью принятия решений. Здесь, помимо прочего, важную роль играл фактор дефицита времени: знание даты намеченного на один из ближайших дней германского нападения на Польшу требовало четкого решения. Эти факторы настолько сильно давали о себе знать во время переговоров, что никаких сомнений в искренности руководства советской делегации тогда не было[414].

Руководитель советской делегации маршал Ворошилов с самого начала уделял главное внимание двум вопросам, к обсуждению которых он постоянно и с чрезвычайным упорством возвращался: «планы»[415] западных держав, касающиеся операций Советской Армии на германском Восточном фронте в случае войны, и связанный с этим вопрос о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии с целью соприкосновения с противником[416]. Слова Ворошилова о том, что ему «из всей военной истории не было известно ни одного случая, когда бы искали союзника против вероятного противника, но не желали бы предоставить этому союзнику право войти в соприкосновение с вероятным врагом»[417], были, по мнению Кёстринга, справедливы, тем более что

советское руководство знало о предстоящем нападении Германии на Польшу.

В начале заседания 14 августа Ворошилов уточнил свои вопросы, но из ответов он должен был понять, что ни англичане, ни французы не имели на этот случай никаких убедительных военных планов и что они не были готовы к совместному решению вопроса о праве прохода. Это побудило руководителя советской делегации уже на заседании 14 августа поставить вопрос о проходе войск через польскую и румынскую территорию в качестве «кардинального вопроса» дальнейшего советского участия в переговорах: «...это является предварительным условием — пропуск наших войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию». Иными словами, «вопрос о пропуске советских войск на польскую территорию (на севере и юге) и на румынскую территорию» должен быть решен заранее[418]. Так возникла, по мнению французской миссии, драматическая ситуация: грянул «гром»[419].

После перерыва между заседаниями — во время перерывов советская военная миссия, по наблюдению западных партнеров, докладывала Сталину о происходящем — Ворошилов еще раз уточнил свои вопросы: «Будут ли советские вооруженные силы пропущены на территорию Польши в районе Вильно по так называемому Виленскому коридору? Раз. Будут ли советские вооруженные силы иметь возможность пройти через польскую территорию... через Галицию? Два. Будет ли обеспечена возможность вооруженным силам Советского Союза в случае надобности воспользоваться территорией Румынии?.. Три. ...Для советской миссии ответы на эти... вопросы являются кардинальнейшими».

В ответе, который генерал Хейвуд после короткой совместной консультации дал Ворошилову от имени обоих руководителей миссий, говорилось, что Польша и Румыния как самостоятельные государства должны сами дать разрешение на проход советских войск. Он отослал Советское правительство к правительствам указанных государств, отметив, что это вопрос политический, а не военный. Подобный ответ побудил Ворошилова после следующего перерыва в переговорах (и соответствующих консультаций со Сталиным) сделать заявление, в котором он, признавая сложность стоящих перед ними политических вопросов, обозначил дальнейшие переговоры, если не будут даны положительные ответы на советский «кардинальный вопрос», заранее обреченными «на неуспех»[420].

По мнению Бофра, «советский ответ... был чрезвычайно ясен и, к сожалению, неопровержимо логичен. Было более чем нелепо пойти на переговоры с СССР, не разрешив, хотя бы на стратегическом уровне, вопроса русско-польского взаимодействия»[421]. Вопрос, значение которого военные полностью осознавали с самого начала[422], был исключен их правительствами из перечня подлежащих обсуждению вопросов[423]. Делегации же в соответствии с полученными указаниями направляли его на рассмотрение своим правительствам. «Таким образом, его судьба была решена»[424].

На заседаниях 15 августа Ворошилов в ожидании ответа западных правительств на советский «кардинальный вопрос» попросил начальника Генштаба Красной Армии Шапошникова изложить советские оперативные планы, содержавшие три варианта[425].

1. В случае объединенного германо-итальянского нападения на Англию и Францию СССР обещал выставить на Восточном фронте 2 миллиона человек, то есть 70% тех вооруженных сил, которые Англия и Франция выставят на западе против главного агрессора, Германии. В этом случае Польша должна сосредоточить свои вооруженные силы на западе и против Восточной Пруссии. А «правительства Англии и Франции должны добиться от Польши обязательства на пропуск и действия вооруженных сил СССР, сухопутных и воздушных, через Виленский коридор и по возможности через Литву — к границам Восточной Пруссии, а также если обстановка потребует, то и через Галицию». В рамках совместных операций флотов Франция и Англия должны, далее, «добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие... Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами (Эзель, Даго, Вормси), портов Ганге, Пернов, Гапсаль, Гайнаш и Либава в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии». В случае согласия этих стран советский Балтийский флот также «будет базироваться совместно с объединенным флотом Англии и Франции на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Гапсаль, Пернов, Гайнаш и Либаве, в целях охраны независимости Балтийских стран». При этих условиях советский Балтийский флот сможет развернуть совместные крейсерские операции, действия подводных лодок, минировать прибрежные воды Восточной Пруссии и Померании и препятствовать подвозу промышленного сырья из Швеции в Германию.

2. В случае германского нападения на Польшу и Румынию обе эти страны выставляют на фронт свои вооруженные силы, а Франция и Англия должны немедленно объявить войну агрессору. Участие СССР в войне «может быть [осуществлено] только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и, по возможности, с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях — через Виленский коридор, через Галицию и Румынию. В этом случае СССР выставляет 100% тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно». Задачи английского флота на Северном море и советского Балтийского флота остаются те же, что и в первом варианте; помимо этого, на юге советский Черноморский флот блокирует устье Дуная и Босфор, не допуская прохода вражеских боевых кораблей.

3. В случае, если Германия, используя в качестве плацдарма территорию Финляндии, Эстонии или Латвии, направит свою агрессию против СССР, Франция и Англия также должны немедленно вступить в войну. Польша на основании своих союзнических договоров с западными державами должна выступить против Германии и «пропустить наши войска по договоренности правительств Англии и Франции с прави-

тельством Польши через Виленский коридор и Галицию». Англия и Франция должны выставить на западе 70% количества войск, выставляемых Советским Союзом на германском Восточном фронте, а Польша — не менее 45 дивизий.

Руководитель французской делегации Думенк писал позже (сохранившиеся протоколы сведений об этом не дают), что он заявил Ворошилову о своем согласии и подчеркнул, «что планы, которые он только что осветил, безусловно, представляют собой наилучший способ отражения агрессии и что было бы полезно без дальнейших ожиданий изыскать пути к их реализации... Что касается моего личного мнения, то миссии (сами) уже выразили свой интерес к ним»[426]. А член делегации капитан Бофр подчеркнул: «Было бы трудно выразиться более ясно и конкретно». Тем не менее между «первостепенно важной» советской концепцией, с одной стороны, и «путаными абстракциями» англо-французского проекта — с другой, просматривалась «пропасть, отделявшая обе эти концепции и обе цивилизации друг от друга»[427].

Руководитель английской делегации адмирал Дракс поблагодарил Ворошилова и Шапошникова «за ясное и точное изложение плана»[428], а в отчете своим руководителям назвал все это «детской затеей»[429]. На заседании 16 августа Ворошилов предложил прервать переговоры до получения ответа на «кардинальный вопрос». На заседании 17 августа он наконец прервал переговоры, ссылаясь на предстоящую в ближайшее время «почти бесспорную» «большую европейскую войну»[430], до поступления полномочий британской делегации и ответа на «кардинальный вопрос» из Лондона и Парижа.

Было решено возобновить переговоры 21 августа.

Решающая акция Германии: предложение пакта о ненападении (17 августа)

Германское правительство благодаря секретным сообщениям из лондонских правительственных кругов, поступившим через германское посольство, получило подробную информацию об этих переговорах[431]. Гитлер и Риббентроп с величайшим вниманием наблюдали из Оберзальцберга за развитием событий. Чтобы самим не стать жертвой иностранных секретных служб, ими было дано указание переправлять всю важную информацию непосредственно через специальных курьеров[432]. Они знали, что, помимо германского посольства в Москве, и другие хорошо информированные миссии Германии на первых порах высоко оценивали шансы на успех западных военных миссий в Москве[433]. В то время как лондонский посол Дирксен тщетно добивался в министерстве иностранных дел приема у Риббентропа, поверенный в делах Тео Кордт сообщил министерству иностранных дел вечером 14 августа 1939 г., что отчет Уильяма Стрэнга о московских переговорах «звучит оптимистично: Советское правительство проявило столько знаков доброй воли к заключению договора, что уже нет никаких сомнений в том, что он будет подписан». Подготовка к военной части пе-

реговоров осуществляется по взаимному желанию «с величайшим ускорением». Единственная еще не принятая формулировка для определения «косвенной агрессии» может быть найдена «сравнительно легко» после совместного изучения стратегических возможностей[434].

Когда это сообщение незадолго до полуночи 14 августа поступило в Берлин (ему могла предшествовать телефонная информация сходного содержания), Шуленбургу уже была отправлена телеграмма рейхсминистра: она содержала обширную инструкцию, сходную с большой неотправленной инструкцией от конца мая 1939 г., но шла гораздо дальше в территориальных уступках. Фридрих Гаус вторично совершенно неожиданно для себя был вызван к Риббентропу, на этот раз из отпуска. В Фушле он должен был переработать уже подготовленный текст, который «сводился к предложению о вступлении в политические переговоры с целью заключения договора»[435]. После доработки текст был направлен для передачи в посольство в Москве, где Хильгер, дважды в течение того дня предупрежденный Вайцзеккером о предстоящем получении инструкции[436], уже с вечера 14 августа договаривался о приеме посла наркомом иностранных дел. Посольство проявило немалую настойчивость, чтобы добиться 15 августа приема у В.М.Молотова[437]. В конце концов прием был назначен на 20.00. В соответствии с советской точкой зрения «германское правительство еще раз проявило инициативу и сделало уже вполне официально решительный шаг»[438].

Во время встречи Молотов, по словам Шуленбурга, был «как никогда общительным»[439]. Шуленбург извинился за назойливость и сообщил о том, что ему известно, что Советское правительство заинтересовано в продолжении политических переговоров в Москве. Молотов, согласно записям Шуленбурга, подтвердил это. Затем Шуленбург зачитал инструкцию Риббентропа, заменив при этом некорректные, оскорбительные выражения более подходящими[440]. Шуленбург, как явствует из советской записи беседы, заявил, что полученную им из Берлина инструкцию он должен изложить устно, но по поручению Риббентропа он просит доложить о ней Сталину. Поэтому зачитанный им текст был тут же переведен на русский язык и записан. Эта процедура, как об этом сказано в советской записи беседы, заняла 40 минут. (Русский перевод приложен к советскому протоколу.)

В полном соответствии с советской доктриной о мирном сосуществовании государств с различными идеологическими системами Риббентроп в своей инструкции предлагал Советскому правительству навсегда покончить с периодом внешнеполитической вражды. Он отрицал наличие каких бы то ни было агрессивных намерений Германии против СССР и повторял формулу о полностью согласованном урегулировании всех вопросов между Балтийским и Черным морями, таких, «как Балтийское море, Прибалтика, Польша, вопросы Юго-Востока и т.д.»[441]. Риббентроп писал также об историческом повороте в отношениях между обоими народами во имя будущих поколений и не постеснялся перефразировать слова Бисмарка, высоко чтимые сторонниками идеи Рапалло в России: «В прошлом у обеих стран все шло хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами». Он призывал

убрать наслоения взаимного недоверия, подогревая одновременно советскую подозрительность в отношении «западных капиталистических демократий», являющихся «непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советской России». Они будут ныне вновь пытаться втянуть Россию в войну путем заключения военного союза против Германии — именно такая политика в 1914 г. поставила Россию на грань катастрофы. Поэтому «насущный интерес обеих стран заключается в том, чтобы избежать в будущем разрыва между Германией и Россией в интересах западных демократий».

И прежде всего «английское подстрекательство к войне в Польше требует, по его мнению, «скорейшего решения» территориальных проблем Восточной Европы», в противном случае могут возникнуть роковые последствия. В связи с этим Риббентроп заявлял о своей готовности «нанести краткий визит в Москву, чтобы от имени фюрера изложить его точку зрения господину Сталину», поскольку «обсуждение по обычным дипломатическим каналам» потребует слишком много времени. Он лично хотел бы в Москве «заложить фундамент окончательного очищения германо-русских отношений». Руководствуясь указанием, Шуленбург в конце концов попросил Молотова о соответствующей аудиенции у Сталина.

Молотов приветствовал содержание заявления, однако подчеркнул, в соответствии с записью Шуленбурга, что «осуществление визита рейхсминистра в Москву... (требует) тщательной подготовки, чтобы предполагаемый обмен мнениями принес результат». В записи Павлова отмечается, что, по мнению Молотова, «необходимо провести подготовку определенных вопросов, для того чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры». По словам Шуленбурга, Молотов согласился, что «время не терпит», поскольку Советское правительство также не желает, чтобы «события поставили его перед совершившимися фактами», однако высказался за «предварительное выяснение и подготовку некоторых вопросов».

В состоявшейся затем беседе речь шла о планах правительства рейха. Молотов ошеломил Шуленбурга откровением о том, что уже в конце июня Советское правительство получило в Риме от Чиано информацию о существовании в Берлине некоего «плана Шуленбурга», предусматривающего улучшение германо-советских отношений на основе пакта о ненападении и совместного гарантирования Прибалтийских стран, содействие Германии в урегулировании взаимоотношений СССР с Японией, а также заключение широкого хозяйственного соглашения с СССР. Молотов спросил Шуленбурга, насколько данное сообщение из Рима соответствует действительности[442]. «Шуленбург вначале сильно покраснел» (советская запись беседы). Этот вопрос поставил Шуленбурга в затруднительное положение: он знал, что его план получил в Берлине лишь ограниченную поддержку, и Чиано, вероятно, опирался на сообщения Россо о совместных (полуконспиративных) беседах. Он осторожно намекнул, что речь здесь, по-видимому, шла (в соответствии с записью Шуленбурга) о «комбинациях Россо». На вопрос Молотова, «не высосал ли Россо эти данные из пальца», он

уклончиво ответил, что это «верно лишь относительно», и напомнил о том, что германская сторона «действительно желает улучшения германо-советских отношений». Между тем Шуленбург догадывался, что она преследует цели диаметрально противоположные его плану! В последнюю минуту советский собеседник задал ему опасный вопрос о двусмысленности этой дипломатической инициативы. А затем тактично и, может быть, не без оснований поставил риторический вопрос, «правильно ли информировал Россо свое правительство». В дальнейшем ходе разговора Молотов, продолжая развивать этот вопрос, заявил, что «Советскому правительству в настоящий момент прежде всего хотелось бы знать, существуют ли планы, о которых говорилось в сообщении Россо, или нечто подобное в действительности и вынашивает ли еще германское правительство подобные идеи. Он, Молотов, ознакомившись с сообщением из Рима, не нашел в нем ничего невероятного... У него сложилось впечатление, что в нем, должно быть, многое соответствует истине, поскольку эти мысли развиваются в том же направлении, которое выработалось у германской стороны уже несколько месяцев назад» (запись Шуленбурга).

В советской записи беседы сказано, что Молотов в связи со своим упоминанием «плана Шуленбурга» подчеркнул: важно «выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения». Шуленбург ответил, «что все то, о чем он говорил Россо в части Балтийского моря, возможного улучшения отношений СССР с Японией, нашло свое выражение в зачитанной им сегодня инструкции. Шуленбург (добавил), что его последние предложения еще более конкретны». Молотов подчеркнул, что «Германия до последнего времени не стремилась к улучшению взаимоотношений с СССР... мы, разумеется, приветствуем... сегодняшнее заявление посла... поскольку «план Шуленбурга» идет по той же линии... Шуленбург (спросил), можно ли пункты (его) «плана» принять за основу дальнейших переговоров. (Молотов ответил утвердительно и высказал пожелание), что теперь надо разговаривать в более конкретных формах». Тут же он вновь спросил Шуленбурга, сформировалось ли (также) у германского правительства определенное мнение по вопросу о пакте ненападения. «Шуленбург (ответил), что с Риббентропом этот вопрос пока не обсуждался. Германское правительство не занимает в этом вопросе ни положительной, ни отрицательной позиции. Тов. Молотов (заявил), что в связи с тем, что как Риббентроп, так и Шуленбург говорили об «освежении» и о пополнении действующих советско-германских соглашений, важно выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чем-либо подобном ему».

Затем Шуленбург спросил, «следует ли рассматривать упомянутые т. Молотовым пункты как предпосылку для приезда Риббентропа». Молотов заявил, что он специально вызовет Шуленбурга и даст ему ответ на сегодняшнее заявление. Во всяком случае, по его мнению, перед приездом министра необходимо в качестве подготовки прояснить некоторые вопросы. Шуленбург сообщил, «что телеграфирует содержание сегодняшней беседы в Берлин, где подчеркнет особую заинтересован-

ность Советского правительства в названных т. Молотовым пунктах». Он попросил Молотова ускорить ответ на инструкцию Риббентропа.

В донесении, направленном в министерство иностранных дел, в котором «план Шуленбурга» не упоминается, посол относит слова Молотова к Россо. «Молотов повторил, что его в первую очередь интересует ответ на вопрос, имеется ли у германской стороны желание конкретизировать пункты, приведенные в сообщении Россо. Так, например, Советское правительство хотело бы знать, видит ли Германия реальные возможности... воздействовать на Японию. И далее, как обстоят дела с идеей заключения пакта о ненападении? — добавил буквально Молотов». Молотов закончил беседу констатацией, что если германское правительство при данных условиях разделяет желание заключить пакт о ненападении, «то по этому вопросу следует прежде провести конкретные переговоры». Лишь при таких условиях можно говорить о визите Риббентропа.

Решающим в этой беседе было то, что Советское правительство резко изменило позицию, впервые высказав свои *пожелания*. Они были конкретны, точны и заключались в следующем:

— пакт о ненападении с Германией,

— совместные гарантии нейтралитета Прибалтийских государств,

— отказ Германии от разжигания японской агрессии и вместо этого оказание влияния на Японию с целью прекращения ею пограничной войны,

—заключение соглашения по экономическим вопросам на широкой основе[443].

Изменение позиций советской стороны отразилось также в утверждении Молотова (зафиксированном лишь в записи Шуленбурга), что Советское правительство теперь убедилось в том, что «правительство Германии имеет действительно серьезные намерения внести изменения в свое отношение к Советскому Союзу», причем сделанное в этот день Шуленбургом заявление он оценил как «решающее»[444].

В письме от 16 августа, доставленном Хервартом в Берлин, посол Шуленбург сообщал статс-секретарю о своем удовлетворении беседой[445]. Тот факт, что рейхсминистр сам предлагает свой визит, по-видимому, льстит Советскому правительству, которое тщетно добивалось высокопоставленного партнера по переговорам с английской стороны. Послу показалось примечательной «во вчерашних высказываниях господина Молотова удивительная умеренность в его требованиях к нам». Он отметил в качестве значительного момента советское желание заключить с Германией пакт о ненападении. В отношении Японии Молотов довольствовался лишь пожеланием, чтобы германское правительство оказало содействие советско-японскому примирению. Однако в вопросе Прибалтики не последовало никаких уточнений советских пожеланий. В настоящий момент, заключил посол, дело действительно выглядит таким образом, «что мы добились в здешних переговорах желаемого успеха».

Гитлер и его министр иностранных дел «как на иголках»[446] ожидали в Берхтесгадене результата этой беседы. Отчет Шуленбурга от

16 августа был истолкован таким образом, что Советское правительство «в принципе не отклонило мысли о том, чтобы поставить немецко-русские отношения на новую политическую основу, однако высказалось в том смысле, что до начала прямых переговоров потребуется длительное изучение и дипломатическая подготовка»[447]. Эту позицию Советского правительства Гитлер счел неудовлетворительной. Немедленно в 14 час. 30 мин. того же дня он дал указание направить новое послание Молотову, «в котором высказывалось настойчивое пожелание германской стороны о немедленном начале переговоров»[448]. Уже в послеобеденные часы того же 16 августа новая инструкция из Оберзальцберга была срочно направлена в бюро статс-секретаря на Вильгельмштрассе, а оттуда в германское посольство в Москве[449]. В 10 часов 17 августа Шуленбург через Хильгера вновь попросил аудиенции у Молотова с замечанием, что хотел бы в дополнение к вчерашнему посланию рейхсминистра «сообщить только что полученную из Берлина инструкцию, которая касается поставленных Молотовым вопросов»[450].

Когда телефонный звонок Хильгера раздался в особняке на Спиридоновке, там как раз собирались члены военных миссий на свое шестое и пока заключительное заседание. Назначенное на 10.00, оно началось лишь в 10 час. 07 мин. За эти семь минут Молотов, по-видимому, по телефону сообщил в Кремль Сталину о содержании разговора с советником Хильгером. Сталин взвесил значение сообщения, которое он в связи с обстоятельствами, возможно, оценил достаточно высоко, и отдал два распоряжения:

— Ворошилову он дал указание во время первого заседания этого дня решительно потребовать от западных военных миссий ответа на «кардинальный вопрос»; Советское правительство вплоть до этого дня еще не совсем исключало возможность коренного поворота в переговорах, но с этого момента его ожидания сократились до минимума.

— Молотов получил указание в конце дня принять и выслушать германского посла. При таких обстоятельствах Шуленбургу была предоставлена аудиенция у Молотова в 20.00.

В этот день Ворошилов поставил дальнейшие переговоры в зависимость от поступления полномочий британской миссии и ответа на советский «кардинальный вопрос». На западные делегации заметного воздействия это не произвело. Если смотреть с советских позиций, то советская делегация должна была «поистине набраться терпения», чтобы и дальше заниматься поднятыми западной стороной частными вопросами. «Вопрос Ворошилова все еще без ответа... Теперь уже ничто не может убедить советских делегатов в том, что можно рассчитывать на положительный ответ Англии и Франции»[451]. В 13 час. 43 мин. Ворошилов прервал переговоры. Следующее заседание было назначено на 21 августа.

В результате британский посол в Варшаве сэр У. Кеннард получил наконец 17 августа от британского правительства указание поддержать усилия его французского коллеги Ноэля, направленные на то, чтобы склонить польское правительство к согласию на проход советских

войск через польскую территорию. При этом его внимание обращалось на «опасность германо-советского соглашения в ущерб Польше и Румынии, что привело бы к срыву проходящих в настоящее время переговоров в Москве»[452]. В этих предупреждениях чувствуется влияние информации, поступавшей в западные посольства в Москве из посольства Германии. Английская дипломатия пришла в движение.

После переноса переговоров руководители советской делегации отправились на доклад к Сталину. Н.Г.Кузнецов рассказывает, что при докладе И.В.Сталину они услышали от него, что он не считает намерения англичан серьезными. Как сообщил Кузнецов Безыменскому, до 16 августа Советское правительство еще взвешивало все «за» и «против»[453]. Похоже, что при обсуждении со Сталиным и Молотовым, состоявшемся после военных переговоров 17 августа, окончательный верх взяло «против»: во второй половине дня 17 августа, заслушав доклады военных, Сталин принял решение использовать наступивший в военных переговорах перерыв для проверки реальности германских предложений. Отпустив военных, Сталин, который был известен германскому посольству как мастер быстрых и точных формулировок[454], продиктовал правительственное заявление, которое Молотов должен был зачитать и передать германскому послу, если, как ожидалось, германское правительство в новой инструкции своему послу остановится на поставленных перед ним 15 августа вопросах. Это заявление представляло собой чрезвычайно трезвый и лишь условно положительный ответ на чрезмерные любезности германской стороны. Сталин, которого, как писал Майский, «политика Чемберлена и Даладье вынудила изменить свой внешнеполитический курс, начал этот неизбежный поворот спокойно, трезво, хладнокровно, без излишней поспешности»[455].

В своей инструкции от 16 августа, которую Шуленбург должен был лишь зачитать, но не передавать, Риббентроп пошел навстречу всем пожеланиям Советского правительства, изложенным в «плане Шуленбурга». Уверяя, что «выдвинутые господином Молотовым пункты... (совпадают) с желаниями Германии» (при оглашении инструкции Шуленбург подчеркнул этот момент), он сообщал, что может дать следующие обещания[456]:

— Германия готова заключить не подлежащий расторжению пакт о ненападении на 25 лет, срок для такого рода договоров по тем временам необычно длинный;

— она готова «дать совместные с Советским Союзом гарантии Прибалтийским государствам» (здесь, как говорится в советской записи, Шуленбург заметил, что «пункт о совместной гарантии Балтийских государств включен в этот ответ потому, что, как кажется германскому правительству, Советское правительство желает этого»);

— она готова «употребить свое влияние для улучшения и консолидации советско-японских отношений». (Здесь, как следует из советской записи, Шуленбург прервал чтение инструкции и заметил: «Мы... не совсем поняли т. Молотова, повторял ли он в беседе 15 августа план, изложенный Россо, или выразил этим и желание самого Советского правительства. Германское правительство, внося это, думало, что пой-

дет навстречу желаниям Советского правительства...Тов. Молотов (заявил), что этот пункт нуждается в уточнении».)

Во второй части инструкции содержался недвусмысленный пассаж: «Фюрер считает, что, принимая во внимание нынешнее положение и возможность наступления серьезных событий в любой момент (прошу сказать г-ну Молотову, что Германия не намерена долго терпеть польские провокации), желательно принципиально и быстро прояснить советско-германские отношения, позиции обеих сторон по актуальным вопросам. Поэтому я готов самолетом прибыть в Москву в любое время после пятницы, 18.8, с полномочиями от фюрера вести переговоры по всему комплексу германо-советских вопросов и, если это потребуется, подписать соответствующие договоры». В дополнение к оглашенной инструкции Шуленбург попросил Молотова — как об этом сказано в советской записи беседы — «согласно полученному им в частном порядке указанию... начать переговоры с Риббентропом на этой или следующей неделе... Шуленбург (попросил) ускорить ответ».

После этого, не вдаваясь подробно в содержание инструкции, Молотов заявил, что может уже сегодня вручить письменный ответ Советского правительства на германские предложения от 15 августа. И добавил, что Сталин следит (в записи Шуленбурга — «следит с большим интересом») за переговорами и поддерживает (у Шуленбурга — «полностью поддерживает») ответ Молотова.

В советском ответе говорилось, что Советское правительство приняло к сведению переданное 15 августа заявление о желании германского правительства улучшить отношения. «До последнего времени Советское правительство, учитывая официальные заявления отдельных представителей германского правительства, имевшие нередко недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР, исходило из того, что германское правительство ищет повода для столкновений с СССР, готовится к этим столкновениям и обосновывает нередко необходимость роста своих вооружений неизбежностью таких столкновений. Мы уже не говорим о том, что германское правительство, используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР, с особой настойчивостью привлекая к этому Японию». Вполне понятно, что такая политика вынуждала Советское правительство «принимать серьезные меры к подготовке отпора против возможной агрессии в отношении СССР со стороны Германии и, значит, принимать участие в деле организации фронта обороны ряда государств против такой агрессии». Затем следовало (выделение автора): «*Если*, однако, теперь германское правительство делает поворот от старой политики в сторону *серьезного* улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее *серьезного* улучшения в отношении Германии».

Далее шло повторение принципа мирного сосуществования и утверждение, что для установления новых, улучшенных политических отношений уже сейчас возможны серьезные практические шаги в этом

направлении: первым шагом «могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения», а «вторым шагом *через короткий срок* могло бы быть заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта». Это было первое советское упоминание «специального протокола». Что же имелось в виду?

Последовавший далее обмен мнениями вносит в этот вопрос некоторую ясность. Вначале, как об этом сказано в советской записи, Молотов вновь старался выиграть время, интерпретируя советский ответ в том смысле, «что *прежде*, чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении». (Согласно записи Шуленбурга, он добавил: «Что начато, нужно непременно закончить».) «Это будет первым шагом... Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г., что имел, очевидно, в виду Шуленбург... или заключение договора о ненападении плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны... Затем т. Молотов задает вопрос, как оценивает Шуленбург перспективы первого и последних шагов. Что касается кредитно-торговых переговоров, отвечает Шуленбург, то у него складывается впечатление, что соглашение не сегодня-завтра состоится. О втором шаге Шуленбург телеграфирует в Берлин и запросит проект договора. Но Шуленбург усматривает трудности в дополнительном протоколе».

На это Молотов сказал, «что надо иметь проект пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете. Необходимо сделать то или другое по выбору германского правительства. Хорошо бы получить схему пакта и тогда можно перейти к протоколу».

Шуленбург сказал, «что будь то заключение нового пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете, речь может идти лишь об одном параграфе». (Он думал при этом о заявлении СССР об отказе от применения силы, чего хотела немецкая сторона.) «Центр же тяжести, по его мнению, будет лежать в протоколе, и поэтому желательно получить от Советского правительства хотя бы эскиз протокола. Протокол будет иметь важное значение, подчеркивает Шуленбург, так как при его составлении всплывут такие вопросы, как вопрос о гарантии Прибалтийским странам и пр. Тов. Молотов говорит, что он не располагал ответом германского правительства по поводу пакта о ненападении, вопрос о котором раньше германским правительством вообще не ставился. Надо рассмотреть сегодняшний ответ. Вопрос же о протоколе пока не детализируется. При его составлении как германской, так и советской стороной будут, между прочим, рассмотрены вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа. Инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны. Естественно, что вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа, не могут войти в договор, они должны войти в протокол. Германскому правительству следует обдумать это. Надо

полагать, что договор будет содержать четыре-пять пунктов, а не один, как думает Шуленбург. Шуленбург заявляет, что он не сомневается, что германское правительство готово дать проект пакта. Заведующий правовым отделом МИД блестяще справится с такой задачей, как составление проекта договора. Но он, очевидно, встретит затруднения при составлении протокола, и поэтому желательно для облегчения его работы иметь предварительную наметку того, что он должен содержать. Например, остается открытым вопрос о гарантиях Прибалтийским странам. Может быть, в протоколе надо отразить заявление 15 августа, в котором сказано, что Германия учтет интересы СССР в Балтийском море?»

Молотов ответил, «что содержание протокола должно быть предметом обсуждения. Торговое соглашение находится уже в стадии завершения, надо готовить проект пакта о ненападении или подтверждение договора 1926 г., и в процессе рассмотрения этого можно будет подойти к более конкретным вопросам о содержании протокола. Шуленбург обещает запросить в Берлине проект договора. Что касается протокола, то он будет просить составить [его] на основе германского заявления 15 августа, внеся туда общую формулу об учете Германией интересов в Балтике».

В записи Шуленбурга говорится, что он выразил мысль о том, что в Москве Риббентроп сможет «заключить такой протокол, в который могли бы войти и упоминавшиеся вопросы, а также новые, которые еще, возможно, возникнут». И все же мысли советских руководителей вновь и вновь возвращались к протоколу. Молотов, согласно советской записи, с большой сдержанностью отвечал: «Вопрос о протоколе, который должен являться неотъемлемой частью пакта, является *серьезным* вопросом. Какие вопросы должны войти в протокол, об этом должно думать германское правительство. Об этом мы также думаем. Советское правительство считается с мнением германского правительства, что нельзя откладывать на длительный срок вопросы, которые мы обсуждаем. Но перед приездом Риббентропа надо получить уверенность, что переговоры обеспечат достижение определенных решений».

Как сообщал в Берлин Шуленбург, Советское правительство опасалось «внимания, которое привлекла бы к себе такая поездка», и предпочитало «проделать практическую работу без большого шума», а подобная поездка требует «основательной подготовки». Неоднократные возражения Шуленбурга Молотов отклонил. Он предложил, чтобы германская сторона немедленно занялась разработкой «проектов пакта о ненападении или обновления договора о нейтралитете, а также проектом протокола», «тем же займется и советская сторона».

Вновь с нетерпением ожидали ответа Шуленбурга в Оберзальцберге. Его отчет, датированный утром 18 августа, принес новое разочарование: беседы с Молотовым «шли не в том направлении»[457]. В эфир было немедленно направлено новое указание. Уже вечером 18 августа посол получил поручение Вайцзеккера «завтра утром, в субботу, договориться об аудиенции у Молотова и принять все меры к тому, чтобы Вы были приняты в первой половине дня»[458]. Вслед за этим рано утром

19 августа Шуленбург получил инструкцию, которая предписывала ему добиться «немедленной беседы с господином Молотовым и использовать все средства, чтобы эта беседа состоялась без малейшего промедления». В этих словах содержался упрек послу, которого Риббентроп подозревал в медлительности при выполнении его указаний.

Нарком иностранных дел принял посла в субботу, 19 августа, в 14 часов[459]. После новых извинений за эту настойчивость, с которой он добивался беседы, посол проинформировал Советское правительство о чрезвычайном обострении положения и о возможности конфликта в ближайшее время. Риббентроп надеется добиться ясности в отношениях между СССР и Германией — как это говорится в советской записи — еще до его возникновения, так как «во время конфликта это сделать будет трудно». В Германии считают, что первый шаг в значительной степени сделан. «В вопросы взаимной гарантии Прибалтийских стран, пакта о ненападении, влияния на Японию также внесена ясность. И поэтому Риббентроп придает большое значение своему приезду и считает нужным со всей быстротой приступить ко второму этапу. Риббентроп имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить *всякое* соглашение, которого бы желало Советское правительство». (По его указанию Шуленбург говорил о «немедленной поездке» Риббентропа, который мог, обладая «неограниченными полномочиями, данными ему фюрером... исчерпывающим образом и до конца урегулировать весь комплекс вопросов».) В ходе дальнейшей беседы, когда Молотов вначале отказался дать согласие на немедленный визит, Шуленбург, который все время «настаивал на приезде Риббентропа» (советская запись Павлова), подчеркнул, что «и Гитлер придает (приезду) громадное значение. Риббентроп смог бы заключить протокол, в который бы вошли как упоминавшиеся уже вопросы, так и новые, которые могли бы возникнуть. Время не терпит», - добавил Шуленбург.

Такой нажим наложил отпечаток на весь характер беседы: пакт о ненападении не требует «длительной подготовки» (Шуленбург), вопрос об этом пакте «представляется ясным и простым» (Павлов). Германское правительство имеет в виду «следующие два пункта»[460]:

«1) германское правительство и Советское правительство обязуются ни в коем случае не прибегать к войне или иным способам применения силы;

2) этот договор вступает в силу немедленно и действует без денонсации в течение 25 лет».

С технической точки зрения это был лишь рудимент пакта о ненападении[461], а по содержанию — в лихорадочной спешке состряпанное заявление о неприменении силы, которое должно было выглядеть вызовом самолюбию любого цивилизованного государства. Развязность грубой поделки подчеркивалась еще и обещанием Риббентропа «при устных переговорах в Москве уточнить детали и в случае необходимости пойти навстречу русским пожеланиям». Он мог также «подписать *специальный протокол*, регулирующий интересы сторон, например урегулирование *сфер интересов* в районе Балтийского моря, вопросов Прибалтийских государств и т.д.». Это было первое упо-

минание понятия «сфера интересов» в рамках немецких усилий в борьбе за нейтралитет СССР. Это понятие было применено в довольно точном смысле английской стороной во время проходивших в течение тех же недель англо-германских переговоров об урегулировании отношений, а теперь позаимствовано германской стороной без какого-либо уточнения.

Поэтому неудивительно, что Молотов, как говорится в записи Павлова, спросил, «неужели весь договор состоит только из двух пунктов». При этом он заметил, что существуют «типичные договоры» такого рода, которые можно было бы использовать и в этом случае. «Шуленбург отвечает, что он ничего не имел бы против использования этих пактов. Гитлер готов учесть *все*, чего пожелает СССР». Далее Шуленбург высказал свое убеждение в том, что и «при составлении протокола также не должно встретиться затруднений», поскольку правительство рейха готово «идти навстречу всем желаниям Советского правительства».

При передаче этой инструкции посол действительно должен был настаивать «на скорейшем осуществлении» визита и «соответственно противодействовать новым русским возражениям». В ней было весьма недвусмысленно указано послу: «Вы должны иметь в виду тот решающий факт, что возникновение в ближайшее время открытого германо-польского конфликта возможно и что мы поэтому очень заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву состоялся немедленно». Как докладывал Шуленбург поздним вечером 19 августа в Берлин, он действительно выполнял инструкцию, и советские документы это подтверждают[462]: он все время пытался убедить Молотова, что приезд Риббентропа является единственным средством, чтобы, по его словам, «добиться ускорения, настоятельно диктуемого политической обстановкой». Однако в Берлине с замешательством констатировали, что и в этой беседе, «несмотря на все усилия, соглашения достигнуто не было»[463].

Осторожные вопросы Молотова множились по мере возрастания нажима со стороны Шуленбурга. Молотов, согласно записи Шуленбурга, заявил, что Советское правительство «понимает намерения», связанные с приездом Риббентропа, «однако оно продолжает придерживаться мнения, что пока еще невозможно даже приблизительно наметить дату визита, поскольку он требует основательной подготовки. Это касается как пакта о ненападении, так и содержания подлежащего одновременному заключению протокола». Германский проект пакта о ненападении Молотов деликатно оценил как «ни в коем случае не исчерпывающий». Советское правительство хотело бы, «чтобы в основу пакта о ненападении с Германией в качестве образца был взят один из многих пактов о ненападении, заключенных Советским правительством с другими странами (например, с Польшей, Латвией, Эстонией и т.д.). Он предоставляет германскому правительству самому выбрать то, что оно сочтет подходящим». Затем Молотов долго говорил о протоколе. Содержание протокола он назвал «серьезным вопросом» и подчеркнул, что о конкретных пунктах в первую очередь «должно думать германское правительство». Советское правительство также ожи-

дает точных данных от германской стороны. Молотов подчеркнул принципиальный для советской стороны характер принимаемых решений, стоявший в резком контрасте с продиктованными тактическими соображениями стремлением Германии к заключению пакта. «Отношение Советского правительства к договорам, которые оно заключает, очень серьезно, оно выполняет принимаемые на себя обязательства и ожидает того же от своих партнеров по договорам». Как следует из советской записи, «Молотов, подчеркивая серьезность, с которой мы относимся к этим вопросам, заявляет, что мы что говорим, то и делаем. Мы не отказываемся от своих слов и желали бы, чтобы германская сторона придерживалась бы той же линии». Молотову, кроме того, захотелось узнать, «можно ли объяснить желание германского правительства ускорить настоящие переговоры тем, что германское правительство интересуется вопросами германо-польских отношений, в частности Данцигом. Шуленбург отвечает утвердительно, добавляя, что именно эти вопросы являются исходной точкой при желании учесть интересы СССР перед наступлением событий. Шуленбург считает, что подготовка, о которой говорил Молотов, уже закончена, и подчеркивает, что они готовы идти навстречу всем желаниям Советского правительства».

На все аргументы Шуленбурга «Молотов оставался явно непоколебимым» (запись Шуленбурга). Он отметил, что не сделан еще даже первый шаг, еще не заключен торговый договор. Прежде должно быть подписано соглашение о торговле, опубликование которого «должно произвести важное внешнее воздействие. А потом очередь дойдет до пакта о ненападении и протокола». Он отпустил посла с замечанием, что сообщил ему точку зрения Советского правительства и что «добавить ничего не имеет». Как отмечал принимавший участие в беседе в качестве переводчика советник посольства Хильгер, несмотря на неограниченную готовность к уступкам германского правительства, Молотов «окопался» за необходимостью заручиться дополнительными инструкциями своего правительства (Сталина), получить уточненные данные о пунктах, которые было необходимо включить в протокол[464].

Шуленбург и Хильгер покинули Молотова примерно в 15 часов после часовой беседы «безрезультатно»[465]. В 15.30 в тот же день, 19 августа, в посольство поступило телефонное сообщение из Народного комиссариата иностранных дел, что посла просят вновь посетить Молотова в Кремле в 16 час. 30 мин. Во время этого визита нарком иностранных дел сообщил послу о том, что проинформировал свое правительство (то есть Сталина) о содержании последней беседы. Для облегчения работы он передал послу советский проект договора. После того как текст проекта был зачитан, Молотов сообщил, что Риббентроп мог бы приехать 26 — 27 августа, после подписания соглашения о торговле и кредитах[466]. Молотов завершил беседу замечанием: «Вот это уже конкретный шаг!»[467]

Германская сторона объясняла этот происшедший менее чем в течение часа поворот в позиции Молотова внезапным вмешательством Сталина[468]. На это можно возразить, поскольку Сталин, учитывая чрезвычайную напряженность обстановки, безусловно, ежедневно по-

сле происходивших бесед выслушивал отчеты Молотова. Поэтому возникает вопрос, почему он во второй половине этого дня, 19 августа, а не раньше дал свое принципиальное согласие на приезд Риббентропа, распорядился передать уже, возможно, заранее подготовленный проект договора и уполномочил советское торгпредство в Берлине подписать торгово-экономическое соглашение.

Ответ на этот вопрос, помимо чрезвычайно определенного и все более неотложного характера сделанных в этот день германских предложений, лежит, с одной стороны, в осведомленности Сталина о безуспешных англо-французских усилиях относительно права прохода советских войск через польскую территорию и, с другой стороны, в осложнениях положения СССР на Дальнем Востоке. 19 августа стало очевидным, что объединенные к этому времени попытки английской и французской дипломатии в Варшаве побудить польское правительство и генералитет пойти на уступки в вопросе возможного пропуска советских войск потерпели провал. Вечером 19 августа польский министр иностранных дел Бек окончательно сообщил французскому послу Ноэлю об отрицательной позиции своего правительства, охарактеризовав в качестве «непреложного принципа политики Польши... запрет каким бы то ни было иностранным войскам»[469] использовать для прохода ее территорию. Несмотря на дальнейшие интенсивные усилия французской стороны, ожидать изменения польской позиции не приходилось.

До этого времени Сталин, по выражению Шнурре, «медлил» давать указание о подписании уже парафированного торгово-кредитного соглашения, то есть сделать первый шаг на пути дальнейшего германо-советского сближения. «Он использовал торгово-кредитное соглашение в качестве тормоза, выжидая, не сможет ли он еще заключить соглашение с англичанами и французами. 19 августа последовал отказ поляков. Лишь после этого Сталин убрал барьер. В ночь с 19-го на 20-е он дал указание подписывать»[470].

Этим подписанием Сталин предоставил для Красной Армии определенную передышку на Западе. Потому что на восточной границе СССР, на японо-монгольском фронте, Генштаб именно в этот момент завершил последние приготовления к первому контрнаступлению Красной Армии. В момент подписания в Берлине торгово-кредитного соглашения советские военно-воздушные силы приступили к самой до той поры широкой боевой операции на японской границе. 20 августа 1939 г. началось большое советское наступление. Это было дорогостоящее и рискованное предприятие. Военная разгрузка Красной Армии на Западе была так же важна, как была желательна дипломатическая разгрузка на Востоке в смысле оказания влияния Германии на Японию.

Симптомом большой озабоченности Сталина, вызванной военной эскалацией на Дальнем Востоке, явился тот факт, что именно в эти напряженные и богатые событиями дни он нашел возможным опубликоватьопровержение ТАСС. Внешне он устранял с пути балласт, способный затруднить прерванные военные переговоры. 19 августа «Правда» опубликовала [471], а 20 августа «Известия»[472] повторили заявление ТАСС, в котором Советское правительство опровергало сооб-

щение ведущих польских газет о будто бы возникших между западными делегациями и советской миссией на военных переговорах в Москве разногласиях якобы по поводу советского требования о западной помощи в случае развязывания войны на Дальнем Востоке. ТАСС это сообщение категорически опровергло, заявив, что оно является сплошным вымыслом, однако не преминуло добавить, что существующие на самом деле разногласия касаются совсем другого вопроса. Таким образом, признавалось наличие разногласий в нарушение договоренности о сохранении секретности переговоров. На следующей встрече военных миссий 21 августа советская миссия не без основания была привлечена к ответственности западной стороной[473]. Сталин должен был иметь очень основательные причины для публикации опровержения ТАСС, которые не имели непосредственного отношения к Германии, поскольку уже возникший прямой контакт мог предоставить и иные возможности передачи информации. В широком смысле это опровержение ТАСС было адресовано Японии, где, по советским предположениям, германское правительство к этому времени уже зондировало условия улаживания ее конфликта с СССР.

Надежда на сдерживание японской агрессии стояла в центре советского проекта пакта о ненападении[474]. В основу этого проекта были положены предыдущие советские пакты о ненападении. Он состоял из пяти статей и постскриптума, в котором упоминался «особый протокол», который объявлялся «составной частью пакта».

Статья 1 содержала взаимный отказ от применения насилия первым, от агрессивного действия или нападения одного государства на другое как отдельно, так и совместно с другими державами. Таким образом, Советский Союз оставил за собой право на оборонительную военную акцию по обузданию германской агрессии отдельно или совместно с другими державами (например, в духе начавшихся военных переговоров, чисто оборонительный характер которых постоянно подчеркивался Советским правительством).

Статья 2 запрещала договаривающимся странам в какой-либо форме поддерживать третью державу, делающую одного из партнеров «объектом насилия или нападения». Эта статья сводилась к отмене антикоминтерновского пакта, поскольку Германия обязывалась отказаться от какой-либо «поддержки» Японии. Советское правительство, несомненно, планировало расширить этот пункт в «особом протоколе» до активного воздействия Германии в положительном смысле на Японию. Нападение какой-либо «третьей державы» на Германию представлялось маловероятным. А советская поддержка третьей державы, ставшей объектом германского насилия, таким образом, не исключалась.

Статья 3 содержала оговорку о консультациях при возникновении споров или конфликтов, причем в необходимых случаях должны были создаваться комиссии по урегулированию конфликта.

В Статье 4 оговаривался пятилетний срок действия договора с автоматическим продлением на следующие пять лет.

В Статье 5 предлагалось вступление договора в силу лишь после его ратификации, которая должна была произойти в возможно короткий срок.

Это были, как отмечала с некоторым разочарованием германская сторона, в общем, «обычные условия» пактов о ненападении эры Келлога — Бриана[475]. Правда, в одном существенном пункте советский проект отходил от классической формы, делая уступку агрессивному государству Гитлера: Статья 2 проекта очень характерно отличалась от соответствующей статьи Берлинского договора 1926 г.: там обязательство нейтралитета обусловливалось «миролюбивым образом действий» партнера по договору, теперь же в советском проекте этого условия не было. Правда, в формулировке предусматривалось, что обещание вступало в силу лишь в том случае, когда другая договаривающаяся сторона становилась «объектом» агрессии, а это означало, что «акт насилия» или «нападение» от нее исходить не могли. Советское правительство, по-видимому, сочло излишним придерживаться условия о «мирном поведении», учитывая явно воинственное поведение германского правительства. Таким образом, однако, широко открывались двери для любого нападения Германии, «спровоцированного» якобы актом насилия со стороны третьей державы[476].

Остается под вопросом, предвидело ли и в какой степени эту возможность германское посольство. Итальянский посол, которого Шуленбург посетил после своего возвращения из Наркомата иностранных дел, чтобы подробно проинформировать, сообщал в Рим, что текст договора соответствует «обычной модели»; правда, «протокол» (пока еще неясно, будет он секретным или несекретным) оставляет еще «поле для дискуссии». Советское правительство намерено включить в этот протокол гарантии Прибалтийским государствам и оказание влияния на Японию[477].

Когда посол Шуленбург в ночь с 20 на 21 августа направил этот советский проект договора в Берлин, он должен был испытывать чувство, что усилия его пяти тяжелых лет в Москве оправдались. Он был преисполнен надежды, «что пакт о ненападении с Советским Союзом мог бы оказаться инструментом мира. Как бы невероятно это ни звучало сегодня», — писал после войны его многолетний сотрудник Густав Хильгер, — летом 1939 г. мы действительно придерживались мнения, что, как только Германия обеспечит себе безопасный русский тыл, Англия и Франция сумеют принудить Польшу к умеренности и уступчивости. В качестве результата мы ожидали германо-польского примирения на базе возвращения Данцига и создания «коридора через коридор». Мы были склонны из своей московской дали верить заверениям Гитлера, что он тогда «не будет больше предъявлять никаких новых территориальных требований в Европе». Подобное решение польской проблемы представлялось нам единственной возможностью предотвратить вторую мировую войну. Когда мы в ходе дальнейших переговоров поняли, что Гитлер вообще не хотел с Польшей никакого взаимопонимания, а стремился к войне с Польшей с целью ее уничтожения, мы пытались утешить себя мыслью, что германо-польский конфликт все-таки луч-

ше, чем вторая мировая война»[478]. Как отмечал Хильгер, эти рассуждения в августе 1939 г. уже носили знак глубокой озабоченности и скепсиса.

Для Шуленбурга ночные часы с 20 на 21 августа также были полны тревоги. В 21.00 он получил телеграмму статс-секретаря, который поручал ему немедленно, «а именно еще сегодня», в воскресенье, 20 августа, посетить Наркомат иностранных дел, «чтобы передать важное послание фюрера Сталину. Указанное послание следует телеграфом»[479].

Шуленбург ответил, что сейчас уже не удастся «застать на месте ответственного чиновника Наркомата иностранных дел» и что он сможет выполнить это поручение лишь в понедельник, 21 августа[480]. Он ожидал в посольстве приема «правительственной телеграммы».

Между тем он писал в личном письме в Берлин: «Мы все еще находимся здесь в центре мировой политики. В настоящее время здесь ведут переговоры британские и французские военные, пока без видимого успеха. А у нас громадная работа; мы завалены телеграммами и т.д. ... Вчера ночью в Берлине подписано германо-советское экономическое соглашение, что при нынешнем политическом положении означает больше, чем может показаться. Но ты должна и дальше держать большой палец... по меньшей мере еще 10 дней. Пока неясно, поеду ли я в Нюрнберг, но я думаю, что да, хотя, может быть, и с небольшим опозданием... Сегодня 21 августа (подчеркнуто двойной чертой, - *прим. автора*), 2 часа ночи. Мне только что звонили из канцелярии, что из Берлина поступила «сверхсрочная» и бесконечная телеграмма. Через 1,5 часа мне ее пришлют в расшифрованном виде; до тех пор я должен бодрствовать. Несмотря на это, я на сегодня письмо кончаю; мне хочется, да и нужно, еще немного «подремать» в кресле, поскольку много поспать в эту ночь мне не придется. Завтра я к этому письму что-нибудь добавлю, если появится что-то заслуживающее внимания...

21.8.39 г., 18 часов

Я сейчас прямо из Кремля. Когда ты получишь это письмо, тебе уже будет известно из газет о крупном успехе. Это дипломатическое чудо! Его последствия невозможно предвидеть. Мои шифровальщики не спали уже несколько ночей, я тоже слегка утомился. А нам предстоят еще несколько дней высочайшего напряжения. Но теперь это не имеет значения, после того, как принято решение, которого мы добивались и желали. Надеюсь, что обстоятельства не испортят того, что сейчас в полном порядке. Во всяком случае свою задачу мы выполнили. Мы добились за три недели того, чего англичане и французы не могли достичь за многие месяцы! Лишь бы из всего этого вышло что-нибудь хорошее!»[481]

РОЖДЕНИЕ ПАКТА ГИТЛЕРА — СТАЛИНА 21 — 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

Беспокойство, испытанное послом в ночь с 20 на 21 августа, имело под собой веские основания: передав советский проект пакта о ненападении, он при самых неблагоприятных обстоятельствах сделал возможным оживление политики Рапалло. Тем самым Шуленбург выполнил задачу, которую он унаследовал от своего предшественника и поставил перед собой. Дипломатическая инициатива достигла своей цели. Дальнейшие действия германской стороны должны были теперь состоять, собственно, лишь в осуществлении технического аспекта заключения договора, а за это ответственны были прежде всего эксперты по международному праву и, наконец, сам министр иностранных дел. Фактически, как отмечал, не преувеличивая значимости проделанного, Риббентроп, «дипломатически подготовленным мероприятием было заключение пакта о ненападении между двумя странами»[1]. Этого, однако, было недостаточно для беспрепятственного осуществления планов Гитлера. Для действенной изоляции Польши требовалось молчаливое согласие Сталина. Поэтому Гитлер в последний момент лично вмешался в события: не считаясь с проделанной дипломатами подготовительной работой, он разыграл свой главный козырь.

Полученное по телеграфу сообщение статс-секретаря о том, что в ближайшее время «предстоит передать Сталину важное послание Гитлера», предвещало столь же нетрадиционный, сколь и ненужный и опасный с позиций германской дипломатии шаг, который мог нанести ущерб проделанной дипломатической подготовке: ведь речь шла о «конкурентной скачке с англичанами за русскую благосклонность»![2]

Посол, который в течение многих трудных месяцев искусно плел нити, ведущие к заключению пакта о ненападении, не без оснований опасался, что личное вмешательство Гитлера в последнюю минуту испортит дело, в конечном счете столь благоприятно складывавшееся. «В этот драматический момент мировой истории, когда судьба указывала человечеству новое направление развития, — писал впоследствии военный атташе Эрнст Кёстринг, — произошло событие, разом все решившее: это было личное послание Гитлера Сталину. Послание это показалось мне тогда ударом Александра по гордиеву узлу. Разумеется, в данном случае... ударом меча узел не был развязан, а лишь силой разрублен»[3].

Телеграмма Гитлера Сталину

Телеграмма, которую Гитлер направил Сталину в воскресенье, 20 августа 1939 г., явилась плодом прямо-таки лихорадочных поисков

последних возможностей изоляции Польши. Когда в то давнее воскресенье телеграмма ушла в Москву, до нападения на Польшу оставалось менее шести дней. Насколько внезапно идея такой телеграммы стала принимать реальные очертания, видно уже из того факта, что Риббентроп еще четырьмя часами ранее (в 12 час. 35 мин. дня) по телеграфу попросил посла Шуленбурга сообщить детальные подробности его последнего разговора с Молотовым и по возможности высказать мнение о вероятных намерениях русских[4].

Путь личной телеграммы Гитлера Сталину, покинувшей Бергхоф в 16 час. 35 мин., сопровождался рядом сдерживающих моментов, в которых психолог без труда обнаружил бы проявления сознательного или неосознанного стремления задержать отправку этого предрешившего судьбу Германии послания: из Берлина телеграмма ушла, судя по всему, лишь двумя часами позже (в 18 час. 45 мин.) — статс-секретарю самому на следующий день выпало перепроверить эту хронологическую последовательность![5] В Москву же предупреждение о посылке телеграммы поступило в воскресенье около 20 час. 50 мин. — в момент, когда послу, согласно его сообщению[6], уже не удалось добиться приема на следующее утро в Народном комиссариате иностранных дел.

Факт этот поражает. С учетом нависшей угрозы войны и ведшихся переговоров едва ли можно допустить, чтобы в тот день, предварявший последнюю мирную неделю, в Наркоминдел не нашлось никого, кто мог бы известить наркома или его заместителя о таком повороте событий. Поэтому более вероятным представляется предположение, что Наркоминдел намеренно оттягивал этот решающий прием германского посла: ведь в понедельник, 21 августа 1939 г., вновь встречались три военные делегации, чтобы решить вопрос о возобновлении переговоров с целью заключения военной конвенции.

И неслучайным было также то, что Наркоминдел, судя по всему, решил помедлить с ответом на полученную утром того же 21 августа из германского посольства просьбу о безотлагательном приеме посла для передачи послания рейхсканцлера и лишь после полудня назначил время запрашиваемой аудиенции на 15 часов[7]: к этому времени военные переговоры, начавшиеся в 11 час. 00 мин., продолжались уже несколько часов. К моменту приема германского посла Советское правительство должно было получить полную ясность относительно успеха или неуспеха возобновленных военных переговоров, и в зависимости от их исхода Сталин мог строить свое отношение к предложению германской стороны.

В это же самое утро 21 августа Советское правительство выразило по адресу представителей Франции и Англии своеобразное предостережение: «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС о заключении 19 августа 1939 г. советско-германского кредитного соглашения. В своих передовицах обе газеты отмечали значение этого соглашения, подчеркивая, что хотя оно и достигнуто в крайне напряженной политической атмосфере, но способно содействовать разрядке в отношениях между двумя странами и может стать важным шагом на пути дальнейшего развития не только экономических, но и политиче-

ских связей между ними[8]. В этом подробном сообщении явственно проступало стремление Советского правительства избежать упреков в секретных переговорах с агрессором. Здесь Москва пошла дальше по сравнению с заявлением ТАСС от 22 июля 1939 г., указав своим западным партнерам и на политические перспективы дальнейшего советско-германского сближения.

Несмотря на такое предостережение, военные переговоры возобновились в мало изменившихся условиях. Накануне, 20 августа, провалилась еще одна попытка Франции склонить Варшаву к признанию права СССР на проход советских войск через территорию Польши. По распоряжению Боннэ посол Ноэль обсуждал одновременно с Беком и генеральным инспектором вооруженных сил Польши маршалом Рыдз-Смиглы точку зрения Франции на требования момента. На прощание маршал, выражая растущее осознание трагичности положения Польши, которая в преддверии надвигавшейся войны видела для себя угрозу с двух сторон, произнес примечательную фразу: «С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, с русскими же мы потеряем нашу душу»[9]. Из всех вовлеченных в конфликт государств и народов относительно небольшая и незащищенная Польша была единственной страной, упорно сопротивлявшейся любому соблазну умиротворения. Стоило ли подобное упорство того, что Польша вынуждена была за него заплатить, — это вопрос к польскому национальному самосознанию, ответ на который выходит за рамки нашего исследования.

Чтобы поддержать демарш французского посла в Польше, глава французской военной миссии на московских переговорах генерал Ж. Думенк направил в Варшаву члена своей делегации, в то время капитана Андре Бофра. 21 августа Бофр вернулся из Варшавы в Москву без каких-либо положительных результатов и с самыми неблагоприятными прогнозами. В Риге он получил из итальянского источника сообщение, согласно которому вскоре «начнется важный поворот политики в Европе»[10]. Тем не менее польское правительство в этот же день, 21 августа, повторило свой категорический отказ. Таким образом, изменения его позиции в вопросе о проходе Красной Армии через польскую территорию нельзя было ожидать[11]. Нечего было рассчитывать и на успех попыток французского посла в Варшаве в последнюю минуту разработать программу осуществляемого под наблюдением трех держав ограниченного военного сотрудничества в Польше[12].

Относительно позиции британского правительства правительство СССР — согласно советским источникам — к описываемому моменту еще не было осведомлено «во всех подробностях... но было в курсе того решающего факта, что Лондон не хотел давать ответ на кардинальный вопрос военных переговоров. Это имело большое значение»[13].

Необычайный по своей решающей значимости фон, на котором Сталин в этот памятный день 21 августа положил начало повороту русского внешнеполитического курса на 180 градусов, проступит достаточно ясно, если принять во внимание синхронность событий. Так, военные переговоры этого дня длились с 11 час. 03 мин. до 17 час. 25 мин. и трижды прерывались; причем первая пауза предположитель-

но имела место до 12 часов, вторая — примерно с 13 до 16 часов и третья — до 17 часов. В этих паузах Сталин принимал доклады об актуальном развитии событий, стремясь безотлагательно на основе получаемой информации определять свою позицию в отношении германской стороны. Такой поэтапный подход выдавал его прямо-таки педантичную заботу о том, чтобы до конца исчерпать возможности, таящиеся в переговорах, и избежать преждевременной переориентации на предложения Германии.

Уже начальный этап переговоров этого дня, проходивших под председательством главы британской миссии адмирала Дракса, подтвердил то, что, вероятно, было в деталях известно Советскому правительству на основе наблюдений и секретных докладов и донесений, а именно: то, что обе миссии (еще) не имели польского согласия на проход советских войск, но пытались удержать советскую делегацию за столом переговоров в надежде, что в последнюю минуту удастся найти компромиссную формулу. Дракс, открывая заседание, которое «сразу же приняло формальный характер»[14], заметил, что оно, собственно, на три-четыре дня опережает события. Ворошилов воспользовался открытием заседания для того, чтобы срочно представить западным миссиям предложение о приостановлении переговоров до поступления положительных ответов на «кардинальный вопрос» советской стороны. Если ответы западных делегаций на этот вопрос окажутся отрицательными, то, подчеркнул он, советская делегация не видит смысла в продолжении переговоров. Свое предложение об отсрочке переговоров Ворошилов мотивировал ссылкой на необходимость отъезда нескольких членов советской делегации на осенние маневры. Действительно, к описываемому моменту на советской восточной границе полным ходом шло крупномасштабное советско-монгольское наступление против японо-маньчжурских сил, а на западной — готовились осенние маневры: ведь нападение Германии на Польшу должно было, по советским данным, последовать во второй половине этой недели.

После указанного заявления советской стороны западные миссии взяли паузу для консультаций. Ворошилов проинформировал Сталина о неудачном начале переговоров этого дня. После этого (либо во время второй паузы в переговорах) Сталин дал указание уведомить германское посольство о том, что аудиенция послу Шуленбургу назначена на 15 часов.

По истечении этой первой паузы в переговорах руководитель английской делегации выразил сожаление обеих западных миссий по поводу советского предложения о приостановлении переговоров на неопределенный срок. Он подчеркнул, что обе западные миссии могут получить ответ своих правительств «в любой момент»[15], и выразил их готовность продолжать переговоры без всяких промедлений. Вслед за этим был объявлен перерыв в переговорах до 16 часов. Пауза предоставила руководителям западных делегаций возможность проконсультироваться со своими послами[16] и ознакомиться с самой последней информацией. Одновременно она была достаточно продолжительной,

чтобы позволить Молотову провести максимум часовую беседу с Шуленбургом.

Шуленбург был принят Молотовым в 15 часов. Сославшись на «исключительную важность и крайнюю неотложность»[17] дела, посол передал народному комиссару лист бумаги, на котором без всякого заголовка был напечатан текст телеграммы Гитлера Сталину параллельно с русским переводом. «Молотов прочитал документ, который явно произвел на него сильное впечатление». Телеграмма содержала обращение: «Господину И.В. Сталину, Москва»[18]. В ней Гитлер сначала коснулся подписания торгового соглашения, недвусмысленно приветствуя его «как первый шаг на пути изменения германо-советских отношений».

Во втором абзаце телеграммы Гитлер признал: «Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены».

В третьем абзаце Гитлер выразил согласие с советским проектом пакта о ненападении, но одновременно подчеркнул, что считает «необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем», обойдя, таким образом, неоднократно высказывавшуюся Молотовым просьбу об уточнении германских представлений относительно подписания особого протокола.

Но в четвертом абзаце он подчеркнул: «Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок». Первое упоминание особого протокола под названием «дополнительный протокол» содержалось в четвертом абзаце.

В пятом абзаце послания Гитлера подчеркивалось, что напряжение между Германией и Польшей «сделалось (выделено *И.Ф.*) *нестерпимым»* и что «польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне *всеми средствами* ограждать свои интересы против этих притязаний».

В шестом, и последнем, абзаце Гитлер выразил мнение, что «при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени». Поэтому он «вторично» предложил Сталину принять его министра иностранных дел «во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет *всеобъемлющие и неограниченные полномочия* (выделено *И.Ф.*), чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол». Телеграмма заканчивалась заявлением о том, что более продолжительное пребывание рейхсминистра в Москве, «чем один

день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения». За этим последовали слова: «Я был бы рад получить от Вас скорый ответ. *Адольф Гитлер*».

Прочитав этот текст, Молотов пообещал передать послание адресату и тотчас же, «как только будет принято решение», проинформировать посла относительно позиции советской стороны. После этого Шуленбург, согласно его записке, попытался, используя все имевшиеся в его распоряжении средства, разъяснить Молотову, что «безотлагательная поездка господина рейхсминистра иностранных дел насущно необходима в интересах обеих стран». Закончил беседу посол просьбой при всех обстоятельствах дать ему ответ еще в тот же день.

Судя по всему, он покинул НКИД примерно в 15 час. 30 мин. В это же время Молотов связался со Сталиным, чтобы зачитать ему текст личного послания Гитлера. Перед лицом беспрецедентной предупредительности, пронизывавшей это личное послание главы германского государства, Сталин теперь решил действовать без промедления[19]: он приказал прервать переговоры на неопределенный срок.

В 16 часов Ворошилов в качестве ответа на заявление двух западных военных миссий зачитал заявление советской стороны, переданное еще в тот же день в письменной форме главам западных делегаций[20]; в нем были перечислены критические вопросы переговоров и выражено сомнение в серьезности стремления Франции и Англии к эффективному военному сотрудничеству с СССР. Главный пассаж этого заявления гласил:

«Намерением советской военной миссии было и *остается* договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран.

Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей, для того чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это военная аксиома.

Таково твердое убеждение советской военной миссии».

В заключение Ворошилов возложил на англо-французскую сторону ответственность за затяжку военных переговоров и за наступившее теперь в конечном счете их полное приостановление. Руководители обеих западных делегаций попросили на короткое время прервать встречу.

В то самое время, когда Ворошилов зачитывал на переговорах советское заявление, Сталин формулировал свой ответ на телеграмму

Гитлера. Не исключено, что Ворошилов во время объявленного после зачтения заявления советской стороны перерыва дополнительно проинформировал своего шефа о реакции членов западных делегаций. Как бы там ни было, именно во время этого перерыва в переговорах последовал предрешивший все последующее шаг Сталина: он распорядился вновь пригласить германского посла для вручения ему своего ответа Гитлеру. Шуленбург, вернувшись после своей первой беседы с Молотовым в посольство, едва успел написать краткий отчет о ней, как последовал телефонный звонок, приглашавший его на 17 часов к народному комиссару для новой встречи[21]. На этот раз Молотов вручил ему письменный ответ Сталина на послание Гитлера.

Этот ответ лишь с трудом можно назвать — как это сделал по понятным причинам Шуленбург непосредственно после своей второй встречи с Молотовым в телеграмме, направленной в германское министерство иностранных дел[22], — «выдержанным в очень примирительном тоне ответом». В своем послании «рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру» Сталин ограничился краткими сообщениями, из которых было видно, что он осознавал ситуационную обусловленность этого поворота в курсе Гитлера. Сталин лаконично поблагодарил рейхсканцлера «за письмо», отметив, что он *надеется*, «что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к *серьезному* улучшению политических отношений между нашими странами». Он констатировал, что народы обеих стран нуждаются в «мирных отношениях между собой», и одновременно подчеркнул гипотетический характер этого сближения: «Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает *базу* для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами». Свой ответ он закончил выражением согласия Советского правительства «на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа».

Устно Молотов добавил, что Советское правительство желало бы предать гласности такой поворот в двусторонних отношениях и хотело бы, чтобы самое позднее утром 22 августа было опубликовано краткое деловое коммюнике о намеченном заключении пакта о ненападении, а также о предстоящем приезде в Москву рейхсминистра иностранных дел. Молотов попросил, чтобы германская сторона к полуночи дала на это свое согласие.

Шуленбург в своем донесении, направленном в германское министерство иностранных дел, сопроводил послание Сталина Гитлеру фразой, из которой явствует, сколь невероятным показался ему на фоне проявлявшейся до тех пор Советским правительством сдержанности этот поворот и в сколь сильной степени он опасался, что в Берлине или Москве может произойти изменение умонастроения: «Рекомендую одобрить, поскольку Советское правительство свяжет себя публикацией»![23]

После того как Молотов в конце дня 21 августа направил Шуленбургу советское предложение относительно текста соответствующего коммюнике, посол в обстановке крайней спешки вынужден был в ночь

на 22 августа по телефону утрясать с Фридрихом Гаусом текст коммюнике, которое должно было появиться в утренних выпусках немецких газет[24]. Советский текст рассматривался Шуленбургом как «вполне уместная... форма»[25] обнародования соответствующей информации. В отличие от советского варианта, где правительство СССР старалось дать объяснение такому повороту, немецкий текст коммюнике лишь констатировал голые факты: в нем говорилось, что оба правительства договорились заключить пакт о ненападении и что рейхсминистр иностранных дел прибудет 23 августа в Москву для завершения соответствующих переговоров. Это сообщение, которое должно было создать впечатление, будто бы политические переговоры велись уже давно, было рассчитано на то, чтобы произвести эффект шока.

В то самое время, когда Молотов вручал германскому послу ответ Сталина, маршал Ворошилов закрывал переговоры. Он заявил, что «ввиду неопределенности положения относительно получения ответов» на советский «кардинальный вопрос» он считает резонным не предрешать наперед дату следующей встречи делегаций. Тем не менее он все еще не исключал возможности возобновления переговоров, заявив: «...если английской и французской миссиями будут получены... положительные ответы... советская военная миссия готова будет собраться для рассмотрения тех вопросов, которые нами только были намечены и которые подлежат еще детальному обсуждению». Ворошилов не оставил сомнения в том, что участники переговоров прекращают свою работу, по мнению советской стороны, «на более или менее продолжительный период времени», и уполномочил начальника Генерального штаба Шапошникова от имени советской военной миссии «при продолжении работ совещания поставить ряд вопросов, которые она найдет нужными»[26].

Тем самым Советское правительство оставляло — на случай, если визит Риббентропа не даст удовлетворяющих интересы безопасности СССР результатов, — возможность возобновления переговоров в обозримом будущем. В предположении открытого исхода визита Советское правительство не было готово отвергнуть обсуждавшуюся с западными державами концепцию без всякой компенсации. «Известное (германскому посольству в Москве) русское стремление к 300-процентной гарантии»[27] наложило свой отпечаток и на события этого короткого и крайне богатого последствиями отрезка времени. Одновременно этот очень широко трактуемый — как вытекает из слов Ворошилова — период времени указывал на то, что попутно Советское правительство предполагало в более позднее время возможность совместных акций: оно рассчитывало на положительные ответы западных правительств, когда последние, обремененные войной, будут вынуждены пойти на это. Протоколы заседания от 21 августа создают впечатление, что Советское правительство в своем относительно точном предвидении военных событий, вызванных германской экспансией, сознательно оставило открытой дверь для последующего возобновления переговоров с западными державами. В этот момент оно — по причинам неясности исхода короткого визита Риббентропа в Москву и недо-

статочной осведомленности относительно характера германских планов, касавшихся Польши, — еще не знало, когда конкретно такие переговоры начнутся. В том, что переговорам суждено было возобновиться лишь два года спустя, в июле 1941 г., и привести к созданию того великого союза, который Советское правительство настойчиво пропагандировало с середины 30-х годов, повинно было не только оно.

До прибытия Риббентропа в Москву и начала германо-советских переговоров военные, внешнеполитические и дипломатические представители Советского правительства давали понять, что свобода действий еще сохраняется и окончательной переориентации не произошло. Но даже перед лицом высвеченного сообщением ТАСС от 22 августа 1939 г. трагического поворота в развитии событий, предвестником которого явился предстоявший визит рейхсминистра иностранных дел, эта свобода действий не была использована западной стороной для решительных усилий в пользу коренного изменения ситуации на переговорах.

И это при всем том, что само Советское правительство в эти роковые часы не скупилось на доказательства своей готовности к переговорам. Характерным в этом плане было поведение Ворошилова, принявшего вечером 22 августа руководителя французской делегации генерала Думенка по просьбе последнего.

Французское правительство, испытывавшее сильное давление со стороны своих послов Наджиара в Москве и Кулондра в Берлине[28], телеграммой за подписью Боннэ от 21 августа (16 часов) наделило Думенка полномочием заявить, что «при условии согласия польского правительства» французское правительство готово согласиться на проход советских войск через Польшу, и в соответствии с этим разработать и подписать соответствующую конвенцию[29]. Произошло это еще до того, как министр иностранных дел получил в Париже (в 22 час. 32 мин.) текст заявления Ворошилова (телеграммой, направленной 21 августа в 21 час. 15 мин. в Лондон, Даладье рекомендовал британскому правительству направить аналогичную директиву Драксу).

Генерал Думенк 22 августа письменно известил Ворошилова о своих полномочиях и был принят им[30] в тот же день между 19 часами и 19 час. 50 мин. — все предыдущее время второй половины этого дня Ворошилов и Молотов провели в Кремле, где предположительно вырабатывалась советская позиция на предстоявших переговорах с Риббентропом. До переориентации на сотрудничество с Германией дело на этом заседании в Кремле еще не дошло. Отношения с западными партнерами по переговорам по-прежнему оставались на повестке дня, на что указывают заинтересованность и настойчивость, с которыми Ворошилов задавал в этот вечер свои вопросы главе французской делегации. Увы, все они оставались без убедительных ответов, поскольку, во-первых, Думенк не мог представить письменное подтверждение своих полномочий, во-вторых, не поступило обещанной аналогичной (устной) авторизации британской военной миссии и, в-третьих, по-прежнему отсутствовало согласие Польши и Румынии. Тем не менее общий тон этой беседы с учетом реальных обстоятельств (Риббентроп

на пути в Москву уже сделал остановку в Кенигсберге) можно было считать весьма примирительным. Французское предложение о возобновлении военных переговоров Ворошилов воспринял с пониманием, но отверг со ссылкой на то, что переговоры могут быть возобновлены лишь тогда, когда будут получены желаемые советской стороной положительные ответы. В противном случае, добавил он, их продолжение «может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред».

Ворошилов попросил Думенка подождать, «пока все станет ясным». В ответ на реплику Думенка относительно предстоящего визита Риббентропа он выразил такое же неудовольствие, как и глава французской военной миссии, но возложил ответственность за все на Англию и Францию, заявив: «Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались... Если бы английская и французская миссии прибыли со всеми конкретными и ясными предложениями, я убежден, что за какие-нибудь 5 —6 дней можно было бы закончить всю работу и подписать военную конвенцию».

В то же время маршал Ворошилов не исключил возможности продолжения переговоров. «Давайте подождем, сказал он, покуда картина будет ясна... тогда мы и соберемся... Если будет разрешен основной вопрос, тогда все другие вопросы, если никаких политических событий за это время не произойдет, нам нетрудно будет разрешить. Мы потом быстро договоримся. Но я боюсь одного: французская и английская стороны весьма долго тянули и политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что за это время могут произойти какие-нибудь политические события. Подождем. Чем скорее будет ответ, тем быстрее мы можем окончательно решить, как быть дальше». В качестве реакции на дальнейшие настояния Думенка в словах Ворошилова прозвучало разочарование поведением западных держав: «Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не дает то, что мы просили выяснить для себя, кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом!»

Состояние раздвоенности, в котором находился Ворошилов, еще раз проявилось со всей ясностью два дня спустя во время проводов западных военных миссий. Ворошилов начал разговор замечанием о том, что «изменение политической ситуации, к его сожалению, лишило продолжение переговоров смысла». Когда адмирал Дракс выразил надежду на то, что Советский Союз и в новых политических обстоятельствах будет трудиться на благо дела мира, Ворошилов ответил, что СССР не изменит этой своей традиционной политике. При последовавшем затем прощании маршал на мгновение поддался чувствам, пожаловавшись, что в течение всего времени переговоров поляки настаивали на том, что им не нужна от Советского Союза никакая помощь. «Выходит, нам следовало бы завоевать Польшу, чтобы предло-

жить ей нашу помощь, или на коленях попросить у поляков соизволения предложить им помощь? Наше положение было невыносимым».

Британский атташе в Москве Р. Файэрбрейс и адмирал Дракс сочли это проявление эмоций со стороны Ворошилова «искренним»[31]. А Бофр воспринял подобные рассуждения как «вполне резонные»; при всей осторожности он счел «логичным, что Ворошилов из-за этого был раздосадован, поскольку у него, если можно довериться интуитивным впечатлениям, вначале, по-видимому, было искренне желание достичь цели и довести переговоры до успешного завершения»[32].

Многократные намеки Ворошилова на возможность возобновления переговоров — «если ничего в политике не произойдет» — проливают свет на те возможные варианты действий, с которыми Советское правительство считалось как с реальными в преддверии визита Риббентропа:

— на случай неудовлетворительного решения вопроса о пакте с Германией и ее наступательной акции против Польши (акции, нелокализованной или локализованной, которая, возможно, устранила бы польское сопротивление вступлению советских войск) оно намерено было продолжать создание единого оборонительного фронта для сдерживания агрессии;

— на случай удовлетворительного решения вопроса о пакте с Германией и решения польского вопроса (дипломатическим или договорным путем либо же с помощью локализованной наступательной акции Германии) оно склонно было признать наличие «политических событий», делавших (на первых порах) продолжение военных переговоров излишним.

Такой же подход явственно чувствовался и в словах народного комиссара иностранных дел, который в этот вечер, около 20 часов, принимал протест французского посла в связи с объявленным визитом Риббентропа[33]. Молотов отметил, что Советское правительство согласилось принять германское предложение лишь после того, как ему пришлось убедиться, что в вопросе о праве на проход войск «не приходится ожидать ничего позитивного». Он выразил сожаление, что полномочия на заключение военной конвенции, которая с согласия Польши включала бы право на проход советских войск, были получены французской стороной лишь после того, как «было дано согласие на визит господина Риббентропа». Однако он также намекнул на то, что англичане ведь не последовали в этом французам и что согласие Польши тоже не получено. С особой силой Молотов подчеркнул, что политика СССР принципиально не изменилась, что его правительство остается твердо приверженным делу сохранения мира и сопротивления агрессии. Советское правительство, по его словам, подписало уже несколько пактов о ненападении, в том числе и с Польшей (!). И, соглашаясь теперь заключить еще один такой пакт — с Германией, — оно считает, что при этом ни в чем не отходит от своего общего мирного курса.

Британского посла нарком «с изрядной долей неудовольствия»[34] упрекнул в невыполнении западными военными миссиями своих обещаний. На вопрос Сидса, будет ли намеченный к подписанию германо-советский пакт о ненападении содержать характерную для

аналогичных пактов, заключенных СССР прежде, оговорку об автоматическом расторжении пакта в момент начала агрессии другой стороны, Молотов — явно «в величайшем смущении» — ответил, что следует подождать и посмотреть, что происходит. Высказанные Сидсом упреки относительно того, что Советское правительство отныне намерено отказаться от своей политики защиты жертв агрессии и выдать Польшу германским войскам, Молотов воспринял «с неудовольствием». Англичане — таков был его сдержанный ответ — должны подождать и посмотреть, как будут развиваться события. На заключительный вопрос Сидса о том, не намерено ли Советское правительство отречься от всего, что достигнуто совместными усилиями на пути создания общего оборонительного фронта против агрессии, Молотов неопределенно ответил, что «все зависит от переговоров с германской стороной и, возможно, уже через неделю можно будет посмотреть дальше».

Из этого разговора Сидс вынес впечатление, что визит Риббентропа скорее *неожиданная развязка,* чем начало серьезных «переговоров». И хотя в этом разговоре с Молотовым Сидс и не услышал никаких заверений относительно продолжения переговоров, тем не менее вечером 23 августа в беседе с американским послом Штейнгардтом он исходил из того, «что германо-советское соглашение ограничится пактом о ненападении, который не станет несовместимым с англо-франко-советским союзом против агрессии»[35].

Представитель отдела печати НКИД еще на исходе 22 августа, отвечая на вопросы американских журналистов о значении будущего германо-советского пакта о ненападении, дал понять, что «такие пакты обычно содержат оговорку, в соответствии с которой они теряют силу в том случае, если одна из договаривающихся сторон совершает агрессивные действия против третьего государства». Это разъяснение, явно сделанное по указанию сверху, укрепило итальянского посла во мнении, что Советский Союз не склонен был полностью связывать себя заключаемым пактом о ненападении, а в гораздо большей мере намеревался в случае эвентуального европейского конфликта сохранить для себя свободу действий[36].

В том же духе высказывались и советские представители за рубежом. В Берлине сотрудник советского представительства — Астахов был вызван в Москву — 22 августа в беседе с американским поверенным в делах назвал следующие причины, побудившие пойти на заключение пакта о ненападении с Германией: «Нежелание британских и французских военных властей дать полную информацию о своих армиях; отказ англо-французской стороны гарантировать на случай войны что-то большее, нежели только консультационную основу; британские уступки японцам на Дальнем Востоке и недоверие к политике и образу действий нынешнего британского правительства, в отношении которого имеются опасения, что применительно к Польше оно окажется готовым пойти на "второй Мюнхен"»[37]. С учетом этих соображений, продолжал упомянутый представитель, Советское правительство теперь считает, что «для собственной обороны необходимо» заключить пакт с Германией. Советский дипломат подтвердил, что не было наме-

рения исключить возможность дальнейших англо-франко-советских переговоров, заявив, что «даже после заключения пакта Россия в случае явной германской агрессии против Польши могла бы объединиться [с западными державами] против Германии».

В разговоре с послом Кулондром временный поверенный в делах в Берлине Н.В. Иванов подчеркнул в тот же день, что «пока еще не достигнуто ничего определенного» и что заключение пакта о ненападении не повлечет за собой с необходимостью прекращение переговоров между тремя державами. Поездка Риббентропа, сообщил он Кулондру, — это «германская инициатива. Но партия еще не разыграна до конца»[38].

Это выраженное советскими представителями мнение о том, что заключение пакта о ненападении с Германией в принципе не исключает продолжения переговоров между тремя державами, 22 августа через агентство Гавас попало на страницы мировой печати. На следующий день на него обратил внимание отдел печати германского министерства иностранных дел[39]. Около полудня 23 августа Браун фон Штумм сообщил Риббентропу в Москву, что высшие компетентные советские круги, как кажется, убеждены, что прибытие его, Риббентропа, в Москву для заключения пакта о ненападении отнюдь не несовместимо с продолжением военных переговоров с целью организации сопротивления нападению: каждая из двух акций означает, по их мнению, «вклад в дело мира. Англо-франко-советский пакт, дополненный военными соглашениями, мог бы обуздать Германию, если бы она продолжала следовать своим агрессивным замыслам». Но если Германия желает заключить пакт о ненападении, то было бы «своевременно и в интересах всех полезно сделать этот жест, который поможет разрядить существующую напряженную атмосферу в отношениях между двумя странами», а вопрос о Данциге и других польских территориях не имеет с заключением пакта о ненападении «ничего общего», поскольку нет намерения «заключать пакт для поддержки агрессора».

Когда Риббентроп ближе к вечеру 23 августа по возвращении в посольство после первой встречи со Сталиным и Молотовым ознакомился с этой телеграммой Брауна фон Штумма, он дал указание, чтобы посол Шуленбург добился встречи с Молотовым и побудил его высказаться против подобных «фальшивок» и распорядиться относительно выезда военных миссий из СССР[40]. Так на глазах представителей германского посольства в Москве «обстоятельства» начали «портить дела», которые двумя днями ранее были наконец «отрегулированы».

Поездка Риббентропа

Если Советское правительство ожидало визита Риббентропа, испытывая чувство неопределенности и неуверенности, то *a fortiori* это относилось к германскому руководству. Гитлер провел время, прошедшее от отправки его телеграммы Сталину в воскресенье (20 августа) пополудни до получения ответа в понедельник вечером, в «крайне напря-

женном душевном состоянии»[41]. Ведь уже в субботу на той же неделе предстояло нападение на Польшу! «Почти весь день 21 августа Гитлер с волнением ожидал в Оберзальцберге вестей из Москвы»[42]. С течением утомительного ожидания его напряжение возросло до такой степени, что он велел разбудить Геринга, чтобы осыпать его упреками за то, что он вообще посоветовал ввязаться в эту игру с русскими. С раздражением Гитлер заявил, что было бы крайне неприятно, если бы Сталин теперь отверг его предложение!

Чуть позже, в 22 час. 30 мин.[43], в Бергхоф по телефону была передана поступившая в министерство иностранных дел около 21 час. 35 мин. и затем дешифрованная телеграмма Шуленбурга, содержавшая текст ответа Сталина. Теперь уже «торжествующий» Гитлер вновь разбудил Геринга, чтобы сообщить ему, что только что получено известие о согласии Сталина. Гитлер «вновь одержал верх»[44].

В тот же вечер 21 августа Гитлер обсудил с Риббентропом, видимо, в присутствии Фридриха Гауса[45], дальнейшие действия. Были во всех деталях рассмотрены вопросы предстоявших переговоров и определена германская позиция на этих переговорах. Гитлер дал своему министру иностранных дел подробные инструкции относительно их ведения[46]. Об этом в высшей степени важном инструктаже не сохранилось ни протокола, ни какой-то другой записи. Лишь немногочисленные высказывания — например, Гауса и Риббентропа на Нюрнбергском процессе — и в еще меньшей мере другие источники позволяют более или менее точно судить о ходе и основных направлениях содержания данного разговора.

Основными пунктами совместного обсуждения были, с одной стороны, пакт о ненападении как таковой, а с другой — подлежавший одновременному подписанию протокол. Что касается содержания самого пакта о ненападении, то с учетом имевшегося во многом безупречного советского проекта он едва ли требовал дальнейшей доработки. Зато соображения относительно содержания желаемого советской стороной «протокола», который Гитлер назвал «дополнительным протоколом» к договору, наверняка заняли при обсуждении львиную долю времени. Вопреки намекам советской стороны Гитлер и Риббентроп со своими помощниками перенесли акцент на территориальные вопросы, выдвинутые же Советским правительством для включения «в протокол» предложения политического содержания, а именно вопрос о гарантиях (в самом широком смысле) в отношении Прибалтийских государств и вопрос о германском воздействии на Японию, были, насколько можно судить по окончательным договоренностям, оставлены без внимания. Первый из них снимался в значительной мере предложением германской стороны о территориальных «компенсациях», второй по ряду причин, вытекавших из особенностей этого пакта, стал *несущественным.*

Выработка линии поведения в рамках соображений относительно дополнительного протокола позволила уточнить неоднократно дававшееся Германией в ходе предварительных контактов обещание, согласно которому «между Балтийским и Черным морями любой вопрос будет решаться в согласии». Первое новшество этого вечера состояло во вве-

дении в германо-советскую договорную терминологию такого понятия, как «разграничение сфер интересов». Понятие это — как показано выше — несколькими неделями ранее в ходе британо-германских секретных переговоров было предложено английской стороной, а теперь подхвачено Гитлером и Риббентропом и сделано центральным понятием — своего рода скальпелем для расчленения Восточной Европы и Прибалтики[47].

Предпринятое в этот вечер разграничение сфер интересов предусматривало, что Германия должна заявить о (временной) политической незаинтересованности в значительной части областей Восточной Европы и согласиться с переходом в сферу интересов СССР большой части территорий, которых Российская империя лишилась в итоге первой мировой войны. Этими территориями были восточные районы Польши вплоть до расположенного в центре страны Варшавского воеводства, независимые демократические государства Финляндия и Эстония, часть Латвии восточнее Западной Двины, включая столицу Ригу, и восточные (бессарабские) провинции Румынии. Внутри Прибалтики разграничение должно было произойти по возможности по линии Западной Двины[48]. Тем самым восточная часть Прибалтики (Эстония и расположенная к востоку от Западной Двины часть Латвии, то есть историческая область Лифляндия) должна была отойти к СССР, а западная часть Латвии, то есть историческая Курляндия, и Литва — к Германии. Такое разграничение — как впоследствии утверждал Риббентроп — не соответствовало разделению по строго историческим критериям, на основе которых государствам, оказавшимся побежденными в первой мировой войне, вернулись бы утраченные тогда территории: Российская империя владела наряду с Финляндией и Бессарабией всей Прибалтикой, а также Польшей вплоть до линии Вислы.

Гитлер и его советники, несомненно, сознавали это. Но они отдавали себе также отчет в том, что даже уже предложенные ими территории по психологическо-историческим причинам должны были представлять достаточно соблазнительную «наживку», перед которой с трудом сможет устоять любой русский государственный деятель. За ослепительным блеском великодушного жеста, призванного дать окончательное решение — устранение Версальского диктата двумя побежденными в мировой войне государствами по их собственному усмотрению, — крылось коварство макиавеллистского искушения — заманить Сталина предлагаемыми территориями и бесповоротно превратить его в сообщника экспансионистского «третьего рейха».

В своем стремлении заручиться согласием Сталина и довести дело до подписания пакта Гитлер сделал еще один важный шаг в конкретизации выдвинутых до этого предложений, наделив Риббентропа полномочиями политически уступить — наряду с уже названными странами и территориями — всю «Юго-Восточную Европу, а именно: при необходимости вплоть до Константинополя и Проливов»[49]. Таким образом, в случае, если бы Сталин не поддался искушению клюнуть на первые предложения, последней и самой большой приманкой, с помощью которой Гитлер надеялся добиться его согласия, явились бы Балканы,

Проливы и Константинополь, на которые до первой мировой войны были направлены экспансионистские устремления русской империи.

Вторым решением, принятым в ходе беседы в этот вечер, можно считать придание дополнительному протоколу секретного характера. Примечательным прецедентом здесь послужило секретное соглашение к германо-японскому антикоминтерновскому пакту 1936 г. — соглашение, которое Риббентропу довелось отшлифовывать вместе с тогдашним военным атташе Осимой в ходе длительных тайных переговоров. Он приобрел тогда — в обход всех дипломатических и правовых инстанций — практический опыт выработки секретного агрессивного пакта, пошедший ему на пользу теперь. Опираясь на этот свой опыт, он впоследствии писал в обоснование секретного характера германо-советского соглашения: «Договоренности, затрагивающие третьи страны, само собой разумеется, не фиксируются в договорах, предназначенных для общественности, — для этого прибегают к секретным договорам... по (этой)... причине и указанное соглашение было заключено в виде секретной договоренности»[50]. Секретность диктовалась не только характером этих действий, противоречащих нормам международного права, — она неизбежно вытекала из логики самого содержания протокола, который оформлял направленный на расчленение Польши «союз для войны». Вот почему надлежало исключить малейший намек на разглашение.

Третья инструкция, данная Гитлером Риббентропу, касалась уточнения формулировок: своими выражениями Риббентроп должен был создать впечатление, будто бы никакого «решения фюрера напасть на Польшу тогда не существовало»[51]. В ходе своих переговоров в Москве Риббентроп, как подтвердил после войны Гаус[52], придерживался этого указания, тем самым добиваясь сознательного вуалирования истинных намерений Германии.

В первой половине следующего дня, вторника, 22 августа, Гитлер наделил Риббентропа «генеральными полномочиями вести от имени Германского рейха... переговоры о пакте о ненападении, а также... обо всех связанных с этим вопросах и подписать как пакт о ненападении, так и другие достигнутые в ходе переговоров договоренности — при необходимости с оговоркой, что этот договор и эти договоренности вступают в силу тотчас же после их подписания»[53]. После совместного подписания документа о полномочиях Риббентроп отбыл в Москву.

В этот же день, 22 августа, в 12 часов Гитлер выступил в большом зале Бергхофа с почти двухчасовой речью перед германскими главнокомандующими, которых он в спешном порядке вызвал в Берхтесгаден[54]. Еще более непреклонной, чем в речи, произнесенной 13 августа, была теперь его воля рассеять их сомнения, подавить всякие угрызения совести, еще «гораздо более самонадеянными»[55] — его слова. Послание Сталина придало ему уверенности. Сам факт наличия этого послания он использовал для нейтрализации любых возражений со стороны военных.

Отнюдь не случайно подчеркнул он в этой речи, что основание Великой Германии было «в военном плане... сомнительно» и достигнуто

лишь «благодаря *блефу* политического руководства» — этими словами он точно охарактеризовал свой образ действий в тот момент. Ведь настраивание военных на польскую кампанию осуществлялось при помощи не менее грандиозного политического блефа: Гитлер, с одной стороны, унижал своих противников, называя их «мелкими червями» и добавляя: «Я повидал их в Мюнхене», — а с другой — признавал, что всегда был убежден в том, что «Сталин никогда не пойдет на английские предложения». В то время как его отправившийся в вояж представитель вез в своем портфеле «генеральные полномочия», необходимые для того, чтобы «купить» согласие Сталина, и его сатрапы еще по пути в Москву пребывали в страхе относительно того, как закончится эта «авантюра», этот «рискованный политический маневр»[56], он пытался создать впечатление, что согласие русских на разгром Польши уже у него в кармане. Россия, подчеркнул он, «никогда не будет настолько безрассудной, чтобы воевать на стороне Франции и Англии»[57]. Она «не заинтересована в сохранении Польши, и потом Сталин знает, что Польша со своим режимом обречена независимо от того, выйдут ли ее солдаты из войны победителями или побежденными. Решающим было отстранение Литвинова. *Я* проводил переориентацию в отношении России постепенно. В связи с подписанием торгового соглашения мы вступили в политический диалог. Было предложено заключить пакт о ненападении. Затем поступило универсальное предложение России [реальные события опрокинуты с ног на голову! - *Авт.*]. Четыре дня назад я предпринял необычный шаг, приведший к тому, что Россия вчера ответила, что она готова пойти на заключение пакта. Установлен личный контакт со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра подпишет договор. Теперь Польша находится в положении, в котором я хотел ее видеть».

За этим последовало практическое использование того, что вопреки всевозможному сопротивлению было наработано руководством отдела экономической политики министерства иностранных дел за многие месяцы, — узурпация этих разработок, которые теперь союз с Россией сделал ему экономическим гарантом подчинения Западной Европы: «Нам нечего бояться блокады. Восток поставит нам зерно, скот, уголь, свинец, цинк. Большая цель требует больших усилий. Я боюсь только, что в самый последний момент какая-нибудь сволочь встрянет со своим посредничеством... Сегодняшнее объявление о предстоящем подписании пакта о ненападении с Россией произвело эффект разорвавшейся гранаты. Последствия непредсказуемы. И Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет ошеломляющим».

Эти заявления Гитлера едва ли вызвали в среде генералитета ощущение «величайшей внезапности и полнейшей неожиданности»[58] — сообщения о поездке Риббентропа и предстоящем подписании пакта начиная с полуночи передавались по германскому радио и были опубликованы в утренних выпусках газет. Но эта речь наверняка породила определенную растерянность. Высказывания, которые Гитлеру довелось услышать во время последовавшего за встречей обеда, подтверди-

ли, что в этом кругу ни политическая изоляция Польши, ни возможность локализации войны против нее не рассматривались как данность.

Скептические прогнозы военных побудили Гитлера выступить сразу же после обеда со второй речью. Он начал ее с признания, что «применительно к Англии и Франции» можно было бы, конечно, поступить «и по-другому», хотя «с определенностью предсказать этого и нельзя». Во всяком случае, он в этой самой жесткой из всех произнесенных до войны речей[59] рекомендовал: «Железная решимость в наших рядах. Ни перед чем не отступать. Каждый должен придерживаться взгляда, что мы с самого начала готовы бороться и против западных держав. Бороться не на жизнь, а на смерть... Преодоление прежних времен путем привыкания к самым тяжелым испытаниям... На первом плане уничтожение Польши. Цель — устранение живой силы, а не достижение определенного рубежа... Я обеспечу пропагандистский повод к развязыванию войны, неважно, в какой мере достоверный... Состраданию нет места в наших сердцах. Действовать беспощадно. 80 миллионов человек должны обрести свое право... Право принадлежит более сильному. Предельная твердость... Приказ о начале последует, вероятно, в субботу утром»[60].

Но и это беспрецедентное в военной истории Германии подстрекательство к кровопролитию не способно было заглушить беспокойство военных. Хотя Гитлеру, возможно, и удалось — как вспоминал впоследствии Белов — своей речью о «союзе с Россией заткнуть рты некоторым скептикам»[61], лица многих из них вроде, например, Шмундта выражали «озабоченность». Даже адъютант Гитлера «мог понять отчаяние Шмундта, ведь... мы оказались перед фактом, что Германия через несколько дней вступит в войну, которую Гитлер... хотел вести, не заручившись доверием генералов, и которую генералы считали несчастьем, ничего в то же время не предпринимая против Гитлера».

В эти послеобеденные часы 22 августа Риббентроп, сделав по пути в Москву остановку в Берлине, отдал в МИД последние распоряжения. Через статс-секретаря фон Вайцзеккера он с целью информации германских миссий за рубежом (за исключением германского посольства в Токио) дал установочное разъяснение относительно германо-советского сближения[62]. Эта инструкция оказалась на удивление близкой к реальности положения, что, возможно, объясняется возражениями Вайцзеккера против «оглупления» глав миссий. Так, в ней заключение пакта ставилось в непосредственную связь с обострением ситуации вокруг Польши и подчеркивалась германская «заинтересованность в недопущении перехода Советского Союза на сторону Англии». Кроме того, признавался тактический характер этого сближения: «Надлежало рассеять у Советского правительства чувство угрозы в случае германо-польского конфликта. Подходящим средством для этого была конкретизация переговоров относительно пакта о ненападении до теперешней стадии. Тем самым одновременно была достигнута и преследовавшаяся нами с самого начала цель помешать ведшимся в Москве англо-французским переговорам о нашей изоляции... Международно-политическое воздействие этого договора станет очевидным уже в бли-

жайшее время. Во всяком случае, уже сейчас заметно, что Польша переживает тяжелый шок».

После этого Риббентроп вкратце проинформировал о новой ситуации представителей обеих союзных стран. Беседа с итальянским поверенным в делах (посол Аттолико был отозван в Рим для консультаций)[63] была малоинформативной — он уже накануне обескуражил министра иностранных дел Чиано сообщением о том, что запланированная встреча на Бреннере не состоится, поскольку он «едет в Москву».

Труднее сложился его разговор с японским послом Осимой[64]. «Сообщение о том, что Риббентроп вылетает в Москву для заключения пакта, было для него полной неожиданностью. Оно явилось для него тяжелым ударом ... Его лицо окаменело и стало серым»[65]. «Глубоко подавленный»[66], посол обратил внимание Риббентропа на то, что это означает конец его миссии. В качестве отговорки Риббентроп — после соответствующей справки присутствовавшего при разговоре статс-секретаря — привел тот аргумент, что Япония «почти полгода отмалчивалась относительно намеченного тройственного пакта и теперь должна проявить понимание, видя, что Германия пытается защитить себя иным способом. И этот фарс продолжался...»[67]. Полтора года спустя, в ходе подготовки операции «Барбаросса», планирование которой опять-таки было скрыто от японского союзника, Риббентроп исправился. Война, сообщил он Осиме 23 февраля 1941 г., была тогда «*неизбежной*. Когда дело дошло до войны, фюрер решился пойти на *соглашение с Россией*, необходимое для того, чтобы *избежать войны на два фронта*. Возможно, этот момент оказался тяжелым для Японии. Но соглашение отвечало и японским интересам, поскольку императорская Япония была заинтересована в скорейшей победе Германии, а соглашение с Россией обеспечивало эту победу»[68].

В Москве Риббентроп хотел произвести впечатление своей большой свитой — его делегация в составе 37 человек включала представителей МИД (Гаус, Шнурре, Хевель, главный переводчик Шмидт и Шмидт — представитель печати), сотрудников канцелярии Риббентропа (Петер Клейст и др.), фотографов, а также позировавших в качестве «технического персонала» гестаповцев. Вся делегация, как не без иронии заметил посол, даже не вошла в *один* «юнкерс»[69].

Делегация отбыла из Берлина поздним вечером 22 августа на двух самолетах «Кондор», взяв курс на Кенигсберг. Утром 23 августа, в 7 часов, оба самолета вылетели из Кенигсберга, чтобы после четырехчасового полета, то есть в 13 часов по московскому времени, приземлиться в советской столице. На протяжении всего полета настроение столь различных по происхождению, образованию и политическим симпатиям членов делегации было отмечено столь большой неуверенностью и нервозностью, что дело доходило до личных конфронтаций: над всеми витало «напряженное ожидание авантюры, навстречу которой мы летели»[70].

Сопровождавшие Риббентропа с озабоченностью спрашивали себя, «не ошеломят ли нас Советы в Москве отменным соглашением с англо-

французами; ...не будет ли Риббентроп втянут в затяжные, изнурительные переговоры». Некоторые опасались быстрого «бесславного возвращения на родину». В среде убежденных национал-социалистов все еще доминировало «двойственное чувство» (Клейст) в отношении вчерашнего заклятого большевистского врага. Те деятели, которые соблюдали определенную дистанцию в отношении национал-социализма, были озабочены перспективами этого договора; так, например, переводчик Шмидт слишком хорошо знал свою «клиентуру», чтобы вполне отдавать себе отчет в том, что «тыловое прикрытие, обеспеченное Сталиным, сделает Гитлера еще более безрассудным и непоколебимым в его внешней политике». Ночь, проведенная в кенигсбергском «Парк-отеле», была для них ночью грустного «прощания с миром».

Сам Риббентроп — по его собственным последующим признаниям — отправился в путь «со смешанными чувствами». Наличие многолетней вражды и мировоззренческого антагонизма с Россией нельзя было отрицать. И теперь рейхсминистр иностранных дел, который редко читал поступавшие «из Москвы отчеты дипломатов» и к тому же воспринимал их «очень скептически»[71], сетовал на то, что «никто у нас» не был «достоверно информирован о Советском Союзе и его руководящих деятелях». По его словам, присылавшиеся из Москвы дипломатические доклады были «бесцветными», Сталин в них изображался «в некотором роде мистической личностью». Сознание «особой ответственности этой миссии», о которой он впоследствии старался напомнить, ограничивалось преимущественно рамками деструктивной части его задачи: в момент, когда «...в Москве все еще велись переговоры с английской и французской военными миссиями», побудить Сталина к торговле с Германией и помешать заключению трехстороннего пакта. В самолете по пути в Москву он, по его словам, твердо решил: «Я должен сделать все, что от меня зависит!»[72]

Во время полета Гаус, сидя рядом с Риббентропом, начал на основе полученных накануне инструкций Гитлера набрасывать текст секретного дополнительного протокола[73]. Работа над составлением текста протокола наряду с формулированием окончательной редакции немецкого текста самого пакта о ненападении была продолжена ночью в кенигсбергском отеле. В результате были подготовлены проекты, готовые, по мнению германской стороны, к подписанию.

1. Проект секретного дополнительного протокола имел, возможно, не один, а несколько вариантов. Ни один из вариантов не сохранился. Если существовал лишь один вариант, то следует исходить из того, что его текст в максимальной степени был идентичен тексту подписанного протокола. Если же, как явствует из телеграммы Риббентропа германскому посольству в Москве от 25 августа[74], было разработано несколько вариантов секретного дополнительного протокола, то, вероятно, речь шла о вариантах, предполагавших в одном случае минимум, а в другом — максимум договоренностей. Соответствующие варианты должны были предлагаться советской стороне в зависимости от объема ее требований. Если такое предположение верно, то подписанный протокол был адекватен варианту-минимуму: районы «Юго-Востока Ев-

ропы» были затронуты лишь частично (Бессарабия) и попутно, а Проливы и Константинополь вообще не были упомянуты.

2. Что касается текста пакта о ненападении, то здесь дело свелось к незначительной переработке германской стороной советского проекта, врученного Молотовым послу Шуленбургу 20 августа. Эти не сохранившиеся и потому текстуально неизвестные поправки в значительной своей части опирались, насколько можно судить по окончательному варианту текста договора, на советский проект, которому, однако, была предпослана помпезная преамбула, и изменили советский проект лишь в отдельных характерных пассажах.

И эта подготовительная работа тоже велась в изнурительно напряженной атмосфере. Риббентроп, по свидетельству переводчика Шмидта, «всю ночь напролет готовился к своим беседам... исписал множество бумаг... неоднократно связывался по телефону с Берлином и Берхтесгаденом и требовал самые неожиданные документы, держа, таким образом, всю свою делегацию в напряжении». На следующее утро Риббентроп с подготовленными проектами пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола вылетел из Кенигсберга в Москву. Позднее он заявил, что «посол Гаус... вместе со мной разрабатывал договоры»[75]. Основываясь на этом свидетельстве, адвокат д-р Зайдель в Нюрнберге выдвинул в защиту Риббентропа тезис о том, что «проект секретного договора (то есть секретного дополнительного протокола. — *И.Ф.*) разработан (послом Гаусом)» и что «народный комиссар иностранных дел Молотов и господин фон Риббентроп *подписали* этот секретный договор *в том виде, как он был разработан* послом Гаусом»[76]. Это утверждение — если не считать незначительных деталей — соответствует действительности. Секретный дополнительный протокол — вопреки высказывавшимся до сих пор предположениям[77] — исходил от германской стороны[78].

Прием, оказанный делегации Риббентропа в московском аэропорту, выдавал сомнения Советского правительства относительно германских целей и исхода этого визита. Встречал Риббентропа первый заместитель наркома иностранных дел Потемкин — сама его фамилия воспринималась как «символ нереальности всей сцены» (Шмидт) — в присутствии заведующего протокольным отделом Баркова, нескольких высокопоставленных русских чиновников и послов Шуленбурга и Россо. Советское правительство, как отметили с немалым разочарованием члены делегации, предусмотрело для встречи «лишь небольшой аэропорт» (Клейст). Прием был воспринят отнюдь не как «впечатляющий» (Клейст). Даже сведущие в вопросах московского дипломатического протокола сотрудники посольства заметили, что германского министра иностранных дел встречали без представителей общественности (Херварт). В имперское министерство иностранных дел было передано, что Риббентроп был принят «в сдержанной официальной атмосфере»[79]. Это впечатление не было ослаблено и развевавшимся над летным полем флагом со свастикой, сшитым явно второпях по принципу зеркального отражения.

После обмена приветствиями с представителями Советского правительства делегация перешла под покровительство германского посла. Один лишь Риббентроп по соображениям безопасности был доставлен в германское посольство в специальном автомобиле Сталина. В распоряжение делегации с советской стороны не было предоставлено никакой резиденции, и посол Шуленбург с трудом разместил ее в здании бывшего австрийского посольства, которое «со времени аншлюса» стало как бы филиалом и придатком германского посольства. Здесь и находилась кое-как разместившаяся немецкая делегация — в здании с видом на великолепный отель, который Советское правительство отдало в распоряжение западных военных миссий на время их пребывания в Москве.

Не предусматривал протокол и питания делегации. Поэтому сначала пришлось устроить в апартаментах германского посольства импровизированный завтрак «в самом узком кругу» (Кёстринг). Во время завтрака Риббентроп под давлением растущей неуверенности в осуществимости своей «миссии» выразил «явную обеспокоенность». Не выдержав, он с нескрываемой озабоченностью спросил сидевшего рядом военного атташе: «Как все это сложится?» В ответ Кёстринг попытался авторитетно продемонстрировать «знание восточного склада мышления», заявив, что здесь «считается главным много затребовать, а потом позволить партнеру кое-что выторговать». Но эти его рассуждения имели «мало успеха... Обеспокоенность не покинула Риббентропа, и он явно продолжал все больше возбуждаться»[80]. Его «миссия» состояла — чего Кёстринг еще не знал — не в том, чтобы путем трудных, но корректных переговоров добиться выгодной для обеих сторон договоренности. Напротив, он хотел, предав чужие народы и страны более чем неопределенной судьбе, выключить высший политический разум Сталина, с тем чтобы «по возможности быстро уладить дело» с договорами и затем «немедленно уехать»[81]. Молниеносный характер этого визита и расчет на определенный ослепляющий эффект имиджа Риббентропа как преуспевающего карьериста, несомненно, принадлежали к некоторым заранее скалькулированным элементам разработанной Гитлером стратегии успеха.

Перекусив на скорую руку, рейхсминистр — по рассказу Клейста — попросил Шуленбурга и Хильгера «доложить о новейшем развитии ситуации в Москве, а также о бытующих здесь нормах обращения при подобных визитах». На деле он явно выразил этими словами свое очевидное неудовольствие советским протоколом, который никак не соответствовал начавшемуся государственному визиту. Он распорядился, чтобы посольство выяснило, не планируется ли советской стороной по крайней мере в отношении последующей части визита повышение ранга последнего. Но, несмотря на все усилия, писал впоследствии Риббентроп, «так и не удалось выяснить, кто будет вести переговоры со мной — Молотов или сам Сталин. Странные московские нравы»[82].

Шуленбург и Хильгер проинформировали его о разработанной ими «программе на завтрашний день. Оставить в своем распоряжении достаточно времени и не проявлять сверхспешки — таков их совет... Но

Риббентроп вдруг раздражается. Резким жестом руки, выражающим крайнее нетерпение, он прерывает своих советников и без всяких дальнейших разъяснений велит Шуленбургу сообщить в Кремль, что он не позднее чем через 24 часа должен вернуться в Германию. Приказ выполняется, и уже час спустя Риббентроп в сопровождении Шуленбурга и Хильгера направляется в Кремль» (Клейст). Когда они покидали посольство, произошел характерный эпизод. Риббентроп спросил советника посольства Хильгера, который относился к идее заключения пакта с глубокой озабоченностью, о причинах его удрученности[83]. В ответ Хильгер выразил опасение посольства, подчеркнув, что намечаемое сближение может быть успешным и плодотворным лишь до тех пор, пока Германия будет оставаться сильной. Этим он хотел подчеркнуть, что в случае германского нападения на Польшу оказалась бы неизбежной война с западными державами, которая, став затяжной, была бы непосильной для Германии. Риббентроп «с присущим ему высокомерием» отмел обоснованность озабоченности Хильгера, заявив: «Если это все, чего вы опасаетесь, то я могу Вам сказать, что Германия справится с любой ситуацией».

На эту первую встречу Риббентроп отправился в сопровождении посла и переводчика. Эксперт по вопросам международного права посол Гаус был приглашен только на вторую встречу. Это может служить указанием на то, что Риббентроп хотел сначала составить себе представление о настроенности Советского правительства и степени его готовности к переговорам, а во-вторых, специально обсудить вопросы, связанные с дополнительным протоколом, чтобы потом, уже выложив все карты, не натолкнуться на отказ. Если он велел подготовить несколько вариантов секретного дополнительного протокола, то после первой встречи в Кремле он уже знал, к чему сводились советские требования и какие из формулировок следовало отобрать для второй встречи. Переговоры велись в рамках двух встреч, из которых вторая затянулась до утра 24 августа. Ниже предпринимается попытка впервые реконструировать ход этих бесед и переговоров[84].

Первая встреча в Кремле: предварительный обмен мнениями

В Кремле три названных представителя Германии были проведены в длинный кабинет, в другом конце которого их ожидали Сталин и Молотов[85]. Позже к ним присоединился В. Павлов, молодой русский переводчик, которого предпочел сам Сталин. Прием рейхсминистра иностранных дел, прибывшего для заключения договора, в одном из кабинетов Сталина был еще одним доказательством подчеркнуто незначительного протокольного статуса, в соответствии с которым проходил его визит. Личное присутствие Сталина, обескуражившее немецкую сторону[86], отнюдь не противоречило этому: оно, согласно наблюдению Хильгера, было «шагом, заранее рассчитанным Сталиным на эффект, и

одновременно являлось для Риббентропа намеком на то, что либо договор будет заключен тотчас же, либо он не будет подписан никогда»[87].

Заявление Риббентропа на процессе Международного военного трибунала о том, что «оказанный ему Сталиным и Молотовым прием» был «очень радушным»[88], являлось одним из его многочисленных преувеличений и искажений; он прибегнул к нему, пытаясь ради собственного спасения зачислить в свои сообщники и Советское правительство[89]. Ведь в действительности, по словам Хильгера, Риббентроп сам «после короткого, формального приветствия», с которым к нему обратился Сталин[90], «стал рассыпаться в уверениях относительно доброй воли германской стороны, которые Сталин воспринял сухо и по-деловому»[91]. В противоположность Риббентропу Сталин в ходе дальнейших переговоров вел себя «очень естественно и непретенциозно»[92].

Первая беседа продолжалась с 15 час. 30 мин. до 18 час. 30 мин. по московскому времени. Риббентроп, вступив в разговор, долго распространялся о «желании Германии... поставить германо-советские отношения на новую основу и добиться соглашений *во всех областях* (выделено автором)». Он подчеркнул заинтересованность своего правительства в том, чтобы «добиться взаимопонимания с Россией на *максимально длительный* срок». При этом он — согласно его собственным свидетельствам — сослался «на весеннюю речь Сталина, в которой Сталин, по нашему мнению, высказал сходные идеи». Это была первая в тот день ссылка на выступление Сталина на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., и она прозвучала как своего рода легитимация германского образа действий из уст германского представителя.

Согласно более поздним свидетельствам Риббентропа (Хильгер о подобном не сообщает), затем выступил «Сталин — кратко, выразительно, немногословно, но то, что он говорил, ясно и недвусмысленно, *как мне показалось*, обнаруживало *также* желание согласовать интересы и достичь взаимопонимания с Германией». В итоге этого «первого принципиального разговора» была «констатирована обоюдная готовность к заключению пакта о ненападении». При этом Риббентропу «ответ Сталина» показался «столь положительным, (что он, Риббентроп, решил для себя. — *И.Ф.*), что мы... тотчас смогли перейти к рассмотрению фактической стороны взаимного разграничения интересов и, в частности, к обсуждению германо-польского кризиса»[93].

Таким образом, Риббентроп очень быстро перешел от позитивно протекавшего обмена мнениями относительно заключения пакта о ненападении как такового к коренным вопросам секретного дополнительного протокола, который должен был обсуждаться во вторую очередь. Здесь он опирался на «директивы», данные ему Гитлером. Впоследствии Риббентроп заявил: «Я изложил пожелание Адольфа Гитлера, чтобы обе стороны пришли к окончательному соглашению, и я, конечно же, говорил также о кризисной ситуации в Европе. Я сказал русским господам, что *Германия сделает все* для того, чтобы *мирным путем* урегулировать ситуацию с Польшей и все связанные с этим трудности и, несмотря ни на что, все-таки прийти к *дружескому соглашению*»[94]. Подобная констатация не могла явиться сюрпризом ни для советских партнеров по перего-

ворам, ни для обоих присутствовавших при сем германских дипломатов. Она была продолжением той линии, которую Риббентроп по поручению Гитлера уже рекомендовал своим служащим и для предыдущих зондирующих контактов с советскими представителями.

Однако имелось одно существенное различие. Если к моменту прежних зондирующих контактов еще не была исключена возможность мирного урегулирования, то теперь ведь решимость Гитлера к войне была более или менее очевидной: уже была назначена дата начала нападения. И естественно, теперь, на столь продвинутой стадии подготовки, стремление ввести в заблуждение Советское правительство относительно цели этого навязанного ему визита и завуалировать планы Гитлера выглядело не имеющим себе равных по наивности фарсом. Одновременно такое поведение показывало, насколько мала была даже в тот момент вера Гитлера в готовность Сталина к соучастию. Этим же объясняется тот факт, что Риббентроп во время своего визита в Кремль никак не мог почувствовать себя среди единомышленников[95].

Ведь, как показал впоследствии под присягой Гаус, Риббентроп на всем протяжении своих московских переговоров строго придерживался указания Гитлера: «Как при... неофициальных контактах (сопровождавших переговоры. — *И.Ф.*), так и в ходе самих переговоров рейхсминистр иностранных дел выбирал выражения таким образом, что военный конфликт Германии с Польшей выглядел в его освещении не как уже окончательно решенное дело, а всего лишь как возможность, которую нельзя исключать. С советской стороны по этому пункту не было сделано никаких заявлений, которые заключали бы в себе одобрение подобного конфликта или побуждение к нему. Напротив, советские представители ограничились в этом отношении тем, что просто приняли к сведению высказывания германского представителя»[96].

На процессе Риббентроп вполне определенно подтвердил это. На вопрос: «Верно ли, что эти переговоры (по территориальным вопросам. — *И.Ф.*) недвусмысленно велись лишь на тот случай, если бы на основе пакта о ненападении и политического урегулирования между Россией и Германией не удалось урегулировать польский конфликт?» — он ответил: «Да, именно так. Я тогда выразился в том смысле, что с германской стороны, *естественно*, будет сделано *все* для того, чтобы решить эти проблемы мирным, дипломатическим путем». И на следующий вопрос, гласивший: «Пообещала ли вам Россия при *этом* решении дипломатическую поддержку или благожелательный нейтралитет?» — Риббентроп дал утвердительный ответ, подчеркнув: «Это ведь само собой вытекало из пакта о ненападении и всего процесса переговоров в Москве»[97]. (Тот факт, что эта фикция германских усилий, направленных на мирное разрешение конфликта, последовательно сохранялась и поддерживалась на всем протяжении переговоров, объясняет заметное на фотографиях облегчение и удовлетворение германского посла, поначалу действительно верившего, что он способствует сохранению мира.)

Для оправдания этого вуалирования военных планов Гитлера Риббентроп позднее выдвинул утверждение, будто даже к моменту его по-

ездки в Москву никакого «окончательного решения» Гитлера относительно нападения на Польшу вообще не существовало[98] или по крайней мере он, Риббентроп, «ничего не знал о так называемом решении фюрера напасть на Польшу»[99]. Зато Риббентроп в присутствии Гауса не мог отрицать, что «во время дискуссии в Москве... было ясно, что угроза подобного конфликта была бы... налицо, если бы последняя возможность переговоров оказалась исчерпанной»[100]. Эта формулировка позволяет заключить, что Риббентроп трактовал предписанные ему инструкции очень широко, а именно в том смысле, что он дал «ясно» понять, что «возможность подобного конфликта» возникла бы лишь в том случае, если бы оказалась исчерпанной *последняя* (возможность) переговоров». При этом Риббентроп, как он позже подчеркивал, «указал Сталину на то, что с германской стороны будет сделано *все*, чтобы решить эти вопросы *мирным* дипломатическим путем»[101].

Неизвестно, какое значение придавали (если вообще придавали) Сталин и Молотов этим неоднократным заверениям Риббентропа в стремлении Германии *всеми* мыслимыми дипломатическими средствами добиться *мирного* урегулирования своего конфликта с Польшей. Невозможно также ответить и на вопрос о том, не явился ли очередной зигзаг, совершенный Гитлером как раз в эти дни и выразившийся в его переориентации с общей на локализованную войну и, наконец, на «поэтапное решение» своего конфликта с Польшей[102], результатом воздействия московских переговоров на его военно-политические планы.

И действительно, не в последнюю очередь с учетом известного развития последующих событий нельзя сбрасывать со счетов предположение о том, что советская сторона в ходе переговоров с Риббентропом тем или иным образом (прямо декларируя или косвенно давая понять своей позицией) продемонстрировала свою заинтересованность в мирном урегулировании мирового кризиса вообще и дипломатическом улаживании конфликта с Польшей в частности, выдвинув на обсуждение идею международной конференции и заручившись обещанием Риббентропа о том, что Советский союз (на этот раз) сможет участвовать в подобной конференции[103]. Выражение такой заинтересованности не только шло бы в русле ее опасений относительно того, что в последнюю минуту за ее спиной мог бы стать реальностью «второй Мюнхен», которым была бы предрешена судьба Польши, — оно являлось бы также логическим продолжением декларирования тех пожеланий, которые Молотов неоднократно высказывал Шуленбургу. Оно, далее, в столь же сильной степени соответствовало бы принципам так называемой советской «политики мира», в какой подобным образом отстаиваемое решение казалось способным избавить Советское правительство от нежелательного вовлечения в польский конфликт, что легко могло привести к коллизии с существовавшим советско-польским пактом о ненападении и втянуть Советский Союз в конфликты с державами — гарантами независимости Польши, каковыми являлись Франция и Англия. Наконец, оно соответствовало бы желанию не допустить приближения к советской территории германо-польской фронтовой линии, поскольку в противном случае рано или поздно еще больше возрос бы

риск для безопасности СССР. Возможность разрешения кризиса мирным, дипломатическим путем должна была показаться Сталину при некоторой широте взгляда единственным надежным выходом из его военно-политической дилеммы. И многое говорит за то, что он отстаивал бы ее, если бы Риббентроп сделал ее упомянутым образом предметом обсуждения. (Заявление Гауса о том, что Сталин и Молотов проявили пассивность в этом вопросе, основано исключительно на его наблюдениях, относящихся ко второму раунду переговоров.)

По утверждению Риббентропа, те меры, которые надлежало принять на случай войны, обсуждались лишь во вторую очередь. Он заявил: «Затем мы заговорили о том, что следовало принять немецкой и русской сторонам в случае вооруженного конфликта»[104]. На случай возникновения германо-польского конфликта, который при сложившемся положении нельзя было исключать, «была согласована'' демаркационная линия''»[105]. Эту демаркационную линию, соответствовавшую директивам Гитлера относительно разграничения сфер интересов, Риббентроп в общих чертах нанес на карту. По его собственным словам, «она проходила вдоль рек Рыся (правильно: Писса. - *И.Ф.*), Буг (Висла. — *И.Ф.*), Нарев, Сан... Так выглядела демаркационная линия, которой надлежало придерживаться в случае, если бы дело дошло до вооруженного конфликта с Польшей»[106].

Указание Риббентропа на то, что очерченная линия была определена в качестве «демаркационной линии», имеет важное значение: на этой стадии переговоров речь шла о том, что Германия использует все средства мирного решения конфликта; в случае же, если тем не менее возникнет «ситуация невыносимых польских провокаций»[107] и Германия окажется втянутой в вооруженный конфликт и сочтет себя вынужденной вступить в Польшу, она обязывалась лимитировать свои возможные военные акции пределами намеченной разграничительной линии. Тем самым Риббентроп гарантировал Советскому Союзу, что германский вермахт не вступит в прилегающие к СССР районы Польши. Следовательно, Германия недвусмысленно отказывалась от (военного захвата) польских территорий, которые советский Генеральный штаб считал областями, важными с точки зрения интересов обороны СССР и стратегически важными в рамках концепции выдвинутой вперед обороны. Борьбу за часть этих областей с целью обеспечения себе прохода через них и их временного военного использования безуспешно вел нарком обороны Ворошилов на переговорах с миссиями западных держав. Теперь же эти территории были гарантированы Советскому Союзу без всяких усилий с его стороны и предположительно в значительной мере неожиданно.

Это в максимальной степени соответствовало интересам Сталина, так как означало мгновенное ослабление напряженности сложившегося для него военного положения. Кроме того, это обеспечивало Сталину, если он к тому времени уже был убежден в неизбежности конфликта с Германией, пояс безопасности, то есть предполье, в котором он нуждался для развертывания своих дивизий на выдвинутых вперед оборонительных рубежах. Существует подозрение, что эта

уступчивость германской стороны начала притуплять бдительность Сталина. Последующие территориальные уступки призваны были, далее, постепенно внушить ему мысль о том, что не Гитлер, а он сам является выигравшей стороной в этом беспрецедентном тасовании различных территорий. Ведь в качестве следующего шага Риббентроп предложил Советскому Союзу в рамках «гармонизации интересов» двух стран «Финляндию, Прибалтику и Бессарабию»[108]. В вопросе о Финляндии и Бессарабии «договорились быстро»[109].

По-иному сложилось обсуждение предложения Риббентропа о демаркационной линии в Прибалтике. Линия по Западной Двине, предложить которую Риббентроп был уполномочен Гитлером, не могла не вызвать у советских представителей неприятных эмоций ввиду еще не изгладившихся из памяти воспоминаний о боях, которые вел в Прибалтике германский добровольческий корпус. Вдобавок эта разделительная линия стимулировала опасения советской стороны относительно того, что германский вермахт намерен в рамках осуществления плана «Вайс» вторгнуться и на территорию Прибалтики. Сталин и Молотов, должно быть, были всерьез встревожены этой перспективой. Поэтому при обсуждении прибалтийского вопроса они, очевидно, проявили определенную «жесткость»[110], но в то же время, видимо, и не выдвинули никаких принципиальных возражений против линии по Западной Двине. Единственное разумное объяснение этого может состоять в предположении, что они в тот момент вообще еще не отдавали себе отчета в, возможно, неограниченном объеме предложений, исходивших от Гитлера. Лишь в дальнейшем они, судя по всему, постепенно осознали это: результатом такого запоздалого осознания явилось предъявление еще двух требований. Первое касалось Прибалтики. Это было дополнительное требование относительно Литвы, которое Гитлер удовлетворил, передав по договору о границе и дружбе от 28 сентября 1939 г.[111] Литву Советскому Союзу. Второе требование имело отношение к Юго-Востоку. Это было запоздалое требование относительно Проливов, которое Молотов выдвинул в ходе своего визита в Берлин в ноябре 1940 г. Однако к этому времени казавшаяся безбрежной щедрость Гитлера иссякла: заключенный с СССР договор о моратории уже принес ему желанные плоды.

В переговорах 23 августа, однако, Сталин еще пытался заполучить часть в ситуации, когда могло бы быть приобретено без всяких возражений и целое. Он настаивал на том, что его Балтийский флот не может обойтись без расположенных на западном побережье Латвии портов Либавы (Лиепаи) и Виндавы (Вентспилса), и, возможно, добавил при этом, что даже западные военные миссии проявили понимание в отношении этой необходимости[112]. Либава и Виндава не только принадлежали к немногочисленным незамерзающим портам восточного побережья Балтийского моря, как это понимала делегация Риббентропа[113], они имели в первую очередь стратегическое значение. Во время переговоров с западными военными миссиями Ворошилов настаивал на временной оккупации Либавы — более значимого из двух портов, расположенного на юго-западе Латвии, — как важного опорного пункта

сопротивления агрессии по варианту № 1 (кампания на Западе) и по варианту № 2 (кампания против Польши). Использование этих портов должно было в случае войны обеспечить советскому флоту на Балтике возможность проводить крейсерские операции, организовывать вылазки подводных лодок, осуществлять минирование акватории Балтийского моря, прилегающей к побережью Восточной Пруссии и Померании, и блокировать доставку в Германию железной руды из Швеции.

То, что Сталин при обсуждении содержания соглашения о разграничении сфер интересов настаивал на передаче Советскому Союзу портов Либавы и Виндавы, заставляет предположить, что неотъемлемые компоненты его концепции безопасности, стоявшей за советскими требованиями на переговорах с западными военными миссиями, остались в силе и в изменившихся условиях. А это позволяет сделать вывод, что Сталин, несмотря на выраженную германской стороной готовность заключить пакт, продолжал считаться с возможностью военной экспансии Германии в восточном направлении. Риббентроп обещал учесть пожелание, но тем не менее счел нужным заручиться согласием Гитлера[114]. И перерыв в переговорах предоставил ему такую возможность.

С этой первой встречи Риббентроп вернулся в посольство «очень удовлетворенным» и, касаясь результатов, «высказался в том смысле, что дело наверняка дойдет до заключения желанных для германской стороны соглашений»[115]. Пока посольство передавало его телеграмму Гитлеру, он проводил время за импровизированным ужином в узком посольском кругу. При этом его «буквально распирало от восхищения Молотовым и Сталиным... "Переговоры с русскими идут наилучшим образом! — неоднократно восклицал рейхсминистр иностранных дел... — Мы наверняка даже еще сегодня вечером договоримся"»[116]. В своей телеграмме Риббентроп сообщал Гитлеру, что первая беседа протекала «в высшей степени позитивно в *желательном нам духе*», но что «русские... выразили пожелание, чтобы мы признали порты Либаву и Виндаву относящимися к их сфере интересов». Он просил Гитлера подтвердить свое согласие на это. Относительно второй части своих переговоров он сообщал: «Предусмотрено подписание секретного протокола о разграничении сфер двусторонних интересов во всем восточном регионе, к чему я изъявил принципиальную готовность»[117].

Гитлер провел этот день в сильном возбуждении. «Его настроение было переменчиво... К вечеру возросла напряженность. Гитлер мысленно был с Риббентропом в Москве, становясь с часу на час все беспокойнее. Около 20 часов он велел запросить посольство в Москве и получил лишь лаконичный ответ, что о переговорах еще ничего не сообщено». Он ожидал, что мир воспримет сообщение о заключении германо-советского пакта о ненападении с затаенным дыханием. Своему адъютанту он сообщил, что «рассматривает договор как разумную сделку. По отношению к Сталину, конечно, надо всегда быть начеку, но в данный момент он видит в пакте со Сталиным шанс на выключение Англии из конфликта с Польшей». На замечание о том, что конфликт с Польшей способен разрастись

в кровавую войну, он ответил: «...если уж этому быть, то пусть произойдет все как можно скорее. Чем больше пройдет времени, тем более кровавым окажется конфликт». Во время этого разговора его вызвали к телефону и проинформировали об удовлетворительном ходе переговоров, а также запросили его решения по вопросу о латвийских портах. «Гитлер бросил взгляд на тут же принесенную ему карту и распорядился передать Риббентропу, что уполномочивает его согласиться с пожеланиями советской стороны»[118].

Из Берлина, где была установлена прямая телефонная связь с Москвой, это сообщение было передано в германское посольство. Устный ответ Гитлера, который — уже после отъезда Риббентропа в Кремль — был продублирован и по телеграфу, скромно гласил: «Да, согласен». В посольстве не случайно нашли «удивительным, насколько быстро Гитлер дал свое согласие»[119]. Этот великодушный шаг, выразившийся в дополнительной уступке Советскому Союзу особенно важной в стратегическом отношении части Латвии, побудил внимательных наблюдателей сделать вывод о том, что Гитлер наверняка планирует скорое возвращение себе всех этих территорий военным путем[120]. Рейхсминистр иностранных дел в полной мере оценил возможный эффект этой уступки. «В наилучшем настроении»[121] он «с Шуленбургом (Хильгером. - *И.Ф.*) и руководителем правового отдела д-ром Гаусом снова помчался в Кремль»[122].

Вторая встреча в Кремле: согласование документов

Вторая встреча началась в 22 часа. С советской стороны, как и на предыдущей встрече, присутствовали Сталин, Молотов и переводчик Павлов. В начале этого вечернего раунда переговоров Риббентроп сообщил о согласии Гитлера передать латвийские порты в сферу интересов СССР. «Атмосфера, которая до тех пор была сугубо официальной и сдержанной, [стала] заметно дружественней»[123]. Это наблюдение позволяет заключить, что Сталин и Молотов при подведении предварительных итогов переговоров, которое, несомненно, имело место у них в перерыве между двумя встречами с германской делегацией, пришли к выводу, что немецкие предложения предпочтительны, а с содержащимися в них беспокоящими угрожающими моментами можно совладать. Сталин — как и рассчитывал Гитлер — дал ослепить себя заманчивым блеском немецких предложений и был готов совершить кардинальную ошибку.

В ходе этого второго раунда переговоров Риббентроп, опираясь на помощь Гауса и предъявляя принесенные с собой карты, которые имели отношение к разделу Польши, но которые, впрочем, не отличались точностью, изложил Сталину и Молотову немецкие предложения относительно предлагаемых договоренностей. Эти предложения обсуждались в последовательности составных частей пакта — договора о ненападении и дополнительного протокола.

1. В отношении *пакта о ненападении* как такового совместная итоговая редакция текста не представила «никаких трудностей, поскольку Гитлер в принципе уже принял советский проект»[124]. В некоторых пунктах, однако, обращало на себя внимание примечательное расхождение в позициях[125]: Риббентроп сначала включил в преамбулу переработанного Гаусом советского проекта договора «одну весьма далеко идущую по содержанию фразу относительно дружественного характера германо-русских отношений»[126], в которой «в восторженных и высокопарных выражениях превозносилась только что возникшая германо-русская дружба»[127]. Сталин отверг эти формулировки, сопроводив свое возражение замечанием: «Не кажется ли Вам, что мы должны больше считаться с общественным мнением в наших странах? Годами мы поливали грязью друг друга. И теперь вдруг все должно быть забыто, как будто и не существовало? Подобные вещи не проходят так быстро. Мы — и я думаю, что это относится также к германскому правительству, — должны с большей осмотрительностью информировать наши народы о перемене, происшедшей в отношениях между двумя нашими странами»[128].

Риббентроп отказался от цветистой части преамбулы, и стороны сошлись на первоначальном тексте советского предложения с одним характерным отклонением: вместо советской формулировки, гласившей, что правительства двух стран, «руководимые желанием укрепления дела мира между *народами...*», появились слова: «...руководимые желанием укрепления дел мира между СССР и Германией». Это означало, что обещание укрепить «дело мира между народами» в намечаемом союзе с Россией, создаваемом для войны против Польши и западных держав, превысило способность Риббентропа к идеологической мимикрии. Теперь для советской стороны исчезла насущная потребность в сохранении исходной формулы: проект договора возник с учетом предпосылки, что двусторонний пакт о ненападении с Германией наряду с системой трехстороннего (военного) пакта мог бы стать средством совместной защиты от агрессии, в том числе и агрессии против малых народов. Переговоры показали Сталину, что Германия, с одной стороны, стремилась полностью связать его по рукам, а с другой по-видимому, действительно была готова идти навстречу Советскому Союзу во *всех* существенных вопросах, обеспечивающих полную безопасность его границ, и даже принести ему в жертву гораздо больше, чем он вообще мог себе представить. Не исключено, что кажущиеся благодеяния, даруемые двусторонним союзом с щедрым агрессором, начали постепенно вытеснять мечты о совместном сопротивлении миролюбивых народов агрессору.

Статья I (заявление об отказе от применения силы) германо-советского пакта о ненападении содержала обязательство «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». По своему содержанию она совпадала со Статьей I советского проекта.

В Статье II (нейтралитет) была принята формулировка, отличная от формулировки советского проекта договора: если в советском проекте соблюдение нейтралитета имело предпосылкой ситуацию, при которой другая сторона окажется «объектом насилия или нападения со стороны третьей державы», то окончательный текст договора содержит лишь условие, что она должна стать «объектом военных действий со стороны третьей державы». Здесь германской стороне удалось настоять на формулировке, которая игнорировала вопрос о том, кто является инициатором «военных действий», и в которой квалификация любых «действий» других государств как просто «военных» лишала их объективного определения (насильственный акт, нападение) и тем самым передавала такое определение на усмотрение заинтересованной стороны. В этой формулировке особенно явственно отразилась особенность этого «соглашения о нейтралитете», которое должно было действовать независимо от характера войны.

Статья III советского проекта (вопрос о консультациях) была по желанию германской стороны[129] разделена на две статьи — III и V. Первая из них была больше соотнесена с ситуацией войны, а вторая — с ситуацией мира: Статья III пакта о ненападении определяла, что «Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы». Консультации здесь не ограничивались, как это предлагалось в советском проекте, случаями «споров или конфликтов». Они должны были быть постоянными и потому служить предотвращению взаимного ущемления интересов в момент военной экспансии.

Статья эта учитывала также (и прежде всего) пожелание Гитлера, чтобы Советский Союз ни под каким видом — например, на основании своих прежних договорных обязательств в отношении Польши или Франции — не оказался втянутым в той или иной форме в предстоящий конфликт. Ему нужен был инструмент для оказания перманентного воздействия на своего нового союзника, в вассальной верности которого он еще не был уверен, и при необходимости установления мелочной опеки над ним. (Выражением этой заинтересованности Гитлера явились упорное настаивание германской стороны на направлении в Берлин советской военной миссии и на аккредитации нового советского полпреда в Германии Шкварцева в последние дни перед нападением на Польшу. Во время польской кампании эта возможность постоянных консультаций принесла Гитлеру свои самые благоприятные плоды: одним из результатов было дружественное, лишенное всяких трений соприкосновение соединений вермахта и Советской Армии в центре Польши. В ходе дальнейшей германской экспансии, в частности на Балканах, обязательство консультироваться — о чем неустанно заявляло Москве германское посольство — стало все чаще нарушаться и в конце концов полностью игнорироваться.)

Учреждение арбитражных комиссий, предусматривавшееся советским проектом пакта о ненападении для устранения споров и конфлик-

тов, применительно к случаю, который для Гитлера был единственно определяющим при принятии им решения пойти на заключение этого пакта, а именно к *casus belli*, представлялось слишком громоздким и нерациональным с точки зрения затрат времени методом. Поэтому данное предложение нашло отражение в Статье V и было явно предусмотрено для решения таких «споров или конфликтов», которые не поддавались разрешению в рамках текущих консультаций, но непосредственно не мешали желательному ходу (военных) событий. На деле статья эта так и осталась «неработающей».

Новой была Статья IV. В ней нашло свое воплощение стремление германской стороны нейтрализовать СССР[130]. Статья эта определяла, что ни одна из договаривающихся сторон «не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны». Формально она представляла собой дублирование содержащегося в Статье I заявления об отказе от применения силы. В «200-процентной безопасности», жажда которой сквозила в данной статье, на сей раз была заинтересована германская сторона: за этим стремлением добиться недвусмысленно односторонней советской ориентации стояла неуверенность Гитлера и Риббентропа в том, что Советское правительство, как неоднократно заявлялось, не рассматривает подготовленный к подписанию договор всего лишь как двусторонний оборонительный союз, как *один из* компонентов глобальной стратегии безопасности, которая включала бы также другие концепции, а именно концепции, предполагающие существование и многосторонних оборонительных союзов. Гитлер полагал, что, заручившись подписью под этой статьей Молотова, он обеспечит прорыв любого кольца «окружения» вокруг Германии, - кольца, к числу создателей которого прямо или косвенно принадлежал бы и Советский Союз.

В двух аспектах эта статья не принесла Гитлеру никакой выгоды. С одной стороны, содержавшееся в ней определение окончательно наложило на Германию ограничения в ее отношениях с Японией - ее союзником и инструментом окружения СССР с востока. Антикоминтерновский пакт как группировка, непосредственно направленная против Советского Союза, утратил свою силу и, как заметил с веселой расслабленностью во время последовавшего за подписанием пакта обмена тостами Сталин, растаял вопреки стараниям лондонского Сити. С другой стороны, советское представление о чисто оборонительном характере потенциальных антигитлеровских союзов, несмотря на чрезвычайно широкое формулирование этой статьи, в сомнительном случае могло выдержать упрек в косвенной или прямой конфронтации с Германией. Правда, Советское правительство, учитывая особый характер психологического состояния и военно-политической ориентации своего опасного партнера, на протяжении всего периода существования этого пакта сознательно не прибегало к подобной интерпретации. (Так, например, советско-югославский договор о дружбе от апреля 1941 г. не означал — как подчеркивал германский посол в Москве в докладе Гитлеру[131] — создания направленной против Германии группировки, а представлял со-

бой форму декларирования советских интересов на Балканах, к которой Советский Союз прибег при соблюдении предусмотренного в пакте о ненападении обязательства относительно проведения консультаций.)

С учетом указанных пробелов в пакте следует исходить из того, что Риббентроп в ходе этих переговоров потребовал от Сталина и устного обещания отказаться от заключения трехстороннего союза. В соответствии с директивами, полученными для предыдущих зондирующих переговоров, Риббентроп, несомненно, указал Сталину на то, что принятие Советским Союзом на себя любых других обязательств категорически исключается. На то, что Риббентропу удалось получить согласие Сталина, указывает среди прочего тот факт, что в Статье IV пакта о ненападении отсутствует обычная в договорах такого рода (например, Статья 4 в польско-советском пакте о ненападении от 1932 г.) оговорка о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных договоров, остаются в силе.

О том, как достигались эти устные договоренности, воспоминания Риббентропа дают лишь искаженную картину. Когда он, по его собственному рассказу, в ходе этих переговоров спросил Сталина относительно дальнейшего пребывания западных военных миссий, тот якобы «ответил, что с ними вежливо распрощаются»[132]. В действительности Риббентроп, по всей вероятности, принял на себя роль, которую он при ознакомлении с телеграммой Брауна фон Штумма в германском посольстве приписал послу: он в ходе переговоров настаивал перед Сталиным на удалении западных военных миссий. В ответ Сталин, вероятно, не без колебаний дал свое принципиальное согласие. Ибо Риббентроп будто бы вынес впечатление, что Сталин не собирался выполнять свое обещание[133].

Наряду с этим Риббентроп — опять-таки согласно его собственному изложению событий — обратился к Сталину с вопросом о том, «как согласуется наш пакт с русско-французским договором от 1936 (в действительности 1935-го. — *И.Ф.*) года». Сталин якобы ответил, что над всем превалируют русские интересы[134]. И здесь тоже уместно предположить, что неотъемлемой составной частью немецких предложений и пожеланий было намерение добиться, чтобы СССР счел договор о ненападении с Францией утратившим силу. Тем самым для Германии был бы открыт путь не только в Польшу, но и во Францию.

Далее - опять-таки по желанию германской стороны — в Статье VI срок действия пакта был определен на 10 лет (с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока действия договор не будет денонсирован одной из сторон), а не, как предусматривал советский проект, на пять лет. Наконец, Статья VII договора предписывала вступление его в силу «немедленно после его подписания», в то время как советский проект предусматривал вступление его в силу лишь после ратификации. Что же касается сроков ратификации, то и проект и сам договор предписывали сделать это «в возможно короткий срок». Тем самым советская сторона уступила давлению цейтнота, испытывавшегося Германией в сфере военного планирования.

От содержавшегося в советском проекте постскриптума («Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола... Протокол составляет органическую часть пакта») в самом договоре стороны бескомпенсационно отказались. В этом вопросе еще раз нашел свое отражение весь масштаб различий в исходных позициях обоих союзников: Советское правительство при составлении проекта исходило из опыта своих переговоров по заключению пактов с западными державами, надеясь таким образом обратить внимание Гитлера на неизвестный протокол и тем самым способствовать росту его неуверенности и устрашения. Не подлежавший опубликованию протокол, на который в договоре должен был указывать постскриптум, содержал перечень как стран, защиту которых от агрессии совместно гарантировали державы — участницы пакта, так и мероприятий, которые они намеревались сообща предпринимать. Напротив, для Гитлера прецедентом был антикоминтерновский пакт, то есть агрессивный союз, а потому он, вполне понятно, не был склонен привлекать внимание мира к существованию дополнительного протокола — сердцевины пакта, в которой поименно названы жертвы этого «военного союза» и описаны методы и способы их порабощения.

В глазах Сталина и Молотова теперь, после того как они получили представление о характере этого дополнительного протокола и дали на него свое согласие, судьба предложенного ими постскриптума уже перестала выглядеть важной, поскольку они ведь, поставив советскую подпись, косвенным образом поддержали германские планы «территориально-политического переустройства», характер, масштабы и последствия которого были им еще неведомы. Сверх того шок, вызванный в мире подписанием пакта, был достаточно сильным, и обуреваемые мрачными предчувствиями массы людей, особенно в лимитрофах, уже на протяжении многих дней жаждали узнать о секретных территориальных сделках со всеми вытекающими отсюда нарушениями международно-правовых норм[135]. В таких условиях подписавшие пакт стороны не хотели дополнительно накалять атмосферу. На деле же отказ от постскриптума явился устранением правовой основы договора[136].

2. В результате *секретный дополнительный* протокол принял форму отдельного договорного текста, который, хотя и имел в преамбуле указания на его соотнесенность с пактом о ненападении, с точки зрения содержания и права не был связан с последним. В нем лишь значилось, что нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон «при подписании договора о ненападении... обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату...» В такой формулировке секретный дополнительный протокол не стал, как того желала советская сторона, «органической» или «составной частью» договора, а явился приложением к специально подписанному для данной цели соглашению, содержавшим директивы относительно третьих стран и представлявшим, таким образом, угрозу суверенитету свободных государств, что заключало в себе корни его недействительности. Вследствие этого его справедливо называют «юридически непра-

вовой акцией», «акцией, обусловленной не правом», а «по форме и существу акцией, обусловленной силой» правящих[137].

Этот факт, возможно, явился причиной того, что Сталин, как известно, не познакомил с этим документом ни членов Политбюро, ни кого-то из народных комиссаров либо партийных и государственных функционеров, не подумав также о его ратификации. Секретный дополнительный протокол в отличие от пакта о ненападении не обсуждался ни Верховным Советом, ни правительством. Он никогда не был ратифицирован и уже по этой конституционно-правовой причине оставался недействительным. Его международно-правовая, а также в узком смысле юридическая беспочвенность вытекает также из характера приведения его в действие. «Наряду с пактом о ненападении, — заявил на Нюрнбергском процессе Фридрих Гаус, ретроспективно приоткрывая завесу над этой до тех пор неизвестной частью комплекса договоренностей, — длительное время велись переговоры об особом секретном документе... содержанием которого явилось разграничение сфер интересов двух держав в расположенной между ними части европейской территории»[138]. Как автор текста этого секретного документа Гаус мог в особой степени помочь в его реконструкции[139].

Если пакт о ненападении, несмотря на определенные отклонения, еще не выходил за рамки традиционных договоров такого рода, то секретный дополнительный протокол носил характер, явно противоречащий пакту Келлога — Бриана. Всякий, кому довелось увидеть этот документ, должен был в полной мере осознавать его характер. Так, статс-секретарь фон Вайцзеккер осознал, что речь шла «об очень важном и далеко идущем секретном дополнительном протоколе к заключенному тогда пакту о ненападении. Значение этого документа было потому столь велико, что он касался разграничения сфер интересов, проводя черту между теми территориями, которые при данных обстоятельствах должны принадлежать к советско-русской сфере, и теми регионами, которые в таком случае должны были войти в германскую сферу»[140]. Этими обстоятельствами в представлении германской стороны были война, порабощение и разрушение традиционного, основанного на версальской системе политического, территориально-административного и даже социального и этнического строя в расположенных «между Балтийским и Черным морями» государствах Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

В преамбуле этого секретного дополнительного протокола обе стороны проигнорировали существовавший политический порядок в Центральной Европе, присвоив себе право покушаться на суверенитет борющихся за сохранение своей независимости государств. Эта часть протокола констатировала, что уполномоченные представители двух договаривающихся сторон обсудили вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

«В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эсто-

ния, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами».

По мнению даже отчасти посвященных в закулисную сторону событий немецких наблюдателей уже эти «особенно одиозные в тогдашней политической ситуации вводные слова»[141] недвусмысленно указывали на то, что в данном случае речь шла о заключении «союза для войны». Согласованное таким образом «территориально-политическое переустройство» могло наступить либо в ходе военных столкновений, либо вследствие захвата и применения силы. Если для реальных германских планов такое выражение было эвфемизмом, то в отношении толкования этого текста советской стороной подобный вывод сразу делать нельзя, поскольку территориально-политическое переустройство в Польше, на которую в первую очередь были направлены интересы Германии, могло произойти и вследствие невоенного удовлетворения германских требований, а именно путем принятия Польшей германского ультиматума, касающегося Данцига и «коридора», на что, собственно, и надеялись дипломаты германского посольства в Москве. Так как германские карты были раскрыты не полностью, допустима возможность различных толкований. Правительства Великобритании и Италии в тот момент также делали ставку на мирный исход кризиса путем уступок германской стороне. Какие надежды с понятием «переустройство» связывали Сталин и Молотов, есть и остается предметом споров.

Во исполнение неоднократно дававшихся в ходе зондирующих переговоров обещаний о том, что все существующие между Германией и Россией вопросы на территории «от Балтийского до Черного моря» могут решаться на основе согласия, с подписанием секретного дополнительного протокола и начался этот основанный на консенсусе раздел Восточной Европы. Начался он на севере континента. Финляндию, входившую до конца первой мировой войны в состав Российской империи, решили, не спрося ее, передать Советскому Союзу. (На все запросы финского правительства, как и на последующие просьбы о помощи правительств Прибалтийских государств, в Берлине давался отрицательный ответ.) Не подлежит сомнению, что с немецкой стороны это делалось на основе существенной - увязываемой с более длительной перспективой — *reservatio mentalis*: Гитлер сознавал ценность сырьевых ресурсов Финляндии, особенно петсамского никеля, для германской военной промышленности и в период действия пакта дал достаточно свидетельств своей заинтересованности в такой Финляндии, которую Германия могла бы не только эксплуатировать экономически, но и использовать в военном плане — не в последнюю очередь с учетом перспективы заключительной и величайшей конфронтации — нападения на СССР[142].

Для Сталина и Молотова с передачей Финляндии в советскую сферу интересов свалилась гора с плеч: они в течение многих месяцев опасались, что Германия сможет утвердиться на Аландских островах, перебросив туда свои войска, и пытались не допустить этого сначала в ходе переговоров с западными державами, затем в переговорах с фин-

ляндским правительством о передаче Аландских островов и острова Ханко Советскому Союзу в аренду и, наконец, в ходе московских военных переговоров, на которых советская сторона ставила вопрос о временном занятии и использовании о-ва Ханко и Аландов. И вот теперь сверх Аландских о-вов и стратегически выдвинутого о-ва Ханко в сферу советских интересов была включена вся финская территория. О подобном повороте дела Сталин мог столь же мало мечтать, сколь мало Советское правительство политически, а Красная Армия в военном плане были подготовлены к практической реализации такой договоренности.

Развитие советско-финляндских отношений в период реализации пакта наглядно показывает, в сколь малой степени Советское правительство готово было к осуществлению действительного включения признанных за ним территорий в «сферу своих интересов». У него, как это продемонстрировали начатые 12 октября 1939 г. в Москве советско-финляндские переговоры, не было последовательных политических планов реального присоединения прилегающих к СССР районов Финляндии. Вдобавок и имевшиеся военные силы, как красноречиво подтвердила неудача Красной Армии в зимней кампании 1939/40 г., были недостаточными для военного завоевания стратегически важных позиций на юге Финляндии, не говоря уже об оккупации всей страны.

Поэтому не приходится удивляться тому, что и в предпринимавшихся правительством СССР в первый период действия пакта попытках вовлечения Финляндии в сферу советских интересов доминировала ориентация на те — более ограниченные — интересы безопасности, которые уже до этого определяли политические и особенно военные переговоры Советского Союза с западными державами: во главу угла советской позиции на политических переговорах и военных соображений советского Генерального штаба во время зимней войны между СССР и Финляндией ставилась защита Ленинграда[143].

Аналогично обстояло дело и с договоренностями о странах Прибалтики. После того, как Риббентроп с самого начала предложил советским партнерам территории вплоть до рубежа Западной Двины, а потом уступил и западные территории, включая доминирующие над польским и германским побережьем Балтийского моря порты Виндаву и Либаву, Сталин счел, что на случай войны гарантированы не только нейтралитет Советского Союза и использование им той группы островов, за которую боролся на военных переговорах с западными державами Ворошилов, а именно: Моонзундского архипелага с островами Эзель, Даго и Вормс и портами Пернов, Гапсель, Гайнаш и Либава. Одновременно ему были обещаны весь Рижский залив и западное побережье Латвии, и он тем самым получал в свое распоряжение выгоднейшие стратегические позиции в бассейне Балтийского моря.

Лишь одно пожелание в рамках этой темы переговоров Сталин, как кажется, высказал вопреки ожиданиям — недостаточно настойчиво — пожелание относительно Виленского коридора, то есть южной части Литвы, в отношении которой Ворошилов во время переговоров с западными миссиями тоже требовал, хотя и менее энергично, чем примени-

тельно к соответствующим территориям Польши и Румынии, права на проход советских войск. Проход по Виленскому коридору значительно сокращал путь дивизиям Красной Армии, которые должны были в случае войны продвигаться из Центральной России или Белоруссии в направлении Восточной Пруссии, и тем самым играл важную роль в системе советской обороны на северном фланге.

Гитлер во время переговоров относительно пакта о ненападении претендовал на включение всей Литвы в сферу германских интересов и не был готов уступить южную ее оконечность. Причины германской заинтересованности в районе Вильно, так называемом литовском выступе, предположительно тоже были стратегического свойства[144]. С одной стороны, Гитлер мог взять Польшу в клещи, атакуя ее из Литвы и уже находившейся в немецких руках Мемельской области, то есть с востока, а с другой — он не исключал возможности перенесения военных действий и в прибалтийский регион. В этом случае Литва была бы первой жертвой.

О лицемерном характере ведения переговоров немецкой стороной свидетельствует то, что район Вильно в статье 1 секретного дополнительного протокола был отнесен к сфере интересов Литвы.

В действительности Гитлер, желая сохранить себе весь свой литовский тыл для военной кампании против Польши, не хотел раскрывать вынашиваемые планы. Для их маскировки Риббентроп как раз и апеллировал к химерическим «интересам» самой Литвы, которую никто, однако, не удосужился спросить об этом. За кажущимся признанием литовских интересов — в 1920 г. Литва была вынуждена отдать Польше свою историческую столицу — скрывалась, с одной стороны, возможность обострить литовско-польские противоречия, с другой — вся Литва, за исключением приграничных восточнопольских областей, переходила поначалу к сфере интересов Германии. Германия же, как показала бесцеремонность, с которой она провела переговоры по вопросу о Мемельской области, была мало склонна считаться с интересами Литвы. Отдельные обстоятельства позволяют заключить, что Риббентроп просто хотел использовать Литву в качестве пособника: так, 9 сентября он дал указание сообщить литовскому правительству, что «Литве необходимо срочно овладеть Вильно»[145]. Так же бесцеремонно Литва была затем включена в сферу интересов СССР, а договор о границе и дружбе от 28 сентября 1939 г. окончательно утвердил это.

Этот факт был способен посеять в восприятии советского руководства еще большую неясность относительно понятия «сфера интересов», чем она существовала до сих пор. Он должен был и дальше держать Сталина в неопределенности относительно германских намерений в Литве, особенно в ее стратегически важном южном выступе. Лишь после того, как германская военная кампания против Польши завершилась и при этом дело не дошло до перенесения военных действий вермахта на территорию Литвы, Сталин позволил себе распорядиться, чтобы Красная Армия при своем вступлении широким фронтом в Восточную Польшу (начиная с 17 сентября) временно заняла стратегически важные районы Южной Литвы. Тем самым он осмелился также засвидетельство-

вать таким путем неотъемлемое практическое значение этого коридора для крупных перемещений войск с востока на запад. Тем самым советский Генеральный штаб задним числом на практике подтвердил военный смысл требования, отстаивавшегося маршалом Ворошиловым на военных переговорах в Москве.

На переговорах, состоявшихся в Москве 28 сентября 1939 г., вслед за ликвидацией Польши, и завершившихся подписанием в тот же день договора о границе и дружбе, Сталин, как и следовало ожидать, выдвинул вопрос о включении Литвы в сферу советских интересов, предложив взамен часть Центральной и Восточной Польши. Риббентроп по согласованию с Гитлером тут же согласился удовлетворить это пожелание[146]. К тому времени Литва выполнила свою роль фактора изоляции Польши с востока, и у германской стороны на тот момент не было намерения настаивать на заинтересованности в ней: она могла быть (временно) уступлена Советскому Союзу. Но и при этой переуступке поначалу остался неохваченным район южнее Вильно. Указанную территорию Советское правительство благополучно приобрело лишь год спустя путем покупки. Оно заполучило ее — и это еще одно подтверждение растущей стратегической заинтересованности советской стороны в Виленском коридоре — в результате подписания 10 января 1941 г. секретного протокола к германо-советскому пакту, где был зафиксирован беспрецедентный факт покупки указанной полосы литовской территории за 31,5 миллиона золотых марок. Тем самым оно примерно за полгода до германского нападения на СССР твердо держало в своих руках все те прибалтийские территории, на временном военном использовании которых в случае германского нападения оно тщетно настаивало во время переговоров с западными державами[147].

Статья 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. предписывала четвертый раздел Польши. Она определяла:

«В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия». Тем самым секретный протокол, как видно было даже невооруженным глазом, заключал в себе «полную трансформацию польской судьбы»[148].

Линия раздела, которая была проведена по территории Польши вдоль рек (Писса[149]), Нарев, Висла и Сан, не повторяла линии Керзона, проходившей восточнее, и не учитывала западной границы Российской империи. Она не имела политического и исторического обоснования, а была продиктована исключительно военными соображениями. При этом отошедшая к сфере интересов СССР часть Польши германской стороной точно определена не была. Наряду с Восточной

Польшей она охватывала также районы центральнопольского Варшавского воеводства: благодаря этому, по мнению Гитлера, в случае вмешательства западных держав в конфликт на стороне Польши возрастали шансы на то, что дело дойдет до конфликтов между Россией и западными державами и Сталин неизбежно окажется втянутым в войну[150].

Несмотря на интенсивные настояния немецкой стороны, ради которых германскому послу и военному атташе пришлось неоднократно делать представления в Кремле, чтобы побудить Москву к предписанному в секретном протоколе «овладению» своей сферой интересов[151], Сталин лишь две с лишним недели спустя (утром 17 сентября 1939 г.) отдал Красной Армии приказ о переходе западной границы СССР. Он предпринял этот свой шаг только после падения Варшавы, бегства польского правительства в Румынию и, следовательно, фактического краха польского государства. Его медлительность требовала большого терпения от германской стороны. Причину подобных отсрочек найти легче, чем объяснить запоздалое принятие решительных мер, — она кроется прежде всего в том, что Сталин боялся военного конфликта как с Германией, так и с западными державами.

При этом на первом месте в ряду предопределивших такое решение Сталина соображений стоял, по оценке германского посольства[152], учет возможной реакции мировой общественности. На втором месте было, надо полагать, стремление исключить всякую случайность конфликта с западными державами и сверх того получить возможность выдвижения убедительных оснований для вторжения в Польшу[153]. На третьем и, конечно, не последнем месте фигурировала недостаточная готовность Красной Армии, в значительной своей части скованной на востоке, к быстрому развертыванию военных действий на западе. Это доказывает, с одной стороны, что для Сталина угроза понести — из-за взаимно не отрегулированного, противоречащего договоренностям продвижения германских войск в Польше — определенный урон в размерах признанных за ним польских территорий не шла ни в какое сравнение с риском, связанным с тем, что западные державы после объявления ими войны Германии (3 сентября 1939 г.) все-таки перешли бы — вопреки ожиданиям — к стратегии эффективной поддержки Польши на ее территории и сочли бы неприемлемым советское военное присутствие в этой стране. Он приказал своей армии вступить в Польшу только после того, как подобный риск был устранен.

С другой стороны, это подтверждает, что Советское правительство и военное руководство, несмотря на соответствующие заверения немецкой стороны, все-таки, очевидно, не рассчитывали на столь быстрый и сенсационный успех германского вермахта. Они чувствовали себя, как сказал Молотов в беседе с Шуленбургом, «полностью ошеломленными»[154]. Как можно заключить на основании заявлений Молотова, Красная Армия не имела в отношении Польши не только никаких планов, основанных на наступательной стратегии, но и — даже к этому моменту — никаких эффективных планов в рамках оборонительной стратегии, которые позволили бы ей вступить на польскую территорию

ранее, чем на 17-й день. Лишь после многочисленных немецких демаршей Сталин в ночь с 16 на 17 сентября смог заявить представителям Германии о готовности Красной Армии к вступлению в Восточную Польшу. Попутно Красная Армия, вопреки зафиксированной в статье 1 секретного дополнительного протокола договоренности, временно заняла литовскую столицу Вильно и прилегающий район — Виленский коридор, которые, однако, в дальнейшем на основании договора о границе и дружбе от 28 сентября (снова) были уступлены Германии.

В договоре о границе и дружбе советской стороне по ее настоянию было обещано выпрямление линии фронта, которое показывало, что Советское правительство ставило гарантированные к этому времени стратегические оборонительные позиции выше территориальных приобретений и экспансии на запад: обменом значительных территорий из состава своей польской «сферы интересов» — части Варшавского и всего Люблинского воеводств — на Литву оно доказало, что Прибалтика (страны первого стратегического порядка) играет в его концепции безопасности несравненно большую роль, чем Польша (которая принадлежала к странам второго стратегического порядка). Тем самым в Польше Красная Армия фактически отошла на линию Керзона. Одновременно таким своим подходом Советское правительство формально подтвердило приоритет национального принципа над территориальным, в основном ограничившись присоединением к СССР славянских «братских народов» — украинцев и белорусов, проживавших на польской территории «чужаками»[155]. Под эвфемистической формулировкой, констатировавшей факт «распада прежнего польского государства», в так называемом договоре о границе и дружбе от 28 сентября 1939 г. было без обиняков декларировано то территориально-политическое преобразование, которое предусматривалось статьей 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г.[156]

Когда в ходе переговоров 23-24 августа 1939 г. Финляндия, значительная часть Прибалтики и Восточной Польши были признаны принадлежащими к советской «сфере интересов», то это, надо полагать, оказало глубокое психологическое воздействие на Сталина и его наркома иностранных дел. Только этим можно объяснить тот факт, что о советских притязаниях в Юго-Восточной Европе Сталин и Молотов заявляли без особой энергии и настойчивости. В отличие от упоминавшихся выше территорий Бессарабия не была однозначно причислена к советской сфере интересов. Вместо этого в статье 3 секретного дополнительного протокола было заявлено: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». Риббентроп в рамках как общих директив, которые были даны Гитлером для переговоров по проблемам Юго-Восточной Европы, так и особого указания, полученного им вечером 22 августа 1939 г., был уполномочен заявить о незаинтересованности германской стороны во всей «Юго-Восточной Европе» — какой бы смысл ни вкладывался в это понятие — и сверх

того на пространстве вплоть до Константинополя и Проливов. Сталин эту последнюю возможность не признал реальной и не принял к сведению. Как писал впоследствии Риббентроп, «последнее» во время переговоров «не затрагивалось»[157]. Согласно его свидетельству, лишь когда при разграничении сфер интересов двух держав в Восточной Европе был упомянут юго-восток Европы, «советская сторона подчеркнула свою заинтересованность в Бессарабии». Риббентроп, по его словам, сделал в связи с этим устное заявление «о незаинтересованности в бессарабском вопросе». Вместе с тем полученные Риббентропом директивы предусматривали, что Германия должна заявить о своей экономической заинтересованности в Румынии: наряду с румынской сельскохозяйственной продукцией Гитлера привлекала прежде всего тамошняя нефть, в которой он нуждался не в последнюю очередь для завоевания Кавказа — этапа на пути продвижения германского вермахта к Индии. В соответствии с этим и Риббентроп «со всей определенностью указал на экономическую заинтересованность Германии в этих юго-восточно-европейских областях».

Неясно, что побудило Сталина согласиться с ним в этом и почему он не настоял, чтобы Бессарабия по аналогии с другими отошедшими к советской сфере интересов территориями тоже была объявлена принадлежащей к ней. Этот отказ явился предзнаменованием неизбежных конфликтов, которые и в самом деле возникли со вступлением советских войск в Бессарабию (28 июня 1940 г.). Итак, советская сторона ограничилась декларированием своей «заинтересованности в Бессарабии» в ситуации, когда она ведь могла бы без труда добиться безусловного признания за нею права на эту территорию. Определяющим здесь был среди прочего фактор времени: Риббентроп задал переговорам стремительный темп, поскольку ему хотелось как можно скорее заручиться русской подписью и вернуться домой. Поэтому-то дело так и не дошло до детального обсуждения этих вопросов, в результате чего у германской стороны по этим вопросам остались существенные расхождения во мнениях. В то время как у Гауса из воспоминаний о переговорах сохранилось, что Риббентроп «в отношении Балканских стран» заявил «лишь об экономических интересах» Германии[158], в канцелярии рейхсминистра иностранных дел еще тогда возникло впечатление, что Советский Союз из всего региона Юго-Восточной Европы проявил интерес только к Бессарабии, «тогда как Германия декларировала свою полную незаинтересованность в этой территории». В остальном, как свидетельствовал тогдашний руководитель канцелярии рейхсминистра иностранных дел, «... на основании хода переговоров можно было заключить, что обе страны не преследовали на Балканах никаких территориальных целей и что они обязались решать все связанные с Балканами вопросы только после предварительно достигнутого взаимопонимания»[159].

Это различие в интерпретации показывает, что на самих переговорах возникло другое впечатление по сравнению с тем, о котором задним числом, по возвращении в Берлин, говорил Риббентроп, что, другими словами, уже в непосредственном временном контексте подписания до-

говора существовали различные немецкие толкования происходящего. Такая ситуация объясняется, с одной стороны, неопределенностью инструкций Риббентропа (и его географических представлений), а с другой — тем обстоятельством, что вопросы, имеющие отношение к Юго-Восточной Европе, обсуждались в ходе переговоров без достаточной точности. Наконец, вероятно, и на этих переговорах — как и до этого на большинстве предварительных встреч — их ведение «галопом» навязывалось германской стороной. В том, что столь важные для советских интересов балканские проблемы не дискутировались, следует усматривать еще одно доказательство того, что Сталин и Молотов пошли на эти переговоры, не имея ясных и масштабных политических представлений, и лишь в ходе самих переговоров постепенно прониклись сознанием исключительности характера подлежащих принятию решений.

Сам Риббентроп, вполне понятно, остерегался обращать внимание обоих советских государственных деятелей на полную открытость позиции Германии на этих переговорах в вопросах, касающихся Юго-Восточной Европы и тем более Высокой Порты и Проливов. Ведь чем меньше «русские» требовали, тем больше из того, что намечалось посулить, мог он привезти обратно «своему фюреру». Естественно, он испытывал лишь удовлетворение, почувствовав недостаточную твердость в настаивании советской стороны на своей заинтересованности в Бессарабии. В записке, которую он по памяти написал для Гитлера позже, после возникновения в «бессарабском вопросе» конфликта, он дал следующее разъяснение: «Дабы, однако, из-за возможности раскрытия наших карт, с которой тогда при еще совершенно неясном характере германо-советских отношений приходилось серьезно считаться, избежать четкого письменного признания русского притязания на Бессарабию, я избрал для протокола формулировку весьма общего свойства. Это выразилось в том, что при обсуждении юго-восточно-европейских вопросов я в самой общей форме заявил, что Германия в «этих территориях», то есть в юго-востоке Европы, политически не заинтересована»[160].

Давало ли поведение Сталина и Молотова уже в то время, когда еще существовала соединяющая обе стороны совместная заинтересованность в поделенных странах, Риббентропу повод испытывать столь малую уверенность в надежности советской стороны, что он опасался, как бы за передачу Бессарабии не оказаться пригвожденным к позорному столбу перед лицом мировой общественности? Несомненно. По этой причине он в конце статьи 4 потребовал от своего будущего союзника соблюдать особую секретность: он подчеркнул, что протокол «будет... сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Советское правительство до последнего момента выполняло это обещание. Что его к этому побуждало? Если обратиться к обстоятельствам, в которых тогда принимались решения и которые, естественно, не были тайной и для людей, находившихся в те дни в германском посольстве в Москве, то ответ на этот вопрос представляется нетрудным: наряду с (последующим) желанием советских руководителей удержать в

своих руках те будущие союзные республики, которые достались Советскому Союзу во исполнение вытекавших из секретного протокола возможностей, а также наряду со стремлением сохранить выгодные стратегические позиции на пространстве от Балтийского до Черного моря, которые им этот договор предоставил, прежде всего глубокий стыд помешал им в открытую декларировать свою причастность к этим дополнительным статьям договора. Ибо если Сталин уже в дни, непосредственно предшествовавшие приезду Риббентропа, был побуждаем все более далеко идущим характером германских предложений к соблазнительным намерениям, то в течение этих и последующих переговоров его первоначальная трезвость еще больше изменяла ему: он в значительной мере (хотя, видимо, и не полностью) находился в плену иллюзии, внушенной ему беспрецедентным предложением Риббентропа о восстановлении государственного величия, и все глубже и глубже погрязал в тине сообщничества с экспансионистским гитлеровским рейхом.

В конечном счете он от предельно сдержанной позиции перешел на ложный путь готовности к противоречившей всем международно-правовым нормам экспансии. В этой его эволюции прослеживаются три последовательных этапа.

1. В преддверии визита Риббентропа для Советского правительства было важно заполучить подпись германской стороны под пактом о ненападении, который в случае германского вторжения в Польшу сулил советской стороне спокойствие на ее западной границе. Другими словами, Советское правительство ожидало от германской стороны договорно закрепленного заявления об отказе от перехода через некую важную для интересов безопасности СССР демаркационную линию. Советская сторона хотела, чтобы в особом протоколе эта линия — выражение ее жажды 200-процентной безопасности — была дополнена заявлением о гарантиях относительно (по крайней мере военной, но по возможности и политической) неприкосновенности Прибалтийских стран. Сверх того она намеревалась добиться от Германии обещания отказаться от поддержки японской агрессии против СССР и союзной ему Монголии. Предыдущие заверения Германии в том, что на всем пространстве от Балтийского до Черного моря любой вопрос может быть решен на основе взаимного согласия, она понимала по меньшей мере в том смысле, что Германия предположительно уступит ей (для использования) - пусть и в результате трудных переговоров - те стратегические позиции, которых добивался Ворошилов в ходе военных переговоров с западными державами. Сталин заранее не уточнял эти предложения, разумно уступив право инициативы германской стороне.

Таким образом, в то время как Сталин ожидал от Риббентропа недвусмысленного признания предела любой возможной военной экспансии в восточном направлении и предоставления благоприятных позиций вдоль внешней периферии советского пояса безопасности, ему предлагались сферы политических интересов. То, что понятие «сферы интересов» в ходе переговоров не уточнялось, а, напротив, в известной мере истолковывалось германской стороной как само собой разумею-

щееся, естественное пожелание двух пострадавших от Версаля держав, вытекает из последующих дипломатических переговоров: первое имплицитное разъяснение этого понятия содержалось в призыве, с которым Риббентроп 3 сентября 1939 г. обратился к Молотову и в котором он попросил разъяснить, «не считает ли Советский Союз необходимым, чтобы русские вооруженные силы в данное время выступили против польской армии в пределах русской *сферы интересов* и со своей стороны овладели этой территорией». Затем следует примечательная фраза: «По нашим представлениям, это не только было бы облегчением для нас (!), *но и* соответствовало бы *духу московских соглашений* и советским интересам». При этом Шуленбургу была дана инструкция «выяснить, можем ли мы обсуждать это дело с приехавшими сейчас сюда к нам офицерами и как вообще Советское правительство мыслит их здешний статус»[161].

Этот язык оговорок и обусловливаний указывает на все еще существовавшую серьезную неуверенность в вопросе о возможном советском коллаборационизме. Таким образом, заранее заданной интерпретации смысла московских соглашений еще не существовало; она давалась немецкой стороной лишь *практически* — по мере военного продвижения Германии — и в очень значительной мере принималась советской стороной. Характерным для этого медленного осознания Москвой подразумеваемого германской стороной понятия «сфера интересов» и всех вытекающих из него политических и военных последствий явился ответ, который Молотов дал германскому послу, настаивавшему на объявлении Советским Союзом — в форме письменного заявления правительства СССР — о вступлении в войну (5 сентября 1939 г.). Никогда прежде Сталина и его ближайших советников не видели в состоянии такой подавленности и беспомощности, как в этот момент. «Мы, — гласил советский ответ, — признаем, что в надлежащий момент непременно должны будем начать конкретные действия. Однако мы считаем, что этот момент еще не наступил. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что излишней спешкой можно лишь повредить делу и содействовать сплочению противников (?)...»[162]

2. В полной мере осознав, что германская сторона призывала, а обстоятельства прямо-таки вынуждали его занять выделенное ему стратегическое предполье, Сталин на втором этапе перешел к неуклонному и последовательному расширению и укреплению своих стратегических позиций внутри признанной за ним сферы интересов. Этому служили начатые 12 октября политические переговоры с Финляндией, которые закончились провалом, и заключение пактов о взаимопомощи с Эстонией (28 сентября), Латвией (5 октября) и Литвой (10 октября), содержавших обязательства названных стран относительно разрешения на размещение советских войск в стратегически важных районах, притязание на которые выдвигалось Советским Союзом уже в ходе военных переговоров с западными миссиями.

3. Лишь на третьем этапе, психологически уже полностью оказавшись в фарватере гитлеровской экспансии, с одной стороны, и находясь под воздействием успехов Гитлера во Франции, взоры которого были

устремлены на Восток, с другой, Сталин изготовился для настоящей военной экспансии. Но только основательное исследование может сказать, что было сильнее: его подстегиваемое германскими успехами стремление идти в ногу с победоносным вермахтом или же (неудачные) планы создания стратегического предполья вдоль собственных границ. Если в пользу второго варианта можно привести веские аргументы, то первый остается в сфере умозрительных предположений.

В Финляндии эта экспансия ему не удалась, а точнее, как показал советско-финляндский договор от весны 1940 г., удалась лишь в очень ограниченной степени. Но зато она оказалась успешной в Прибалтийских государствах и в Бессарабии. 15 июня 1940 г. Красная Армия вступила в Литву, а 17-го — в Эстонию и Латвию, причем здесь — в отличие от экспансии германского вермахта — была соблюдена хотя бы видимость референдума, дабы представить мировой общественности ввод войск как акцию, по своему характеру сугубо демократическую и социалистическую. А 29 июня 1940 г. генерал Жуков, до этого проявивший себя на Дальнем Востоке, в тоге «освободителя молдавских, русских и украинских братьев» вступил в Бессарабию с целью овладения территориями до Дуная и Прута, уступленными Россией в рамках версальской системы.

То, что Сталин этим одновременно создал для своей Красной Армии выдвинутый далеко вперед гласис, призванный обезопасить от ожидаемой германской агрессии, относится к другому разряду фактов и затрагивает вопрос о преимуществах и недостатках экстенсивной (ориентированной на обеспечение территории) и интенсивной (ориентированной на обеспечение границ) концепций безопасности — вопрос, который уже был поднят ранее, но ответ на который здесь не может быть дан.

Однако парадоксальность этого соглашения состояла в том, что оно было дорого Сталину в той мере, в какой он смог пожать неожиданно подвалившие ему плоды. И точно в такой же мере оно казалось Гитлеру подозрительным и тормозящим дело[164]. В том же ускоренном ритме, в каком Сталин на протяжении всего периода овладения отходившими к его сфере интересов территориями вплоть до первых недель июня 1941 г. стал давать все большие и, наконец, до избыточности полные доказательства своей политики умиротворения, у Гитлера нарастали недоверие, раздражение и жажда стать единственным и исключительным обладателем этих огромных «пространств». В этой «любви-ненависти», которой были отмечены их отношения, у Гитлера, росло желание унизить Сталина и выключить его из игры. В итоге стала вырисовываться перспектива пересечения их путей.

Подписание

К моменту подписания пакта Гитлер еще не полностью «обвел» Сталина «вокруг пальца»[165]. Этот последний — несмотря на эйфорию Риббентропа, которая после его возвращения в посольство распростра-

нилась на всю его свиту[166], — оставался трезвым и спокойным. Более того, «хозяин Кремля» стал даже несколько более любезным: он выглядел теперь победителем в этой поначалу столь неравной игре и излучал вновь обретенную — за признанной за ним демаркационной линией — безопасность. Между тем стиль этой встречи по-прежнему оставался явно далеким от характера государственного акта (картина изменилась лишь при заключении договора о границе и дружбе от 28 сентября 1939 г.). Сначала Сталин дал ясно понять, что речь идет, говоря словами Хильгера о браке не «по любви», а «по расчету»[167] — толкование, которое с обнародованием текста пакта о ненападении в «Правде» от 24 августа 1939 г. получило широкое распространение в стране и оставалось в силе на протяжении всего периода его действия. Оно прозвучало уже в опубликованном на страницах «Правды» коммюнике от 24 августа[168] и — что осталось не замеченным многими интерпретаторами — в речи Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР, созванной для ратификации договора 31 августа 1939 г.[169] А после разрыва немецкой стороной германо-советского союза толкование это позволило Сталину дать в драматической речи по радио от 3 июля 1941 г. в определенной мере достоверное разъяснение по поводу заключения пакта 1939 г. и тем самым одновременно восстановить преемственность своей прежней внешнеполитической концепции и концепции союзов[170].

Чисто прагматический характер пакта отчетливее всего проявился в эти ночные и утренние часы 24 августа 1939 г. в том, что советские хозяева даже церемонию подписания договора провели не в подобающем случаю зале и не в присутствии сколько-нибудь широкого круга лиц. Более того, они предложили гостям в течение того времени, пока готовился чистовой экземпляр текста договора, который должен был быть подписан, перекусить прямо тут же в кабинете, в котором велись переговоры[171].

Во время этой импровизированной трапезы Риббентроп — среди прочих льстивых излияний вроде того, что Гитлер нашел Сталина «очень симпатичным», — повторил свою ссылку на выступление Сталина на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., подчеркнув, что это выступление «содержало фразу, которая, хотя Германия в ней и не упоминалась, была воспринята Гитлером в том смысле, что господин Сталин хотел ею намекнуть, что Советское правительство считает возможным или желательным добиться лучших отношений и с Германией». Сталин, который в начале этих переговоров намеренно пропустил мимо ушей первую ссылку Риббентропа на его речь, произнесенную на съезде, теперь, видимо, счел себя обязанным проявить подобающую хозяину вежливость по отношению к гостю и «ответил на это коротким замечанием, которое в передаче переводчика Павлова прозвучало так: "Это как раз и входило в наши намерения"»[172]. Характер этой реплики указывал на то, что теперь, после того как дело сделано, Сталин решил поставить себе в заслугу эту прямо-таки навязанную ему Риббентропом идею, которая в свое время никак не значилась в числе главных его приоритетов.

Молотов в лакейском сверхусердии еще раз подхватил это утверждение Сталина в своем заключительном тосте, приписав своему «вождю» честь авторства идеи: поднимая бокал, он заметил, что «именно Сталин своим мартовским выступлением, которое правильно было понято в Германии, положил начало перелому в политических отношениях»[173]. Сталин был польщен, и Молотов, выступая 31 августа в связи с обсуждением вопроса о ратификации пакта, еще раз намекнул на эту взаимосвязь.

Около двух часов утра оба министра иностранных дел в том же малопривлекательном рабочем кабинете в Кремле подписали датированные предыдущим днем документы. По желанию Риббентропа на церемонию подписания были допущены несколько немецких журналистов и — на правах протоколиста последующей беседы — исполняющий обязанности легационного советника посольства Андор Хенке, хорошо знавший Россию и русский язык. С бокалом русского шампанского в руке Риббентроп, испытывая «чувство упоения от сознания удачного завершения авантюры»[174], начал разговор в духе политического обзора событий, призванного содействовать прояснению намерений сторон. Сталин держал себя подчеркнуто приветливо, но его не покидали трезвость суждений и самообладание, и он — незаметно для предельно самоуверенного Риббентропа — проявил в немногочисленных своих высказываниях достаточно твердую уверенность.

Вопрос о смягчающем германском воздействии на Японию, который, по первоначальным советским представлениям, должен был быть частью протокола, судя по всему, в двух предшествующих раундах переговоров не затрагивался либо же был перенесен на этот неофициальный уровень переговоров. Причина была двоякая: с одной стороны, антикоминтерновский пакт был обесценен договором о ненападении и Советский Союз благодаря секретному дополнительному протоколу рассчитывал на безопасность по крайней мере своей западной границы. С другой стороны, начиная с 20 августа советское контрнаступление протекало успешно. Тем самым японская агрессия теряла свое значение, и Сталин в этом разговоре настойчиво давал понять, что его заинтересованность в германском посредничестве ослабла. Предложенные Риббентропом добрые услуги он назвал полезными, но стремился не допустить, чтобы возникло впечатление, будто соответствующая инициатива исходила от советской стороны. В отношении Японии Сталин применил классическую формулу советского образа действий: выразил пожелание об улучшении отношений, но подчеркнул, что его терпение имеет предел. Выразил он это так: «Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее и готов к конфронтации. Если же Япония желает мира, то тем лучше!»[175] Здесь Сталин — дабы произвести впечатление на Риббентропа — со своего рода «садистским удовлетворением» добавил, что его красноармейцы «переколошматили не меньше 20 тысяч японцев» и что это «единственный язык, который эти азиаты понимают»[176]. Такая форма выражения представляла собой нечто новое. Она призвана была наглядно продемонстрировать прежде всего Германии — союзнице Японии — военную силу и обороноспособ-

ность Советского Союза. По этой причине со стороны Риббентропа не было недостатка и в стереотипных заверениях в том, что антикоминтерновский пакт направлен не против СССР, а исключительно против западных демократий.

Об Англии Сталин говорил «с открытой враждебностью и презрением» (Хильгер), а об английской военной миссии высказывался «пренебрежительно» (Хенке). Здесь еще раз косвенно подтвердилось то, как велики были надежды, которые он связывал с Англией, и насколько сильным оказалось его ожесточение, вызванное английской позицией. Риббентроп с радостью разделил это мнение Сталина, настойчиво подчеркивая военную слабость Англии. Он не забывал при этом подогревать советское недоверие в отношении Англии, перефразируя выступление Сталина на XVIII съезде партии, где говорилось, что Англия хочет «заставить других бороться» ради ее собственного притязания на мировое господство.

В этом месте обмена мнениями произошел характерный эпизод, оставшийся не замеченным германской стороной: Риббентроп, настроенный под воздействием винных паров на благодушный лад, доверительно намекнул на то, что Англия в эти дни предприняла новую попытку зондажа в отношении германских намерений. «Типично английский глупый маневр», — добавил он. В ответ на это Сталин тоном всеведущего ясновидца заметил, что «речь, видимо, идет о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру»[177]. Тем самым он дал Риббентропу понять, что информирован о подноготной британо-германских отношений точнее, детальнее и оперативнее, чем германский министр иностранных дел!

К легковесной недооценке Риббентропом военных возможностей английской и французской армий Сталин отнесся «очень скептически»[178]. По сообщению Хенке, Сталин намекнул, что Англия будет «вести войну умело и настойчиво», а у Франции «по крайней мере крупная армия». Те неубедительные цифры, которые Риббентроп в ответ на это привел в доказательство незначительности английской и французской военной мощи, не произвели на Сталина должного впечатления: его трезвый реализм подсказывал ему другое. Далее Сталин стал обстоятельно расспрашивать о намерениях Италии на Балканах и Германии в Турции. Разъяснения Риббентропа были в первом случае уклончивыми, а во втором — дилетантскими. И здесь Сталин тоже дал понять, что он осведомлен лучше собеседника.

Одобрение Сталина встретили высказывания Риббентропа о том, что немецкий народ приветствует взаимопонимание с Советским Союзом. Сталин сказал, что охотно верит этому: «Немцы хотят мира и поэтому приветствуют установление дружественных отношений между рейхом и Советским Союзом». Затем Сталин, как явствует из записи разговора, сделанной Андором Хенке, «спонтанно» провозгласил тост в честь Гитлера, сказав при этом: «Зная, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, я хотел бы выпить за его здоровье». Эта здравица, произведшая сильнейшее впечатление на немецких гостей, в действительности, если соразмерить ее с обычным русским и особенно кавказ-

ским церемониалом, представляла собой скромный и скупой на слова жест признания по адресу противной стороны[179]. Он не содержал даже видимости выражения личного уважения. Напротив, когда Молотов поднял бокал за здоровье рейхсминистра иностранных дел и посла графа фон Шуленбурга, то этот жест имел конкретный, обогащенный совместным опытом смысл.

Наконец, в конце этой встречи Сталин в виде напутствия со всей отчетливостью изложил Риббентропу свою действительную оценку пакта и всего связанного с ним, заявив при прощании, что «Советский Союз воспринимает пакт очень серьезно» и что он, Сталин, «может под честное слово заверить, что Советский Союз не обманет своего партнера»[180]. Не было случайным и, видимо, не осталось незамеченным то, что гость не ответил хозяину сопоставимым заверением.

Тонкие ноты, звучавшие в высказываниях Сталина, ускользнули от германского министра иностранных дел. Он увидел в Сталине «человека необычного формата. Его трезвая, почти сухая и тем не менее столь меткая манера выражения, его жесткость и в то же время широта мышления при ведении переговоров показывали, что он не зря носил свое имя». В германском посольстве, где по случаю подписания договора было устроено еще одно импровизированное торжество, Риббентроп выглядел сверх всякой меры упоенным в конечном счете все же столь неожиданно большим успехом. По его собственным словам, он «в считанные часы после... прибытия в Москву добился такого взаимопонимания, какое... при отлете из Берлина казалось немыслимым»[181].

Об успешном завершении своей миссии Риббентроп в эти утренние часы 24 августа из Москвы сообщил по телефону в Берхтесгаден Гитлеру. Сообщение это вызвало у фюрера приступ маниакально-патологической исступленности, давшей выход его завоевательскому духу. Он стучал кулаками по стене, вел себя как сумасшедший и кричал: «Теперь весь мир у меня в кармане!»[182] «Теперь мне принадлежит Европа. Азию могут удерживать в своих руках другие!»[183] Своему адъютанту он сказал, что это «произведет эффект разорвавшейся бомбы»[184].

На следующий день вечером — около 19 часов — Гитлер принимал уже в берлинской имперской канцелярии в присутствии Геринга и Вайцзеккера торжествующего министра иностранных дел[185]. Этот последний дал ему понять, что желание Сталина и Молотова добиться прочного и длительного взаимопонимания с Германией «искренне»[186]. Гитлер своими дикими жестами безумца вновь дал выход необузданной радости по поводу успеха этого маневра. По свидетельству руководителя канцелярии министра иностранных дел, Гитлер был убежден, что «свершил величайший подвиг своей жизни, который затмил собой все прежние успехи во внутри- и внешнеполитической областях»[187].

Статс-секретарь фон Вайцзеккер явно уклонился от обязательной по сему случаю эйфории. Его надежда на сохранение «неопределенного состояния» до осени, когда начало любой военной кампании и тем самым большой войны было бы уже невозможно, не сбылась. Он рассчитывал на восточные темпы ведения переговоров и на славянскую крестьянскую хитрость, но ошибся в этом, ибо «не ожидал, что эта преграда на пути

войны так быстро рухнет»[188]. Несколько недель спустя, уже после окончания польской кампании, в ходе которой и его семье пришлось отдать первую кровавую дань за преступное безрассудство его начальников, он еще раз занялся выяснением причин возникновения войны. Ему пришлось признать, что «в русском вопросе» он «несколько разочаровался». «Я рассчитывал, — писал он, — что мы, пожалуй, сможем привлечь русских на свою сторону. Но то, что они так скоро и точно к намеченному сроку нападения на Польшу, так сказать, с сегодня на завтра перейдут на нашу сторону, я считал совершенно невероятным»[189].

Его уволенный в отставку коллега Ульрих фон Хассель увидел в заключении пакта причину наступления «крайнего обострения положения». При всем том, что пакт, по его словам, был воспринят в мире как мастерский тактический ход, одновременно с его заключением, однако, было дано также «доказательство полной аморальности и беспринципности обоих диктаторов». Но вопреки расчетам Гитлера пакт, по мнению Хасселя, показал Англии, «что на карту поставлено все и что дальнейшее падение престижа означало бы для западных держав настоящую катастрофу. Этим объясняется немедленное заключение почти без всяких оговорок союза с Польшей». Авторитет же германской политики, подчеркивает Хассель, с заключением пакта «упал еще ниже», если это вообще было возможно[190].

В то время как в официальном Берлине царило радостное оживление, Москва впала в депрессию. На следующее после подписания пакта утро Сталин, должно быть, полностью осознал всю «драматичность» принятого им решения. По неизвестным нам причинам (а это могла быть секретная информация из германского посольства, возможно полученная через прослушивание бахвальства Риббентропа по поводу удавшейся сделки) он впал в состояние крайней неуверенности, съедаемый сомнениями, не использует ли Гитлер этот договор «как дубинку для выколачивания из Англии и Франции нужных ему уступок»[191].

С позиций германского посольства в Москве визит Риббентропа выглядел «большим решением, которое все... полностью опрокидывает»[192]. И здесь «восприятие... скептическое и озабоченное»[193]. 24 августа посол, вопреки обыкновению, уже очень рано — около 9 часов утра — объявился у себя в офисе. Его ближайшие сотрудники заметили в нем сильное внутреннее возбуждение. Вскоре после своего прибытия в посольство Шуленбург пригласил своего личного референта Херварта, о котором ему было известно, что он поддерживает тесные связи с другими посольствами. Посол со всей откровенностью излил Херварту чувства, во власти которых он оказался в это утро при тягостном пробуждении после ночи, ознаменовавшейся подписанием пакта. Его дипломатической инициативой злоупотребили, пакт о ненападении — инструмент поддержания мира — в результате подписания протокола о разграничении сфер интересов превратился в свою противоположность — в разбойничий союз для войны. Если еще во время переговоров он и питал надежду на то, что таким способом можно предотвратить войну, то откровенное бахвальство Риббентропа после совершенной сделки должно было убедить его в обратном.

Тот факт, что Шуленбург сыграл столь важную роль в подготовке этого пакта, обернулся для него — как понял референт — «трагедией». Согласно воспоминаниям Херварта, Шуленбург сказал ему такие слова: «Я, не жалея сил, трудился ради хороших отношений между Германией и Советским Союзом и в известном смысле достиг этой своей цели. Но вы сами понимаете, что в действительности я не достиг ничего. Этот договор приведет нас ко второй мировой войне и низвергнет Германию в пропасть». Затем посол заговорил о предстоящей войне, в отношении которой он был убежден, что это будет затяжная война.

Сразу после этого разговора — в Москве, по тамошним представлениям было еще сравнительно рано — Херварт, «подавленный и опечаленный»[194], из своего посольского кабинета позвонил американскому другу и коллеге Чарльзу Болену и попросил его, не считаясь ни с какими соображениями безопасности, тотчас же приехать к нему в посольство. В своей рабочей комнате, непосредственно примыкавшей к кабинету посла, Херварт во всех подробностях проинформировал советника американского посольства в Москве о заключении пакта. Он сообщил Болену, что «полное взаимопонимание» обеих сторон зафиксировано в секретном протоколе, который предусматривает разделение восточноевропейских стран (Херварт упомянул все соответствующие страны, за исключением Финляндии) на «сферу жизненных советских интересов» и «германскую гегемонию». Согласно этому секретному протоколу, сказал далее Херварт, Советский Союз в случае территориальных изменений, которые будут предприняты в этом районе Германией, получит «территориальную компенсацию». Кроме того, в «основном документе» каждой из сторон запрещено присоединяться к любой, враждебной другой стороне группировке держав, так что присоединение Советского Союза к англо-французскому альянсу отныне в такой же мере невозможно, как и союз Германии с Японией. Как вспоминал впоследствии Чарльз Болен, Херварт был «крайне угнетен. Пакт произвел на него удручающее впечатление... он отчетливо представлял себе, что это означает войну против Польши»[195].

Болен незамедлительно информировал об этом своего посла. Последний тут же составил текст телеграммы, которую около 12 часов дня - за час до отъезда делегации Риббентропа из Москвы — велел зашифровать и отправить в Вашингтон. В телеграмме Лоуренс Штейнгардт, проинформировав государственного секретаря о сообщениях советских утренних газет относительно пакта о ненападении, далее добавил: «Меня в строго доверительном порядке поставили в известность о том, что минувшей ночью между советским и германским правительствами достигнуто полное «взаимопонимание» по территориальным вопросам в Восточной Европе. Согласно договоренности, Эстония, Латвия, Восточная Польша и Бессарабия признаны сферами жизненных советских интересов... Мой информант добавил, что статья 4, которая запрещает каждой из договаривающихся сторон присоединяться к группировкам третьих держав, направленным против другой стороны, не только не допустит, чтобы Советский Союз принадлежал к какому-либо англо-советскому союзу, но и исключит сверх того любые герма-

но-японские совместные действия... В результате дискуссий по территориальным вопросам, касавшихся стран, расположенных между Германией и Советским Союзом, достигнута, как мне сообщили, секретная договоренность о том, что Советский Союз по желанию может получить компенсацию за те два территориальных изменения, которые Германия, возможно, произведет в этих регионах»[196].

Эта телеграмма американского посла в Москве была получена госсекретарем Корделлом Хэллом в первой половине того же дня. Вскоре после полудня того же 24 августа Хэлл лично встретил на вокзале возвращавшегося из своего турне президента Рузвельта и затем сопровождал его до Белого дома. Как сообщал потом сам Хэлл, в ходе их беседы он в состоянии был рисовать перед Рузвельтом «лишь самые мрачные перспективы», внушая президенту, что «оставшиеся дни мира можно сосчитать по пальцам двух рук». После всестороннего обсуждения ситуации ни госсекретарь, ни президент не смогли решиться на то, чтобы, как вспоминал впоследствии Хэлл, «оказать какой-то нажим на Польшу»[197]. О какой-то совместной — например, с Англией — политической акции в подобном направлении в тот момент еще нечего было и думать. Как сообщал в конце того же дня из Москвы посол Штейнгардт, он попытался обратить внимание на серьезность положения британского посла Сидса, который, как он выяснил, пребывал в полном неведении относительно степени единодушия, достигнутого между Германией и СССР. Намеки Штейнгардта на то, что достигнуто далеко идущее взаимопонимание по существенно важным политическим вопросам, Сидс с благодарностью принял к сведению как выражение «личного мнения» американского посла, не собираясь, судя по всем признакам, делать надлежащие выводы[198].

А в это время на коллегу Штейнгардта и Сидса по дипломатическому корпусу Шуленбурга, который внезапно приобрел огромную популярность в Германии, обрушился целый поток поздравительных телеграмм. В своем узком кругу германский посол комментировал их со скептической усмешкой, заявив: «Многие люди поздравляют меня с этим успехом. Но теперь Гитлер имеет возможность развязать войну, которую мы проиграем»[199]. И еще одно его высказывание по этому поводу: «Меня поздравляют с дипломатическим успехом. Но в действительности этот договор отпустил тормоза, которые могли бы спасти Германию от сползания в пропасть»[200].

С затаенной иронией, порожденной знанием сходности обуревающих оба сближающихся правительства психологических комплексов - специфической комбинации унижения, честолюбия и гигантомании, - Шуленбург писал в частном письме в Берлин: «Визит господина фон Риббентропа напоминал торнадо, ураган! Ровно 24 часа пробыл он здесь; 37 человек привез он с собой, из которых, собственно, лишь каких-то четверо-пятеро что-то делали. Тем не менее эта «избыточность» была оправданна: министр иностранных дел великого Германского рейха не мог явиться сюда на правах «мелкого чиновника»! Но у нас была уйма хлопот с размещением и питанием всех этих людей, на приезд которых мы не рассчитывали. Нам пришлось по телеграфу заказать

продукты в Стокгольме и самолетом доставить их сюда... И вот теперь все мы тут малость, так сказать, «надорвались». Мои шифровальщики около двух недель почти совсем не спали, да и прочим сотрудникам посольства пришлось не легче. Все,однако, понимают, что ради столь большого и важного дела стоило поднапрячься. Но это *одна* сторона дела! К сожалению, имеется... *и другая*... Ты, конечно, знаешь, что партийный съезд не состоится, что я пока ни при каких условиях не смогу побывать в Берлине и что угроза войны сейчас еще сильнее, чем в минувшем году. Дай Бог, чтобы все хорошо складывалось! ...Надежда на мирный исход еще не утеряна, хотя снова должно произойти чудо! Полностью это не исключено! ...Ты не можешь себе представить, какой гигантский перелом произошел здесь за каких-то 48 часов: «злейший враг» вдруг стал добрым другом и, что примечательно, *все* произошло удачно! Ибо никак нельзя убить старое пристрастие русских к немцам!»[201]

Несколькими днями позднее, уже после начала войны, граф Шуленбург писал в частном письме в Берлин: «Итак, произошло самое страшное: началась большая война. Не думал,что мне придется пережить это дважды! Я был твердо уверен в том, что после заключения пакта с Советским Союзом польский вопрос решится мирным путем. Судя по всему, Великобритания не смогла пойти на «второй Мюнхен». Чемберлена растерзали бы, если бы он совершил такое еще раз... Но ситуация тем не менее остается трагичной! Я вообще уже больше не могу... радоваться дипломатическому успеху, достигнутому здесь в Москве. Быть может, это вообще и не было счастьем для Германии! Но теперь все это во власти судьбы»[202].

Групповое фото, сделанное 23 августа 1939 года перед подписанием германо-советского пакта о ненападении. Слева направо: Молотов, Сталин, германский посол в Москве граф фон дер Шуленбург, советник посольства Хенке, рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп.

Подписание пакта народным комиссаром по иностранным делам СССР Молотовым.

Подписание пакта рейхсминистром иностранных дел фон Риббентропом.

После подписания пакта. Рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп (слева) и И.В. Сталин.

Германский посол в Москве граф фон дер Шуленбург (фото из семейного архива).

03

Citissime !

Telegramm (geh.Ch.V.)
Moskau, den 16. August 1939 2.48 Uhr
Ankunft: " 16. " " 4.25 "

Nr. 175 vom 15.8. Auf Telegramm vom 14. Nr. 175 +)

Ganz Geheim!

W ...... g

Geheim!

Randvermerk:
Telegramm Moskau 175 ist heute früh auf Weisung von Herrn VLR Kordt nach Fuschl an H.R A.M.durchgegeben Hübscher 16.8. 6.40 Uhr.

Molotow nahm Inhalt mir aufgetragener Mitteilung mit größtem Interesse entgegen, bezeichnete sie als außerordentlich wichtig und erklärte, daß er seiner Regierung hierüber gleich berichten und mir in Kürze Antwort geben werde. Schon jetzt könne er erklären, daß Sowjetregierung deutsche Absichten nach Verbesserung Beziehungen zu Sowjetunion lebhaft begrüße und angesichts meiner heutigen Mitteilung nunmehr an Aufrichtigkeit dieser Absichten glaube.

Zur Frage der Herreise des Herrn Reichsaußenministers möchte er provisorisch als seine eigene Ansicht zum Ausdruck bringen, daß eine solche Reise einer entsprechenden Vorbereitung bedürfe, damit Meinungsaustausch zu einem Ergebnis führe.

In diesem Zusammenhang interessiere ihn die Frage, wie Deutsche Regierung zu der Idee des Abschlusses eines Nichtangriffspaktes mit der Sowjetunion eingestellt sei, ferner ob Deutsche Regierung bereit sei, auf Japan zwecks Besserung sowjetisch-japanischer Beziehungen und Beseitigung der Grenzkonflikte einzuwirken und ob etwaige gemeinsame Garantierung Baltenstaaten in den Bereich deutscher Erwägungen gehören.

Bezüglich angestrebter Verbreitung Wirtschaftsverkehrs anerkannte Molotow, daß Verhandlungen in Berlin erfolgreich fortschritten und einem günstigen Ende zusteuerten.

Molotow wiederholte, daß, wenn meine heutige Mitteilung Idee Nichtangriffspaktes oder etwas ähnliches einschließt, über diese Frage konkret gesprochen werden müsse, damit im Falle einer Herreise des Herrn Reichsaußenministers es nicht bei einem Meinungsaustausch verbleibt, sondern konkrete Entscheidungen getroffen werden.

Molotow anerkannte zwar, daß Eile geboten, um nicht vor vollendete Tatsachen gestellt zu werden, betonte jedoch, daß entsprechend Vorbereitung von ihm erwähnter Fragen unerläßlich sei.

Eingehende Aufzeichnung über Verlauf Unterredung folgt Donnerstag mit Sonderkurier Flugzeug.

Schulenburg

23920

Телеграмма Шуленбурга в МИД Германии от 16 августа 1939 года (фотокопия).

Telegramm (geh.Ch.V.)
Moskau, den 20. August 1939 0.12 Uhr
Ankunft: " 20. " " 3.15 "

Nr. 190 vom 19.8. Im Anschluß an Telegramm vom 19. Nr. 189.

Citissime !

Der sowjetische Nichtangriffspaktentwurf hat folgenden Wortlaut:

Die Regierung der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken und Deutschland, geleitet von dem Wunsch nach Festigung der Sache des Friedens zwischen den Völkern und ausgehend von den grundlegenden Bestimmungen des Neutralitätsvertrages, der im April 1926 zwischen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken und Deutschland geschlossen wurde, sind zu nachstehender Übereinkumft gelangt.

Ganz Geheim!

Artikel 1. Beide vertragschließenden Teile verpflichten sich, sich gegenseitig irgendeines Gewaltaktes und irgendeiner aggressivem Handlung gegeneinander oder eines Angriffs auf einander, sowohl einzeln als auch gemeinsam mit anderen Mächten zu enthalten.

Artikel 2: Falls einer der vertragschließenden Teile Gegenstand eines Gewaltaktes oder Angriffs seitens einer dritten Macht werden sollte, so wird der andere vertragschließende Teil in keiner wie immer gearteten Form solche Handlungen dieser Macht unterstützen.

Artikel 3: Im Falle der Entstehung von Streitigkeiten oder Konflikten zwischen den vertragschließenden Teilen über diese oder jene Fragen verpflichten sich beide Teile diese Streitigkeiten und Konflikte ausschließlich

23965

ausschließlich auf friedlichem Wege mittels gegenseitiger Konsultation oder erforderlichenfalls mittels Schaffung von entsprechenden Schlichtungskommissionen zu regeln.

Artikel 4: Der gegenwärtige Vertrag wird auf die Dauer von fünf Jahren abgeschlossen mit der Maßgabe, daß, sofern einer der vertragschließenden Teile ihn nicht ein Jahr vor Ablauf der Frist kündigt, die Dauer der Wirksamkeit des Vertrages automatisch für weitere fünf Jahre als verlängert gelten wird.

Artikel 5: Der gegenwärtige Vertrag soll innerhalb einer möglichst kurzen Frist ratifiziert werden, wonach der Pakt in kraft tritt.

Postscriptum: Der gegenwärtige Pakt ist nur bei gleichzeitiger Unterzeichnung eines besonderen Protokolls über die Punkte, an denen die vertragschließenden Teile auf dem Gebiet der auswärtigen Politik interessiert sind, gültig. Das Protokoll bildet einen integrierenden Bestandteil des Paktes.

Schulenburg

ndvermerk:

1. Durchschlag:
   Streng vertraulich
   für Hewel-Berghof
2. Durchschlag:
   Streng vertraulich
   für Brücklmayr-Fuschl
3. Durchschlag:
   St.S.
   in die Wohnung.

Ch.Büro
Ra.20.8. 4.30 Uhr.

23966

Телеграмма Шуленбурга в МИД Германии от 20 августа 1939 года (фотокопия).

Geheimes Zusatzprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffsvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile in streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessenssphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgendem Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den zu den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) gehörenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessenssphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Wilnaer Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung der zum polnischen Staate gehörenden Gebiete werden die Interessenssphären Deutschlands und der UdSSR ungefähr durch die Linie der Flüsse Narew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen und wie dieser Staat abzugrenzen wäre, kann endgültig erst im Laufe der weiteren politischen

Entwickelung geklärt werden.

In jedem Falle werden beide Regierungen diese Frage im Wege einer freundschaftlichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Südostens Europas wird von sowjetischer Seite das Interesse an Bessarabien betont. Von deutscher Seite wird das völlige politische Desinteressement an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.

Moskau, den 23. August 1939.

Für die Deutsche Reichsregierung

In Vollmacht der Regierung UdSSR:

Немецкий текст секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года (фотокопия).

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

- 2 -

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство Германии
И. Риббентроп

Русский текст секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года (фотокопия).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По истечении ровно пятидесяти лет после заключения пакта Гитлера — Сталина советское руководство, возглавляемое Михаилом Горбачевым, поставило вопрос о том, кто несет ответственность за появление этого пакта. То, что это делает Советский Союз — держава-победительница, уже само по себе заслуживает признания и ограничивает критиков в их рамках. Не менее достойна признания и откровенность, сопутствующая обмену мнениями. Изложены самые различные точки зрения, причем наряду с деловым по характеру самоосмыслением наружу выплеснулись и национальные страсти. Не все аргументы, какими бы удивительными и привлекательными они ни показались современнику, могут быть приняты всерьез исследователем. Одна из главных причин столь большого разброса мнений, влекущих за собой и политическую переориентацию далеко идущей значимости, коренится в различном характере тех инициатив, которые привели тогда к заключению пакта.

В заключение попытаемся еще раз очертить и дифференцировать эти инициативы.

1. *Инициатива германской дипломатии, занимавшейся Россией.* Первая инициатива относительно сближения исходила от сотрудников соответствующего отдела в министерстве иностранных дел. Ее стали проявлять непосредственно после подписания Мюнхенского соглашения с целью создания такой внешнеполитической ситуации, которая исключила бы повторение осложнений масштаба судетского кризиса со всеми возможными в подобном случае катастрофическими последствиями. За исходный момент была взята внешнеполитическая изоляция Советского Союза. С учетом этого предлагалось путем ослабления конфронтационного застоя в германо-советских отношениях добиться элементарной мобильности в проведении внешней политики. С помощью неофициальных, полуофициальных и официальных контактов расчищался путь от смягчения напряженности с помощью ослабления идеологической конфронтации через расширение торгово-экономических связей к политическому диалогу. При этом германская дипломатия в России использовала любой повод для того, чтобы путем предельно далеко идущей и даже вообще безосновательной интерпретации высказываний другой стороны увлечь эту последнюю инициативой относительно ведения переговоров.

В качестве цели политического диалога германским дипломатам — специалистам по России виделось создание прочных договорных рамок для будущей внешней политики национал-социалистской Германии

путем возрождения прежних или создания новых германо-советских связей, с помощью которых имелось в виду:

— надежно обуздать стремление Гитлера к войне,

— удовлетворить интересы безопасности СССР и

— закрепить *статус-кво* в Восточной Европе.

Тем самым предполагалось создать в Восточной Европе ситуацию, в условиях которой дальнейшие германские притязания могли бы если не пресекаться, то по крайней мере ослабляться и смягчаться с помощью политических, то есть неизбежно совместных и мирных, средств. Таким путем намеревались по возможности исключить угрозу расширения локальных кризисов, которые, как предполагалось, Гитлер и впредь будет провоцировать, до масштабов вооруженных конфликтов с риском превращения их в большую войну. Целью было предотвращение войны как таковой. Путь к этой цели вел через усиленное вовлечение СССР в международную политику при одновременной активизации участия западных держав в делах Центральной и Восточной Европы.

После того, как в начале апреля 1939 г. стали известны планы Гитлера в отношении Польши, указанная дипломатическая инициатива заметно усилилась. В то время как на МИД теперь возлагалась задача «изоляции Польши», а в рамках этой задачи и дипломатии, занимавшейся Россией, во все большей мере отводилась роль пособницы в осуществлении военных приготовлений Гитлера, последняя в условиях усиливавшегося цейтнота параллельно интенсифицировала также свои неофициальные и полуофициальные усилия. При этом она все больше вступала в коллизию со своими официальными директивами: хотя эти последние и расширяли сферу дозволенных ей действий, на периферии которой могли продолжаться самостоятельные инициативы, но в то же время она должна была осознавать тот факт, что ее хотят использовать всего лишь как инструмент тактического сближения выраженно агрессивной Германии с ослабленным чистками и ориентирующимся на оборонительную стратегию советским государством. Она пыталась избежать этой конфликтной ситуации путем вовлечения обеих сторон в процесс обеспечения подлинной, долгосрочной разрядки и улучшения отношений с целью восстановления надежной договорной основы.

При этом германская дипломатия в России, опиравшаяся на тесное взаимодействие с итальянским посольством в Москве и на нередко поступавшую в ее распоряжение информацию западных посольств, ориентировалась на условия Берлинского договора от 24 апреля 1926 г.: германское посольство в Москве выступало за оживление духа договора о нейтралитете, так как считало, что только при этом условии возможно достижение советского *bona fides* как основы желательного расширения надлежащих германо-советских отношений. Оно призывало имперское правительство достоверно подкрепить идею договора о нейтралитете в классической форме пактов о ненападении времен пакта Бриана — Келлога. При этом мысль устремлялась в направлении пакта о ненападении поначалу

- в форме оживления Берлинского договора о нейтралитете, сопровождаемого заверением, что Германия не преследует никаких враждебных СССР целей, а также германским заявлением о намерениях относительно Польши и декларированием отказа от притязаний в отношении Прибалтийских государств (составленный Шуленбургом каталог мероприятий от 7 июня 1939 г.), а впоследствии в условиях более реалистичной оценки военных намерений Гитлера

- в форме заключения пакта о ненападении между Германией и СССР, сопровождаемого оказанием германского влияния на Японию, предоставлением совместных гарантий Прибалтийским государствам и подписанием экономического соглашения на широкой основе («план Шуленбурга» от конца июня 1939 г.).

Одновременно ответственные сотрудники германского посольства в Москве поставили в известность об этих намерениях и об уже прилагавшихся усилиях Германии в направлении сближения с Советским правительством представителей западных держав; целью их инициативы в отношении западных держав было побудить Англию и Францию к заключению политического, а в дальнейшем и военного оборонительного союза с СССР, который мог бы дополнить и сделать многосторонней возникающую в результате подписания германо-советского пакта о ненападении систему безопасности в Центральной и Восточной Европе и таким путем принудить Гитлера к «мирному образу действий».

Если у Риббентропа и Гитлера эти идеи занимавшихся Россией дипломатов встретили мало понимания, то у Советского правительства, несмотря на постоянное серьезное недоверие его к скрытым подлинным намерениям германской стороны, они смогли — с известной передвижкой фаз — вызвать интерес. Шуленбургу предположительно прежде всего в его беседах с Астаховым (17 июня 1939 г.) и Молотовым (28 июня 1939 г.) удалось пробудить к таким идеям интерес советской стороны намеками на то, что договор о нейтралитете все еще остается в силе, попутно сделанными им в ходе выполнения официальных поручений. Эти намеки, а также тот факт, что имперское правительство было в курсе усилий германского посла, о чем в конце июня было доведено до сведения Советского правительства итальянским министром иностранных дел, положительно воздействовали на советскую готовность к переговорам.

15 августа Молотов недвусмысленно проявил интерес к идее, лежавшей в основе «плана Шуленбурга», и осведомился об отношении германского правительства к вопросу заключения пакта о ненападении. Он выразил готовность Советского правительства начать конкретные переговоры при условии, что и имперское правительство одобрит этот (разработанный Шуленбургом) план. Гитлер незамедлительно дал положительный ответ, с жадностью подхватив это первое и конкретное волеизъявление советской стороны[1]. И когда Шуленбург 17 августа зачитал Молотову письменный ответ, содержавший готовность германского правительства заключить пакт о ненападении сроком на 25 лет, гарантировать нейтралитет Прибалтийских государств и использовать свое влияние на Японию с целью улучшения и укрепления

советско-японских отношений, успех его усилий в Берлине и Москве стал вполне осязаемым. За вручением Молотову во второй половине дня 19 августа страдавшего недостатками германского проекта пакта о ненападении последовала передача в конце того же дня Шуленбургу советского контрпроекта и — поздно вечером — указание Сталина о подписании германо-советского экономического соглашения — первого этапа на пути договорного урегулирования отношений.

Тем самым проявленная дипломатией инициатива, собственно, уже достигла своей цели. Однако с обеих сторон дали себя знать наслоения проблем и осложнений: Гитлер воспользовался инициативой дипломатии в качестве средства для другой цели, а Советское правительство питало недоверие к провозглашенной цели или по крайней мере сознавало ее амбивалентность. Эти обстоятельства — решительное использование указанной дипломатической инициативы в интересах подготовки войны Гитлером и непонимание ее трудной и частично независимой роли Советским правительством — придали ей характер трагического шага глобально-исторической значимости. Трагичность усилий Шуленбурга и его ближайших коллег состояла в том, что в те отмеченные лихорадочностью действий недели и дни, которые предшествовали заключению пакта, они все больше сознавали свою объективно роковую роль, но в то же время в силу самими ими избранных предпосылок не видели никакого иного пути, кроме как еще упорнее стремиться к однажды поставленной себе цели.

Своего рода моментальный снимок этих отчаянных усилий, относящихся предположительно к 17 или 19 августа, оставил в своих воспоминаниях Никита Хрущев, который поведал:

«Вспоминаю, как... Молотов... пришел к Сталину и сообщил, что пригласил к себе Шуленбурга... Шуленбург, как показала история, был активным сторонником... укрепления мирных взаимоотношений между Германией и Советским Союзом. Он был решительным противником войны Германии против Советского Союза... И вот незадолго до 23 августа 1939 г. Молотов вызвал Шуленбурга и отрегулировал с ним определенные вопросы, вытекавшие уже из договора. Так вот, Шуленбург буквально умолял заключить договор, чтобы дело не дошло до войны, именно этот пакт о ненападении и дружбе... И Шуленбург сказал что-то вроде: «Сам бог... нам помог, сам бог помог... Правда, наше отношение к этому было тогда такое, что все это игра. Но потом история показала, что это действительно были искренние настроения и понимание необходимости строить отношения Германии с Советским Союзом на мирной основе, а не на военной...»[2]

Несколько дней спустя дипломатическая инициатива драматическим образом показала свою ошибочность: она уже длительное время перекрывалась инициативой Гитлера, которая, до дна исчерпав все ее возможности, в решающий момент взяла верх.

2. *Инициатива Гитлера.* Инициатива Гитлера оказала решающее воздействие на становление пакта в его окончательном виде. Еще в своих ранних внешнеполитических соображениях Адольф Гитлер считался с возможностью союза с Россией. При этом для него с самого

начала был очевиден чисто тактический характер такого союза: он считал, что союзы заключают только для войны, а союз с Россией — специально для войны против западных держав. После того как «будет покончено» с западными державами, Германии предстояла, по его убеждению, последняя и окончательная конфронтация, конфронтация с тем, что он называл «московитством», — смесью славянства, еврейства и русского государственного централизма. При этом русских, находящихся под властью сталинизма, надлежало вытеснить за Урал, другие славянские народы — сильно сократить количественно, русское еврейство — уничтожить, а европейскую часть России — заселить немцами, превратив в «жизненное пространство» для германской расы. Немецкие исследователи национал-социализма вплоть до деталей проанализировали вытекающие из этих установок планы Гитлера и Гиммлера в отношении Востока и не оставили никаких сомнений в решимости этих людей рано или поздно с помощью соответствующих средств реализовать свои планы.

И сам Гитлер в публичных высказываниях не делал секрета из своих конечных целей. Втайне он обдумывал рассчитанные на долгосрочную перспективу средства ослабления Советского Союза, дабы в подходящий момент иметь возможность без труда покончить с ним. Первый успешный ход в этой «большой игре» был сделан в 1937 г. с помощью аферы, связанной с Тухачевским: одним махом он добился ослабления Советского Союза в военном отношении вплоть до временной небоеспособности, оторвал от него его союзников — Париж и Прагу и надолго подорвал его международную репутацию. Это был первый шаг на пути подготовки к походу в Россию. Первые плоды этой акции Гитлера выразились в парализации усилий по оказанию помощи Чехословакии во время судетского кризиса.

Вторым шагом такого рода явилось исключение СССР из числа держав, участвовавших в переговорах в Мюнхене, и достигнутая таким путем его внешнеполитическая изоляция. В ситуации, когда Советский Союз с помощью секретного дополнительного протокола к антикоминтерновскому пакту (1936 — 1937 гг.) уже был зажат между молотом антибольшевистской ориентации Германии и наковальней военного нажима со стороны Японии, Гитлер — стоило ему лишь захотеть — легко мог повернуть его в состояние далеко идущей неспособности к союзам, ограниченной готовности к обороне и изоляции.

Третьим шагом Гитлера было намерение впрячь Советский Союз в телегу военного союза с рейхом и на какое-то время перевести двусторонние отношения в фазу а-ля Рапалло. Последняя должна была начаться с заключением германо-советского «союза для войны», который позволил бы вермахту покончить с противниками на Западе, прежде чем, гарантировав себе тыл и сырьевую базу, обратиться против самого Советского Союза.

Соглашательство глав западных правительств в Мюнхене укрепило Гитлера, как это можно понять из его выступлений перед военными, в убеждении, что ему не составит труда разделаться с западными де-

ржавами. Тем фоном, на котором началась теперь военно-политическая игра ва-банк, явилось состояние германской экономики, которую он фактически разрушил и мог избавить от полного краха лишь с помощью гигантских военных прибылей. Гитлер хотел, с одной стороны, расширить сырьевую базу германской экономики с помощью приобретений на Востоке (использование ресурсов Румынии и присоединение Украины или хотя бы Польши), а с другой - договорно гарантировать нейтралитет СССР. В этом для него, готового напасть на Польшу и западные державы даже одновременно, состояла не в последнюю очередь оглядка на генералитет: немецкие военные крайне неохотно соглашались на войну, которая в перспективе могла бы оказаться войной на два фронта.

Чтобы добиться этого, Гитлер на протяжении десяти послемюнхенских месяцев использовал любую возможность для обескураживающих и противников, и союзников тактических *volte-face*. Неизменной же стратегической целью его оставалась война. Постоянно имея перед глазами эту свою цель, он в первые три месяца терпел стимулированные различными и частично противоречивыми соображениями усилия германского посольства в Москве и отдела экономической политики МИД по оживлению и расширению советско-германского товарообмена. Его главный интерес в этот промежуток времени был направлен на то, чтобы склонить Польшу к соучастию в аннексии Советской Украины.

На рубеже 1938 — 1939 гг. общая картина начала меняться: становилось очевидным, что Польшу едва ли удастся склонить к участию в антисоветском альянсе, тогда как усилия ориентированных на сотрудничество с Россией кругов по оживлению германо-советской торговли стали приносить первые плоды, ибо растущая потребность Советского Союза в безопасности стимулировала такие формы политики экономического умиротворения, какие пытались внедрить, преследуя различные цели, МИД и другие ведомства (прежде всего ведомство Геринга). Гитлер не замедлил использовать эту новую ситуацию в тактическом плане, сделав 12 января 1939 г. на приеме дипломатического корпуса в новом здании имперской канцелярии театральный жест сближения с Советским правительством. Жест этот — даже независимо от того, что сказанное Гитлером осталось неизвестным, — должен был быть оценен советской стороной как первая инициатива, открыто проявленная фюрером с целью улаживания нараставшего германо-советского конфликта, а такая оценка — перед лицом опасной внешнеполитической изоляции и ограниченной политической и военной дееспособности СССР — не могла с неизбежностью не послужить советской стороне поводом для серьезных размышлений.

Эта рассчитанная на приведение всех и вся в замешательство игра была продолжена 30 января 1939 г., когда Гитлер, выступая с речью в рейхстаге, впервые за все время своего пребывания на посту рейхсканцлера отказался от выпадов против Советского Союза, продолжив тем самым начатую на новогоднем дипломатическом приеме линию демонстративного проявления показной доброжелательности в отношении

Советского правительства. Его целью было в первую очередь запугать Польшу, посеять неуверенность в лагере западных держав и не допустить польско-советского и советско-западного сближения, а во вторую — предварительно прощупать почву для последующей договоренности с Россией. Одновременно отзыв Шнурре показал мировой общественности, что в основе этой линии лежали отнюдь не долгосрочные — стратегические — планы, он был способен предостеречь Советское правительство не только в локальном, но и в общем, принципиальном плане!

После занятия Праги (15 марта 1939 г.) вопрос о союзе с Россией предстал для Гитлера в новом свете. С одной стороны, Польша отпадала как партнер и союзник в борьбе против России и Гитлер принял решение ее ликвидировать, а с другой — Великобритания своей политикой предоставления гарантий создавала ситуацию, делавшую Советское правительство решающей гирей на весах принятия кардинальных решений. Москва таким образом неизбежно становилась решающим фактором в военных планах Гитлера, касавшихся Польши. Собственно политическую инициативу Гитлер проявил 1 апреля 1939 г. на фоне уже ведшейся им разработки плана разгрома Польши. Его речь, произнесенная по случаю спуска на воду «Тирпица», содержала, в сущности, весь характерный для последующих германских усилий в направлении сближения арсенал угроз и приманок, методов внесения раскола и искушения соблазнами. Она явилась первым приглашением Советскому Союзу отвернуться от западных держав и переориентироваться на Германию на основе формального признания рейхом советской внешнеполитической доктрины мирного сосуществования.

Легшая в основу плана «Вайс» директива Гитлера от 3 апреля 1939 г., которая включала распространение предстоявших в Польше военных действий на территорию Прибалтики вплоть до старой Курляндии, а также включение лимитрофов в состав рейха, предусматривала политическую «изоляцию Польши». Путь к этому вел либо через Лондон, либо через Москву. В то время как морально-политическая ценность обещанных Англией Польше гарантий поначалу не подвергалась сомнению, их военная эффективность оставалась по крайней мере неопределенной. В противовес этому с Советским Союзом у Польши был пакт о ненападении от 1932 г., подтвержденный в двустороннем коммюнике от 26 ноября 1938 г., но не было договора о военной помощи, который Польша, как показала сдержанность Бека, проявленная в беседе с Потемкиным (10 мая 1939 г.), и не склонна была заключать. Тем самым логика вещей предписывала германской внешней политике, стремившейся «изолировать Польшу», сначала путь в Москву.

Последовала — можно (предположительно) с точностью до дня назвать в качестве отправной даты 11 апреля 1939 г., когда были утверждены, во-первых, «Директива Верховного командования вермахта» «об обеспечении границ Германского рейха и защиты от внезапных воздушных налетов» и, во-вторых, план «Вайс» — длинная, охватившая период с апреля по середину августа 1939 г. цепь германских попыток зондажа и приглашений к переговорам представителей Советского

правительства. Попытки эти исходили сначала от канцелярии Риббентропа, затем — неоднократно — от статс-секретаря внешнеполитического ведомства Эрнста фон Вайцзеккера, далее от отдела экономической политики МИДа, от германского посла в Москве в рамках официальной миссии и, наконец, лично от рейхсминистра иностранных дел, причем самое позднее с 30 мая 1939 г. прослеживаются недвусмысленные ссылки на Гитлера. Целью этих приглашений к переговорам было в первую очередь не допустить заключения трехстороннего соглашения между СССР, Англией и Францией, гарантировавшего безопасность Польше, а во вторую очередь — обеспечить советский нейтралитет в момент, когда дело дойдет до германского нападения на Польшу.

В первом случае на достижение цели было направлено неоднократное вмешательство Германии в трехсторонние переговоры как раз на критических стадиях последних. Это вмешательство германских государственных инстанций в ход переговоров стало возможным в результате значительной проницаемости информационного треугольника Берлин — Лондон — Москва. Выступая 22 августа перед генералитетом, Гитлер, согласно записям Бёма, заявил, что знает, что западные державы не хотели брать в отношении СССР «никаких позитивных обязательств, и переговоры всякий раз, когда на них вставал какой-то конкретный вопрос, заходили в тупик, поскольку на вопрос не следовал положительный ответ». Гитлер воспользовался этим хорошо известным ему фактом для того, чтобы добиться и другой своей цели. Путем постепенного наращивания количества умело дозированных заманчивых предложений он надеялся пробудить у советской стороны заинтересованность в смене партнеров. Следует добавить, что эти предложения в конечном счете многократно превышали советские пожелания, адресовавшиеся западным державам:

— Так, за первым предложением о заключении пакта о взаимопомощи, которое Советский Союз направил западным державам 16 апреля 1939 г. и которым предусматривалась безотлагательная помощь любой жертве германской агрессии на всем пространстве от Балтийского до Черного моря, немедленно, уже на следующий день, последовало заявление Вайцзеккера полпреду Мерекалову о готовности германской стороны, во-первых, осуществлять свои цели в Польше мирными средствами и в согласии с Москвой, а во-вторых, не воздвигать барьеров на пути экспорта военного снаряжения в СССР, пока Советское правительство будет отказываться от заключения трехстороннего пакта.

— В советском предупредительном сигнале по адресу западных держав, увольнении в отставку Литвинова (3 мая 1939 г.), - сигнале, воспринятом Гитлером как «показатель переориентации в отношении западных держав», - фюрер усмотрел свой шанс.

— На первых порах Гитлер планировал «ответить» на адресованное 14 мая западным державам советское предложение о включении трех Прибалтийских государств - Эстонии, Латвии и Финляндии - в состав совместно гарантируемых лимитрофов германским заявлением об отказе от распространения военных действий на Прибалтику и от ущем-

ления советских интересов в Польше. Но, сразу же признанное «слишком конкретизированным», это заявление уже несколько дней спустя (30 мая) было заменено декларированием готовности имперского правительства пойти на любое улучшение отношений и на любую великодушную дружественную предупредительность.

— Передача Советским правительством первого совместного проекта договора западным державам (2 июня) в тот же день была парирована экономической инициативой, с которой Хильгер обратился к Микояну.

— Вслед за прибытием в Москву Стрэнга (9 июня) и передачей далеко идущего британского проекта пакта (15 июня) последовали заявление Шуленбурга в беседе с Астаховым (17 июня) о максимальной готовности его правительства идти навстречу по всей линии, при этом германский посол благоразумно обошел молчанием указание Риббентропа о постановке далеко идущих вопросов — таких, как «Япония, Польша, германо-советские договоры», а также его зондаж у Молотова (29 июня).

— После того как в первой половине июля Гитлер на какое-то время потерял надежду на то, что будет услышан в Москве, он под влиянием информации о начале военных переговоров в Москве решился на совершенно открытое проявление инициативы относительно установления двусторонних контактов, подходящие рамки для которой предоставила советская готовность к началу экономических переговоров[3]: 24 и 26 июля Советскому правительству был предложен проект сближения в три этапа с целью достижения «общности внешнеполитических интересов». Документ предусматривал согласование интересов двух стран в Польше и Румынии, отказ германской стороны от Финляндии и от части Прибалтики — другими словами, далеко идущее сбалансирование двусторонних интересов «по всей линии от Балтики до Черного моря и Дальнего Востока».

— Перед лицом предстоявшего отъезда западных военных миссий в Москву Риббентроп 30 июля взвешивал возможность в открытую обратиться к советской стороне с предложением о «разделе Польши... и лимитрофов», причем территория севернее широты Риги должна была стать русским «жизненным пространством», а все, что южнее ее — германским.

— После обнародования состава западных военных миссий (1 августа) имперское правительство на высоком официальном уровне (Риббентроп 2 августа, Шуленбург — 3 августа) косвенно информировало Советское правительство о планах Гитлера в отношении Польши, пообещав учитывать советские интересы в Польше, во всем прибалтийском регионе, включая Литву, и на Дальнем Востоке. Наряду с этим, учитывая приближавшуюся польскую кампанию, германский экономический посредник советского представительства в Берлине выдвинул предложение о подписании политического «секретного итогового протокола» к запланированному экономическому соглашению (3 августа) — первый случай выдвижения предложения о включении секретного протокола в германо-советские договоры.

— В день прибытия западных военных миссий в СССР (10 августа) Риббентроп конкретизировал германские представления и в качестве компенсации за советский отказ от трехстороннего соглашения недвусмысленно предложил разделить Польшу между Германией и Советским Союзом.

— В день начала военных переговоров в Москве (11 августа) Риббентроп велел передать Советскому правительству обещание любых гарантий желаемой им безопасности.

— На адресованное западным державам советское требование совместной оккупации стратегически важных портов, полуостровов и островов на финском, эстонском и латвийском побережьях Балтийского моря, прохода советских войск через Литву, Восточную Польшу, Галицию и Румынию и совместного закрытия устья Дуная и блокады Босфора (14 августа) Риббентроп незамедлительно (15 августа) «ответил» направленным Советскому правительству далеко идущим заявлением, в котором заверил его в мирном характере германских намерений и пообещал скорое и полное разрешение любых сколько-нибудь спорных вопросов, которые могли бы возникнуть на всем пространстве от Балтийского до Черного моря. Он вызвался нанести визит в Москву, чтобы в этот «исторический поворотный момент... заложить фундамент окончательного урегулирования германо-советских отношений».

— В то самое время, когда московские военные переговоры в ожидании ответа западных правительств на советские вопросы были прерваны, Риббентроп направил наркоминделу Молотову пакет предложений, предполагавший заключение пакта о ненападении сроком на 25 лет, совместные гарантии Прибалтийским государствам и германское воздействие на Японию. Вслед за этим 19 августа Советскому правительству был вручен германский проект пакта о ненападении, а также было направлено новое заявление Риббентропа о том, что он хотел бы, имея на руках все необходимые полномочия Гитлера, «исчерпывающе и окончательно» отрегулировать в Москве «весь комплекс вопросов». При этом предлагалось «сферы интересов» обеих сторон зафиксировать в «специальном дополнительном протоколе» к пакту о ненападении. Итак, германская сторона предложила включить территориальные вопросы в желанный политический протокол.

— 20 августа, накануне окончательного возобновления военных переговоров, Гитлер лично вмешался в вяло протекавший германо-советский обмен мнениями. Его личная телеграмма «господину Сталину» застала Советское правительство в разгар нового тура безуспешных переговоров с западными военными делегациями. Этой прямой инициативой рейхсканцлер, не считаясь с подготовительными усилиями работавших в России дипломатов, с одной стороны, и ведомством иностранных дел — с другой, пообещал Сталину «переориентировать германскую политику в долгосрочной перспективе». Его личное обязательство сделать «все необходимые выводы» из этого якобы полного поворота германского внешнеполитического курса призвано было устранить последние возражения Сталина, который после такого заве-

рения уже не остался глухим к просьбе фюрера принять 22 или 23 августа его министра иностранных дел для «составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола». Эта инициатива Гитлера сыграла решающую роль в появлении на свет германо-советских договорных документов в их окончательном виде.

— Вопреки неоднократно выражавшемуся Советским правительством желанию заранее получить проект дополнительного протокола в том виде, в каком его хотела видеть германская сторона, до этого дело не дошло. Риббентроп приехал в Москву с несколькими готовыми к подписанию проектами этого документа (23 августа). В основу окончательного варианта были положены военные планы, как их представлял себе Гитлер: «Новый подход к ведению войны соответствует новому начертанию границ. Вал от Ревеля через Люблин, Кашау... до устья Дуная. Остальное получают русские»[4].

Инициатива, проявленная Риббентропом по указанию Гитлера в ходе двух раундов переговоров, состоявшихся во второй половине дня и вечером 23 августа, имела целью при всех условиях окончательно свести на нет шансы на заключение какого бы то ни было трехстороннего союза и договорно гарантировать пассивное отношение Советского Союза к ожидаемым событиям в Польше. Гитлер уполномочил Риббентропа «делать любые предложения и принимать любое требование». Вот почему предложения германской стороны в территориальном отношении охватывали пространство от Ледовитого океана до Проливов и Центральной Турции, а в политическом плане фактически включали — наряду с далеко идущими германскими заявлениями о ненападении по адресу Советского Союза и об отказе от притязаний по отношению к примыкающим к нему государствам и территориям — фактическое аннулирование антикоминтерновского пакта. Тем самым Гитлер не только пошел навстречу всем (сформулированным на переговорах трех держав) советским требованиям и интересам, но и превысил их по всем направлениям, а заодно также включил в каталог своих предложений и те (открыто не высказанные) пожелания Советского правительства, которые вытекали из характерной для него повышенной потребности в безопасности и из приписываемой ему жажды пересмотра границ и экспансии.

В визите Риббентропа нашли свое отражение все особенности носившей тактический характер инициативы Гитлера. Ее составными частями на этой стадии были:

1) особая тактика ослепления и подавления партнера (способ навязывания визита, размер делегации, образ действий самого Риббентропа, применение такого психологического средства, как подхлестываемое бесконечным цейтнотом изнурение);

2) раздача ложных обещаний (например, обещание по возможности мирного разрешения польского вопроса);

3) введение в заблуждение с помощью заведомой лжи (утверждение, что польская кампания — дело еще не решенное);

4) выдвижение на первый план не до конца проясненных понятий («сфера интересов») и

5) недостаточное разъяснение своих собственных целей.

Так германская сторона добилась приукрашивания своих ближайших целей и камуфлирования более отдаленных намерений, что позволяло в случае недостаточного консенсуса обмануть Советское правительство, а возможные серьезные возражения нейтрализовать на худой конец смягчающими оговорками и уловками.

С гарантированием одобрения советской стороной германской схемы путем подписания пакта о ненападении (заявление об отказе от применения силы, обещание отказа от вступления в союзы с третьими странами и соблюдение принципа обязательности консультаций) наряду с секретным дополнительным протоколом (разграничение «сфер интересов» путем взаимного признания демаркационной линии) инициатива Гитлера достигла своей цели. Тем самым был «выбит из рук западных держав этот инструмент [помощь России]» и открывалась возможность «нанести удар в сердце Польши»[5].

Достигнутая цель — провозглашенная незаинтересованность СССР в западной половине Польши, Литве и Румынии (за исключением Бессарабии) — представляла собой только *один* возможный вариант в агрессивных планах Гитлера. На поздней стадии и Великобритания тоже принималась в расчет в качестве партнера по переговорам, целью которых было достижение политической изоляции Польши. Соответствующие секретные переговоры складывались, по свидетельству посла Дирксена, относящемуся к середине августа, отнюдь не плохо. Британские обязательства в отношении Польши вообще были слабыми, а в отношении Данцига и так называемого коридора полностью отсутствовали. Если бы военные не пообещали Гитлеру завершить польскую кампанию в считанные недели, то фюрер — как явствовало из его выступления перед главнокомандующими 22 августа — «временно объединился бы не с Россией, а с Англией». Не случайно в момент отлета Риббентропа в Москву Советское правительство получило информацию о том, что одновременно на том же берлинском аэродроме стоял со включенными двигателями британский самолет, ожидавший приказа Геринга на отлет в Англию![6]

Гитлер выбрал путь, ведущий в Москву, предпочтя соглашение с СССР согласованию интересов с Великобританией: наряду с более весомым выигрышем это сулило ему — не в последнюю очередь благодаря общеизвестной педантичной советской верности принятым обязательствам — больший объем политических и экономических гарантий. Соображение о возможности блокады он в том же выступлении перед главнокомандующими с легкостью парировал заявлением: «Против этого у нас есть автаркия и русское сырье»[7]. Кроме того, он в этом случае одним ударом убивал сразу «двух зайцев» — Польшу и Францию, — что при варианте «согласования интересов» с Англией было бы невозможно.

Сверх того теперь задним числом едва ли можно сомневаться в том, что Гитлер даже без «русского пакта» и без сделки с Англией рано или поздно, тем или иным образом, в том числе ценой войны на два фронта и превращения ее во всеобщую войну, все-таки осуществил бы свои пла-

ны в отношении Польши. Наряду с маниакальной жаждой завоеваний его подталкивали к этому уже хотя бы экономическая мизерабельность, в которую он вверг Германию, и вытекающая отсюда потребность продемонстрировать своим приверженцам весомые «успехи». Даже если предположить, что свою решимость пойти на всеобщую войну, о чем он дал понять 11 августа 1939 г. верховному комиссару Лиги наций в Данциге Карлу Буркхардту, он демонстрировал ради запугивания западных держав[8], все равно его выступления перед главнокомандующими (23 мая и 22 августа 1939 г.) были в этом плане весьма показательными.

3. *Позиция Сталина.* Остается выяснить вопрос о позиции Сталина в этой «игре за русскую благосклонность». Сначала два предварительных замечания:

— Внешняя политика Советского правительства в период от Мюнхена до подписания московского пакта должна рассматриваться на фоне агрессивной экспансионистской политики «третьего рейха». Вырвать ее из этого «генетического» контекста означало бы заведомо не справиться с ее освещением. Хотя в ведущейся ныне в Советском Союзе полемике об эре сталинизма вообще во главу угла ставятся преступления, совершенные Сталиным по отношению к советскому обществу, нельзя при оценке определенных его мероприятий и решений игнорировать также контрастный внешний фон. Справедливо это утверждение *a fortiori*, в частности, по отношению к решениям в сфере внешней политики: внешняя политика Сталина во времена национал-социализма в Германии не может рассматриваться в отрыве от факта огромного нарастания мощи Гитлера в Центральной Европе и от его захватнических планов в Восточной Европе, простиравшихся вплоть до Урала. Уместно напомнить, что проистекавшая из этих планов реальная угроза нависла дамокловым мечом не только над советской системой (сталинского образца), но и над русским государством как таковым и над всеми жившими под советской звездой нерусскими народами с их традиционными ценностями, подрывая само физическое и нравственное их существование. Выведение этой угрозы задним числом за рамки рассмотрения означало бы шаг в сторону изолированного подхода к фактологии, неисторического метода ее рассмотрения, неадекватного сложной и многообразной реальности.

Напротив, сравнительный, «генетический» метод рассмотрения распознаёт в важных внешнеполитических мероприятиях Советского правительства при Сталине рефлекторную трансформацию увиденной реальной опасности в защитное мышление и планирование сохранения государственной и личной власти. Поэтому необходимо, на мой взгляд, избегать опрометчивого принципиального отождествления методов внутренней и внешней политики Сталина[9], как бы к этому ни побуждали иные его действия в период становления и функционирования пакта о ненападении. Подобное отождествление в содержательном плане должно было бы предполагать всеобъемлющее знание внутренних побудительных мотивов и механизмов принятия внутри- и внешнеполи-

тических решений, которым историческая наука уже по причине все еще остающихся частично недоступными необходимых документальных материалов едва ли может располагать. В методологическом плане и западная историография не исходит из безусловной взаимозависимости внешне-и внутриполитических процессов. По этой причине пока что можно лишь с серьезными оговорками настаивать на аксиоматичности органичной взаимосвязи между внутренней и внешней политикой Сталина, как это стали утверждать в последнее время[10]. Если же попытаться заняться этим вопросом систематически и всесторонне, то следовало бы в интересах более адекватной интерпретации советской истории поставить его и наоборот, а именно: не создал ли — отнюдь не необоснованный (по крайней мере психологически) — страх Сталина перед войной империалистических держав против Советского государства вообще (как продолжение интервенционистских войн) и перед захватнической войной со стороны Германии в частности особую сеть взаимозависимостей для его внутренней политики и, как следствие, не кондиционировал ли этот страх его репрессивную систему?

— Ведь если в условиях тогдашней международной ситуации был отнюдь не небезосновательным страх Сталина перед внешним нападением, то и его озабоченность внутриполитической безопасностью Советского государства тоже была не необоснованной: в случае нападения на СССР наряду с существованием Советского Союза и сохранением советской власти как таковой на карту была бы поставлена и личная власть Сталина, а вдобавок под угрозой оказалось бы и существование многонационального российского государства в его сохранившихся после окончания первой мировой войны границах. Столкнувшись с этим, историк оказывается в двойственной положении. Если он в принципе признаёт за политиком право выбора средств, которые способны обеспечить это сохранение даже в самом сложном положении ценой минимальных жертв, то он обнаружит в шагах Сталина определенную логику. Если же он, напротив, убежден, что этот человек и группа его соратников не имели никакого права руководить страной, и что советское государство в этой форме не имело никакого права на существование, то он будет склоняться к тому, чтобы поставить под сомнение моральные мотивы и политическую ценность любого правительственного мероприятия, направленного на обеспечение существования этого государства. Многочисленные западные, а также — с недавних пор — русские, прибалтийские, польские и другие интерпретаторы образа действий Советского правительства в описываемой ситуации исходят — сознательно или неосознанно — из этой позиции: они критикуют действия Советского правительства летом 1939 г., в действительности ориентируясь при этом не в последнюю очередь на послевоенные реальности.

Западной историографии, придерживающейся подобного подхода, хотелось бы посоветовать максимально серьезно пересмотреть свои собственные предпосылки: если уж она не в состоянии солидаризироваться с насущно необходимым «генетическим» объяснением определенных - в немалой степени исходивших с немецкой земли — процессов и событий,

то по крайней мере должно было бы заставить ее задуматься то увеличение мощи и престижа, которого СССР добился в результате ошибочных расчетов правителей германского деспотического государства. Если воля относительно слабой России 1939 г. к выживанию не находит никакого резонанса, то успех сильной России 1945 г. должен был бы побудить к размышлению, а не — как это имело место — к запугиванию угрозой! Такой подход более понятен, когда его придерживаются восточноевропейские историки — например, историки, представляющие прибалтийские народы, — в свете реальностей военной и послевоенной истории этих народов. Однако и здесь недостает определенной внутренней ясности и полной готовности отдать себе отчет в собственных побудительных мотивах, а иногда также открытости вовне и последней — конечно, политической — откровенности и прямоты.

Если в предыдущих рассуждениях в центр политических оценок тех процессов и событий, которые привели к заключению пакта Гитлера — Сталина, было поставлено германское посольство в Москве, то сделано это не без причины: его дальновидный политический прагматизм поднял его над тогда еще не просматривавшимся достаточно четко сочетанием конфронтаций, враждебных поляризаций и подозрений. В противоположность воззрениям национал-социалистского руководства да и открытым или завуалированным пожеланиям жаждавших ревизии сложившихся реальностей политиков других государств оно по ряду причин, в том числе — не в последнюю очередь — по причине глубокого уважения к народам Советского Союза, исходило из реальностей Советского государства, даже отмеченного печатью сталинского централизма. Поэтому оно находило мало промахов в образе действий Советского правительства вплоть до самого заключения пакта. Если и историография готова к этому, то она тоже найдет поведение Советского правительства в период от Мюнхена до заключения московского пакта — образ действий, измеренный по собственным предпосылкам этого правительства[11], — до известной степени понятным и приемлемым.

Сталин был серьезно встревожен приходом Гитлера к власти. Уже в том самом году он прервал военное сотрудничество. Год спустя, когда в результате подписания германо-польского пакта о ненападении (26 января 1934 г.) существовавшее до тех пор в Восточной Европе равновесие сил оказалось нарушенным, он попытался сначала побудить Германию к отказу от притязаний на Прибалтику, а затем увлечь группу причастных государств идеей договорного закрепления безопасности этого региона. Попытка не увенчалась успехом. Советская внешняя политика сделала из этого «необходимые выводы» и в 1935 г. полностью переориентировалась на союз с западными державами, предполагавший также вовлечение эвентуальных «буферных государств».

Германо-советские отношения были и остались глубоко замороженными. Кроме известных дипломатических демаршей 1934 г., никаких других советских прощупываний готовности германской стороны к переговорам историками не отмечено. Утверждение о якобы испытывавшемся Сталиным расположении к Гитлеру даже в кульминационные моменты германо-советской конфронтации 1935 — 1939 гг. было и

остается мифом. И даже если бы в его основе и лежало некое достоверное ядро (на это могли бы указывать слова восхищения, употребленные Сталиным в кругу своих товарищей для характеристики «молодца» Гитлера[12]), то все равно оно ограничивалось бы тайным, негласным расположением, — в практике внешнеполитической деятельности, которая в реальной действительности должна стимулироваться какими-то иными побудительными мотивами, а отнюдь не мотивом эвентуальной личной любви-ненависти, оно вплоть до заключения пакта и — при критическом рассмотрении — даже в период действия пакта не находило никакого отражения.

В течение 1936 — 1938 гг. Советское правительство, как и правительства Франции и Великобритании, с растущей озабоченностью следило за ростом мощи национал-социалистской Германии. От этих международно-политических перемен неотделим был и «большой террор». Он призван был создать свободное от конфликтов, гомогенизированное общество, которое в критические моменты, демонстрируя монолитную сплоченность, выполняло бы волю единого «вождя». В отличие от параллельных унификационных процессов, которые стимулировались Гитлером в Германии и в конечном счете работали на его планы завоевания мирового господства, мероприятия Сталина могли проводиться преимущественно лишь под углом зрения превентивных и оборонительных мотивов.

Под воздействием отрезвляющего опыта, связанного с неудержимым продвижением германского вермахта на восток (аншлюс Австрии) и с незначительной эффективностью созданного в Европе союзного противовеса (судетский кризис), главная забота Сталина переключилась на Украину и Прибалтику. Поведение Франции и Англии на Мюнхенской конференции, а также последующий образ действий этих стран в их двусторонних отношениях с Германией добавили Советскому правительству и его дипломатии массу новых тяжелейших разочарований, усугубивших антиимпериалистическую подозрительность советской стороны. Одновременно крайне сузилась внешнеполитическая дееспособность Советского Союза: исключенное, невзирая на свою принадлежность к западной союзной системе, из сообщества способных вести переговоры наций и загнанное в ситуацию международной изоляции, Советское правительство к началу октября 1938 г., когда явно нарастала угроза войны, имело в своем распоряжении лишь весьма ограниченный выбор возможных внешнеполитических шагов. Таковыми могли быть:

1) продолжение усилий ради возведения — совместно с западными державами — здания коллективной безопасности с использованием возможностей Лиги Наций, несмотря на имевшийся в обоих случаях отрицательный опыт;

2) ориентация на самоизоляцию, а также на одностороннее усиление своих собственных рычагов воздействия и на самостоятельное проведение мер на случай войны;

3) проведение политики союзов с лимитрофами;

4) путь договоренностей с противником.

Все четыре варианта решений к этому времени были уже либо недостаточны для эффективной оборонительной политики, либо в значительной мере обесценены. В то время как первый вариант по причине остававшихся в силе предпосылок британской политики умиротворения был трудно реализуем в тот конкретный момент и потому если и сулил необходимую безопасность, то лишь в отдаленной перспективе, три других по различным причинам представлялись временными решениями: второй — уже по причине двойного бремени, порожденного активностью Японии и перспективой войны на два фронта под знаком антикоминтерновского пакта, — был осуществим лишь в ограниченных пределах. Третий в краткосрочной перспективе разбивался о сопротивление большинства стран, которые могли здесь иметься в виду. Наконец, четвертый казался Советскому правительству в значительной мере ошибочным не только по идеологическим и политическим соображениям, оно отдавало себе отчет в том, что противник пойдет на подобную договоренность лишь по тактическим соображениям краткосрочного характера. Следовательно, подобная договоренность могла «пройти» только при условии разрыва всех прочих международно-политических нитей. Неудовлетворительность этих вариантов делала Советский Союз в условиях изоляции в высокой степени уязвимым — факт, который не мог не подтолкнуть Сталина и его действующие органы внутри страны и за ее пределами к максимальной бдительности и гибкости при переориентации на новые пути.

В первые месяцы этого трудного с точки зрения выбора международно-политических ориентиров времени (октябрь 1938 — январь 1939 г.) Сталин полагался исключительно на усиление собственных рычагов воздействия, которое сделало необходимым определенное экономическое умиротворение. Постепенное ослабление его озабоченности относительно Украины и относительно германо-польского антисоветского военного союза явилось для него первой передышкой. К тому же Гитлер впервые стал проявлять по отношению к нему корректность (12 и 30 января 1939 г.). Действительно ли данный сигнал был воспринят Сталиным с величайшим вниманием, пока что не поддается документальному подтверждению. Пожалуй, это вполне могло бы быть реальностью, так как Сталин просто обязан был внимательнейшим образом реагировать на любую пробивающуюся извне инициативу.

Реальное исключение планов, касавшихся Украины, из числа ближайших целей «третьего рейха», которое позднее, при занятии так называемой «остаточной Чехии» (15 марта 1939 г.), нашло также свое военно-политическое подтверждение, впервые предоставило Сталину внешнеполитическую свободу действий, одновременно подкрепленную знанием экспансионистских ближайших целей Гитлера в Западной Европе. Между тем уверенность в себе, продемонстрированная им при открытии XVIII съезда партии, основывалась отчасти на первом ложном выводе, к которому он пришел под воздействием поведения Гитлера и который состоял в очевидной переоценке угроз, проистекавших из «поджигательских» намерений западных держав, по сравнению с угрозами, таившимися в долгосрочных планах Гитлера. Так, сарка-

стическим замечанием о нежелании впрягаться в телегу британских военных приготовлений Сталин психологически, правда, прорвал кольцо «империалистического окружения», но в политическом плане он этим подбросил германо-итальянской дипломатии козырь, которому впоследствии суждено было оказаться разыгранным против него самого. Хотел ли он этим — в духе своего четвертого варианта решения — продемонстрировать определенную открытость в отношении намеков Германии на готовность к дальнейшему сближению, из-за отсутствия хотя бы каких-то косвенных указаний, не говоря уж об убедительных документальных свидетельствах, остается открытым вопросом. Уверенность, с которой журналисты и историки пишут об этом заявлении Сталина относительно «нежелания таскать каштаны из огня» как об адресованном Германии приглашении, в любом случае ошибочна, а свидетельства, приводимые в подкрепление, включая замечания Молотова и самого Сталина, сделанные в ночь подписания пакта, никак не убедительны: тот факт, что кто-то разоблачает коварство неверных союзников, не означает, что он вешается на шею общему их врагу. Понадобилась крайняя степень заинтересованности с германской стороны, чтобы выудить из его замечаний подобную возможность. На эту возможность делала ставку, руководствуясь национальными интересами Германии, дипломатия, занимавшаяся Россией, тогда как Гитлер — и это весьма характерно — ею не воспользовался. Здесь у него сработал, пожалуй, верный инстинкт. Ведь даже если бы Сталин соответствующими пассажами из своего выступления на съезде и продемонстрировал определенную внешнеполитическую открытость, в том числе и в отношении Германии, то оставался бы еще не выясненным вопрос о том, зачем ему это нужно было делать. Если он не отказался от намерения усадить западные державы за стол переговоров, то было бы с его стороны целесообразным продемонстрировать перед ними свою независимость, которая включала бы определенную открытость и по отношению к Германии. Тогда его речь была бы недвусмысленным предупреждением в адрес западных держав. Нет оснований предполагать, что Сталин к этому моменту уже решился на переориентацию своих устремлений на союз с центральноевропейскими державами.

Западная реакция на германскую оккупацию Чехословакии, включая британскую гарантию Польше, молниеносно увеличила вес Советского Союза: в первый раз западные державы вынуждены были апеллировать к нему. Это само по себе еще не означало роста безопасности — от одних лишь переговоров Сталин не ожидал (и здесь он, несомненно, был большим реалистом по сравнению с его британскими партнерами) никакого устрашающего воздействия на Гитлера, тем более что с первой половины апреля 1939 г. уже существовали конкретные военные планы. При всем этом, однако, менялась возможная последовательность вариантов действий, имевшихся в распоряжении Сталина. Он с новой надеждой на успех стал уповать теперь на союз с западными державами (первый вариант). И это представлялось тем более необходимым, что изолированное усиление собственных рычагов воздействия (второй вариант) из-за (временного) прекращения импор-

та оружия из Чехословакии и приостановления торговли с Германией, с одной стороны, и возникновения военных действий с Японией (11 мая 1939 г.) — с другой, отнюдь не сулило достаточной безопасности. Наряду с этим Советское правительство интенсифицировало свои усилия в направлении заключения соответствующих союзов с соседними странами (третий вариант): оно сделало по адресу Эстонии и Латвии заявления о (непрошеных) гарантиях (28 марта 1939 г.) и отправило Потемкина в ознакомительное турне, включавшее страны Малой Антанты, Турцию и Польшу. В Варшаве выдвинутое им предложение о заключении советско-польского пакта о взаимопомощи было отвергнуто (10 мая 1939 г.). Тем самым советская концепция безопасности, основанная на третьем варианте, разбилась о непреклонную позицию самого важного из принимаемых в расчет соседних государств. Сталин, надо полагать, пришел к выводу, что в случае войны Польше невозможно будет оказать эффективную военную помощь. Одновременно на основании германских заявлений (Клейст, Вайцзеккер) он мог заключить, что германские цели в Польше ограничены и на прилегающие к СССР польские территории не распространяются.

По этим причинам он в дальнейшем сосредоточил свой главный интерес на Прибалтийских государствах и Финляндии. Советская заинтересованность в прилегающих к Балтийскому морю районах была обусловлена уязвимым положением Ленинграда, второй столицы Союза, и опиралась — не в последнюю очередь по причине ограниченности территории — на стратегию выдвинутой вперед обороны. Считая в предначертанной планом «Вайс» ситуации эту стратегию неотъемлемой, Советское правительство пыталось закрепить ее путем внедрения понятия «косвенная агрессия» на переговорах о трехстороннем пакте, проявления инициативы о заключении военной конвенции, а также выдвижения требований, касавшихся права на проход своих войск и временного занятия опорных пунктов на Балтике. Западные державы не признали эту стратегическую концепцию оправданной. В результате трехсторонние переговоры как в политической, так и в военной своей части оказались обремененными диспропорциональностью в оценке соотношения «цель — средство» и потерпели неудачу формально из-за недостаточного сближения позиций.

В 1989 г. советский министр обороны Язов со всей определенностью объявил стратегию выдвинутой вперед обороны устаревшей и недействительной. Сегодня задним числом напрашивается вопрос: а не затруднила ли она тогда без нужды и без того трудные переговоры? Если уж в ходе нынешней исторической дискуссии в Советском Союзе много внимания уделяется проблеме альтернатив пакту Гитлера — Сталина, то, пожалуй, уместно было бы подвергнуть весь этот комплекс углубленному изучению и задаться рядом дополнительных серьезных вопросов. Например: не одержала ли верх и в затронутом отношении со смертью в 1925 г. Фрунзе (ответственность за которую несет также Сталин) и с последующим приходом к руководству армией Ворошилова, а также в результате устранения в 1937 г. Тухачевского одномерность военного планирования, если не определенный дилетантизм, больше соответст-

вовавшие примитивному пространственному мышлению Сталина и заведшие советскую сторону на переговорах лета 1939 г. в тупик? И разве сегодня, после того как — благодаря ядерному защитному зонтику — стал возможным отказ от стратегии выдвинутой вперед обороны конвенциональными средствами, вопрос о безопасности для прибалтийского региона нельзя было бы совершенно иначе ставить и совершенно иначе на него отвечать?

Но все эти соображения, так сказать, вдогонку. В тогдашней ситуации даже серьезные наблюдатели (не только Надольный, Кёстринг, но и Ллойд Джордж, Черчилль и др.) были едины в понимании, а то и в оправдании логики, определявшей советскую позицию. Главы западных правительств отказывали этой советской позиции в признании. Правительства затронутых стран (Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, в меньшей степени Румынии) уклонялись от солидаризации с ней, ища счастливого выхода в других решениях. То, что они в процессе своих все более отчаянных поисков безопасности частично склонялись на сторону Германии, было известно Сталину так же хорошо, как и всем другим. Факт этот должны по справедливости признать и нынешние историки соответствующих стран, с интеллектуальным достоинством подвергнув анализу сопутствовавшие побудительные мотивы, пусть даже при этом придется признать имевшее тогда место проявление национальной близорукости, шовинизма и всевозможных фобий. Только при таком условии может быть исследована и постигнута во всем своем сложном многообразии та трагическая ситуация, в которой остальная Европа противостояла летом 1939 г. бряцавшему оружием германскому экспансионизму.

Многое говорит за то, что при тех определявших советское политическое и стратегическое мышление предпосылках, которые сложились в середине августа 1939 г. — за 11 дней до германского нападения на Польшу — количество остававшихся у Советского правительства вариантов решения сократилось с первоначальных четырех до одного: после того как Ворошилов тщетно выдвинул «кардинальный вопрос» (14 августа 1939 г.), в распоряжении советской стороны осталась лишь одна возможность — схватить за рога разъяренного быка.

До этого момента, то есть до 15 августа , заведомой готовности советских представителей на переговорах с западными миссиями идти на немецкие предложения не отмечалось. Ситуация, сложившаяся до тех пор на переговорах, определялась вводившей германскую сторону в заблуждение односторонностью. О каком-то раздвоении и тем более какой-то «двойной игре» Советского правительства до этого момента, насколько было известно германским партнерам по переговорам, не могло быть речи: хотя Советское правительство в течение лета 1939 г. и выражало неоднократно свое неудовольствие западной тактикой затяжек и указывало западным партнерам по переговорам на стоящую перед ними дилемму, все же в диалоге с германской стороной оно недвусмысленно отказывалось принимать участие в подобной игре, следя за тем, чтобы не возникло впечатление, что оно противопоставляет одну заинтересованную сторону другой. Да и сделанное Молото-

вым в беседе с Шуленбургом 20 мая заявление о том, что Советское правительство пришло к заключению, что «для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база», могло представлять собой прежде всего *statement of principle*, выражая при этом желание расчистить в данной ситуации путь для укрепления отношений с Германией и вместе с тем ограничить политические и военные планы Гитлера в Восточной Европе. Этот *statement* содержал также призыв к уточнению предыдущих немецких предложений. Ведь 31 мая Молотов официально возвестил о возобновлении экономических переговоров с Италией и Германией, хотя политическая база попрежнему отсутствовала.

Все же эти высказывания Молотова, как и заинтересованность, проявляемая Астаховым, придают определенную достоверность освещенному выше третьему тезису, согласно которому Сталин и Гитлер, питающие глубочайшее обоюдное недоверие, робко, на ощупь продвигались навстречу друг другу. Существовавшая между ними дистанция была результатом меньше всего неуверенности и страха перед возможностью получить отказ в сложившейся исходной ситуации, но гораздо больше — различий в поставленных ими целях: Сталин стремился к безопасности, обеспеченной договором о ненападении и гарантиях, а в данном случае и о нейтралитете, Гитлеру же безоговорочный нейтралитет СССР в рамках договора был нужен для того, чтобы превратить его в наступательный союз.

Новая ситуация возникла в последней декаде июля 1939 г.: трехсторонние переговоры застопорились, и Англия по всем признакам переориентировалась на переговоры о примирении с Германией. Тем самым первый вариант реально стал утрачивать свое значение. На монголо-маньчжурском фронте советско-японские стычки разрастались до масштабов настоящей войны. Англия, как казалось, подогревала конфликт, пообещав Японии поддержку в соглашении Ариты — Крейги. В этих условиях не только подрывался в своем значении второй вариант, но и рождалось подозрение в существовании германо-британо-японской общности интересов против СССР. Вдобавок Германия сильнее привязала к себе некоторые лимитрофы (пакты о ненападении с Эстонией и Латвией, подписанные 7 июня, вояжи Гальдера и Канариса в Эстонию и Финляндию) и предприняла шаги в направлении ослабления влияния Англии на другие соседние с Советским Союзом государства (Польшу и Румынию) с целью подтолкнуть их к неприятию эвентуальных советских пожеланий или требований, а это грозило окончательным выпадением третьего варианта.

В этой ситуации Сталин объявлением о начале экономических переговоров в Берлине (22 июля 1939 г.) еще раз обнажил стоявшую перед ним дилемму: если Англия и лимитрофы не изменят своей позиции, то он был теперь просто обязан подумать о решительном улучшении отношений с Германией. Тем не менее примечательно, что до 15 августа нельзя было обнаружить никаких признаков обращения Советского правительства к существу германских предложений: Сталин хотел повременить с военными переговорами, чтобы окончательно определить-

ся со своими вариантами решения. Поэтому хотя 29 июля он — в порыве раздражения по поводу заявлений в английской палате общин относительно советских посягательств на Прибалтийские государства и перед лицом неоднократных попыток Германии перевести переговоры на рельсы поэтапного политического сближения — и дал Астахову (насколько известно) впервые позитивную директиву, однако эта последняя в тех конкретных условиях выглядела поразительно формальной и в текстуальном отношении не отклонялась от прежних принципов советской политики мирного сосуществования. Поэтапное сближение, говорилось в ней, в принципе возможно, поскольку Советское правительство приветствует «всякое улучшение политических отношений между двумя странами». Однако, говорилось далее в директиве, применительно к Германии, относительно миролюбия которой до сих пор существовали сомнения, должны действовать условия, чтобы она изменила свою позицию не только на словах, но и на деле и чтобы она также со своей стороны выдвинула надлежащие предложения.

Эти условия — после того как с германской стороны уже был предъявлен целый пакет предложений — могли касаться лишь самого принципиального: Сталин хотел заручиться гарантией миролюбия Германии в отношении СССР в форме заслуживающего доверия заявления об отказе от любых агрессивных намерений и ожидал от немецкой стороны политических предложений. Различие в политическом и стратегическом мышлении Сталина и Гитлера проявилось здесь со всей очевидностью: Сталин жаждал спокойствия и надежных политических гарантий в виде признания Германией нерушимости *статус-кво* и тем самым необратимой стабильности в Восточной Европе. Гитлер был движим беспокойством и одержим желанием как можно скорее этот статус насильственно изменить. Это принципиальное различие в политических мотивах действий являлось среди прочего выражением обратной пропорциональности в социально-экономическом развитии их стран, которое было одним из определяющих факторов противоположности их собственных волевых устремлений: германская экономика, сделавшая в течение относительно короткого периода форсированного развития резкий скачок вверх, оказалась на грани коллапса, который Гитлер намеревался предотвратить с помощью экспансии и присвоения новых гигантских ресурсов. Советская же экономика в результате относительно продолжительных по времени и тяжелых усилий вступила на тропу начинающегося роста, и ее развитие в дальнейшей перспективе сулило выздоровление. В то время как Гитлер - образно говоря - с тикающим хронометром в руках блуждал в конце тупика, Сталин спокойно и уверенно стоял в начале широкой аллеи: для своих громадных планов ему, если перефразировать Шуленбурга, нужны были спокойная обстановка во внешнеполитическом плане и время во внутриполитическом.

Гитлер совершил ошибку, решив мерить Сталина своим собственным аршином. Он соблазнял его новыми территориями и подвижками границ, тогда как Сталин жаждал экономического развития собственной страны и стабильности существующих границ. Сталин добивался

политической безопасности, Гитлер же предлагал ему идти на безрассудный риск. В какой мере Сталин осознавал в каждый отдельный момент это фундаментальное несовпадение предпосылок, остается неизвестным. Но в том, что предложения Гитлера имели целью создать опасное предполье, он, несомненно, отдавал себе отчет. Отсюда его сверхосторожность и сдержанность, его настойчивые намеки на злокозненность германских намерений и его непременное условие, чтобы предложения немецкой стороны давались ему для изучения. И это в разнообразных формах запечатлено в документах обеих сторон.

Пробуждались ли в нем наряду с этим — и если да, то когда — остатки экспансионистских устремлений на мировую революцию, от которой Советское правительство отказалось еще в 1925 г., а также склонность к сообщничеству и, возможно, определенное безрассудство в сочетании со скрытым желанием наказать поляков и — при случае — западные державы за их недомыслие и упрямство — это всегда будет оставаться предметом всего лишь романтических спекуляций. Образ действий и внешнеполитические мероприятия Сталина в той мере, в какой они нашли свое отражение в поддающихся проверке высказываниях и документах, не дают оснований делать позитивное заключение в этом направлении — во всех отмеченных случаях доминировал исключительно трезвый и сдержанный, хотя и малоподвижный ум и хладнокровный, сугубо оборонительно ориентированный прагматизм реального политика.

Поэтому и вторая позитивная директива, которую Молотов по поручению Сталина дал Астахову 11 августа в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП (б)[12а], предусматривала не столько принципиальное, сколько формальное согласие на предложения, высказанные Шнурре. Хотя Астахов на основании этой директивы 12 августа впервые и сообщил Шнурре о том, что его страна готова к поэтапному обсуждению некоторых неоднократно поднимавшихся германской стороной «конкретных тем», все же его немецкий собеседник и на этот раз вынес впечатление, которое он определил для себя как отрезвляющее проявление советской сдержанности в отношении принципиальных немецких предложений. По скептической оценке министерства пропаганды[12б]: «Дальше смелых намеков между Берлином и Москвой дело не доходило, несмотря на то что на трезвые суждения порой и наплывали желаемые картины». Лишь после того, как «кардинальный вопрос», обращенный 14 августа Советским правительством к правительствам Англии и Франции, остался без ответа, Молотов впервые прямо коснулся германских предложений (15 августа), но, что характерно, он в этот момент затронул не далеко идущие территориальные предложения Вайцзеккера, Шнурре и Риббентропа, а менее масштабные, конкретные планы Шуленбурга от июня 1939 г.! Оживление Берлинского договора с его подкрепляющей нейтралитет оговоркой о «миролюбивом образе действий» другой стороны, усиленное приложением, декларировавшим отказ немецкой стороны от применения силы в Прибалтике и отказ Японии от применения силы в Восточной Азии, а также надлежащий товарообмен были в тогдашних конкретных обстоя-

тельствах шагами, максимально отвечающими советским представлениям о безопасности. В этом случае Советское правительство оживило бы три первых советских варианта действий, поскольку наряду с германо-советским пактом о нейтралитете вполне нашлось бы место и для оборонительного союза с западными державами, а потому не пришлось бы решительно переориентироваться на четвертый вариант, который остался бы фактически без применения.

Тем самым обращение Молотова к «плану Шуленбурга» ознаменовало высшую точку усилий советской дипломатии, направленных на обеспечение безопасности своего государства в тогдашних чрезвычайных условиях надвигавшейся войны. Глава советского дипломатического ведомства продемонстрировал этим, как потом оценивала ситуацию немецкая сторона, «поразительную умеренность» (Шуленбург) и не позволил увлечь себя на гибельный путь экспансии. Он действовал исключительно в долгосрочных интересах своего государства: заключение пакта при этих предпосылках и в конкретной ситуации принесло бы Сталину максимум желанной безопасности. Однако Гитлер не готов был гарантировать ему этот максимум. Ему нужен был сообщник, и, чтобы заполучить такового, он на протяжении всего оставшегося до нападения периода времени бомбардировал Сталина глобальными территориальными предложениями, напыщенными декларациями Риббентропа и — когда эти усилия не достигли своей цели — личным льстивым телеграфным обращением к «господину Сталину».

Вопрос о том, в какой мере эти предложения впечатлили Сталина и оказали на него влияние, тоже остается предметом умозрительных спекуляций. Документы и на сей счет не дают оснований для интерпретаций в позитивном смысле. А все то, что выдавалось за подтверждения (вроде, например, сообщений о речи, произнесенной Сталиным на заседании Политбюро вечером 19 августа), на поверку оказалось фальсификациями[13]. Все же применительно к периоду между 17 и 21 августа можно констатировать частичный отход от позиции 15 августа и усиление формального интереса к германским предложениям, хотя в данном случае не было сделано никаких уступок по существу. Так, 17 августа Молотов заявил, что Советское правительство желало бы пойти на «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г.» после надлежащего переходного и подготовительного периода «с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта». В этом протоколе среди прочего должно было найти свое отражение заявление германской стороны от 15 августа. Заявление Риббентропа от 15 августа содержало отказ Германии от применения силы в отношении СССР, признание «жизненного пространства» каждой из сторон и урегулирование территориальных вопросов — таких, как «Балтийское море, Прибалтика, Польша, Юго-Восток и т.д.». Поскольку Молотов в тот же день 15 августа в беседе с Шуленбургом проявил большой интерес к двум пунктам из политического приложения к

«плану Шуленбурга», предусматривавшим гарантирование независимости Прибалтийских государств и оказание влияния на Японию, можно исходить из того, что Сталина интересовали в первую очередь эти пункты («Балтийское море, Прибалтика») заявления Риббентропа. Но он проявил открытость и в отношении других вопросов — Молотов попросил немецкую сторону представить соответствующие материалы и дать уточняющие разъяснения, охарактеризовав это как необходимое условие визита Риббентропа.

Сталин и Молотов осознавали тот факт, что, пойдя на подписание не подлежавшего обнародованию протокола в качестве приложения к договору, они тем самым отступали от ленинского принципа открытости международно-правовых соглашений. Высказывание Молотова в беседе с Шуленбургом от 17 августа («Естественно, что вопросы, затронутые в германском заявлении от 15 августа, не могут войти в договор, они должны войти в протокол») предполагало длительную внутреннюю конфронтацию с этой проблемой и одновременно означало уступку немецкой стороне и, если угодно, духу «буржуазной» дипломатии. Это отклонение от нормы и отразившееся в нем приспособление к правилам игры западных государств, предполагавшим возможность договоренностей, которые затрагивали бы интересы суверенных третьих государств, сегодня не без оснований ставятся им в упрек[14]. Все же и здесь не следует упускать из виду исходившее от советской стороны и служившее доказательством ее борьбы за легальность настояние на том, чтобы секретный «особый протокол» был упомянут по крайней мере в постскриптуме к подлежащему опубликованию тексту договора и охарактеризован как органическая составная часть договора, в которой были изложены определенные пункты внешней политики, представлявшие взаимный интерес. Проектируя включение этого постскриптума в проект договора от 19 августа, Молотов вновь запросил немецкий проект протокола. Содержание протокола, как и отношение Советского правительства к заключаемым им договорам, он определил как «очень серьезное дело», заявив, что его правительство «выполняет обязательства, которые на себя принимает, и ожидает того же от своих партнеров по договорам». Эти слова весьма недвусмысленно отразили озабоченность советской стороны в связи с несбалансированностью будущего секретного дополнительного соглашения. Оговорка о включении постскриптума в договор о ненападении, отражавшая советское стремление пройти свою половину пути навстречу партнеру, не отвечала желаниям германской стороны и в ходе переговоров — возможно, под воздействием реального текста немецкого проекта протокола — отпала.

В своем проекте договора о ненападении советская сторона делала еще один шаг навстречу партнеру, формально отказавшись от условия «миролюбивого образа действий». Между тем было бы ошибкой пытаться усматривать уже в самом отсутствии традиционной оговорки об условиях расторжения пакта свидетельство наличия у Сталина агрессивных намерений[15]. Ибо если, с одной стороны, Сталин через Молотова изъявил недвусмысленное желание, чтобы германо-советский пакт о

ненападении в текстуальном отношении соответствовал другим заключенным СССР пактам о ненападении, содержавшим ограничительное условие относительно нейтралитета, то с другой — ему казалась ошибочной оговорка о «миролюбивом образе действий» германского партнера, которую он, возможно, считал актом ненужного притворства. Редуцированная оговорка советского проекта тем не менее предусматривала, что для того, чтобы обещание нейтралитета вступило в силу, Германия должна стать «объектом насилия или нападения со стороны третьей державы», то есть должна (сначала) подвергнуться нападению. Тем самым она влекла за собой свободу от союза в случае германского акта агрессии. Двойной союз, идею которого Советское правительство стало рьяно пропагандировать после согласия Сталина на приезд Риббентропа, должен был прочно закрепить эту свободу и вытекающее из нее усиление безопасности и высвободить СССР из удушающего объятия безальтернативного германо-советского союза.

О том, что побудило Сталина в конечном счете все-таки уступить настояниям Риббентропа и избрать этот путь опасной изоляции на стороне Германии, который впоследствии рано или поздно должен был обернуться для него ослаблением безопасности, пока еще нельзя судить с полной определенностью. Исследование причин его просчетов продолжается[16]. Внешние побудительные мотивы для принятия такого решения достаточно ясны. Окончательный отказ Польши, означавший отпадение третьего варианта, в качестве формальной причины, недостаточно активная вовлеченность Франции и особенно Великобритании (в том числе и в плане оказания влияния на Польшу и Румынию), предопределившая снижение эффективности первого варианта, в качестве материальной первоосновы и наряду с этим возрастание требований к военному планированию, связанному с первым крупным наступлением на Востоке, и как следствие потребность в импорте товаров и технологии (в духе второго варианта), а также в ослаблении напряженности на западных границах — все это уже достаточно глубоко и всесторонне исследовано историками. Сверх того, к быстрому заключению пакта его, видимо, подтолкнуло также желание не допустить германо-английского сближения («империалистическое окружение») и «второго Мюнхена»[17]. Но именно этим он как раз и позволил втянуть себя в расчеты Гитлера.

На то, в какой мере Сталин при всей очевидности сужения возможностей для принятия политических и военных решений отдавал себе отчет в этом скрытом факторе, присутствовавшем в планах Гитлера, проливают свет — несмотря на всю их политическую обусловленность и на большую временную дистанцию — воспоминания Хрущева о поведении советского руководителя после подписания пакта. Из мемуаров явствует, что вечером 24 августа 1939 г. Сталин «в очень хорошем настроении» принял своих военных и некоторых членов Политбюро, с тем чтобы проинформировать их относительно создавшейся ситуации. Присутствовавшие, как вспоминал Н.Хрущев, восприняли подписание пакта о ненападении с национал-социалистской Германией «как тактический шаг... Чтоб у нас была какая-то... договоренность... хотя бы...

о мирном сосуществовании с Гитлером. Сосуществование было бы возможно с немцами вообще, но с Гитлером это было невозможно... Гитлер не изменился, когда посылал в Москву Риббентропа... Нет, он остался Гитлером... завоевателем и покорителем... Где-то в душе мы тогда думали, если Гитлер пошел с нами, значит... мы настолько сильны, что Гитлер... не напал на нас, а пошел с нами на договоренность... Подобное толкование причин подписания этого договора нам очень льстило... Гитлер пошел на переговоры с нами, заключил с нами пакт — значит, мы нормальные люди... Но у правительства было на этот счет иное понимание... Мы хотели, чтобы не было войны. Конечно... Но наше правительство не питало никаких иллюзий. Когда договор был подписан, Сталин сказал, что обманул их... А Гитлер считал, что, поскольку договор подписан, в результате теперь война начнется. По мнению Сталина, эта война на какое-то время обойдет нас стороной — начнется война между Германией, Францией и Англией, возможно, в нее будут втянуты также США. Мы будем иметь возможность в известной мере оставаться нейтральными... Здесь не было иллюзий. Здесь была дипломатическая игра, и она в конце концов достигла своей цели и сбила с толку Сталина»[18].

В тот день, однако, Сталин, согласно воспоминаниям Хрущева, «правильно оценивал» значение этого договора, «понимая, что, как он сам сказал, Гитлер хочет нас ввести в заблуждение, перехитрить, но по его, Сталина, мнению, перехитрили его мы. Мы подписали договор. Мы, конечно, были за такой договор, даже если чувства были настолько смешанными, что и Сталин, как мне казалось, тоже понимал это. Ведь и он говорил, что здесь ведется игра — кто кого перехитрит, кто кого обманет... У нас не было другого выхода... И этот выбор имел свое оправдание и встретил понимание»[19].

Приведенное свидетельство предельно ярко высвечивает смысл принятого решения: государственный интерес Сталина при заключении германо-советского пакта состоял в политике умиротворения, сам пакт являлся прежде всего инструментом советской политики умиротворения. Политики, диктовавшейся в первую очередь побуждением — задачей предотвращения войны, в которой народам социалистического Советского государства пришлось бы, как и в первой мировой войне , проливать кровь за чуждые интересы. Целью этой политики было также предотвращение международных осложнений с непредсказуемыми для существования Советского государства последствиями. Таков был характер политики умиротворения, заставившей военных помощников Сталина внутренне возмущаться, а широкие массы населения — краснеть от бессильного стыда и ярости. И этот акт умиротворения, в котором нашла отражение позиция, ориентированная на самозащиту ради сохранения жизни и личного самосохранения путем частичного и в общем и целом лишь внешнего подчинения, до сих пор не интегрирован в советское историческое сознание. Он по-прежнему наталкивается на эмоциональное неприятие, и особенно сегодня, когда сняты заслоны для свободного самоопределения и национального самосознания. Понятно, что советские историки, которые десятилети-

ями клеймили проводившуюся западными демократиями политику умиротворения как выражение их моральной слабости и социально-исторического декаданса, испытывают трудности с признанием того обстоятельства, что и Советское правительство пыталось избежать войны по возможности методами умиротворения. Да и на Западе прошло немало времени, прежде чем в отношении, скажем, британской политики умиротворения было проявлено — как это сделал Себастьян Хаффнер — определенное понимание.

Так, характерно, что и в нынешних дискуссиях по проблематике советского согласия на такой договор и связанных с этим ошибок и даже преступлений, — дискуссиях, которые в других отношениях увенчиваются столь далеко идущими и четкими оценками, — насколько известно, никогда специально не указывалось на то, что оно, советское согласие, было актом умиротворения *par excellence*. Гордость «молодой нации», вероятно, еще не допускает такого отказа от собственного всемогущества и такого обращения к самоотречению под давлением реальностей исторического процесса. Нужен богатый опыт старой культурной нации в переработке и усвоении уроков истории, чтобы, как пишет проф. Д.М.Проектор[20], увидеть в детерминантах этой политики умиротворения универсальную человеческую трагедию.

При этом сам пакт и примыкающий к нему секретный дополнительный протокол по-прежнему нуждаются в интерпретациях и оценках с точки зрения советских намерений. Крайняя неясность текстов и неопределенность применяемых понятий, особенно основополагающих понятий, содержащихся в секретном дополнительном протоколе, оставляют открытым множество возможностей истолкования. Это касается в первую очередь цели территориального разграничения путем определения демаркационной линии и объема понятия «сфера интересов» (не случайно в современной внутрисоветской дискуссии это понятие — как правило, под воздействием обратного перевода с английского — нередко передается как «сфера влияния»). Если уж в восприятии современных историков формулировка «в случае территориально-политического переустройства» означает не неизбежно войну, а эвентуально мирный раздел с помощью второй Мюнхенской конференции[21], то с учетом особых обстоятельств, сопутствовавших переговорам и подписанию пакта, право на это можно *a fortiori* признать и за исторически менее образованным Сталиным, особенно приняв во внимание спорность предложенных ему текстуально сомнительных переводов проектов обсуждавшихся документов (слово «переустройство», синонимами которого являются «перестройка», «новое обустройство», «реорганизация», не содержит в своем значении никакого военного оттенка).

В результате в фокусе внимания неизменно оказывается вопрос проникновения в тайну мысли и воли Сталина. Изучение этого вопроса должно остаться прерогативой советских исследователей. Автор настоящего исследования уклонилась от решения этого — не поддающегося ответу на основании предметного анализа источников — вопроса, позволив себе рассматривать тогдашний образ действий Сталина в значи-

тельной мере с той «привилегированной» колокольни непосредственного свидетеля событий, с которой взирало на них германское посольство в Москве. Там отдавали себе отчет в безответственности проводившейся Гитлером политики диктата и насилия, а потому господствовало полное понимание в отношении советской политики умиротворения; более того, Шуленбург и его сотрудники немало сделали для того, чтобы ссылками на неизбежные в противном случае последствия укреплять Советское правительство в его курсе на умиротворение.

Если взглянуть на происходившее тогда их глазами, то даже образ действий Сталина в период заключения пакта, выдвигающий перед современным исследованием все больше проблем, предстает в значительной мере убедительным[22]. Его осуществлявшиеся с оборонительными намерениями политические и военные шаги — в отличие от открыто агрессивных актов его соперника — предпринимались по крайней мере под знаменем легальности. Можно было, как об этом писал в те годы Карл Буркхардт графине Марион Дёнхоф, озадаченно наблюдать, как определенные «государства прячутся за своими международно-правовыми кулисами, используя при этом не обычный человеческий, а исключительно юридический язык конвенций, причем всем смертельно опасным событиям предшествуют безнадежные войны формальных дипломатических нот»[23] — германское посольство в Москве практиковало эту «войну дипломатических нот», сознательно считая ее средством предотвращения или, на худой конец, отсрочки действительной войны. Советское правительство шло ему в этом навстречу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Постановка вопроса: от кого исходила инициатива?

[1] Первыми были опубликованы следующие собрания документов того времени: Nazi-Soviet Relations, 1939-1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Edited by R.J. Sontag, J.S. Beddie. Washington: Department of State; а также на немецком языке: Das Nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion 1939-1941. Akten aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amts, Washington (Department of State) 1948; *Alfred Seidl* (Hrg.) Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939-1941. Dokumente des Auswrtigen Amtes, Tübingen, 1949. После опубликования документов германской внешней политики сложилась целостная картина. Работа Карла Хёфкеса (Deutsch-sowjetische Geheimverbindungen. Unveröffentlichte diplomatische Depeschen zwischen Berlin und Moskau im Vorfeld des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1988) не оправдывает своего названия, поскольку в ней собраны уже публиковавшиеся ранее материалы. Вышедший в 1983 г. в США на английском и в 1989 г. в Вильнюсе на русском языке сборник «СССР-Германия 1939-1941» под редакцией Ю. Фельштинского содержит, как это с разочарованием было отмечено в СССР, давно известные документы (см.: *С. Лавров.* История без ретуши: полуправда сродни лжи. - «Ленинградская правда», 19 декабря 1989 г.).

Советский документальный базис оставался долгое время крайне ограниченным. Только в 1989 г. с опубликованием соответствующих дипломатических документов 1938-1939 гг. имевшиеся пробелы были ликвидированы. Сборник «Альтернативы 1939 года» (М., 1989), как и книга «Год кризиса» (1990) своей подборкой документов открывают новые перспективы для исследователей. В 1990 — 1991 гг. ожидается выход XXII тома «Документов внешней политики СССР» (1939 г.). Готовящаяся к изданию десятитомная «История Великой Отечественной войны» как в содержательном, так и в методическом плане должна предоставить исследователям обширный материал для дискуссии.

Публикации «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны» (сентябрь 1938 - август 1939), М., 1971, и «Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937-1939», М., 1981, т. 2, содержат важные сведения, касающиеся внешних условий германо-советского сближения.

В СССР основные документы периода с 15 августа по 3 сентября 1939 г., включая все тексты договора, впервые были опубликованы в журнале «Международная жизнь» в сентябре 1989 г. (с. 90-123).

[2] *Walter Laqueur.* Deutschland und Rußland. Berlin, 1965, S. 316.

[3] Тексты речей в: Информационный бюллетень литовского движения за перестройку, 16 сентября 1988, № 1.

[4] Передавалось 23 июля 1989 г. по западногерманскому телеканалу ZDF.

[5] См.: *William Even Scott.* Alliance against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham, North Carolina, 1962; *Karlheinz Niclaus.* Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935 (Bonner Historische Forschungen), Bonn, 1966, Bd. 29; *Thomas Weingartner.* Stalin und der Aufstieg Hitlers. Die Deutschlandpolitik der Sowjetunion und der Kommunistischen Internationale 1929-1934. Berlin, 1970; *Dietrich Geyer.* Die Voraussetzungen sowjetischer Außenpolitik in der Zwischenkriegszeit. - In: Osteuropa-Handbuch, Sowjetunion, Außenpolitik 1917-1955. Köln/Wien, 1972, S. 1-85; *Hans-Adolf Jacobsen.* Primat der Sicherheit, 1928-1938. - In: Osteuropa-Handbuch, 1972, S. 213-269. *Bianka Pietrów.* Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Außenpolitik 1933 bis 1941 (Kasseler Forschungen zur Zeitgeschichte, Bd. 2), Melsungen, 1983, *Herbert von Dirksen.* Moskau, Tokio, London 1919-1939. Stuttgart, 1949; *Rudolf Nadolny.* Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955, Köln, 1985.

[6] Об этом Рихард Майер писал: «Уже летом 1933 г. русские сообщили, что намерены прекратить сотрудничество с германским вермахтом. Рухнула одна из важных опор германо-русских отношений» (см.: *Richard Meyer von Achenbach.* Gedanken über eine konstruktive deutsche Ostpolitik. Frankfurt a. M., 1986, S. 93). Относительно предыстории с позиций министерства иностранных дел см.: *Andor Hencke.* Die deutsch-sowjetischen Beziehungen auf militärischem Gebiet nach dem Ersten Weltkrieg. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее: PA AA).

[7] Опубликованные советские дипломатические документы показывают, что посол Рудольф Надольный очень откровенно говорил советским собеседникам о внешнеполитических «ошибках» правительства Гитлера, считая их неизбежными и временными явлениями, сопутствующими столь масштабному перевороту. Он рекомендовал переждать, пока эти ошибки и крайности сами себя не «изживут» («Документы внешней политики СССР», М., 1971, т. XVII, далее: ДВП СССР). Протокол беседы с Надольным от 17 марта 1934 г., № 82, с. 191-193).

[8] См.: *Zygmunt J. Gasiorowski.* The German-Polish Nonaggression Pact of 1934. - «Journal of Central European Affairs», XX; April 1954, 1, p. 4-29.

[9] *Weingartner.* Stalin, S. 262. Германская дипломатия в России, Наркоминдел и командование Красной Армии в равной мере осознавали ультимативный характер предложения. В личной беседе, состоявшейся вечером 28 марта 1934 г. в помещении германского посольства в Москве между Надольным, Крестинским, Ворошиловым и другими имела место своего рода неофициальная договоренность. Надольный приветствовал предложение Литвинова как свидетельство советского доверия к

Гитлеру, выразил, однако, сомнение относительно возможности его принятия. Советские представители заявили ему совершенно определенно, «что отрицательный ответ на ... предложение будет понят ... как доказательство того, что у германского правительства имеются агрессивные намерения против Прибалтийских государств». Надольный заверил, что он хорошо понимает, как германский отказ будет истолкован Москвой, поэтому «он лично будет настаивать перед германским правительством на принятии ... предложения» (ДВП СССР, т. XVII, М., 1971, с. 215-220). По этой причине отставка Надольного в июне 1934 г. была воспринята как доказательство агрессивных намерений Гитлера в отношении Восточной Европы.

[10] См.: *Chr. Hoeltje.* Die Weimarer Republik und das Ost-Locarno-Problem 1919-1934. Würzburg, 1958.

[11] См.: *I. Fleischhauer.* «Unternehmen Barbarossa» und die Zwangsumsiedlung der Deutschen in der Sowjetunion. - «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» (далее: VfZ), 1982, Nr. 2, S. 299-321.

[12] Без заключения военной конвенции советско-французский договор о взаимопомощи имел лишь ограниченный эффект. Предложения СССР по заключению такой конвенции не нашли у французского правительства должного отклика. Договор о взаимной помощи между СССР и Чехословакией предусматривал (параграф II протокола) советскую военную помощь Чехословакии, если она станет объектом нападения со стороны другого государства, но лишь в том случае, если свои обязательства об оказании помощи Чехословакии выполнит и Франция. Кроме того действенная советская военная помощь Чехословакии, с которой у СССР не было общей границы, обусловливалась готовностью соседних государств, граничивших с обеими договаривающимися сторонами - Польши и Румынии, - в случае необходимости пропустить через свою территорию - по суше или по воздуху - советские войска. Такая готовность, однако, отсутствовала.

[13] Сообщение о заключении советско-французского договора о взаимной помощи произвело в министерстве иностранных дел эффект разорвавшейся бомбы. Царило «очень подавленное настроение. Изоляция Германии казалась полной. В ответ на внешнеполитические методы Гитлера образовалась антигерманская коалиция всех великих держав, включая Советский Союз» (*Paul Schmidt.* Statist auf diplomatischer Bühne, 1923-1945. Erlebnisse eines Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Wiesbaden, 1986, S. 305f.).

[14] Германский посол в Москве граф фон Шуленбург - в министерство иностранных дел, 6 мая 1935 г. (Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (ADAP), Serie C: 1933-1937, Bd. IV, 1, Nr. 70, S. 127-129, hier: S. 129).

[15] К сожалению, пока не оправдалась выраженная в 1954 г. надежда бывшего начальника IV (Восточная Европа) отдела министерства иностранных дел министериальдиректора Рихарда Майера (фон Ахенбаха), занимавшего этот пост в 1931-1935 годах, на то, что публикация

архивных документов министерства и доступ к записям его сотрудников, руководивших в свое время политикой в отношении России, покажут, « с какой решимостью это старое ведомство начиная с 1933 г. пыталось удержать восточную политику Германии в благоприятных и полезных для рейха рамках» (см.: *Meyer.* Gedanken, S. 79).

[16] На основании Нюрнбергских законов Майер в возрасте 51 года был отстранен от службы. В августе 1939 г. он эмигрировал в Швецию. Свидетельству Рихарда Майера, опубликованному лишь в 1986 г., уже после его смерти, относительно усилий министерства иностранных дел в начальный период существования национал-социалистской Германии не в последнюю очередь придает особый вес личное письмо посла графа Шуленбурга, направленное Майеру 28 октября 1935 г., в котором посол писал: «Поверьте мне, дорогой, как сильно мы все, и особенно я, сожалеем о Вашем уходе... Именно мы, находящиеся за границей сотрудники, должны быть Вам особенно благодарны за то глубокое понимание, которое Вы постоянно проявляли к нашим многочисленным и разнообразным пожеланиям...» (там же, с. 127-128).

[17] Убедительный критический анализ позиции и деятельности Надольного в 1933-1934 гг. еще не сделан. Отдельные размышления на этот счет см.: *D.C. Watt.* Hitler und Nadolny. - «Contemporary Review», 1959, No. 196; Auswärtiges Amt, Hrg., Gedenkfeier des Auswrätigen Amts für Botschafter Rudolf Nadolny, Bonn, 1973; *Cünter Wollstein.* Rudolf Nadolny - Außenminister ohne Verwendung. - VFZ 1980, S. 47-93.

[18] *Meyer.* Gedanken, S. 92, 95, 96.

[19] См.: *Geyer.* Voraussetzungen, S. 50ff.

[20] Впервые Молотов использовал данную формулировку в августе 1933 г. в беседе с Гербертом фон Дирксеном (см. телеграмму Дирксена в министерство иностранных дел от 4 августа 1933 г. в: ADAP, C, 1, 2, Nr. 389, S. 708-10). Вайнгартнер первым указал на то, что эти слова ставили на новую, более низкую ступень отношения между двумя государствами (см.: *Weingartner.* Stalin, S. 240).

[21] *Jacobsen.* Primat, S. 219.

[22] Сведения о безусловной «прогерманской» ориентации Сталина, сообщенные В.Г. Кривицким (Вальтер Гинзбург) после его бегства на Запад летом 1939 г., следует использовать осторожно уже потому, что он был сравнительно молодым и мелким чиновником внешнеполитического отдела ОГПУ (*W.G. Krivitskij.* Ich war in Stalins Dienst! Amsterdam, 1940; S. 18ff).

[23] *Niclaus.* Sowjetunion, S. 187. Якобсен считал, что «инициатива исходила от Москвы» (*Jacobsen.* Primat, S. 239).

[24] См.: *Bianca Pietrów.* Stalin-Regime und Außenpolitik in den dreißiger Jahren. Eine Zwischenbilanz des Forschungsstandes. - In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, NF 33, 1985, S. 495-517. Тенденциозное изложение и оценка этих записей в соответствии с тезисом I в: *J. W. Brügel* (Hrg.). Stalin und Hitler. Pakt gegen Europa. Wien, 1973.

[25] Секретное дополнительное соглашение к антикоминтерновскому пакту, подписанному 25 ноября 1936 г., немецкой стороной сохра-

нялось в глубокой тайне (*DeWitt C. Poole*. Light on Nazi Foreign Policy. - In: Foreign Affairs, October 1946, p. 137. Текст опубликован в: ADAP, C, IV, 1, Nr. 58; *G.L. Weinberg*. Das geheime Abkommen zum Antikominternpakt. - VfZ, 1954, Nr. 2, S. 193ff). Тем не менее о них стало известно Советскому правительству из копий, полученных от Зорге из Токио и, по-видимому, от Кривицкого из Западной Европы (*Krivitskij*. Dienst, S. 32ff).

Народный комиссар иностранных дел Литвинов весьма прозрачно намекнул на них в своем выступлении на внеочередном съезде Советов 28 ноября 1936 г., а позднее дал понять западным дипломатам, что ему известно военное значение пакта (см. телеграмму германского посла в Москве в министерство иностранных дел от 3 февраля 1939 г. в ADAP, D, IV, Nr. 283, S. 319). Относительно советской точки зрения см.: *А. Громыко* (ред.). История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 657 и след.

[26] *Gustav Hilger, Alfred G. Meyer.* The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918-1941. New York, 1953, p. 279; *Gustav Hilger.* Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918-1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. M./ Berlin, 1959, S. 265.

[27] *Joseph E. Davies.* Als USA-Botschafter in Moskau. Authentische und vertrauliche Berichte über die Sowjetunion bis Oktober 1941. Zürich, 1943, S. 61 (Bericht vom 19. Februar 1937) und S. 68 (Tagebuch-Eintragung vom 20. Februar 1937).

[28] *Robert Coulondre.* De Staline Hitler. Souvenirs de deux Ambassades, 1936-1939. Paris, 1950, p. 125.

[29] Во Франции: *Jean-Baptiste Duroselle.* La Politique sovétique à l'gard de l'Allemagne du pacte anti-Komintern mai 1939. - In: Jean-Baptiste Duroselle i.a. Hrg., Les Relations Germano-Sovitiques de 1933 à 1939, p. 42-60. В Германии: *Georg von Rauch.* Der deutsch-sowjetische Nichtangriffspakt vom August 1939 und die sowjetische Geschichtsschreibung. - In: *Gottfried Niedhart* (Hrg.), Kriegsbeginn 1939. Entfesselung oder Ausbruch des Zweiten Weltkriegs? Darmstadt, 1976, S. 349-366, hier: S. 353; *Pietrów.* Stalin-Regime. В Англии: *John Erickson.* The Soviet High Command. London, 1962, p. 432, 731; *D.(onald) C.(ameron) Watt.* The initiation of the negotiations leading to the Nazi-Soviet pact: A historical problem. - In: *C. Abramsky*; *B.J. Williams* (Hrg.) Essays in honour of E.H. Carr. London, 1974, p. 152-169.

[30] *Angelo Rossi.* Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis. Köln/Berlin, 1954, S. 19ff.

[31] *Sven Allard.* Stalin und Hitler. Die sowjetrussische Außenpolitik 1930-1941. Bern/München, 1974, S. 52ff.

[32] Подробную дискуссию см. ниже, на стр. 96. Из советских историков распространенной в последнее время на Западе точки зрения придерживается В. Дашичев (см.: *V. Dashichev.* Stalin in early 1939. The 18th Party Congress and the Soviet-German nonaggression pact. -

«Moscow News», No. 35, 1989, p. 16; см. также статьи Н. Смирновой и В. Кулиша - «Московские новости» № 10, октябрь 1989 г.)

[33] *Lord (William) Strang.* Home and Abroad. London, 1956, p. 195.

[34] *Peter Kleist.* Zwischen Hitler und Stalin, 1939-1945. Bonn, 1950, S. 25ff. sowie ders. «Die europäische Tragödie, Cöttingen, 1961, S. 50ff.

[35] *Allard.* Stalin, S. 113.

[36] *Philipp W. Fabry.* Der Hitler-Stalin-Pakt 1939-1941. Ein Beitrag zur Methode der sowjetischen Außenpolitik. Darmstadt, 1962 und ders. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933-1941. Stuttgart, 1971. У Фабри с особой очевидностью обнаруживается неуверенность в исторических оценках и влияние на них идеологических моментов. Так, хотя автор и говорит о новой «ориентации германской политики по отношению к СССР с осени 1938 г.» (Der Hitler-Stalin-Pakt, S. 9) и приводит некоторые факты, которые показывают, что инициатива к сближению зимой 1938/39 г. исходила от немецкой стороны, однако уже через несколько страниц он утверждает, что толчок к глубоким переменам в политике обеих великих держав «исходил от Советского Союза», и, умаляя значение сказанного ранее, небрежно замечает: «Какое бы впечатление ни сложилось на основании ранее изложенного» (с. 13). Подобные методологические прыжки в аргументации данного тезиса вовсе не редкость.

[37] *Walther Hofer.* Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges. Eine Studie über die internationalen Beziehungen im Sommer 1939. Frankfurt a. M., 1964, S. 58.

[38] *F.A. Krummacher, Helmut Lange.* Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München/Esslingen, 1970, S. 362 («Нет никакого сомнения в том, что инициатива принадлежала Сталину»).

[39] *Brügel.* Stalin, S. 42ff («Москва начинает всерьез обхаживать Третий рейх»).

[40] *Andreas Hillgruber.* Der Zweite Weltkrieg, 1939-1945. - In: Osteuropa-Handbuch, Sowjetunion, Außenpolitik 1917-1955, Köln/Wien, 1972, S. 270-342, hier S. 275ff. sowie ders. Sowjetische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg, Königstein/Ts./Düsseldorf, 1979, S. 18ff, S. 24ff.; *Andreas Hillgruber, Klaus Hildebrand.* Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Der Hitler-Stalin-Pakt: Parallelen bis heute? Zürich, S. 15.

[41] Там же, с. 20.

[42] *Allard.* Stalin, S. 79; *Andreas Hillgruber.* Zur Entstehung des Zweiten Weltkrieges. Forschungsstand und Literatur. Düsseldorf, 1980, S. 54; ders., Der Zweite Weltkrieg, S. 274; *Hillgruber, Hildebrand*, S. 20.

[43] Выступая на Пленуме ЦК РКП (б) 19 января 1925 г. (И.В. Сталин. Соч., т. 7, с. 11-14), Сталин высказал опасение, что наблюдавшаяся «подготовка сил и их перегруппировка по всей Европе» являются предпосылками новой войны. «А новая война, - заявил он, - не может не задеть нашу страну». Через несколько лет война может стать «неизбежной» и «обострить» внутренний, революционный кризис «как

на Востоке, так и на Западе». Коммунистическая партия должна «быть готовой ко всему». И хотя революционные движения на Западе пока сильны, полагаться на них, однако, нельзя. «Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности, - говорил он, - обязательно встанет перед нами при осложнениях» (здесь Сталин имел в виду прежде всего дальнейшее отсутствие революционной ситуации) «в окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий. Это не значит, что мы должны обязательно идти при такой обстановке на активное выступление против кого-нибудь. Это неверно. Если у кого-нибудь такая нотка проскальзывает - то это неправильно. Наше знамя остается по-старому знаменем *мира*. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, - нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашу весов, *гирю*, которая могла бы перевесить».

По этому поводу следует сказать следующее. Состоявшийся в январе 1925 г. Пленум ЦК Российской Коммунистической партии (большевиков), на котором Сталин повелевал волею всех ее членов, преследовал исключительно внутриполитические цели (во внешней политике Сталин достиг своих целей в предшествовавшие месяцы 1924 г. в благоприятных условиях международно-правового признания Советской России двумя ведущими западными державами: Англией и Францией. Факт, который на данном отрезке времени уменьшал вероятность военного столкновения с западными демократиями). Данный пленум должен был выключить из политической игры опаснейшего соперника в собственных рядах - Льва Троцкого. Хотя до апреля 1925 г. он номинально продолжал значиться комиссаром по военным делам, однако уже с осени 1924 г. его фактически замещал зам. наркома Фрунзе, приступивший по поручению Сталина к реорганизации армии. Одержали верх идеи Тухачевского и профессиональных военных. Троцкий и его сторонники (в соответствии с традицией социал-демократии) стремились после победы революции в России разгрузить слабую экономику и поэтому желали оставить только небольшую вооруженную милицию. Сталин же - после страхов Кронштадтского мятежа матросов, крестьянских бунтов, рабочих волнений (1921-1922 гг.) и особенно после восстания грузин в августе 1924 г. - хотел иметь готовое в любое время к действию, сильное регулярное войско.

Желание иметь сильное регулярное войско было обусловлено страхом перед возможно новой интервенцией, например на беспокойном Кавказе, и перед призраком военного бонапартизма Троцкого, направленным против растущего единовластия Сталина. Военная опасность извне, которая будто бы в будущем могла угрожать Советскому государству, служила лишь предлогом для обоснования требования сильной регулярной армии. О чисто внутреннем значении речи Сталина говорит и его отступление от теоретических основ. Он отбросил (одновременно используя это в качестве дополнительного обвинительного пункта против Троцкого) ту точку зрения, согласно которой социализм в России окончательно победит только тогда, когда в международном масштабе за ним последуют другие национальные революционные движения. Как Ста-

лин сам признал в речи 19 января 1925 г., у него почти нет надежд на возникновение революционных движений в других странах и, следовательно, на возможность оказать им вооруженную поддержку.

Оцененные под этим углом зрения слова Сталина, привлекшие тогда мало внимания, можно отнести к той категории высказываний, которые лишь в свете последующих событий приобретают мнимый дополнительный смысл. В 1925 г. еще не имеющий опыта во внешней политике Сталин был не в состоянии предвидеть сложившуюся в 1939 г. международную ситуацию (в 1925 г. Германия еще не принадлежала к упоминавшимся здесь западным демократиям!), а в 1939, и особенно в 1941 г., он вступил последним в решающий бой вовсе не таким уж самоуверенным. Ему была навязана опасная, длительная и изнурительная война за сохранение созданной им системы. И несмотря на новейшие спекуляции, совершенно отсутствуют доказательства каких-то иных, скрытых расчетов Сталина в то время (например, советских агрессивных планов).

44 *Leonidas E. Hill.* Die Weizsäcker-Papiere 1933-1950, Berlin, 1974, S. 154.

45 *Erich Kordt.* Nicht aus den Akten... Stuttgart, 1950, S. 309 sowie ders. Wahn und Wirklichkeit, Stuttgart, 1948, S. 155ff.

46 *Friedrich Gaus.* Eidesstattliche Versicherung. - In: Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg, (Prozeß) Nürnberg, 1949, Bd. XL, S. 293-298, hier S. 294.

47 Лично автору об этом говорил доктор Карл Шнурре.

48 См. соответствующие высказывания в опубликованных после смерти записках.

49 General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921-1941. Bearbeitet von *Hermann Teske,* Frankfurt/Main, 1966, S. 138ff.

50 *Hilger.* Wir, S. 282; *Hilger, Meyer.* Allies, p. 298.

51 *Frederick L. Schuman.* Night over Europe. The Diplomacy of Nemesis, 1939-1940. New York, 1941, p. 279.

52 *John W. Wheeler-Bennett.* Twenty Years of Russo-German Relations, 1919-1939. - In: Foreign Affairs, October 1946, p. 23-43.

53 *L.B. Namier.* Diplomatic Prelude, 1938-1939. London, 1938, p. 137-142, 189.

54 *Watt.* Initiation, p. 154, 159. Не помогает и обширный труд английских журналистов Антони Рида и Дэвида Фишера («The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939-1941», London/New York, 1987), причем несмотря на использование большого количества доступного печатного материала и пространных свидетельских показаний. На это справедливо указал в своей рецензии Дж. Хэслам (*Jonathan Haslam.* The Pact That Shook the Words. - In: Book Words, 18 September 1988, p. 10).

55 *Max Braubach.* Hitlers Weg zur Verständigung mit Rußland im Jahre 1939. Rede zum Antritt des Rektorats der Rheinischen Friedrich-

Wilhelms-Universität zu Bonn am 14. November 1959. Bonn, 1960, S. 9ff, 18ff.

[56] *Rauch.* Nichtangriffspakt, S. 354ff.

[57] *И.М. Майский.* Кто помогал Гитлеру? М., 1962, с. 173, 175.

[58] История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1963, т. Iб, с. 162, 174.

[59] *И.К. Кобляков.* Борьба Советского Союза против фашистской агрессии за коллективную безопасность накануне второй мировой войны. - «История СССР», 1962, № 3, с. 3-25, здесь с. 21.

[60] *Л.А. Безыменский.* Особая папка «Барбаросса». М., 1972.

[61] История внешней политики СССР. М., 1976, т. Iб, с. 389.

[62] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, с. 72.

[63] *И.Ю. Андросов.* Накануне второй мировой войны. - «Вопросы истории», 1972, № 10, с. 98.

[64] *В.Я. Сиполс.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979.

[65] *И.Ф. Максимычев.* Дипломатия мира против дипломатии войны. М., 1981, с. 238.

[66] *В.Я. Сиполс.* За несколько месяцев до 23 августа 1939 г. - «Международная жизнь», 1989, № 5, с. 128-141.

[67] Относительно появления подобного пробела в советском историческом сознании при проведении расследований и допросов в рамках Нюрнбергского процесса см.: *Seidl.* Beziehungen, S. 111ff; *Karl Dietrich Erdmann.* Fragen an die sowjetische Geschichtswissenschaft. Zum dritten deutsch-sowjetischen Historikertreffen in München. - «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1978, Nr. 29; *Karl Dietrich Erdmann.* Stalins Alternative im Vorfeld des Zweiten Weltkrieges: Bündnis gegen oder mit Hitler. - «Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt», 26. August 1979, Nr. 34, S. 8.

[68] Цит. по: *Лев Безыменский.* Альтернативы 1939 года. - «Новое время», 1989, № 24, с. 32.

[69] Цит. по: *V.J. Sipols.* Zur Vorgeschichte des deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrags. Moskau/Köln, 1981, S. 304.

[70] См.: *Helmut König.* Das deutsch-sowjetische Vertragswerk von 1939 und seine Geheimen Zusatzprotokolle. Eine Dokumentation. - «Osteuropa», 5/1989, S. 413-454. «Литературная газета», 5 июля 1989, № 27; Вокруг пакта о ненападении. - «Международная жизнь», сентябрь 1989 г., с. 90 и след.

[71] Как заявил А.А. Громыко в своем последнем интервью журналу «Шпигель» (24 апреля 1989, Nr 43), «Молотов уже после войны сказал ему... что не следует признавать никаких документов, относящихся к его переговорам с Риббентропом в 1939 г., кроме тех, которые официально опубликованы». Поэтому в изданной за рубежом книге Громыко назвал этот протокол фальсификацией, которую отверг еще Нюрнбергский суд («Erinnerungen». Düsseldorf/Wien/New York, 1989, S. 64-65).

В русском издании книги («Памятное», М., 1988) протокол не упоминается вовсе.

[72] *В. Фалин.* Почему в 1939-м? - «Новое время», 1987, № 38-41.

[73] «Sowjetunion heute», 9. September 1988, Beilage.

[74] «Sowjetunion heute», 3. März 1989, S. 58.

[75] *М. Семиряга.* 23 августа 1939 года. - «Литературная газета», 5 октября 1988, № 40, с. 14.

[76] Известия ЦК КПСС, 7(1989), с. 35.

[77] «Правда», 25 мая 1989.

[78] «Tiesa», 20.XII.1988; Альманах. Вестник литовского движения за перестройку «Саюдис», 1988.

[79] *Безыменский.* Альтернативы..., с. 35.

[80] «Правда», 2 июня 1989.

[81] «Правда», 3 июня 1989.

[82] См. выступления А. Бразаускаса и Х. Тооме 31 мая 1989 г. («Правда», 2 июня 1989 г.), В. Ландсбергиса 1 июня («Правда», 4 июня 1989 г.), Петерса 2 июня («Правда», 5 июня 1989 г.) и В. Ярового 6 июня («Правда», 7 июня 1989 г.).

[83] «Правда», 18 августа 1989 г.

[83a] «Правда», 28 декабря 1989 г..

[84] *W. Daschitschew.* Der Pakt der beiden Banditen. - «Rheinischer Merkur», 21. April 1989; «Stalin hat den Krieg gewollt». - «Rheinischer Merkur», 18. April 1989.

[85] *Max Beloff.* The Foreign Policy of Soviet Russia. London/New York/Toronto, 1952, T. 2, p. 250.

[86] *William L. Langer, S. Everett Gleason.* The Challenge to Isolation, 1937-1940. New York, 1952, p. 106, 111.

[87] *Gerhard L. Weinberg.* Germany and the Soviet Union 1939-1941. Leiden, 1971.

[88] *Reinhold W. Weber.* Die Entstehung des Hitler-Stalin-Paktes 1939. Frankfurt a. M., 1980, S. 139ff., 223ff.

[89] *Hilger.* Wir, S. 274.

[90] *Georg von Rauch.* Geschichte des bolschewistischen Rußland. Wiesbaden, 1955, S. 369f.

[91] Не случайно Г.А. Якобсен свои исследования национал-социалистской внешней политики (*Hans-Adolf Jacobsen.* Nationalsozialistische Außenpolitik 1933-1938, Frakfurt a. M./Berlin, 1968) довел только до 1938 г., после которого произошло серьезное перетряхивание кадров министерства иностранных дел, приспособление этого ведомства к фашистской идеологии, полное подчинение внешней политики решениям «фюрера» и, следовательно, наблюдалось увеличение трудностей при выполнении дипломатами своих служебных обязанностей.

[92] *Watt.* Initiation, p. 153.

[93] *Hilger.* Wir, S. 270ff., 274ff.

[94] *Hans von Herwarth.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931-1945. Frankfurt a. M./Berlin, 1982, S. 162.

[95] *Grégoire Gafencu.* Préliminaires de la Guerre à l'Est. De l'Accord de Moscou aux Hostilités en Russie. Fribourg, 1944, p. 117.

[96] *David J. Dallin.* Soviet Russia's Foreign Policy. New Haven, 1944, p. 22, 27.

[97] *John W. Wheeler-Bennett.* Twenty Years of Russo-German Relations, 1919-1939. - In: Foreign Affairs, October 1946, p. 23-43.

[98] *Langer, Gleason.* Challenge, p. 124.

[99] *L.B. Namier.* Europe in Decay. A Study in Disintegration, 1936-1940. London, 1950, p. 265.

[100] *Carl E. Schorske.* Two German Ambassadors: Dirksen and Schulenburg. - In: *Gordon A. Craig, Felix Gilbert.* The Diplomats, 1919-1939. Princeton, New Jersey, 1953, p. 477-511.

[101] *Weinberg.* Germany, p. 9; *Braubach. Weg, S. 10, 12ff., 19, 26; Rauch.* Nichtangriffspakt, S. 353; *Watt.* Initiation, p. 159.

[102] Они находились на чердаке замка Фалькенберг-Оберпфальц, который граф Шуленбург купил, восстановил, но в котором долгое время не проживал. Эти личные бумаги семья посла в октябре 1987 г. предоставила в распоряжение автора настоящей книги.

[103] И все же самого дорогого ему партнера по личной переписке - эмигрировавшую из России немку Аллу фон Дуберг - Шуленбург уберечь не смог. В мае 1944 г., за полгода до казни Шуленбурга, по распоряжению гестапо ее поместили в психиатрическую лечебницу, где и умертвили.

[104] Написанное от руки письмо графа Шуленбурга Алле фон Дуберг. - B: Nachlaß Botschafter Graf Schulenburg, Ordner Duberg «Briefe des Grafen F.W. v.d. Schulenburg ab 1. Januar 1939», Deutsche Botschaft Moskau, den 20. August 1939, mit Zusätzen vom 21. August 1939, S. 5/2-6/1.

[105] Там же, с. 1.

[106] Кёстринг сказал: «Во время продолжавшегося с весны 1939 г. осторожного зондажа возможности достижения взаимопонимания обеим сторонам постоянно удавалось с помощью высказываний, вложенных в уста их представителей Гитлером и Риббентропом, Сталиным и Молотовым, выходить на уровень высокой политики и создавать все более теплую атмосферу». И хотя эта важная фраза оказалась, к сожалению, недостаточно четко изложенной, смысл ее не вызывает сомнений.

[107] *Майский.* Кто помогал Гитлеру? с. 512, «Воспоминания советского посла. М., 1964, кн. 2, с. 513.

[108] *Namier.* Europe, p. 259.

[109] *Кобляков.* Борьба..., с. 21.

[110] *Андросов.* Накануне..., с. 107.

[111] Доктор К. Шнурре в беседе с Л. Безыменским и автором настоящей книги, состоявшейся 20 июня 1989 г.

[112] *A.J.P. Taylor.* The Origins of the Second World War. London, 1961, p. 242.

Германская дипломатия в России после Мюнхенского соглашения

[1] Словами «Вторая мировая война должна была разразиться 1 октября 1938 года» начал Григоре Гафенку свою подборку малоизвестных ранее документов «Derniers Jours de l'Europe. Un voyage diplomatique en 1939» (Paris, 1946, p. 21).

[2] Die Hassell-Tagebücher 1938-1944. Ulrich von Hassell. Aufzeichnungen. Vom Andern Deutschland. Nach der Handschrift revidierte und erweiterte Ausgabe. Berlin, 1988, S. 59, 54.

[3] На запротоколированном полковником Хосбахом совещании политического и военного руководства Германии, состоявшемся 5 ноября 1937 г., военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг, касаясь планов Гитлера: при первом удобном случае «с молниеносной быстротой совершить нападение на Чехию», - обратил особое внимание на мощь чехословацких укреплений, «по своему характеру сравнимых с «линией Мажино» и чрезвычайно затрудняющих наступление» (см.: Hoßbach-Protokoll. - In: International Military Tribunal (IMT). Nürnberg, 1947, T. 25, p. 403-413). Новейшие исследования подтверждают эти оценки и дают отрицательный ответ на вопрос о возможности военной победы над Чехословакией в 1938 г.

[4] См.: *Helmut Krausnick, Ludwig Beck.* - In: *Hermann Graml* (Hrg.). Widerstand im Dritten Reich. Probleme Ereignisse, Gestalten. Frankfurt a. M., 1984, S. 204-211.

[5] См.: *Peter Hoffmann.* Widerstand. Staatsstreich. Attentat. Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1969, S. 94ff.; *Peter Steinbach.* Der militärische Widerstand und seine Beziehungen zu den zivilen Gruppierungen des Widerstandes. - In: Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime, 1933-1945, Herfords. d., 1984, S. 219-262; *Helmut Krausnick.* Zum militärischen Widerstand gegen Hitler 1933-1938. Möglichkeiten, Ansätze, Grenzen und Kontroversen. - In: Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand, S. 311-364; dass. in: Vorträge zur Militärgeschichte, Herford/Bonn, 1984, Bd. 5, S. 27-80; *Klaus-Jürgen Müller.* Zu Struktur und Eigenart der nationalkonservativen Opposition bis 1938 - Innenpolitischer Machtkampf, Kriegsverhinderungspolitik und Eventual-Staatsstreichplanung. - In: *Jürgen Schmädeke, Peter Steinbach* (Hrg.). Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. München/Zürich, 1985, S. 329-344.

[6] Hassell-Tagebücher, S. 56.

[7] *Romedio Graf Thun-Hohenstein.* Septemberverschwörung. Der geplante Staatsstreich der Generale 1938. - «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 1. Oktober 1988, Nr. 229.

[8] *Kordt.* Wahn, S. 126.

[9] Hassell-Tagebücher, S. 55, 56, 59, 60.

[10] *Max Domarus.* Hitler. Reden und Proklamationen, 1932-1945. Würzburg, 1963, Bd. II, S. 1234.

[11] IMT Nürnberg, 1947, No. 798-PS; *Domarus.* Hitler. Bd. II, S. 1237.

[12] Несмотря на наличие отдельных превосходных работ, состояние научного исследования в целом все еще остается неудовлетворительным. Оно прежде всего малорезультативно в поисках ответов на поставленные вопросы. Фундаментальная работа Якобсена о национал-социалистской внешней политике 1933-1938 гг. заканчивается до рассматриваемого нами периода. Определенное направление дальнейшим исследованиям указывает его статья «Zur Struktur des NS-Außenpolitik 1933-45». - In: *Manfred Funke* (Hrg.). Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches. Düsseldorf, 1976, S. 137-185.

Относительно развития внешнеполитических служб при национал-социалистах см.: *Gordon A. Graig,* The German Foreign Service from Neurath to Ribbentrop. - In: *Gordon A. Craig, Felix Gilbert* (Hrg.). The Diplomats 1919-1939. Princeton, New Jersey, 1953, p. 406-436; *Donald C. Watt.* The German Diplomats and the Nazi Leaders, 1933-1939. - «Journal of Central European Affairs», T. XV, April 1954, No. 1, p. 148-160; *Joachim G. Leithuser.* Diplomatie auf schiefer Bahn. Berlin, 1953; *Paul Seabury.* Die Wilhelmstraße. Die Geschichte der deutschen Diplomatie 1930-1945. Frankfurt a. M., 1956; *Hans E. Riesser.* Haben die deutschen Diplomaten versagt? Eine Kritik an der Kritik von Bismarck bis heute. Bonn, 1959; *Hans Adolf Jacobsen.* Zur Rolle der Diplomatie im 3. Reich. - In: *Klaus Schwabe.* Das Diplomatische Korps 1871-45. Boppard am Rhein, 1985, S. 171-200.

В настоящее время готовится к изданию книга по истории министерства иностранных дел, с особым упором на период национал-социализма. О влиянии национал-социалистской идеологии и практики на некоторые отделы министерства иностранных дел см.: *Christopher Browning.* The Final Solution and the German Foreign Office. A Study of Referat D III of Abteilung Deutschland 1940-1943. New York, 1978; *Hans-Jürgen Döscher.* Das Auswärtige Amt im Dritten Reich. Diplomatie im Schatten der «Endlösung». Berlin, 1987. Исследования, касающиеся видных руководителей министерства иностранных дел, имеются в следующих трудах: *John L. Heinemann.* Hitler's First Foreign Minister Constantin Freiherr von Neurath. Diplomat and Statesman. Berkeley/Los Angeles/London, 1979; *Wolfgang Michalka.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933-1940. Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980; *Reinhard A. Blasius.* Für Großdeutschland - gegen den großen Krieg. Staatssekretär Ernst Freiherr von Weizsäcker in den Krisen um die Tschechoslowakei und Polen 1938/39. Köln/Wien, 1981; *Marion Thielenhausen.* Zwischen Anpassung und Widerstand. Deutsche Diplomaten 1938-1941. Die politischen Aktivitäten der Beamtengruppe um Ernst von Weizsäcker im Auswärtigen Amt. Padeborn, 1984.

О сопротивлении нацизму в министерстве иностранных дел кое-что известно, однако систематически этот вопрос почти не изучался. На оп-

ределенные трудности, связанные с подобными исследованиями, обратил внимание Клеменс фон Клемперер в статье «Nationale und internationale Außenpolitik des Widerstands» (In: *Schmädeke, Steinbach* (Hrg.). Widerstand, S. 639-651).

[13] *DeWitt C. Poole.* Light on Nazi Foreign Policy. - In: Foreign Affairs, October 1946, p. 130-154.

[14] Вайцзеккер о Нейрате и его предшественниках. - В: Prozeß, Bd. XIV, S. 321.

[15] См.: *Hans Mommsenn.* Der Widerstand gegen Hitler und die deutsche Gesellschaft. - In: *Schmädeke, Steinbach* (Hrg.). Widerstand, S. 3-23; *Klaus-Jürgen Müller.* Nationalkonservative Eliten zwischen Kooperation und Widerstand. - In: Ebd., S. 24-49.

[16] См.: *Hermann Graml.* Die außenpolitischen Vorstellungen des deutschen Widerstandes. - In: *Graml* (Hrg.). Widerstand, S. 92-139.

[17] *Fritz Wiedemann.* Der Mann, der Feldherr werden wollte. Valbert, 1964, S. 173ff.

[18] *Ribbentrop.* London, S. 126. Он сам, добавил Риббентроп, «не имел предубеждений и долгие годы старался сделать министерство иностранных дел более понятным фюреру».

[19] Из показаний секретаря Риббентропа Бланк. - В: Prozeß, Bd. X, S. 214.

[20] Эти и другие высказывания Гитлера, повторявшиеся в неофициальных беседах, собрал Г. Пикер (*H. Picker.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Stuttgart, 1976, S. 176ff, 308, 423, 364, Neuausgabe Berlin/Frankfurt/M., 1989).

[21] Prozeß, Bd. X, S. 427. Речь шла о разработке плана «Барбаросса».

[22] Научную монографию еще предстоит написать. Из числа мемуарной и публицистической литературы следует назвать: *Hilger.* Wir,; *Herwarth. Bernd Ruland.* Deutsche Botschaft Moskau. 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West. Bayreuth, 1964; *W. Joost.* Botschafter bei den Roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941. Wien, 1967; *Gerhard Kegel.* In den Stürmen unseres Jahrhunderts. Ein deutscher Kommunist über sein ungewöhnliches Leben. Berlin (-Ost), 1984, S. 154ff.

[23] Граф Фридрих Вернер Эрдманн Маттиас Иоганнес Бернгард Эрих фон Шуленбург, евангелического вероисповедания, родился 20 ноября 1875 г. в Кемберге (Саксония). В 1894 г. окончил гимназию и в 1894-1897 гг. изучал юриспруденцию в Лозанне, Берлине и Мюнхене. В 1901 г. Шуленбурга переводят в министерство иностранных дел для подготовки к консульской службе (карьера дипломата была ему заказана ввиду отсутствия достаточного личного состояния). Дальнейшая работа в министерстве иностранных дел протекала следующим образом: 1902 г. - обучение; 1903-1905 годы - вице-консул кайзеровского генерального консульства в Барселоне; в 1906 г. - руководство консульствами во Львове, Праге и Неаполе; в 1907-1911 годах - вице-консул генерального консульства в Варшаве; в 1911-1914 годах - консул германского рейха в Тифлисе; с августа 1914 по май 1915 г. - служба в армии, вначале старший лейтенант, затем капитан резерва I гвардей-

ского артполка, дислоцированного во Франции; с августа 1915 по июнь 1917 г. являлся офицером связи с турецкой армией и заведовал кайзеровским консульством в Эрзуруме; с июня 1917 по апрель 1918 г. руководил консульствами в Бейруте и Дамаске; с мая 1918 по январь 1919 г. - член делегации на мирных переговорах с Закавказской Республикой в Тифлисе, легационный советник; с января по июль 1919 г. - в английском лагере для интернированных; с августа 1919 по июль 1922 г. - служба в политическом отделе министерства иностранных дел старшим советником; 1922-1931 гг. - посланник 2-го класса в Тегеране; 1931-1934 гг. - посланник I класса в Бухаресте; 16 июня 1934 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом в Москве, где оставался до 24 июня 1941 г. С 20 июля 1941 г. и до ареста в августе 1944 г. Шуленбург работал в министерстве иностранных дел в Берлине. Лишен всех званий 20 октября и 10 ноября 1944 г. приговорен к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение в тюрьме Плётцензее.

Готовится к изданию в 1991 г. подробная биография графа фон Шуленбурга. Описание его деятельности в качестве посла главным образом в Москве в: Albrecht Graf v.d. Schulenburg. Sein Leben für deutsch-russische Verständigung. Botschafter F.W. Graf Schulenburg vor 100 Jahren geboren; *Walter Gehlhoff.* Gedenkansprache. - In: Gedenkfeier des Auswärtigen Amts zum 100. Geburtstag von Botschafter Friedrich-Werner Graf von der Schulenburg. Bonn, 10. Dezember 1975;. *Gerhard Kegel.* Ein Diplomat dreier Deutschlands: Friedrich Werner Graf von der Schulenburg. - In: «Horizont»; 17. Jahrgang/ 1944, 11; *Sigrid Wegner-Korfes.* Graf von der Schulenburg - Mitverschwörer des 20. Juli 1944. Zur außenpolitischen Konzeption des Botschafters des faschistischen Deutschlands in Moskau. - In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1984, Nr. 8, S. 681-699; *Erich Franz Sommer.* Botschafter Graf Schulenburg. Der letzte Vertreter des Deutschen Reiches in Moskau. Asendorf, 1987; *Sigrid Wegner-Korfes.* Friedrich Werner von der Schulenburg. Botchafter Nazideutschlands in Moskau und Mitverschwörer des 20. Juli 1944. - In: *Olaf Groehler* (Hrg.). Alternativen. Schicksale deutscher Bürger. Berlin (-Ost), 1987, S. 231-270. *Ingeborg Fleischhauer.* Der Widerstand gegen den Rußlandfeldzug. Graf Schulenburg und die Deutsche Botschaft Moskau. - In: Beiträge zum Widerstand 1933-1945. Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin, 1987, Nr. 31.

[24] См.: Nazi Membership Records. Submitted by the War Department to the Subcomittee on War Mobilization of the Commitee on Military Affairs. US Senate, Washington D.C., 1946: USSR; *Teske.* Köstring, S. 98. Теске отвергает легенду «о деятельности «пятой колонны» в Советском Союзе».

[25] *Herwarth.* Hitler, S. 97.

[26] Hassell-Tagebücher, S. 56.

[27] Оценки посла Шуленбурга и его единомышленников, касавшиеся большевистской России и сталинизма, принципиально отличались от тех клише, которые имели хождение в кругах национал-консервативной оппозиции Германии. См.: *Hans Mommsen.* Gesellschaftsbild

und Verfassungspläne des deutschen Widerstandes. - In: *Graml* (Hrg.) Widerstand, S. 14-91, hier vor allem, S. 28ff.

[28] *Herwarth.* Hitler, S. 113, 112, 111.

[29] *Grégoire Gafencu.* Préliminaires de la Guerre à l'Est. De l'Accord de Moscou aux Hostilités en Russie. Fribourg, 1944, p. 215.

[30] Шуленбург - в министерство иностранных дел, 3 февраля 1939 г. (ADAP, IV, Nr. 283, S. 319).

[31] *Hilger.* Wir, S. 312. Здесь в экстремальных условиях разговора с Молотовым в момент объявления войны утром 22 июня 1941 г. Об этом рассказывали автору настоящей книги Ганс Херварт фон Биттенфельд, Вальтер Шмидт и Карл Шнурре.

[32] Из беседы с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным 20 августа 1938 г. в связи с приготовлениями Германии к нападению на Чехословакию и возможными последствиями советско-японского пограничного конфликта. Потемкин записал: «Шуленбург комически развел руками...» (ДВП СССР, т. 21, с. 440).

[33] Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA). Botschaft Moskau, geheim, Politische Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion, Abschrift zu Pol. I 163/38 g (V), 429977-430016.

[34] Из личных бумаг графа Шуленбурга. Письмо фон Бломберга Шуленбургу от 7 декабря 1937 г.

[35] *Kordt.* Wahn, S. 130.

[36] *Teske.* Köstring, S. 97.

[37] Докладная записка Шуленбурга от 29 сентября 1938 г. (ADAP, D, II, Nr. 667, S. 799).

[38] ADAP, D, IV, Nr. 476, S. 529.

[39] Из письма Шуленбурга Алле фон Дуберг от 3 октября 1938 г. (Nachlaß Botschafter Schulenburg, Briefwechsel mit Alla Duberg, Moskau, 11.2.1938-18.8.1939, S. 2).

[40] Письмо от 16 октября 1938 г., посланное из Москвы в Берлин племяннице - графине Урсуле фон Шуленбург (Nachlaß Botschafter Schulenburg, Aktenordner: Briefwechsel mit Verwandten, Moskau, 7.10.1938-20.5.1940, S. 1).

[41] Шуленбург - Алле фон Дуберг, 3 октября 1938 г. (Nachlaß Botschafter Schulenburg, Briefe... 1937 bis 31.12.1938, S. 5).

Дипломатическая инициатива в отношении пакта о ненападении

[1] Характерным для представлений Советского правительства о том, что можно ожидать от Мюнхенского соглашения, явились слова заместителя наркома иностранных дел Потемкина, обращенные к германскому послу Шуленбургу на встрече 29 сентября 1938 г. по просьбе последнего. Возражая Потемкину, заявившему, что подобным решением проблемы судетских немцев Гитлер расчистил себе путь в Польшу и на Советскую Украину, Шуленбург напомнил о последней речи Гитле-

ра, в которой он «отказывается от любых дальнейших планов, связанных с территориальными притязаниями в Европе». Как писал Шуленбург, на это Потемкин ответил, что «еще неизвестно, причисляет ли национал-социалистская доктрина Советский Союз и Советскую Украину к Европе» (ADAP, D,II, Nr. 667, S. 800)

[2] *Coulondre.* Staline p. 264. Там же, на с. 165, говорится: «Отказ от Чехословакии имел два прямых и в равной степени тяжелых последствия: он склонил СССР на сторону Германии и явился началом польского кризиса».

[3] Ibid., p. 165.

[4] *A.Rosso.* Obiettivi e metodi della politica estera sovietica. - In: Rivista di Studi Politici Internationali, Jg. XIII, n . 1-2 (gennaio-giugno 1946), p. 3-29, qui p. 9.

[5] Ibid., p. 9.

[6] Гафенку добавил: «Глубокая драма взаимного непонимания способствовала войне, которой опасались как Запад, так и Советский Союз» (Rosso. Obieltivi, p. 10).

[8] *В.П.Потемкин.* Политика умиротворения агрессоров и борьба Советского Союза за мир. М., 1953, с. 22 и сл.

[9] В своей «Истории дипломатии» (Histoire de la diplomatie, vol. 3, p. 674) он писал: «Явное взаимное согласие в отношении германского наступления объединило участников Мюнхенской конференции».

[10] «Правда», 1 октября 1938 г. Подробнее в: *B.Budurowycz.* Polish-Soviet Relations 1932-1939. New York/London, 1983, p. 127.

[11] *Namier.* In the Nazi Era. — In: *Strang.* Home, p. 153; *Duroselle.* Politique, p. 84; *Taylor.* Origins, p. 192; *Watt.* Initiation, p. 155.

[12] *Belloff.* Policy, p. 211.

[13] *J.H.Carr* . From Munich to Moscow. — In: Soviet Studies, 1949, t.I,June, p. 3-17, T.II, October, p. 93-105.

I. Расширение торговых связей

[1] *Sipols.* Vorgeschichte, S. 220. Из последних западных исследований см.: *Heinrich Bartel.* Frankreich und die Sowjetunion, 1938-1940. Wisbaden/Stuttgart, 1986, S. 52-63.

[2] О значении Закарпатской Украины с точки зрения советских историков см. ниже.

[3] *Duroselle.* Politique, p. 83; DM, 1, Nr. 109, S. 297f.

[4] ДВП СССР, т. 21, № 423, с. 590.

[5] 24 октября 1938 г. Шуленбург в частном письме в Берлин писал, что сотрудники посольства «в настоящее время имеют большие неприятности и трудности с местными властями. Так же как раньше придирались к консульствам, начали теперь причинять неприятности нашему дипломатическому корпусу ... Придирки следуют одна за другой!..» Вместе с тем он добавил: «Пожалуйста, не верь тем страшным измыш-

лениям, которые публикуют европейские газеты о здешних делах... Здесь царит полный покой». - Цит. по: Nachlaß Botschafter Schulenburg (Aktenordner Duberg), S. 3.

[6] Кёстринг также отметил, что «малая война против дипломатов» затрагивает не только немцев. Он признал, что, возможно, «среди представителей дипломатического корпуса и членов их семей и имели место случаи спекуляции», однако «происходящее здесь свидетельствует о крайней бесцеремонности в обращении с иностранцами». Письмо Кёстринга Типпельскирху (ОКВ) от 24 октября 1938 г., в: *Teske. Köstring*, S. 210-211.

[7] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 3 октября 1938 г. (Nachlaß, S. 5-6).

[8] В письме от 24 октября 1938 г. Шуленбург сообщил Алле фон Дуберг: «В середине ноября отсюда уезжает английский посол и я становлюсь дуайеном. Мне жутко, когда подумаю, что тогда я должен буду представлять в здешнем правительстве интересы всего дипломатического корпуса. Посмотрим, как я с этим справлюсь».

[9] 10 октября 1938 г. в частном письме Шуленбург сообщил о своем прибытии в Берлин в «начале ноября». «Мне нужно, - писал он, - многое сделать сейчас, когда серьезный кризис мирно закончился. Едва ли А.А. будет иметь что-то против этого». Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 10 октября 1938 г. (Nachlaß, S. 2).

[10] Типпельскирх - Шлипу, 3 и 10 октября 1938 г. (ADAP, D, IV, Nr. 476, 477, S. 529-532).

[11] Евгений Гнедин (сын Александра Парвуса-Гельфанда), бывший тогда заведующим отделом печати Наркоминдела, позднее поведал (Das Labyrinth. Hafterinnerungen eines führenden Sowietdiplomaten, Freiburg i. Br., 1987, S. 124ff) об уходе Литвинова и последующих событиях. Показательно, писал он, что примерно за год до заключения германо-советского пакта «и политический штаб Сталина, и гитлеровские дипломаты в Москве с недоверием и враждебностью относились к Литвинову и его сотрудникам ... С осени 1938 г. посольство Гитлера в Москве рассчитывало на поворот сталинской политики в сторону Германии и с нетерпением ожидало отстранения М.М. Литвинова с поста народного комиссара и ареста его наиболее добросовестных сотрудников (среди них и Гнедина. - *И.Ф.*). О подобных ожиданиях германских дипломатов свидетельствуют также документы... министерства иностранных дел».

Тот факт, что отдельные германские дипломаты отдавали предпочтение Молотову, не имеет особого значения. Образованный, из русских мелкопоместных дворян, с момента назначения (в 1922 г.) одним из помощников генерального секретаря, имевший доступ непосредственно к Сталину, а после XVI съезда (1930 г.) являвшийся членом Политбюро, он с середины 30-х годов казался антисемитски настроенным кругам в германском министерстве иностранных дел человеком, на которого немецкой стороне следовало делать ставку. И хотя Литвинов никогда не пользовался у Сталина таким довери-

ем, как Молотов, последний, если учитывать холодную корректность его поведения по отношению к германским дипломатам, подобного предпочтения никак не «заслужил», ибо никогда не давал убедительных доказательств своей принадлежности к «пронемецкой фракции» в Кремле. Заслуживает внимания заявление Гнедина о том, что документы министерства иностранных дел также свидетельствовали о прогнозах германского посольства. Сам он в то время, возможно, пользовался и другими источниками информации. Возникает вопрос, а не располагала ли советская сторона ключом и комбинацией к сейфу посольства, которые она до 1937 г. явно имела (см.: *Hilger.* Wir, S. 266), и, возможно, даже ключом к германскому дипломатическому шифру или же по другим каналам (шпионы, агенты, подслушивающие устройства и т.д.) знакомилась с секретной перепиской посольства. Это предположение объяснило бы осведомленность Гнедина и позволило бы сделать серьезные выводы относительно поведения советской стороны в определенных ситуациях.

[12] *Watt.* Initiation, p. 156. Уатт оставляет без ответа вопрос о том, знала ли, когда и в какой степени советская сторона об этом решении посла; информацию она могла получить в результате наблюдения за посольством и линиями связи, с помощью системы прослушивания.

[13] Goebbels-Tagebücher, Teil 1, Aufzeichnungen 1924-1941. Bd. 3, München/N.Y./London/Paris, 1987, S. 547.

[14] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 24 октября 1938 г., в: Nachlaß, S. 4f.

[15] Как показывает сделанная от руки пометка Типпельскирха, составленная «для обсуждения в министерстве иностранных дел» записка была отпечатана в нескольких экземплярах. На рекомендацию советника посольства - взять с собой «оригинал и копию» - посол ответил (27.10.), что «уже имеет две копии». Сохранилась только копия германского посольства в Москве с пометкой «оставить здесь». Остальные экземпляры Шуленбург, вероятно, передал в министерство иностранных дел. Они явились основой планируемой инициативы сближения (ADAP, D, IV, Nr. 478, S. 533).

[16] *Schorske.* Ambassadors, p. 196, 495.

[17] Беседа Риббентропа с польским послом в Берлине Липским. См.: *Yoachim von Ribbentrop.* Zwischen London und Moskau. Leoni am Starnberger See, 1953, S. 154; *Weeler-Bennett.* Years, p. 38.

[18] GSA, S. 395; GGVK, S. 185ff.

[19] Hassell-Tagebücher, запись от 4 ноября и 15-18 декабря 1938 г., с. 61-62, 68-69.

[20] *Otto Meissner.* Staatssekretär unter Ebert-Hindenburg-Hitler. Hamburg, 1950, S. 514.

[21] Эмиль Карл Йозеф Виль, родился в 1886 г. в Вальдюрн/Бадене в семье председателя земельного суда. Окончил гимназию в Карлсруэ, изучал право в Гейдельберге, Берлине и Фрайбурге. Один год работал

референтом, затем судебным асессором; 1914-1918 гг. - старший лейтенант и полковой адъютант во Франции; 1917 г. - участковый судья в Бадене; 1919 г. - прокурор; 6.4.1920 г. - поступил на службу в министерство иностранных дел, где работал секретарем (1921), затем советником посольства в Лондоне (1923) и советником миссии 2-го кл. при посольстве в Вашингтоне (1925). В 1927 г. - генеральный консул в Сан-Франциско; в 1933 г. - генеральный консул, а в 1934 г. — посланник 1-го кл. в Претории. В 1937 г. - министериальдиректор в министерстве иностранных дел, начальник отдела торговой (а затем экономической) политики. Женат на Мари Л. Абелл, урожденной Ваттс. В соответствии с директивой Гитлера от 19 мая 1943 г. «об отстранении с руководящих постов в государстве, партии и вермахте лиц, имеющих международные обязательства» он был отправлен на пенсию приказом от 28 сентября 1944 г., подписанным Гитлером и Риббентропом, а также циркуляром Риббентропа от 3 ноября 1944 г. (Перс. д. 9673). PA AA, Pers. Gen. Nr. 37/43 g.

[22] ADAP. D, IV, Nr. 479, S. 534.

[23] *Alfred Kube.* Pour le mérite und Hakenkreuz. Hermann Gring im Dritten Reich. München, 1986.

[24] См.: *Wiedemann.* Mann, S. 179.

[25] Значение опыта войны для обсуждаемого здесь стремления германской дипломатии к сближению и примирению с СССР - тема особого исследования. В случае с доктором Шнурре (род. в 1898 г.) эта связь очевидна. В 1915 г. из старшего класса средней школы он пошел добровольцем на фландрский фронт. Ему и его товарищам предстояло пополнить полк, который в октябре 1914 г. под Лангемарком под пение германского гимна погиб под ураганным огнем англичан. С 1916 г. Шнурре находился на северном участке русского фронта, где был ранен в 1918 г. После излечения воевал под Верденом; в 1919-1920 гг. служил в составе Добровольческого корпуса, участвовал в жестоких боях в Берлине и в Польше. «Лангемаркское поколение» обладало иммунитетом против соблазна «решений» военными средствами. Не случайно поэтому доктор права (1922) стал сотрудником арбитражного отдела министерства иностранных дел (1925), а затем и германо-английского арбитража в Лондоне.

[26] Записка советника посольства Шнурре (отдел экономической политики), в: ADAP, D, IV, Nr. 481, S. 538-539.

[27] *Hilger.* Wir, S. 270; *Hilger/Meyer.* Allies, S. 284; *Duroselle.* Politique, p. 90; *Watt.* Initiation, p. 156. Приблизительно к этому времени стали вслух высказывать догадки о германо-советском сближении. Так, 30 ноября дипломатическая миссия США в Бухаресте на основе поездки Шуленбурга в Берлин и проводимых им там бесед обратила внимание государственного департамента на возможность того, что Германия тайно предложила СССР заключить пакт о ненападении. Это побудило Вашингтон к большей бдительности (The Memoirs of Cardell Hull, N.Y., 1948, p. 655).

[28] Записка советника миссии Хильгера от 23 декабря 1938 г. (ADAP, D, IV, Nr. 482, S. 539-542).

[29] Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А.Ф. Мерекалова в Наркоминдел СССР от 6 июля 1938 г. (ДВП СССР, т. 21, № 251, с. 349-350).

[30] 9 ноября - в день организованных бесчинств против евреев Германии («хрустальная ночь») - он был еще в Берлине. За усилением антисемитизма в гитлеровской Германии посольство, находясь в отдалении в Москве, наблюдало вначале сдержанно, а позднее «со стыдом и в бессильной ярости» (Херварт).

31 Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 14 ноября 1938 г. (Nachlaß, S. 1).

[32] *Heinrich Bartel.* Aleksei Fedorovic Merekalov. - In: Yahrbücher für Geschichte Osteuropas, NF, 33(1985), H. 4. S. 518-545.

[33] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 14 ноября 1938 г. (Nachlaў, S. 2).

[34] В неоднократных беседах с автором.

[35] *DeWitt Pool.* Light, p. 141; *Hilger/Meyer.* Alliance, p. 288; Hilger. Wir, S. 274f.; *Herwarth.* Hitler, p. 161; *Beloff.* Policy, p. 227; *Duroselle.* Politique, p. 90; *Schorske.* Ambassadors, p. 498. Через три года после того, как Де Витт Пул первым сообщил об этой договоренности, Э.Х. Карр, указывая на сомнительный характер не названных Де Виттом источников, объявил его версию неправдоподобной (Carr. Munich, I, p. 9f.) После этого появились воспоминания Эриха Кордта, Густава Хильгера и Ганса фон Херварта, главных свидетелей этой договоренности между послом и народным комиссаром, и теперь данный факт уже не вызывает сомнений. Спорным остается точная дата и политическое значение договоренности.

[36] *Kordt.* Wahn, S. 157, Anm. 2.

[37] *Hilger/Meyer.* Allies, p. 288.

[38] *Rauch.* Nichtangriffspakt, S. 353; Hilger. Wir, S. 274ff.

[39] Так Вебер (Entstehungsgeschichte, S. 21), ссылаясь на Хильгера, склонен признать, что подобная промежуточная форма соглашения существовала, и говорит о «примечательной» договоренности Шуленбурга и Литвинова относительно «прекращения нападок на глав государств в средствах массовой информации». Далее Вебер пишет: «Гитлер придерживался этого соглашения; тон его речей оставался воинственным, однако объектом нападок стала теперь Великобритания. Эта новая тенденция ... особо проявилась в его выступлении в рейхстаге 30 января 1939 г.»

[40] 8 декабря 1938 г. Шуленбург писал в Берлин: «Херварт откомандирован на два месяца в генеральное консульство в Мемель, это еще одно доказательство того, что там что-то «готовится» или назревает... будем надеяться, что все ограничится только двумя месяцами». (Nachlaß, S. 1).

[41] *Herwarth.* Hitler, S. 162.

[42] Запись переговоров Астахова с Вёрманном 19 ноября 1938 г. и переговоров со Шлипом 2 декабря 1938 г. (ДВП СССР, т. 21, № 457 и 477, с. 640, 660).

[43] «В отношении Советской России прессе надлежит быть крайне сдержанной» (Bundesarchiv(BA), ZSg. 102/16, S. 31). «... Предписанную сдержанность немецкой прессы по отношению к Советскому Союзу» (BA, ZSg 10/34, S. 235).

[44] Goebbels-Tagebücher, 12. und 14 Dezember, 1938, S. 546, 548. О сохранении в принципе прежних настроений говорит тот факт, что несколько позже он назвал ОГПУ «сущей дьявольской организацией Европы» (S. 550).

[45] IMT L-3, in: ADAP, D, VII, Nr. 193, Anm. 1, S. 171.

[46] В политическом отчете министерству иностранных дел 18 ноября 1938 г. (ADAP, D, IV, Nr. 480, S. 536) Шуленбург отметил, что «внутриполитические меры последних лет (расстрелы генералов, чистки и т.п.), направленные главным образом на укрепление власти Сталина», будут и в дальнейшем признаны необходимыми. «А потому чистка продолжается, в результате которой люди, подобные маршалу Блюхеру, внезапно бесследно исчезают...»

[47] О продолжающейся чистке в армии в тот период см.: *John Erickson.* The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany. London, 1975, vol. 1, p. 6.

[48] См.: *Teske.* Köstring, S. 219. Шуленбург - Алле фон Дуберг 5 декабря 1938 г. писал: «Здесь ходят слухи, согласно которым печально известному шефу ГПУ Ежову пришел «конец». Весьма похоже, что слухи соответствуют действительности. Никто о нем не заплачет!» (Nachlaß, S. 5). В письме от 8 декабря 1938 г., адресованном той же Алле фон Дуберг, говорилось: «Между прочим, имеется новость, товарищ Ежов уступил комиссариат внутренних дел грузину Берия... О смене официально объявлено. Посмотрим, не наступит ли действительно ослабление террора» (там же, S. 2).

[49] Отчет Кёстринга Типпельскирху от 10 октября 1938 г., в: *Teske.* Köstring, S. 297.

[50] Политический отчет посла в Москве министерству иностранных дел от 18 ноября 1938 г. (ADAP, D, IV, Nr. 480, S. 536).

[51] Речь Председателя Совета Народных Комиссаров Молотова 8 ноября 1938 г. См. также отчет итальянского посла Аугусто Россо министерству иностранных дел Италии от 9 ноября 1938 г., в: *Augusto Rosso.* Rom 1979 (Collana di Testi Diplomatici, 7), p. 91; *Beloff.* Policy, p. 219.

[52] Георгий Димитров, «Правда», 7 ноября 1938 г.; *Duroselle.* Politique, p. 89.

[53] «Большевик», 1938, № 21-22, с. 51. См. также: *Dallin.* Policy, p. 11.

[54] ADAP, D, IV, Nr. 480, S. 534-537.

[55] *Schorske.* Ambassadors, p. 496.

[56] Как выяснилось позднее, Тейер занимал руководящий пост в американской разведке (*Herwarth.* Hitler, S. 352ff).

[57] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 20 ноября 1938 г. (Nachlaß, S. 3).

[58] С точки зрения СССР и ГДР см.: *Alexander S. Blank, Julius Mader.* Rote Kapelle gegen Hitler. Berlin (-Ost), 1979.

[59] См. телеграмму «Рамзая» (Рихарда Зорге) советскому Генеральному штабу от 3 октября 1938 г. («СССР в борьбе за мир...», № 12, с. 31-32) со ссылкой на военного атташе Германии в Токио, а также запись беседы советника германского посольства в Варшаве (Рудольфа фон Шелиа) с вице-директором политического департамента министерства иностранных дел Польши от 18 ноября 1938 г. (там же, No. 45, с. 82-85).

[60] Научная дискуссия по этому вопросу еще не только не завершена, но даже не начата должным образом. Чтобы приступить к ней на прочной основе, необходимы данные, содержащиеся в британских документах, а также в официальных (дипломатических и др.) и неофициальных (донесениях разведки и т.п.) сообщениях из Великобритании в Москву. За неимением окончательной оценки см. советские источники: GGVK, с. 186; *Максимычев.* Дипломатия мира..., с. 233; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 221.

Британские источники: *Taylor.* Origins («Peace for six months»), p. 186; *Keith Middlemas.* Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany, 1937-1939. London, 1972, p. 410-411; *N.H. Gibbs.* Grand Strategy. Bd. I, London, 1976, p. 689-690 (с архивными документами). Из более поздних немецких исследований: *Gottfried Niedhart.* Grobritannien und die Sowjetunion, 1934-1939. Studien zur britischen Politik der Friedenssicherung zwischen den beiden Weitkriegen. München, 1972, S. 357f.

Французские источники: *Anthony Adamthwaite.* France and the Coming of the Second World War 1936-1939. London, 1977, kap. 15 («A free hand in the East?»); *Bartel.* Frankreich, p. 52.

[61] Это также с беспокойством обсуждалось Шуленбургом во время берлинских бесед. 28 ноября 1938 г. он писал Шлипу из Москвы: «Мы уже говорили в Берлине о том, что о Польше плохо отзывается печать и Англии, и Франции и что она не пользуется расположением правительственных кругов», а «Франция становится все равнодушнее по отношению к Восточной Европе» (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178445).

[62] Письмо Шуленбурга Шлипу от 28 ноября 1938 г. (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178446).

[63] Письмо Шуленбурга Шлипу от 5 декабря 1938 г. (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178454).

[64] Советник посольства Рудольф фон Шелиа регулярно передавал тайную информацию своей сотруднице Ильзе Штёбе, полагая, что сведения предназначаются для Англии. Штёбе, однако, посылала ее Рудольфу Херрнштадту в Москву, который являлся работником советской разведки. (*Blank/Mader.* Kapelle, S. 136).

[65] Из беседы фон Шелиа с вице-директором политического отдела министерства иностранных дел Польши Кобылянским («СССР в борьбе за мир...», № 45, с. 82).

[66] Documents on Britisch Foreign Policy (DBFP), Bd, 3, p. 306; GGVK, S. 186.

[67] См.: *Ribbentrop.* London, S. 156ff.; ADAP, D, V, Nr 101; «Polnisches Weißbuch», Nr. 45, 46.

[68] *Anna M. Cienciala.* Poland and the Western Powers, 1938-1939, London, 1968.

[69] PAT - Kommuniqué vom 26. November 1938. - In: General Sikorski Historical Institute. Documents on Polish-Soviet Relations 1934-1945. London/Melburnne/Toronto, 1961, vol. I, No. 15, p. 24; сообщение ТАСС о советско-польских отношениях от 27 ноября 1938 г. («СССР в борьбе за мир...», № 54, с. 96-97; DM, I, Nr. 115, S. 308).

[70] *Wheeler-Bennett.* Years, p. 39; *Beloff.* Policy, p. 216.

[71] Письмо Кёстринга Типпельскирху от 28 ноября 1938 г. (*Teske.* Köstring, S. 211-213).

[72] Письмо Шуленбурга Шлипу от 28 ноября 1938 г. (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178445 ff).

[73] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 28 ноября 1938 г. (Nachlaß, S. 3).

[74] Это острое предчувствие войны неоднократно находило отражение в частной переписке. Например, 28 ноября 1938 г. он писал Алле фон Дуберг: «... Я намерен увезти отсюда как можно больше своих вещей...» (Там же, S. 2).

[75] ADAP, D, IV, Nr. 108, S. 115-117.

[76] Кёстринг - Типпельскирху, 10 октября 1938 г. (*Teske.* Köstring, S. 207).

[77] Шуленбург - Шлипу, 5 декабря 1938 г. (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178454).

[78] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 5 декабря 1938 г. (Nachlaß, S. 5).

[79] Будучи посланником в Бухаресте (1931-1934), Шуленбург боролся с влиянием вначале национал-социалистского движения, а затем партии и правительства Гитлера на внутреннюю политику Румынии, но не смог помешать этому. Попытки устранения «Железной гвардии», вызвавшие в Берлине сильнейшее раздражение, вселили в него надежду на внутреннюю силу сопротивления Румынии немецкому давлению.

[80] 5 декабря 1938 г. он писал Шлипу: «Как Вы помните, недавно в Берлине я уже высказывал мнение, что здесь так продолжаться не может, должны наступить перемены, будь то вместе со Сталиным или против него. То, о чем здесь говорят, должно означать, что поворот произойдет по инициативе Сталина» (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178457).

[81] Ebd.

[82] Ebd., 178458.

[83] PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178462-65. Отсутствующий номер дневника, возможно, указывает на то, что эта запись не предназначалась для Берлина, а была лишь пометкой для памяти.

[84] В немецких документах, в воспоминаниях Надольного и Хильгера нет никаких сведений об этой беседе. Вместе с тем существует под-

робная телеграмма Мерекалова от 5 января 1939 г. в адрес Наркоминдела, в которой речь идет об этом разговоре. См.: Архив внешней политики СССР (далее: АВП СССР), ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 5.

[85] *Nadolny.* Beitrag, S. 294.

[86] Записка начальника отдела экономической политики от 11 января 1939 г. (ADAP, D, Nr. 483, S. 542-543).

[87] В записях Р. фон Шелиа, сделанных в конце декабря 1938 г., указывалось, что Германия и Польша имели ясное представление о «политических перспективах для европейского Востока... Через несколько лет Германия начнет войну против Советского Союза, а Польша, добровольно или поневоле, станет поддерживать Германию в этой войне. Подготовительная работа начнется во время встречи Риббентропа с Беком 6 января 1939 г., но,возможно, также и в беседе лично с Гитлером в Германии» («СССР в борьбе за мир...», № 83, 84, с. 141-143).

[88] ADAP, D, V, Nr. 119, S. 127-132; «Polnisches Weißbuch» Nr 48; Ribbentrop. London, S. 159 («Результаты этих переговоров не особенно воодушевляли»); *Kleist.* Tragödie, S. 44ff; Kleist. Hitler, S. 17; о беседе Гитлера с Беком 5 января 1939 г. в: Dokumente und Materialien aus der Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges 1937-1939 (DM). Moskau/Frankfurt a.M, 1983, Bd. 2, Nr. 1, S. 3-10. Там же (Nr. 2, S. 10-14) см. запись о беседе Риббентропа с Беком.

[89] Советское правительство, как это явствует из советских публикаций, лишь 20 января 1939 г. узнало о том, что Бек устоял перед энергичным нажимом Германии. Руководитель германского общества по изучению Восточной Европы доктор Вернер Маркерт, осведомитель советской разведки, сообщил 19 января 1939 г., что усилия «влиятельных германских органов при всех обстоятельствах ускорить столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника», под влиянием которых находился Гитлер, потерпели неудачу. Где-то около рождества Гитлер якобы начал более критично оценивать шансы войны в Восточной Европе. Советско-польское коммюнике и особенно поведение Бека окончательно вынудили оставить мысль о войне в Восточной Европе и направили его взор на «конфликт с западными державами» (запись беседы с генеральным секретарем германского общества по изучению Восточной Европы, в: «СССР в борьбе за мир...», с. 161-163).

[90] *Duroselle.* Politique, p. 91; *Hilger.* Wir, S. 271.

[91] Ebd., S. 271; *Hilger/Meyer.* Allies, S. 285.

[92] Записки от 11 января (без указания адресата) и 12 января 1939 г. (с краткой пометкой: «Через господина статс-секретаря доложить господину рейхсминистру»), в: ADAP, D, IV, Nr. 483, 484, S. 542-543.

[93] Детальное описание, предоставленное Шуленбургом в начале февраля 1939 г. итальянскому коллеге Россо по его просьбе, подтверждает, что советская сторона лишь постепенно повернулась лицом к германским предложениям. См. докладную записку Россо от 5 февраля 1939 г. министру иностранных дел Чиано, в: Ministero degli Affari Esteri (MdAE), Serie: Affari politici, Russia 35 (1939.3), Rapporti politici Russia-Germania, n. 543/219, p. 2.

[94] Письмо Россо в адрес Чиано от 5 февраля 1939 г. (Ebd.).

[95] В начале февраля 1939 г. Шуленбург сообщил Россо: «Советское правительство настаивало на том, чтобы переговоры велись в Москве» (Ebd.).

[96] *Wiedemann.* Mann, S. 231f. См. также: *Schuman.* Night, p. 278 («Гитлер избрал советского полпреда для дружеского разговора»); *Rossi.* Jahre, p. 20; *Watt.* Initiation, p. 159; *Allard.* Stalin, S. 96 («сердечный разговор»); *Rauch.* Nichtangriffspakt, S. 353 («демонстративная беседа Гитлера с советским полпредом Мерекаловым 12 января 1939 г.»); *Sipols.* Vorgeschichte, S. 294. Д. Ирвинг (*D. Irving.* The War Path. Hitler's Germany 1933-1939. London, 1978, p. 180), указывая на недостаточные знания немецкого языка Мерекаловым, высказал мнение, что «содержание разговора не имело значения. Важным была его продолжительность. Гитлер беседовал с Мерекаловым несколько минут. Таким путем он дал понять Москве, что мог бы забыть прошлые разногласия». Далее, на с. 337, Ирвинг расценивает «продолжительную беседу с Мерекаловым» как «первый шаг» усилий Гитлера к тому, чтобы заручиться «поддержкой Сталина». Ирвинг ссылается также на выступление Гитлера 22 августа 1939 г. перед генералитетом, в котором тот подчеркнул, что «поворот» немецкой политики в сторону СССР начался с того, что он (Гитлер) «на одном из приемов обошелся с советским послом так же учтиво, как и с другими дипломатами» (IMT, XLI, p. 17-23). Подобное связывание этих событий вызывает сомнение. Контекст высказывания Гитлера создает впечатление, что скорее речь шла о его встрече с Астаховым на приеме по случаю открытия дня немецкой культуры в Мюнхене 17 июля 1939 г. (см. ниже).

[97] Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers, 1939. Washington, 1956, vol. 1, No. 30, p. 313.

[98] Телеграмма Мерекалова в Наркоминдел от 12 января 1939 г. (АВП СССР, ф. 059, оп. I, п. 294, д. 2036, л. 17).

[99] См. письмо читателя В. Грановского «Еще раз о договоре 1939 г.: у истории нет вариантов» («Литературная газета», 26 апреля 1989 г., с. 14). Грановский в этой беседе видит начало к сближению и отмечает, что впервые «любезное внимание» Гитлера упомянул в конце февраля 1939 г. журнал «Большевик» в статье, подписанной В. Гальяновым. Ее подлинным автором был первый заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин. В статье Потемкин выразил недовольство французскими партнерами по союзу и указал на то, что Рапалльский договор попрежнему остается в силе (получить эту статью автор не смог). О многочисленных статьях Потемкина, опубликованных после XVIII съезда партии в обход Литвинова и сильно способствовавших его изоляции, говорит биограф Литвинова З.С. Шейнис в книге «Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек» (М., 1989, с. 360).

[100] *Maxim Litvinow.* Memoiren. Aufzeichnungen aus den geheimen Tagebüchern. München, 1956, S. 258.

[101] Этому противоречит факт наличия за период с апреля 1939 г. записей сотрудников советского представительства в Берлине о немецком зондировании.

25—841

[102] *Schuman*. Night, p. 278; *Beloff*. Policy, p. 215.

[103] См.: *E. Chászár*. Decision in Vienna. 1978; *Gyuba Juhász*. Hungarian Foreign Policy 1919-1945. Budapest, 1979, p. 145; *Dmytro Zlepko*. Die Entstehung der Polnisch-Ungarischen Grenze (October 1938 bis Marz 1939). München, 1980, S. 70.

[104] Сообщение Шуленбурга министерству иностранных дел 3 декабря 1938 г. (ADAP, D, V, S. 116).

[105] Дирксен из Лондона министерству иностранных дел, 4 января 1939 г. (ADAP, D, IV, S. 315-317).

[106] См. записку рейхсминистра иностранных дел от 9 января 1939 г. (ADAP, D, V, S. 132-134).

[107] 9 января 1939 г. Шуленбург писал фрау фон Дуберг: «Только что по телефону я получил из канцелярии посольства сообщение, что господин фон Риббентроп мою поездку в Берлин одобрил». С оттенком иронии он добавил: «Теперь нам нужно всегда заручаться разрешением *лично* господина рейхсминистра, если мы собираемся временно оставить свой пост (даже выезжая в пределах страны, где мы аккредитованы!!). А так как господину фон Риббентропу приходится много ездить, бывает нелегко получить его согласие» (Nachlaß. Schulenburg, Aktenordner Duberg, S. 2).

[108] В доказательство этого советские историки приводят отчет германского генерального штаба от 28 января 1939 г., в котором русские вооруженные силы определялись как мощный военный инструмент с современными боевыми средствами, отлаженным и решительным руководством; богатые ресурсы страны и обширные пространства назывались хорошими союзниками. См.: *Безыменский*. Особая папка ..., с. 95; *Sipols*. Vorgeschichte, S. 293, 349 (Anm. 153).

[109] Отношение Канариса к военной мощи СССР требует самостоятельного исследования. Об уровне сотрудничества Канариса и Шуленбурга в данный период времени свидетельствует послание с рождественскими поздравлениями от 17 декабря 1938 г., в котором вице-адмирал и начальник управления разведки и контрразведки (Абвера) вермахта писал: «По этому случаю мне хочется искренне поблагодарить Вас за предоставленную мне и моему отделу любезную помощь. Одновременно я позволю себе просить Вас и в дальнейшем оказывать нам поддержку». В письме от 2 января 1939 г. Шуленбург «тепло» ответил на «любезные пожелания» и заверил, что «и в 1939 г. мы все здесь Вам и Вашему отделу окажем такую помощь, которая возможна... в столь чрезвычайных... обстоятельствах» (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178460-1).

[110] *Kordt*. Wahn, S. 157 (Anm. 1).

[111] Это, видимо, правильное прочтение описания Росси (*Rossi*. Jahre, S. 20) встречи Кейтеля и советского военного атташе «в доме известного промышленника».

[112] В своей книге (Jahre, S. 20) Росси писал: «Военачальники были за сближение, вероятно помня заповедь Бисмарка, а также ввиду угрозы войны на два фронта». По поступившим оттуда сведениям, «инициатива исходила от армейских кругов, а не с Вильгельмштрассе».

[113] Как писал 5 февраля 1939 г. в частном послании Вайцзеккер, он «слыхал о постоянно растущем интересе фюрера к Бисмарку», однако мотивы Гитлера ему были неясны. 13 ноября 1939 г. он описал состоявшийся несколькими днями ранее приезд Гитлера на Фридрихсру. Как стало известно Вайцзеккеру, этот приезд был якобы «связан с тем, что в процессе чтения фигура Бисмарка стала Гитлеру роднее». В присутствии Вайцзеккера Гитлер на Фридрихсру говорил «о первостепенном значении для государственного деятеля личных качеств, перед которым интеллект отступает на второй план».

[114] *Adolf Hitler.* Main Kampf. 1939, S. 749; sowie Hitlers Zweites Buch (Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Stuttgart, 1961, S. 155).

[115] *Joachim C. Fest.* Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a. M./Berlin/Wien, 1973, S. 790.

[116] Телеграмма Россо в адрес Чиано от 13 января 1939 г. (Nr. 163/75). - Цит. по: *Mario Toscano.* L'Italia e gli accordi tedesco-sovietici dell'Agosto 1939. Florenz, 1952, p. 8.-In: Designs in Diplomacy, Baltimore/London, 1970, p. 51.

[117] Относительно хронологии событий следует иметь в виду, что Чемберлен и Галифакс 11-14 января 1939 г. находились в Риме, где 12 января, то есть в день новогоднего приема у Гитлера, имели беседу с Муссолини, за которой с подозрением следила советская сторона. В беседе Чемберлен, указав на военную слабость СССР, косвенным путем поинтересовался, согласится ли Муссолини с нападением Германии на Украину и поддержит ли его. Муссолини на этот вопрос не ответил. См. обстоятельный разбор этого эпизода в: *Toscano.* Italia, p. 8, 16. Как видно, Советское правительство сразу же узнало об этой беседе и сделало из нее, по-видимому, чересчур серьезные выводы. См.: *Mario Toscano.* Problemi particolari della storia della seconda guerra mondiale. - In: Rivista di Studi Politici Internationali, 1950, p. 388-398; «Designs in Diplomacy», p. 406.

[118] Как заявил Потемкин в беседе с Россо 23 января 1939 г., через несколько дней после разговора Гитлера с Мерекаловым итальянский министр иностранных дел Чиано на встрече с советскими полпредом в Риме также выразил «надежду на возможное улучшение отношений между обеими странами, по крайней мере в экономической области» (цит. по: *M. Toscano.* Italia, p. 111). С точки зрения Советского Союза, это могло быть свидетельством того, что державы «оси» вместе искали взаимопонимания с СССР, хотя, возможно, прежде всего с целью заполучения русского сырья для совместного похода в западном направлении.

[119] *Вернер Маркерт*, в: «СССР в борьбе за мир...», с. 162; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 229 (со ссылкой на английскую информацию).

[120] *Kordt.* Wahn, S. 147 (Anm. 1).

[121] Записи Виля от 20 января 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr 485, S. 544-545).

[122] *Alexander Werth.* Rußland im Krieg, 1941-1945. München/Zürich, 1965, S. 27. Интересно, что в своей торжественной речи секретарь Московского городского и областного комитетов партии Щербаков подхва-

тил высказывание Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1925 г. и подчеркнул, что только теперь можно видеть, насколько правильным было решение товарища Сталина не допустить превращения Красной Армии в народную милицию, ибо она должна служить мощным инструментом устрашения.

[123] Послание Кёстринга Типпельскирху от 23 января 1939 г., в: *Teske. Köstring*, S. 220. Впервые это проявилось в статьях («Journal de Moscou», 27.12.1938; «Moscow News», 2.1.1939), в которых говорилось, что «определенные французские и английские газеты поднимают (вокруг Украины) больше шума, чем сами фашистские агрессоры. Их побудительные мотивы совершенно очевидны. Они советуют Гитлеру оставить в покое Западную Европу и искать добычу на Востоке». См. также: *Duroselle.* Politique, p. 96.

[124] DBFP, 3, Bd. IV. Nr. 24, 38; *Duroselle.* Politique, p. 96.

[125] MdAE, AP, Russia, Telegr. 24. Januar 1939.

[126] В. Дашичев утверждал, что решение об изменении курса Сталиным на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.) было принято еще в январе 1939 г. на пленуме ЦК и что сам съезд созвали именно для этой цели (*Daschitschew.* Stalin). Если это соответствует действительности, то следует исследовать связь между этим решением и разговором Гитлера с Мерекаловым, а также внешнеполитическую подоплеку этого решения.

[127] Записка Астахова от 30 мая 1939 г. (АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 59, л. 105-110).

[128] Вернон Бартлет в «Ньюс кроникл» (28.1.1939) о возможности германо-советского сближения. Его цитируют: *Franklin Reid Gannon.* The British Press and Germany, 1936-1939. Oxford, 1971, p. 40; *C. Niedhardt.* Großbritanien und die Sowjetunion, 1934-1939. München, 1972, S. 392; Watt, Initiation, p. 157; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 236.

[129] *Domarus.* Hitler, S. 1053ff. В ней Гитлер очень резко критиковал «поджигателей войны» Англию и Америку и снова предостерег от «угрозы большевизации», не упомянув при этом Советского Союза. Он вскользь заметил, что границы на востоке остаются открытыми и предоставил соответствующим странам самим сделать выбор. Германия, по его словам, настоятельно нуждается в сырье и если она его не получит мирным путем, то будет вынуждена стремиться к расширению жизненного пространства. Тот факт, что СССР в речи вовсе не упоминался, отметили и в западных странах (например, во Франции) и связали его с германо-советскими торговыми переговорами. См. доклад французского посла в Лондоне министру иностранных дел Боннэ от 1 февраля 1939 г. (DDF, 2, XIV, No. 1, p. 1-3).

[130] «Правда»,31 января 1939 г.

[131] Кэрк — госсекретарю 31 января 1939 г. (FRUS, I, No. 44, p. 313f).

[132] *Walter Schmidt.* Russische Jahre. Erlebtes aus 40 Jahren deutsch-sowietischer Beziehungen. Bonn, 1989, S. 9.

[133] Телеграмма Виля в посольство в Москве от 26 января 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 486, S. 545).

[134] *Hilger.* Wir, S. 271ff.; *Hilger/Meyer.* Allies, S. 286; *Kleist.* Hitler, S. 20ff.; ders. Tragdie, S. 46ff.; *Duroselle.* Politique, p. 92; *Allard.* Stalin, S. 97; *Braubach.* Weg, S. 10.

[135] Об этом автору рассказал доктор Шнурре.

[136] В тех условиях подобная интерпретация напрашивалась сама собой. Министр иностранных дел Франции Боннэ очень хорошо понимал значение запланированных московских переговоров, когда пригласил к себе полномочного представителя Советского Союза Якова Сурица и высказал предположение, что Шнурре, хотя и не состоящий в ближайшем окружении Гитлера, но пользующийся его доверием, «отправляется в Москву с общими указаниями... провести зондаж» (*Joost.* Botschafter, S. 289ff.). Итальянский посол в Берлине Бернардо Аттолико 4 февраля 1939 г. сообщил в министерство иностранных дел Италии, что истинная причина отозвания Шнурре «заключалась в том, чтобы не давать пищи слухам относительно предполагаемого германо-советского сближения». Подобная озабоченность нашла подтверждение в речи Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г., в которой отсутствовали всякие нападки на СССР. См.: R. Ambasciata d'Italia, Berlino, Teleexpress, n. 00951/276, 4 februar 1939 г. (на запрос от 1 февраля 1939 г.), в: MdAE, AP, Russia, n. 35 (1939.3), Papporti politici Russia-Germania.

[137] Высказывания Риббентропа при ознакомлении с сообщениями западной прессы свидетельствовали о подобной реакции. Он будто бы заявил: «В момент, когда я по поручению фюрера добиваюсь принципиального сотрудничества Германии с Польшей против Советского Союза, этим скандальным сообщением мне наносят удар в спину!» См.: *Kleist.* Hitler, S. 20-21; ders. Tragödie, S. 46.

[138] Записка Астахова от 30 мая 1939 г., в: АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 59, л. 105-110.

[139] Посол фон Шуленбург писал статс-секретарю фон Вайцзеккеру из Москвы 6 февраля 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 487, S. 546-547): «Отозвание Шнурре в Берлин ... огорчило нас ... главным образом по деловым соображениям». В этом письме Шуленбург категорически отрицал высказанное в Берлине предположение о том, что появившиеся сообщения проникли в печать по инициативе советской стороны, и подчеркнул, что, каково бы ни было их происхождение, они достигли своей цели и «вставили нам палки в колеса».

[140] Письмо Вайцзеккера Шуленбургу от 15 февраля 1939 г. (PA AA, Polit. Akten Botschafter v.d. Schulenburg, 178477; ADAP, D, IV, Nr. 492, S. 550).

[141] Ebd.,Nr. 488, S. 547.

[142] Записка Виля от 6 февраля 1939 г. (Ebd., Nr. 489, S. 548).

[143] Одновременно доктор Шнурре, по сообщенным им автору сведениям, пытался в частных беседах с советскими представителями в Берлине продолжать поддерживать «на медленном огне» начатые переговоры о кредитах.

[144] Как заметил Хильгер в беседе с Аугусто Россо, «несостоявшийся приезд в Москву Шнурре означает только лишь перенос, а не отказ от планируемых переговоров с СССР о торговле и кредитах».

[145] Поверенный в делах США в Москве Кэрк - государственному секретарю от 15 февраля 1939 г. (FRUS I, p. 314-316).

[146] Цит. по: *Ribbentrop*. London, S. 160 (Anm.).

[147] Аннелиз фон Риббентроп (там же).

[148] После разговора с высшими чиновниками министерства иностранных дел Геббельс записал: «В данный момент Варшава чувствует себя уверенно. Но как долго?» (Goebbels-Tagebücher, I, 3, S. 565.

[149] Ebd., I, 3, S. 566.

II. Начало политических переговоров

[1] Отчеты Шуленбурга министерству иностранных дел 10 и 11 февраля 1939 г. На втором документе пометка: «Вышеупомянутую телеграмму Шнурре доставить на его квартиру» (ADAP, D, IV, Nr. 490, 491, S. 548-549).

[2] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 13 февраля 1939 г. (Nachlaß, S. 3).

[3] Послание Наджиара в адрес Боннэ от 12 февраля 1939 г. (DDF, nº 102, p. 185).

[4] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 20 февраля 1939 г. (Nachlaß, S. 5).

[5] Кэрк - государственному секретарю, 20 февраля 1939 г. (FRUS I, No. 79, p. 316-7).

[6] FRUS, Diplomatic Papers, Soviet Union, p. 737.

[7] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 23 февраля 1939 г. (Nachlaß, S. 1).

[8] Письмо Шуленбурга Алле фон Дуберг от 27 февраля 1939 г. (Nachlaß, S. 2).

[9] Записка Шуленбурга от 28 февраля 1939 г., посланная в приложении к телеграмме Вилю от 1 марта 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 493, S. 550-552).

[10] Записка Шуленбурга от 18 февраля 1939 г. (там же, S. 2).

[11] Телеграмма Зорге советскому Генеральному штабу от 23 января 1939 г. («СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны», М., 1971, № 100, с. 179-170).

[12] Сообщения о столкновениях и провокациях на советско-маньчжурской границе (там же, № 111, с. 184-185, № 120, с. 193-194).

[13] О советской точке зрения см.: там же, с. 669-670, прим. 61.

[14] Высказывание Майского в беседе с лордом Галифаксом 26 января 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», №. 102, с. 171-172).

[15] Астахов - Литвинову 9 декабря 1938 г. (там же, №. 68, с. 118-119).

[16] См.: *Seppo Myllyniemi*. Die baltische Krise 1938-1941, Stuttgart (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Nr. 38, 1979, S. 41ff).

[17] Из телеграммы в Наркоминдел полномочного представителя СССР в Эстонии от 7 марта 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 144, с. 224).

[18] Военный атташе Германии в Варшаве сообщал, что Гитлер во время приема военных атташе определенно дал понять, «что Германия совместно с Италией планирует акцию против западных держав». В отличие от «чехословацкой акции» прошлого года, которая долгие месяцы напрасно будоражила общественное мнение немцев, он готовил на западе внезапный удар. См. сообщение советской разведки 27 февраля 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 136, с. 217).

[19] Беседа немецкого журналиста с послом Германии в Варшаве 13 февраля 1939 г. (там же, № 125, с. 198-199).

[20] Ганс Адольф фон Мольтке, под руководством которого в германском посольстве в Варшаве работали (сознательно или «втемную») агенты советской разведслужбы Шелиа (посланник), Ильзе Штёбе (его секретарь) и Герхард Кегель (торговый атташе посольства), был человеком «старого» министерства, женатым на сестре графа Петера Йорка фон Вартенбурга. Планы немецкого сопротивления были ему, по-видимому, известны. Свою трудную должность в Варшаве Мольтке исполнял до начала войны таким образом, что его французский коллега еврей Леон Ноэль счел возможным (после загадочной смерти Мольтке в Мадриде в 1943г.) написать: «Господин фон Мольтке показал себя в течение этого периода сдержанным в той мере, в какой это позволяли инструкции правительства, которому он служил с преданностью дворянина, но политика которого его постоянно тревожила. И если некоторые из его сотрудников немало способствовали осложнению ситуации, то сам он всегда относился к стране, в которой исполнял свои обязанности, к членам дипломатического корпуса и особенно к послу Франции с огромным тактом, как дипломат лучших традиций» (*Leon Noell.* L'aggression allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 370).

[21] Как сообщал 10 февраля 1939 г. из Парижа Я. Суриц, Боннэ в узком кругу открыто говорил о том, что «без жертв на востоке не обойтись и что следует дать выход германскому стремлению к сырьевым источникам на востоке» («СССР в борьбе за мир...», № 124, с. 198).

[22] Там же, с. 202; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 228.

[23] Краткий отчет полномочного представителя СССР в Германии о политической ситуации в этой стране в 1938 г. (там же, № 148, с. 230-232).

[24] В своем отчете министерству иностранных дел от 3 февраля 1939 г. Шуленбург косвенно предостерегал от вовлечения Венгрии в антикоминтерновский пакт, указав на то, что, по советским представлениям, он связан с «военными договоренностями» и носит характер враждебного союза. В качестве предупреждения странам, сближающимся с этим союзом, Советское правительство может приостановить функционирование своих дипломатических представительств (ADAP, D, V, Nr. 283, S. 319-320). В письме Вайцзеккеру от 6 февраля 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 487, S. 546-547) он еще сильнее выделил мысль о том, что антикоминтерновский пакт, по мнению советской стороны, являет-

ся «не идеологическим соглашением, направленным против *мирового коммунизма*, а *политическим* пактом, имеющим целью нападение на *Советский Союз*».

[25] См.: *Beloff.* Policy, S. 217; *Andreas Hillgruber.* Die «Hitler-koalition». Eine Skizze zur Geschichte und Struktur des «Weltpolitischen Dreiecks». Berlin-Rom-Tokio 1933-1945. - In: *Helmut Berding* u.a. (Hrg.). Vom Staat des Ancien Régime zum Modernen Parteienstaat, Festschrift für Theodor Schieder, München/Wien, 1978, S. 467-84 (hier S. 472).

[26] Polnisches Weißbuch, S. 181ff, 204ff; *Beloff.* Policy, p. 216.

[27] 3 марта 1939 г. ТАСС опубликовал коммюнике, в котором сообщалось об этом факте.

[28] «Правда», 6 и 23 февраля 1939 г. по случаю 20-й годовщины основания академии им. Фрунзе и дня Красной Армии. См. также: *Werth.* Rußland, S. 29.

[29] В разделе «Нападение на СССР откладывается» Сиполс указывает на конец февраля/начало марта 1939 г. (Vorgeschichte, S. 229ff).

[30] GGVK, S. 396ff. См. также: *Heinrich Bartel.* Frankreich und die Sowjetunion 1938-1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen den Münchner Abkommen und dem Ende der Dritten Republik. Stuttgart, 1986, S. 68ff. «Die Krise um die Karpatho-Ukraine».

[31] *Juhász.* Policy, p. 153; *Zlepko.* Entstehung, S. 128ff.

[32] Будурович («Relations...», p. 143) усматривал в этом уступку Гитлера Советскому Союзу в ответ на речь Сталина на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.). В ней Сталин призвал «нормальных» людей в Германии установить с СССР разумные отношения. Кроме того, по мнению Будуровича, это был важный шаг Гитлера в направлении германо-советского сближения.

[33] *Beloff.* Policy, p. 216ff.

[34] GSAP, S. 396. «История дипломатии» (т. 3, с. 656), не указывая источников, утверждает, что Гитлер считал венгерскую оккупацию Закарпатской Украины преждевременной и рекомендовал Венгрии отвести свои войска.

[35] В записке о выступлении Гитлера 8 марта 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 145, с. 224-225) есть ссылка на американскую публикацию материалов (FRUS, Diplomatic Papers, vol. 1, p. 672), хотя не исключено, что в советских архивах существует и подлинный документ. Ведь из хранящихся в архивах донесений разведки преданы гласности лишь некоторые сообщения. Домарус не приводит текста речи, но называет группы лиц, присутствовавших на встрече в здании рейхсканцелярии 7 марта (главнокомандующие, генералы, адмиралы) и на приеме 8 марта (партийные и государственные руководители, но главным образом офицеры вермахта). См.: *Domarus.* Hitler, II, S. 1988f.

[36] Отчет Мерекалова от 11 марта 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 148, с. 230-232).

[37] См. запись беседы «германского журналиста» с П. Клейстом от 13 марта 1939 г. (там же, № 149, с. 233-235). В 1934 г. Клейст в универ-

ситете г. Кенигсберга защитил докторскую диссертацию на тему «Международно-правовое признание Советской России», а с 1935 г. сделал карьеру в партии и СС. Будучи «специалистом по польским вопросам», он перешел в «бюро Риббентропа», занимался польскими и советскими проблемами. Клейсту удалось через Риббентропа получить информацию о восточных планах Гитлера. См. также: *Sipols.* Vorgeschichte, S. 343, Anm. 1.

[38] О речи Гитлера 6 марта 1939 г. нет никаких документов. Возможно, имелось в виду ранее упомянутое выступление 8 марта 1939 г.

[39] Белофф (Policy, p. 226) допускал, «что решение Германии достичь соглашения с Советским Союзом за счет Польши было принято еще до марта 1939 г.», однако ничем не подкрепил свое предположение.

[40] Телеграмма Мерекалова в Наркоминдел от 14 марта 1939 г. о том, что «на днях» ожидается введение немецких войск в Чехословакию («СССР в борьбе за мир...», № 150, с. 235).

[41] Послание Шуленбурга Вилю от 1 марта 1939 г. (ADAP, D, IV, S. 550-551).

[42] Россо - Чиано, 3 марта 1939 г., Nr. 913/543. Цит. по: *Toscano.* Italia, p. 24.

[43] Виль - Шуленбургу, 8 марта 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 494, S. 552).

[44] Записка руководителя отдела экономической политики Виля от 11 марта 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 495, S. 553).

[45] *Schorske.* Ambassadors, S. 499.

[46] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, с. 3.

[47] *Werth.* Rußland, S. 29ff.

[48] Там же, S. 31.

[49] *И.В. Сталин.* Отчетный доклад на XVIII съезде ВКП (б), в: «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенотчет». М., 1939.

[50] Почти все историки, изучающие вопросы германо-советского сближения 1939 г., всегда придавали этой речи Сталина большое значение. Правда, существуют серьезные разногласия относительно того, хотел ли Сталин с самого начала просигнализировать германской стороне о своей готовности к сближению. Можно выделить, примерно, четыре различных тезиса.

Согласно одному, Сталин совершенно определенно намеревался побудить Гитлера к сотрудничеству с СССР против западных держав. Подобный тезис никто из современников тех событий - если не принимать во внимание сомнительное свидетельство Риббентропа - не отстаивал, за исключением П. Клейста, который, однако, также сделал ряд ограничений (*P. Kleist.* Hitler, S. 25; Tragdie, S. 50). Впоследствии, однако, журналисты и некоторые историки отдали предпочтение именно этому тезису (*George Denicke.* The Origins of the Hitler-Stalin Pact. - In: Modern Review, N.Y., März/April 1948, p. 204-209; *Rossi*, Jahre, S. 21; *Allard.* Stalin, S. 98; *Fabry.* Pakt, S. 1; *Myllyniemi.* Krise, S. 41). Как спра-

ведливо подчеркнул Герхард Вайнберг (Germany, p. 12), этот тезис невозможно ни подкрепить документально, ни доказать иным путем.

Сторонники другого тезиса, также признавая его недоказуемость, тем не менее утверждают, что наряду с предупреждением западным державам речь Сталина содержала и преднамеренное «приглашение» Гитлеру договориться с Советским Союзом о совместных мерах стратегического характера. Другими словами, по их мнению, к этому моменту в перечне приоритетов Сталина «германская альтернатива» перешла уже в высшую, т.е. оперативную, сферу. Такого взгляда, хотя и осторожно и указывая на неподтвержденные сведения, придерживались: *Schuman* (Night, p. 213), *Beloff* (Policy, p. 223), *Weinberg* (Germany, p. 13), *Duroselle* (Politique, p. 99) и др.

Третьи признают, что речь Сталина сама по себе - и прежде всего, что касается западных держав, - имела очень важное значение, однако они или не считают, что выступление содержало прямое, запланированное обращение к имперскому правительству, или же обходят этот вопрос вовсе из-за отсутствия доказательств. Большинство современников именно так восприняло и оценило эту речь (например, некоторые из аккредитованных в Москве послов и журналистов). См.: *Werth.* Rußland, S. 30; Survey of International Affairs, 1939-1946. London, 1952, p. 530. Историки *Шорске* (Ambassadors, p. 502), *Браубах* (Weg, S. 12), *Уатт* (Initiation, p. 159), *Хильгрубер* (Außenpolitik, S. 7; Weltkrieg, S. 270), *Хильгрубер, Хильдебрандт* (Kalkül, S. 13) и *Вебер* (Entstehung, S. 32) также оставались в пределах этих, с методологической точки зрения безопасных границ.

По мнению же четвертых, выступление Сталина не имело решающего значения. В нем вовсе не говорилось о необходимости выбора направления или новой ориентации советской внешней политики. Напротив, Сталин просто применил к резко обострившейся международной обстановке ("вторая империалистическая война") классические принципы внешней политики СССР (коллективная безопасность, деловые отношения с несоциалистическими странами, миролюбивые отношения на взаимной основе с соседними государствами).

На Западе эта точка зрения представлена в работах Эдварда Х. Карра (Munich, I, p. 13), который писал: «В речи Сталина от 10 марта 1939 г. не утверждалась какая-то определенная линия советской политики; в ней все альтернативы объявлялись открытыми, о чем и говорилось откровеннее, чем прежде». На Востоке такого взгляда придерживаются практически все ученые (см.: Фальсификаторы истории (Историческая справка), Москва, 1951, с. 17; GGVK, S. 191ff.; GSAP, S. 398; *Maximytschew.* Anfang, S. 278ff.; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 233).

[51] Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) (*И.В. Сталин.* Соч. М., 1951, т. 13, с. 282-379).

[52] Они не ограничивались Сталиным. На материале дипломатических отчетов того периода стоило бы провести психологически-историческое исследование относительно взаимных подозрений, попыток использования одних группировок против других вплоть до вооружен-

ного конфликта с целью обеспечения максимальной безопасности. Образцы подобного мышления красной нитью проходят через дипломатическую корреспонденцию некоторых западных и восточных государств.

[53] В отчетном докладе Коминтерну Дмитрий Мануильский использовал пояснения Сталина. План английской реакции состоит-де в том, чтобы, пожертвовав малыми государствами Юго-Восточной Европы, направить германский фашизм на восток против СССР; ей хотелось бы, чтобы СССР отвлек на себя германский империализм, ослабил бы Германию на долгие годы и сохранил бы таким образом господствующее положение британского империализма в Европе. За выступлением Мануильского от 1 марта 1939 г. срочно последовала 15 марта примирительная речь Майского в Лондоне, в которой он охарактеризовал внешнюю политику СССР как политику *всеобщего* мира, «но не мира любой ценой, а мира, основанного на праве и порядке в международных делах». Хотя, согласно Майскому, Великобритания и СССР не всегда бывали единодушны в выборе «наилучших методов для обеспечения мира», все же «огромное значение» имел тот факт, что «в настоящий момент нигде в мире нет конфликта интересов» между обеими странами. Майский, указав также на взаимную ответственность, утверждал, «что в конечном итоге судьба мира и войны зависит от характера отношений между Лондоном и Москвой» (Цит. по: *Beloff*. Policy, p. 228).

[54] В докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. (*И.В. Сталин*. Соч. Станфорд, 1967, т. I (XIV), с. 189-224) Сталин в разделе V («Наши задачи») отметил: «Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактором, определяющим международное положение Советского Союза» (с. 209).

[55] В расчете на «рост советских районов в Китае». Кроме того, он заметил: «Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать» («XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенотчет». М., 1934, с. 11, 12).

[56] Отчетные доклады Сталина на XVII на XVIII съездах ВКП(б).

[57] Подобные эвфемизмы служили действенному устрашению. В этой связи необходимо рассматривать и высказывания заместителя наркома обороны и начальника Политуправления Красной Армии Льва Мехлиса, в которых он, следуя новогоднему обращению Сталина, развил принцип наступательной обороны. Если уже начавшаяся вторая мировая война, заявил Мехлис, будет направлена против Советского Союза, то военные действия необходимо перенести на территорию противника. «Красная Армия, - сказал он, - выполнит свой интернациональный долг и постарается увеличить число советских республик». Шуленбург, прибывший на два дня (2 и 3 апреля) из Берлина в Москву, чтобы затем в качестве руководителя германской делегации вылететь в Тегеран на церемонию бракосочетания персидского кронпринца, использовал короткое время для того, чтобы передать эти слова в качестве предупреждения берлинским адресатам (PA AA, Botschaft Moskau geheim, Pol. 3, Nr. 1, Innenpolitik der SU, Bd. 1, Moskau, 3 April, S. 233240-7). Высказывание Мехлиса, которое тогда ввиду военной слабости Со-

ветского Союза восприняли как пустую фразу, после второй мировой войны, в иных конъюнктурных условиях, претерпело понятную, но мало соответствующую фактам переоценку, и стало приводиться в качестве мнимого доказательства экспансионистских устремлений Красной Армии (*Myllyniemi.* Krise, S. 42f; *Rauch.* Geschichte, S. 367). То, что оно в действительности было направлено на военное устрашение, вытекает не в последнюю очередь из подробного обсуждения дальневосточных конфликтов (бои на озере Хасан, агрессивные планы Японии).

[58] *Сталин.* Отчетный доклад на XVIII съезде ВКП(б).

[59] Там же.

[60] Использованное здесь русское идиоматическое выражение «загребать жар чужими руками» впоследствии часто переводилось с помощью немецкого и соответственно английского идиоматического оборота: «заставлять других таскать для себя каштаны из огня». Поэтому это выступление Сталина называли «каштановой речью».

Но Сталин не употреблял выражения, связанного с каштанами, хотя для стиля речи Ленина (а ранее и Бисмарка) оно было вполне приемлемым (см., напр., *Ленин В.И.* Соч., 1932, т. 26, с. 8). Еще Эрнст Кёстринг подчеркнул истинный смысл этого выражения («Есть силы, которые хотели бы доставать из огня раскаленные угли чужими руками»; *Teske.* Köstring, S. 134). Его поправка была справедливой. Ведь Сталин имел в виду державы, которые хотели бы погасить «жар» (находящуюся в состоянии высокого накала германскую военную машину) с помощью России (германо-русской изнурительной войны). Идиоматическое выражение, связанное с каштанами, ассоциируется с эгоистической выгодой и удовольствием, то есть понятиями, которые вовсе не имелись в виду.

Карр также указал на различие между выражением Сталина и его переводом; он, в частности, перевел дословно («... поджигатели войны, которые привыкли загребать жар чужими руками...») и обратил внимание на то, что американцы в те времена очень часто упрекали британцев в том, что те «охотно (заставляют) других таскать для себя каштаны из огня». В подобном толковании видел Карр основной смысл упрека Сталина (*Carr.* Munich, I, S. 12).

[61] Отчет Шуленбурга от 3 апреля 1939 г. (PA AA, Botschaft Moskau geheim, Pol. 3, Nr. 1, Innenpolitik der SU, Bd. 1, Moskau, 3 April 1939, S. 233246-7).

[62] *Namier.* Europe, S. 260.

[63] Сидс - Галифаксу, 20 марта 1939 г. (DBFP, 3rd ser., IV, No. 452, p. 411-419).

[64] 21 февраля 1939 г. Майский в беседе с лордом Галифаксом дал понять, что расторжение англо-советского торгового договора «может привести СССР в объятия Германии»; это предупреждение он повторил 9 марта 1939 г. — Цит. по: *Duroselle.* Politique, p. 98.

[65] *Davies, Botschafter.* Aufzeichnung vom 11. März 1939, S. 339-340.

[66] *Davies, Botschafter.* Aufzeichnung vom 3. April 1939, S. 341.

[67] Кэрк - статс-секретарю Кордэллу Хэллу (FRUS, DP, No. 105, p. 744-745, 747-750).

[68] Россо - Чиано, 12 марта 1939 г. - Цит. по: *Toscano.* Italia, p. 10.

[69] ADAP, D, VI, Nr. 1, S. 1-3.

[70] Шуленбург - доктору Штельцеру, 12 марта 1939 г., в: Nachlaß Schulenburg, Aktenmmappe: «Briefwechsel mit Angehörigen des Ausw. Amts, Moskau, 11.2.1939 - 6.3.1940», S. 2.

[71] Шуленбург - Алле фон Дуберг, Москва, 13 марта 1939 г. (Nachlaß, S. 3).

[72] Кёстринг - Типпельскирху, 13 марта 1939 г. (*Teske.* Köstring, S. 223-226).

[73] ADAP, D, VI, Nr. 51, S. 46-7.

[74] Личное дело Шуленбурга в министерстве иностранных дел.

[75] Hassell-Tagebücher, Aufzeichnungen vom 22. März 1939, S. 85.

[76] *Kordt.* Wahn, S. 146.

[77] *Kleist.* Hitler, S. 34f.; Tragödie, S. 55f.

[78] Как вспоминал В. Шмидт в наши дни, речь Сталина вызвала в министерстве иностранных дел «живейший интерес; предположения относительно того, какие выводы следует сделать, всех нас очень волновали» (*Schmidt.* Jahre, S. 12). С другой стороны, в материалах пресс-конференции рейхсминистра по пропаганде нет никаких ссылок на выступление Сталина 10 марта. См.: Bundesarchiv (BA) Koblenz, ZSg. 101/34 и сообщение рейхсминистра СС относительно положения в Советском Союзе (Nr. 3, 39, S. VIII, Z 1-7). Начальник главного управления безопасности выделил лишь «антигерманскую позицию» в высказываниях Сталина и Мануильского, касавшихся политики СССР.

[79] *Ribbentrop.* London, S. 171f.

[80] См. в этой связи осторожную интерпретацию Михалки (там же, с. 285-287).

[81] Из рассказа Шнурре автору. См. также: *Hilger.* Wir, S. 280. Браубах (Weg, S. 12, 39, Anm. 26) уже указывал на эти расхождения и назвал «сомнительным», «чтобы высказывания Сталина Гитлер действительно воспринял в этом смысле, чтобы он, наносивший в этот момент смертельный удар Чехии, вообще подробно с ними ознакомился».

[82] Более подробно см. ниже, в разделе «Подписание».

[83] ADAP, D, VII, Nr. 213, S. 189-191.

[84] *Carr.* Munich, vol. 1, p. 13.

[85] *De Witt Pool.* Light, p. 141. «Второй, - писал Пул, - более отчетливый сигнал, немцы увидели весной 1939 г., когда Сталин публично заявил, что даже резкие расхождения во взглядах ... не должны становиться препятствием на пути установления сотрудничества ... и Москва неофициально дала понять Берлину (так говорили немцы), что эти слова предназначались в первую очередь Германии».

[86] В литературе постоянно встречаются ссылки на частных посредников между Гитлером и Сталиным, начавших будто бы действовать после оккупации немцами Праги. В этой связи упоминается чехословацкий генерал Ян Сыровы, премьер-министр страны (IX-X 1938 г.), а с ноября 1938 г. по март 1939 г. - министр национальной обороны. Известный своими прогерманскими симпатиями, он сопровождал Гаху в его поездке в Берлин, чтобы якобы вскоре после «отречения» Гахи при не-

выясненных обстоятельствах перейти на сторону Германии. Капитан фон Ринтелен в беседе с послом Джозефом Э. Дэвисом 17 мая 1939 г. говорил о Сыровы, что тот «недавно ... в качестве эмиссара Гитлера» дважды направлялся в Россию, чтобы отреагировать на «весну» Сталина (*Davies*. Botschafter, S. 345).

[87] О Рудольфе Ликусе см.: Döscher, Amt, S. 209, Anm. 24. В ходе допросов, которые проводил доктор Роберт Кемпнер, бывший статс-секретарь фон Вайцзеккер дал характеристику работе Ликуса и его ведомства, действовавшего между Главным управлением имперской безопасности и Риббентропом. В этой характеристике содержится также точное описание положения Шуленбурга. Вайцзеккер назвал Ликуса пауком в сети информационного аппарата, посредством которого Риббентроп в значительной мере ослаблял воздействие докладов министерства иностранных дел и его зарубежных служб. Задачу сети Ликуса Вайцзеккер обрисовал следующими словами: «Эти люди без особой оглядки на достоверность их информации... должны были быстро создавать интересные новости», с помощью которых Риббентроп мог блеснуть перед Гитлером, рассчитывая укрепить свой авторитет. «В этом состояла суть. Сначала было запрещено передавать полученную информацию руководителям миссий; не разрешалось даже говорить о том, что у этих людей были особые задачи. Потом им сообщили, что что-то есть, но они не имели права вмешиваться» (*Robert M. W. Kempner*. Das Dritte Reich im Kreuzverhör. Düsseldorf, 1984, S. 218).

[88] PA AA, Dienstelle Ribbentrop, AZ: Vertrauliche Berichte, Bd., 1/2, Teil 1, 29313.

[89] Из рассказа Шнурре автору.

[90] *Werth*. Rußland, p. 34.

[91] *Gafencu*. Jours, p. 30, 70.

[92] Отчет Шуленбурга о его беседе с Литвиновым 26 августа 1938 г. (ADAP, D, II, Nr. 396, S. 501-503). Итальянскому послу, выразившему надежду, что Чемберлен и в самом деле устранил угрозу войны, Литвинов ответил, энергично покачав головой: «Вы ошибаетесь. На этом Гитлер не остановится!» (*Augusto Rosso*. Obiettivi e metodi della politica estera sovietica. — In: Rivista di Studi Politici Internazionali, XIII, Nr. 1-2 (Januar-Juni 1946), S. 9).

[93] *Kordt*. Wahn, S. 146.

[94] Кулондр относительно 15 марта. - Цит. по: *Gafencu*. Jours, p. 30.

[95] Речь Чемберлена в Бирмингеме 17 марта 1939 г.; *Coulondre*. Staline, p. 261.

[96] GSA, S. 396.

[97] См. телеграмму Майского Литвинову от 20 марта 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 171, с. 258-260).

[98] Типпельскирх - Шлипу от 20 марта 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 51, S. 46-47).

[99] ADAP, D, VI, Nr. 43, S. 39; Nr. 50, S. 43-44. Перевод ноты на немецкий язык - в приложении к Nr. 50 (S. 44-45). Русский текст в: «СССР в борьбе за мир...», № 157, с. 242-243.

[100] *Werth.* Rußland, S. 34.

[101] *Carr.* Munich, vol. 1, p. 13.

[102] Доклад Кёстринга Типпельскирху от 20 марта 1939 г. (*Teske. Köstring*, p. 227).

[103] ADAP, D, VI, Nr. 43, S. 39.

[104] Там же, Nr. 50, S. 44.

[105] Там же, Nr. 46, S. 41.

[106] *DeWitt Poole.* Light, p. 141.

[107] См.: *Kordt.* Akten, S. 307-309.

[108] Там же, S. 309.

[109] Weizsäcker-Papiere, S. 150, 152, 153.

[110] *Kordt.* Akten, S. 307.

[111] Об этом свидетельствует обширная личная переписка Шуленбурга, составляющая часть его литературного наследия.

[112] 22 августа 1938 г. пессимистически настроенный Литвинов сказал послу, что после успеха в городе национал-социалистов «Данциг ... для Польши потерян. Она этот город давно уже «списала со счета», и он уже утратил для Польши всякое значение". Политический отчет Шуленбурга в МИД от 26 августа 1938 г. (ADAP, D, II, Nr. 396, S. 501).

[113] В сообщении послу Аттолико итальянский генконсул Ренцетти 19 марта 1939 г. указал на данную тему беседы. Как он подчеркнул, эта идея имеет «сторонников среди тех, кто хотел бы германо-советского взаимопонимания». - Цит. по: *Toscano.* Italia, p. 54.

[114] *DeWitt Poole.* Light, p. 141.

[115] Ренцетти - Аттолико, 19 марта 1939 г. - Цит. по: *Toscano.* Italia, p. 54.

[116] *Nicolaus v. Below.* Als Hitlers Adjutant 1937-1945. Mainz, 1980, S. 155.

[117] Цит. по: *Winston S. Churchill.* The Second World War. London, 1988, vol. 1, p. 318.

[118] См. свидетельства современников: *Churchill.* War, p. 310ff; *Strang.* Home, p. 160; *Coulondre.* Staline, p. 261; *Gafencu.* Jours, p. 31ff. *Майский.* Воспоминания, с. 452-454; его же: Кто помогал Гитлеру?, с. 99-101; *Ribbentrop.* London, S. 160ff.; *Jozeph Beck.* Dernier Rapport. Genf, 1952, S. 180ff., а также мнения историков последующего периода: *Namier,* Prelude, p. 82ff.; *Beloff.* Policy, p. 231; *Duroselle.* Politique, p. 99; *Allard.* Stalin, S. 103ff.; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 235. По этому поводу Геббельс записал: «Нам приписывают какой-то ультиматум в адрес Румынии. Это опровергает даже Бухарест» (Tagebücher, I, 3, S. 577). Истинная подоплека этого демарша до сих пор не известна. Нельзя, по-видимому, исключить и махинации разведывательных служб. По этому вопросу см.: *Armin Heinen.* Der Hitler-Stalin-Pakt und Rumänien. - In: *Erwin Oberländer* (Hrg.). Hitler-Stalin-Pakt 1939. Das Ende Ostmitteleuropas. Frankfurt/Main, 1989, S. 98-113.

[119] Посол Шуленбург довел это сообщение ТАСС 23 марта 1939 г. до сведения МИД, а сам в тот же день выехал в Берлин для доклада. См.: ADAP, D, VI, Nr. 75, S. 73-74 (mit Anlage). В связи с этим опровержени-

ем ТАСС представляет интерес тот факт, что Шуленбург, отвечая 13 марта на запрос МИД от 8 марта 1939 г., подчеркнул, что советская печать рассматривает Польшу и Румынию в качестве «следующих жертв агрессии» и что Сталин в своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) «специально уточнил... что Советский Союз окажет поддержку любому государству, ставшему жертвой агрессии». Вместе с тем Шуленбург отметил, что правительства Польши и Румынии до того времени считали помощь со стороны СССР нежелательной, «поскольку они по понятным причинам не хотели бы иметь Красную Армию на своей территории и превращать ее в поле боя». Он также правдиво обратил внимание на то, что Сталин не сказал, «в чем будет выражаться эта поддержка», что «в другом месте доклада даже подчеркнул, что хочет избежать конфликтов с другими странами» (ADAP, D, IV, Nr. 496, S. 554).

[120] Запись рейхсминистра иностранных дел о беседе с Липским в Берлине 21 марта 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 61, S. 56-58).

[121] *Beck.* Rapport, S. 188.

[122] *Kordt.* Wahn, S. 149.

[123] *Below.* Adjutant, S. 157.

[124] *Kordt.* Wahn, S. 157; его же: Akten, S. 306 (с указанием на соответствующее сообщение Браухича - Остеру и Остера - Кордту).

[125] *Domarus.* Hitler, II, S. 1117-1118.

[126] *Hans Bernd Gisevius.* Bis zum bitteren Ende. Hamburg, 1947, Bd. II, S. 107; *Domarus. Hitler, II, S. 1118.*

[127] *Helmut Booms.* Der Ursprung des Zweiten Weltkrieges - Revision oder Expansion? - In: Geschichte der Wissenschaft und Unterricht 16 (1965), S. 329-331; *Hillgruber.* Hitler-Koalition, S. 472.

[128] Текст в: *Domarus.* Hitler, S. 1131-1132; ADAP, D, VI, Nr. 185, S. 187-189, DM Nr. 37, S. 76-79; «СССР в борьбе за мир...», № 227, с. 326-328.

[129] Так сказано в его речи (ADAP, D, VI, Nr. 433, S. 479).

[130] ADAP, D, VI, Nr. 185, S. 187.

[131] Относительно политических и стратегических проблем, связанных с заявлениями о гарантиях см. критический анализ Лотара Кеттенаккера в книге «Дипломатия бессилия» (*Lothar Kettenacker.* Die Diplomatie der Ohnmacht). Относительно провалившейся мирной стратегии английского правительства накануне второй мировой войны см.: *Wolfgang Benz, Hermann Graml* (Hrg.). Die Großmächte und der Europäische Krieg (Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Sondernummer). Stuttgart, 1979, S. 223-279. Официальная английская точка зрения, в: *Gibbs.* Strategy, p. 707.

[132] *Coulondre.* Staline, p. 263.

[133] *Sipols.* Vorgeschichte..., S. 248.

[134] Кеттенаккер, правда, преувеличивает, когда именует английское заявление о гарантиях Польше «бегством вперед» и «бесподобным блефом» ("Diplomatie", S. 250), ибо в тот момент еще никто не знал, что Гитлер проигнорирует совершенно недвусмысленные заявления о помощи. Вместе с тем он затронул важный вопрос, когда подчеркнул, что «Великобритания (и Франция. - *И.Ф.*) Польше «в случае войны могли

бы так же мало помочь, как и Чехословакии... Гарантии Польше способствовали не безопасности страны, а ее верной гибели в первой половине сентября».

[135] *Adamthwaite.* France, p. 266-268, 309-311.

[136] *Strang.* Home, p. 161-162.

[137] *Churchill.* War, vol. 1, p. 313.

[138] Во второй половине апреля 1939 г. временный поверенный Германии в Москве, оглядываясь назад, писал, что Советское правительство «независимо от действий Англии и Франции, а также невзирая на возможные результаты англо-советских переговоров... стремится само что-то предпринять для упрочения собственной безопасности. При этом оно имеет в виду определенные регионы. Усилия Советского правительства вначале были направлены на Прибалтику, как это явствует из предостережений Литвинова в адрес Эстонии и Латвии, поддержанных демонстрациями военной силы у их границ, а также из попыток оказать давление на Финляндию. В последнее время, кажется, предпринимаются аналогичные усилия в направлении Черного моря, о чем свидетельствуют незавершенные переговоры с Турцией и поездка заместителя наркома иностранных дел Потемкина в Анкару». См. сообщение Типпельскирха в МИД от 24 апреля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 257, S. 266-267).

[139] ADAP, D, VI, Nr. 57 vom 21. Mürz 1939.

[140] «СССР в борьбе за мир...», N° 192, с. 282-283; GGVK, S. 192-194; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 241; *Allard.* Stalin, S. 110.

[141] См.: *Myllyniemi.* Krise, S. 43; *Oberlnder.* Pakt, S. 75-97.

[142] Опровержение ТАСС относительно мнимой военной помощи Румынии и Польше от 22 марта 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 179, с. 265; *Beloff.* Policy, p. 232; *Duroselle.* Politique, p. 100); опровержение ТАСС от 4 апреля 1939 г. относительно якобы обещанных Польше поставок советской военной техники (ADAP, D, IV, Nr. 161, S. 162-163; *Toscano.* Italia, p. 13; *Beloff.* Policy, p. 232.).

[143] Так, например, Кёстринг в письме Типпельскирху от 19 апреля 1939 г. указал на попытки СССР путем «легкого давления или обещаний» повлиять на соседние государства на Западе. «Всем нам, - писал он, - видны одни и те же попытки Советского Союза привлечь на свою сторону соседние и буферные государства, от Финляндии до Турции, при помощи просьб, запросов и некоторого давления» (*Teske.* Köstring, S. 234-235).

[144] Сиполс считает, что уже в тот период Советский Союз был серьезно заинтересован в возвращении западных территорий - Восточной Польши, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии, - утраченных после первой мировой войны (*Sipols* Vorgeschichte, S. 242).

[145] Оценка военных возможностей СССР, которую английский генштаб 25 апреля 1939 г. представил министерству иностранных дел, заканчивалась выводом о том, что Красная Армия не сможет оказать Польше и Румынии никакой действенной военной помощи. См.: *Robert Manne.* The British Decision for Alliance with Russia, May 1939. - In: Journal of Contemporary History, Vol. 9, No. 3, 1974, p. 3-26.

[146] *Coulondre.* Staline, p. 261.

[147] *Teske.* Köstring, S. 140.

[148] *Weizscker.* Erinnerungen, S. 203-205.

[149] Ответ Кёстринга Типпельскирху в: Teske, Kstring, S. 232; *Watt.* Initiation, S. 161.

[150] *Domarus.* Hitler, II, S. 1119-1127.

[151] *Rauch.* Geschichte, S. 368.

[152] *Domarus*, Hitler, II, S. 1122; *Gafencu.* Jours, p. 132.

[153] Hassell-Tagebücher, S. 55 (5 April, 1939).

[154] *Domarus.* Hitler, S. 1136. Румынская точка зрения в: *Gafencu.* Jours, p. 33-35; советская точка зрения в: *Sipols.* Vorgeschichte, S. 241.

[155] Hassell-Tagebücher, S. 85 (3 April 1939).

[156] *Weizscker.* Erinnerungen, S. 230.

[157] Подобные «успехи» сотрудников МИД часто оказывались кратковременными. Риббентроп, как видно, мог воспринимать аргументы своих подчиненных, особенно если они воздействовали на него вместе, но тотчас же забывал их при встречах с Гитлером. Об этом рассказал автору Шнурре.

[158] Клейст (Hitler, S. 26ff.; ders., Tragödie, S. 50ff.) в главе «Сталин зондирует» описывает собственный зондаж с позиции другой стороны, что весьма примечательно. Свидетельства Петера Клейста следует всегда воспринимать с осторожностью. Зная характер его поручений в 1943 — 1945 гг. в качестве «слуги трех господ» - Риббентропа, Вальтера Шелленберга и Генриха Гиммлера (см. мою работу «Die Chance des Sonderfriedens», Berlin, 1986, S. 255-257), - нужно во всем, что он пишет об этом зондаже советской стороны, строго отличать правду от вымысла. Сотрудники посольства в Москве избегали этого самонадеянного человека с большими амбициями, виртуозно владевшего вульгарным жаргоном национал-социалистских карьеристов (член НСДАП с 1933 г., с 1938 г. - в СС, с 30 января 1943 г. — оберштурмбаннфюрер в главном управлении СС), а работники «старого» министерства иностранных дел относились к нему со смешанным чувством отвращения и презрения. Клейст всегда оказывался там, где, по его мнению, назревали события всемирно-исторического значения. Пренебрегая трезвым анализом личностей, мотивов и обстоятельств, а также своей собственной функции, он возвеличивал себя до роли важного посредника.

[159] Отчет главного управления имперской безопасности VI от 13 октября 1944 г. (Bundesarchiv Koblenz, EAP 173-b-20-10/11).

[160] Относительно общей обстановки см.: *Hans-Jürgen Perrey.* Der Rußlandausschuß der deutschen Wirtschaft. München, 1985.

[161] *Kleist.* Hitler, S. 28; ders, Tragödie, S. 52.

[162] Goebbels-Tagebücher, I, 3, S. 59.

[163] *В.Я. Сиполс.* За несколько месяцев... («Международная жизнь», 1989, № 5, с. 128).

[164] Сообщение Петера Бруно Клейста от 13 октября 1944 г. (с. 4) в: Документы главного управления имперской безопасности VI (Bundesarchiv Koblenz, EAP 173-b-20-10/11).

[165] Weizsäcker - Papiere, 29 April 1939, S. 153.

[166] См., например, статьи «Политикуса» на английском языке в «Moscow News» за 3 и 10 апреля, на французском языке в «Journal de Moscou» за 11 апреля и на немецком языке в «Rundschau» за 13 апреля 1939 г. Кроме того, см.: *Weber.* Entstehung, S. 87 (Anm. 59).

[167] Так, английский посол в Москве Сидс в сообщении от 13 апреля 1939 г. обратил внимание лорда Галифакса на «возможную опасность» германского предложения Сталину. В нынешних условиях, писал он, Гитлер может очень просто использовать «явное желание» Сталина, чтобы, пообещав территориальные уступки, например Бессарабии, некоторых частей Польши, Латвии и Эстонии, заручиться его расположением (DBFP, V, p. 104). Галифакса настолько встревожило это сообщение, что он сразу же после его получения, 14 апреля 1939 г., собрал в Форин оффисе заседание, чтобы «обсудить проблему России» (*Manne.* Decision, p. 17).

[168] *Gafencu.* Jours, p. 33.

[169] *Domarus. Hitler, Bd. II, S. 1137-1139; Майский.* Воспоминания..., стр. 460-462.

[170] Советская точка зрения в: там же, с. 460-462; относительно точки зрения германского посольства в Москве см. сообщение Типпельскирха от 24 апреля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 257, S. 266-267); американская точка зрения в: *Hull.* Memoires p. 658.

[171] *Beloff.* Policy, p. 33.

[172] *Gafencu.* Jours, p. 33.

[173] GGVK, S. 190.

[174] *Gafencu.* Jours, p. 118.

[175] Мнения современников в: *Майский.* Воспоминания..., с. 460-462; *Coulondre.* Staline, p. 264; *Strang.* Home, p. 163; *Churchill.* War, I, p. 325; *Gafencu.* Jours, p. 138. Мнения западных историков в: *Duroselle.* Politique, p. 100; *Namier.* Prelude, p. 151; *Beloff.* Policy, p. 232; *Markus Wüthrich.* Die Verhandlungen der Westmächte mit der Sowjetunion im Sommer 1939. Ein Beitrag zur west-östlichen Kontroverse um die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges, München, 1967; *Niedhardt.* Großbritanien, S. 390ff; *Adamthwaite.* France, p. 280; *Gibbs.* Strategy, p. 719; *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 43ff. Мнения советских историков в: GSA, S. 402-404; «История дипломатии», т. III, с. 759-761; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 250ff.

[176] См.: *Georges Bonnet.* Fin d'un Europe. De Munich à la Guerre. Genf, 1948, p. 180-182; *Beloff.* Policy, p. 231-233.

[177] Текст впервые опубликовал Гафенку (Jours, p. 140). У него заимствовал и перевел на английский язык Белофф (Policy, p. 237). Другая литература в примечании № 175.

[178] *Sipols.* Vorgeschichte, S. 250.

[179] Русский текст в: «СССР в борьбе за мир...», № 239, стр. 336-337; немецкий перевод в: DM, Nr 43, с. 84-85; английский текст в: *Strang.* Home, p. 163-164. Английскую точку зрения изложили: *Strang.* Home, p. 163-165; *Churchill.* War, vol. 1, p. 325-327. Французская точка зрения в: *Bonnet.* Fin d'un Europe, p. 182-184; *Coulondre.* Staline, S. 264-266, 281-283. Советская точка зрения в: *Майский.* Воспоминания.., стр. 464-466; P.P. Sewostjanow. Sowjetdiplomatie gegen faschistische Bedrohung 1939-1941. Frankfurt/M, 1984, S. 21-23; Sipols, Vorgeschichte, S. 251-253; *Максимычев.* Дипломатия мира.., с. 271-273.

[180] *Sewostjanow.* Sowjetdiplomatie, S. 21-23.

[181] Беседуя в те же дни с итальянским генеральным консулом в Берлине Ренцетти, Эрих Кох косвенно дал понять, что «Германия намерена достичь взаимопонимания с Россией». См. послание Ренцетти в адрес Аттолико от 7 мая 1939 г. - Цит. по: Toscano, Italy, p. 70-71. Беседа с Эрихом Кохом состоялась «за несколько недель» до этой даты.

[182] Запись беседы генерал-фельдмаршала Геринга с дуче, состоявшейся в присутствии графа Чиано в Риме 16 апреля 1939 г. (ADAP, D, VI, S. 215-219). Записал беседу переводчик Пауль Шмидт, который в своих воспоминаниях (Statist, S. 434) обращает внимание на беспокойство итальянских собеседников. Озабоченно, с выражением сомнений на лице, Муссолини принял к сведению «все более смелые намеки Геринга» на планы Гитлера относительно Польши. Об этой встрече см. также: *Toscano.* Italy, p. 61-63; *Beloff.* Policy, p. 227; *Braubach.* Weg, S. 13; *Watt*, Initiation, p. 164. Особый интерес представили упомянутые Герингом «посредники».

[183] См. запись Чиано в дневнике от 16 апреля 1939 г.: «Немцы заблуждаются, полагая, что могут действовать против Польши тем же оружием». - Цит. по: *Schmidt.* Statist, S. 434.

[184] Телеграмма Литвинова Мерекалову от 5 апреля 1939 г. («Год кризиса. 1938-1939», М., 1990, т. I, с. 360).

[185] Weizsäcker-Papiere (Brief vom 21 July 1939, Berlin), S. 155.

[186] *Weizsäcker.* Erinnerungen, S. 221-223.

[187] Письмо Вайцзеккера от 16 апреля 1939 г. (Weizsäcker - Papiere, S. 153).

[188] Так, например, Отто Карл Кип, которого в апреле 1939 г. после двухлетней службы в Лондоне в международном Комитете по невмешательству отозвали для работы в аппарате МИД на Вильгельмштрасе, совершенно иначе рассказывал своим коллегам об английской готовности. «Сильное впечатление произвели на него всеобщие антигерманские настроения. По его мнению, англичане не заражены ни упадничеством, ни безволием, а полны решимости покончить с политикой уступок» (Hassell-Tagebücher, S. 86).

[189] «Он заявил, что в ближайшие дни должен выехать в Москву и что ему очень хотелось бы еще до отъезда получить устный или письменный ответ» (из записки Вайцзеккера для Виля, в: ADAP, D, VI, Nr. 217, S. 222).

[190] См. запись статс-секретаря от 17 апреля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 215, S. 221-222 и Nr. 217, S. 222-223). Во всей западной литературе беседа Вайцзеккера с Мерекаловым рассматривается как первый настоящий советский зондаж и проявление желания к сближению с Германией (*Beloff.* Policy, p. 235-237; *Duroselle.* Politique, p. 92, 100; *Langer/Gleason*, p. 99-101; *Fabry.* Pact, S. 20; *Allard.* Stalin, S. 113; *Hofer.* Entfesselung, S. 58-60; *Hillgruber*, Außenpolitik, S. 21). У Брюгеля (*Brügel.* Stalin, S. 42) есть характерная запись: «Москва начинает всерьез обхаживать Германию». Ни один западный историк не усомнился в содержании записи статс-секретаря и не задался вопросом, с какими намерениями и для кого сделал ее Вайцзеккер. Даже Карр (Munich, Vol. II, p. 93) принял за чистую монету записку Вайцзеккера для Риббентропа. Так же поступил Намир (Europe, p. 261). Имели место лишь сомнения относительно значения некоторых высказываний, которые Вайцзеккер приписал советскому послу. Их выражали *Шорске* (Ambassadors, p. 502), *Уайнберг* (Germany, p. 23), *Браубах* (Weg, S. 13) и *Уатт* (Initiation, p. 162). Советская наука, с другой стороны, рассматривает встречу Вайцзеккера с Мерекаловым как начало серьезного дипломатического зондажа со стороны германского правительства (*Майский.* Кто помогал Гитлеру?. с. 184-186; *Майский.* Воспоминания, с. 513-515; *Кобляков.* Борьба..., с. 21-23; *Андросов.* Накануне..., с. 135-137; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 294-296; *Maximytschew. Anfang, S. 292-294; Фалин.* Почему в 1939-м?).

[191] Доклад Мерекалова Народному комиссариату иностранных дел СССР от 6 июля 1938 г. («СССР в борьбе за мир...», № 251, с. 349-501). Уже в этой беседе Вайцзеккер, продолжая усилия Шуленбурга в Москве, дал понять о заинтересованности Германии в оживлении торговли. Мерекалов ему ответил, что при тогдашнем состоянии германо-советских отношений инициатива их оживления - при принятии советских условий - должна исходить от немецкой стороны. Эта обстоятельная беседа прошла мимо внимания исследователей, а это привело к тому, что они в точном соответствии с замыслом Вайцзеккера рассматривали беседу Мерекалова «как его единственную встречу с Вайцзеккером за 10 месяцев пребывания в Берлине». Первым так определил Уайнберг (Germany, p. 23).

[192] На это впервые указал Андросов (Накануне.., с. 136).

[193] Weizsäcker-Papiere, S. 175-176.

[194] Телеграмма Мерекалова в Наркоминдел от 18 апреля 1939 г. («Год кризиса», т. 1, с. 389). Запись Астахова этой беседы (АВП СССР, ф. 06, оп. I, п. 7, д. 65, л. 69-71).

[195] Запись капитана Пауля Штелина о его беседе с генералом Боденшацем 6 мая 1939 г. и сообщение Кулондра в адрес Боннэ от 7 мая 1939 г. (DDF, 2, XVI, n. 100, S. 221-227). См. также: *Coulondre.* Staline, p. 270-271; *Paul Stehlin.* Auftrag in Berlin. Berlin, 1965, S. 180-186. Относительно этого конфиденциального сообщения: *Gafencu.* Jours, p. 161-162; *Beloff.* Policy, p. 266-267; *Namier.* Prelude, p. 159; *Dallin.* Policy, p. 27-29; *Braubach.* Weg, S. 14 (Anm. 33).

[196] Текст такой: «Вы полагаете, что Гитлер начнет игру, не имея на руках всех козырей? Это противоречило бы его манере, которая уже принесла успехи без применения военной силы. ...Вы, конечно же, слыхали о проводимых переговорах и об отъезде советского полпреда и советского военного атташе. Перед отъездом в Москву первого принял Риббентроп, а второго - представители верховного главнокомандования вермахта; их подробно проинформировали о позиции имперского правительства. Я, право же, не могу быть более откровенным, но однажды Вы узнаете, что на Востоке что-то готовится» (DDF, 2, XVI, Nr. 100, S. 225-226).

[197] *Stehlin.* Auftrag, S. 181.

[198] *Dallin.* Policy, p. 28.

[199] *Coulondre.* Staline, p. 171.

[200] Позже Геббельс «сделал Боденшацу серьезное замечание по поводу его болтливости в вопросах военной тайны. Впредь будет осторожнее» («Goebbels-Tagebücher», I, 4, S. 679).

[201] Цит. по.: *Kube.* Göring, S. 309.

[202] *Kube.* Göring, S. 309-310; *Anton Szymanski*. Das deutsch-polnische Verhältnis vor dem Kriege. - In: Politische Studien, Nr. XIII, 1962, S. 141-144; *Watt.* Initiation, p. 161. Кубе ошибочно датирует одним и тем же днем, 3 мая 1939 г., сообщения Боденшаца польскому военному атташе и помощнику французского военно-воздушного атташе. О сообщении польскому посольству сразу же узнал английский посол в Берлине. См. сообщение Гендерсона Форин оффису от 5 мая 1939 г. (DBFP, Serie 3, V, No. 377).

[203] Вполне возможно, что Вайцзеккер обсудил и согласовал эти действия с представителями оппозиции и вооруженных сил. О продолжавшихся иногда часами и происходивших в служебном помещении статс-секретаря по нескольку раз в неделю частных встречах Вайцзеккера с Канарисом, а также с Шуленбергом, когда тот бывал в Берлине, рассказал автору Шнурре.

[204] Как стало известно в конце мая из «надежного источника» французскому послу в Берлине, отвечая на вопрос Гитлера, генерал-полковники Кейтель и Браухич «заявили, что если Германии придется воевать одновременно и против России, то она, вероятно, войну проиграет» (*Coulondre*, Staline, p. 271).

[205] В книге «Майн кампф» Гитлер изложил свой основополагающий внешнеполитический принцип: «Союзы заключаются только для борьбы». Относительно союза Германии с Россией у него уже тогда были вполне сложившиеся представления. «Если когда-нибудь германо-русскому союзу и пришлось бы выдержать испытание в реальных условиях - а союзов без мысли о войне вообще не бывает, - то это могло бы произойти тогда, когда Германия подверглась бы массированным атакам всей Западной Европы, не будучи в состоянии оказать самостоятельно серьезного сопротивления». Однако в одном из аспектов своих прогнозов Гитлер заблуждался: он исходил из того, что союз Германии с Россией приведет «к войне Германии и

России против Западной Европы и, вероятно, против всего остального мира». Но он был прав, когда предсказывал, что боевой союз Германии с Россией будет иметь «прямо-таки катастрофические» последствия. Он, мол, превратит Германию в самое страшное за всю историю поле битвы и в результате «спасет Россию от уничтожения, принеся Германию в жертву» (*Hitler.* Mein Kampf, S. 748). Не сделал ли Сталин, изучавший «Майн кампф» ревностнее многих немецких современников, из этого вывода, что ему следует пойти на союз с Германией, не давая, однако, втянуть себя в войну «против европейского запада... против всего остального мира»?

[206] В беседе со Штелином Боденшац также подчеркнул, что польский вопрос в конечном итоге решится таким образом, что у западных держав не будет «ни основания, ни даже желания» к (военному) вмешательству. Он добавил: «Это не обязательно случится через месяц или два. Нужно время для подготовки. Гитлер... не из тех, кто принимает спонтанные решения в припадке ярости» (DDF, 2, XVI, S. 226). В те дни на повестке дня стояло слово «выждать». 3 мая 1939 г. Геббельс писал, что польская печать «скандалит. Но скоро у нее желание ругаться пропадет, нужно лишь подождать и набраться терпения» (Tagebücher, I, 3, S. 600).

[207] *Gafencu.* Jours, p. 89.

[208] *Dallin.* Russia, p. 22.

[209] Раух (Geschichte, S. 370) первым попытался найти объяснение. Он писал: «Советское правительство столь же умело, как и министерство иностранных дел Гитлера, скрывало от внешнего мира проходившие летом германо-советские переговоры. Из осторожности даже временно отозвали из Берлина советского полпреда Мерекалова и не позволяли ему вернуться на свой пост в течение всего лета». Мерекалов, однако, вообще не вернулся в Берлин. Непосредственно до заключения пакта в качестве временного поверенного в делах в Берлине оставался Астахов. Затем полпредом назначили Шкварцева.

[210] *Майский.* Воспоминания, с. 467-469. Это произведение, вышедшее в свет в 1964 г., несет на себе печать сравнительно либерального периода правления Хрущева.

[211] *Watt.* Initiation, p. 164; *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 116.

[212] *З.С. Шейнис.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989, с. 362.

[213] *Dallin.* Policy, p. 26 (со ссылкой на «Нью-Йорк таймс» от 6 мая 1939 г.). Послание Кэрка Хэллу от 4 мая 1939 г., в котором говорится о возникших «недавно» слухах (FRUS, DP, SU, No. 218, p. 758-759). 17 апреля немецкой прессе запретили затрагивать данную тему (BA, ZSg 102/15, S. 362).

[214] *Henry L. Poberts.* Maxim Litvinov. - In: *Gordon A. Craig, Felix Gilbert.* The Diplomats, 1919-1939, p. 344-377; *Weber.* Entstehung, S. 116.

[215] Как вспоминал позднее Наум Гольдман, на последней встрече в Женеве весной 1939 г. Литвинов сказал, что если Гольдман «однажды прочтет в газетах о том, что он ушел с поста министра иностранных дел,

то это будет означать сближение между фашистской Германией и Советским Союзом и близкую войну» (*Nahum Goldman.* Mein Leben als deutscher Jude. München/Wien, 1980, S. 315). Биограф Литвинова обнаружил среди его бумаг заявление об отставке, которое, однако, подано не было (*Шейнис.* Максим Максимович Литвинов..., с. 361). Он подчеркивал, что положение наркома иностранных дел стало невыносимым из-за позиции западных правительств и влияния данного обстоятельства на Советское правительство. По словам Шейниса, в указе о смещении Литвинова говорилось о том, что он якобы занял «ошибочную позицию, в особенности в оценке политики Англии и Франции» (с. 365).

[216] Протоколы допроса Осимы и Сиратори в Международном военном трибунале для Дальнего Востока (Records of Proceedings, p. 6079-6081, 35042-35044). См. также: *Watt.* Initiation, p. 161, 167 (note 37).

[217] *Frank William Iklé.* German-Japanese relations 1936-1940. N.Y., 1956, p. 101; *Carl Boyd.* The extraordinary envoy. General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934-1939. Washington D.C., 1980, p. 101-103; *Braubach.* Weg, S. 13-14, (Anm. 32).

[218] См.: донесения Рамзая (Зорге) от 9 и 15 апреля, а также - менее позитивное - от 5 мая 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 219, с. 317, № 236, с. 334 и № 274, с. 375-376 и изложение в прим. 53, с. 666-667); телеграмму Риббентропа послу Отту от 26 апреля 1939 г. (там же, № 258, с. 352-354), которая предположительно через тот же канал стала известна Москве, и др. Во второй телеграмме от 15 апреля 1939 г. Зорге сообщал, что Германия намеревается в течение ближайших одного-двух лет «с учетом всех вопросов, связанных с СССР», обеспечить себе гегемонию в Центральной Европе, чтобы затем, обезопасив тылы на Западе, «начать войну с СССР» (там же, № 235, с. 334).

[219] 19 апреля 1939 г. Кёстринг писал Типпельскирху, что японский военный атташе неожиданно спросил, «как он представляет себе японские операции против России». Как сообщил Кёстринг, его японский коллега говорил «о главном ударе японцев в направлении на Благовещенск и на северо-запад... Им якобы важно выйти к железной дороге, идущей вдоль Амура, чтобы можно было бы покончить с недостатками снабжения войск в районе Хабаровска-Владивостока». По-видимому, к тому времени японские планы продвинулись уже довольно далеко (*Teske.* Köstring, S. 236-237).

[220] *Myllyniemi.* Krise, S. 46.

[221] О переменах в советско-американских отношениях см.: *Niedhart.* Großbritannien, S. 280-281 (с перечнем литературы).

[222] *Майский.* Воспоминания, с. 469.

[223] Относительно этих процессов см.: *Strang.* Home, p. 164-166; *Churchill.* War, vol. 1, p. 325-326; *Manne.* Decision, p. 18-20; советская точка зрения в: *Sipols.* Vorgeschichte, S. 252-254.

[224] *Gibbs.* Strategy, p. 727-729.

[225] Public Record Office (PRO), Cab. 27/627, F.P. (360) 82 (paper C.O.S. 887). - Цит. по: *Manne.* Decision, p. 20.

[226] PRO, CAB 23/99. - Цит. по: *Niedhart.* Großbritannien, S. 411 (Anm. 762).

[227] Решение правительства от 28 апреля 1939 г., в: PRO, FO 371/23064. - Цит. по: *Niedhart.* Großbritannien, S. 411 (Anm. 762).

[228] FP, 3, V, Nr. 316; *Майский.* Воспоминания, с. 469.

[229] DBFP, 3, V, No. 312.

[230] *Майский.* Воспоминания, с. 469.

[231] См. приведенную Майским характеристику политики французского правительства, данную Сурицем (*Майский.* Воспоминания, с. 467), а также сообщения Сурица в Наркоминдел от 24 и 26 апреля, 6 и 10 мая 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», с. 347, 351, 376 и 385-386), согласно которым переговоры о военном сотрудничестве с СССР превратятся в «обыкновенный блеф», поскольку Боннэ так же мало стремится к заключению эффективного договора, как и Чемберлен.

[232] Уатт (Initiation, p. 164) исходил из того, что советское решение о сближении с Германией было принято во второй половине апреля; однако использованные им аргументы (мнимая инициатива Мерекалова в Берлине, мнимые расхождения между линиями Мерекалова и Литвинова на московском совещании, где победил якобы Мерекалов) представляют собой одни лишь гипотезы.

[233] *Beloff.* Policy, p. 239.

[234] Сидс-Галифаксу, 3 мая 1939 г. (DBFP, 3, V, No. 344, p. 400).

[235] Заседание кабинета 3 мая 1939 г. (PRO, CAB 23/99); *Dallin.* Policy, p. 26; *Namier.* Prelude, p. 158; *Niedhart.* Großbritanien, S. 410-411.

[236] *Domarus.* Hitler, II, S. 1148-1150. В своем выступлении Гитлер заявил о расторжении англо-германского морского договора 1935 г., а также германо-польского пакта о ненападении 1934 г., с сарказмом отверг ноту Рузвельта от 14 апреля 1939 г., назвав западные демократии поджигателями войны. Как говорили чиновники из «старого» министерства иностранных дел, он «лягнул все стороны», но совсем не затронул Советское правительство. См.: *Coulondre.* Staline, p. 266-268; *Weizsäcker.* Erinnerungen, S. 223; *Below.* Adjutant, S. 162; *Gafencu.* Jours, p. 160; «СССР в борьбе за мир...», с. 685-686 (прим. 109).

[237] *Dallin.* Russia, p. 25.

[238] По этому вопросу см.: *Gibbs.* Strategy, p. 724-726.

[239] См. доклад поверенного в делах германского посольства в Москве фон Типпельскирха министерству иностранных дел от 4 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 325, S. 346-347), а также доклад английского посла Сидса лорду Галифаксу от 4 мая 1939 г. (DBFP, 3, V, No. 353, p. 410).

[240] Евгений Гнедин (Labyrinth, p. 27-29) ошибочно датировал это событие 2 мая 1939 г. и тем самым непреднамеренно подчеркнул взаимную связь между 1 маем и отставкой Литвинова. А вот Шейнис указывает, что это произошло в ночь с 3 на 4 мая 1939 г. (*Шейнис.* Максим Максимович Литвинов..., с. 363).

[241] *Gnedin.* Labyrinth, p. 38-40.

[242] Типпельскирх - Шлипу из Москвы 10 октября 1939 г. (ADAP, D, IV, Nr. 477, S. 531).

[243] Тексты воспроизводятся в: *Werth.* Rußland, S. 25.

[244] Типпельскирх - министерству иностранных дел (ADAP, D, VI, Nr. 325, S. 346-347).

[245] DBFP, 3, V, No. 353, 359.

[246] Сообщение Петруччи в адрес Чиано из Тегерана 8 мая 1939 г. - Цит. по: *Toscano.* Italy, p. 69.

[247] *Weinberg.* Germany, p. 24.

[248] *Herwarth.* Hitler, S. 162. Хильгер и Кёстринг позже подчеркивали, что Литвинова устранили, чтобы создать условия для сближения с Германией (*Hilger/Meyer.* Allies, S. 290; *Hilger.* Wir, S. 276; *Teske.* Köstring, S. 134). Однако подобная оценка задним числом не учитывала той сложной ситуации, в которой тогда приходилось принимать решения. На ошибочность оценок Хильгера и Кёстринга обратил внимание уже Уатт (Initiation, p. 161ff.).

[249] *Weinberg.* Germany, p. 24. Хотя антигерманская позиция Молотова («фашистские людоеды») не вызывала сомнений, тем не менее в отставке Литвинова немецкая сторона увидела конец политики коллективной безопасности и выражение «незаинтересованности... во всех европейских вопросах», что давало «огромное преимущество внешней политики рейха». Усилилась возможность «решить польский вопрос без военного столкновения». Прессе дали указание тактически использовать этот «подарок небес» и указать западным державам и Польше на «возможность... немецко-русской договоренности или контактов» (BA, ZSg 101/34, S. 213ff., 223).

[250] Как позже вспоминал Кордэлл Хэлл, правительство США придало этому событию «должное значение» (*Hull.* Memoirs, p. 656). В основу легли при этом отчеты Кэрка из Москвы, в первую очередь его отчет от 4 мая 1939 г., в котором говорилось: «Эта замена может явиться началом отхода от принципа коллективной безопасности и установления отношений с Германией» (FRUS, DP, No. 218, p. 758), - а также сообщения Дж. Дэвиса из Брюсселя; здесь прежде всего речь идет о сообщении от 10 мая 1939 г., в котором подчеркивалось, что это решение является сигналом для стран Запада (*Davies.* Botschafter, S. 344). Посол Италии в Москве Россо полагал, что «случай с Литвиновым означает провал переговоров между Лондоном и Москвой» (телеграмма Россо в адрес Чиано от 5 мая 1939 г., в: *Toscano.* Italy, p. 69).

На Кэ д'Орсэ с вниманием отнеслись к факту смещения Литвинова, не усмотрев в нем, однако, однозначного жеста Сталина в сторону Германии и, следовательно, принципиального поворота в советской внешней политике (*Bonnet.* Fin, p. 175; *Coulondre.* Staline, p. 269). Вместе с тем в той быстроте, с которой в Берлине распространялись воспринимавшиеся с доверием слухи о предстоящем германо-советском сближении, Кулондр увидел опасный симптом. При угрозе срыва переговоров СССР с западными странами Гитлеру было бы нетрудно круто повернуть к России (послание Кулондра в адрес Боннэ от 22 мая 1939 г., в: DDF, 2, XIV, N° 251, p. 500; см. также: *Coulondre.* Staline, p. 272).

[251] См.: *Schuman.* Night, p. 233; *Dallin.* Policy, p. 26; *Beloff.* Policy, p. 239; *Duroselle.* Politique, p. 101; *Namier.* Prelude, p. 159; *Carr.* Munich, vol. II, p. 95; *Weinberg.* Germany, p. 24; *Allard.* Stalin, S. 115ff.; *Braubach.* Weg, S. 14; *Watt.* Initiation, p. 160; *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 118.

[252] *Langer/Gleason.* Challenge, p. 105.

[253] В докладе Галифаксу от 5 мая 1939 г. Сидс тщательно воздерживался от оценок, однако задал вопрос, не означает ли смена «отход от политики коллективной безопасности Литвинова (от которой, можно сказать, западные державы намереваются отказаться) и решения повернуть к политике изоляции» (DBFP, 3, V, No. 359, p. 412-3). См. мнения двух участников (*Strang.* Home, p. 656; *Churchill.* War, I, p. 329), задним числом указавших на возможность сближения с Гитлером, а также историков Намира (Prelude, p. 158) и Карра (Munich, vol. II, p. 95).

[254] *Namier.* Prelude, p. 160.

[255] Справедливость последнего заявления подтверждается вполне подходящим для сравнения фактом. Через два года, 1 мая 1941 г., в столь же опасной ситуации, когда СССР оказался перед лицом военной угрозы, Сталин также внезапно произвел кадровую перестановку, чтобы сконцентрировать всю власть в одних руках. Когда стало очевидно, что СССР стоит на пороге войны, Сталин даже сменил Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров и, таким образом, возглавил правительство. Молотов же остался заместителем Председателя Совнаркома и наркомом иностранных дел. Майский, знакомый с подоплекой событий, их не раскрывает («Воспоминания», с. 469).

В высшей степени идеологизированная официальная публикация «Фальсификаторы истории» (авторами которой были дипломаты Б.Е. Штейн и М.В. Хвостов), появившаяся в 1951 г. как советский ответ на американский сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939-1941", канонизировала советскую версию. Последующие советские исследования (*Maximytschew.* Anfang, S. 296-298) называют предположение западных историков (Хильгрубера, Феста и др.), считающих, что Сталин решил сменить «еврея Литвинова» с известной «оглядкой на Гитлера», «неуклюжими и вздорными», изобретением геббельсовской пропаганды. Они подчеркивают, что внешняя политика СССР определяется решениями высших партийных и государственных органов. Участник событий Евгений Гнедин («Labyrinth», p. 36-38) на первый план выдвинул аспект двойственности внешней политики Сталина и его уступок германской стороне. Однако свои мемуары он писал позднее, используя знания, почерпнутые из западной литературы.

[256] *Coulondre.* Staline, p. 269.

[257] Не было никаких веских оснований, в том числе и с позиций германского посольства в Москве, считать, что удаление евреев с руководящих постов в Наркоминделе представляло собой уступку национал-социализму или являлось жестом доброй воли по отношению к Гитлеру. В предшествующие годы посольство имело достаточно возможностей наблюдать возникновение специфического антисемитизма сталинского периода. Так, 13 марта 1939 г. посол в частном порядке пи-

сал в Берлин по поводу назначения нового американского посла в Москву: «Его фамилия Штейнгардт, и он еврей. Думаю, что президент Соединенных Штатов здорово заблуждается, если полагает, что еврею здесь будет легче преуспеть» (из письма Шуленбурга в адрес Дуберг от 13 марта 1939 г. (Nachlaß, S. 6). Херварт в момент смещения Литвинова заметил, что тот «и без того ... был одним из немногих евреев, пока еще не ставших жертвой чистки» (*Herwarth.* Hitler, p. 162).

[258] От чиновника, которому Де Витт адресовал соответствующий вопрос, он узнал, что «о намерениях Сталина стало известно от русских друзей» (Light, p. 141). Это свидетельство сомнительно.

[259] Запись Ренцетти для Аттолико от 7 мая 1939 г. - Цит. по: *Toscano.* Italy, p. 70.

[260] Записка *Ф.Н. Мэсон-Макфарлейна* относительно давления немецких военных в пользу сближения с Россией от 17 мая 1939 г. (DBFP, 3d, V, No. 552, p. 594-595).

[261] Ренцетти для Аттолико. - Цит. по: *Toscano.* Italy, p. 70.

[262] *Hilger.* Wir, S. 277.

[263] *Below.* Adjutant, S. 170.

[264] *Weinberg.* Germany, p. 24; *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 142f.

[265] *Coulondre an Bonnet.* Berlin, den 7. Mai 1939. - In: DDF, 2, XVI, n° 100, geheim, p. 222.

[266] Из рассказа К. Шнурре автору.

[267] Телеграмма Петруччи-Чиано от 8 мая 1939 г., № 55. - Цит. по: *Toscano.* Italy, p. 69.

[268] Итальянская точка зрения, в: *Ciano.* Europa, p. 432; *Toscano.* Italy, p. 55; немецкая точка зрения (запись переговоров Риббентропа с Чиано в Милане 6-7 мая 1939 г.), в: ADAP, D, VI, Nr. 341, p. 372-374, где в пункте 11 (с. 373) говорится: «Министр иностранных дел рейха и граф Чиано договорились добиваться улучшения политических связей стран «оси» с Советским Союзом. Однако этот процесс не должен заходить слишком далеко, ибо, как считает дуче, по соображениям итальянской внутренней политики, дружественные отношения с Советским Союзом не представляются возможными».

[269] Запись советника посольства Шнурре из отдела экономической политики от 5 мая 1939 г. гласила: «Предложение советского поверенного в делах Астахова об активизации экономических отношений» (Seidl. Deutschland, Nr. 3, S. 3). См. также: ADAP, D, VI, Nr. 332, S. 355. Противоположная точка зрения: *Майский.* Кто помогал Гитлеру? с. 185; *Майский.* Воспоминания, с. 513-514;

[270] *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 129.

[271] См. обсуждение позиций, в: *Watt.* Initiation, p. 162.

[272] *Maiski.* Memoiren, S. 493.

[273] Из рассказа Шнурре автору 20 июня 1989 г.

[274] *Weinberg.* Germany, p. 25 (note 57).

[275] Так, д-р Карл Гёрделер 6 мая 1939 г., возможно, зная об этой беседе Астахова с Шнурре, предостерег английского посла в Берлине Гендерсона относительно проходивших тогда советско-германских переговоров с (*Weinberg.* Germany, p. 25, note 57).

[276] Французская «желтая книга», с. 157. - Цит. по: *Dallin.* Policy, p. 26.

[277] Пометка посланника Брауна фон Штумма, сделанная в Берлине 9 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 351, S. 381).

[278] Запись Астахова от 9 мая 1939 г. (АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 199-201).

[279] Астахов - Потемкину, 12 мая 1939 г. (АВП СССР, ф. 082, оп. 22, д. 7, л. 214; «Год кризиса», т. I, с. 457; «История внешней политики СССР». М., 1976, т. I, с. 390).

[280] Запись Астахова о беседе с Шнурре 15 мая 1939 г. («Год кризиса», т. I, с. 465).

[281] Из рассказа Шнурре автору 20 июня 1939 г.

[282] Запись Шнурре от 17 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 406, S. 44).

[283] PA AA, *Dienststelle Ribbentrop*, AZ.: Vertrauliche Berichte, Bd. 1/2, Teil 1, 29418, vom 23. Mai 1939.

[284] *Weber.* Entstehung, S. 147f.

[285] *Евгений Гнедин.* Катастрофа и второе рождение. Мемуарные записки. Амстердам, 1977, с. 57-58.

[286] *Domarus.* Hitler, II, S. 1148-1149.

[287] *Beloff.* Policy, p. 242.

[288] «The Times», 2 May 1939.

[289] «The Times», 4 May 1939.

[290] Посол Отт из Токио в министерство иностранных дел 4 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 326, S. 347f.). В тот же день Советское правительство узнало от Рихарда Зорге, что японский министр иностранных дел Хатиро Арита, опираясь на военно-морские круги, отклонил предложение об участии Японии в откровенно агрессивном союзе против СССР и (или) Англии («СССР в борьбе за мир...», № 274, с. 375-376).

[291] Племянник германского посла в Париже граф Велчек сообщил в середине мая 1939 г. английскому военному атташе в Берлине о том, что «генерал Сыровы прибыл в Москву по поручению германского правительства за три дня до падения Литвинова». См. приложение к письму английского посла в Берлине Гендерсона А. Кадогану от 18 мая 1939 г. (DBFP, 3d, V, No. 552, p. 594-595). Если бы это соответствовало действительности, то оценка Гитлером «смещения» Литвинова покоилась бы на более солидной основе.

[292] Правда, он упрекнул Советский Союз в том, что тот «начиная с 1918 г. провел 10 войн и военных акций», однако все это было сущий пустяк в сравнении с теми преступлениями, в которых он обвинял западные страны. Такие выражения, как «большевистские убийцы-поджигатели», «большевики-недочеловеки в Испании» и угроза «большевистского уничтожения европейской культуры», относились больше к Коминтерну, чем к Советскому государству. Домарус («Hitler», II, S. 1163-1164) не увидел в этой речи никаких изменений в стереотипных выпадах Гитлера против СССР. А вот Даллин (см. выше) это заметил; причем следует иметь в виду, что по сравнению с яростными нападками Гитлера на Рузвельта, Чемберлена и Бека СССР в этой речи остался в тени.

[293] См.: *Hilger/Meyer.* Allies, S. 294ff.; *Hilger.* Wir, S. 278ff., а также подробный рассказ К. Шнурре автору, во всех существенных моментах совпадающий с воспоминаниями Хильгера.

[294] Помощник военного атташе капитан фон Шубут, также в спешном порядке вызванный для доклада в Берлин, по неизвестным причинам не присутствовал на встрече в Бергхофе. Однако о развитии в СССР он доложил в «германском военном министерстве». Там его, в частности, спросили, «есть ли основание полагать, что Советский Союз стал сильнее в военном отношении или находится в более благоприятном, чем в сентябре прошлого года, положении для наступательных действий». Шубут ответил отрицательно (из послания поверенного в делах США в Москве государственному департаменту от 17 мая 1939 г., в: FRUS, I, General, No. 251, p. 319).

[295] Относительно дипломатической корреспонденции см.: ADAP, D, VI, S. 347, Anm. 4; *Braubach.* Weg, S. 41, Anm. 34; *Hilger.* Wir, S. 277.

[296] Телеграмма Шуленбурга Алле фон Дуберг: «Прибываю завтра, в пятницу, во второй половине дня самолетом...» (Nachlaß, Aktenordner Duberg).

[297] По словам Э. Кордта, «известно немного примеров, когда Гитлер соглашался, чтобы ему докладывали посланники и послы из кадровых дипломатов. Ему не нравился деловой характер их докладов» (Wahn, S. 158, Anm. 1).

[298] *Hilger.* Wir, S. 279; Хильгер и Майер (Allies, S. 295) писали: «Гитлер... медленно к нам приблизился, пристально всматриваясь странно меняющимся коварным взглядом».

[299] *Hilger.* Wir, S. 281.

[300] *Domarus.* Hitler, II, S. 1189; IMT 120-C, Anlage II.

[301] Не в Мюнхене, как предположил Браубах (Weg, S. 14).

[302] Немецких источников, подтверждающих эту инструкцию, не существует. Наиболее подробно инструкция отражена в отчете посольства США в Москве от 20 мая 1939 г. О ней посольству сообщил личный референт Шуленбурга сразу же после получения от него подробнейших сведений о документе. См. послание Граммона из Москвы 20 мая 1939 г. государственному секретарю (FRUS, I, General, No. 256, p. 319-321).

[303] Как докладывал Херварт в посольство США, Шуленбург спросил Риббентропа: «Не был ли, ввиду советско-английских переговоров, конкретный и прямой подход более верным?» (FRUS, I, General, No. 256, p. 320).

[304] Телеграммы Россо в адрес Чиано от 23 (Nr. 60) и 24 мая 1939 г. (Nr. 1964/833), в: MAE, Serie: AP, Russia, n. 35 (1939.3, Rapporti politici Russia-Germania), p. 1.

[305] См. телеграмму Кэрка Хэллу от 17 мая 1939 г. (11.00), в которой говорилось: «По требованию Берлина встреча посла с Молотовым и Потемкиным назначена в субботу утром» (FRUS, I, General, No. 251, p. 318.).

[306] Actes et Documents du Saint Siège relatifs à la Seconde Guerre Mondiale, Band 1: Le Saint Siège et la Guerre en Europe, 1939-1940, n. 47,

p. 150-153, hier: p. 152; Le Nonce à Berlin Orsenigo au Cardinal Maglione, Berlin, 17 mai 1939).

307 Меморандум о беседе с капитаном фон Ринтеленом 17 мая 1939 г. (приложение № 2 к телеграмме № 326 посольства США в Брюсселе государственному департаменту). - Цит. по: *Davies*. Botschafter, S. 345.

308 Письмо Гендерсона Кадогану от 18 мая 1939 г. (DBFP, 3d, V, No. 552, p. 594).

III. Подготовка пакта о ненападении

1 «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны», М., 1971, № 288, с. 390; *Schuman*. Night, p.236; *Beloff*. Policy, p.244.

2 Пакт о дружбе и союзе между Германией и Италией (ADAP, D, VI, Nr, 426, S.466 ff); *Domarus*. Hilger, II, S.1192 ff. Пакт был заключен 7 мая 1939 г. в Милане Риббентропом и Чиано и подписан в Берлине 22 мая 1939 г. Текст договора на следующий день после его подписания был опубликован без дополнительного секретного протокола в газете «Фёлькишер беобахтер». Уже из содержания договора было ясно видно, что союз преследовал агрессивные цели. Так, в соответствии со ст. 3 каждая из договаривающихся сторон автоматически обеспечивала другой стороне любую военную помощь, если та будет вести военные действия с другими государствами.

3 Накануне, 10 мая 1939 г., ТАСС опубликовал опровержение сообщения агентства Рейтер, в котором в искаженном виде излагался английский ответ от 8 мая1939 г. на советское предложение от 16 апреля 1939 г. Как писал ТАСС, Советское правительство не обязано гарантировать безопасность каждого граничащего с СССР государства (речь шла о Польше и Румынии); оно должно оказать немедленное содействие Великобритании и Франции в случае вовлечения этих последних в военные действия во исполнение принятых ими на себя обязательств по отношению к Польше и Румынии. Однако в контрпредложениях английского правительства, сообщал ТАСС, ничего не сказано о какой-либо помощи, которую должен был бы получить Советский Союз от Франции и Великобритании, если бы он равным образом был вовлечен в военные действия во исполнение принятых им на себя обязательств в отношении тех или иных государств Восточной Европы. Речь при этом в первую очередь шла о Прибалтийских странах («СССР в борьбе за мир...», № 282, с. 384-385; «История дипломатии», т. 3, с. 676; *Churchill*. War, vol.1, p.332).

4 *Manne*. Decision, S.22 (DBFP, 3d, V, 469; «СССР в борьбе за мир...», № 283, 278 и 279; *Strang*. Home, p.164; *Churchill*. War, vol.1, p.332; *Майский*. Воспоминания, с. 470, 471; «Фальсификаторы истории», с. 43; *Maximytschew*. Anfang, S.271; GSA, S.404).

5 *Beloff*. Policy, p.246.

6 Информация П.Клейста советской разведслужбе от 2 мая 1939 г., в: «СССР в борьбе за мир...», № 266, с. 362-365. Запись беседы с Рудольфом фон Шелиа от 25 мая 1939 г. (там же, № 308, с. 414-416).

[7] DM, Nr.60, S.117.

[8] *Werth.* Rußland, S.38.

[9] Сообщение «Трансоцеан» из Москвы от 16.5.1939 г.; копия сообщения в: PAAA, Pol.2, № 1 geheim, Bd. 1, 260419.

[10] *Belloff.* Policy, p.240; *Namier.* Prelude, p.163; *Gafencu.* Jours, p.210.

[11] В разговоре с Гафенку в Бухаресте (*Gafencu.* Jours, p.201).

[12] ADAP, D, VI, Nr, 420, S.459 f.

[13] *Budurowycz.* Relations, p.152 «СССР в борьбе за мир...», с. 389, 393; *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 129.

[14] Польский посол в Москве В.Гжибовский в беседе с Молотовым 11 мая 1939 г. «СССР в борьбе за мир...», № 289, с. 393-394; «Фальсификаторы истории», с. 44; GSA, S.410; *Андросов.* Накануне..., с. 107; *Budurowycz.* Relations, p.153.

[15] См. беседу Бека с Галифаксом, состоявшуюся 4 апреля 1939 г. (Documents, Nr.18, p.25-28; *Budurowycz.* Relations, p.148).

[16] Согласно Хильгруберу (Entstehung, S.48; mit Literaturangaben), эта война началась 12 мая 1939 г. Относительно ее начала с военно-исторической точки зрения см.: *Amnon Sella.* Khalkin-Gol: The Forgotten War (Journal of Contemporary History, Bd. 18(1983), p.651-687).

[17] *Churchill.* War, I, p.332; «СССР в борьбе за мир...», с. 395; DBFP, 3d, V, p.558-559; *Strang.* Home, p.164; GSA, S.405.

[18] См. протесты Молотова против японских нарушений границы («СССР в борьбе за мир...» № 299, с. 406-407).

[19] Запрос Молотова в адрес Финляндии относительно Аландских островов (ADAP, D, VI, Nr. 440).

[20] *Beloff.* Policy, p.247.

[21] *Maximytschew.* Anfang, S.272.

[22] *Watt.* Initiation, p.154.

[23] Письмо Шуленбурга Алле Дуберг от 21 мая 1939 г. (*Nachlaß Schulenburg.*Briefwechsel Duberg, S.2).

[24] FRUS, I, General, No 256, p.320.

[25] Письмо Шуленбурга Вайцзеккеру от 2 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 424, S.463 f).

[26] *Toscano.* Italia, p.22; *Андросов.* Накануне..., с. 109

[27] «Хотя Риббентроп утверждал обратное» (FRUS, I, General, №, 256, p.320).

[28] *Schorske.* Ambassador, S.503.

[29] Телеграмма посла министерству иностранных дел от 20 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr, 414, Anm.2, S.454); запись Шуленбурга в дневнике Nr. A 1023 от 20 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 424, Anlage, S.464-466). Донесение Шуленбурга Nr.A 1923 от 22 мая 1939 г., 695/260425 (не напечатано); письмо Шуленбурга Вайцзеккеру от 22 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 424, S.463 f); базирующееся на информации Ганса фон Херварта Чарльзу Болену письмо поверенного в делах США в Москве Граммона государственному секретарю К.Хэллу от 22 мая 1939 г. (FRUS, I, General, No 258, p.321); Россо-Чиано из Москвы 24 мая 1939 г. (п. 1964/833), а также аналогичная информация от

Чиано в Берлин Аттолико 3 июня 1939 г. (MdAE, Serie: Affari politici, Russia, n.35 (1933.3), Rapporti politici, Russia-Germania,p 5.)

Об этом же непосредственные свидетели событий: *Hilger.* Wir, S.281 f.; *Herwarth.* Hitler, S.177 ff. Западные источники: *Beloff.* Policy, p.247; *Langer/Gleason.* Challenge, p.112; *Weinberg.* Germany, p.26; *Carr.* Munich, II, p.97; *Schorske.* Ambassadors, S.503 f.; *Toscano.* Italia, p.33; *Herwarth.* Hitler, p.177; *Watt.* Initiation, p.154; *Weber.* Entstehung, S.149. Советские источники: *Майский.* Воспоминания, с. 515; *Майский.* Кто помогал Гитлеру?, с. 186; *Андросов.* Накануне..., с. 139-140; *Sipols.* Vorgeschichte, S.296-297.

30 «Год кризиса», т. 1, с. 482-483.

31 *Weber.* Entstehung, S.149.

32 В национал-социалистском духе: *Kleist.* Tragödie, S.59; Фабри (Pakt,S.24) считал, что приглашение на эту беседу исходило от Молотова, а Брюгель (Stalin, S.45) писал, что «Молотов хотел бы иметь политическую базу для сотрудничества».

33 Широкая интерпретация выражения «политическая база» нашла подтверждение в дальнейших беседах. Когда Вайцзеккер зондировал по этому вопросу в Берлине 30 мая 1939 г. у поверенного в делах Астахова, то было видно, что последний с содержанием беседы Шуленбурга-Молотова, состоявшейся 20 мая 1939 г., «знаком и истолковал его в том смысле, что в Москве хотят избежать повторения того, что произошло в январе этого же года, то есть не желают еще раз, организовав поездку германского экономического представителя в Москву, в последний момент под насмешки иностранных журналистов получить отказ». (Запись статс-секретаря о беседе с Астаховым 30 мая 1939 г. в: ADAP, D, VI, Nr. 451,452, S.451,452, S.503,506).

34 *Kordt.* Wahn,S.159.

35 «... более конкретный и прямой подход был бы желателен» (FRUS, I, General, No. 256, p.320).

36 Россо в адрес Чиано 24 мая 1939 г. (с. 3). В сообщении американского поверенного в делах Кордэллу Хэллу говорится: «Молотов выразил сомнение в возможности развития экономических отношений при отсутствии «политической базы» и спросил мнение посла по этому вопросу. Посол... ответил, что он не влияет на политику и не может высказать авторитетного мнения по данному вопросу, но что, возможно, Молотов как премьер-министр Советского правительства в состоянии разъяснить более точно, что именно Советское правительство подразумевает под «политической базой» (FRUS, I, General, No. 258, p.321).

37 Россо в адрес Чиано 24 мая 1939 г. (с. 4).

38 Там же, с. 5. Россо не забыл в связи с этим указать на то, что подобная информация из «палаццо Чиги» была бы при выполнении поставленных перед ним задач полезной.

39 Очевидно, Кордэлл Хэлл информацию американского посольства в Москве передавал послам Англии и Франции (*Herwarth.* Hitler, p.177).

40 Шуленбург Алле фон Дуберг 21 мая 1939 г. (*Nachlaß Schulenburg,* Aklenordner: Alla Duberg).

[41] *Kordt*. Wahn, S.162.

[42] Cadogan-Tagebuch, 20 Mai 1939. - Цит. по: *Manne*. Decision, S.25.

[43] *Namier*. Prelude, p.169.

[44] *Adamthwaite*. France, p.324.

[45] ADAP, D, VI, Nr 410, 427 und 447; «СССР в борьбе за мир...», № 302, с. 407-408.

[46] ADAP, D, VI, Nr.421, 445.

[47] Японский посол Х. Осима - Риббентропу 22 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.425).

[48] Примерно 26 мая 1939 г. от «попытки зондажа через частных предпринимателей» снова отказались (неотправленное письмо Вайцзеккера Шуленбургу в:ADAP, D, VI, Nr. 446, Anm.3, S.497).

[49] Кулондр в адрес Боннэ 22 мая 1939 г. (DDF,2,XVI, n° 251, p.498-500).

[50] *Weizsäcker*. Errinnerungen, S.246.

[51] Написанное через несколько дней после этого, но неотправленное письмо Вайцзеккера Шуленбургу содержало недвусмысленную формулировку, что «нам не представляется целесообразным... еще раз поручить Вам лично с этой целью встретиться с Молотовым или Потемкиным» (см. выше, примечание № 48).

[52] В неотправленном письме Вайцзеккера Шуленбургу от 27 (?) мая 1939 г. говорилось, что в Берлине в настоящее время ломают голову над тем, как начать переговоры о нормализации политических отношений, «не подвергая себя опасности вторичного отказа» (ADAP, D, VI, Nr. 446, S.497, Anm.3).

[53] Статс-секретарь - посольству в Москве, 21 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 414, S.454).

[54] Вайцзеккер-Шуленбургу, 27 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 446, S.497 f).

[55] Hassel-Tagebücher, S.90.

[56] Шуленбург-Вайцзеккеру из Москвы, 5 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 478, S.535).

[57] Шуленбург — Алле фон Дуберг 29 мая 1939 г. (*Nachlaß*).

[58] (Краткий) протокол подполковника Шмундта (IMT 079; *Domarus*.Hitler, II, S.1196 ff.; «СССР в борьбе за мир...», № 306, с. 411). Присутствовали также Геринг и Боденшац, Рёдер, Браухич, Кейтель, Мильх и Гальдер. О совещании см.: *Schorske*. Ambassadors, S.504; *Below*.Adjutant, S.163 ff; *Sipols*. Vorgeschichte,S.258; *Андросов*. Накануне..., с. 98.

[59] *Hillgruber*. Hitler-Koalition, S.472.

[60] Согласно информации, полученной Кулондром «из очень надежного источника», но не от генерала Боденшаца (*Coulondre*. Staline, p.271).

[61] DBFP, 3, V, No. 552, p.594.

[62] *Coulondre*. Staline, p.271.

[63] House of Commons, Debates, 53, Col.2267.- Цит. по: *Manne*. Decision, p.26. Манне, в частности, писал: «... решение по России приняли поздно и с трудом. Более того, его приняли, имея двоякую цель:

воспрепятствовать советско-германскому сближению и сдержать Гитлера, создать фронт мира... Во всяком случае, его приняли. 24 мая английский кабинет полагал, что союз с Россией вскоре будет заключен. Почему все-таки такой союз заключили лишь после нападения Германии на Россию, это уж другой вопрос».

[64] *Kordt.* Wahn, S.159.

[65] ADAP, D, VI, Nr. 437, Anm.2, S.488.

[66] Запись статс-секретаря 25 мая 1939 г. (там же, S.487).

[67] Weizsäcker-Papiere, S.176.

[68] Показания Франца фон Зонляйтнера в Нюрнберге от 4 июня 1939 г. о роли Ф.Гауса (National Archives, Rg 238; Collection of World War II, War Crimes, p.1).

[69] Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg ,1949, Bd. XL, S.294.

[70] Совершенно секретная телеграмма-инструкция рейхсминистра иностранных дел германскому посольству в Москве от 25-26 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 441, S.490-493).

[71] *Weizäscker.* Errinnerungen, S.231,232.

[72] Аттолико в адрес Чиано, 27 мая 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 48, p.32-34; *Toscano.* Italia, p.36).

[73] Аттолико в адрес Чиано, 27 мая 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 53, p.44).

[74] *Braubach.* Weg, S.17.

[75] Заявление под присягой Ф.Гауса (S.294).

[76] Телеграмма Вайцзеккера Шуленбургу от 26 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, S.493).

[77] ADAP, D, VI, Nr. 441, S.490-493.

[78] DBFP,3,V, p.679; «СССР в борьбе за мир...», № 311 и др., с. 417; *Beloff.* Policy, p.249; *Namier.* Prelude, p.179; *Strang.* Home, p.167; «Фальсификаторы истории», с. 45; «История дипломатии», т. 3,с. 681; GSA, S.406-407; *Sipols.* Vorgeschichte, S.259.

[79] Аттолико с явной иронией сообщил Чиано 29 мая 1939 г., что Риббентроп, по всей видимости, очень быстро «передумал», ибо утром по тому же вопросу снова его очень долго держал у телефона (DDI, 8, XII, n. 53, p.44).

[80] Weizsäcker-Papiere, S.177.

[81] Немецкой записи беседы не существует. Возможно, Риббентроп опасался нарушить требование строжайшей секретности («также по отношению к Италии и Японии»), выдвинутое Гитлером в выступлении перед военными 23 мая 1939 г. С этим, вероятно, связаны и неоднократные просьбы Риббентропа к Аттолико не сообщать об этом в Италию и не делать намеков по посольскому телефону, который якобы прослушивался главным управлением имперской безопасности. Во всяком случае, позднее Вайцзеккер утверждал (Errinnerungen, S.231), что Риббентроп организовал в троицын день беседу с ним и «некоторыми другими... по указанию Гитлера», однако Вайцзеккер не упомянул присутствие итальянского посла, которого не ценил.

Наряду с сообщением Аттолико в адрес Чиано от 29 мая 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 53) сегодня существуют лишь воспоминания д-ра К.Шнурре (в виде неоднократных бесед с автором). По словам Шнурре, присутствовали все «ведущие чиновники министерства иностранных дел», вместе с Вайцзеккером и Гаусом также «помощник статс-секретаря Вёрман и представители его штаба» (ADAP, D, VI, S.500-501).

[82] *Weizsäcker*. Errinnerungen, S.231.

[83] Как стало известно Кордту (Wahn,S.159 f), «поверенному в делах Советского Союза в Берлине... намекнули, что в этом вопросе заинтересован лично Гитлер. Косвенно ему дали понять, что, несмотря на все идеологические противоречия, нормализация германо-советских отношений находится в рамках возможного». Однако, как заключил Кордт из отрицательных результатов контакта, «советские представители в Берлине... не получили, по всей видимости, никаких инструкций».

[84] Рукой Вайцзеккера написано: «Я предлагаю...». Им же указан гриф «секретно» и сделана пометка на полях: «В дело о переговорах с русским поверенным в делах. Вайцзеккер. 30.V.» (ADAP, D, VI, Nr. 449, S.501).

[85] «Мы стояли перед фактом...» (там же, Nr. 450, S.502).

[86] Weizsäcker-Papiere, S.154.

[87] *Weizsäcker*. Errinnerungen, S.231.

[88] Письмо Астахова Молотову от 27 мая 1939 г. («Год кризиса», т. 1, с. 514-517).

[89] Совершенно секретная запись статс-секретаря от 30 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.451, S.502-505). В противоположность этому схожая по содержанию подробная телеграмма Вайцзеккера посольству в Москве, направленная в тот же день, была более сдержанной и деловой. Она начиналась словами: «Вопреки запланированной до сих пор тактике мы решили наладить с Советским Союзом определенные контакты» (ADAP, D, VI, Nr.452, S.506).

[90] «Год кризиса», т. 1, с. 518-522; *Сиполс*. За несколько месяцев..., с. 130.

[91] *Майский*. Кто помогал Гитлеру?, с. 187; *Майский*. Воспоминания; GSA, S.423; *Андросов*. Накануне..., с. 141; *Sipols*. Vorgeschichte, S.296.

[92] В записи Астахова говорилось: «Мы никогда не считали, что идеологические расхождения должны непременно влечь порчу государственных отношений, и допускали возможность сохранения на прежнем уровне наших отношений с Германией и после установления теперешнего режима. Имели же мы в течение десяти с лишним лет хорошие отношения с фашистской Италией. Мы всегда были готовы к улучшению отношений... В послемюнхенский период германское правительство пошло на ухудшение отношений с нами... Затем наступили осложнения (отношений Германии) с Англией и Францией, и эта тактика переменилась».

[93] Согласно Майскому («Кто помогал Гитлеру?», с. 173), «это был новый германский аванс по адресу СССР, но Астахов реагировал на него очень осторожно... Еще важнее было то, что Москва никак не реагировала на новый акт германской дипломатической оффензивы».

[94] *Carr*. Munich, II, p.231.

[95] *Weizsäcker*. Errinnerungen, S.231.

[96] *Weizsäcker-Papiere*, S.154; *Weizsäcker*. Errinnerungen, S.233.

[97] Там же, S.233.

[98] Шуленбург-Вайцзеккеру 5 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 478, S.534-536).

[99] Россо в адрес Чиано 31 мая 1939 г. (DDI, 8, XII, n, 73, p.61).

[100] «Третья сессия Верховного Совета СССР, 25 - 31 мая 1939 г. Стенографический отчет», М., 1939, с. 467-476. В конце своего телеграфного сообщения о беседе с Молотовым 20 мая 1939 г. Шуленбург обратил внимание Вильгельмштрассе на это выступление, которое, «вероятно... поможет разобраться в советской внешней политике».

[101] Шуленбург-Вайцзеккеру, 5 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.478,, S.535).

[102] Шуленбург в министерство иностранных дел, 1 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.463, S.520).

[103] Зеленым (положенным лишь министру) карандашом он подчеркнул слова Шуленбурга о том, что, отвечая послу на вопрос о соображениях Молотова, Потемкин заявил, что, «к сожалению, не может ничего добавить к высказываниям г-на Молотова, говорившего от имени Советского правительства» (ADAP, D, VI, Nr.478, S.535, Anm.8).

[104] Орсениго в адрес статс-секретаря Маглионе 3 июня 1939 г. (SS, I, n. 55, p.167). 25 и 26 мая немецкой прессе было дано указание «вновь острее полемизировать против России», отказавшись от предписанной ранее сдержанности. 6 июня прессу опять призвали к примирительному курсу, особенно к пониманию требований СССР, касающихся Прибалтики и трехсторонних переговоров. 19 июня ей запретили любые выпады против СССР (BA, ZSg 101/34, S.269; 102/16, S.94,97; 102/17, S.136, 181, 187, 193).

[105] Аттолико в адрес Чиано, 8 июня 1939 г. (*Toscano*. Italia, p.45). Как писал Кёстринг (*Teske*. Köstring, S.135), Шуленбург, Хильгер и он сам после своего возвращения с поездки на Амур должны были «по указанию Риббентропа приехать в Берлин». В действительности лишь Кёстринг ехал по требованию министра, у Шуленбурга было только его согласие, а Хильгер отправился в Берлин против воли, по крайней мере статс-секретаря.

[106] Статс-секретарь в посольство в Москве 30 мая 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.453, S.507).

[107] *Gerchard Kegel*. In den Stürmen unseres Jahrhunderts. Berlin (Ost.), 1984, S.145.

[108] *Hilger*. Wir, S.271 f.

[109] «СССР в борьбе за мир...», № 315, с. 432-433; *Beloff*. Policy, p.251; *Namier*. Prelude, p.182, GSA, S.407; *Sipols*. Vorgeschichte, S.260.

[110] Его содержание было подробно изложено в «Правде» 7 июня 1939 г. См. также сообщение Шуленбурга министерству иностранных дел от 7 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 486, S.545 f). Шуленбург передал в Берлин отдельные пункты в виде «советских минимальных условий» и подчеркнул, что «Советский Союз особое значение придает гарантиям Эстонии, Латвии и Финляндии».

[111] *Gafencu*. Jours,p.218.

[112] *Reichsgesetzblatt*, Teil 2, Jahrgang 1939, Berlin, 1939, Nr.32, S.945-948; *Domarus*. Hitler, II, S.1212; ADAP,D, VI, Nr, 485, S.544; *Hillgruber*. Außenpolitik, S.24; *Myllyniemi*. Krise, S.48. Согласно информационому сообщению № 55 с пресс-конференции, состоявшейся 8 июня 1939 года, наряду с опубликованным договором о ненападении с Эстонией и Литвой «существовала еще и секретная статья, которая обязывает оба государства по договоренности с Германией и в соответствии с ее советами осуществить по отношению к Советской России все военные меры безопасности. Оба государства признают, что для них угроза нападения исходит только от Советского Союза и что реальная политика нейтралитета требует от них создания надежной обороны против этой угрозы. Там, где для этого не хватает собственных средств, им поможет Германия... Короче говоря, оба государства понимают собственный нейтралитет в смысле дружелюбного отношения к Германии. Поскольку отношения с Литвой развиваются по тому же пути, стало возможным не только не допустить, чтобы зона Балтийского моря превратилась в плацдарм наступления стремящихся к окружению держав, но и сделать так, чтобы в случае конфликта страны этой зоны смогли противодействовать попыткам окружения до прибытия немецкой помощи» (BA, ZSg 101, S.287).

[113] *Churchill*. War, I, p.340.

[114] «Запись» Хильгера от 2 июня 1939 г., которую Шнурре упомянул в своей записке от 7 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 491, S.551), в политическом архиве министерства иностранных дел найти не удалось. Однако существует сообщение Шуленбурга, датированное этим днем (ADAP, D, VI, Nr. 465, S.521-525), и сообщение Россо от 4 июня 1939 г. относительно этой беседы с Шуленбургом (DDI, 8, XII, Nr 107, S.88-90; *Toscano*. Italia, p.44.). См. также: *Андросов*. Накануне..., с. 142. Запись Микояна о беседе с Хильгером в: «Год кризиса», т. 2, с. 6-8.

[115] DDI, 8, XII, n. 107, p.84. Чиано дал указание часть этого отчета под заголовком «Нормализация германо-советских отношений (торговое соглашение)» разослать 6 июня 1939 г. посольствам в Берлине, Париже, Лондоне и Варшаве; в ней говорилось: «Посольство Германии сообщило мне в конфиденциальном порядке о том, что торговый представитель в Москве встретился с Микояном, который не отверг предложения о возобновлении торговых отношений. Нарком внешней торговли, как и Молотов, показал, что его интересует «политическая база», однако по всем признакам готов начать переговоры. Посольство Германии считает этот первый результат весьма обнадеживающим» (телеграмма № 10921 от 6.6.1939, 17.30. - In:MdAE Serie: Affari politici, Russia, n. 35(1939.3), Rapporti politici Russia-Germania).

Посол Аттолико ответил из Берлина 8 июня 1939 г., что здесь возобновление экономических переговоров в самом деле считают возможным. Сам Аттолико полагал, что «в перспективе что-нибудь и выйдет», но он совершенно исключал, что это окажет какое-то влияние на ведущиеся переговоры Франции, Англии и России. Он не считал также вероятным, что заключенные накануне Германией пакты о ненападении с Латвией и Эстонией смогут эффективно, как надеялись немцы, помешать этим переговорам. (Аттолико в адрес Чиано, 8 июня 1939 г. - Цит. по: *Toscano*. Italia,p.45).

[116] Американский поверенный в делах в Берлине узнал об этом 6 июня 1939 г. от сотрудников отдела экономической политики министерства иностранных дел (FRUS, 1, General, №. 446, p.322-323).

[117] Сообщение Кэрка госдепартаменту от 6 мая 1939 г. (там же: №. 447, p.323).

[118] *Gafencu*. Jours,p.219.

[119] Цит. по: *Strang*. Home, p.157.

[120] Цит. по: *Namier*. Prelude, p.181.

[121] Записка докладчика - посольского советника Шнурре (отдел экономической политики) - от 7 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, S.551-552).

[122] Поверенный в делах США в Москве - государственному секретарю, 12 июня 1939 г. (FRUS, 1, General, No. 307, p. 324). Россо в адрес Чиано, 12 июня 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 201, p. 175-177).

[123] Как писал Граммон в госдепартамент 12 июня 1939 г.:«В этой беседе был достигнут небольшой прогресс...» (FRUS, I, General, No. 307, p. 324). Согласно этому сообщению, одна из целей поездки посла в Берлин состояла в том, «чтобы обсудить с правительством возможность дать понять Советскому правительству, что нехватку сырья можно было бы преодолеть, если бы Советы согласились оплатить часть германских товаров иностранной валютой».

[124] Россо в адрес Чиано, 10 июня 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 183).

[125] Россо в адрес Чиано, 25 июня 1939 г. (там же, n. 341, p. 273).

[126] PA AA, Pol 2, Nr. 1 geheim, 260408.

[127] ADAP, D, I, Nr. 499, S. 572.

[128] PA AA , Pol 2, Nr. 1 geheim, 260406.

[129] Россо в адрес Чиано 12 июня 1939 г. Эти подробности были переданы Россо одним из сослуживцев уже уехавшего посла. Вероятно, речь идет о Херварте, представившем такую информацию итальянскому советнику посольства Гвидо Релли (*Herwarth.* Hitler, p. 168). Энрико Серра считает сообщение о внешнеполитической программе из четырех пунктов, переданное из германского посольства Россо, а последним Чиано, чрезвычайно важным; он видит серьезное упущение в том, что Чиано не придал этому сообщению должного значения и не поддержал в Берлине соответствующим образом инициативу Шуленбурга (*Enrico Serra.* Dietro il patto Hitler-Stalin. Ma Ciano non ascolto il suo ambasciatore. — In: «La Stampa», 29.8.1939).

[130] Как сообщал в госдепартамент американский поверенный в делах в Москве, Шуленбург планировал обсудить «вопрос политических отношений с Советским правительством», «некоторые конкретные ша-

ги по устранению советской подозрительности относительно немецких жестокостей, разъяснить... что у Германии нет агрессивных намерений против Советского Союза», и коснуться оживления «Берлинского договора 1926 г.». В сообщении говорилось, что реакцию германского правительства на его предложения «невозможно предсказать» (FRUS, I, General, No. 310, p. 324-325).

[131] Записка без подписи из посольства в Москве от 7 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, № 490, S. 549-551).

[132] Именно в эти дни на английской стороне при поддержке Хевеля и с ведома Риббентропа (а также в последующем и Гитлера) пытался создать противовес посольский секретарь Адам фон Трот. Советское правительство с подозрением следило за его усилиями (GSA, S. 418; *Henry O. Malone.* Adam von Trott zu Solz. Werdegang eines Verschwörers 1909-1938. Berlin, 1986, S. 217f).

[133] *Teske.* Köstring, S. 135.

[134] Кулондр в адрес Боннэ 15 июня 1939 г. (DDF, 2, XVI, nº 434, p. 827).

[135] Записей этой беседы нет. Выводы можно сделать из сообщений Россо о намеках Шуленбурга (по его возвращении) и из сообщений американского поверенного в делах Граммона о высказываниях референта (Херварта) во время отсутствия посла и после его возвращения, а также на основании некоторой немецкой, итальянской и французской дипломатической переписки из Берлина.

[136] Россо в адрес Чиано, 27 июня 1939 г. Выдержка из телеграммы министерства иностранных дел итальянскому посольству в Берлине за № 13674 от 28 июня 1939 г. (MdAE, Affari politici, Russia n. 35 (1939.3), Rapporti politici Russia-Germania). Послание Граммона государственному секретарю от 19 июня 1939 г. (с пометкой, что посол первоначально предполагал через неделю вернуться, однако по желанию Риббентропа задержался на несколько дней, чтобы «подождать решения германского правительства, касающегося отношений с Советским Союзом») и от 29 июня 1939 г., в котором говорится: »Посол в Берлине имел несколько бесед с Риббентропом, однако получить от него точных инструкций относительно прямых предложений Советскому правительству не удалось (FRUS, I, General, No. 324, 351, p. 325-327).

[137] Беседа Риббентропа 16 июня 1939 г. в Берлине с японским послом в Италии Т. Сиратори (ADAP, D, VI, Nr. 529, Anm. 2, S. 608).

[138] В ходе этих усилий, вероятно, и возникла запись начальника политического отдела, заместителя статс-секретаря д-ра Вёрмана от 15 июня 1939 г., т.е. на третий день переговоров Шуленбурга в министерстве иностранных дел (ADAP, D, VI, Nr. 529, S. 607-608; *Rossi,* Jahre, S. 19, 31; *Schorske.* Ambassadors, p. 504; *Kordt.* Akten, S. 310; *Allard.* Stalin, S. 130f.; *Braubach.* Weg, S. 20). Как сообщил Вёрман, его в этот день посетил болгарский посланник (Драганов) и рассказал о беседе, которую он имел накануне с Астаховым; при этом Астахов, по его словам, высказался против заключения договора с западными державами и за сближение с Германией и в связи с этим упомянул о советских притязаниях на румынскую Бессарабию. Астахов указал на неясность

германских намерений («Майн кампф») и заявил, что Советское правительство хотело бы, чтобы немцы высказались определеннее. Запись Вёрмана представили Гитлеру, который якобы заявил, что если дело дойдет до заключения союза между западными державами и СССР, то он отменит акцию против Польши и в сентябре в самом деле проведет объявленный «съезд мира». А если западные державы «осрамятся и уйдут домой с пустыми руками, то я смогу разбить Польшу, не опасаясь конфликта с Западом» (*Kordt.* Akten, S. 310). Оценивая данный эпизод, следует иметь в виду, что Драганов старался не только для Болгарии найти бесконфликтное решение польского кризиса. Он пользовался доверием гитлеровского правительства (Э. Кордт) и хорошо осознавал степень своего влияния. Свою озабоченность обострением положения он продемонстрировал еще несколько месяцев назад. По словам Вайцзеккера, 17 апреля 1939 г., т.е. в день разговора Вайцзеккера с Мерекаловым, Драганов в сопровождении двух болгарских министров явился к нему с просьбой - «в нынешнем опасном для Германии положении» позаботиться о снабжении Болгарии военными материалами (ADAP, D, VI, Nr. 218, S. 223). Учитывая болгарские интересы, не удивительно, что он пошел дальше и, ссылаясь на мнимые советские ревизионистские планы, настаивал на выдвижении предложений по пакту. Как справедливо дважды подчеркивает в своих записях Вёрман, совершенно неясной остается роль Астахова в якобы состоявшемся предшествовавшем разговоре. В том, что два дня спустя Шуленбургу повстречался иной Астахов, совсем не похожий на описание Драганова и Вёрмана, нет ничего странного. Как задокументировано в записях Астахова, Драганов в розовых тонах описывал возможности стабилизации положения в Восточной Европе, связанные с заключением пакта и взаимного разграничения «сфер влияния»!

139 Кулондр в адрес Боннэ, 15 июня 1939 г. (DDF, 2, XVI, n° 435, p. 830).

140 ADAP, D, VI, № 530, S. 608-609.

141 В тот же день (15 июня 1939 г.) Кулондр написал Боннэ, что в настоящее время на Вильгельмштрассе граф Шуленбург пытается организовать торговую делегацию в Москву. «Рейх рассчитывает сделать Москве очень выгодные предложения и наладить между двумя странами торговый обмен на самой широкой основе. Если англо-русский договор не будет заключен, то это экономическое сотрудничество было бы, по мнению руководства рейха, лучшим средством подготовки почвы для политического сближения двух стран... В берлинских официальных кругах говорят о необычных предложениях для России... и о желании Германии любой ценой достичь этого». Такие предложения, по мнению Кулондра, вполне могли побудить Россию вести параллельные переговоры с обеими сторонами - «тактика, таящая опасность для мира в Европе» (DDF, 2, XVI, n° 434, p. 828).

142 Учитывая полученные Хильгером в Берлине впечатления, он во время беседы должен был вести себя крайне сдержанно. Поверенный в делах Типпельскирх пытался смягчить негативный исход беседы, когда пояснил, «что едва ли можно было ожидать немедленного согласия Ми-

кояна с германским предложением, зная образ мыслей и методы ведения переговоров Советского правительства, которое сейчас чувствует себя уверенно. Периодически повторяющиеся утверждения Микояна о том, что за нашим предложением относительно переговоров ему видится политическая игра, должно быть... в какой-то мере отражают его подлинное мнение». Как подчеркнул Микоян в разговоре с Хильгером, он все еще не верит, «что речь не идет о продолжении политической игры, в которой в настоящий момент заинтересована германская сторона и из которой она, по всей видимости, надеется извлечь выгоду». В заключение он заявил, «что не может изменить... свое мнение относительно того, что германский ответ является не совсем благоприятным» (ADAP, D, VI, Nr. 543, S. 622-624). И.Ю. Андросов («Накануне...», с. 142) оценил позицию Хильгера неверно.

[143] Микоян отклонил приезд Шнурре до устного разъяснения германских представлений и закончил разговор, заметив, «что он ... не может решиться... на риск» подобного рода (ADAP, D, VI, Nr. 568, S. 658-659). Вернувшись, Шуленбург на запрос Берлина объяснил предполагаемую «тактику Микояна» тем, что Советское правительство не желает, чтобы приезд германского специального уполномоченного вызвал сенсацию; оно, мол, считает, «что, возобновляя экономические переговоры именно в настоящий момент, мы рассчитываем повлиять на позицию Польши и извлечь из этого определенную выгоду. Оно опасается, что, получив эту выгоду, мы вновь потеряем к переговорам всякий интерес». Шуленбург видел два пути, которые помогли бы развеять подозрения. Можно было предложить Микояну направить в Берлин для переговоров компетентного специального уполномоченного, наделенного всеми необходимыми правами, или же поручить самому послу продолжить переговоры в Москве (послание Шуленбурга в министерство иностранных дел от 27 июня 1939 г., в: ADAP, D, VI, Nr. 570, S. 660-661). Его предложения натолкнулись в Берлине на сильные возражения (запись Шнурре от 28 июня 1939 г., в: ADAP, D, VI, № 576, S. 669-670). Позже Советское правительство в самом деле пошло по первому пути и поручило экономическому специалисту Бабарину вести переговоры в Берлине.

[144] См. беседу Геринга с итальянским генеральным консулом в Берлине Ренцетти 14 июня 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 231, p. 197-198; *Toscano.* Italia, p. 51).

[145] Запись Шуленбурга от 17 июня 1939 г., сделанная во время пребывания в Берлине (ADAP, D, VI, Nr. 540, S. 618-619); сообщение Россо в адрес Чиано от 28 июня 1939 г. о беседе Шуленбурга с Астаховым (DDI, 8, XII, n. 386, p. 303); доклад Граммона государственному секретарю от 29 июня 1939 г. (FRUS, 1, General, No. 351, p. 326-327).

[146] См. прим. 138 к данной главе.

[147] DBFP, 3, VI, p. 115-120; DM, Nr. 69-70, S. 144-146.

[148] Телеграмма Астахова в Народный комиссариат иностранных дел от 17 июня 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 38).

[149] Инициатива Шуленбурга ввела ученых в заблуждение. Например, Вебер (Entstehungsgeschichte, S. 195) задавался вопросом, «не по

личной ли инициативе Шуленбург форсировал германо-советские отношения», и объяснял замеченное им «противоречие» тем, что посол, «выполняя расплывчатые и туманные указания Риббентропа, придал им дипломатически более искусную и конкретную форму».

150 Запись Шлипа от 26 июня 1939 г. с припиской: «Отправлено в Оберзальцберг, d. 28/6. 12.25» (PA AA, Pol. 1163, AZ: Politik 3, Bd. 1, D 536841).

151 *Nadolny.* Beitrag, S. 297.

152 Письмо Надольного Шуленбургу от 4 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 614, S. 706-707).

153 Аргументы Кёстринга упали, как видно, на благодатную почву. По сообщению лондонской «Дейли экспресс», с середины июня 1939 г. генеральный штаб также стал настаивать на соглашении с Россией (*Dallin.* Russia, p. 35).

154 *Teske.* Köstring, S. 135f.

155 Геббельс подтвердил данную точку зрения. 15 марта 1940 г. он записал, что Гитлер однажды увидел Сталина, «в каком-то кинофильме и сразу же проникся к нему симпатией. С этого, собственно говоря, и началась германо-русская коалиция» (Tagebücher, I, 4, S. 75).

156 *Kordt.* Akten, S. 310; *Below.* Adjutant, S. 170.

157 Запись беседы германского журналиста с ведущим сотрудником бюро Риббентропа П. Клейстом, 19 июня 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 333, с. 454-457).

158 *Davies.* Botschafter, S. 348.

159 Сталин назначил К.А. Уманского временным поверенным в делах, а позднее полпредом в Вашингтоне в связи с вновь пробудившимся интересом к позиции США сразу же за посланием Рузвельта Гитлеру от 15 апреля 1939 г. («СССР в борьбе за мир...» № 297, с. 403).

160 Кулондр в адрес Боннэ, 22 июня 1939 г. (DDF, 2, XVI, nº 505, p. 947-949).

161 DDI, 8, XII, n. 317 (Россо в адрес Чиано, 25 июня 1939 г.), n.n. 273-274 и n. 386, S. 303 (Россо в адрес Чиано, 28 июня 1939 г.); ADAP, D, VI, S. 659-660 (Типпельскирх-Шлипу, 26 июня 1939 г.); там же, VII, Nr. 79, S. 73 (Шуленбург в министерство иностранных дел, 16 августа 1939 г.); *Toscano.* Italia, p. 49-50.

162 Телеграмма Гельфанда из Рима в Наркоминдел от 26 июня 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 61-62).

163 Молотов в разговоре с Шуленбургом 15 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 79, S. 73).

164 Шуленбург-Алле фон Дуберг, 25 июня 1939 г. (Nachlaß).

165 Посол примерно 10 июля 1939 г. узнал, что в будущем свою легковую машину может перевозить за границу (для ремонта) лишь по железной дороге. Он прокомментировал это в письме Алле фон Дуберг (12 июля 1939 г.) следующими словами: «Забавная страна - этот Советский Союз! ...Другие страны также укрепляют свои границы, но это не мешает автомобильному движению!» (*Nachlaß*).

166 Шуленбург — Алле фон Дуберг 25 июня 1939 г. (там же, S. 1).

[167] 30 июня 1939 г. президент Рузвельт сообщил советскому полпреду в США Уманскому, что японская сторона предложила ему в будущем совместную японо-американскую эксплуатацию богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала; Рузвельт назвал это фантастическими, но характерными для некоторых японских «активистов» планами («СССР в борьбе за мир...», № 359, с. 478-479).

[168] *Sella.* War, p. 673.

[169] См. прежде всего сообщения ТАСС от 26, 27, 28, 29 июня 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 346, с. 466-468; № 349, с. 470; № 350, с. 470 и № 354, с. 472).

[170] *Strang.* Home, p. 174.

[171] Русский перевод в: «СССР в борьбе за мир...», № 338, с. 459-460.

[172] Памятная записка Молотова Сидсу и Наджиару от 22 июня 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 339, с. 460).

[173] См. передовую статью «Правды» от 13 июня 1939 г. «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии» («СССР в борьбе за мир...», № 325, с. 444-447).

[174] «СССР в борьбе за мир...», № 330, с. 451-452.

[175] «СССР в борьбе за мир...» № 337, с. 459; № 352, с. 471-472; об этой поездке см.: *Myllyniemi.* Krise, S. 48ff; *Georg von Rauch.* Halders Besuch in Estland im Juni 1939 (Reval und die Baltischen Länder, Festschrift für Hellmuth Weiss zum 80. Geburtstag, Marburg 1980, S. 181-193).

[176] Запись беседы Молотова с Шуленбургом 28 июня 1939 г. См.: «Год кризиса», т. 2, с. 65-67; *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 131. Тейлор подозревал (Origins, p. 242), что Шуленбург «этот шаг предпринял по собственной инициативе».

[177] Секретные послания Шуленбурга в министерство иностранных дел от 29 июня и от 3 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 579, S. 673-674; Nr. 697, S. 698-699). Поскольку сообщения Шуленбурга не дали результатов, этой беседе в западной литературе уделили мало внимания (*Beloff.* Policy, p. 255; *Carr.* Munich, II, p. 98; *Weinberg.* Germany, p. 35; *Toscano.* Italia, p. 58; *Майский.* Воспоминания..., с. 516-517; Майский. Кто помогал Гитлеру?, с. 188; *Кобляков.* Борьба..., с. 21; *Андросов.* Накануне..., с. 100; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 297f).

[178] Россо в адрес Чиано, 30 июня 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 406, p. 317); Граммон - Кордэллу Хэллу, 1 июля 1939 г. (FRUS, I, General, No. 359, p. 327-329).

[179] *Namier.* Europe, p. 266.

[180] *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 131.

[181] *Майский.* Воспоминания..., с. 512.

[182] Во-первых, в этот момент Советское правительство, видимо, уже знало о содержании беседы Чиано с Парвус-Гельфандом, в которой речь шла о германском плане относительно пакта о ненападении с гарантиями для Прибалтийских стран. Во-вторых, в день беседы Шуленбурга с Молотовым дипломатический корреспондент английской газеты «Ньюс кроникл» Вернон Бартлет, вновь явно опережая события, сообщил, что германское правительство решило предложить СССР

пакт о ненападении сроком на 25 лет (*Dallin.* Russia, p. 35). В-третьих, подобное предложение - если иметь в виду тогдашнее тупиковое положение на переговорах трех держав из-за вопроса о Прибалтийских странах, а также из-за известных советских требований - было настолько очевидным, что в западных дипломатических кругах об этом курсировали многочисленные слухи. Уже одни они не могли остаться для Москвы незамеченными, если даже предположить, что Советское правительство не получало никакой информации об усилиях Шуленбурга в Берлине.

[183] Россо в адрес Чиано, 30 июня 1939 г. (DDI, n. 406, p. 317); а также Чиано в адрес Аттолико, 3 июля 1939 г. (MdAE, Affari Politici, Russia, n. 35 (1939.3), Rapporti politici, Russia-Germania).

[184] Запись посольского советника Хевеля от 29 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 383, S. 676-677). Раздражение Гитлера было столь велико, что Хевель попытался, правда безуспешно, задержать на несколько дней отправку телеграммы.

[185] Статс-секретарь в адрес германского посольства в Москве, 30 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 588, S. 680).

[186] *Sipols.* Vorgeschichte, S. 297; *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 131; *Schorske.* Ambassadors, S. 505.

[187] *А. Байдаков.* По данным разведки («Правда», 8 мая 1989, с. 4); *Г. Куманев.* Размышления историка, 22-го на рассвете («Правда», 22 июня 1989, с. 3).

[188] *Л. Безыменский.* Альтернативы..., с. 32.

[189] Современная внутрисоветская дискуссия бывших ведущих военных, разгоревшаяся вокруг «ошибок» в истории Великой Отечественной войны, до известной степени стремится найти ответы на эти вопросы.

[190] Типпельскирх в министерство иностранных дел, 13 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 520, S. 597f).

[191] GGVK, S. 198.

[192] *Werth.* Rußland, S. 44.

[193] Послание Шуленбурга в министерство иностранных дел, 29 июня 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 582, S. 675-678); Россо в адрес Чиано, 30 июня 1939 г., в: DDI, 8, XII, n. 407, p. 317-318.

[194] «СССР в борьбе за мир...», № 373, с. 492.

[195] Там же, N° 362, с. 481.

[196] Сообщения ТАСС от 6 июля («СССР в борьбе за мир...», № 364, с. 483-484), 14 июля (там же, № 374, с. 492-494), 23 июля (там же, № 380, с. 503) и от 27 июля 1939 г. (там же, № 387, с. 517-518).

[197] Телеграмма Молотова Сурицу, 30 июня 1939 г. (там же, N° 356, с. 475).

[198] См.: *М. Панкрашова, В. Сиполс.* Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор). М., 1970, с. 57.

[199] Письмо Стрэнга заместителю помощника государственного секретаря Орме Сардженту, 21 июня 1939 г. - Цит. по: *Strang.* Home, p. 174f.

[200] Статья А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР» появилась в «Правде» 29 июня 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 355, с. 472-475; английский перевод: DBFP, 3, VI, Nr. 193). О статье Жданова см.: *Dallin.* Russia, p. 44.; *Beloff.* Policy, p. 255; *Namier.* Prelude, p. 191; *Strang.* Home, p. 177; *Werth. Rußland*, S. 43; *Майский.* Воспоминания, с. 490; *Андросов.* Накануне..., с. 100.

[201] Будучи доверенным лицом Сталина, Жданов еще на VIII съезде Советов (29 ноября 1936 г.) высказал угрозы по адресу Прибалтийских государств. Позже, при вступлении Красной Армии в три Прибалтийские республики в июне 1940 г., его назначили особоуполномоченным по Эстонии. Когда армейская группа «Север» германского вермахта через Прибалтику устремилась к Ленинграду, он 1 июля 1941 г. создал комитет обороны города. 2 августа того же года Жданов вместе с Ворошиловым мобилизовал последние силы на защиту Ленинграда и обратился по радио с известным призывом к населению, указав на нависшую над городом смертельную опасность (*Boris Meissner.* Shdanow. - In: «Osteuropa», 1952, Nr. 2, S. 15-22, 94-101).

[202] Уманский-Молотову 2 июня 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 359, с. 478-479).

[203] Россо в адрес Чиано, 30 июня 1939 г. (DDI, 8, XII, Nr. 317, p. 406).

[204] К вопросу о «косвенной агрессии» см.: GGVK, S. 199f; GSAP, S. 409; «История дипломатии», т. 3, с. 779; *М. Панкрашова, В. Сиполс.* Почему не удалось предотвратить войну, с. 53; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 261; *Werth.* Rußland, S. 43f; *Strang.* Home, p. 179; *Namier.* Prelude, p. 195; *Gibbs.* Strategy, p. 742; *Gafencu.* Jours, p. 221; *Allard.* Stalin, S. 150f; *Wüthrich.* Verhandlungen, S. 50ff.; *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 202ff.; *Hillgruber.* Außenpolitik, S. 24f.

[205] *Strang.* Home, p. 179.

[206] «СССР в борьбе за мир...», № 357, с. 476.

[207] В беседе с Сидсом, Стрэнгом и Наджиаром 3 июля 1939 г.; см.: Сидс в адрес Галифакса, 4 июля 1939 г. (DBFP, 3, VI, p. 249).

[208] Декрет о мире. - Цит. по: *M. Hellmann* (Hrsg.). Die Russische Revolution. München, 1964, S. 314.

[209] *Безыменский.* Альтернативы..., с. 35.

[210] Сидс-Галифаксу, 1 июля 1939 г. (DBFP, 3, VI, p. 230-232).

[211] Советский проект договора от 3 июля 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 360, с. 479-480).

[212] Проект тройственного соглашения от 8 июля 1939 г. (там же, N° 366, с. 484-486); содержание статьи 1 (на немецком яз.) в: DM, Nr. 77, S. 156-158.

[213] На вопрос посла Сидса о том, что Советское правительство подразумевает под «использованием сил этой страны» агрессивным государством, Молотов в качестве примера указал на «использование германских офицеров в качестве инструкторов в латвийской и эстон-

ской армиях и превращение этих армий в инструмент агрессии против Советского Союза» (*Myllyniemi.* Krise, p. 46).

[214] Советский проект дополнительного письма от 9 июля 1939 г., в: «СССР в борьбе за мир...», № 367, с. 486-487.

[215] Сидс в адрес Галифакса, 18 июля 1939 г., в: DBFP, 3, VI, p. 375-377.

[216] *Churchill.* War, 1, p. 349. У Гафенку также не было сомнений в том, что западные державы хотели добиться психологического воздействия (и этого не скрывали). Они стремились достичь такой солидарности между Западом и Востоком, которая помешала бы Гитлеру развязать войну... Советскую точку зрения также можно было понять. Москва не желала легкомысленно брать на себя обязательства. Если, несмотря на принципиальное согласие, война все же началась бы, то главные немецкие военные усилия могли быть направлены против СССР. Требуя постоянно точных обязательств, СССР отстаивал свою безопасность. «Обе стороны, - считал Гафенку, - из чрезмерного недоверия слишком долго цеплялись за собственные концепции» (*Gafencu.* Jours, p. 225).

[217] *Middlemas.* Diplomacy, p. 310f.

[218] *Strang.* Home, p. 180-187.

[219] *Schorscke.* Ambassadors, p. 504.

[220] Шуленбург-Алле фон Дуберг, 9 июля 1939 г. (*Nachlaß*).

[221] Типпельскирх-Шуленбургу, 12 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 661, S. 764-765).

[222] Посол, по-видимому, ничего не знал о плане «Вайс».

[223] В письме от 5 июля 1939 г. Алла фон Дуберг, в частности, сообщала Шуленбургу, что в Берлине курсируют ужасные политические слухи. Никто ничего толком не знает, но все говорят о войне. Так, она вчера слышала, что между Гитлером и Сталиным якобы «состоялся обмен мнениями относительно раздела Польши». (*Nachlaß,* S. 1/2). Фон Дуберг вращалась в дипломатических кругах, в том числе и в резиденции Кулондра.

[224] Шуленбург - Алле фон Дуберг, 9 июля 1939 г. (*Nachlaß,* S. 2/2, 3/1, 3/2).

[225] Шуленбург - Вайцзеккеру, 10 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, S. 750-751).

[226] Шуленбург-Шлипу, 10 июля 1939 г. (PA AA, Politische Akten Botschafter v.d. Schulenburg, Bd. 1, 178568-73). Письмо содержало ряд примеров успешной работы посольства по улучшению общей атмосферы.

[227] Россо - Чиано, 4 июля 1939 г. (DDI, 8,; XII, n. 451, p. 344).

[228] Россо - Чиано, 5 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 481, p. 364).

[229] Шуленбург - в министерство иностранных дел, 4 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 613, S. 705).

[230] Речь шла об обмене 10 советских граждан, сражавшихся в Испании, на семерых арестованных в СССР немцев. С середины июня в этом направлении вел подготовительные работы в качестве жеста доброй во-

ли германского правительства помощник статс-секретаря Вёрман (ADAP, D, VI, № 610, S. 702).

[231] Типпельскирх-Шуленбургу, 12 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 661, S. 767).

[232] *Kordt.* Akten, S. 309f.

[233] Типпельскирх-Шуленбургу, 12 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 661, S. 764). Через Типпельскирха Вайцзеккер «в середине июля неофициально дал понять послу в Москве графу Шуленбургу, что хватит разговоров в политическом плане, что нужно медленно и поэтапно продвигаться в экономической области. Шуленбург хорошо знал европейский Восток и благодаря своим светским манерам являлся для советских руководителей желанным собеседником. В конце июля я не думал, что Гитлер сможет быстро добиться политического решения». Вайцзеккер подчеркнул, что он «пока... спокоен», тем более будучи уверенным, что «британское правительство... не позволит Гитлеру обойти себя у Сталина» (*Weizsäcker.* Erinnerungen, S. 246f.).

[234] Типпельскирх-Шуленбургу, 12 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 661, S. 764). 7 июля 1939 г. Астахов публично опроверг какие-либо «политические сделки между Москвой и Берлином» (*Gafencu.* Jours, p. 224).

[235] Совещание в рейхсканцелярии 7 июля 1939 г. подтверждается лишь косвенно (ADAP, D, VI, Nr. 583, S. 676, Anm. 1; Nr. 596, S. 686, Anm. 1; Nr. 628, S. 729, Anm. 1; *Braubach.* Weg, S. 22, 43, Anm. 66). Как видно из сообщения Шнурре своему непосредственному начальнику Вилю, инициатива исходила от Шнурре.

[236] Типпельскирх - Шуленбургу, 12 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 661, S. 764).

[237] *Kordt.* Wahn, S. 161.

[238] Аттолико - Чиано, 7 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 503, p. 378-379).

[239] Аттолико усомнился в словах Риббентропа. После фамилии Шуленбурга он в скобках добавил: «который затем заверил, что речь идет о возможных торговых переговорах».

[240] Статс-секретарь - посольству в Москве, 7 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 628, S. 729-730).

[241] *Kordt.* Wahn, S. 161.

[242] ADAP, D, VI, Nr. 663, S. 766. О посещении Хильгером Микояна 10 июля 1939 г. см.: послание Россо в адрес Чиано, 11 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 537, p. 403); Граммон-Кордэллу Хэллу, 11 июля 1939 г. (FRUS, I, General, No. 379, p. 330). После этого Германия сделала дальнейшие уступки, однако Микоян вновь проявил сдержанность.

[243] Шуленбург - в министерство иностранных дел, 16 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 677, S. 780).

[244] Запись Шнурре, 18 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 695, S. 786-787).

[245] *Domarus.* Hitler, II, S. 1217.

[246] *Schmidt.* Jahre, S. 16.

[247] Аттолико - Чиано, 17 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 598); см. также: *Toscano.* Italia, p. 64, F.O. 371/23 009, p. 372-386; «Völkischer Beobachter» vom 15-17 July 1939. Советское правительство серьезно восприняло «любезность» Гитлера по отношению к Астахову. Как следует из сообщения Шуленбурга в министерство иностранных дел, Потемкин 27 июля 1939 г. «заявил, что такие вещи имеют важное значение для обоюдных отношений» (ADAP, D, VI, Nr. 727, S. 845).

[248] Астахов - Молотову, 19 июля 1939 г., в: «Год кризиса», т. 2, с. 108-109.

[249] Аттолико - Чиано, 17 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 598).

[250] Шуленбург - Алле фон Дуберг, 17 июля 1939 г. (*Nachlaß*). Чем Шуленбург занимался в Наркоминделе в первой половине дня, неизвестно.

[251] Weizsäcker-Papiere, S. 155.

[252] *Майский.* Воспоминания..., с. 516; *Майский.* Кто помогал Гитлеру?, с. 174.

[253] Об этих, советской стороной серьезно воспринятых переговорах см.: «СССР в борьбе за мир...», № 379, 383; «Фальсификаторы истории», с. 48; *Майский.* Воспоминания..., с. 496; GGVK, S. 206; *Андросов.* Накануне.., с. 101; *Maximytschew.* Anfang, S. 268-269; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 268ff.; *Beloff.* Policy, p. 259; *Weinberg.* Germany, p. 37 (mit Literaturangaben); *Schorscke.* Ambassadors, p. 505; *Hillgruber.* Außenpolitik, S. 24ff. По-видимому, Советское правительство через своих английских осведомителей получало информацию о состоянии этих переговоров. После войны личный архив германского посла в Лондоне Герберта фон Дирксена представил нужные доказательства, которые, с советской точки зрения явились еще одной вехой на пути к «холодной войне» (*A. Teichova.* Die geheimen britisch-deutschen Ansgleichsversuche zur Zeit der englisch-französisch-sowjetischen Verhandlungen (1939). - In: Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. Berlin(-Ost), 1961, Bd. 2, S. 581-615; *H. Metzmacher.* Deutsch-englische Ausgleichsbemühungen im Sommer 1939. - In: «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1966, Nr. 3, S. 369-412.

[254] *Weinberg.* Germany, p. 37, note. 23.

[255] «История КПСС», т. 5, с. 71-72. Текст соглашения в: DBFP, 3, IX, p. 313. См. также: *Андросов.* Накануне..., с. 101; *Beloff.* Policy, p. 259; *Sommer.* Deutschland, S. 262; *Hillgruber.* Entstehung, S. 48.

[256] «История КПСС», т. 5, с. 71-72.

[257] *Sewostjanow.* Sowjetdiplomatie, S. 27ff.

[258] «История КПСС», т. 5, с. 74.

[259] «История КПСС» (т. 5, с. 72) ссылается на доклад Ленина о концессиях от фракции ВКП(б) на VIII Всероссийском съезде Советов 21 декабря 1920 г. (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 99-100). Ленин защищал свою политику предоставления концессий капиталистическим странам. При этом он утверждал, что Советская республика смогла продержаться в течение трех лет и победить могущественный союз держав Антанты только потому, что никакого единства между этими

державами не было, а была глубочайшая неискоренимая рознь экономических интересов, что единственная возможность для Советского государства выжить заключается в том, чтобы за счет экономических переговоров углубить американо-японские и англо-французские противоречия. По словам Ленина, «одними разговорами об этих концессиях уже выиграли» (при этом, конечно же, распускали слухи о ней). «И отсюда, - продолжал Ленин, - наша политика, - использовать рознь империалистических держав, чтобы затруднить соглашение или по возможности сделать его временно невозможным». Значит, по его словам, вопрос о хозяйственных переговорах с империалистическими государствами с экономической точки зрения являлся «вопросом совершенно второстепенным, и вся сущность его заключается в интересе политическом». При этом Ленин отверг упрек в том, что подобная политика равносильна развязыванию войны между империалистическими державами, которая приведет к пролитию крови рабочих этих стран. «Но вся наша политика и пропаганда, - сказал он, - направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне». Советская республика, окруженная, по его словам, агрессивными капиталистическими странами, должна укрепляться с помощью выгодных торговых сделок, чтобы покончить с «вечными войнами».

260 «New York Times», 22 Juli 1939; S. 3; *Weinberg.* Germany, p. 37.

261 «Правда», 22 июля 1939 г. Сообщение Шуленбурга в министерство иностранных дел от 22 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 699, S. 802). Граммон в адрес Кордэлла Хэлла, 22 июля 1939 г. (FRUS, I, General, No. 399, p. 330). Россо в адрес Чиано, 25 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 674, p. 509).

262 Шуленбург в беседе с Россо (DDI, 8, XII, n. 674, p. 509).

263 Запись Астахова беседы с Шнурре 24 июля 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 120-122).

264 Как сообщил Шнурре автору, Риббентроп дал ему указание во время переговоров «действовать решительно. Дескать, оставшиеся открытыми вопросы являются второстепенными в сравнении с политическим значением соглашения».

265 Письмо Вайцзеккера Шуленбургу, 22 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 700, S. 803); *Schorske.* Ambassadors, p. 505; *Allard.* Stalin, S. 150; *Braubach.* Weg, S. 23.

266 Аттолико - Чиано, 22 июля 1939 г. (DDI, 8, XII, n. 649).

267 Росси (Jahre, S. 35) обратил внимание на то, что, определив этот срок, Гитлер поставил себя в зависимость от Сталина. Ему нужно было согласие Сталина «до назначенного времени, если он не хотел поставить под удар весь план». Росси недооценивал английскую альтернативу Гитлера.

268 *Bonnet.* Fin, p. 401; *Hillgruber.* Außenpolitik, S. 22.

269 Из рассказа Карла Шнурре автору.

270 *Kleist.* Tragödie, S. 63; ders., Hitler, S. 45.

271 *Braubach.* Weg, S. 23; *Hilger.* Wir, S. 282.

272 *Schmidt.* Jahre, S. 15.

273 BA, R 25/53, S. 1-15.

[274] GSA, S. 424.

[275] См.: запись Шнурре от 27 июля 1939 г., которая, как сообщил Шнурре автору, предназначалась «для Риббентропа и Гитлера» (ADAP, D, VI, Nr. 729, S. 847-849; *Kleist.* Hitler, S. 45ff.; ders., Tragödie, S. 63ff.; *Kordt.* Wahn, S. 161; *Rossi.* Jahre, S. 37ff.; *Beloff.* Policy, p. 259; *Weinberg.* Germany, p. 38; *Fabry.* Pakt, S 44 ff.; *Allard.* Stalin, S. 150f.; *Braubach.* Weg, S. 24; *Weber.* Entstehung, S. 234ff. Хильгрубер (Außenpolitik, S. 24f.) утверждает, что Шнурре воспринял «советские инициативы». Запись (Бабарина) беседы Астахова и Шнурре 26 июля 1939 г., в: «Год кризиса», т. 2 ,с. 136-139. См. также: *Майский.* Воспоминания..., кн. 2, с. 517; *Майский.* Кто помогал Гитлеру?, с. 190; *Андросов.* Накануне..., с. 103; *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 132.

[276] Автору об этом сообщил В. Шмидт. См. также: *Schmidt.* Jahre, S. 13.

[277] На подобные противоречия указал Кордт (Wahn, S. 161). Историческая литература не обратила на это внимания.

[278] Инструкция Риббентропа требовала от Шнурре «спокойного тона», «полного отсутствия спешки», и все же в пылу беседы Шнурре стал чрезвычайно торопить. Подобное несоответствие не ускользнуло от внимания советской стороны. Несколько дней спустя, 3 августа, Астахов попросил Шнурре объяснить это различие в темпах Шнурре и Риббентропа. Шнурре заявил, что существует согласие в том, что нужно использовать *ближайшие дни* для завершения переговоров, «чтобы возможно скорее создать определенную базу» (ADAP, D, VI, Nr. 761, S. 885).

[279] *Майский.* Воспоминания, кн. 2, с. 518.

[280] Сообщение Шнурре автору; письмо Вайцзеккера Шуленбургу от 29 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 736, S. 854); *Kordt.* Wahn, S. 161.

[281] Письмо Астахова Потемкину от 27 июля 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 139-140).

[282] Телеграмма Молотова Астахову от 29 июля 1939 г., там же, т. 2, с. 145.

[283] *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 133.

[284] Телеграмма Молотова Астахову от 29 июля 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 145).

[285] Сообщение К. Шнурре автору.

[286] *Teske.* Köstring, S. 138.

[287] *Kleist.* Tragödie, S. 63.

[288] Вайцзеккер-Шуленбургу, 29 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 734, S. 852).

[289] *Kordt.* Wahn, S. 162.

[290] Вайцзеккер-Шуленбургу (секретно!), 29 июля 1939 г. Поскольку письмо поступило через два дня, оно, видимо, было передано не по телеграфу, а доставлено в Москву специальным курьером.

[291] Французский поверенный в делах в Берлине 3 августа в адрес Боннэ о последних днях июля 1939 г. (Documents diplomatiques 1938-1939, n° 180, p. 208).

[292] Французский поверенный в делах в Берлине в адрес Боннэ, 27 июня 1939 г. (там же, nº 173, p. 200f).

[293] *Weizsäcker-Papiere*, 30 Juli 1939, S. 156. Уже на пресс-конференции 6 июня П. Шмидт (отдел печати министерства иностранных дел) установил «правила ведения переговоров», заявив: «Вполне логично, что в случае войны Советской России понадобится морской порт Рига» (BA ZSg 102, 136). Таким путем предполагалось превзойти возможные английские предложения.

[294] Аттолико в адрес Чиано, 1 августа 1939 г. (*Bernardo Attolico.* Collana die Testi Diplomatici, II, Rom: M.A.E. ,1986, p. 99-100). Аттолико считал это ошибкой и исходил из того, что СССР в предстоящей войне, «с договором или без него», не будет оставаться пассивным. По его мнению, если даже СССР будет не в состоянии поддержать Польшу активными военными операциями, он все равно окажет ей по крайней мере косвенную помощь. Аттолико призвал Чиано влиять авторитетом Италии на принимаемые Гитлером решения, чтобы не оказаться «застигнутым врасплох» нежелательной внезапной войной.

[295] *Bonnet.* Fin, p. 274. В данной гипотезе заключен двоякий смысл: в ней можно увидеть предположение Гитлера, что ему не удастся (предложив совместный раздел Польши) склонить СССР к соблюдению нейтралитета, а также его намерение помимо Польши захватить часть территории России.

[296] Ретроспективная запись Вайцзеккера от 25.10.1939 г. (*Weizsäcker-Papiere*, S. 181). См. также: *Sipols.* Vorgeschichte, S. 294. В противоположность этому французское посольство отмечало в конце июля 1939 г. в окружении Гитлера «вполне определенную перемену политической атмосферы... Период нерешительности... сменила другая фаза».

[297] *Herwarth.* Hitler, S. 173. Херварт подчеркивал, насколько раздражали его «противоречивые и поспешные инструкции из Берлина, особенно в конце июля, когда Риббентроп форсировал темпы и, в конце концов, сам Гитлер начал страшно торопить Шуленбурга, ибо с нетерпением ждал того дня, когда сможет напасть на Польшу».

[298] *Kordt.* Wahn, S. 163.

[299] Вайцзеккер - Шуленбургу, 31 июля 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 744, S. 861).

[300] (Nr 151). См. также: ADAP, D, VI, Nr. 744, S. 861, Anm. 3. Открывая 1 августа 1939 г. в качестве председателя Совета Народных Комиссаров советскую сельскохозяйственную выставку в столице (*Werth.* Rußland, S. 44), Молотов выполнял функцию, которая не должна была воспрепятствовать срочному приему германского посла во исполнение обязанностей наркома иностранных дел.

[301] *Namier.* Prelude, p. 202.

[302] Сообщение Астахова Молотову 2 августа 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 394, с. 525).

[303] *Майский.* Воспоминания, кн. 2, с. 518.

[304] Риббентроп-Шуленбургу, 3 августа 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 758, S. 882-884). Телеграмма Астахова в Наркоминдел от 3 августа 1939 г., в: АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 2036, л. 162-165.

[305] Согласно записи Астахова, Риббентроп сказал: «Мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться; если Советское правительство разделяет эти предпосылки, то можно обменяться мнениями более конкретным порядком».

[306] *Kordt.* Wahn, S. 163.

[307] Телеграмма Астахова в Наркоминдел от 3 августа 1939 г. - Цит. по: *В.Я. Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 134 (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 167).

[308] Запись Шнурре от 3 августа 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 761, S. 884-885).

[309] Некоторые советские ученые исходят из того, что именно Риббентроп связал свое предложение от 2 августа с «секретным протоколом» (или протоколами), который «разграничил бы интересы обеих держав на всем отрезке территории между Черным и Балтийским морями» (*Андросов.* Накануне..., с. 10; *Безыменский*. Особая папка..., с. 96). В своем указании берлинскому представительству от 7 августа 1939 г. Советское правительство это предложение отвергло. Впервые «секретный протокол» с «политическим замыслом» упоминается в записи Шнурре о его беседе с Астаховым 3 августа, т.е. на другой день после предложения Риббентропа (ADAP, D, VI, Nr. 76, S. 885).

[310] Телеграмма Молотова Астахову, 7 августа 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 177).

[311] *Kegel.* Stürmen, S. 172f.

[312] Шнурре в адрес Шуленбурга, 2 августа 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 757, S. 881-882).

[313] «История КПСС», т. 5, с. 70-71.

[314] Parlament Debates, House of Commons, vol. 350, Kol. 2094-2100. В заявлении ТАСС от 2 августа 1939 г. говорилось, что Батлер допустил искажение позиции СССР на переговорах. На самом деле, дескать, речь шла вовсе не о нарушении суверенитета Прибалтийских государств договаривающимися сторонами, которые в любом случае гарантировали бы их независимость. Все дело в том, чтобы в формуле о «косвенной агрессии» не оставить никакой лазейки агрессору, покушающемуся на независимость Прибалтийских государств. Английская же формула оставляет открытой заднюю дверцу (заявление ТАСС от 2 августа 1939 г., в: «СССР в борьбе за мир...», № 392, с. 524) См. также: *Beloff.* Policy, p. 262; *Strang.* Home, p. 187. В этот же день Молотов передал послам Сидсу и Наджиару в дополнение к § 2 текста договора от 17 июля 1939 г. новое, упрощенное определение «косвенной агрессии». Оно включало акцию, «принятую государством, о котором идет речь, под угрозой силы со стороны другой державы и имеющую последствием потерю его независимости или его нейтралитета», и предполагало в этих условиях по просьбе одной из договаривающихся сторон немед-

ленные трехсторонние консультации («СССР в борьбе за мир...», № 393, с. 525).

[315] ADAP, D, VI, Nr. 764, S. 888-889.

[316] Телеграмма Сидса Галифаксу от 3 августа 1939 г. (BDFP, 3, VI, p. 570-574).

[317] *Werth.* Rußland, S. 44, Anm.

[318] GSAP, S. 419; «История КПСС», т. 5, с. 71.

[319] «СССР в борьбе за мир...», № 396, с. 527-533; ADAP, D, VI, S. 894, Anm.

[320] Шуленбург - в министерство иностранных дел (ADAP, D, VI, Nr. 766, S. 892-894); Россо в адрес Чиано (DDI, 8, XII, n. 780, p. 583). См. также: *Hilger.* Wir, S. 282; *Kordt.* Wahn, S. 163; *Herwarth.* Hitler, S. 180; *Beloff.* Policy, p. 261; *Carr.* Munich, II, p. 99; *Weinberg.* Germany, p. 38; *Schorske.* Ambassadors, p. 510; Вебер (Entstehung, S. 238) ошибочно датировал беседу 4 августом 1939 г. Запись Павлова беседы Молотова с Шуленбургом 3 августа 1939 г. в: «Год кризиса», т. 2, с. 159-163. См. также: *Кобляков.* Борьба..., с. 21; *Андросов.* Накануне..., с. 104; *Sipols.* Vorgeschichte, S. 299.

[321] Письмо Шуленбурга Вайцзеккеру об этой беседе от 14 августа 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr. 61, S. 55-56).

[322] Гитлер понял, что к этому моменту советская готовность далеко не соответствовала его приглашениям и что Советское правительство было в первую очередь заинтересовано в бесконфликтном разрешении германо-польского кризиса с помощью международного урегулирования. Этот факт он сразу же тактически использовал против итальянского желания созвать подобную конференцию, но без СССР. Так, в разговоре в Оберзальцберге 12 августа 1939 г. он сообщил Чиано, «что в будущем Россия не может быть больше отстранена от конференций государств. Во время германо-русских переговоров русские... дали понять, что с этим они ... больше не станут мириться» (ADAP, D, VII, Nr. 43, S. 38).

[323] *Herwarth.* Hitler, S. 180.

[324] Шуленбург-Шлипу, 7 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 779, S. 905). Повторение Шуленбургом этого выражения (7 июля 1939 г. Риббентроп сообщил Аттолико, что он дал указание Шуленбургу вновь «подбросить эту идею» Сталину) позволяет заключить, что оно часто употреблялось на совещаниях в Берлине, посвященных планированию сближения! Из того же письма Шуленбурга Шлипу было видно, насколько посольство мало знало о том, что в действительности происходило в Берлине и в какой растерянности оно ожидало возвращения Кёстринга и Типпельскирха, от которых надеялось получить информацию.

[325] *Андросов.* Накануне..., с. 106.

[326] Шуленбург - Алле фон Дуберг, 7 августа 1939 г. (*Nachlaß,* S. 1/2, 2/1).

[327] *Rauch.* Geschichte, S. 373.

[328] *Teske.* Köstring, S. 139f.

[329] Западная историография не оценила этого хождения по острию ножа. Так, Аллард, который, как и большинство немецких исследователей, считал, что инициатором этих разговоров являлось Советское правительство, утверждал, что Шуленбург, «по-видимому, еще не научился делать правильные выводы из намеков Молотова» и что он «ошибался, делая пессимистические выводы» (*Allard.* Stalin, S. 154f).

[330] Решение было принято 8 и 9 августа 1939 г. в присутствии Шнурре и генерала Кёстринга в австрийской летней резиденции Риббентропа (замок Фушль под Зальцбургом) в ходе горячих дебатов и частых телефонных разговоров с Гитлером и сообщено советскому поверенному в делах в Берлине 13 августа 1939 г. Однако 14 августа от него вновь отказались. В тот же день Шуленбург, которому Кёстринг сообщил об этом решении, в письме Вайцзеккеру указал на негативные последствия замены его сомнительной личностью - партийным карьеристом. «Беседы с г-ном Молотовым, - писал Шуленбург, - мне удаются лучше и легче. Этот странный человек с тяжелым характером привык ко мне и в разговорах со мной отбросил большую часть своей постоянно проявляемой сдержанности. Каждому новому человеку придется начинать заново» (ADAP, D, VII, Nr. 61, S. 56).

[331] Телеграмма Молотова Астахову 4 августа 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 175).

[332] Запись Шнурре бесед 5 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 772, S. 898). Вебер (Entstehung, S. 239) ошибочно считает, что Астахов вел эту беседу с Вайцзеккером, который якобы и является автором записи.

[333] Телеграмма Астахова Молотову от 5 августа 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 175).

[334] Из сообщения д-ра Шнурре автору 20 июня 1989 г.

[335] Письмо Астахова Молотову, 8 августа 1939 г. («Год кризиса», т. 2, с. 178-180).

[336] Телеграмма Молотова Астахову, 11 августа 1939 г., в: «Год кризиса», т. 2, с. 184).

[337] Из сообщения Шнурре автору; см. также: *Braubach.* Weg, S. 26.

[338] Ульрих фон Хассель после беседы с Готфридом фон Ностицем в министерстве иностранных дел 7 августа 1939 г. (Hassell-Tagebücher, S. 104).

[339] По словам Намира (Prelude, p. 284), «два надежных источника» твердили, что окончательное решение относительно политической договоренности со Сталиным Гитлер принял в ночь с 4 на 5 августа 1939 г. (сообщение Шуленбурга поступило утром 4 августа). Это решение Гитлера, очевидно, затем, утром 5 августа 1939 г., было немедленно передано по телефону из Берхтесгадена в Берлин на Вильгельмштрассе. И в первой половине этого дня Шнурре пригласил к себе Астахова. См.: *Beloff.* Policy, p. 261, note. 2.

[340] По словам Домаруса (Hitler, II, S. 1221), Гитлер 3 августа находился в Байройте. Нейрат говорил о начале августа 1939 г.

[341] *Beloff.* Policy, p. 228, note. 1; *Deutsch.* Interlude, S. 111; *Pool.* Light, p. 142.

[342] Hassel-Tagebücher, S. 104.

343 Аттолико в адрес Чиано, 5 августа 1939 г. - Цит. по: *Toscano.* Italia, p. 71. В этой же беседе Вайцзеккер намеками охарактеризовал опубликованное в итальянской прессе заявление японских послов в Берлине (Осимы) и в Риме (Сиратори) как попытку «саботировать возможное германо-советское сближение». Послы после встречи на вилле д'Эсте принципиально высказались за тройственный союз, однако окончательное решение «отложили, поскольку англо-русские переговоры вступили как раз в чувствительную фазу» (*Toscano.* Italy, p. 103). Так как итальянскому министру иностранных дел в это же время поступило сообщение Россо из Москвы от 5 августа 1939 г. о результатах беседы Шуленбурга с Молотовым 3 августа 1939 г., то он, должно быть, распознал целенаправленное немецкое двуличие.

344 Weizsäcker-Papiere, S. 157f. Лондонские секретные переговоры об англо-германском компромиссе в эти дни продолжались к растущему раздражению Советского правительства, которое следило, как Галифакс через Дирксена обещал германскому правительству далеко идущие уступки. Относительно 6-7 августа 1939 г. см.: *Андросов.* Накануне..., с. 106; о 9 августа 1939 г. см. запись Дирксена о его беседе с Галифаксом (DM, Nr. 105, S. 236-240).

345 Послание Шуленбурга в министерство иностранных дел от 7 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 775, S. 902).

346 Переводчик Пауль Шмидт о встречах с Риббентропом в замке Фушль 11 и 12 августа, то есть через три дня после его совещаний со Шнурре и Кёстрингом (*Schmidt.* Statist, S. 483).

347 Об этих дискуссиях нет никаких записей. Заметки Шнурре пропали в Берлине во время войны, Кёстринг же их лишь упомянул, указав на неосведомленность Риббентропа в русских вопросах (*Teske.* Köstring, S. 136f).

348 *Teske.* Köstring, S. 135. Свои воспоминания Кёстринг писал в Мюнхене после войны, когда общая перспектива была уже иной.

349 *Teske.* Köstring, S. 135, 139ff. Веря в советскую верность договорам, Кёстринг считал невозможным, чтобы «Сталин мог согласиться с запланированным Гитлером нападением на Польшу, с которой тот же самый Сталин был связан пактом о ненападении» (*Teske.* Köstring, S. 141).

350 Из сообщения Шнурре автору.

351 Телеграмма Астахова Молотову, 7 августа 1939 г., в: «СССР в борьбе за мир...», № 403 и 405, с. 538. Через несколько дней, 16 августа 1939 г., он сообщил Молотову, что предстоит разгром не Данцига, а всей Польши и что итальянская сторона больше не исключает возможность возникновения мировой войны («СССР в борьбе за мир...», № 428, с. 606).

352 Первое письмо Астахова Молотову от 12 августа 1939 г. ., в: «Год кризиса», т. 2, с. 185-186.

353 Записи Шнурре об этом разговоре не имеется. Однако есть телеграмма Шнурре германскому посольству в Москве, отправленная в понедельник 14 августа 1939 г. в 13 ч. 52 мин., в которой он знакомит

посла с основными обсуждавшимися вопросами. Это было тем более необходимо, что Астахов по поручению Молотова в качестве места переговоров предложил Москву (ADAP, D, VII, Nr. 50, S. 48). Во втором письме Астахова Молотову («Год кризиса», т. 2, с. 185-186) говорилось: «Получив Ваши телеграфные указания, я посетил сегодня Шнурре и сказал ему, что ряд конкретных объектов (культурные связи, пресса, «освежение» договора, Польша), намеченных разновременно им, Риббентропом и Вайцзеккером для разговоров с нами, Вас интересуют, но что Вы считаете желательным беседовать о них в Москве, и притом «по ступеням», не начиная с самых сложных».

354 *Kordt.* Wahn, S. 163.

355 Это предположение издателя (ADAP, D, VII, Nr. 43, S. 39, Anm. 13).

356 Запись переводчика П. Шмидта, сделанная в Зальцбурге 12 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 43, S. 39). При этом остается неясным, кто является автором этой формулировки: использовал ли ее принесший телеграммы (Хевель?), чтобы за счет сенсационной новости вывести Гитлера из затруднения, или же это сделал сам Гитлер при получении или же после получения обоих документов? Протоколировавший совещание Шмидт не выразил никаких сомнений в аутентичности «телеграмм».

357 Запись Шмидта (ADAP, D, VII, Nr. 43, S. 39).

358 Запись Чиано (DDI, 8, XIII, n. 4, p. 4-7). См. также: *Ciano.* Europa, p. 453-458.

359 Запись Шмидта (ADAP, D, VII, Nr. 43, S. 32-49). По этому вопросу Эрих Кордт (Wahn, S. 163) писал: «12 августа (Астахов) заявил... германскому представителю (Шнурре. - *И.Ф.*), что Советский Союз готов к широким переговорам о политической ситуации. Это сообщение поступило 12 августа в Берхтесгаден во время беседы Гитлера, Риббентропа и Чиано одновременно с телеграммой из Токио...» В беседе с автором настоящей книги д-р Шнурре подтвердил, что после завершения беседы с Астаховым он немедленно составил «донесение» о ее результатах для передачи Риббентропу. См. также: *Schmidt.* Statist, S. 438-440; *Toscano.* Italia, p. 75, 107; *Namier.* Prelude, p. 267-268, 284; *Beloff.* Policy, p. 264; *Bullock.* Hitler, p. 521; *Taylor.* Origins, p. 255.

360 Запись посольского советника Брюкльмайера (бюро министра иностранных дел) от 25 июля 1939 г. о беседе Риббентропа с послом Аттолико (ADAP, D, VI, Nr. 718, S. 829-835; DDI, 8, XII, n. 717 от 28 июля 1939 г.). В этом предложении были учтены как пессимистические сообщения посла Аттолико из Берлина, так и прогнозы посла Россо (и Шуленбурга) из Москвы об успехах московских переговоров и создании эффективного военного фронта против агрессии стран «оси».

361 Речь шла о телеграмме, которую посол Отт направил 11 августа 1939 г. в 14 ч. 05 мин. из Токио в министерство иностранных дел (ADAP, D, VII, Nr. 25, S. 20f).

362 ADAP, D, VII, Nr. 43, S. 40. Как подтвердил Шнурре автору, «Гитлер истолковал его сообщение таким образом, будто Советский

Союз согласен с направлением германского особоуполномоченного в Москву».

[363] В этой беседе с Риббентропом (11 августа 1939 г.) Чиано с иронией принял к сведению его победные заверения. При этом Риббентроп под «строгим секретом» сообщил Чиано о том, что трехсторонние переговоры провалились и что Россия не станет вмешиваться в конфликт, поскольку между Москвой и Берлином ведутся достаточно детальные переговоры. На это Чиано заметил, «что оберегаемые в такой тайне переговоры плохо согласуются с союзническим договором и абсолютной лояльностью» итальянцев по отношению к Германии (*Ciano.* L'Europa, p. 450; DDI, 8, XIII, n. 1, p. 1).

[364] *Kordt.* Wahn, S. 163, Anm. 3.

[365] *Toscano.* Fonti, p. 105.

[366] За два дня до этого Риббентроп спросил Кёстринга: «Скажите, господин генерал, ведь русский народ не долго будет терпеть Сталина?» Кёстринг попытался опровергнуть эту, по его мнению, парадоксальную точку зрения человека, который «должен был знать, как похоже и почти одинаковыми методами гитлеровская система так же закабалила немецкий народ» (*Teske.* Köstring, S. 137). Переводчик П. Шмидт отметил в эти дни поразительное «сходство аргументов» Риббентропа и Гитлера (*Schmidt.* Statist, S. 439).

[367] Так сообщил Шнурре Астахову 13 августа 1939 г. Телеграмма Астахова Молотову (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, д. 2036, л. 178-179).

[368] *Below.* Adjutant, S. 178. Белов назвал датой нападения 26 августа, а Домарус (Hitler, II, S. 1231) - 1 сентября. По словам Белова, Гитлер утверждал: «Россия не вмешается. Ее интересуют только Прибалтийские страны и Бессарабия» (Adjutant, S. 179).

[369] *Schmidt.* Statist, S. 440.

[370] *Ciano.* Diario, 1, 1947, p. 141, 145.

[371] *Domarus.* Hitler, II, S. 1229; *Below.* Adjutant, S. 179; *Halder* (ADAP, D, VII, S. 461).

[372] В воскресенье 13 августа Риббентроп по телефону дал указание Шнурре немедленно сообщить Астахову ответ. Шнурре пригласил Астахова к себе, чтобы информировать о том, что германское правительство с удовлетворением восприняло ответ Молотова. Хотя оно и предпочло бы вести разговоры в Берлине, но согласно с советским предложением. «Оно желало бы, однако, - писал Астахов Молотову, - поручить ведение переговоров кому-либо из ближайших доверенных лиц Гитлера... Оно считает, что, отправив в Москву такое лицо, оно также дало бы нам доказательство серьезности своих намерений... Намекнув, что Шуленбург этими качествами не обладает, Шнурре в качестве примера назвал фамилию Франка...» («Год кризиса», т. 2, с. 209). Кроме Франка, разговор шел и о Геринге. Однако Риббентроп настоял на своем. Об этом рассказал автору Шнурре.

[373] В присутствии Альберта Шпеера Гитлер, словно погруженный в разговор с самим собой, внезапно заметил, что «скоро произойдет что-то грандиозное. Даже если придется послать Геринга... При необходимости я сам поеду. Я все ставлю на эту карту» (*Speer.* Erinnerungen.

Berlin, 1969, S. 175). Берндт Гизевиус заявил 17 августа Ульриху фон Хасселю: «Главная сенсация... что Гитлер готов поехать к Сталину! Я просто рот разинул... Ведь это произойдет в момент нахождения в Москве военных миссий. Если это правда, то это означает, что Гитлер полностью выбит из колеи» (Hassell-Tagebücher, S. 112).

374 Вайцзеккер был одним из немногих, кто тогда понимал, в чем дело, и видел, как далеко Гитлер в своих представлениях оторвался от реального состояния германского зондажа. 14 августа 1939 г. Вайцзеккер обратил внимание посла в Берлине Аттолико на то, что сказанное Гитлером 12 и 13 августа Чиано было «сильно преувеличено». Аттолико передал слова Вайцзеккера в Рим Чиано и написал, что «сделанные Вам устно сообщения были очень, *очень* преувеличены» (Аттолико в адрес Чиано, 14 августа 1939 г. - Цит. по: *Toscano.* Italia, p. 79, note. 112, p. 106, note. 119). Однако уже на следующий день картина, с точки зрения Вайцзеккера, вновь изменилась. Теперь он пригласил к себе английского посла Гендерсона и сообщил ему, что ситуация резко ухудшилась. Он считает, что советский пакт о ненападении с Польшей утратил свою силу и что Советский Союз, в конце концов, будет участвовать в разделе Польши (Гендерсон в адрес Галифакса, 16 августа 1939 г., в.: DBFP, 3, VII, No. 32, p. 31).

375 Hassell-Tagebücher, 17. August 1939, S. 108.

376 *Below.* Adjutant, S. 180. Жена Риббентропа позднее отмечала «огромные трудности, которые должен был преодолеть мой муж, и не в последнюю очередь у Гитлера, чтобы добиться иного отношения к России» (*Ribbentrop* London, S. 172).

377 Шуленбург - Алле фон Дуберг, 14 августа 1939 г. (Nachlaß Schulenbbrg. Ordner Duberg: Briefe... ab 1. Januar 1939, S. 2/2). В конце июля 1939 г. посол получил указание об участии в партийном съезде в Нюрнберге с 1.9.1939 г. Десять дней спустя оно было подтверждено вручением маршрута поездки. Хотя это указание было разослано в форме циркуляров всем руководителям миссий, смысл этого мероприятия, несомненно, состоял в том, чтобы создать впечатление нормальной обстановки и замаскировать планы подготовки к войне.

378 Шуленбург - Вайцзеккеру, 14 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr.61, S. 55). Хильгер позже писал по этому поводу: «Если мы и предупреждали фон Риббентропа не торопиться, то это было потому, что мы думали, что знаем полуазиатский темперамент русских, которые не позволяют торопить себя; излишняя торопливость, рассуждали мы, может все испортить» (*Hilger/Meyer.* Allies, *p. 308.)*

379 Шлип писал Шуленбургу 7 августа: «Здешние британские военные довольно скептически оценивают перспективы предстоящих военных переговоров» (ADAP, D, VI, Nr.779, S. 905.); 10 августа 1939 г. в информации с отметкой «Содержание: переговоры о пакте в Москве» он сообщил в министерство иностранных дел, что в важнейшем вопросе «гарантий Прибалтийских государств против косвенной агрессии единства пока достичь не смогли» (ADAP,D, VII, Nr.14, S. 10.). 11 августа он отмечал якобы «узкие рамки» приема военных миссий (никакого по-

четного караула, отсутствие военных руководителей) Советским правительством (ADAP,D, VII, Nr.29,S. 23.).

[380] ADAP, D, VI, Nr.779, S. 906. По этому поводу см. также донесение германского посла в Хельсинки министерству иностранных дел от 7 августа 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.776, S. 903).

[381] ADAP, D, VI, Nr.779, S. 906.

[382] Шуленбург был много лет знаком со Стрэнгом и неоднократно встречался с ним во время его пребывания в Москве. См. письмо Шуленбурга Шлипу от 10 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr.21, S. 17-18).

[383] Шуленбург - министерству иностранных дел, 10 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr.14, S. 10).

[384] Стрэнг сам послал Шуленбургу прощальную открытку в связи со своим отъездом. См. письмо Шуленбурга Шлипу от 10 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr.21, S. 17; *Strang*. Home, p. 188.)

[385] ADAP, D, VII, Nr.15, S. 11; DDI, 8, XII, n. 804, p.603. Подоплека выяснения этого вопроса посольством характерна для его усилий выиграть время: в первых числах августа Шуленбург получил из Берлина задание установить, не ведет ли польская военная делегация переговоры в Москве о военной помощи. Вопрос был нелегкий, а ответ на него повлек за собой важные последствия: в случае положительного ответа при данных обстоятельствах он мог бы дать Гитлеру повод для проявления враждебности, а отрицательный - воодушевить к нападению. Шуленбург обсудил этот вопрос со своим итальянским коллегой. Россо затронул эту проблему 5 августа в беседе с польским послом Гжибовским, который твердо подтвердил решение своего правительства отклонить любое вторжение в Польшу советских вооруженных сил, как сухопутных, так и военно-воздушных. Шуленбург сообщил содержание этой беседы министерству иностранных дел в краткой телеграмме от 8 августа, где говорилось, что «отклонение любой советской военной помощи продолжает оставаться неизменным». (2767/535947, ADAP, D, VII, Nr.15, S. 11, Anm.1.) Лишь 10 августа он подготовил более подробный отчет, отправленный с курьером и поступивший в МИД только 12 августа. Из этого отчета следовало, что посол Россо в беседе с Гжибовским с определенной настойчивостью напомнил о ключевой роли Польши в деле подписания эффективной военной конвенции (ADAP, D, VII, Nr.15, S. 11).

[386] Шуленбург - Шлипу, 10 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr.21, S. 18.).

[387] См. в т.ч. Заявление ТАСС «Японцы не успокаиваются». - «Известия», 6 августа 1939 г. (№ 181/6951); «СССР в борьбе за мир...», № 481, с. 536-537.

[388] Шуленбург - министерству иностранных дел, 11 августа 1939 г. (ADAP, D, VI, Nr.28, S. 23). Этот отвод войск мог свидетельствовать о том, что заявления Риббентропа и Шнурре, в соответствии с которыми германское правительство намеревалось соблюдать советские интересы в Польше, способствовали снижению озабоченности Советского правительства, вызванной военными осложнениями в Польше. Во всяком случае, это позволило ему сконцентрировать дислоцированные в

Восточной Азии контингенты войск и начать 20 августа успешное наступление против японской армии, явившееся поворотным моментом в русско-японской войне. (См.: *Sella.* Khalkhin-Gol,S. 651, 675.)

[389] Помимо уже упомянутых сообщений Астахова из Берлина от 2 и 7 августа 1939 г., см. отчет о беседе с германским военным и военно-воздушным атташе в Варшаве Герстенбергом 7 августа 1939 г., где говорилось, что нападение должно произойти после 25 августа и что Гитлер рассчитывает на нейтралитет Англии («СССР в борьбе за мир...» № 492, с. 537); отчет Астахова от 9 августа 1939 г. аналогичного содержания («СССР в борьбе за мир...», № 405, с.538); отчет советского военного атташе в Лондоне от 12 августа 1939 г., направленный в Генштаб, где сообщалось о том, что полная мобилизация в Германии завершится к 15 августа и что скрытно идет широкомасштабный призыв резервистов (*Андросов.* Накануне..., II, с. 105); наконец, сообщение Астахова от 16 августа 1939 г., где говорилось, что целью польской военной кампании Гитлера является не Данциг, а вся Польша и что не исключена возможность начала мировой войны («СССР в борьбе за мир...», № 428). Помимо этих опубликованных сообщений, советская разведка, вероятно, располагала убедительными материалами о военных планах Германии.

[390] Шуленбург - в министерство иностранных дел (ADAP, D, VII, Nr.27, S. 22).

[391] Вайцзеккер - Шуленбергу, 14 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr.54, S. 50).

[392] Литература о военных переговорах не столько обширна, сколько противоречива. Опубликованные советские протоколы: Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. - «Международная жизнь», 1959, № 2, с. 144 — 158 и № 3, с. 139 — 158; «СССР в борьбе за мир...», с. 549-555 (12.8), с. 555 — 562 (13.8), с. 563 — 572 (14.8), S. 573 — 582 (15.8), с. 591 — 604 (16.8), №. 429, с. 607 — 618 (17.8); DM Nr. 109, S. 250 — 257, Nr. 110, S. 257 — 264, Nr. 111, S. 264 — 272, Nr. 112, S. 272 — 282, Nr. 113, S. 283 — 292, Nr. 119, S. 302 — 311, Nr. 120, S. 312 — 316, Nr. 112, S. 348 — 361; английские протоколы в: DBFP, 3, VII, Anhang II; французские протоколы по сведениям, которые генерал Думенк в 1947 году получил от Кэ д'Орсе, были сожжены при подходе немцев к Парижу (*Namier.* Europe, p. 255); в качестве замены служило изложение Думенка «Pour mettre fin à une polémique: Non, la France et l'Angleterre ne sont pas responsables du pacte germano-soviétique». - In: Carrefour des idées des arts, des lettres, des sciences. Paris, 21.5. 1947; более подробно в: *Général (Andé) Beaufre.* Le drame de 1940. Paris, 1965, p. 113-265. А также: *Wüthrich.* Verhandlungen, S. 65ff.; *Gibbs.* Strategy. p. 748; *Hofer.* Entfesselung, S. 165ff.; *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 267-281; *Niedhard.* Großbritannien, S. 420ff.; *Bartel.* Frankreich, S. 232ff.; *В. Попов.* Военные переговоры между Англией, Францией и СССР в 1939 году. - «Военно-исторический журнал», 1963, № 12, с. 23-35; *Н.Г. Кузнецов.* Упущенные возможности. - «Новая и новейшая истории», 1963, № 6, с. 109-115; *Панкрашова, Сиполс.* Почему не удалось предотвратить

войну, с. 91-121; *И.Д. Остожа-Овсяный.* На пороге войны (Новое об англо-советских военных переговорах в Москве в 1939 г.). - «Новая и новейшая история», 1971, № 1, с. 52-60 и 1972,№ 2, с. 38-53; *Безыменский.* Особая папка..., с. 47; *W. Basler.* Die britisch-französisch-sowjetischen Militärbesprechungen im August 1939. - «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, Nr. 1, S. 18-56.

393 DBFP, 3, VI, p. 762-779; DM, Nr. 99, S. 197-226; *Beaufre.* Drame, p. 120, а также сообщение Льва Безыменского автору.

394 *Beaufre.* Drame, p. 120.

395 Так, в частности, в: Instructions..., Part 1, 4 («Любую возможную информацию... русских нужно тщательно записать». DBFP, 3, VI, p. 762); Part 1, 115 («Нужно использовать возможность проверить точность нашей оценки советских вооруженных сил и удостовериться в степени их боеготовности и сосредоточения в Восточной Европе». Ibid., p. 779). Гиббс, знакомый с соответствующими материалами английских архивов, установил: «Информация, которую мы намеревались получить от русских, составляла огромный список... В противоположность этому британские инструкции о том, что говорить в ответ, были совершенно определенно проникнуты осторожностью» (*Gibbs.* Strategy, p. 752).

396 Это впечатление было небезосновательным: указания, в соответствии с которыми делегации должны были вести переговоры с «величайшей осторожностью» (1,6), не раскрывая «*секретной* информации» (1,7), «очень медленно» (1,8), обращаясь с русскими «сдержанно» (1,10), без «раскрытия нашей согласованной стратегии» (1,13), «деталей какой-либо техники... и тактической подготовки» (1,14), а также с учетом того факта, что «британское правительство не желает принимать какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки» (1,15). В качестве единственного результата этих военных переговоров инструкции допускали лишь «нечто вроде политической декларации» (1,15) (DBFP, 3, VI, p. 762-764).

397 Когда англо-французская военная миссия находилась в пути, 7 августа 1939 г. при посредничестве шведского коммерсанта Биргера Далеруса состоялась первая встреча Геринга с британскими промышленниками, о которой Гитлер был немедленно поставлен в известность через генерала Боденшаца; акция Далеруса продолжалась с перерывами до 31 августа 1939 г. (*Birger Dahlerus.* Der letzte Versuch-London-Berlin 1939, München 1938; *Domarus.* Hitler, II, S. 1224f.). По поводу воздействия этой акции на Советское правительство см.: *Beloff.* Policy, S. 268, Anm. 1. Во время переговоров 16 августа 1939 г. в Берлине состоялась беседа между бароном де Роппом и Розенбергом (ADAP, D, VII, Nr. 74, S. 68; DM, Nr. 116, S. 296-298). Одновременное пребывание в Берлине (с 13 августа) германского посла в Англии Герберта фон Дирксена могло также толковаться в этом смысле. И наконец уже на третий день после приостановки переговоров, 20 августа 1939 г., состоялась еще одна беседа между Горацием Вильсоном и Фрицем Хессе (DM, Nr. 34, S. 377-381). По этому вопросу см.: «История дипломатии», т. III,

с. 784 и след.; *Панкрашова, Сиполс.* Почему не удалось предотвратить войну, с. 109 и след.; *Wüthrich.* Verhandlungen, S. 185ff.

[398] В «Правде» от 19 августа 1939 г. под заголовком «Попытка нового Мюнхена» пересказывалось содержание статьи лондонской газеты «Дейли уоркер» от 7 (!) августа того же года, в которой сообщалось о встрече лорда Кемсли с Гитлером в Байройте 27 июля 1939 г. Об ожиданиях нового английского «Мюнхена» в отношении Польши см.: *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 264.

[399] При этом имеется определяемое рядом психологических, внутриполитических и чисто разведывательных причин подозрение, что информации работавших на советскую разведывательную службу высокопоставленных лиц в Англии о планах и намерениях их собственного правительства так же, как и сообщения и прогнозы Рихарда Зорге о тенденциях внутри японского правительства, имели склонность к преувеличению антисоветской ориентации и негативных факторов.

[400] *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 276.

[401] *Hillgruber.* Außenpolitik, S. 26f.

[402] Генерал Бофр изображал распределение ролей на переговорах таким образом, что именно «англичане с самого начала не питали никаких иллюзий в отношении результатов переговоров, рассчитывая выиграть время» (*Beaufre.* Drame, p. 124).

[403] *Beaufre.* Drame, p. 138, 136.

[404] *Doumenc.* France, p. 1; *Langer*/Gleason. *Challenge*, p. 176. Боннэ отметил великолепный прием и сердечную атмосферу в начале переговоров (Fin, p. 275). Руководитель английской делегации подчеркивал, «что миссиям был оказан чрезвычайно благожелательный прием» (DBFP, 3, VII, p. 558).

[405] Полномочия от 5 августа 1939 г. («СССР в борьбе за мир...», № 400, с. 535).

[406] Так вспоминает член делегации Н. Кузнецов, который в то время был народным комиссаром военно-морского флота, в беседе с Л.А. Безыменским. (*Безыменский.* Особая папка..., с. 54).

[407] Там же, с. 54, 146.

[408] Телеграмма Штейнгардта С. Уэллесу от 16 августа 1939 г. (*Langer/Gleason.* Challenge, p. 161).

[409] *Teske.* Köstring, S. 138.

[410] Notes by Mr. Roberts on Anglo-Franco-Soviet Military Conversations, in: Anhang II, DBFP, 3, VII, p. 558. Ср. также положительные характеристики, даваемые Ворошилову и Шапошникову Думенком (France, p. 2).

[411] *Beaufre.* Drame, p. 137.

[412] *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 277. Вебер называет переговоры «фарсом» из-за якобы недостаточной готовности к переговорам советской стороны.

[413] *Beaufre.* Drame, p. 134.

[414] Послы и руководители делегаций западных стран, «казалось, находились, под впечатлением очевидной искренности маршала Воро-

шилова» (Notes by Mr. Roberts... in: DBFP, 3, VII, p. 558). Лишь после драматического и унизительного для членов западных делегаций окончания переговоров всплыли сомнения в откровенности советских руководителей переговоров. Причины их носили прежде всего психологический характер.

[415] На заседаниях 12 августа (DM, S. 256f.), 13 августа (DM, S. 259ff.) и 14 августа (DM, S. 274ff.). См. также: *Doumenc.* France, p. 1.

[416] Вначале на заседаниях 13 августа (DM, S. 270), более подробно на заседаниях 14 августа (DM, S. 272ff.) и позже на заседаниях 16 августа 1939 г. (DM, S. 313ff.).

[417] *Teske.* Köstring, S. 138.

[418] DM, S. 278f.

[419] *Bonnet.* Fin, p. 275-277.

[420] DM, S. 279, 280, 282.

[421] *Beaufre.* Drame, p. 145.

[422] В части I, пункт 67, Инструкций говорилось: «... проблематично, смогут ли поляки и румыны остановить продвижение немцев и создать таким образом прочный Восточный фронт, если русские не окажут им в значительной степени помощь». (Instructions..., in: DBFP, 3, VI, p. 773). Господствовало единое мнение о том, что «лишь СССР в состоянии выставить такие силы, такое пространство и такие ресурсы. Таким образом, и союзники были вынуждены искать поддержки Советского государства. Эта поддержка была необходима с военной точки зрения, ее осуществление было единственным шансом предотвратить войну» (*Beaufre.* Drame, p. 117-118).

[423] Британские инструкции исходили из «нежелания поляков и румын иметь советские войска на своей территории и отказа этих стран даже рассматривать планы возможного сотрудничества», они выдвигали ряд уклончивых формулировок, вершиной которых были такие указания: «Делегации не должны обещать (советским партнерам) сообщать в центр. Делегации не должны обсуждать оборону Прибалтийских государств» (Part 1, 16, in: DBFP, 3, VI, S. 764).

Инструкции Гамелена придерживались того, что поляки не могут в мирное время официально разрешить советским войскам вступать в случае конфликта на их территорию, однако не сомневались, что поляки «в момент опасности согласятся принять на своей земле советскую авиацию, а возможно, и механизированные соединения» (*Beaufre.* Drame, p. 122, 123). Помимо этого предположения, «в инструкциях не было ни слова о политических трудностях».

[424] *Beaufre.* Drame, p. 141.

[425] DM, S. 285-288.

[426] *Doumenc.* France, p. 2.

[427] *Beaufre*, p. 148-149.

[428] В соответствии с советской записью беседы (DM, S. 288) а также «за его очень четкое изложение советских планов» (DBFP, 3, VII, - p. 578).

[429] *Wüthrich.* Verhandlungen, S. 75.

[430] DM, S. 314, 353.

[431] Сообщение Л.А. Безыменского автору. Имеется предположение, что У. Стрэнг был одним из британских информаторов германского посольства в Лондоне. См. по этому вопросу памятную записку германского посла в Великобритании Г. фон Дирксена на имя рейхсминистра Риббентропа от 16-18 августа 1939 г. (DM, II, S. 316-348).

[432] См.: FRUS, I, General, No. 447, 16.8. 1939, p. 335.

[433] Беседы со знакомыми в Берлине в эти дни привели также и Ульриха фон Хасселя к предположению, что «стратегическая мысль «других» (заключается) ... явно в том, чтобы установить «фронт мира» (с Советским Союзом), после чего поставить нас и Италию перед альтернативой... Совсем по-другому поступает Гитлер. Именно опасность конференции побуждает его повышать ставку. Он хочет еще в последнюю минуту добиться преимущества. Началась опаснейшая игра, которую невозможно себе представить... Все здравомыслящие люди должны были сделать все, чтобы избежать войны» (*Hassel.* Tagebücher, S. 108).

[434] Поверенный в делах в Лондоне — министерству иностранных дел, 14 августа 1939 г., 20 час. 37 мин., поступила в 23.30 (ADAP, D, VII, Nr. 55, S. 50-51).

[435] *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung, in: Prozeß, Bd. XL, S. 294f. По заявлению Гауса ему было неизвестно, кто писал этот проект; «судя по стилю, он исходил не из-под пера или, во всяком случае, не только из-под пера рейхсминистра иностранных дел».

[436] Телеграммы № 172 и 174 от 14 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 51, S. 48, Anm. 2).

[437] *В.Я. Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 137.

[438] *И.М. Майский.* Воспоминания, с. 502.

[439] Отчеты Шуленбурга о его беседе с Молотовым 16 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 70, S. 63f. und Nr. 79, S. 72-75). Запись (Павлова) беседы Молотова с Шуленбургом 15 августа 1939 г. (АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, д. 3, л. 33-36), опубликовано в: «Международная жизнь», 1989 г., № 9, с. 97-99; «Год кризиса», т. 2, с. 229-231. Точное сообщение о беседе передал Херварт через Ч. Болена послу США (см. отчет посла Штейнгардта Хэллу от 16 августа 1939 г. в: FRUS, I, General, No. 447, p. 334-335. Здесь подчеркивалось, что инструкция исходила от самого Гитлера и предназначалась лично Сталину). Аналогичное сообщение получило посольство Италии (см. донесение посла Россо министру Чиано от 17 августа 1939 г. 0.40 мин. в: DDI, 8.XIII, n. 69, p. 47). Полученные от Херварта сведения вошли в следующие отчеты: DDI, 8, XII, n. 201, 12.6.1939; 8. XIII, n. 69, 17, 8. 1939 (иное ошибочно указано в книге: *Weber.* Entstehungsgeschichte, S. 280).

[440] ADAP, D, VII, Nr. 56, Anm. 1.

[441] В советском переводе сказано: «Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному

удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п.»

442 В записи Шуленбурга по этому поводу говорится: «Осуществление поездки господина рейхсминистра в Москву требует, по его мнению, основательной подготовки, чтобы намечаемый обмен мнениями дал результат. В этой связи он попросил меня сообщить, соответствует ли действительности следующее: Советское правительство в конце июня с.г. получило от своего поверенного в делах в Риме телеграфное сообщение о его беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано. В этой беседе Чиано сказал, что существует немецкий план, ставящий целью решительное улучшение германо-советских отношений... Содержание вызвало у Советского правительства большой интерес, и он, Молотов, хотел бы знать, что в этом плане... соответствует действительности» (ADAP, D, VII, Nr. 79, Anlage, S. 73).

443 Штейнгардт узнал от Херварта и сообщил государственному секретарю США, что Молотов поставил продолжение политических переговоров в зависимость от серьезности этих переговоров; в качестве «возможных результатов» Молотов якобы упомянул:

«1) Заключение пакта о ненападении между СССР и Германией;

2) прекращение со стороны Германии любой прямой или косвенной поддержки японской агрессии на Дальнем Востоке и

3) урегулирование взаимных интересов в Прибалтике. Молотов считал, что эти три вопроса следует обсудить в предварительных беседах до того, как будет окончательно решен вопрос о направлении германского эмиссара в Москву» (FRUS, I, General, No. 452, p. 334-335).

444 Как сообщал Шуленбург после завершения этой беседы ранним утром 16 августа 1939 г. в своей первой краткой телеграмме в министерство иностранных дел, Советское правительство в связи с его сообщением «поверило в искренность этих намерений» (ADAP, D, VII, Nr. 70, S. 639).

445 Шуленбург - Вайцзеккеру, 16 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 88, S. 82-83).

446 *Langer/Gleason.* Challenge, p. 172.

447 Оценка свидетеля событий Фридриха Гауса (*Gaus.* Eidessfattliche Versicherung. - In: Prozeß, XL, S. 295).

448 Ibid.

449 Рейхсминистр - лично послу, 16 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 75, S. 79), а также последующий нажим Вайцзеккера, по поручению Риббентропа, вплоть до проверки, как развивались события во времени (ADAP, D, VII, Nr. 89, Nr. 93, Nr. 92, Anm. 4).

450 ADAP, D, VII, Nr. 75, S. 70.

451 *Безыменский.* Особая папка..., с. 119.

452 Notes by Mr. Roberts..., in: DBFP, 3, VII, p. 559.

453 *Безыменский.* Особая папка..., с. 119.

454 *Hilger.* Wir, S. 287, а также д-р К. Шнурре в беседе с автором.

455 *Майский.* Воспоминания, с. 523.

456 Отчет Шуленбурга от 18 августа о его беседе с Молотовым 17 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 105, S. 95-96), а также запись Павлова

беседы Молотова с Шуленбургом 17 августа 1939 г. (АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, д. 3, л. 40-43 с Приложением I: текст инструкции, зачитанной фон Шуленбургом и Приложением 2: текст ответа Советского правительства, переданного Молотовым Шуленбургу, опубликовано в: «Международная жизнь», сентябрь 1989 г. стр. 101-192, и в: «Год кризиса», т. 2, с. 269-273; см. об этом: *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 138.

457 Д-р Шнурре — автору.

458 Статс-секретарь - послу Шуленбургу, 18 августа 1939 г., 18 час. 53 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 111, S. 99-100).

459 Шуленбург - в МИД, 20 августа 1939 г., 0 час. 08 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 132, S. 124-125); запись Павлова беседы Молотова с Шуленбургом 19 августа 1939 г. (АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, д. 3, л. 47-51), опубликовано в: «Международная жизнь», 1989 г., № 9, с. 102-103, и «Год кризиса», с. 274-276; *Сиполс.* «За несколько месяцев..., с. 139.

460 ADAP, D, VII, Nr. 113, S. 101, Anm. 5.

461 *Rolf Ahmann.* Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922-1939. Baden-Baden, 1988; Der Hitler-Stalin-Pakt: Nichtangriffs- oder Angriffsvertrag? - In: *Oberländer,* Pakt, S. 26-42. Автор исходит из того, что пункт 2 (неограниченное обязательство соблюдать нейтралитет) в списки включить забыли. Этому противоречат, в частности, высказывания Шуленбурга в беседе с Молотовым 17 августа, в соответствии с которыми германская сторона имела в виду заключить пакт, состоящий всего из одного пункта (безусловный отказ от применения насилия). Впрочем, пакты о ненападении, заключенные Германией с Латвией и Эстонией 7 июня 1939 г., состояли лишь из двух пунктов.

462 По советским источникам, «Шуленбург настаивал на приезде Риббентропа». - *Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 139.

463 Д-р Шнурре — автору.

464 *Hilger.* Wir, S. 284.

465 Д-р Шнурре — автору.

466 Посол - министерству иностранных дел, 19 августа 1939 г. 18 час. 30 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 125, S. 111-112).

467 Шуленбург - министерству иностранных дел, 20 августа 1939 г., 23 час. 24 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 144, S. 132, Anm. 3). Это - ответ на просьбу Риббентропа сообщить телеграммой другие подробности бесед, из которых можно было бы сделать вывод о «русских намерениях» (ADAP, D, VII, Nr. 140, S. 129-130, поступила в Берлин 20 августа 1939 г. в 12 час. 35 мин.).

468 Шуленбург, в: ADAP, D, VII, Nr. 132, S. 125; *Hilger.* Wir, S. 285; д-р Шнурре — автору.

469 *Bonnet.* Fin, S. 282; телеграмма британского посла в Варшаве Кеннарда министру иностранных дел Галифаксу, 20 августа 1939 г., в: DBFP, 3, VII, p. 85-86; на немецком языке в: DM II, Nr. 133, S. 376-377.

470 Личное сообщение д-ра Шнурре автору 20 июня 1989 г. События этой ночи подтверждают подобное впечатление: целый день 19 августа Шнурре безрезультатно боролся за то, чтобы подписать с Бабариным

уже парафированное соглашение. Астахов отверг его усилия, заявив, что еще нет «инструкций из Москвы». В записи, датируемой вечером 19 августа, Шнурре с раздражением отмечал «промедление и задержку русской подписи», которые можно было объяснить лишь «политическими причинами». Еще в 16 часов ему было объявлено, что «они были не в состоянии подписать сегодня. Они попросили о новом обсуждении в понедельник в 10 часов» (запись Шнурре от 19 августа 1939 г. - В: ADAP, D, VII, Nr. 123, S. 110).

В понедельник 21 августа должны были возобновиться московские военные переговоры, где западные миссии должны были предъявить затребованные советской стороной документы. Сталин, возможно, еще питал надежду. Однако около полуночи 19 августа в советское торговое представительство в Берлине неожиданно поступило разрешение на подписание. Шнурре был оповещен по телефону и уже в 2 час. 00 мин. 20 августа он вместе с Бабариным подписал датированное 19-м августа 1939 г. «Кредитное соглашение между Германской империей и Союзом Советских Социалистических республик» (ADAP, D, VII, Nr. 131, S. 118-124; ADAP, D, VII, Nr. 135, S. 127, документ, которым Шнурре ставит в известность о подписании посольство в Москве). 21 августа 1939 г. о подписании торгово-кредитного соглашения от 19 августа 1939 г. было сообщено в советской прессе. Передовые статьи «Правды» и «Известий» подчеркивали, что это соглашение появилось в чрезвычайно напряженной политической атмосфере, однако оно в состоянии способствовать разрядке отношений между обеими странами. Оно может оказаться важным шагом в направлении дальнейшего развития не только экономических, но и политических отношений. См.: *Belloff*, Policy, p. 268; Штейнгардт - К. Хэллу, 21 августа 1939 г. (FRUS, I, General, No. 453, p. 335-336) и Россо - министру Чиано, 22 августа 1939 г., (DDI, 8, XIII, n. 166, p. 113).

[471] Шуленбург - в министерство иностранных дел, 19 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 120, S. 108).

[472] «Известия», 20 августа 1939 г., перепечатано в: «СССР в борьбе за мир...», № 436, с. 623.

[473] DM, Nr. 135, S. 387.

[474] Советский проект пакта о ненападении, переданный Шуленбергом министерству иностранных дел, 20 августа 1939 г. в 0 час. 12 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 133, S. 125-126); копии дешифрированного текста были в 4 час. 30 мин. 20 августа направлены из МИДа Хевелю в Бергхоф (для Гитлера) и Брюкльмайеру в Фушл (для Риббентропа).

475 *Kordt.* Wahn, S. 165f.

[476] В Статье 2 договора от 24 апреля 1926 г. (Берлинский договор) говорилось: «...если одна из договорившихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». (Польско-советский пакт о ненападении 1932 г. освобождал каждую из сторон от их обязательств, если другая сторона предпримет нападение против третьей державы). Статья 2 советского проекта договора была сформу-

лирована следующим образом: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы». Отсутствие положения о «мирных намерениях» в советском проекте договора навело некоторых исследователей на мысль о том, что здесь имеет место согласие, если не подстрекательство к агрессивной войне, поскольку ясно не говорится об обещании соблюдать нейтралитет исключительно в случае войны оборонительной, что лишь в том случае обещание неограниченного нейтралитета будет действовать (вначале *Beloff*. Policy, p. 273, в последнем случае *Ahmann*. Pakt, S. 30-32). Этому противоречит тот факт, что Статья 2 советского проекта предусматривала, что другая сторона должна была стать «объектом военных действий», чтобы вступило в действие обещание соблюдать нейтралитет; Статья 2 советского проекта договора, таким образом, однозначно указывает на роль партнера по договору в качестве *объекта* агрессивных действий. Таким образом, советский проект договора по крайней мере формально придерживался рамок традиционных представлений о пактах ненападения. И наконец, представляется очевидным, что в формулировке Статьи 2 он в первую очередь преследовал собственные интересы - отказ германской стороны от поддержки и раздувания японской агрессии.

[477] Россо - министру Чиано, 22 августа 1939 г. (DDI, 8, XIII, n. 151, p. 102-103). Дальше Россо писал: «Он (Шуленбург) сообщил мне, что Молотов выдвинул предложение внести в протокол также кое-что в отношении Польши, но пока эту свою мысль не уточнил».

[478] *Hilger*. Wir, S. 291f.

[479] Статс-секретарь - послу лично, 20 августа 1939 г., отправлено в 17 час. 10 мин., получено в 20 час. 50 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 143, S. 132).

[480] ADAP, D, VII, Nr. 148, S. 135.

[481] Шуленбург - Алле фон Дуберг, 20/21 августа 1939 г. (Nachlaß Schulenburg. Aktenordner Duberg: Briefe... ab 1. Januar 1939, S. 1/2, 4/2, 5/2f.).

Рождение пакта Гитлера-Сталина (21-23 августа 1939 года)

[1] Показания Риббентропа (Prozeß, X, S. 302).

[2] Дневниковая запись Вайцзеккера от 20 августа 1939 г. (Weizsäcker-Papiere, S. 159). Далее Вайцзеккер: «Если Риббентропу удастся в середине недели заключить в Москве какой-то пакт, то это будет означать, что русские ставят прорыв антикоминтерновского фронта и свободу рук в отношении Японии выше англо-французской помощи. Тем самым они приглашают нас к нападению на Польшу, не опасаясь, надо полагать, нового 1812 г.»(!)

[3] *Teske*. Köstring, S. 139.

[4] Рейхсминистр иностранных дел - послу Шуленбургу, 20 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 140, S. 129f.).

[5] См.: ADAP, D, VII, Nr. 148, S. 135, Anm. 2.

[6] Шуленбург - в министерство иностранных дел, 21 августа 1939 г., 1 час. 19 мин. (ibid., S. 135).

[7] Шуленбург - в министерство иностранных дел, 21 августа 1939 г. 13 час. 43 мин.: «Я увижусь с Молотовым сегодня в 15 часов» (ibid., Nr. 152, S. 137).

[8] См.: *Beloff.* Policy, p. 268; Штейнгардт - Хэллу, 21 августа 1939 г. (FRUS, I, General, No. 453, p. 335-336); Россо - Чиано, 22 августа 1939 г. (DDI, 8, XIII, n. 166, p. 113).

[9] *Bonnet.* Fin, p. 284; *Beaufre.* Drame, p. 159; *Beloff.* Policy, p. 267. Круг проблем, требующих дальнейшей проработки, сводится к вопросу о том, пыталось ли Советское правительство имеющимися в его распоряжении средствами (дипломатическими, с помощью разведки и пр.) и в какой мере оказывать воздействие на Польшу с целью принятия решения о проходе советских войск, несмотря на категорический отказ ее правительства.

[10] *Doumenc.* France, p. 2.

[11] *Beaufre.* Drame, p. 155.

[12] По современным представлениям, эта концепция, возможно, могла бы привести к решению, удовлетворяющему все стороны, и тем самым воспрепятствовать заключению пакта СССР с Германией. См.: *L. Noël.* La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984; *Enrico Serra.* 45 anni fa, Patto Pibbentrop-Molotov: Nuovi retroscena: Si poteva evitare l'intesa Hitler-Stalin? - «La Stampa», 3.8.1984.

[13] *Maisky.* Memoiren, S. 507.

[14] *Doumenc.* France, p. 2.

[15] DM, 2, S. 383.

[16] Под впечатлением взывавшего к действиям доклада генерала Думенка французский посол Наджиар сообщил по телеграфу министру иностранных дел Боннэ тоном серьезнейшего предупреждения: «Учитывая те трудности, с которыми сталкиваются англо-франко-русские переговоры, я не удивлюсь, если Германия и Италия сосредоточат теперь свои усилия на том, чтобы делать Москве предложения по территориальному переделу, вплоть до раздела Польши и Румынии и согласия на советский контроль над определенными частями Прибалтийских государств. Напрасно было бы априори отбрасывать возможность в конечном счете именно такого маневра, основываясь на подчеркивании, казалось бы, фундаментального различия доктрин. Сегодня позиция Гитлера и Муссолини настолько авантюристична, они оба так рискуют в случае всеобщего конфликта, в котором примет участие Россия, что можно быть уверенным в том, что они не остановятся ни перед чем» (*Bonnet.* Fin, p. 286). Эта поразительная осведомленность Наджиара основывалась среди прочего на информации, передаваемой Херtermом вторму секретарю французского посольства Гонтраму барону де Юниаку. Так, незадолго до этого Херварт «без обиняков» сказал коллеге из французского посольства, что «не Франция и Англия, а Гитлер заключит договор с Советским Союзом, ибо только он

может подарить Сталину Прибалтийские государства» (*Herwarth.* Hitler, S. 138, 174).

[17] Посол - в министерство иностранных дел, 21 августа 1939 г., 18 час. 22 мин. (отправл. предположительно около 16 часов). Цит. по: ADAP, D, VII, Nr. 157, S. 139-140.

[18] Рейхсминистр иностранных дел - в посольство в Москве, Берлин, 20 августа 1939 г. — Цит. по: ibid., Nr. 142, S. 131.

[19] По мнению Густава Хильгера, который присутствовал в качестве переводчика при обоих состоявшихся в этот день разговорах Шуленбурга с Молотовым, Сталин только теперь, после упоминания протокола и под воздействием нетерпеливых настояний Гитлера, проникся убеждением, что для него наступило время действовать (*Hilger.* Wir, S. 285; *Hilger, Meyer.* Allies, p. 300).

[20] DM, 2, Nr. 135, S. 384-385; *Bonnet.* Fin, p. 284-285.

[21] К отчету он добавил слова: «Только что я узнал, что Молотов снова хочет принять меня в 17 часов» (ADAP, D, VII, Nr. 157, S. 140). Кёстринг (*Teske,* Köstring, S. 141), вспоминая этот драматический момент, писал впоследствии, что Шуленбург еще не успел вернуться в посольство, а уже по телефону поступило сообщение, приглашавшее его немедленно возвращаться в Кремль.

[22] Посол - в министерство иностранных дел, 21 августа 1939 г., 19 час. 45 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 159, S. 140-141).

[23] Посол - в министерство иностранных дел, 21 августа 1939 г., 18 час. 54 мин. (ibid., Nr. 158, S. 140).

[24] Советский проект текста коммюнике, переданный в телеграмме посла от 21 августа (19 час. 46 мин.), гласил: «После заключения советско-германского торгово-кредитного соглашения возник вопрос об улучшении политических отношений между Германией и СССР... Обмен мнениями выявил у обеих сторон наличие желания разрядить напряженность в политических отношениях между ними и заключить пакт о ненападении. В связи с этим предстоит прибытие в Москву рейхсминистра иностранных дел Германии господина фон Риббентропа для ведения соответствующих переговоров» (ADAP, D, VII, Nr. 160, S. 141).

[25] См. сделанную от руки запись Шуленбурга о телефонном разговоре с Фридрихом Гаусом, состоявшемся 22 августа 1939 г. в 0 час. 35 мин. утра (ADAP, D, VII, Nr. 170, S. 149-150).

[26] DM, 2, Nr. 135, S. 386ff. Согласно Безыменскому, советские делегаты покинули в этот день дом на Спиридоновке «с крайней озабоченностью» и «не видя реальных шансов на достижение договоренности» (*Безыменский.* Особая папка..., с. 128).

[27] Шуленбург в беседе с Гитлером 28 апреля 1941 г. (ADAP, D, VII, 2, Nr. 423, S. 555-557).

[28] 21 августа 1939 г. министерство иностранных дел Франции было поставлено французским послом в Берлине в известность о том, что отныне два миллиона немецких мужчин поставлены под ружье и моторизованная колонна длиной в сто километров продвигается по автостраде Берлин-Штеттин в направлении Померании (*Bonnet.* Fin, p. 285).

[29] *Bonnet.* Fin, p. 284; *Beloff*, p. 268.

[30] Отчет о беседе между маршалом Ворошиловым и генералом Думенком, состоявшейся 22 августа 1939 г. (DBFP, 3, VII, No. 10, p. 609-613; нем.: DM, 2, Nr. 137, S. 391-397).

[31] Отчет Файэрбрейса и Дракса о беседе с маршалом Ворошиловым, состоявшейся в 13 часов 25 августа 1939 г. (DBFP, 3, VI, No. 11, p. 613).

[32] *Beaufre.* Drame, p. 176.

[33] Телеграмма Наджиара, отправленная Боннэ в 0 час. 12 мин. 23 августа 1939 г. (*Bonnet.* Fin, p. 295).

[34] См. телеграмму, направленную из Лондона американским послом Кеннеди государственному секретарю 23 августа 1939 года (FRUS, I, General, No. 1219, p. 339-341).

[35] Штейнгардт - Хэллу, 24 августа 1939 г. (FRUS, I, General, No. 468, p. 343).

[36] Россо - Чиано, 22 августа 1939 г., 23 час. 59 мин. (DDI, 8, XIII, n. 160, p. 107).

[37] Кэрк - Хэллу, Берлин, 22 августа 1939 г., 20 час. 00 мин. (FRUS, I, General, No. 863, p. 338).

[38] Кулондр - Боннэ, 22 августа 1939 г. (цит. по: *Bonnet.* Fin, p. 289). Это сообщение побудило французского министра иностранных дел предъявить ультиматум польскому министру иностранных дел. Результатом явилось то, что польский министр иностранных дел во второй половине дня 23 августа уполномочил главу французской военной миссии в Москве генерала Думенка заявить Ворошилову: «Мы убедились, что в случае совместной акции против германской агрессии не исключено (или: возможно) сотрудничество между Польшей и СССР на подлежащих более детальному определению условиях...» (*Bonnet.* Fin, p. 290). Телеграмма французского посольства в Варшаве, содержавшая это обусловленное согласие Бека, поздно вечером 23 августа поступила в Париж, а оттуда незамедлительно была переадресована в Лондон и Москву. Во французское посольство в Москве она пришла рано утром 24 августа, после того, как в Кремле были подписаны пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол.

[39] Браун фон Штумм - в посольство в Москве, Берлин, 23 августа 1939 г., 12 час. 16 мин. (прибыла в посольство в 17 час. 40 мин.). См.: ADAP, D, VII, Nr. 198, S. 175.

[40] На полях текста телеграммы рукой Риббентропа написано: «Шуленбургу: заявить Молотову о необходимости определиться относительно ложных сообщений. Добиться отъезда военных комиссий» (ADAP, D, VII, Nr. 198, S. 175, Anm. 2).

[41] Согласно информации, сообщенной Герингом ДеВитт Пулу (*De Witt.* Light, p. 142), который на основании изложенного ниже эпизода с Герингом делает - на мой взгляд, безосновательно - вывод, будто именно Геринг подал Гитлеру идею посылки телеграммы лично Сталину. Фабри (Pakt, S. 66) датирует этот эпизод ночью с 23 на 24 августа 1939 г., что представляется менее вероятным, поскольку Гитлер к тому времени уже получил переданную по телефону из Берлина информацию и был в курсе относительно положительного ответа из Москвы.

[42] *Domarus.* Hitler, II, S. 1232.

[43] См.: ADAP, D, VII, Nr. 159, S. 141, Anm. 3.

[44] *Domarus.* Hitler, II, S. 1233.

[45] См.: *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung, in: Prozeß, XL, S. 295ff.

[46] *Below.* Adjutant, S. 180.

[47] Даже Филипп Фабри, склонный к апологетическому, зеркальному изображению этих событий, признает: «Что касается понятия «сфера интересов», то следует, конечно, сказать, что первоначально ввела его в употребление германская дипломатия в диалоге с Москвой». Фабри несправедливо утверждает, что для Риббентропа это понятие было всего лишь «расплывчатым выражением», и только русские в ходе дальнейших переговоров придали ему «фатальное значение», которое Риббентроп вовсе не имел в виду (*Fabry.* Pakt, S. 67). Но подобное утверждение, не в последнюю очередь, опровергается воспоминаниями Риббентропа, который писал: «Под этим понятием, как известно, подразумевают, что заинтересованное государство ведет его одного касающиеся переговоры с входящими в его сферу интересов странами, а другое государство проявляет при этом очевидную незаинтересованность» (*Ribbentrop.* London, S. 181). В Москве Риббентроп, по его собственному признанию, исходил из того, что в вопросе разграничения «сфер интересов» речь между двумя странами шла «о территориях, которые были утрачены обеими странами в результате неудачной войны, и... что, несомненно, это служило Адольфу Гитлеру основанием для того, чтобы снова вернуть эти области, уже другим путем (!), в состав Германского рейха» (показания Риббентропа в: Prozeß, X, S. 303f.).

[48] *Kleist.* Tragödie, S. 71; ders., Hitler, S. 58; *Gaus.* Versicherung, S. 296.

[49] При занятии Советским Союзом в июне 1940 г. Бессарабии Гитлер просил Риббентропа напомнить ему об этих отданных в ночь с 21 на 22 августа 1939 г. директивах, на основании этого Риббентроп 24 июня 1940 г. подготовил записку. (Записка рейхсминистра иностранных дел от 24 июня 1940 г. ADAP, D, X, Nr. 10, S. 9-10).

[50] *Ribbentrop.* London, S. 181. Формулировка показывает, что пакт Гитлера - Сталина («соглашение») для Риббентропа в основном состоял из секретного дополнительного протокола.

[51] Показание Риббентропа в Нюрнберге (Prozeß, X, S. 359).

[52] *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung. - In: Prozeß, XL, S. 297f.; IMT, X, p. 358). Косвенно подтверждено Риббентропом (*Ribbentrop.* London, S. 181ff.; Prozeß, X, S. 303ff.).

[53] ADAP, D, VII, Nr. 191, S. 167.

[54] См.: ADAP, D, VII, Nr. 192, S. 167-170.

[55] *Domarus.* Hitler, II, S. 1233. На страницах 1233-1237 этой публикации приводится первая, а на страницах 1237-1239 - вторая из двух речей, произнесенных Гитлером перед генералами 22 августа 1939 г.

[56] *Kleist.* Tragödie, S. 69, 72, 74; ders., Hitler, S. 55, 60, 63.

[57] Дневниковая запись генерал-полковника Гальдера от 22 августа 1939 г., посвященная совещанию у фюрера (Оберзальцберг, 12.00). —

Цит. по: ADAP, D, VII, S. 467ff. У Гальдера далее говорится: «Развитие событий: отстранение Литвинова как признак окончания политики вмешательства, торговое соглашение. А уже до этого переговоры относительно пакта о ненападении по инициативе России, вмешательство в русско-японский конфликт, Прибалтика, сообщение русских, что они готовы заключить пакт. Личные контакты между Сталиным и фюрером. Фюрер: «Тем самым я выбил из рук этих господ их оружие. Польша загнана в ситуацию, которая нужна нам для военного успеха».Последствия еще не поддаются обозрению: новый курс! Сталин пишет, что он рассчитывает на многое для обеих сторон. Огромный переворот во всей европейской политике».

[58] *Below.* Adjutant, S. 181.

[59] Последующая часть записи текста этой речи (Prozeß, L-3) содержит столь грубые выражения, что Международный военный трибунал счел ее неидентичной и не стал использовать ее в качестве документального свидетельства. См.: *Domarus.* Hitler, II, S. 1233, Anm. 648.

[60] IMT, 1014-PS; *Domarus.* Hitler, II, S. 1237-1238. В первой половине дня 23 августа 1939 г. Гитлер сообщает Шмундту, что дата нападения на Польшу назначена на 26 августа, 4 час. 30 мин. (*Below.* Adjutant, S. 182). Начатая Гитлером военная игра ва-банк продолжалась следующим образом: как указывал Кордт (Wahn, S. 199ff.), генеральный штаб после судетского кризиса заявил о необходимости минимум 48 часов времени для маневра между датой нападения и фактическим началом операций. Теперь по настоянию Гитлера срок этот был сокращен до 14 часов. 25 августа в 15 час. 05 мин. Гитлер через Кейтеля передал полковнику Варлимонту приказ о переходе в генеральное наступление против Польши 26 августа в 5 час. 30 мин. В 17 часов он узнал о заключении англо-польского соглашения о взаимной помощи, в 18 часов Аттолико передал ему послание Муссолини, в котором итальянская военная помощь обещалась только в случае локализованного конфликта. После получения этой информации Гитлер через Кейтеля велел «немедленно отозвать приказ о переходе в наступление». В качестве новой предварительной даты он вечером 25 августа определил 31 августа, а 30 августа перенес ее на 1 сентября 1939 г.

[61] *Below.* Adjutant, S. 181.

[62] Телеграфный циркуляр статс-секретаря от 22 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 180, S. 157-158).

[63] Магистрати - Чиано, 22 августа 1939 г., 19 час. 54 мин. (DDI, 8, XIII, n. 152, p. 103).

[64] Вайцзеккер - послу Отту в Токио, 22 августа 1939 г., 22 час. 25 мин. (ADAP, D, VII, Nr. 183, S. 159).

[65] *Weizsäcker.* Erinnerungen, S. 249f.

[66] *Kordt.* Wahn, S. 177.

[67] *Weizsäcker.* Erinnerungen, S. 250.

[68] Запись беседы рейхсминистра иностранных дел с послом Осимой в Фушле 23 февраля 1941 г. (Prozeß, XXVIII, 1834-PS, S. 554).

[69] См. запись Шуленбурга, сделанную ранним утром 22 августа 1939 г. (ADAP, VII, Nr. 170, S. 150, Anm. 4). Эффект был умело рассчитан, не в последнюю очередь, на советскую потребность в величии и представительности.

[70] *Kleist.* Tragödie, S. 69ff.; ders., Hitler, S. 55ff.; *Ribbentrop.* London, S. 177ff.; *Schmidt.* Statist, S. 441; *Herwarth.* Hitler, S. 185ff.

[71] Показание Риббентропа от 1 апреля 1946 г. (Prozeß, X, S. 427). Здесь речь шла в первую очередь о времени заключения пакта, применительно к которому Риббентроп вынужден был признать, что доклады, поступавшие от германского посольства относительно советской верности заключаемым договорам, были благоприятными. На вопрос: «Разве вы им не доверяли, разве вы не доверяли даже собственным чиновникам?» — последовал ответ: «Я тоже (то есть как и Гитлер. - *И.Ф.*) был очень скептически настроен в отношении их достоверности».

[72] *Ribbentrop.* London, S. 178.

[73] Риббентроп писал, правда: «В самолете я сначала вместе с Гаусом набросал проект планируемого пакта о ненападении. Он оказался полезным на переговорах в Кремле, поскольку русские не подготовили никакого текста» (London, S. 178). В действительности же советский проект пакта о ненападении был представлен Гаусу и Риббентропу, не было лишь желанного дополнительного протокола. Об уточнении этого протокола и о составлении соответствующего текста Молотов неоднократно и недвусмысленно просил немецкую сторону.

[74] Уезжая из Москвы, Риббентроп в спешке забыл прихватить с собой всю относящуюся к подписанному пакту документацию. Поэтому 25 августа он по телеграфу передал в германское посольство в Москве следующий текст: «Еще раз обращаю внимание на то, что подписанный 23 августа секретный дополнительный протокол вместе со *всеми* имеющимися там *набросками* надлежит хранить в строжайшем секрете» (ADAP, D, VII, Nr. 309f.).

[75] Prozeß, X, S. 353.

[76] Prozeß, X, S. 216.

[77] Даже такой трезвый интерпретатор, как Браубах, высказывает предположение, что секретный дополнительный протокол был выработан «все-таки в основном по предложению русских» (Weg, S. 30).

[78] Тем самым позднейшие утверждения Риббентропа, будто Сталин «уже на первой стадии переговоров заявил, что желал бы поднять вопрос об определении конкретных сфер интересов», выдвинув соответствующие требования, представляются в принципе или по крайней мере с точки зрения логики развития событий и протекания их во времени неверными (London, S. 181), а литература, которая - умышленно или неумышленно строя свои выводы на таких утверждениях - считает этот протокол, определивший сферы интересов, советским изобретением, - дезинформированной.

[79] *Kordt.* Wahn, S. 178.

[80] *Teske* Köstring, S. 141.

[81] *Hilger.* Wir, S. 288.

[82] *Ribbentrop.* London, S. 179. Можно вполне обоснованно предположить, что озабоченность Риббентропа дальнейшим «протоколом» и его желание вести переговоры лично со Сталиным были предметом соответствующих запросов или демаршей германского посольства в адрес протокольного отдела Наркомата иностранных дел, поскольку последующее появление на переговорах самого Сталина выглядело в глазах людей, знакомых с московскими дипломатическими обычаями, неожиданным: «В этом случае Сталин впервые вел переговоры с представителем другого правительства о заключении договора» (*Hilger.* Wir, S. 285).

[83] *Hilger, Meyer.* Allies, p. 309; в сокращении в: *Hilger.* Wir, S. 292.

[84] Не известно ни одной записи хода этих судьбоносных переговоров в Кремле, хотя имеется указание германской стороны на то, что переговоры должны были протоколироваться: переводчик Шмидт подчеркивал, что Хильгер был включен в состав делегации не только как переводчик, - он должен был также вести запись бесед (*Schmidt.* Statist, S. 444). Хильгер заявления Шмидта не подтвердил. К сожалению, и ход переговоров он изложил в своих мемуарах лишь в самых общих чертах. Тем не менее эти воспоминания Хильгера, заявления Риббентропа и Гауса в Нюрнберге и написанные в тюрьме мемуары бывшего рейхсминистра иностранных дел являются главными источниками, положенными в основу предлагаемой ниже реконструкции.

Среди советских источников тоже не обнаружено никаких записей (*Сиполс.* За несколько месяцев..., с. 140). Но это не столь удивительно. Сталин никогда не разрешал составлять протоколы или записи хода переговоров, на худой конец хотя бы резюмировать так называемые резолюции или решения, то есть письменно фиксировать существенные моменты итоговых протоколов. По этой причине не обнаруживается ничего подобного и в данном случае. Единственный свидетель, который мог бы сегодня пролить свет на ход тогдашних переговоров, - присутствовавший на них переводчик Сталина Павлов - пока не высказался по этому поводу.

[85] *Ribbentrop.* London, S. 179.

[86] Согласно Риббентропу, граф Шуленбург не смог «подавить в себе возглас удивления» (London, S. 179f.); по свидетельству Хильгера, напротив, Риббентроп был «приятно поражен, когда, войдя в кабинет, увидел стоящих рядом Сталина и Молотова» (*Hilger.* Wir, S. 286).

[87] *Hilger.* Wir, S. 28; *Hilger, Meyer.* Allies, p. 301.

[88] Prozeß, X, S. 303.

[89] Направляемый защитником Рудольфа Гесса баварским адвокатом д-ром Зайдлем, который, не в последнюю очередь, с этой целью предложил даже пригласить на процесс для дачи показаний советского наркома иностранных дел Молотова (Prozeß, X, S. 217), Риббентроп на суде договорился до такого утверждения: «Не приходится сомневаться в том, что Сталин ни при каких обстоятельствах не может упрекнуть Германию в агрессии или агрессивной войне за ее действия против Польши; если говорить здесь об агрессии, то вину за нее следовало бы

возложить на обе стороны» (Prozeß, X, S. 356). В этом высказывании еще раз прозвучало торжество по поводу казавшегося ему явным успеха его московской миссии, целью которой было необратимо сделать Сталина совиновником противоречащих международно-правовым нормам преступлений гитлеровского государства.

[90] *Ribbentrop.* London, S. 180.

[91] *Hilger.* Wir, S. 288; *Hilger, Meyer.* Allies, p. 303. См. также: *Schmidt.* Statist, S. 444.

[92] *Hilger.* Wir, S. 286.

[93] *Ribbentrop.* London, S. 180f.

[94] См.: Prozeß, X, S. 303. Позднее Риббентроп писал: «При этом (при определении демаркационной линии на польской территории. - *И.Ф.*) я дал понять Сталину, что с немецкой стороны будет сделано все для того, чтобы решить эти дела мирным, дипломатическим путем» (*Ribbentrop.* London, S. 181).

[95] Во время его второго визита в Москву - для подписания договора о границе и дружбе (конец сентября 1939 г.) - ситуация в этом отношении, конечно, изменилась. На этот раз Риббентроп чувствовал себя уже «как среди старых товарищей». Сталин, на свою беду, утратил бдительность и оправданное недоверие по отношению к германским намерениям, определявшие его поведение в те августовские дни 1939 г.

[96] *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung, in: Prozeß, XL, S. 298. В другом месте материалов Международного военного трибунала (Prozeß, X, S. 358) показания Гауса цитируются в следующем виде: «...рейхсминистр иностранных дел... выбирал выражения таким образом, что военный конфликт между Германией и Польшей представлялся не как уже предрешенный факт, а как лишь грозящая возможность...»

[97] Prozeß, X, S. 204f.

[98] Prozeß, X, S. 359.

[99] *Ribbentrop.* London, S. 177.

[100] Prozeß, X, S. 359.

[101] *Ribbentrop.* London, S. 181; Prozeß, X, S. 304ff.

[102] Гитлер 23 августа 1939 г. сообщил Вайцзеккеру, бывшему при нем в отсутствие Риббентропа, что правительство Чемберлена «под впечатлением нашего coup в Москве падет и идея гарантий рухнет». По мнению Вайцзеккера, Гитлер в этот день «взял курс прямо на войну, не обнаружив никаких сдерживающих моментов в своем решении. Он по-прежнему ориентируется на локализованную войну, но говорит - по крайней мере сегодня - и о возможности ведения всеобщей войны. Еще недавно он рассуждал в этом вопросе иначе». Но 24 августа 1939 г. Вайцзеккер снова заметил у Гитлера определенные сомнения: «Фюрер продолжает работать над концепцией локализованной войны, от которой не хочет отказываться. Все-таки идея борьбы и с Западом ему более неприятна, чем мне показалось вчера. Он полагает, что поляки уступят, и снова говорит о поэтапном решении. После первого этапа, считает он, англичане откажут полякам в поддержке» (Weizsäcker-Papiere, S. 159f.).

[103] В пользу этого предположения говорит ряд существенных фактов в германо-советских отношениях после подписания договора. Напомним здесь хотя бы о недостаточной готовности Красной Армии к вторжению в Польшу, которое последовало только после интенсивных настояний германской стороны в течение двух с половиной недель. Следует вспомнить также о крайне медленно проходившем процессе ратификации договора советской стороной и о беседе Риббентропа с советским поверенным в делах в Берлине Ивановым 29 августа 1939 г., о которой сохранилась достоверная запись д-ра Пауля Шмидта. В этой первой после своего возвращения из Москвы беседе с советским представителем, не привлекшей к себе почти никакого внимания исследователей, Риббентроп, в частности, отметил, что «и... (фюрер) желает улучшения германо-английских отношений и что польская проблема так или иначе будет решена». Кроме того, фюрер, по словам рейхсминистра, «выдвинул в качестве абсолютной предпосылки улучшения взаимопонимания между Германией и Англией требование не затрагивать соглашение между Германией и Россией». Далее Риббентроп сообщил Иванову, что Гендерсон передал ему послание, в котором говорится, что «английское правительство надеется, что окажется возможным решить острую польскую проблему путем непосредственного германо-польского диалога». Английский ответ, добавил Риббентроп, «в данный момент изучается, и русское правительство будет держаться в курсе относительно результатов этого изучения». Как говорится далее в записи беседы, Риббентроп подчеркнул, что переориентация германской внешней политики на дружбу с Россией является, «как он уже заявил Сталину и Молотову... радикальной и окончательной. Германия не будет участвовать ни в какой конференции, на которой не будет представлена Россия». Вслед за этим, впрочем, Риббентроп поставил Иванова в известность о германской мобилизации. Сообщить об этом Молотову Вайцзеккер телеграммой от того же дня вменил в обязанность послу Шуленбургу (ADAP, D, VII, Nr. 413, S. 355, Anm. 4).

[104] Prozeß, X, S. 303.

[105] *Ribbentrop.* London, S. 181.

[106] Prozeß, X, S. 356.

[107] Prozeß, X, S. 303.

[108] Prozeß, X, S. 304.

[109] *Kleist.* Tragödie, S. 71. Автор приводит здесь воспоминания Риббентропа.

[110] «Жесткость советской дипломатии проявилась в балтийском вопросе, и в частности, в отношении порта Либавы» (*Ribbentrop.* London, S. 182).

[111] ADAP, D, VII, Nr. 157-160, S. 127-129.

[112] Об этом можно прочесть в воспроизведенном Клейстом изложении вопроса Риббентропом. Там говорится: «Труднее (чем в отношении Польши) давалось проведение разграничительной линии в регионе Прибалтийских государств, которые полностью были запроданы Англией и Францией Советам» (*Kleist.* Tragödie, S. 71).

[113] Там же.

[114] Риббентроп писал позднее: «Хотя я и был наделен неограниченными полномочиями для заключения договора, все же, учитывая значение русских требований, счел правильным обратиться с запросом к Адольфу Гитлеру» (*Ribbentrop.* London, S. 182).

[115] *Gaus.* Eidesstaatliche Versicherung, S. 298.

[116] *Schmidt.* Statist, S. 444.

[117] Риббентроп - в министерство иностранных дел, Москва, 23 августа 1939 г., 20 час. 05 мин. (с просьбой незамедлительно проинформировать Гитлера). См.: ADAP, D, VII, Nr. 205, S. 184-185.

[118] *Below.* Adjutant, S. 182f. Хевель по телефону передал положительный ответ Гитлера советнику посольства Типпельскирху. В отправленной Кордтом из Берлина и поступившей в посольство позже телеграмме того же содержания было сказано: «Ответ гласит: да, согласен» (ADAP, D, VII, Nr. 210, S. 187). Кордт сообщил: «Гитлер, взглянув на карту, заявил, что не заинтересован в... портах» (*Kordt.* Wahn, S. 178).

[119] *Herwarth.* Hitler, S. 187.

[120] Петер Клейст, который сам - вопреки собственному описанию - не присутствовал, когда Риббентроп после своего возвращения в Кремль поставил Сталина и Молотова в известность о том, что Гитлер согласен включить эти территории в сферу советских интересов, сообщал впоследствии, что при этом известии «Сталин... на мгновение как бы застыл... Впечатление было такое, словно ему необходимо было преодолеть в некотором роде шок. Но это молниеносно у него прошло» (*Kleist.* Tragödie, S. 72; ders., Hitler, S. 59). Это утверждение, равно как и последующее его заявление о том, что Сталин охарактеризовал беспримерную уступку немецкой стороны как «объявление Гитлером войны Советскому Союзу» (*Kleist.* Tragödie, S. 228f. ders., Hitler, S. 268) не подкрепляются источниками.

[121] *Kleist.* Tragödie, S. 72.

[122] *Schmidt.* Statist, S. 444. Обоих снова сопровождал в качестве переводчика Хильгер, который «должен был одновременно сделать запись о ходе переговоров» (ibidem). Об этих трех лицах говорит также и Гаус (Versicherung, S. 296). Напротив, Клейст (Tragödie, S. 72) утверждал, что Риббентроп отправился на второй раунд переговоров «с довольно большой свитой» и что он, Клейст, сам тоже при сем присутствовал. Это утверждение, с которым солидаризировались и другие члены посетившей Москву делегации Риббентропа, неверно.

[123] *Kordt.* Wahn, S. 178.

[124] *Hilger.* Wir, S. 288.

[125] ADAP, D, VII, Nr. 228, S. 205-206.

[126] *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung, in: Prozeß, X, S. 296.

[127] *Hilger.* Wir, S. 290.

[128] *Hilger.* Wir, S. 290; *Hilger, Meyer.* Allies, p. 302. Эту мысль Сталина и Риббентроп (London, S. 180), и Гаус (Versicherung, S. 296), и - со ссылкой на них - Кордт (Wahn, S. 179) воспроизводят следующими сло-

вами: национал-социалистская Германия годами изливала на СССР «чаны дерьма». Подобный вариант имеет свою историю в германском источниковедении. Возможно, он основан на переводе второго присутствовавшего при сем переводчика - Павлова.

[129] В разговоре с послом Россо Риббентроп особо указал на этот пункт и подчеркнул характер пакта как «договора о ненападении и консультациях». См.: Россо - Чиано, 25 августа 1939 г. (DDI, 8, XIII, n. 282, p. 181-184).

[130] Эту новую редакцию Россо считал при сложившихся условиях особенно важной, «поскольку она предоставляет Германии гарантии в том, что СССР не примкнет ни к какой политике изоляции» (DDI, 8, XIII, n. 282, p. 183).

[131] Запись посла Шуленбурга о разговоре с Гитлером 28 апреля 1941 г. (ADAP, D, XII.2, Nr. 423, S. 555).

[132] *Ribbentrop.* London, S. 184.

[133] Как позднее писал Риббентроп, у него создалось впечатление, «что контакты между западными военными делегациями и Москвой полностью не прекратились и после отъезда английской и французской миссий» (London, S. 184).

[134] *Ribbentrop.* London, S. 184.

[135] См., в частности, доклад Крамера-Мелленберга, направленный в германское министерство иностранных дел 12 августа 1939 г., где говорилось: «В Польше ведь совершенно точно знают, каковы намерения Берлина. Считают, что намерения эти сводятся к полному расчленению Польши... Утверждают, что в Берлине намереваются установить новую границу по дуге, которая пройдет от Восточной Пруссии через район Варшавы к Верхней Силезии; кроме того, объектами германских пожеланий являются Галиция... и... Тешин. Остальные польские территории немцы якобы готовы передать России... (ADAP, D, VII, Nr. 42, S. 32).

[136] См.: *Р.А. Мюллерсон.* Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права, в: Советское государство и право, 9, 1989, с. 105-109.

[137] Интервью А. Яковлева газете «Правда» 18 августа 1989 г., а также «сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» («Правда», 24 декабря 1989 г.).

[138] *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung, in: Prozeß, X, S. 296.

[139] Geheimes Zusatzprotokoll, in: ADAP, D, VII, Nr. 229, S. 206-207. В западной историографии никогда не было сомнения в аутентичности этого документа. Независимо от источниковедческой методологии аутентичность дополнительного протокола подтверждается уже самой историей документа. Договор и дополнительный протокол были составлены на немецком и русском языках, причем были подписаны как немецкий, так и русский тексты. Секретный дополнительный протокол был изготовлен «только в двух экземплярах. Один из них был после подписания 23 августа 1939 г. оставлен в Москве, а другой Риббентроп привез в Берлин» (д-р Зайдль, в: Prozeß, X, S. 215f.). Применительно к

дополнительному протоколу обе стороны соблюдали условие строжайшей секретности. Это условие было предметом самого протокола. В Берлине немецкий экземпляр хранился в особом месте в канцелярии Риббентропа. Он находился в «особым образом опечатанном конверте, который в соответствии с предписанием хранился с соблюдением особой секретности» (высказывание секретарши Риббентропа Бланк, in: Prozeß, X, S. 217f.). О существовании протокола известно было только лицам из ближайшего окружения Риббентропа. Статс-секретарь фон Вайцзеккер, по его признанию, видел «фотокопию, а возможно, даже оригинал документа. ...Один экземпляр - это была фотокопия - я держал в своем личном сейфе» (Prozeß, XI, S. 318). Шла ли речь об одной-единственной или нескольких копиях и были ли они изготовлены по желанию или с ведома Риббентропа, неизвестно.

В течение 1943-1944 годов этот протокол вместе с другими документами канцелярии Риббентропа был микрофильмирован, а весной 1945 г. по соображениям безопасности был перевезен в имение Шенберг, что в Тюрингии. В последние дни войны по приказу из Берлина значительная часть перевезенных документов была сожжена. Войскам западных союзников удалось спасти часть этого важного архива и вывезти в безопасное место. Однако секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении среди них не оказалось. Зато представитель рейхсминистерства иностранных дел Карл фон Леш смог указать руководителю британской группы по выявлению документов германского внешнеполитического ведомства то место, где он в свое время зарыл пленку, на которую были пересняты документы канцелярии Риббентропа. Пленка немного пострадала от воздействия сырости, но среди примерно 10 тысяч фотокопий листов прочих важных документов на ней сохранилась и фотокопия секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении. По убеждению проф. Джорджа О. Кента, принявшего тогда фоторолик из рук фон Леша и в последующие годы, опираясь на него, издавшего труд «Документы германской внешней политики», «фотопленка удостоверяет подлинность протокола более четко, чем подразумеваемый оригинал. Протокол был заснят наряду со многими другими документами, достоверность которых не вызывает сомнения. И было бы труднее подделать всю пленку, нежели один документ» («Ньюсдей», 9 сентября 1988 г., с. 89).

Сверх того сохранились оригиналы относящихся к переговорам Риббентропа документов германского посольства в Москве, которые не вызывающим никакого сомнения образом подтверждают факт существования дополнительного секретного протокола. Так, посол Шуленбург вечером 25 августа 1939 г. в телеграмме № 217 сообщал в министерство иностранных дел, что Молотов в этот вечер пригласил его к себе и заявил, «что из-за большой поспешности, с которой составлялся секретный дополнительный протокол, в его текст вкралась одна неясность. В конце первого абзаца пункта 2 (два) в соответствии с проведенными... (переговорами. - *И.Ф.*) должно быть сказано: «разграниченной линией по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан». Неточность использовавшейся во время переговоров карты породила у всех

участников неверное впечатление, будто Нарев в своем верхнем течении достигает восточнопрусской границы, что на самом деле [не. - *И.Ф.*] так. Хотя смысл достигнутой договоренности исключает всякие сомнения, он ради порядка попросил [дополнить. - *И.Ф.*] спорную фразу упоминанием в перечне рек также Писсы, что можно было бы осуществить путем обмена письмами между им и мною». Шуленбург просил полномочий на то, чтобы согласовать с Молотовым вопрос о внесении такого дополнения (ADAP, D, VII, Nr. 284, S. 247)). Сделанная от руки Вайцзеккером пометка на полях указывала: «Засекретить кассеты». Дополнение к тексту было зафиксировано в специальном протоколе, который 28 августа 1939 г. был подписан Шуленбургом и Молотовым и текст которого был передан в телеграфном докладе германского посольства за № 229 (*Kordt.* Wahn, S. 179, Anm. 2. Поскольку Кордт в это время был руководителем канцелярии Риббентропа, его свидетельство имеет особое значение).

Вдобавок Риббентроп 25 августа продиктовал сопровожденную пометкой «срочно» телеграмму № 213, которая на следующий день поступила в посольство и в которой забывчивый визитер еще раз указал «на то, что подписанный 23 августа (sic!) секретный дополнительный протокол вместе со всеми имеющимися черновиками должен держаться в строжайшем секрете. Все тамошние чиновники и служащие, которые уже осведомлены о его существовании, должны дать и скрепить личными подписями обещание соблюдения тайны. Прочие сотрудники не должны получать решительно никаких сведений о существовании документа и его содержании...» (ADAP, D, VII, Nr. 309, S. 264f.). В политическом архиве министерства иностранных дел под № 644/254850 имеется документ, который содержит датированные 27 августа 1939 г. письменные обязательства сотрудников посольства соблюдать строжайшую тайну в отношении этого документа (ADAP, D, VII, Nr. 309, Anm. 2).

140 Высказывания Вайцзеккера (Prozeß, XI, S. 317). Попытки оправдать Риббентропа, как они предпринимаются, например, Филиппом Фабри, заявляющим, что «более чем сомнительно, что Риббентроп, подписывая дополнительный протокол, подозревал обо всем этом» (*Fabry.* Pakt, S. 68), в свете изложенного здесь впредь не должны приниматься во внимание.

141 *Schmidt.* Statist, S. 445.

142 См.: *Gerd R. Ueberschär.* Hitler und Finnland 1939-1941. Die deutsch-finnischen Beziehungen während des Hitler-Stalin-Paktes (Frankfurter Historische Abhandlungen, Bd. 16), Wiesbaden, 1978, S. 61ff.; *H. Peter Krossby.* Finland, Germany and the Soviet Union, 1940-41. The Petsamo Dispute, Madison, Milwaukee. London, 1968, p. 73ff.; а также точка зрения бывшего германского посланника в Хельсинки: *Wipert von Blücher.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Erinnerungen aus den Jahren 1935-1944. Wiesbaden, 1951, S. 146ff. По последнему аспекту см.: *Gerd R. Ueberschär.* Die Einbeziehung Skandinaviens in die Planung «Barbarossa». In: Das Deutsche Reich und

der Zweite Weltkrieg, Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983, S. 365-412.

[143] Так, Сталин обосновывал минимальные советские требования (Карелия, острова Финского залива и Ханко) словами: «Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому передвинуть следует границу» (*V. Tanner.* The Winter War. Finland against Russia 1939-1940. Stanford, California, 1957, p. 28). *И.М. Морозова, Г.А. Тахненко.* Зимняя война. Документы о советско-финляндских отношениях 1939-1940 годов. - «Международная жизнь», 1989, № 8; *М.И. Семиряга.* «Незнаменитая война». Размышления историка о советско-финляндской войне 1939-1940 годов. - «Огонек», № 22, май 1989 г., с. 28-30.

[144] ADAP, D, VIII, Nr. 36, S. 27. Официальное объяснение перманентной заинтересованности германской стороны в так называемом Виленском коридоре (или, как его еще именовали, Мариампольском треугольнике) сводилось в период действия пакта к тому, что данный район должен был служить прикрытием для охотничьего угодья в Роминтернер Хайде. Тем, кто вел переговоры с немецкой стороны, было лишь директивно предписано, что указанная полоса литовской территории «непременно должна остаться в немецких руках». От этого предписания «у нас голова кругом шла, ибо в указанном районе не водилось никаких оленей!» (сообщение д-ра Шнурре автору книги).

[145] Риббентроп передал это литовскому посланнику Скирпе через П. Клейста (ADAP, VIII, I, Nr. 41, S. 31).

[146] Не в пример пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. о первом раунде переговоров относительно договора о границе и дружбе от 28 сентября того же года имеется отчет рейхсминистра иностранных дел, доставленный из Москвы в резиденцию Гитлера статс-секретарем германского МИДа. В своем отчете Риббентроп просил фюрера принять решение по вопросу о возможном включении Литвы в сферу интересов Советского Союза. Документ этот дает представление о характере переговоров и потому заслуживает специального рассмотрения. Следует, однако, иметь в виду, что эта вторая встреча Риббентропа со Сталиным и Молотовым проходила уже под знаком успешного «боевого содружества» при разгроме Польши. Главной темой этих переговоров была дальнейшая судьба побежденной Польши. При этом вырисовались две возможности: «1. Все остается (sic!) на согласованных рубежах по рекам Писса, Нарев, Висла, Сан; Литва, согласно московскому протоколу, и далее остается в составе сферы германских интересов. 2. Мы передаем Литву в сферу русских интересов и взамен получаем пространство восточнее Вислы... Далее... Сувалкский выступ... Какой вариант желателен для нас - первый или второй, решить затруднительно. В пользу первого говорит, на мой взгляд, то, что переход Литвы в наши руки позволит расширить зону немецкого заселения в северо-восточном направлении». Это ясное указание на то, что, по немецким представлениям, включение в «сферу влияния или интересов» Германии и применительно к Прибалтике означало аннексию и ломку соответствующих структур. Риббентроп попросил Гитлера сообщить по телефону свое мнение о том, какое предложение он предпочитает, поскольку «от-

сюда невозможно в полной мере обозреть все подробности, а также военные и прочие подходы» (ADAP, D, VIII, Nr. 152, S. 123ff.).

Как подтверждает последующая дипломатическая переписка между статс-секретарем (по поручению Гейдриха) и Риббентропом (она осуществлялась через германское посольство в Москве), не было ни малейшего сомнения на тот счет, что «в случае вступления русских войск в Эстонию» могли возникнуть ситуации анархистского характера и в высокой степени оказаться поставленными под угрозу человеческие жизни и имущество (ADAP, D, VIII, Nr. 153-156, S. 125-127). То же самое ожидалось в случае передачи Советскому Союзу Литвы, что было закреплено в одном из трех не подлежавших опубликованию дополнительных протоколов к договору от 28 сентября 1939 г. (ADAP, D, VIII, Nr. 159, S. 129). Этот протокол зафиксировал следующее «согласие» полномочных представителей обоих правительств - Риббентропа и Молотова:

«Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в своем п. I в том смысле, что территория литовского государства переходит в сферу интересов СССР...» А в конце была записана фраза: «Поскольку Правительство СССР для соблюдения своих интересов будет принимать на литовской территории особые меры, то с целью естественного и простого проведения границы нынешняя германо-литовская граница уточняется в том смысле, что литовская территория, расположенная юго-западнее ... намеченной линии, отходит к Германии». Тем самым немецкая сторона приглашала Советский Союз оккупировать всю Литву, за исключением Виленского коридора.

[147] Германо-советский секретный протокол, Москва, 10 января 1941 г. (ADAP, D, XI.2, Nr. 638, S. 889f.) В статье 1 этого секретного соглашения имперское правительство заявило о своем отказе от «притязания на ту часть литовской территории, которая упомянута в секретном дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 г. ...» В статье 2 Советское правительство заявило о своей готовности «компенсировать германскому имперскому правительству упомянутую в пункте 1 настоящего протокола область путем выплаты Германии 7,5 млн. долларов, то есть 31 млн. 500 тыс. рейхсмарок».

[148] Высказывание Вайцзеккера (Prozeß, IV, S. 318).

[149] Упомянута дополнительно по просьбе Советского правительства от 25 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 284, S. 247, ср. выше прим. 136) и согласие на это статс-секретаря от 27 августа 1939 г. (ADAP, D, VII, Nr. 353, S. 297).

[150] Той же цели, возможно, призвано было послужить и телеграфное обращение Гитлера, которое должно было дойти до Риббентропа еще во время этих переговоров, но которое он так и не получил. Согласно обращению, он, Гитлер, «очень приветствовал бы, если бы в рамках теперешних согласований было заявлено, что после достижения между Германией и Россией договоренности по проблемам Восточной Европы соответствующие территории можно было бы рассматривать как входящие исключительно в сферы интересов двух стран» (ADAP, D, VII, Nr. 206, S. 185).

[151] Начало этому было положено - что представляется весьма симптоматичным, если учесть желание Гитлера втянуть СССР в войну с западными державами на стороне рейха, - точно 3 сентября 1939 г., в день объявления Англией и Францией войны Германии. В соответствии с указанием, полученным Шуленбургом вечером 3 сентября, посол, как свидетельствует присутствовавший при сем в качестве переводчика советник посольства Хильгер, «настоятельно рекомендовал Советскому правительству сделать выводы из секретного дополнительного протокола и двинуть Красную Армию против находящихся в советской сфере интересов польских вооруженных сил». Согласно наблюдению Хильгера, Сталин, «осторожный, как всегда... не дал склонить себя к поспешным действиям. 10 сентября Молотов заявил графу Шуленбургу, что Красной Армии потребуется для подготовки еще две-три недели. Но уже 16 сентября, в день, когда польское правительство покинуло страну... Молотов сообщил, что Сталин примет посла «еще сегодня ночью» и объявит ему «день и час выступления советских войск»... 17 сентября в два часа ночи граф Шуленбург, германский военный атташе генерал Кестринг и я были приглашены к Сталину; Сталин сообщил нам, что Красная Армия в шесть часов утра перейдет советскую границу на всем фронте от Полоцка до Каменец-Подольска, и попросил соответствующим образом проинформировать об этом компетентные германские военные органы. Военный атташе в смущении дал понять, что в считанные часы... невозможно своевременно поставить в известность... германские войска... Ворошилов, однако, отверг все возражения Кестринга замечанием, что немцы... легко справятся и с этой ситуацией» (*Hilger.* Wir, S. 294f.).

Тексты приведенных здесь высказываний, предписаний и телеграмм см. в: ADAP, D, VII, Nr. 567, S. 450f.; ADAP, D, VIII, Nr. 2, S. 2; Nr. 5, S. 3f.; Nr. 34, S. 26f.; Nr. 37, S. 28; Nr. 39, S. 29; Nr. 46, S. 34f.; Nr. 59, S. 44; Nr. 63, S. 47; Nr. 70, S. 53f.; Nr. 78, S. 60; Nr. 80, S. 62.

[152] *Hilger.* Wir, S. 294.

[153] Черчилль в своей речи по радио 1 октября 1939 г. приветствовал продвижение советских войск (к линии Керзона) как разумное ограждение СССР от нацистской угрозы (*W. Churchill.* Der Zweite Weltkrieg. I, 2. Stuttgart, 1954, S. 63).

[154] 10 сентября 1939 г. Молотов ответил на настояния германского посла заявлением о том, «что Советское правительство полностью ошеломлено неожиданно быстрыми немецкими военными успехами. Красная Армия, согласно нашему первому сообщению, рассчитывала на несколько недель, которые были ужаты до нескольких дней. Поэтому советские военные оказались в трудном положении...» (Шуленбург - в министерство иностранных дел. — Цит. по: ADAP, D, VIII, Nr. 46, S. 35).

[155] В обоснование своего отказа от районов Польши, отнесенных в секретном дополнительном протоколе к сфере интересов СССР, в обмен на Литву Сталин на переговорах 28 сентября 1939 г. заявил Риббентропу, «что разделение территории с чисто польским населением представляется ему сомнительным шагом. История, по его словам, по-

казала, что польское население постоянно стремится к объединению. Поэтому расчленение польского населения легко приведет к возникновению очагов волнений...» Тем самым, как заметил Риббентроп, «Россия... освобождена от польской проблемы» (Риббентроп через статс-секретаря - Гитлеру, Москва, 28 сентября 1939 г. — Цит. по: ADAP, D, VIII, Nr. 152, S. 124f.).

[156] Наряду с окончательным определением «границы между двусторонними имперскими интересами» (статьи I и II) и непризнанием прав «третьих держав» (статья II) договор в статье III передал «необходимое государственное переустройство» на этих территориях в руки соответствующего правительства. См.: ADAP, D, VIII, Nr. 157, S. 127f. Тем самым Германия определенно сделала первый шаг на пути «большевизации» Восточной Европы.

[157] См. запись Риббентропа от 24 июня 1940 г., в которой он реконструировал директиву Гитлера от 22 августа 1939 г. в отношении Юго-Восточной Европы (ADAP, D, X, Nr. 10, S. 10).

[158] *Gaus.* Eidesstattliche Versicherung, Prozeß, X, S. 297.

[159] *Kordt.* Wahn, S. 178f.

[160] См. выше, прим. 49.

[161] ADAP, D, VII, Nr. 567, S. 450.

[162] ADAP, D, VIII, Nr. 5, S. 4.

[163] См. документацию Бориса Мейснера «Коммунистический захват власти в Балтийских государствах» (VfZ, 1954, Nr. 2, S. 95-114), а также библиографию в книге: *Loeber.* Selektion. Но исчерпывающей картины эти материалы не дают. Весь комплекс вопросов настоятельно требует нового основательного исследования с привлечением советских и прибалтийских источников и документов того периода.

[164] Несомненно то, что между поворотом Гитлера к России после победы над Францией и советским продвижением в Прибалтике и Бессарабии существовала осознаваемая обеими сторонами взаимосвязь (от своих мыслей покорить Россию еще летом 1940 г. Гитлер отказался только во второй половине июля. См.: *Albert Seaton.* Der russisch-deutsche Krieg 1941-1945. Hrg. *Andreas Hilgruber*, S. 24; *Generaloberst Halder.* Kriegstagebuch, II, S. 32, 49). Чтобы сделать убедительным свой поворот на Восток в момент эскалации военных действий против Англии, Гитлер сознательно использовал неверную интерпретацию дополнительного секретного протокола, особенно в отношении Бессарабии. Образ мыслей окружения Гитлера отражал Геббельс, записавший 7 июля, что Россия пользуется «...моментом. Возможно, позже нам нужно будет выступить против Советов». А четыре дня спустя Геббельс писал: «Россия, до того как захлопнутся ворота, пытается урвать как можно больше. Мы должны быть начеку».

[165] *Дашичев.* Пакт..., 1, с. 3.

[166] См. изложение Риббентропа, согласно которому Сталин напомнил о Гитлере «в подчеркнуто дружественных словах» (London, S. 182), а также отмеченный богатством фантазии, но далекий от реальности рассказ Клейста (*Kleist.* Tragödie, S. 72ff.; ders., Hitler, S. 59).

[167] *Hilger.* Wir, S. 293.

[168] «Правда» отметила значение пакта о ненападении для «политики мира», подчеркнув, что он имел целью устранить конфликты, укрепить мирные и деловые отношения между двумя государствами. По ее заявлению, пакт устраняет напряженность и выходит за рамки урегулирования отношений между двумя странами.

[169] «Выступление В.М. Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР I созыва 31 августа 1939 г.». В этом выступлении Молотов заявил: «...Наша обязанность - думать об интересах советского народа... Политическое искусство в области внешних отношений заключается... в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения... Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира, - он должен обеспечить нам новые возможности роста сил, укрепление наших позиций, дальнейший рост влияния Советского Союза на международное развитие...»

[170] В своем обращении от 3 июля 1941 г. Сталин задал риторический вопрос о том, не было ли с учетом последующих событий ошибкой идти на заключение пакта о ненападении с Гитлером. Его ответ гласил: «Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 г. ...Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

[171] Риббентроп говорил о «скромном ужине вчетвером в том же помещении, в рабочем кабинете Молотова» (*Ribbentrop.* London, S. 182).

[172] *Gaus.* Versicherung, S. 297.

[173] Запись, сделанная советником посольства Хенке (ADAP, D, VII, Nr. 213, S. 189-191, hier S. 191).

[174] *Kleist.* Tragödie, S. 72.

[175] Запись Хенке (ADAP, D, VII, Nr. 213, S. 189).

[176] *Hilger.* Wir, S. 291.

[177] Запись Хенке (ADAP, D, VII, Nr. 213, S. 190).

[178] *Kleist.* Tragödie, S. 74.

[179] См.: *В. Бережков.* Просчет Сталина. - «Международная жизнь», 1989, № 8, с. 20 и след.

[180] Запись Хенке (ADAP, D, VII, Nr. 213, S. 191).

[181] *Ribbentrop.* London, S. 182.

[182] *Hilger.* Wir, S. 285. Здесь Хильгер опирается на описание эпизода Хевелем.

[183] *Teske.* Köstring, S. 142.

[184] *Below.* Adjutant, S. 183. О воздействии этого пакта на мировую общественность см. в публикации: *W. Leonhard.* Der Schock des Hitler-

Stalin-Paktes. Erinnerungen aus der Sowjetunion, Westeruopa und USA, Freiburg, 1986.

[185] По свидетельству Белова (Adjutant, S. 184), Риббентроп по возвращении из Москвы проходил по комнатам квартиры Гитлера как «триумфатор», и его «очень сердечно приветствовал» и поздравлял хозяин. См. также: *Domarus.* Hitler, II, S. 1253f.

[186] *Ribbentrop.* London, S. 184.

[187] *Kordt.* Wahn, S. 181.

[188] *Weizsäcker.* Erinnerungen, S. 246.

[189] Weizsäcker-Papiere, 25 Oktober 1939, S. 181.

[190] Hassell-Tagebücher, S. 113. (Запись от 27.8.1939 г., сделанная в Берлине.)

[191] Интервью А. Яковлева в газете «Правда» от 18 августа 1989 г.; *Д.А. Волкогонов.* Драма решений 1939 года. - «Новая и новейшая история», 1989, № 4, с. 3-27.

[192] Шуленбург - Алле фон Дуберг, 27 августа 1939 г. Цит. по: Nachlaß Schulenburg..., Ordner Duberg, Briefe ...ab 1. Januar 1939, S. 1.

[193] *Teske, Köstring.* S. 142.

[194] *Herwarth.* Hitler, S. 188.

[195] *Ch.E. Bohlen.* Witness to History 1929-1969. New York, 1973, p. 82; *Herwarth.* Hitler, S. 188f.

[196] Штейнгардт - Хэллу, Москва, 24 августа 1939 г. (FRUS, I, General, No. 465, p. 342).

[197] *Hull.* Memoirs, p. 661. Американский историк польского происхождения Петр Вандыч в 1988 г. использовал телеграмму Лоуренса Штейнгардта, отправленную в 12.00 24 августа 1939 г. в качестве повода для того, чтобы обвинить западные державы в том, что они своевременно не поставили в известность о ее содержании польское правительство.

[198] Штейнгардт - Хэллу, Москва, 24 августа 1939 г. (FRUS, I, General, No. 468, p. 343f.).

[199] Личное сообщение д-ра Шнурре автору.

[200] Личное сообщение Альбрехта графа фон дер Шуленбурга автору.

[201] Шуленбург - Алле фон Дуберг, Москва, 27 августа 1939 г. — Цит. по: Nachlaß Schulenburg..., S. 1, 7f.

[202] Шуленбург - Алле фон Дуберг, Москва, 4 сентября 1939 г. — Цит. по: ibid., S. 1f.

Заключение

[1] В своем выступлении перед главнокомандующими в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. Гитлер корректно воспроизвел последовательность инициатив, подчеркнув, что он сам после смещения Литвинова положил начало перестройке отношений с СССР и подал идею экономических переговоров. Далее он заявил: «Наконец, от русских (разрядка в тексте. - *И.Ф.*) поступило предложение: 1) о пакте о

ненападении; 2) о вмешательстве в отношения между Японией и Россией; 3) об урегулировании вопроса о прибалтийских провинциях» (Prozeß, XLI, S. 24).

[2] *Н.Хрущев*. Воспоминания. Избранные отрывки. Нью-Йорк, 1982, т. 1, с. 41 и след.

[3] В речи от 22 августа 1939 г. Гитлер сам дал понять, что после его встречи с Астаховым (14 июля) «переговоры в экономической сфере, приведшие к заключению торгового договора», использовались в качестве движущей пружины для начала политического диалога. Запись Бёма (Prozeß, XLI, S. 23).

[4] См. (неавторизованную) запись речи Гитлера перед генералитетом в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. (ADAP,D,VII,Nr.193, Anm. 1, S. 171-172).

[5] Речь Гитлера от 22 августа 1939 г. Запись Бёма. (Prozeß, XLI, S. 24f.).

[6] Выступление В.М.Фалина в рамках круглого стола на тему «Вторая мировая война - истоки и причины» («Вопросы истории», 1989, № 6, с. 5). Аутентичность этого эпизода, который, вероятно, может быть подтвержден информацией из секретных источников, верифицировать автору до сих пор не удалось.

[7] См. (неавторизованную) запись речи Гитлера от 22 августа 1939 г. (ADAP,D,VII,Nr.193, Anm. 1, S. 171).

[8] *Burckhardt*. Mission, S. 364ff. Буркхардт попытался предостеречь Гитлера, подчеркнув, что намеченный им разгром Польши «будет означать всеобщую войну», на что Гитлер «возбужденно и почти заклиная» сказал: «Тогда пусть будет так. Если мне предстоит вести войну, то я предпочитаю вести ее лучше сегодня, чем завтра. Я не могу пойти на то, чтобы мой народ голодал. И не лучше ли мне тогда потерять два миллиона человек на поле боя, чем еще больше от голода...» Далее, перейдя на пронзительный визг, он, по свидетельству Буркхардта, закричал: «Я не хочу этого... Я должен развязать себе руки на Востоке».

[9] Этой тенденции следуют, в частности, историки Хейно Арумяя и В.И.Дашичев, последний среди прочего в рамках дискуссии на страницах «Комсомольской правды» от 8 августа 1989 г. (материал дискуссии озаглавлен «Уроки истории: так как же это было?»).

[10] *E.Oberländer*. Pakt, S. 114.

[11] В ходе нынешней внутрисоветской дискуссии ряд историков (особенно В.И.Дашичев и М.И.Семиряга) подвергают беспощадной критике как раз внутренние предпосылки внешнеполитической изоляции Советского Союза в 1939 г.. Этот подход, проникнутый духом морального ригоризма, заслуживает высокого уважения со стороны западного историка, однако в нем наряду со стремлением искать причины в собственном доме явственно просматриваются также черты «обуржуазивания» сознания: намекается, что нельзя проходить мимо того факта, что рожденное революцией Советское государство даже независимо от извращений сталинизма уже в силу своих интернационалистских притязаний само по себе означало в глазах цивилизованного Запада *нонсенс*.

[12] Так, недавно В.М.Бережков со ссылкой на личное сообщение А.Микояна подтвердил ранее сообщенный в записках Кривицкого факт, что Сталин, выступая на заседании Политбюро на следующий день после подавления в Германии так называемого путча Рема, следующим образом квалифицировал действия Гитлера: «Вот Гитлер какой молодец! Вот как надо расправляться с политическими противниками!» См.: «Так как же это было?» - «Комсомольская правда», 8 августа 1989 г..

[12а] Выводы комиссии, руководимой А.Н.Яковлевым. — «Правда», 24 декабря 1989 г.

[12б] Informationsbericht, Nr.84, 11. August 1939 (BA,ZSg 101, 409).

[13] См.: *Churchill.* War, I, S. 350; *Eberhard Jäckel.* Über die angebliche Rede Stalins vom 19. August 1939 (Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 6,1958, S. 380-389).

[14] Прежде всего это делают Л.Безыменский с исторической точки зрения и Р.Мюллерсон - с правовой. См., в частности: «Вторая мировая война: истоки и выводы». - «Правда», 11 августа 1989 г.

[15] Как сначала предположил Герман Вудзиловский, а затем подтвердил Рольф Аман (*R.Ahmann.* S. 26, 38ff.).

[16] См. *Бережков.* Просчет...; *Р.Медведев.* Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939-1941 гг. («Новая и новейшая история», 1989, № 4).

[17] См. новейшие соображения об этом, высказанные В.Фалиным, М.Семирягой и Л.Безыменским в ходе дискуссии круглого стола на страницах журнала «Вопросы истории» (1989, № 6, с. 332) и Л.Поздеевой в «Правде» от 11 августа 1989 г.

[18] *Н.Хрущев.* Воспоминания, т. I, с. 36 — 39. Последовательность его высказываний перемонтирована автором ради более стройного изложения содержания.

[19] *Н.Хрущев.* Воспоминания, т. II, с. 69 и далее.

[20] См. статью Д.М.Проектора в «Известиях» от 29 ноября 1987 г..

[21] См. статью Ф.Майера в журнале «Шпигель» от 7 августа 1989 г. (с. 94).

[22] Тема эта будет центральной в моей работе, посвященной усилиям, прилагаемым германской дипломатией в России для предотвращения войны. Публикация должна увидеть свет в июне 1991 г..

[23] *C.Burckhardt.* Memorabilien. Erinnerungen und Begegnungen. München, 1977, S. 279.

Ингеборг Фляйшхауэр

ПАКТ
Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии.
1938–1939

Редакторы русского текста
Г.П. Бляблин, Е.И. Селиванова
Художник *Ю.Н. Егоров*
Технические редакторы *Л.Н. Шупейко, М.Г. Юханова*
Корректор *Г.А. Локшина*

ИБ № 19206

Сдано в набор 27.11.90. Подписано в печать с РОМ 31.01.91
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 30,0. Усл. кр.-отт. 30,0
Уч.-изд. л. 35,37. Тираж 50 000 экз. Заказ № 841
Цена 6 р. 40 к. Изд. № 47514

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Прогресс" Государственного комитета
СССР по печати.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

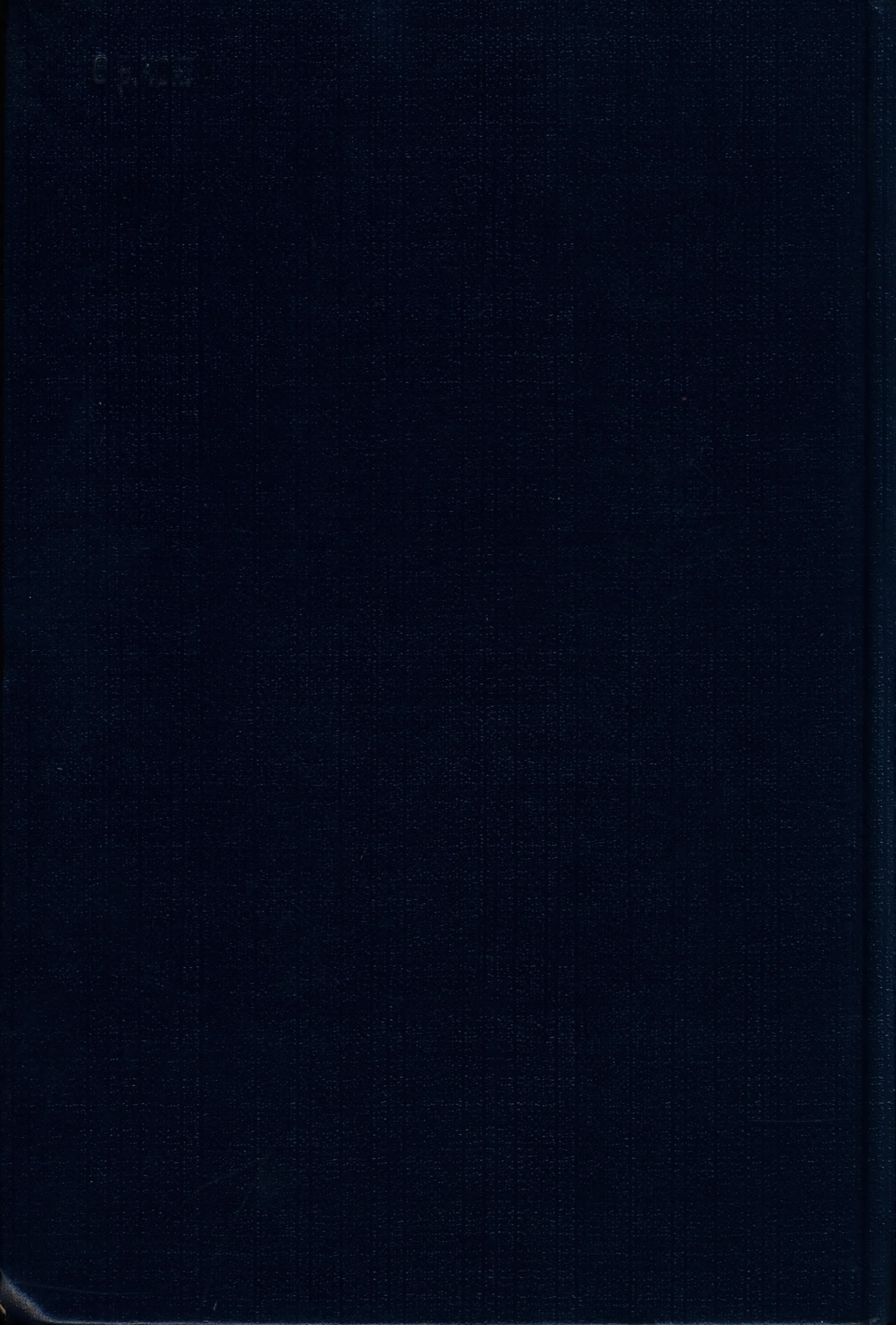
Ордена Трудового Красного Знамени Московская
типография № 7 "Искра революции"
В/О "Совэкспорткнига" Государственного
комитета СССР по печати.
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9

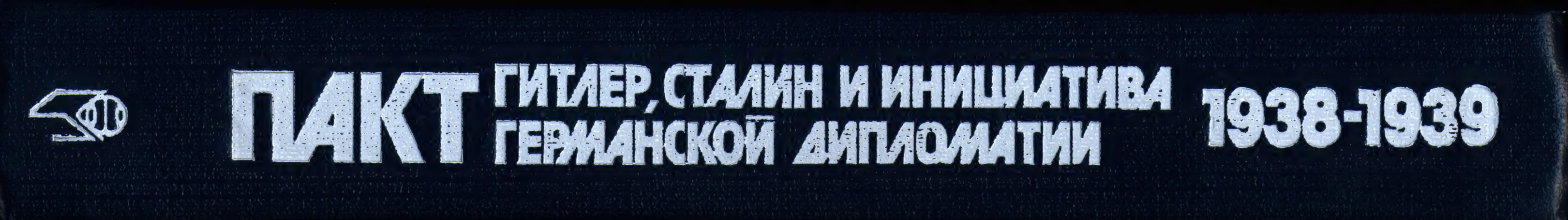
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРОГРЕСС»

ВЫХОДИТ В СВЕТ

ЦУКМАЙЕР К. **Будто частица меня самого... Пер. с нем.**

В книге воспоминаний Карла Цукмайера (1896—1977) — одного из крупнейших немецкоязычных драматургов — рассказывается о выстраданном и пережитом: о судьбе страны и народа, о судьбах близких друзей (среди них Стефан Цвейг, Томас Манн, Бертольд Брехт, Федор Шаляпин и др.). За хроникой богатой событиями и значительными встречами жизни автора встает ярчайшая картина жизни Европы и мира первой половины XX в.
Рекомендуется широкому кругу читателей.

ПАКТ
ГИТЛЕР, СТАЛИН И ИНИЦИАТИВА
ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
1938-1939